Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

МАЙ-ИЮНЬ
КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Редакция
номера закончена
25-го мая.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. Л. Д. Троцкий. О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЛИТИКЕ Р. К. П. . . . . I—XIV
2. ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА К А. М. ГОРЬКОМУ 1908—1913 г. . . . 1
3. Г. Баммель. У ИСТОКОВ МАРКСИЗМА 48
4. А. Дивильковский. СТАРОЕ СТУДЕНЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ РЕВОЛЮЦИИ 66
5. М. Рейснер. ФРЕЙД И ЕГО ШКОЛА О РЕЛИГИИ (окончание) . . 81
6. Ф. Шмидт. ЖИВОПИСЬ, ВАЯНИЕ и ЗОДЧЕСТВО 107

7—11. ОБОЗРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСКУССТВ.

7. С. Обручев. ОСТРОВСКИЙ и ЧИЖЕВСКИЙ 131
8. Я. Бенни. И. БАБЕЛЬ 135
9. П. Марков. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ МОСКВЫ 1923—24 г. 139
10. Федоров-Давыдов. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ . . 148
11. Л. Сабанеев. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ 157

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. В. Невского, Б. Горева, А. Неусыхина, М. Зеликмана 163
II. Литература о Ленине. Вяч. Полонского 168
III. Империализм и международная политика. М. Павловича, П. Китайгородского, Доливо-Добровольского 170
IV. Литература о Германии. М. Брагинского 177
V. Экономические науки и народное хозяйство. М. Зеликмана, С. Членова, А. Чекина, А. Хавина, Н. Рогожина, Ю. Спасского . . . 178
VI. Женское движение. Е. Арборе-Ралли 188
VII. Профессиональное и рабочее движение. В. Яроцкого, А. Чекина, М. Зеликмана 193
VIII. История.
1. Всеобщая история. И. Стеллецкого, Н. Щербакова.
2. История революционного движения на Западе. А. Альшевского, Г. Гордона, И. Ильинского . . . 197
3. История революционного движения в России. М. Клевенского, Б. Козьмина, А. Аросева, В. Ногина, Д. Фурманова, Г. Лелевича, К. Зличенко, А. Чекина . 200
IX. История культуры. В. Никольского 211
X. Философия и психология. Г. Баммеля 213
XI. Военное дело. М. Павловича, В. Чеботаревского, С. Белицкого, Ф. Раскольникова 215

Стр.

XII. Науки о природе. Проф. А. Крубера, А. Михайлова, Ф. Крашенинникова, проф. А. Иванцова, Г. Вульфа, проф. С. Бастамова . . 222

XIII. Народы и страны. И. Звавича, А. Иоаннисиани, И. Рейснера, проф. П. Преображенского, В. Кряжина 229

XIV. Теория и история литературы. Н. Кашина, В. Переверзева, Д. Благого, Н. Бельчикова, М. Клевенского, Н. Фатова 234

XV. Художественная литература. Г. Лелевича, М. Эйхенгольца, В. Волькенштейна, Л. Розенталя, Г. Айгустова, И. Аксенова, К. Локса, А. Юрлова, В. Полянского, В. Вешнева, Н. Асеева 249

XVI. Искусства. Н. Щербакова, проф. А. Некрасова, В. Адарюкова, А. Стрелкова, В. Волькенштейна, Федорова-Давыдова, С. Бугославского, И. Корницкого, Г. Жидкова, Л. Фабриканта 264

XVII. Заметки о журналах. Р. Шора, И. Ильинского 281

XVIII. Письмо в редакцию В. Шкловского. 284

XIX. Литературная Хроника. I.—С.С.С.Р. Инст. К. Маркса и Ф. Энгельса. Коммунистическая Академия. Пушкинск. Комис. О-ва Любителей Росс. Слов. Совещание при Агитпроп. отделе Ц. К. о художеств.-литер. политике II. На Западе. Германия. Новые книги. Переводы с русского. Англия. Новые материалы по истории литературы. Новые исторические книги. Научные работы и другие. Переводы с русского. Книги по общественным вопросам. Америка. Худ. литература, биографии, искусство. Кино-инсценировки романов. Издания по общ. вопросам. Книги о России. Переводы. Выставка русск. худож. Русская б-ка в Вашингтоне . 285

В книге 11 иллюстраций в тексте.

Маска Ленина, работы скульптора С. Д. Меркурова—на вкладном листе.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЛИТИКЕ Р. К. П. *).

Л. Троцкий.

(Речь на совещании при ЦК. Р. К. П. о литературе 10 мая 1924 года).

Тов. Троцкий. Мне думается, что наиболее отчетливо точку зрения группы «На посту» выразил здесь тов. Раскольников — от этого вы не уйдете, товарищи-напостовцы! После долгой отлучки Раскольников выступал здесь со всей афганистанской свежестью, тогда как другие напостовцы немножко вкусили от древа познания и наготу свою стараются прикрыть, кроме, впрочем, тов. Вардина, который в чем родился, в том и живет.

Вардин. Да ведь вы не слышали, что я здесь говорил!

Троцкий. Верно, я пришел позже. Но, во-первых, я прочитал вашу статью в последнем номере «На посту», во-вторых, я только что пробежал стенограмму вашей речи, а в-третьих, должен сказать, что можно, и не слыша вас, знать заранее, что вы скажете. (*Смех.*) Но вернемся к тов. Раскольникову. Он говорит: нам рекомендуют попутчиков, а разве старая, довоенная «Правда» или «Звезда» печатала произведения Арцыбашева, Леонида Андреева и других, которых теперь непременно объявили бы попутчиками. Вот вам образчик свежего, необремененного размышлениями подхода к вопросу. При чем тут Арцыбашев и Андреев? Насколько я знаю, они никем не были объявлены попутчиками. Леонид Андреев умер в состоянии эпилептической ненависти к Советской России. Арцыбашев был не так давно попросту выслан за границу. Нельзя же так безбожно путать! Кто такой попутчик? Попутчиком мы называем в литературе, как и в политике, того, кто, ковыляя и шатаясь, идет до известного пункта по тому же пути, по которому мы с вами идем гораздо дальше. Кто идет *против* нас, тот не попутчик, тот враг, того мы при случае высылаем за границу, ибо благо революции для нас высший закон. Каким

*) *От редакции:* В виду того, что статья тов. Троцкого поступила тогда, когда уже было приступлено к печатанию первых листов книги, помещаем ее впереди текста с отдельной нумерацией страниц.

же образом вы можете припутывать к вопросу о попутчиках Леонида Андреева? (*Раскольников.* Ну, а как же насчет Пильняка?) Если вы будете говорить об Арцыбашеве, а думать о Пильняке, я не могу с вами полемизировать. (*Смех.*) (*Возглас*: Не все ли равно?) Как так, не все ли равно? Если вы называете имена, то вы должны и отвечать за них. Хорош ли Пильняк или плох, чем хорош и чем плох,— но Пильняк есть Пильняк, и о нем нужно говорить, как о Пильняке, а не как о Леониде Андрееве. Познание вообще начинается с различения вещей и явлений, а не с их хаотического смешения... Раскольников говорит: «Мы не звали в «Звезду» и «Правду» попутчиков, а искали и находили поэтов и литераторов в толщах пролетариата». Искали и находили! В толщах пролетариата! Но куда же вы их девали? Почему вы их от нас скрываете? (*Раскольников:* Они есть, например, Демьян Бедный.) Ах, вот как, а я и не знал, признаться, что Демьян Бедный открыт вами в толщах пролетариата. (*Общий смех.*) Вот видите, с каким багажом мы подходим к вопросам литературы: говорим о Леониде Андрееве, а думаем о Пильняке; хвалимся, что нашли в толщах пролетариата литераторов и поэтов, а на поверку за всю «толщу» отвечает один Демьян Бедный. (*Смех.*) Нельзя же так. Это легкомыслие. Нужно побольше серьезности в этом вопросе.

Попробуем, в самом деле, более серьезно подойти к тем дореволюционным рабочим изданиям, газетам и журналам, о которых здесь упоминалось. Мы все помним, что там было не мало стихов, посвященных борьбе, первому мая и пр. Все эти стихи в сумме своей были очень важными и значительными культурно-историческими документами. Они знаменовали революционное пробуждение и политический рост класса. В этом смысле культурно-историческое их значение не меньше, чем значение произведений Шекспиров, Мольеров и Пушкиных всего мира. В этих беспомощных стихах — залог новой, более высокой человеческой культуры, которую создадут пробужденные массы, когда овладеют основными элементами старой культуры. Но, тем не менее, рабочие стихи «Звезды» и «Правды» еще отнюдь не означают возникновения новой пролетарской литературы. Нехудожественные вирши державинского или додержавинского стиля никак не могут оцениваться, как новая литература, хотя те мысли и чувства, которые искали себе выражение в этих стихах, и принадлежат начинающим писателям из среды рабочего класса. Неверно думать, будто литературное развитие представляет собою неразрывную цепь, в которой наивные, хотя бы и искренние вирши молодых рабочих начала этого столетия являются первым звеном будущей «пролетарской литературы». На самом деле, эти революционные стихи были политическим фактом, а не литературным. Они содействовали не росту литературы, а росту революции. Революция привела к победе пролетариата, победа пролетариата ведет к преобразованию экономики. Преобразование экономики меняет культурный облик трудящихся масс. А культурный рост трудящихся создает настоящую базу для новой литературы и вообще для нового искусства. «Но нельзя же допускать двойственности, — говорит нам тов. Раскольников, — нужно, чтобы в наших изда-

ниях публицистика и поэзия представили собою одно целое; большевизм отличается монолитностью» и пр. На первый взгляд это соображение кажется неотразимым. На деле же оно представляет бессодержательную абстракцию. В лучшем случае, это — благочестивое, но не реальное благопожелание. Конечно, было бы великолепно, если бы мы имели в дополнение к нашей коммунистической политике и публицистике большевистское мироощущение, выраженное в художественной форме. Но этого нет и нет совсем не случайно. Суть дела в том, что художественное творчество, по самой сути своей, отстает от других способов выражения духа человека, а тем более класса. Одно дело понять что-нибудь и логически выразить, а другое дело органически усвоить это новое, перестроить порядок своих чувств и найти для этого нового порядка художественное выражение. Второй процесс органичнее, медленнее, труднее поддается сознательному воздействию и в последнем счете всегда запаздывает Публицистика класса бежит вперед на ходулях, а художественное творчество ковыляет сзади на костылях. Ведь Маркс и Энгельс были великими публицистами пролетариата в тот период, когда класс еще по-настоящему не пробуждался. (*С места*: Да, это-то правильно.) Я вам очень благодарен. (*Смех*.) Но потрудитесь же сделать из этого необходимые выводы и понять, почему нет этой монолитности между публицистикой и поэзией, а это облегчит нам, в свою очередь, понимание того, почему в старых легальных марксистских журналах мы всегда оказывались в блоке, или в полу-блоке с художественными попутчиками, иногда очень сомнительными, а то и просто фальшивыми. Вы помните, конечно, «Новое Слово» — лучший из старых легальных марксистских журналов, в котором сотрудничали многие из марксистов старшего поколения, в том числе и Владимир Ильич. Журнал этот, как известно, вел дружбу с декадентами. Чем это объяснялось? Тем, что декаденты были в ту пору молодым и гонимым течением буржуазной литературы. И эта гонимость толкала их в сторону нашей оппозиционности, которая имела, конечно, совсем иной характер. Но все же декаденты оказались нашими временными попутчиками. И дальше, марксистские журналы (о полумарксистских и говорить нечего), вплоть до «Просвещения», не имели какого-либо «монолитного» художественного отдела и отводили широкое место попутчикам. Можно было быть в этом отношении строже или снисходительнее, но монолитной политики в области искусства проводить нельзя было за отсутствием необходимых для этого художественных элементов.

Но Раскольникову этого по существу и не требуется. В художественных произведениях он игнорирует как раз то, что и делает их художественными. Это ярче всего выразилось в его замечательном суждении о Данте. «Божественная комедия», по его мнению, ценна для нас именно тем, что позволяет понять психологию определенного класса определенной эпохи. Ставить вопрос так — значит, просто вычеркивать «Божественную комедию» из области искусства. Может-быть, и пора это сделать, но только нужно тогда ясно понять суть вопроса и не бояться выводов.

Если я говорю, что значение «Божественной комедии» в том, что она дает мне понимание настроения определенных классов в определенную эпоху, то тем самым я превращаю ее только в исторический документ, ибо как художественное произведение «Божественная комедия» должна говорить кое-что моим собственным чувствам и настроениям. Комедия Данте может действовать на меня угнетающе, питать во мне пессимизм, уныние, или, наоборот, приподнимать меня, окрылять, ободрять... Вот это и есть основное взаимоотношение между читателем и художественным произведением. Конечно, ничто не запрещает читателю выступить в качестве исследователя и отнестись к «Божественной комедии» только как к историческому документу. Ясно, однако, что эти два подхода лежат в двух разных плоскостях, которые связаны между собою, но не покрываются друг другом. Каким же образом мыслимо не историческое, а непосредственно эстетическое отношение между нами и средневековым итальянским произведением? Объясняется это тем, что у классового общества, несмотря на всю его изменчивость, имеются некоторые общие черты. Развившиеся в средневековом итальянском городе произведения искусства могут, как оказывается, заражать и нас. Что для этого требуется? Немногое: требуется, чтобы эти чувства и настроения получили такое широкое, напряженное, могущественное выражение, которое поднимало бы их над ограниченностью тогдашней жизни. Конечно, и Данте — продукт определенной социальной среды. Но Данте — гений. Он поднимает переживания своей эпохи на огромную художественную высоту. И если мы, относясь ныне к другим средневековым художественным произведениям только как к объекту изучения, к «Божественной комедии» подходим, как к источнику художественного восприятия, то происходит это не потому, что Данте был флорентийским мелким буржуа XIII столетия, а в значительной мере, несмотря на это обстоятельство. Возьмем, например, такое элементарное физиологическое чувство, как страх смерти. Само это чувство свойственно не только людям, но и животным. У людей оно нашло сперва простое членораздельное, а затем и художественное выражение. В разные эпохи, в разной социальной среде это выражение менялось, т.-е. люди боялись смерти по-разному. И тем не менее, то, что по этому поводу сказано не только у Шекспира, Байрона, Гете, но и у псалмопевца, способно заражать нас (*возглас тов. Либединского*). Да, да, я как раз пришел в тот момент, когда вы, тов. Либединский, объясняли тов. Воронскому в терминах политграмоты (вы сами так выразились) насчет изменчивости чувств и настроений у разных классов. В такой общей форме это бесспорно. Однако, все же вы не станете отрицать, что Шекспир и Байрон кое-что говорят нашей с вами душе. (*Либединский*: Скоро перестанут говорить.) Скоро ли — не знаю, но, несомненно, наступит эпоха, когда люди будут относиться к произведениям Шекспира и Байрона так же, как мы к средневековым поэтам, т.-е. исключительно под углом зрения научно-исторического анализа. Еще раньше, однако, наступит время, когда люди перестанут искать в «Капитале» Маркса поучений для своей практической

деятельности, и «Капитал» станет только историческим документом, как и программа нашей партии. Но сейчас-то мы с вами не собираемся еще сдавать в архив Шекспира, Байрона, Пушкина, и чтение их будем рекомендовать рабочим. Тов. Сосновский, например, усиленно рекомендует Пушкина, заявляя, что лет на пятьдесят его еще непременно хватит. Не будем говорить о сроках. Но в каком смысле мы можем рекомендовать рабочему Пушкина? Классовой пролетарской точки зрения у Пушкина нет, монолитного выражения коммунистических настроений и подавно. Конечно, у Пушкина превосходный язык, что и говорить, но ведь язык этот служит у него для выражения дворянского мироотношения. Скажем ли мы рабочему: читай Пушкина, чтобы понять, как дворянин, владелец крепостных душ и камер-юнкер, встречал весну и провожал осень? Конечно, и этот элемент есть у Пушкина, ибо Пушкин вырос на определенном социальном корне. Но то выражение, которое Пушкин давал своим настроениям, так насыщенно художественным и вообще психологическим опытом веков, так обобщено, что его хватило на наше время и, по словам тов. Сосновского, хватит еще лет на пятьдесят. И когда мне говорят, что художественное значение Данте для нас определяется тем, что он выражает быт определенной эпохи, то приходится только развести руками. Я уверен, что многим, как и мне, пришлось бы за чтением Данте весьма и весьма напрячь память, чтобы вспомнить время и место его рождения, и, тем не менее, это не помешало бы получить художественное наслаждение, если не от всей «Комедии», то, по крайней мере, от некоторых ее частей. Поскольку я не историк средневековой культуры, у меня отношение к Данте преимущественно художественное. (*Рязанов*: Это уж преувеличение. «Данте читать—что в море купаться»—так против Белинского выразился Шевырев, который тоже был против истории.) Я не сомневаюсь, что Шевырев действительно так выразился, как говорит тов. Рязанов, но я не против истории,—это напрасно. Конечно, исторический подход к Данте законен и необходим и влияет на наше эстетическое к нему отношение, но нельзя одно подставлять вместо другого. Мне вспоминается, что писал по этому поводу Кареев в полемике с марксистами: пускай, дескать, они, марксиды (так тогда иронически величали марксистов), покажут нам, какими такими классовыми интересами продиктована «Божественная комедия». А с другой стороны, итальянский марксист, старик Антонио Лабриола, писал, примерно, так: «Пытаться истолковывать текст «Божественной комедии» накладными на то сукно, которое отправляли своим заказчикам флорентийские купцы, могут только дураки». Выражение такое помню почти дословно, ибо в полемике с субъективистами мне приходилось не раз цитировать эти строки в старые годы. Думаю, что тов. Раскольников не только к Данте, но и вообще к искусству подходит не с марксистским критерием, а с критерием покойного Шулятикова, который дал в этой области карикатуру на марксизм. Против такой карикатуры и сказал свое крепкое слово Антонио Лабриола.

тарской культуре, но ведь он осуждал именно болтовню, а мы вот не болтаем, а серьезно взялись за дело и даже подбоченились... при этом только забывается, что резкие свои осуждения Ленин направлял как раз против тех, которые на него ссылаются. Пустосвятства, повторяю, сколько угодно; сошлись на Ленине, а поступай наоборот.

Товарищи, выступающие здесь под фирмой пролетарской культуры, относятся к тем или другим идеям, в зависимости от того, как авторы этих идей относятся к их пролеткультским кружкам. Это я проверил на своей собственной судьбе. Книга моя о литературе, которая причинила столько тревоги кое-каким товарищам, появилась первоначально, как некоторые, может-быть, помнят, в виде статей в «Правде». Писал я эту книгу в течение двух лет, во время двух каникулярных перерывов. Это обстоятельство, как сейчас увидим, имеет значение для интересующего нас вопроса. Когда появилась, в виде фельетонов, первая часть книги, трактовавшая о внеоктябрьской литературе, о попутчиках, о мужиковствующих, вскрывавшая ограниченность и противоречивость идейно-художественной позиции попутчиков, тогда напостовцы прямо подняли меня на щит: куда ни взглянешь, везде цитаты из моих статей о попутчиках. Я одно время ходил весьма удрученный. (*Смех.*) Моя оценка попутчиков, повторяю, считалась чуть не безупречной, сам Вардин нигде не возражал. (*Вардин с места:* И сейчас не возражаю.) Вот я это самое и говорю. Но почему же теперь вы только и делаете, что косвенно, обиняками полемизируете по поводу попутчиков? В чем тут собственно дело? На первый взгляд совершенно непонятно. А разгадка проста: вина моя не в том, что я неправильно определил социальную природу попутчиков или их художественное значение,— нет, тов. Вардин и сейчас, как мы слышали, «не возражает», — вина моя в том, что я не поклонился манифестам «Октября» или «Кузницы», не признал за этими предприятиями монопольного представительства художественных интересов пролетариата,—словом, не отождествил культурно-исторических интересов и задач класса с намерениями, планами и претензиями отдельных литературных кружков. Вот в чем моя вина. И когда это обнаружилось, тогда поднялся неожиданный по своей запоздалости вопль: Троцкий — за мелкобуржуазных попутчиков. За попутчиков ли я или против? В каком смысле за и в каком смысле против? Об этом вы знали почти два года тому назад из моих статей о попутчиках. Но тогда вы соглашались, хвалили, цитировали, одобряли. А когда год спустя оказалось, что моя критика попутчиков вовсе не есть простое вступление к тому, чтобы поднять на щит тот или другой сегодняшний ученический литературный кружок, тут-то литераторы и защитники этого кружка, или, вернее, этих кружков, и стали что-то такое мудрить насчет моего будто бы неправильного отношения к попутчикам. О, стратеги! Преступление мое не в том, что я неправильно оценил Пильняка или Маяковского, — ничего тут напостовцы не прибавили, а только повульгарнее повторили уже сказанное, — престу-

пление мое в том, что я задел их собственную литературную мануфактуру. Да, именно литературную мануфактуру! Во всей их бранчливой критике нет и тени классового подхода. Тут подход конкурирующего литературного кружка — и только.

Я упомянул о «мужиковствующих», а мы слышали тут, что напостовцы эту главу особенно одобряют. Мало одобрять, надо понять. В чем тут дело с мужиковствующими попутчиками? А дело в том, что явление это вовсе не случайное и не маленькое и не скоропреходящее. У нас, извольте не забывать, диктатура пролетариата в стране, населенной, главным образом, мужиками. Интеллигенция меж этих двух классов, как между жерновов, понемножку растирается и снова возникает и не может быть растерта в конец, т.-е. сохранится, как «интеллигенция», еще долго, до полного развития социализма и очень значительного подъема культуры всего населения страны. Интеллигенция обслуживает рабоче-крестьянское государство, подчиняется пролетариату, отчасти за страх, отчасти за совесть, колеблется и будет колебаться в зависимости от хода событий и ищет своими колебаниями идейной опоры в крестьянстве, — отсюда советская литература мужиковствующих. Каковы ее перспективы? Враждебна ли она нам в корне? Путь этот — к нам или от нас? А это зависит от общего хода развития. Задача пролетариата состоит в том, что, сохраняя всестороннюю гегемонию над крестьянством, привести его к социализму. Если бы мы потерпели на этом пути неудачу, т.-е. если бы между пролетариатом и крестьянством произошел разрыв, то и мужиковствующая интеллигенция, вернее, девяносто девять процентов всей интеллигенции, повернулись бы враждебно против пролетариата. Но такой исход ни в коем случае не обязателен. Курс мы держим, наоборот, на то, чтобы привести крестьянство под руководством пролетариата к социализму. Путь этот очень и очень длительный. В процессе его и пролетариат и крестьянство будут выделять свою новую интеллигенцию. Не нужно думать, что интеллигенция, выдвинутая из пролетариата, является тем самым на сто процентов пролетарской интеллигенцией. Уже тот факт, что пролетариат вынужден выделять из себя особый слой «культурных работников», означает неизбежно большую или меньшую культурную разобщенность между отсталым классом в целом и выдвинутой им интеллигенцией. Тем более это относится к крестьянской интеллигенции. Путь крестьянства к социализму совсем не тот, что путь пролетариата. И поскольку интеллигенция, даже архисоветская, не способна слить свой путь с путем пролетарского авангарда, постольку она стремится найти для себя опору, политическую, идейную, художественную — в мужике, реальном или воображаемом. Тем более это проявляется в художественной литературе, где у нас есть старая народническая традиция. За нас это или против нас? Повторяю: ответ целиком зависит от всего дальнейшего хода развития. Если приведем крестьянина на пролетарском буксире к социализму, — а мы твердо верим, что приведем, — тогда и творчество мужиковствующих вольется сложными и извилистыми путями в будущее

социалистическое искусство[1]). Вот эту сложность вопросов и в то же время ее реальность и конкретность напостовцы, да и не они одни совершенно не поняли. В этом их основная ошибка. Разговаривать о попутчиках вне этой социальной основы и перспективы — значит просто языки чесать.

Позвольте, товарищи, сказать еще несколько слов о тактике тов. Вардина в области литературы, взяв хотя бы за основу его последнюю статью «На посту». По-моему это не тактика, а скандал. Тон чудовищно высокомерен, а знаний и понимания убийственно мало. Нет понимания искусства, как искусства, т.-е. как особой, специфической области человеческого творчества. Нет и марксистского понимания условий и путей развития искусства. Взамен этого есть недостойное жонглирование цитатами из заграничных белогвардейских органов, которые, видите ли, похвалили тов. Воронского за издаваемые им произведения Пильняка, или должны были похвалить, или сказали кое-что такое, что направлено против Вардина и, стало-быть, за Воронского, и прочее и прочее — в том же духе косвенных улик, которые должны возместить недостаток знания и понимания. Последняя статья тов. Вардина построена на том, что белогвардейская газета одобрила Воронского против Вардина, написавши, что весь бой пошел как только Воронский стал относиться к литературе с литературной точки зрения. «Тов. Воронский своим политическим поведением, — так говорит Вардин, — этот белогвардейский поцелуй вполне заслужил». Но ведь это инсинуация, а не анализ вопроса. Если Вардин собьется в таблице умножения, а Воронский в этом совпадает с белогвардейцем, знающим арифметику, то тут для политической репутации Воронского ущерба еще нет. Да, к искусству надо относиться, как к искусству, к литературе, как к литературе, т.-е. как к совершенно специфической области человеческого творчества. Конечно, у нас есть классовый критерий и в искусстве, но этот классовый критерий должен быть художественно преломлен, т.-е. сообразован с совершенно специфической особенностью того творчества, к которому мы наш критерий применяем. Буржуазия это прекрасно знает, она тоже подходит к искусству со своей классовой точки зрения, она умеет получить от искусства то, что ей нужно, но именно благодаря тому, что она подходит к искусству, как к искусству. Что же

---

[1]) На ряду с этим основным классовым соотношением у нас теперь, в связи с ростом буржуазии на основании НЭП'а, происходит — по старым наезженным колеям — восстановление буржуазной идеологии, которая, конечно, захлестывает и художественное творчество. В этом именно смысле я писал в своей книге, что на ряду с гибкой и дальнозоркой политикой в области художества нам необходима решительная и суровая, разумеется, не мелочная цензура. Это значит: на ряду с постоянной идейной борьбой за влияние на лучшие творческие элементы мелкобуржуазной, крестьянской или мужиковствующей интеллигенции, нам необходима суровая политическая борьба со всякими попытками реставраторов подчинить буржуазному влиянию новое советское искусство.

Л. Т.

мудреного, если художественно-грамотный буржуа неуважительно относится к Вардину, который подходит к искусству с точки зрения косвенных политических улик, а не с художественно-классовым критерием? И если мне чего совестно, так не того, что у меня в этом споре может оказаться формальное совпадение с каким-либо понимающим искусство белогвардейцем, а того, что я вынужден перед лицом этого белогвардейца разъяснять рассуждающему об искусстве партийному публицисту первые буквы в азбуке искусства. Какая-то вообще дешевка: вместо марксистского анализа вопроса, найти цитату из «Руля» или «Дней» и вокруг нее наворачивать брань и инсинуации.

Нельзя подходить к художеству так, как к политике, — не потому что художественное творчество есть священнодействие и мистика, как здесь кто-то иронически говорил, а потому, что оно имеет свои приемы и методы, свои законы развития и, прежде всего, потому, что в художественном творчестве огромную роль играют подсознательные процессы— более медленные, более ленивые и менее поддающиеся управлению и руководству—именно потому, что они подсознательные. Здесь было сказано, что те вещи Пильняка, которые ближе к коммунизму, слабее тех его вещей, которые политически дальше от нас. Чем это объясняется? Да именно тем, что в рационалистическом плане Пильняк опережает себя, как художника. Сознательно повернуть себя вокруг собственной оси хотя бы только на несколько градусов — это для художника труднейшая задача, нередко связанная с глубоким, иногда со смертельным кризисом. А перед нами стоит задача не индивидуального или кружкового, а классового, социального поворота творчества. Это процесс — длительный, многосложный. Когда мы говорим о пролетарской литературе не в смысле отдельных, более или менее удачных стихотворений или рассказов, а в том, несравненно более полновесном смысле, в каком мы говорим о буржуазной литературе, мы не имеем права ни на минуту забывать чрезвычайную культурную отсталость подавляющего большинства пролетариата. Искусство создается на основе постоянного бытового, культурного, идейного взаимодействия между классом и его художниками. Между аристократией или буржуазией, и ее артистами не было повседневного разрыва. Художники жили и живут в буржуазной обстановке, вдыхают в себя воздух буржуазных салонов, получали и получают от своего класса повседневные подкожные внушения. Этим-то и питаются подсознательные процессы их творчества. Представляет ли современный пролетариат такую культурно-идейную среду, не выходя из которой в повседневной жизни новый художник мог бы получать все необходимые ему внушения и овладевать в то же время приемами своего мастерства? Нет, рабочие массы культурно чрезвычайно отсталы; малограмотность и безграмотность большинства рабочих представляет уже сама по себе величайшие препятствия на этом пути. А сверх того, пролетариат, поскольку он остается пролетариатом, вынужден лучшие свои силы расходовать на политическую борьбу, на восстановление хозяйства и на элементарнейшие культурные потребности, на борьбу

с безграмотностью, вшивостью, сифилисом и пр. Конечно, можно и политические методы и революционные навыки пролетариата назвать его культурой; но это, во всяком случае, та культура, которой предстоит отмирать по мере того, как будет развиваться новая, настоящая культура. А эта новая культура будет тем более становиться культурой, чем менее пролетариат будет оставаться пролетариатом, т.-е. чем успешнее и полнее будет развертываться социалистическое общество.

Маяковский написал очень сильную вещь «Тринадцать апостолов», революционность которой еще довольно туманна и бесформенна. А когда тот же Маяковский решил повернуть себя на пролетарскую линию и написал «150 миллионов», у него получились жесточайшие рационалистические провалы. Это значит, что он в порядке логическом обогнал свою творческую подоплеку. У Пильняка, как мы уже говорили, наблюдается подобное же несоответствие между сознательным устремлением и подсознательными процессами творчества. К этому нужно только добавить, что и архипролетарское происхождение само по себе не дает писателю в нынешних условиях никаких гарантий того, что творчество его будет находиться в органической связи с классом. И кружок пролетарских писателей этой гарантии не дает именно потому, что он, отдаваясь художественному творчеству, вынужден в данных условиях вырываться из среды своего класса и дышать той же, в конце-концов, атмосферой, что и попутчики. Это — литературный кружок среди кружков.

Я насчет так называемой перспективы еще хотел сказать, но время мое давно истекло. (*Голоса:* Просим, просим.) «Дайте нам, по крайней мере, перспективу», возражают мне. Что это значит? Напостовцы, да и другие союзные им кружки, держат курс на пролетарскую литературу, создаваемую кружковым лабораторным путем. Вот эту перспективу я отвергаю целиком. Я снова повторяю, что нельзя ставить в один исторический ряд феодальную литературу, буржуазную и пролетарскую. Такая историческая классификация в корне порочна. Я об этом говорил в своей книге, и все возражения показались мне неубедительными и несерьезными. Те, кто говорят о пролетарской культуре всерьез и надолго, которые из пролетарской культуры делают платформу, мыслят в этом вопросе по формальной аналогии с буржуазной культурой. Буржуазия взяла власть и создала свою культуру; пролетариат, овладев властью, создаст пролетарскую культуру. Но буржуазия — класс богатый и потому образованный. Буржуазная культура существовала уже до того, как буржуазия формально овладела властью. Буржуазия овладела властью, чтобы увековечить свое господство. Пролетариат в буржуазном обществе — неимущий и обездоленный класс и потому культуры своей создать не может. Овладев властью, он только впервые по-настоящему и убеждается в своей ужасающей культурной отсталости. Чтобы победить ее, ему нужно уничтожить те условия, которые сохраняют его, как класс. Чем больше можно будет говорить о новой культуре, тем меньше она будет носить классовый характер. В этом — основа вопроса и главное разногласие, поскольку речь идет о перспективе.

Иные, отступая с принципиальной позиции пролетарской культуры, говорят: мы имеем в виду именно только переходную эпоху к социализму, те самые двадцать, тридцать, пятьдесят лет, в течение которых будет перестраиваться буржуазный мир. Можно ли предназначенную и пригодную для пролетариата литературу, которая будет в этот период создаваться, назвать пролетарской литературой? Во всяком случае мы придаем при этом термину «пролетарской литературы» совсем, совсем не то значение, что в первом, широком замысле. Но главный вопрос не в этом. Основной чертой переходного периода, взятого в международном масштабе, является напряженная классовая борьба. Те двадцать-пятьдесят лет, о которых мы говорим, являются прежде всего периодом открытой гражданской войны. А гражданская война, подготовляющая величайшую культуру будущего, крайне неблагоприятна для сегодняшней культуры. Непосредственным своим действием Октябрь как бы убил литературу. Поэты и художники замолчали. Случайно? Нет. Давно сказано: когда звенит оружие, молчат музы. Понадобилась передышка, чтобы могла ожить литература. Она у нас начинает возрождаться вместе с НЭП'ом. Ожив, она сразу окрашивается цветом попутчиков. Нельзя не считаться с фактами. Наиболее напряженные моменты, т.-е. те, в которых наша революционная эпоха находит свое высшее выражение, неблагоприятны для литературного и вообще художественного творчества. Если завтра начнется революция в Германии или в Европе, даст ли она нам непосредственный расцвет пролетарской литературы? Ни в каком случае. Она сдавит, сожмет, а не развернет художественное творчество, ибо нам снова придется мобилизоваться и поголовно вооружиться. А когда звенит оружие, тогда музы молчат. (*Возгласы:* Демьян не молчал.) Да нельзя же, в конце-концов, так: Демьян да Демьян. Вы начинаете с того, что провозглашаете новую эру пролетарской литературы, создаете для этого кружки, ассоциации, группировки, а когда от вас требуют более конкретного предъявления пролетарской литературы, вы раз за разом ссылаетесь на Демьяна. Но Демьян— продукт старой литературы, до-октябрьской. Никакой школы он не создал и не создаст. Он воспитывался на Крылове, Гоголе и Некрасове. В этом смысле он революционный последыш старой нашей литературы. Самая ссылка на него есть в ваших устах отказ от себя.

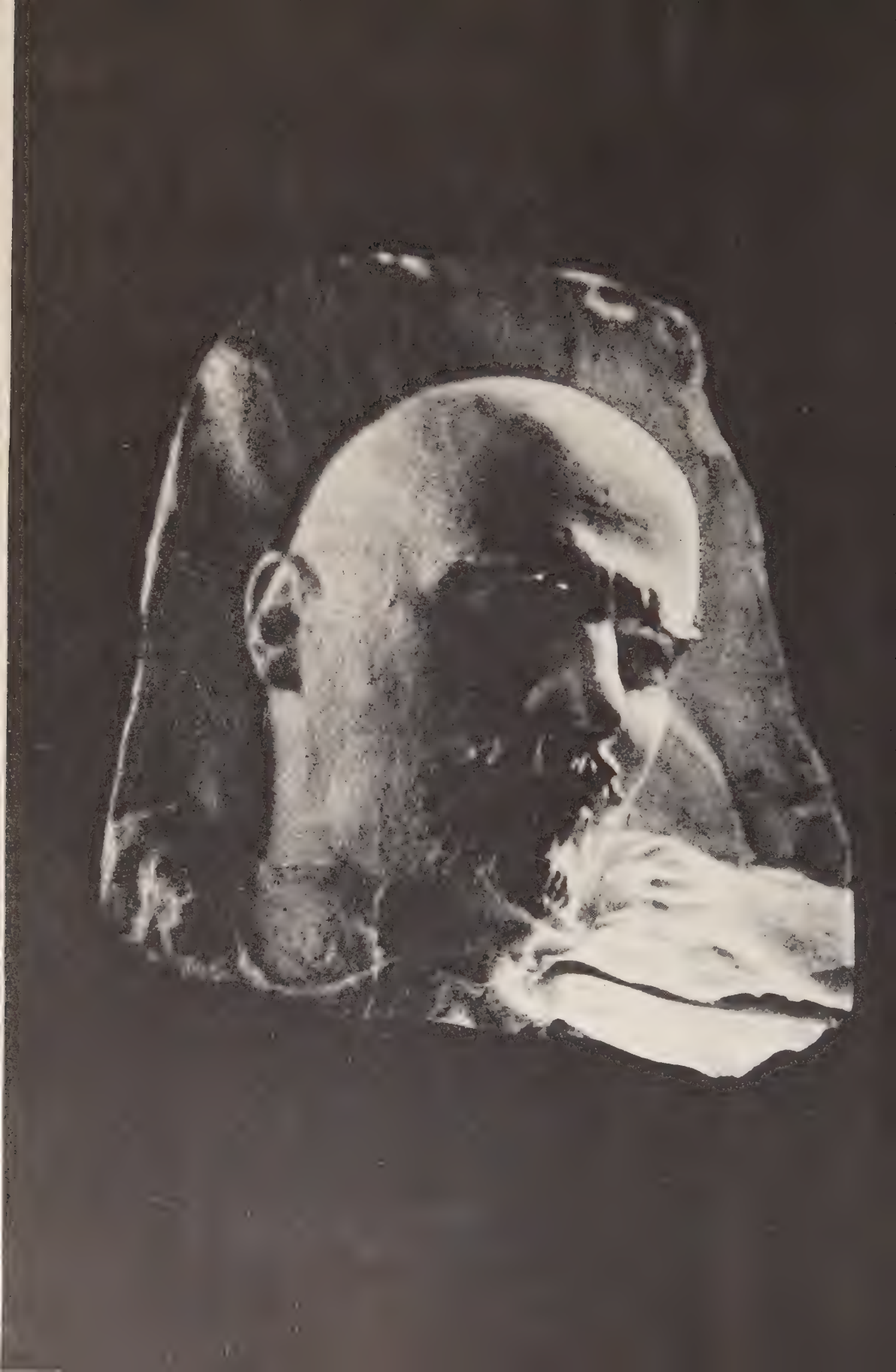
Какова же перспектива? Основная перспектива — рост грамотности, просвещения, рабкоры, кино, постепенная перестройка быта, дальнейший подъем культурности. Это основной процесс, пересекающийся с новыми обострениями гражданской войны уже в европейском и мировом масштабе. На этой основе линия чисто литературного творчества будет весьма зигзагообразна. «Кузница», «Октябрь» и другие подобные объединения ни в каком еще смысле не являются вехами культурного классового творчества пролетариата, а лишь эпизодами верхушечного характера. Если из этих группировок выделится несколько хороших молодых поэтов или беллетристов — пролетарской литературы от этого еще не получится, но польза будет. Но если вы будете тщиться превра-

щать МАПП и ВАПП в фабрики пролетарской литературы, то вы непременно сорветесь, как уже срывались до сих пор. Член такой ассоциации считает себя не то представителем пролетариата при искусстве, не то представителем искусства при пролетариате. ВАПП дает как бы некоторое звание. Возражают, что ВАПП это есть только коммунистическая среда, где молодой поэт получает необходимые внушения и пр. Ну, а РКП? Если это действительный поэт и подлинный коммунист, то РКП всей своей работой даст ему несравненно больше внушений, чем МАПП и ВАПП. Конечно, партия должна и будет с величайшим вниманием относиться к каждому молодому родственному, идейно-близкому ей художественному дарованию. Но основной ее задачей в отношении литературы и культуры «является подъем грамотности простой, политической, научной — трудящихся масс» и тем самым создание базы для нового искусства.

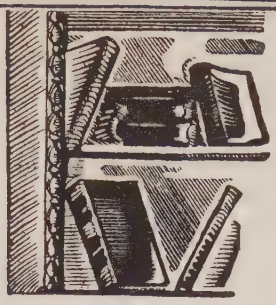
Я знаю, что эта перспектива вас не удовлетворяет. Она вам кажется недостаточно конкретной. Почему?—Потому, что вы себе представляете дальнейшее развитие культуры слишком планомерно, слишком эволюционно: будут, дескать, расти и развиваться нынешние зачатки пролетарской литературы, непрерывно обогащаясь, будет создаваться подлинная пролетарская литература, затем она вольется в социалистическую литературу. Нет, развитие пойдет не так. После нынешней передышки, когда у нас — не в партии, а в государстве—создается литература, сильно окрашенная попутчиками, наступит период новых жестоких спазм гражданской войны. Мы будем неизбежно вовлечены в нее. Весьма возможно, что революционные поэты дадут нам хорошие боевые стихи, но преемственность литературного развития все же резко оборвется. Все силы пойдут на прямую борьбу. Будем ли мы потом иметь вторую передышку? Не знаю. Но результатом этого нового, гораздо более мощного периода гражданской войны — при условиях победы — будет полное обеспечение и укрепление социалистической базы нашего хозяйства. Мы получим новую технику, организаторскую помощь. Наше развитие пойдет иным темпом. И вот на этой-то основе, после зигзагов и потрясений гражданской войны, только и начнется настоящее строительство культуры, а следовательно, и создание новой литературы. Но это уже будет культура социалистическая, построенная целиком на постоянном общении художника и культурно выросших масс, связанных узами солидарности. Вы же исходите не из этой перспективы; у вас своя, кружковая. Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально усыновила вашу маленькую худсжественную мануфактуру. Вы думаете, что, посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить древо пролетарскей литературы. На этот путь мы не встанем. Из фасоли никакого древа произрасти не может.

ЛЕНИН.

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА, СНЯТАЯ СКУЛЬПТОРОМ
С. Д. МЕРКУЛОВЫМ.



СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА К А. М. ГОРЬКОМУ 1908—1913 гг.*).

(Женева-Париж-Краков-Берн-Поронин).

С предисловием и примечаниями Л. Каменева.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Друг или враг,—всякий, кто ознакомится с этими письмами, признает, что в них мы имеем замечательнейший документ нашей замечательной эпохи. Многие из этих писем посвящены эпизодам, сравнительно с пережитыми после того событиями, казалось бы, второстепенным или во всяком случае потерявшим интерес. И, действительно, эпизоды эти забылись или забудутся, но то, как реагировал на них Ленин, осталось, останется и войдет важнейшим элементом в созидающуюся культуру рабочего класса.

Произошло это потому, что дробные осколки жизни, вызывавшие письма Ленина, освещены в них концентрированным светом одной, всеобъемлющей и до конца продуманной идеи,—идеи революционного освобождения человечества от всей гнили, мерзости и хлама, которые оно в себе накопило. В свете этой идеи отдельные факты будничной, повседневной борьбы вливаются в общий поток развертывающихся грандиозных исторических событий, приобретают исторический смысл и значение.

В письмах Ленина нет ни торжественных слов, ни приподнятого стиля «исторического деятеля»; они просты, естественны, часто шутливы, всегда «деловиты», написаны как бы с разгона, «единым махом», прозрачны и ясны до конца,—а вместе с тем, перелистывая их, ясно ощущаешь величие той работы, мощь той умственной энергии, случайными и дробными отражениями которых являются письма Ленина. Это как бы блестящие осколки, оставшиеся на рабочем столе великого мастера мысли.

Поневоле любуешься силой, точностью, ясностью и гибкостью великого ума, следя за тем, как он ставит и решает любой попавший в поле его зрения вопрос, и вдруг ясно видишь блеск стального клинка, вскрываю-

*) Печатаются с разрешения Института В. И. Ленина из «Ленинского сборника» Ин-та.

щего до дна тот или другой сложнейший вопрос человеческой мысли или истории. Никакой запутанности, никаких неясностей, никакой внешней «красивости», никакой фразеологии: поразительная четкость политической мысли, поражающая и покоряющая способность любой вопрос текущей жизни связать ясным переходом с основными положениями общего мировоззрения и кардинальными задачами исторической эпохи.

Для автора писем рабочее движение, строительство рабочей партии не что-то вне его стоящее, чему он «служит», для чего он «работает»: нет, он слит с этим делом до конца, для него органически—физиологически, можно сказать,—невозможно отделить личную, «субъективную» оценку и оценку с точки зрения хода мирового движения пролетариата: в личности Ильича эти две оценки слились в нерушимое единство. Никогда и нигде ни самомалейшей трещины или щели между личными вкусами, интересами и точками зрения и интересами или точками зрения развертывающегося исторического процесса.

Именно это единство придает какую-то монументальную значительность даже отдельным замечаниям писем Ильича, несмотря и вопреки их внешней простоте и как бы случайности. Чем больше вникаешь в эти замечания, тем больше понимаешь, что устами Ленина говорит новый, поднимающийся к жизни и борьбе исторический пласт, миллионы, для которых необязательны никакие установленные точки зрения, никакие авторитеты, которые ищут и находят *свой* подход ко всем вопросам истории и жизни.

Поэтому-то в письмах Ильича перед нами подлинные документы новой, созидающейся в борьбе пролетарской культуры. Поэтому же эти письма—документы *войны*, неустанной, изо дня в день ведущейся войны нового класса на идеологическом фронте. Не даром Владимир Ильич некоторые свои письма сам называет «бешеными».

Боевой дух, готовность в каждый момент броситься в бой за подлинные ценности рабочего класса, дух негодования и возмущения против всякой попытки приукрасить старую идейную гниль и привить ее рабочему классу—проникают все письма Владимира Ильича. Идейная беспощадность составляет их характерную черту.

Ленин, великий мастер практических «компромиссов», когда эти компромиссы навязывались революционной целесообразностью, был всегда величайшим врагом «компромиссов» в области идей. Готовый принять деловой союз «с чортом и с его бабушкой», когда этого требовал ход революционного движения, Ленин никогда не допускал ни малейшего «соглашательства» в области идей, в области теории, в области научного социализма. «Врозь итти, вместе бить», «раньше размежеваться, потом соглашаться»—эти постоянные формулы ленинской тактики понимались им всегда в том смысле, что какое бы то ни было практическое временное соглашение рабочего класса с чуждыми ему силами требует, как предварительного условия, точности, чистоты, определенности его собственной линии. А это, в свою очередь, требовало величайшей беспощадности ко всякой попытке внести в идеологию рабочего класса чуждые ему элементы. Здесь источник тех непрестанных «бешеных» боев, которые

вел Ильич на идейном фронте и которые так сильно и ярко отразились в его письмах к Горькому. «Я лучше позволю себя четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей», писал Ленин Горькому о проповеди своего недавнего единомышленника.

Как некогда, на заре русского освободительного движения, завет непримиримости, провозглашенный «неистовым Виссарионом», Белинским, и его отказ сесть за один стол с «филистимлянами» отразил революционный разрыв демократии с дворянско-буржуазной идеологией, так—через 75 лет—«бешеная» борьба Ленина против всех элементов буржуазной идеологии, его «сектантство» и «раскольничество», его идейная беспощадность явились необходимым и спасительным условием формирования подлинно-революционной идеологии борющегося пролетариата.

«Сопоставьте *все* это в целом,—писал Ленин Горькому,—*всю* сумму идейных течений 1908—1912 годов у с.-р., трудовиков, беззаглавцев, кадетов, с тем, что было и есть у с.-д. (кто-нибудь, когда-нибудь, историк, вероятно, сделает эту работу непременно), и вы увидите, что *все*, буквально все вне с.-д-ов решали *те же самые*, буквально те же самые вопросы, из-за которых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

О «склоке» у с.-д. любят кричать буржуа, либералы, с.-р., которые к «больным вопросам» относятся *несерьезно*, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница с.-д. от всех них та, что у с.-д. склокой облечена борьба групп с *глубокими* и ясными идейными корнями, а у *них* склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна. Никогда, ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у с.-д. на прилизанную пустоту и убожество с.-р. и К°».

Письма Ленина к Горькому написаны в самую глухую, самую гнетущую эпоху рабочего движения. Когда, в начале 1908 г., после поражения первой революции Владимир Ильич вернулся в опостылевшую Женеву,—«как в гроб»,—говорил он Надежде Константиновне, потянулись долгие годы контр-революции, годы распада движения, явных и тайных измен, ренегатства, ликвидаторства и уныния. Но ни одной ноты уныния, сомнения или колебания мы не найдем в письмах Ильича. Они поражают своей бодростью, тоном глубокого убеждения в возрождении движения, уверенностью, что через громадные жертвы, на новых путях, в новой обстановке, но рабочее движение *осилит* лежащие на его пути затруднения, что, несмотря ни на что, «будет на нашей улице праздник!»

И как характерны для Владимира Ильича, рядом с этой абсолютной уверенностью в конечном торжестве своего дела, радостные отклики на каждый мельчайший шажок рабочего движения: с какой несдерживаемой радостью сообщает Ильич Горькому о выходе рабочего журнальчика, о приезде «хорошего парня»—рабочего из России, о победе большевиков в профессиональном союзе или страховой кассе.

Глубокая, органическая, корневая ненависть к мещанству, ко всякому мещанству—и прежде всего к мещанству идейному—и рево-

люционная страсть, двигавшая Владимиром Ильичем, нашли свое выражение в десятках статей Владимира Ильича. Но в письмах к Горькому она выразилась, быть-может, свободнее, непринужденнее и потому яснее, чем где-либо в другом месте.

Именно потому, что это—письма другу, набросанные между делом и безо всякой мысли об их возможном опубликовании, Ленин встает в них перед нами не столько как политический вождь, как руководитель партии, а как *Ильич*, как человек. Документов, которые дали бы возможность сотням и тысячам людей подойти к личности Владимира Ильича, к основным чертам его духовного облика, бесконечно меньше, чем документов, рисующих его как ученого, вождя, политика. Их очень и очень мало. Между этими очень малочисленными документами письма к Горькому—одни из важнейших.

Владимир Ильич не только ценил А. М. Горького, как величайшего художника новой революционной России. В Горьком Ленин видел могучего союзника в общем деле, соратника, который борется другим оружием, но бьется против того же врага и за ту же цель. Оружие Горького—художественное слово—Владимир Ильич оценивал очень высоко и придавал ему громадное значение. Тем большую горячность проявлял Владимир Ильич, когда ему казалось, что оружие это направляется неправильно, что союзник стреляет мимо цели. Чем более высоко ценил Владимир Ильич силу Горького, чем более *хотел* он видеть Горького рядом с собой в общей борьбе, тем внимательнее относился он к каждому его литературно-политическому выступлению, тем заботливее предупреждал его об опасностях тех идейных трясин, которые окружают путь выработки пролетарской идеологии.

Но Владимир Ильич не только ценил Горького, он попросту любил его, как крупного человека, как выходца из тех самых «низов», в торжестве которых Владимир Ильич видел очередной этап истории человечества. Подлинный интерес и привязанность к Горькому сквозят в письмах Владимира Ильича. Еще яснее высказывалось это Владимиром Ильичем в устных беседах... Все это создавало известный тон отношений Владимира Ильича к А. М. Горькому, тон дружеской откровенности и искренней заинтересованности.

Теми замечательными документами, которые лежат перед нами, рабочий класс обязан не только тому, что их писал Ленин, но и тому обстоятельству, что у Ленина был такой корреспондент, как Горький. Это обстоятельство и делает из писем Ленина к Горькому не только ценный комментарий к его печатным произведениям, но и ценнейший документ для познания Ленина как человека. На этих письмах величайшего вождя революционных масс к великому художнику революционной эпохи будут учиться длинные поколения пролетарской молодежи и пролетарской интеллигенции всего мира. Они войдут в железный инвентарь новой пролетарской культуры.

Л. Каменев.

ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА К А. М. ГОРЬКОМУ.

Письмо 1.

9. I. 08. Женева.

Дорогой А. М.! На-днях приехал я сюда с женой [1]). Оба в дороге простудились. Здесь устраиваемся кое-как, пока временно и поэтому все плохо. Очень обрадовало меня Ваше письмо: действительно, важно было бы закатиться на Капри! Непременно как-нибудь улучу время, чтобы съездить к Вам. Но теперь, к сожалению, невозможно. Приехали мы сюда с поручением поставить газету: перенести сюда «Пролетарий» из Финляндии. Еще не решено окончательно, Женеву ли мы выберем или другой город. Во всяком случае надо спешить и возни с новым устройством масса. Вот летом бы или весной собраться к Вам погостить, когда дело будет уже в ходу! Когда у Вас особенно хорошо на Капри?

Как здоровье? Как себя чувствуете? Хорошо ли работается? Слыхал проездом в Берлине, что Вы с Лунач[арск]им совершили турнэ по Италии и в частности в Риме. Довольны ли Италией? много ли русских видаете?

К Вам приехать, я думаю, лучше тогда, когда у Вас не будет большой работы, чтобы можно было шляться и болтать вместе.

Получили ли мою книгу (первый том собрания статей за 12 лет)? Я поручил из Питера послать Вам ее.

Большущий привет М. Фед-вне [2]). До свидания!

Ваш *Н. Ленин.*

Адрес мой: Mr. Wl. Oulianoff.
17, Rue des deux Ponts. 17, (chez Küpfer) Genève.

[1]) После возвращения с Лондонского Съезда партии (апрель—май 1907 г.) Владимир Ильич жил под Петроградом в Финляндии, в поселке Куоккала (на даче «Ваза»). В связи с начавшимися арестами в Териоках (соседнее местечко, тоже служившее убежищем для русских революционеров) большевистский центр постановил перенести за границу издание «Пролетария». Тов. Ленину, а также А. А. Богданову, Малиновскому и Иннокентию (Иосифу Федоровичу Дубровинскому) поручено было выехать за границу для руководства «Пролетарием». Владимир Ильич выехал из Куоккала в самом конце ноября или—самое позднее—в начале декабря, недели 2 провел в Стокгольме в ожидании Надежды Константиновны, выехавшей позже, дня 3—4 пробыл в Берлине и приехал в Женеву 6—7 января 1908 г. н. ст.

[2]) М. Фед-вна (М. Ф. в последующих письмах) — Мария Федоровна Андреева, жена А. М. Горького.

Письмо 2.

15. I. 08.

Дорогие А. М. и М. Ф.!

Получил сегодня Ваш экспресс. Удивительно соблазнительно, черт побери, забраться к Вам на Капри! Так Вы это хорошо расписали, что ей богу соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Проле-

---

Примечание. В квадратные скобки включены слога и буквы в словах, сокращенных Владимиром Ильичем. В квадратные же скобки включены даты писем, когда они не даны Владимиром Ильичем, а установлены редакцией.

Даты в письмах все по новому стилю.

тарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, minimum. А сделать это необходимо. К весне же закатимся пить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами. Я кстати по-итальянски начал учиться и, как учащийся, сразу набросился на написанный М. Ф-ой адрес: expresso вместо espresso! Давать сюда словарь!

Ну, а насчет перевозки «Пролетария», это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф-не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) Найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда и куда* ходят пароходы; *как часто*. Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно*. Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам **аккуратного** (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-н[и]б[у]д[ь] итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф-не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда спишемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2—3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» [1]) и отправить его надо немедленно.

Ну—до свиданья на Капри! Смотрите, А. М., будьте здоровы [2])!

Ваш *В. Ульянов.*

[1]) Выпуск «Пролетария» затянулся. № 21 «Пролетария» (первый номер, выпущенный за границей, в Женеве) вышел 26 февраля н. ст., т.-е. только через 5 недель после данного письма Владимира Ильича.

[2]) Одновременно с этим письмом Владимиром Ильичем было послано письмо А. В. Луначарскому, жившему вместе с А. М. Горьким на Капри. Письмо это печатается в «Добавлениях» (I).

Письмо 3.

2. II. 08.

Дорогой А. М.!

Пишу Вам по двум делам. Во-1-х, по делу Семашко. Если Вы *не* знаете его лично, то Вам не стóит вмешиваться по нижеследующему поводу. Если знаете, стóит.

Л. Мартов поместил в Бернской с.-д. газете «заявление», где говорит, ч[то] Семашко не был делегатом на Штуттг[артском] конгрессе, а просто *журналистом*. Ни слова об его принадлежности к с.-д. партии. Это—подлая выходка меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму [1]). Я уже послал свое официальное заявление как представитель Р. С.-Д. Р. П. в Междунар[одное] Бюро. Если вы знаете Семашко лично или знали в Нижнем, то *непременно* напишите тоже в эту газету, что Вас возмущает заявление Мартова, что Вы лично знаете Семашко, как с.-д., что Вы убеждены в его непричастности к делам, раздуваемым международной полицией! Ниже я привожу адрес газеты и полный текст Мартовского заявления, которое Вам переведет М. Ф. В редакцию Вы напишите по-русски сами, а М. Ф. попросите приложить немецкий перевод.

2-ое дело. Мы теперь съехались здесь все трое, посланные из России ставить «*Пролетарий*» (Богданов, я и один «практик») [2]). Все нала-

жено, на-днях выпускаем анонс [3]). В сотрудники ставим Вас. Черкните пару слов, могли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанстве из «Новой Жизни»* [4]) или отрывки из повести, к[ото]рую пишите, и т. п.).

Крепко жму руку. Привет большой М. Ф-не!

Ваш *В. Ульянов.*

В газете «Berner Tagwacht» (адрес редакции: Kapellenstrasse, 6. Bern. Орган с.-д.) № 24 от 30 января 1908 помещено следующее:

«*Erklärung.* In einigen Zeitungen stand zu lesen, dass der unlängst in Genf verhaftete D-r Simaschko ein Delegierter der Genfer Gruppe der russischen Sozialdemokratie in Stuttgart gewesen sei. Dem gegenüber erkläre ich, dass D-r Simaschko nicht Mitglied der russischen Section auf dem genannten Kongresse war und kein Delegiertenmandat besessen hat. Er war dort nur als Journalist tätig.

L. Martoff. Delegierter der russischen Sozialdemokratie auf dem Stuttgarter Kongress» [5]).

Все. Подлость тут в том, что косвенно якобы отряхается прах, отрекается социалдемократия от Семашко!

[1]) Н. А. Семашко, с.-д. с начала 90-х гг., был арестован в Женеве, в конце января 1908 г. Международный Социалистический Конгресс в Штуттгарте происходил в августе 1907 г.

[2]) «Практик»—Иосиф Федорович Дубровинский («Инок», «Иннокентий»).

[3]) «Анонса» в распоряжении Института Ленина не имеется.

[4]) «Новая Жизнь»—первая легальная большевистская газета, издававшаяся в Петербурге в конце 1905 г. (№ 1 вышел в четверг 27 октября (10 ноября) 1905 г.). Редактировалась с № 6 от 2/15 ноября непосредственно Лениным. Закрыта после напечатания манифеста Петербургского Совета Раб. Депутатов (№ 28, суббота, 3/16 декабря 1905 г.). В ней в №№ 1 (от 27 октября 1905 г.); 4 (от 30 октября 1905 г.); 12 (от 13 ноября 1905 г.); 18 (от 20 ноября 1905 г.) Максим Горький поместил «Заметки о мещанстве», направленные против антиреволюционного духа русской интеллигенции и вызвавшие большое возмущение среди последней.

[5]) Перевод выдержки из газеты «Berner Tagwacht».

«*Заявление.* В некоторых газетах можно было прочесть, что д-р Семашко, недавно арестованный в Женеве, был делегатом женевской группы русской социалдемократии в Штуттгарте. В опровержение этого я заявляю, что д-р Семашко не являлся членом русской секции на упомянутом конгрессе и никакого делегатского мандата не имел. Он участвовал на конгрессе в качестве журналиста.

Л. Мартов—делегат русской Социал-Демократии на Штуттгартском конгрессе»

Письмо 4.

13. II. 08.

Дорогой Ал. М—ч!

Я думаю, что кое-что из возбужденных Вами вопросов о наших разногласиях—прямо недоразумение. Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию», как делают глупенькие синд[икали]сты, или отрицать ее необходимость для раб[очего] движения. По всем *этим* вопросам у нас *не может* быть расхождения; я в этом твердо уверен и, раз нельзя сейчас съехаться, необходимо начинать работать вместе сразу. На работе легче всего и лучше всего споемся окончательно.

Ваш план писать маленькие вещи для «*Прол[етария]*» (анонс Вам послан) меня очень и очень радует. Но, разумеется, раз есть большая работа, *не отрывайтесь.*

Насчет Троцкого хотел Вам прошлый раз ответить, да забыл. Мы (т.-е. здешняя редакция «Пролетария», Ал. Ал. [Богданов], я и «Инок»

[Дубровинский]—очень хороший коллега из б[ольш]е[ви]ков русских) сразу решили пригласить его в «Прол[етарий]». Написали письмо, наметили и предложили одну тему. Подписали *по общему согласию* «редакция Пролетария», желая поставить дело на более коллегиальную почву (у меня, напр., лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903—5 годах, когда он был ме[ньшеви]ком). Троцкий обиделся, что ли, на эту форму, не знаю, но прислал письмо, писанное не им: «по поручению тов. Троцкого» извещалась редакция «*Прол[етария]*», что он писать отказывается, занят.

Это—позерство, по-моему. И на Лонд[онском] съезде он держался позером. Не знаю уж, пойдет ли он с б[ольш]е[ви]ками...

Ме[ньшеви]ки выпустили здесь анонс о ежемесячном «Голосе Социал-Демократа» за подписью Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова. Достану его и пришлю Вам. Борьба может обостриться. А Троцкий хочет стоять «выше борющихся фракций»...

Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу. Именно не о «матер[иалистическом] понимании истории» (его не отрицают наши «эмпирио») [1]), а о философском материализме. Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы—анархизмом,—это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, *везде у них в загоне*. «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философ[ского] ма[териали]зма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков. Чтобы из *того* материализма, которому учили Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! Все мещанские течения в социалдемократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог. Плеханов вредит этой философии, связывая *тут* борьбу с фракционной борьбой, но ведь теперешнего Плеханова ни один русский с[оциал]д[емократ] не должен смешивать со старым Плехановым.

Ал. Ал. [Богданов] сейчас только ушел от меня. Передам ему паки и паки насчет «съезда» [2]). Ежели настаиваете,—можно на пару дней устроить и вскоре [3]).

Жму руку. *Ленин.*

[1]) «Наши эмпирио», т.-е. эмпириокритики и эмпириомонисты (А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский). О ходе разногласий с ними, см. сл. письмо Владимира Ильича (№ 5).

[2]) А. М. Горький предлагал устроить встречу находившихся за границей литераторов-большевиков для совместного обсуждения наметившихся разногласий. Об этом предполагавшемся, но не состоявшемся «съезде» говорится и в следующих письмах.

[3]) Одновременно с этим письмом Владимир Ильич написал и отправил письмо А. В. Луначарскому, касающееся тех же тем. Мы даем это письмо в «Добавлениях» (II).

Письмо 5.

25. II. 08.

Дорогой А. М.! На письмо Ваше не ответил немедленно, ибо по поводу Вашей статьи [1]) или в некоторой связи с ней вышла у нас, как это ни странно на 1-ый взгляд, довольно тяжелая драка с Ал. Ал. [Богдановым] в редакции... Гм., Гм... я говорил *не в том* месте и *не* по тому поводу, где Вы думали!

Дело вышло так.

Книга «Очерки философии м[аркси]зма» [2]) сугубо обострила давние разногласия среди б[ольш]е[ви]ков по вопросам философии. Я не считаю себя достаточно компетентным по этим вопросам, чтобы торопиться выступать печатно. Но следил я всегда за нашими *партийными* прениями по философии внимательно,—начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К⁰ в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами 1898 и след. годы (тут уже я не только следил, но частью и участвовал, как член редакции *Зари* с 1900 года), наконец борьба его же с эмпириокритиками и К⁰.

За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Истор[ическом] взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири [3]). Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, при чем мы сразу презентовали друг другу: я—«Шаги» [4]), он — одну свою *тогдашнюю* философ[скую] работу [5]). И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова.

С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов разъяснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим. Превосходно помню, что летом 1903 года мы с Плех[ановым] от имени редакции *Зари* беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения» [6]) в Женеве, при чем *согласились* сотрудничать, я—по агр[арному] вопросу, Плеханов *по философии против Маха*. Выступление свое против Маха Плеханов ставил *условием* сотрудничества,—каковое условие делегат редакции «Очерков» вполне принимал. Плеханов смотрел тогда на Богданова как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как б[ольш]е[ви]ки и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социалдемократии (=большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь,—кажется III вып. эмпириомонизма [7]). Летом 1906 г. он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Лунач[арскому] в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на-днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки [8]).

Теперь вышли «Очерки ф[илосо]фии м[аркси]зма». Я прочел все статьи, кроме Суворовской (ее читаю) [9]), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты [10]) в болото. Уверять

читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм),—учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский),—объявлять мистикой Энгельсовское учение о диалектике (Берман),—черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов»—агностиков или метафизиков, черт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж черезчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии неначитанные,—но зачем уж так нас обижать, что подобную вещь нам преподносить, как ф[илосо]фию м[аркси]зма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о ф[илосо]фии» и я их начал писать, а Ал[ександру] Ал[ександрови]чу [Богданову]—в процессе моего чтения «Очерков»—я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо.

При чем же тут Ваша статья?—Вы спросите. А при том, что как раз в такое время, когда сии расхождения среди б[ольш]е[ви]ков грозили особенно обостриться, Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для «*Пролетария*». Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того, я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая *этого* рода воззрения и из своего художественного опыта и *из философии хотя бы идеалистической*, Вы можете притти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу. Все это так. И, тем не менее, «Пролетарий» должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии, не давая читателям *ни тени повода* связывать б[ольш]е[ви]ков, как направление, как тактическую линию революционного крыла русских с. д., с эмпириокритицизмом или эмпириомонизмом.

Когда я, прочитав и перечитав Вашу статью, сказал А. А. [Богданову], что я против ее помещения, тот стал темнее тучи. У нас прямо нависла атмосфера раскола. Вчера [11]) мы собрали нашу редакционную тройку в специальное заседание для обсуждения вопроса. Тут нам внезапно пришла на помощь одна глупая выходка в журнале «Neue Zeit». В № 20 неизвестный переводчик поместил там статью Богданова о Махе, при чем в предисловии ляпнул, что разногласия Плеханова и Богданова имеют тенденцию среди русских с. д. стать *фракционным* разногласием б[ольш]е[ви]ков и ме[ньшеви]ков [12])! Этими словами писавший сие предисловие дурак или дура нас сплотили. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере «*Пролетария*». Это до нельзя соответствовало моему настроению после выхода «Очерков». Заявление составили, единогласно утвердили, завтра оно выходит в № 21 *Прол[етария]* и посылается Вам [13]).

Относительно же Вашей статьи решили отложить вопрос о ней, изложив Вам в трех письмах каждого из трех редакторов *Пролетария* все положение дела и ускорив поездку мою и Богданова к Вам.

Вы, значит, имеете получить письмо и от Ал. Ал. [Богданова] и от третьего редактора [Дубровинского], о коем я Вам писал раз раньше.

Мое мнение я считаю необходимым сказать Вам вполне прямо. Некую драку между б[ольш]е[ви]ками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Но раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии

определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор *без разногласий* (единственное разногласие было о бойкоте 3-ей Думы) [14]), но оно, во-1-х, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, напр., махист Базаров был, как и я, против бойкота и написал об этом (большой фельетон в «Пролетарии») [15]).

Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социалдемократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и б[ольш]е[ви]ки, как фракция *партии, не были этим задеты.* И это вполне возможно.

И Вам следует, по-моему, этому помочь. А помочь Вы можете тем, что будете работать в *Прол[етарии]* по нейтральным (т.-е. ничем с философией несвязанным) вопросам литературной критики, публицистики и худож. творчества и т. д. Статью же свою,—если Вы хотите помешать расколу и помочь локализировать новую драку,—Вам бы следовало переделать: все, хоть косвенно связанное с Богдановской философией, перенести в другое место. Вам, слава богу, есть где писать помимо «*Прол[етария]*». Все, несвязанное с философией Богданова,—а у Вас *большая* часть статьи с ней не связана—изложить в ряде статей для «*Пролетария*». Иное поведение с Вашей стороны, т.-е. отказ переделки статьи или отказ сотрудничать в «Пролетарии», поведет, по-моему, неизбежно, к обострению конфликта среди б[ольш]е[ви]ков, к затруднению локализации новой драки, к ослаблению насущного, практически и политически необходимого дела революционных с.д. в России.

Таково мое мнение. Я Вам сказал все, что думал, и буду теперь ждать Вашего ответа.

Ехать к Вам мы хотели сегодня, но оказалось, что пришлось отложить не менее, как на неделю, а может быть на две—на три.

Жму крепко руку.

Ваш *В. Ленин.*

[1]) Статья Горького нам неизвестна. Написана она была для «Пролетария». Содержание ее выясняется из дальнейшего изложения Владимира Ильича.

[2]) Книга «Очерки по философии марксизма» вышла в 1908 г. (СПБ. изд. «Зерно»). Содержание: *В. Базаров:* «Мистицизм и реализм нашего времени». *Берман:* «О диалектике». *Луначарский:* «Атеисты», *П. Юшкевич:* «Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма». *Богданов*: «Страна идолов и философия марксизма». *И. Гельфонд:* «Философия Дицгена и современный позитивизм». *С. Суворов:* «Основания социальной философии».

[3]) Книга Ал. Ал. *Богданова* «Основные элементы исторического взгляда на природу» вышла в 1899 г., в Москве. Владимир Ильич в это время был в ссылке.

[4]) Брошюра «Шаг вперед, два назад», вышедшая в Женеве в мае 1904 г. (перепечатана в Собрании сочинений, V том, стр. 303—490).

[5]) Речь идет о книге *А. А. Богданова* «Эмпириомонизм». Ч. I. СПБ. 1904.

[6]) Марксистский сборник «Очерки реалистического мировоззрения», направленный против народников и ревизионистов, вышел в 1904 г. Содержание: *С. Суворов:* «Основы философии жизни». *А. Луначарский:* «Основы позитивной эстетики». *В. Базаров:* «Авторитарная метафизика и автономная личность». *А. Богданов:* «Обмен и техника». *П. Маслов:* «Об аграрном вопросе». *А. Финн:* «Промышленный капитализм в России за последнее десятилетие». *П. Румянцев:* «Эволюция русского крестьянства». *Н. Корсак* (А. Богданов) «Общество правовое и общество трудовое». *В. Фриче*: «Социально-психологические основы натуралистического импрессионизма». *В. Шулятиков:* «Восстановление разрушенной эстетики». Статей Плеханова и Ленина в сборнике не появлялось.

[7]) А. А. Богданов был арестован 2 (15) декабря 1905 г. при аресте Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Книгой, написанной им в тюрьме, действительно, был «Эмпириомонизм», ч. III. СПБ. 1906.

[8]) Судьба этих «тетрадок» нам неизвестна. Среди переданных в Институт материалов заграничного архива Владимира Ильича их нет. Институт, в виду ос

важности этих «тетрадок» для истории философских взглядов Владимира Ильича, был бы глубоко благодарен товарищам, которые могли бы указать Институту на следы этих «тетрадок».

[9]) Владимир Ильич, видимо, читал статьи сборника в порядке их расположения. Статья *Суворова:* «Основания социальной философии» (стр. 291—328) последняя в сборнике.

[10]) «Эмпириосимволизмом» назвал свою систему — вариацию эмпириокритицизма—участник сборника П. Юшкевич.

[11]) Т.-е. 24 февраля 1908 г.

[12]) Статья Богданова о Махе, о которой идет речь у Владимира Ильича, озаглавлена: «Ernst Mach und die Revolution» (Эрнст Мах и революция) von A. Bogdanoff, «Neue Zeit», I Band. № 20 (14 февраля 1908, стр. 695—700).

[13]) В № 21 «Пролетария», вышедшем и помеченном 26 февраля 1909 г., помещено следующее заявление от редакции:

«В № 20 «Neue Zeit» в предисловии неизвестного нам переводчика статьи А. Богданова об Эрнсте Махе мы прочитали следующее: «в русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьезные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно: согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?» По поводу этого редакция «Пролетария», как идейная представительница большевистского течения, считает необходимым заявить следующее: «В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений.

[14]) Ленин выступал за участие в 3-ьей Государственной Думе (см. его статью «Против бойкота», Собр. соч., т. VIII, стр. 434—461), А. А. Богданов выступал за бойкот Думы и был выставлен докладчиком «бойкотистов» на партийной конференции в 1907 г.

[15]) Статья Базарова «Парламентский кретинизм наизнанку» помещена без подписи в № 18 «Пролетария» от 26 октября 1907 г.

Письмо 6.

[Март 1908] [1]).

Дорогой А. М.! Давненько я Вам не писал. Поездка наша все оттягивается: сейчас главное препятствие—отсутствие вестей из Брюсселя. Мне написали оттуда друзья, что ждут туда меня на заседание Бюро (Междун[ародного] Социал[истического]). Я запросил секретаря, когда же ехать (ибо мне-де надо в Италию). *Ответа все нет.*

А Брюсселя пропустить нельзя.

Получили ли «*Прол*[етарий]»? Какие же у Вас намерения насчет него? А у Ан. Вас. [Луначарского]? Его отказ писать о коммуне получил с сожалением. Наш третий редактор—*Иннокентий* [Дубровинский]. Черкните, есть ли какие планы у Вас и Ан. Вас. для Пролетария.

Жму руку.
Ваш *Лен*[ин].

[1]) Письмо не датировано. Несомненно, относится к марту 1908 г. и предшествует № 7, датированному 16 марта.

Письмо 7.

16. III. 08.

Дорогой А. М.!

Досадно, что не удается поехать к Вам. Из Брюсселя пришел ответ и тут нет задержки.Но нет денег, нет времени, нельзя бросить газету.

У Вас, как я сужу по тому, что имеете козу и что это факт, настроение хорошее и умоначертание правильное и жизнь нормальная. А у нас не очень клеится. Из-за философии этой с Ал. Ал. [Богдановым] мы вроде

как в ссоре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра—другого и—матерными. А Иннокентий [Дубровинский] ругает, и за дело, за небрежение к «Пролетарию». Недружно идет.

Ну, да иначе нельзя. Перемелется—мука будет.

Огменно было бы, если бы удалось Вам писать для «Прол[етария]» без ущерба для больших работ.

Жму руку и большой привет А[натолию] Вас[ильевичу] и Ма[рии] Фе[доровне].

Ваш *Ленин*.

Письмо 8.

Личное Ал. М-чу.

24. III. 08.

Дорогой А. М.! Получил Ваше письмо насчет драки моей с махистами. Вполне понимаю и уважаю Ваше чувство и должен сказать, что от питерских друзей получаю нечто подобное, но я убежден глубочайше, что вы ошибаетесь.

Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Баз[арова], Богд[анова] и К°), что книга их—нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*.

Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бэй *абсолютно* неизбежен. И партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа не *страдала*. Об этом *Вам* надо позаботиться, и $^{9}/_{10}$ русских б[ольш]е[ви]ков помогут Вам в этом и большое спасибо скажут.

Как это сделать? «Нейтральностью»? Нет. Нейтральности в таком вопросе быть не может и *не будет*. Если можно говорить о ней, то разве в *условном* смысле: надо *отделить* всю эту драку от фракции. До сих пор писали «на стороне», вне фракционных изданий, пишите и дальше так. Только таким образом фракция не будет ангажирована, не будет *впутана*, не будет вынуждена завтра, послезавтра *решать*, *голосовать*, т.-е. превращать драку в хроническую, затяжную, безысходную.

Вот почему я *против* пускания какой бы то ни было философии в журнал [1]). Я знаю, меня за это ругают: хочет рот заткнуть другим, сам еще не разинув рта! Но Вы подумайте хладнокровно.

Журнал с философией № 1—три статьи Баз[арова], Богд[анова], Лунач[арского] против Плех[ано]ва. Одна моя статья, где говорится, что «Оч[ерки] ф[илософии] м[арксиз]ма»=бердяевщина и поповщина.

№ 2—трижды три статьи Богд[анова], Баз[арова], Лунач[арского] против Плех[ано]ва и Ленина в взвинченном тоне. Одна моя статья, где, с другой стороны, доказывается, ч[то] «Оч[ерки] ф[илософии] м[арксиз]ма»=поповщина.

№ 3—вой и руготня!

Я могу написать статей шесть или двенадцать против «Оч[ерков] ф[илософии] м[арксиз]ма», по статье против каждого автора и каждой

стороны их воззрений. Может это так тянуться? Доколе? Не сделает *это* раскола *неизбежным* вследствие обострения и озлобления без конца? Не свяжет *это* фракцию решением: реши же, разберись же, закончи же «дискуссию» вотумом...

Подумайте об этом хорошенько, если боитесь раскола. Возьмутся ли практики распространять книги с таким «боем»? Не лучше ли иной путь: по-старому пишите *на стороне*, вне фракционных изданий. Поделитесь на стороне, фракция *пока* подождет. Если есть возможность *ослабить* неизбежное озлобление, то только так, по-моему.

Вы пишите: ме[ньшеви]ки выиграют от драки. Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, А. М.! Они выиграют, если бековская [2]) фракция не отделит себя от философии трех б[ольш]е[ви]ков. *Тогда* они выиграют окончательно. А если философская драка будет итти вне фракции, то ме(ньшеви)ки будут окончательно сведены на политику и тут им смерть.

Я говорю: *отделить* драку от фракции. Конечно, на живых людях это отделение сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи. Тут помогут практики, тут должны помочь Вы,—тут «психология», Вам и книги в руки. Я думаю, Вы смогли бы тут много помочь,—если, конечно, по прочтении моей книжки против «Очерков» не впадете против меня в такое же бешенство, в какое я впал против них. Подумайте хорошенько насчет журнала и отвечайте мне скорее. Я немного сомневаюсь, стоит ли нам вместе [3]) к Вам ехать *теперь?* Чего тут теребить лишним образом нервы? «Дальние проводы»... а без драки не обойтись. Не лучше ли без длинных переговоров и торжественных и никчемных съездов порешить попроще дело о журнале? Это я Вам только задаю вопросы, ч[то]бы посоветоваться с Вами.

Большой привет М. Ф. На Капри я всенепременно приеду и жену постараюсь затащить, только хотелось бы независимо от филос[офской] драки это сделать.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*.

Р. Прилагаю *важное* сообщение о шпике у Вас [4]).

[1]) Речь идет о предполагавшемся А. М. Горьким журнале с сотрудниками-большевиками. Издание журнала не осуществилось.

[2]) Большевиков ради сокращения называли иногда «беками», отсюда «бековская фракция» вместо «большевистская фракция».

[3]) Т.-е. с Ал. Ал. Богдановым.

[4]) Этого сообщения у нас не имеется.

Письмо 9.

[Апрель 08] [1]).

Что это от Вас, дорогой А. М., вестей нет? Давно, писали Вы, кончили большую работу, собирались нам помочь в «Пролетарии». Когда же? Что если бы Вы фельетончик закатили о Толстом или тому под.? Черкните, намерены ли.

Ал. Ал. [Богданов] поехал к Вам. Я не могу ни газеты бросить, ни оторваться от работы. Ну, это только отсрочка, приеду все же.

Как, по-Вашему, «*Пролетарий*»? Беспризорный он. Я еще никогда так не манкировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газ[ету] пишу неимоверно наскоро.

Ну, жму руку.

Ваш *Ле[нин]*.

М. Ф-не тысячу приветов! Я на велосипеде к ней приеду!

Закажите и Анат[олию] Вас[ильевичу] писать в «*Прол[етарий]*»! Дайте мне полаяться по-философски, помогите пока «Пролетарию»!

[1]) Письмо не датировано. Данное ему место определено по содержанию.

Письмо 10.

16. IV. 08.

Дорогой Ал. М.!

Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедывать соединение научн[ого] социализма с религией, я *не могу* и не буду. Время тетрадок [1]) прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо. Надо *отделить* от партийных (фракционных) дел ф[илосо]фию: к этому обязывает и решение б. ц. [2]).

Я уже *послал в печать* [3]) самое что ни на есть формальное объявление войны. Дипломатии здесь уже нет места,—я, конечно, не в худом смысле говорю о дипломатии, а в хорошем.

«Хорошая» дипломатия с Вашей стороны, дорогой А. М. (если вы не уверовали тоже в бога), должна бы состоять в отделении наших общих (т.-е. меня считая в том числе) дел от ф[илосо]фии.

Беседа о других делах, кроме ф[илосо]фии, не выгорит теперь: неестественно выйдет. Впрочем, если, действительно, эти *другие* дела *не* философские, а «Прол[етарий]», например, требует беседы именно *теперь*, именно у Вас, я бы мог приехать (не знаю, найду ли денег: как раз теперь затруднения), но повторяю: только под условием, что о философии и о религии я не говорю.

А к Вам я непременно собираюсь приехать на свободе, покончив работу, побеседовать.

Жму крепко руку.

Ваш *Л[енин]*

М. Ф-не большой привет: она, чай, не за бога? А?

[1]) «Тетрадки»—намек на ту переписку между Владимиром Ильичем и А. Богдановым по вопросам философии, о которой Владимир Ильич рассказал в письме № 5.

[2]) б. ц. — большевистский центр, фактически Центральный Комитет большевистской фракции тогда еще объединенной партии. «Большевистский центр» был выбран на фракционном совещании большевиков—делегатов Лондонского Съезда в мае 1907 г. и состоял из Ленина, Зиновьева, Богданова, Дубровинского, Рожкова, Каменева и др.

Решение б. ц., о котором говорится в письме, сводилось к отделению философских споров от фракционных дел и недопущению спорных вопросов философии на страницы «Пролетария».

[3]) Здесь Владимир Ильич говорит о своей статье «Марксизм и ревизионизм» в сб. «Карл Маркс» (С.-Петербург, 1908), который как раз в эти дни подготовлялся к выпуску группой большевиков (В. Воровский, Л. Каменев, Зиновьев, Рожков) в Петербурге. Свою статью Владимир Ильич снабдил следующим примечанием: «См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или особой брошюре, что все сказанное в тексте про неокантиантских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» неомистским и необерклеанским ревизионистам».

В тексте же статьи Владимир Ильич характеризовал ревизионизм в философии в следующих словах: «В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту»,—и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, про-

поведуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т.-е. к теологии),—и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить—дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социалдемократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова» (стр. 211—212).

Это было первым в литературе открытым заявлением отношения Владимира Ильича к философии Богданова, Базарова и др. Особенно существенна здесь—принимая во внимание тогдашние фракционные отношения—прямая и открытая солидаризация с Плехановым. Это было действительно «объявлением войны» Богданову и К°.

Письмо 11.

19. IV. 08.

Дорогой А. М.!

Получил Вашу и М. Ф. телеграмму и посылаю сегодня или завтра утром свой отказ. Еще раз повторяю, что *ни в каком случае* непозволительно смешивать споры литераторов о философии с партийным (т.-е. фракционным) делом. Я уже это писал Ан[атолию] Вас[ильеви]чу [Луначарскому] и во избежание всяких кривотолков или неправильных выводов из моего отказа приехать *повторяю для всех товарищей*. Мы свое фракционное дело должны вести попрежнему дружно: в той политике, которую мы вели и провели за время революции, никто из нас не раскаивался. Значит, наш долг *отстаивать* и отстоять ее перед партией. Это сделать мы можем только все вместе и должны это сделать в «*Прол*[етарии]» и во всей партийной работе.

Если при этом А обругает Б или Б обругает А за философию, то мы *должны* сделать это особо, сиречь без помехи делу.

Убедительно прошу Вас и товарищей не толковать в дурную сторону мой отказ приехать. Я очень извиняюсь, но по всему положению дел и состоянию редакции не могу поехать.

Крепко жму всем руку.

Ваш *Ленин*.

От Ан[атолия] Вас[ильевича] [Луначарского] ждем обещанной статьи о римской стачке поскорее.

От всех литераторов ждем помощи «*Пролетарию*»: все мы отвечаем перед россиянами, кои им недовольны.

Ал. Ал. [Богданов] пусть насчет денег **позаботится** хорошенько!! Воют в России от безденежья [1]).

[1]) В имеющейся в Институте пачке писем за этим письмом следует большой перерыв, обнимающий ровно 2 года. Писал ли в этот период (апрель 1908 г.—апрель 1910 г.) Владимир Ильич Горькому? утеряны ли письма этого периода? нам неизвестно. Можно допустить, что переписка в эти годы временно прекратилась. Борьба между Владимиром Ильичем и группой А. А. Богданова, о которой шла речь в вышенапечатанных письмах Владимира Ильича, обострялась в это время все больше и больше. Осенью 1908 г. Владимир Ильич закончил свою книгу против Богданова, Базарова, Луначарского и др. («Материализм и эмпириокритицизм. Критические

заметки об одной реакционной философии», вышла в свет весной 1909 г., в Москве). В начале 1909 г. «Пролетарий» нарушил свое молчание по спорным вопросам, напечатав в № 42 от 25 (12) II 1909 г. статью Л. Каменева «Не по дороге», направленную против проводившихся группой А. А. Богданова взглядов. Последний, как член Большевистского Центра, внес формальный протест. В то же время А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др. при ближайшей помощи и содействии А. М. Горького приступили к организации на Капри «школы» для группы вызванных ими из России рабочих. В этой «школе» Владимир Ильич и его ближайшие товарищи естественно увидали попытку заложить основания фракционной организации сторонников Богданова. Владимир Ильич отказался читать лекции в этой школе (см. его письмо—отказ. Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 287—288). В июне 1909 г. в Париже состоялось совещание «Большевистского Центра» (так называемое Совещание расширенной редакции «Пролетария»), на котором произошел окончательный разрыв между большевиками-ленинцами и Богдановым, Луначарским, Алексинским и др. Резолюции, выработанные этим совещанием при ближайшем участии Владимира Ильича, касались, между прочим, и тем, затронутых в переписке Владимира Ильича с Горьким.

Резолюция «О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде» гласила: «Принимая во внимание, что в настоящее время, когда—в атмосфере упадка общественного движения—рост религиозных настроений контр-революционной буржуазной интеллигенции придал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне отдельными социал-демократами попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования,—расширенная редакция «Пролетария» заявляет что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях товарища Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет.

Далее—констатируя, что это течение является формой борьбы мелкобуржуазных тенденций с пролетарским социализмом—марксизмом,—а поскольку оно переходит к обсуждению политических вопросов (как, например, в ст. Луначарского в «Литературном распаде»),—подменяет последний первыми, расширенная редакция «Пролетария» считает правильным напечатание в № 42 «Пролетария» статьи «Не по дороге» и предлагает редакции, как и в прежнем, вести решительную борьбу с подобными тенденциями, разоблачая их антимарксистский характер».

Следующая резолюция, связанная с тем же кругом вопросов, гласила: «По поводу поданного тов. Максимовым [А. А. Богдановым] в расширенную редакцию «Пролетария» протеста против помещения редакцией «Пролетария» статьи «Не по дороге» (Л. Б. Каменева),—протеста, заключающего в себе угрозу расколом,—расширенная редакция «Пролетария» считает нужным заявить: 1) Что ссылки тов. Максимова на нарушения решения редакции—не помещать философских статей на страницах нелегального органа—совершенно неосновательны, ибо борьба со всевозможными формами религиозного сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции, и страницы «Пролетария» ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы; 2) что подобный протест должен быть рассматриваем, как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду в с.-д. среде и помешать «Пролетарию» выполнять одну из его задач».

Наконец, резолюция по поводу «школы» на Капри заявляла: «Расширенная редакция «Пролетария», рассмотрев вопрос о школе в Капри, признает, что организация этой школы группой инициаторов (в том числе один из членов расширенной редакции «Пролетария» тов. Максимов [А. А. Богданов]) шла с самого начала помимо редакции «Пролетария» и сопровождалась агитацией против нее.

Расширенная редакция на основании всего образа действия инициаторов школы в Капри констатирует, что эти инициаторы преследуют не общефракционные цели, т.-е. не цели большевистской фракции, как идейного течения в партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели. Расширенная редакция «Пролетария» констатирует, что в связи с разногласиями, обнаружившимися в нашей фракции по вопросам об отзовизме, ультиматизме, отношении к проповеди богостроительства и вообще о внутрипартийных задачах большевиков,—в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы на Капри являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства,—идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью.

В виду всего этого расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что «большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может». Все эти резолюции были напечатаны в № 46 «Пролетария» (3 (16) июля 1909 г. Приложение) и перепечатаны в сборнике «РКП в резолюциях ее съездов и конференций» под ред. Л. Каменева. 1898—1922 гг. (стр. 113).

А. Богданов и его сторонники, в том числе и А. М. Горький выступили после этого, как особая фракция со своим органом «Вперед» (критику новой фракции «впередовцев» см. в ст. Ленина «О фракции впередовцев», Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 93—99).

Разрыв большевиков с Богдановым породил массу слухов в буржуазной печати специально об отношениях между большевиками и Горьким.

«Пролетарий» (№ 50 от 11 декабря 1909 г.) реагировал на эти слухи специальной заметкой «Басня буржуазной печати об исключении Горького», написанной Владимиром Ильичем. Вот она: «Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «le Radical»), Германии («Berl. Tageblatt») и России («Утро России», «Речь», «Русское Слово», «Новое Время») смакуют самую сенсационную новость: «исключение Горького из с.-д. партии», «Vorwärts» поместил уже опровержение этого вздора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержения, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетни.

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услыхав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в «Пролетарии» в частности), безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал» на сочиненных «интервью» и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям *хочется*, чтобы Горький вышел из с.-д. партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри с.-д. партии и представить их в уродливом виде. Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им не иначе, как презрением». (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. I, стр. 360).

В легальной литературе группа А. Богданова, А. Луначарского и др. выступила в этот период со сборником «Очерки философии коллективизма» (сборник первый, 1909 г., Петербург), в котором статьи А. М. Горького помещена рядом со статьями Богданова, Базарова и др. Содержание: *Н. Вернер* (А. Богданов)—«Наука и философия». *А. Богданов*—«Философия современного естествоиспытателя». *В. Базаров*—«Материал коллективного опыта и организующие его формы». *А. Луначарский*—«Мещанство и индивидуализм». *М. Горький*—«Разрушение личности».

Возможно, что эти обстоятельства и вызвали двухлетний перерыв в переписке Владимира Ильича с Горьким.

Письмо 12.

Ал. Макс-чу.

11. IV. 10.

Дорогой А. М.! Только сегодня удалось мне получить Ваше и М. Ф. письмо, посланное через М. С. Боткину. Чтобы не забыть: мне можно писать и на мой личный адрес (Oulianoff, 4 rue Marie Rose. 4. Paris. XIV) и на адрес партии—тогда вернее в 2-х конвертах, и на внутреннем: личное для Ленина (110. Avenue d'Orléans. Mr. Kotlarenko. Paris. XIV).

Просимые Вами издания постараюсь выслать Вам завтра же.

Ругал ли я Вас и где? Должно-быть, в «Дискус[сионном] Листке» № 1 (издается при Ц[ентральном] О[ргане] [1]). Посылаю его. Если сообщавшие Вам имели в виду не это, то другого я сейчас не припомню. Не писал больше за это время ничего.

Теперь насчет объединения. Факт или анекдот? спрашиваете Вы. Об этом придется рассказывать издалека, ибо есть в сем факте и «анекдотического» кое-что (больше мелкого) и серьезное, по моему убеждению.

К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки с[оциал]-д[емокра]тии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с[оциал]-д[емократической] работы и назревание нового типа с[оциал]-д[емократа] рабочего в области практической.

На пленуме Ц[ентрального] К[омитета] [2]) («долгом пленуме»—три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!) к этим серьезным и глубоким факторам, сознанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к

Б[ольшевистскому] Ц[ентру] за его беспощадную идейную войну,—прибавилась склока и желание поскандалить у ме[ньшеви]ков—и вышел ребенок с нарывами.

Теперь вот и маемся. Либо—на хороший конец—нарывы вскроем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим.

Либо—на худой конец—помрет ребенок. Тогда поживем нек[ото]рое время бездетно (сиречь: опять восстановим б[ольшевистскую] фракцию), а потом родим более здорового младенца.

У ме[ньшеви]ков к серьезному объединению идут (не вполне сознательно, медленно, пошатываясь, но идут и, главное, не могут не итти) плехановцы, идут *партийцы*, идут рабочие. А голосовцы [3]) виляют, путают, гадят. У них складывается сильный, легальный, оппортунистический центр в России (Потресов и К⁰ в литературе: см. «Нашу Зарю» № 2—экий... этот Потресов!—и Михаил, Роман, Юрий+16 авторов открыт[ого] письма в № 19—20 «Голоса»—в практической, организационной работе) [4]).

Пленум Ц[ентрального] К[омитета] желал объединить *всех*. Теперь голосовцы *отпадают*. Сей нарыв **надо** удалить. Без склоки, скандалов, маеты, грязи и «накипи» сего не сделаешь.

Мы сейчас сидим в самой гуще этой склоки. Либо русский Ц[ентральный] К[омитет] обкорнает голосовцев, удалив их из важных учреждений (в роде Ц[ентрального] Органа и т. п.),—либо придется восстановлять фракцию.

Плеханов в № 11 «Дневника» дал такую оценку пленума, которая ясно показала, что у него **теперь** преобладает искреннее и серьезное желание борьбы с оппортунизмом над мелким и мелочным желанием *использовать* оппортунистов-голосовцев *против* б[ольш]е[ви]ков. Тут тоже сложная канитель идет, но сложившийся в России легалистский, ликвидаторский центр ме[ньшеви]ков *неизбежно* ведет к отталкиванию от них серьезных с[оциал]-д[емократ]ов [5]).

Теперь [—] у «впередовцев». Одно время мне казалось, что и внутри этой группы есть два течения: к партии, к марксизму, к отказу от махизма и от отзовизма,—и обратное. Для первого партийное объединение открывало бы дорогу для удобного, не—неловкого, партийного пути к исправлению явных нелепостей отзовизма и т. п. Но второе течение, видимо, берет у них верх. Алексинский (дитюшко совсем в политике, но озлившееся и делающее глупость за глупостью дитюшко) со скандалом вышел и из редакции «Дискус[сионного] Листка» и из партийной школьной комиссии. Должно-быть, они будут-таки устраивать *свою* школу, опять фракционную, опять в сторонке. Коли будет так,—повоюем паки, отвоюем у них рабочих.

Вот и выходит так, что «анекдотическое» в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр. Говорят, что с[оциалист] р[еволюционер] Чернов написал даже водевиль по поводу объединения у с[оциал] д[емократов] под названием «буря в стакане воды» и что сей водевиль дают здесь на-днях в одной из (падких на сенсацию) групп эмигрантской колонии [6]).

Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать все это—тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь в 100 раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

Но склока отпадет; склока остается на $^{9}/_{10}$ за границей; склока—это аксессуар. А развитие партии, развитие с[оциал] д[емократического] движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности тепереш-

него положения. Очищение с[оциал] д[емократической] партии от *ее* опасных «уклонений», от ликвидаторства и отзовизма *идет вперед* неуклонно; в рамках объединения оно *подвинулось значительно дальше*, чем прежде. С отзовизмом мы уже покончили идейно, в сущности, до пленума. С ликвидаторством не докончили тогда, ме[ньшеви]кам удалось на время *скрыть змею*, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!

И это очищение—вовсе не одна только «идейная» задача, вовсе не одна только «литературщина», как думает... Потресов, так же *заступающийся* за махистов, как заступались ме ньшеви]ки в пленуме за «впередовцев». Нет, это очищение неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке с[оциал] д[емократической] работы в теперешнее трудное время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу. Только... Троцкий воображает, что можно это отрицание обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства и отзовизма ставятся *не* жизнью, *а* печатью злых полемистов.

Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с[оциал] д[емократического] движения тем, кто не видал и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с[оциал] д[емократов] были десятки, если не единицы. Теперь—сотни и тысячи. Отсюда—кризис и кризисы. И с[оциал] д[емократия] *в целом* изживает их открыто и изживет их честно.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*.

[1]) «Дискуссионный Листок» № 1 вышел в Париже 6 (19) марта 1910 г. В нем напечатана ст. Владимира Ильича «Заметки публициста. О «платформе» сторонников и защитников отзовизма» (перепечатана в Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 13—22). В ней о Горьком говорится: «Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом: М. Горький.

В самом деле, не к чему скрывать факта, о котором прокричала уже (исказив и извратив его) буржуазная пресса, именно, что М. Горький принадлежит к сторонникам новой группы. А. Горький—безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция Социал-Демократической Партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять *в платформу* «пролетарское искусство» значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит, сводить свою группу к литераторскому *кружку*, который изобличает себя сам именно в «авторитарности». Авторы платформы очень много говорят против признания авторитетов, не поясняя прямо в чем дело. Дело в том, что им кажется отстаивание материализма в философии и борьба с отзовизмом у большевиков предприятием отдельных «авторитетов» (тонкий намек—на толстое обстоятельство), которым враги махизма, дескать, «слепо доверяют». Подобные выходки, конечно, совершенно детские. Но с авторитетами именно «впередовцы» обращаются нехорошо. Горький—авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться «использовать» (в идейном, конечно, смысле) *этот* авторитет для укрепления махизма и отзовизма—значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует.

В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный *плюс*, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития социал-демократического пролетарского движения *платформа*, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие якобы «пролетарского» искусства, есть *минус*, ибо эта платформа в деятельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы».

[2]) Речь идет о пленуме Ц. К. партии, происходившем в начале 1910 г. в Париже. Ту же по существу, но более подробную, чем в письме Горькому, оценку пленума см. в статье Владимира Ильича «Заметки публициста. Объединительный кризис

в нашей партии» («Дискуссионный Листок» № 2 от 24 мая (7 июня) 1910 г. Перепечатано в Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 48—94).

[3]) Голосовцы—сторонники «Голоса Социал-Демократа», органа меньшевиков (1908—1913 гг. Париж), редактировавшегося Ю. Мартовым, Ф. Даном, П. Аксельродом и др.

[4]) «Наша Заря»—легальный журнал меньшевиков в Петербурге (1910 — 1914 гг.). В № 2 этого журнала за 1910 г. помещена ст. А. Н. Потресова «О том, почему пустяки одолели». Статья эта вызвала особо сильное негодование большевиков и всех вообще сторонников сохранения и укрепления нелегальной партии, ибо содержала в себе открытое провозглашение ликвидации революционного подполья.

Михаил (Исуф), Роман (Ермолаев), Юрий (Чацкий-Бронштейн) члены ЦК—меньшевики, отказавшиеся приступить к восстановлению Ц. Комитета и нелегальной организации и тем сорвавшие решение пленума Ц. К.

«Открытое письмо» в № 19—20 (за январь—февраль 1910 г.) «Голоса Социал-Демократа» было подписано 16 сторонниками точки зрения Потресова и вышеупомянутых цекистов-меньшевиков и содержало защиту позиции «ликвидаторов». Статья Потресова, действия трех меньшевиков-цекистов и «Открытое письмо», в которых большевики видели призыв к разрушению революционной партии пролетариата, вызвали со стороны Владимира Ильича бешеное нападение на ликвидаторов. (См. его статью «Голос ликвидаторов против партии» и др. в Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 29—36).

[5]) Г. В. Плеханов еще за несколько месяцев до данного письма Владимира Ильича порвал с меньшевиками, вышел из редакции всех меньшевистских легальных и нелегальных изданий и возобновил издание собственного органа «Дневника С.-Д.», в котором выступал с защитой революционного подполья. Таким образом наметилась возможность сотрудничества блока Ленина и Плеханова против ликвидаторов. Это сотрудничество действительно осуществилось: Плеханов в 1910—13 гг.—впервые после разрыва 1903 г.—поместил ряд статей в редактировавшихся Лениным журналах и газетах («Социал-Демократ», журнал «Мысль», газеты «Звезда» и «Правда»).

[6]) Это, действительно, имело место в парижской колонии. Автор водевиля—«известный» с.-р. В. Чернов.

Письмо 13.

22. XI. 10.

Дорогой А. М.! Писал Вам несколько дней тому назад, посылая «Раб[очую] Газету» [1]), и спрашивал, что вышло из журнала, о котором мы летом [2]) беседовали и о котором Вы обещали мне написать.

Сегодня читаю в «*Речи*» объявление о «*Современнике*», издаваемом «при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова» и при Вашем постоянном сотрудничестве.

Что это? Как это? «Большой ежемесячный» журнал, с отделами «политики, науки, истории, общественной жизни»,—ведь это совсем, совсем не то, что сборники, стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы. Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное *направление*, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников. Есть направление у «*Вестн[ика] Европы*»—плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее опред[еленному] элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и т[ак] н[азываемой] интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов. Есть направление у «*Рус[ской] Мысли*»—поганое, но направление, служащее очень хорошую службу контрреволюционной либеральной буржуазии. Есть направление у «*Рус[ского] Богатства*»—народническое, народнически-кадетское, но направление, десятки лет держащее свою линию, обслуживающее известные слои населения. Есть направление и у «*Совр[еменного] Мира*»—зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма), но направление. Журнал без направления—вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. А какое же направление может быть

при «исключительном участии» Амфитеатрова? [3]) Ведь не Г. Лопатин [4]) способен дать направление, а если верны разговоры (говорят, попавшие и в газеты) об участии Качаровского [5]), то это—«направление», но направление из тупоумных эс-эровское.

Когда мы беседовали с Вами летом, и я рассказал Вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об «*Исповеди*» [6]), но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: «*напрасно* не послали». Затем вы же попрекали меня тем, что в каприйскую школу [7]) я не поехал, и говорили, что откол махистов-отзовистов мог бы Вам стоить, при ином течении дел, меньше нервов, меньше растраты сил. Помня эти беседы, я решил теперь писать Вам, не откладывая и не дожидаясь никаких проверок, под свежим впечатлением повести.

Я думаю, что политический и экономический толстый журнал при исключительном участии Амфитеатрова—вещь еще во много раз худшая, чем особая фракция махистов-отзовистов. Плохого в этой фракции было и есть то, что *идейное* течение отходило и отходит от марксизма, от социалдемократии, не договариваясь, однако, до разрыва с марксизмом, а только путая.

Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его «Красное Знамя» [8]), что во-время умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в к[ото]ром даже и сознания нет о том, что общей «левизны» для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и социалдемократии нельзя, невозможно, немыслимо.

Выходит скверно. Настроение у меня грустное. Ваш *Ленин*.

М[ария] Ф[едоров]не salut et fraternité! [9]).

[1]) «Рабочая Газета»—популярная газета, издававшаяся большевиками в 1910—1912 гг. в Париже (под ред. Ленина, Зиновьева и Каменева) после разрыва с меньшевиками и с Троцким. № 1 вышел 31 октября (13 ноября) 1910 г., № 9 (последний) 30 июля (12 августа) 1912 г.

[2]) Летом 1910 г. В. И. пробыл несколько дней у Горького на Капри.

[3]) А. Амфитеатров—беллетрист и публицист. Начал литературную работу в юмористических журналах. Долго сотрудничал у Суворина в реакционном «Новом Времени». Потом полевел, но остался столь же беспринципным и политически-безграмотным, как и в «Новом Времени». После революции 1905 г. уехал за границу, где попытался издавать в 1906 г. журнал «Красное Знамя» (первый номер вышел в апреле 1906 г. в Париже), не встретивший никакой поддержки вследствие полной своей политической бессодержательности и прекратившийся на 5-й книжке.

[4]) Герман Лопатин, шлиссельбуржец, после освобождения из тюрьмы ничем не проявил себя ни в литературе ни в политике.

[5]) К. Качаровский, с.-р., автор «Русской Общины» и ряда других работ по аграрному вопросу в старозаветно-народническом духе.

[6]) «Исповедь»—повесть А. М. Горького появилась в 23-й книге сборника «Знание», 1908 г., в разгар споров между Владимиром Ильичем и группой Богданова. Письмо Ленина об «Исповеди» нам неизвестно. Некоторые замечания об «Исповеди» содержатся в статье Л. Каменева «Не по дороге» («Пролетарий» № 42 от 25 (12) февраля 1909 г.), написанной по соглашению с Владимиром Ильичем и им проредактированной.

[7]) См. примечание 1-е к письму 11-му (резолюцию о каприйской школе).

[8]) См. примечание 3.

[9]) «Привет и братство».

Письмо 14.

3. I. 11 г.

Дорогой А. М.! Давно собираюсь отвечать Вам на письмо, да обострение здешней склоки *) (чтоб ее 100.000 чертей!) отвлекало.

А покалякать хочется.

---

*) ...Троцкий соединяет голосовцев и впередовцев против нас. Война!

Прежде всего, чтобы не забыть: Триа арестован вместе с Жордания и Рамишвили [1]). Передают за верное. Жаль хорошего парня. Революционер.

Насчет «Соврем[енни]ка». Читаю сегодня в «Речи» содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Мих|айлов|ском, Лопатин «Не наши» и т. д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: «реализм, демократия, активность».

Вы думаете, это—хорошие слова? Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас, до Бриана или Мильерана здесь [2]), Ллойда-Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровски-кадетское. Нехорошо.

Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О. (следующий номер) [3]), я в «Мысли» (сегодня получился № 1. Поздравьте — наш журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было) [4]). В «Звезде» № 1 (вышла в СПБ. 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова *с пошлым* примечанием, за к[ото]рое мы уже обругали *редакцию* [5])... Иорданский, вероятно, с Бончем[-Бруевичем] сочинили! Но где же «Современнику» бороться против «Легенды о Т[олстом] и религии его». Это—Водовозов с Лопатиным? Шутить изволите.

Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя.

Насчет донкихотизма в международной политике с[оциал] д[емократии], сдается мне, Вы не правы. Ведь это ревизионисты давно твердят, что-де колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, а потому «обличать его в жадности и жестокости» никчемно, ибо «без этих свойств» капитал как «без рук».

Донкихотизмом и воздыханиями было бы, если бы с[оциал] д[емократы] говорили рабочим, что может быть где-либо спасение помимо развития капитализма, не через развитие капитализма. Но мы этого не говорим. Мы говорим: капитал жрет вас, сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете. Это правда. И не забываем добавить: кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним.

Ни одной реакционной *меры* в роде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают. Но *каждому свое:* Хомяковы и К⁰ пусть строят жел. дороги через Персию, пусть посылают Ляховых, а марксистов дело—перед рабочими *обличать* [6]). Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь.

Сопротивление колониальной политике и междунар[одному] грабежу *путем* организации пролетариа[та], *путем* защиты свободы для пролетарской борьбы *не задерживает* развитие капитализма, а *ускоряет* его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма. Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и *народнический* (реалистический, демократический, «активности»-полный) капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочими капитализм за «жадность» и «жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта. А это нам на руку, это пролетариату на руку.

Думаете, что я в противоречие впал? В начале письма находил слова, «реализм, демократия, активность» скверными, а теперь нахожу

хорошими? Нет тут противоречия: для пролетария скверно, для буржуа хорошо.

У немцев есть образцовый журнал оппортунистов «Социалистический ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte»). Там давно уже господа в роде Шиппеля и Бернштейна нападают на междунар[одную политику революционной с оциал] д емокра]тии посредством криков о том, что их-де политика сбивается на «ламентацию сострадательных» людей. Это фокус оппортунистических жуликов, батенька. Попросите Вам достать из Неаполя этот журнал и перевести их статьи, ежели интересуетесь международной политикой. Наверное, и у Вас в Италии такие оппортунисты есть,—марксистов только нет в Италии, вот чем она мерзка.

Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что, выгоняя *от себя* капитал октябристский, *переносит* его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Зап. Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и Азию. Русская революция и революция в Азии=борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал=последыш. Дальше итти ему некуда. Дальше ему капут.

Как нашли «*Звезду*» и «*Мысль*»? Первая—тускла, по-моему. А вторая—*вся* наша и радует меня безмерно. Только хлопнут ее быстро [7]).

А что, не устроите ли Вы мне книги об агр[арном] вопросе в «Знании» [8])? Поговорите с Пятницким. Не нахожу издателя, да и баста. Хоть караул кричи.

Читаю Вашу приписку: «руки дрожат и мерзнут» и возмущаюсь. Вот поганые дома на Капри! Ведь это же безобразие! У нас и то паровое отопление, тепло вполне, а у Вас «руки мерзнут». Надо бунтовать.

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин*.

Получил из Болоньи приглашение ехать в школу (20 рабочих). Ответил отказом. Со впередовцами дел иметь не хочу. Перетаскиваем опять рабочих сюда [9]).

[1]) Триа—Влас Мгеладзе, рабочий-грузин, меньшевик, делегат Закавк. Обл. К-та на «Августовск.» Конференции. После 1905 г. участвовал в персидской революции. В 1910 г. «Социал-Демократом» издана была его брошюра «Кавказские с.-д. в персидской революции» с предисловием Волонтера (М. Павловича). Н. Жордания и И. Рамишвили—лидеры кавказских меньшевиков.

[2]) «Здесь», т.-е. во Франции, Владимир Ильич жил в то время в Париже.

[3]) Статья Г. В. Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» напечатана в № 19—20 «Социал-Демократа» центрального органа партии (от 13 (26) января 1911 г.).

[4]) «Мысль»—первый легальный журнал, который удалось поставить большевикам после разгрома 1905—1906 гг. № 1 появился в декабре 1910 г. в Москве. Вышло всего 5 №№, при чем последний № был конфискован и почти не получил распространения. Редакция «Мысли» целиком находилась в руках заграничного центра большевиков (Ленина, Зиновьева и Каменева). Статья Владимира Ильича о неправильной оценке Толстого в меньшевистской прессе озаглавлена «Герои оговорочки». «Мысль», № 1. (См. Собр. соч., т. XI, ч. II).

[5]) «Звезда»—первая легальная газета большевиков после 1907 г. Издание ее было решено на совещаниях В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева и Н. Г. Полетаева, члена с.-д. фракции III Гос. Думы, во время Международного Социалистического Конгресса в Копенгагене в августе 1910 г. В «Звезде» (№ 1 вышел 16 декабря 1910 г.) принимали участие, кроме большевиков, также Плеханов и его ближайшие товарищи. «Звезда» неоднократно подвергалась конфискациям и штрафам и на № 68 от 19 апреля 1912 г. была закрыта. Ее сменила «Невская Звезда». № 1 ее от 26 февраля вышел вместо 13-го № «Звезды», № 2 вышел 3 мая 1912 г. На

№ 27 от 5 сентября 1912 г. была прекращена. К этому времени большевикам удалось создать ежедневную газету «Правда».

К фельетону Плеханова в № 1 «Звезды»: «Заметки публициста». «Отсюда и до сюда», примечание *редакции* гласит: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая, несомненно, требует разностороннего освещения».

[6]) Вопрос о захвате русским капиталом дела постройки ж. д. в Персии был тогда злобой дня. В № 1 «Мысли» этому вопросу посвящена статья Л. Каменева «Великий путь в Индию». («Мысль», декабрь 1910, № 1, стр. 73—78).

[7]) См. примечание 4.

[8]) «Книга об аграрном вопросе»—«Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» написана была Владимиром Ильичем в 1907 г. и пролежала в рукописи до октября 1917 г. Владимир Ильич так и не нашел в течение 10 лет издателя для одной из самых выдающихся своих работ.

«Знание»—издательство, участие в котором принимал А. М. Горький. Управляющим издательством был некий Пятницкий. (Не смешивать с тов. Пятницким, работающим ныне в Коминтерне.)

[9]) Школа в Болонье вторая попытка группы «Вперед» устроить организационную базу для своей фракции. Как и первая, эта попытка кончилась неудачей. Большинство рабочих, приехавших из России в эту школу, переехали по приглашению нашей группы в Париж, где для них был организован ряд лекций и занятий.

Письмо 15.

[Апрель 1911 г.] [1]).

Дорогой А. М.! Как здоровье? М. Ф. писала, что Вы вернулись с кашлем и пр. Надеюсь, поправились.

У нас несчастье с «Мыслью». Из «*Речи*» и др. газет Вы, верно, знаете, в чем дело. Надо переносить дело в Питер и начинать сначала. А у нас нет легальных надежных людей.

Не смогли ли бы Вы помочь нам, ежели сочувствуете «*Мысли*»? Или, м.-б., Пятницкий [2]) мог бы помочь? Дело стоит так, что мы пока имеем еще деньги на издание такого маленького журнальчика (конечно, при условии бесплатной работы всех нас и плате 20 р. с листа сторонним! Не щедро, как видите). Значит, помощь *теперь* нужна исключительно *техническая*: найти издателя, который бы, **не тратя ни копейки своей**, издавал журнал (при чем *строжайшую* легальность мы настолько признаем, что даем право и издателю и секретарю ред[акции]+юристу *задерживать* все мало-мальски опасное: четыре №№ мы выпустили без малейшей придирки суда, № 5 арестован за Каутского!! Ясно, что это—придирка. Ничего нелегального у К[аутского] нет).

Почему бы Пятн[ицкому] или другому кому не помочь нам в вещи столь безопасной?

Ежели невозможно найти издателя, нельзя ли найти *секретаря*—**легального** человека, к[ото]рому мы будем платить 50 руб. в месяц за возню с типографией и экспедицией. Нужен честный и заботливый человек—и только. У нас *нет* легальных людей, кроме рабочих (эти не подходят)—вот наша беда.

Второе дело. У нас есть *оплаченный* уже перевод новейших статей Каутского против Маслова [3]). Легальная вещь. Нужная вещь, ибо Маслов наврал пропасть и налгал русским читателям. Листа 3—5 печатных. Нельзя ли издать—без гонораров (ибо перевод наш оплачен уже) по себестоимости? Годен на что-либо подобное Пятн[ицкий] (или другой кто) или нет?

Третье дело. Ю. М. Нахамкес, высланный сюда из Питера за сношения с с[оциал] д[емократической] фракцией (*Невзоров*, *Стеклов* он же, автор хорошей книги о Чернышевском), очень ищет работы и просит спросить, нельзя ли издать **Пири:** «*Путешествие к северному полюсу*». Думает, что разойдется.

Какие у Вас новости с «планами»? Пишите. А рабочим из нашей школы ответьте. Хорошие парни. Один поэт, бедняга, все стихи пишет и нет у него руководителя, помощника, наставника и советчика.

Жму руку.

Ваш *Ленин*.

Robert E. Peary: «La découverte du pole nord». Paris—великолепные иллюстр[ации]. Клише можно дешево купить здесь. Ок[оло] 15 печ[атных] листов по 40.000 букв. (Сейчас был у Стеклова, который сообщил мне эти подробности).

[1]) Письмо не датировано. По содержанию относится ко времени после закрытия «Мысли», т.-е. к апрелю 1911 г.

[2]) См. примечание 8 к письму 14.

[3]) Дело идет о статьях Маслова в «Neue Zeit» за 1911 г. в № 17 от 27 января, стр. 583—587, Маслов поместил статью «Droht der Menschheit eine Übervölkerung»? («Угрожает ли человечеству перенаселение?») Статья была направлена против книги Каутского, «Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft» («Размножение и развитие в природе и обществе»), вышедшей в 1910 г., К. Каутский ответил на статью Маслова резкой критикой в большой статье, помещенной в трех номерах «Neue Zeit»—(в 18, 19 и 20 за 1911 г., стр. 620—627, 652—662, 684—697)—под заглавием «Maltusianismus und Socialismus» («Мальтузианство и социализм»). В № 29 «Neue Zeit» от 21 апр. (29 Jahrgang. Band 2) Маслов в статье «Die Wirtschaftssystem und die Steuerung» («Система хозяйства и подати») возражает Каутскому, считая, что Каутский его неправильно истолковывал. Каутский ответил новой статьей («Вопросы земли») «Bodenfragen» («Neue Zeit» № 33 от 19 мая, стр. 209—219 и № 34 от 26 мая, стр. 259—270).

Письмо 16.

27. V. 11.

Дорогой А. М.!

На-днях я получил письмо от Полетаева [1]). Он пишет, между прочим: «Получил письмо от Горького. Он делает предложение Н. И. [2]) приехать за границу для выработки плана объединения вокруг какого-н[и]б[у]дь[ь] органа, добавляет, ч[то] он на этот счет говорил с Вами и с м[еньшеви]ком М.» (Мартовым, я понимаю).

Полетаев добавляет, что Н. И. [Иорданский] едва ли-де пригоден для этого плана и что ехать, если ехать, надо еще кому-нибудь. Покровский [3])-де вряд ли поедет.

Прочитав сие в письме от Полетаева, я испугался—ей-богу испугался.

Объединение наше с м[еньшеви]ками в роде Мартова *абсолютно* безнадежно, как я Вам здесь и говорил. Ежели мы станем учинять «съезд» для столь безнадежного плана,—выйдет один срам (я лично даже на совещание с Мартовым не пойду).

Судя по письму Полетаева, предполагается участие думской фракции [4]); нужно ли это? если идет речь о журнале,—тогда думская фракция не при чем. Если о газете, то надо иметь в виду, что со «*Звездой*» у нас **порядочно** неладов было и есть: у них нет линии, они боятся итти с нами, боятся итти с ликвидаторами, жмутся, пыжатся, колеблются.

Притом, если намечать объединение Плехановцев+наше+дум[ской] фракции, то это грозит дать *перевес* Плеханову, ибо в дум[ской] фракции преобладают ме[ньшеви]ки. Желательно ли и разумно ли давать перевес Плеханову?

Я *очень* боюсь, что Иорданский непригоден для таких планов (ибо у него **«свой»** журнал и он будет либо тормозить, либо тянуть в «свой» журнал, оставляя его *своим*=полуліберальным).

Чтобы избежать разочарований и безнадежной склоки, надо, по-моему, быть очень осторожным насчет «объединения». Ей же ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо! Если найдется издатель для журнала или газеты, надо заключать с ним договор *Вам единолично* (или брать с него деньги без договора, ежели можно), а при устройстве «съезда» выйдет каша, право же, выйдет каша.

Пишу Вам, ибо всего меньше хотел бы допустить *Вас* терять время, нервы и пр. на кашу. Сам я по горькому опыту 1908—1911 годов **знаю**, что «объединять» *теперь* невозможно. Например, в «Мысли» у нас Плеханов капризничал не раз—недоволен, напр., моей статьей о стачках и о Потресове [5]), говоря, что я-де «его» ругал! Уладить мы уладили и *пока* с Плехановым работать можно и должно, но *формальные* объединения и съезды преждевременны и могут все испортить.

Не спешите со съездом!

У нас говорят положительно, что есть циркуляр Столыпина о закрытии *всех* с. д. органов. Это похоже на правду. Перед IV Думой подтянут, вероятно, еще вдесятеро.

Легальные возможности в ближайшем будущем, видимо, уменьшатся. Надо налечь на нелегальную работу.

М. Ф. писала, что Вы совсем ушли из «Знания». Значит, полный разрыв с Пятн[ицким] и мое предыдущее письмо опоздало [6])?

Жму руку.

Ваш *Ленин*.

P. S. «Совр[еменную] Жизнь» в Баку тоже арестовали и задушили [7])!

[1]) Н. Г. Полетаев, большевик, член III Гос. Думы, один из организаторов «Звезды» и «Правды».

[2]) Н. И.—Н. И. Иорданский, редактор «Современного Мира», примыкал к Г. В. Плеханову и принимал участие в организации и сотрудничал в «Звезде». Ныне коммунист.

[3]) И. Н. Покровский, социал-демократ, член III Гос. Думы, принимал участие в организации и сотрудничал в «Звезде».

[4]) Т.-е. социал-демократической фракции III Гос. Думы. Фракция III Гос. Думы все время борьбы большевиков с ликвидаторами колебалась, отказываясь занять определенную позицию. Фактически была ближе к меньшевикам, за исключением отдельных членов, как Н. Г. Полетаев, решительно шедший с большевиками и помогавший им ставить «Правду» и «Звезду».

[5]) Статья Ленина «О статистике стачек в России» в № 1 «Мысли» за декабрь 1910 г. и в № 2 за январь 1911 г.

Статья Ленина «Герои оговорочки» в № 1 «Мысли» за декабрь 1910 г.

[6]) О «Знании» и Пятницком см. примечание № 8 к письму № 14.

[7]) «Современная Жизнь»,—газета бакинских рабочих, в которой участвовали большевики. Вышло всего три номера в 1911 г.

Письмо 17.

[До лета 1912 г.] [1]).

Дорогой А. М.!

В субботу я свободен и буду дома. Удобно Вам в $2^1/_2$ часа? Если нет, могу и вечером.

Жму руку.

Ваш *Ленин*.

4 Rue Marie Rose, этаж 2-ой (по-русски третий), левая дверь.

[1]) Точной даты установить не удалось. Относится к парижскому периоду, т.-е. до лета 1912.

Письмо 18.

Краков, 1 авг. 1912.
Krakau. Oesterreich.
Zwierzyniec 218.
Wl. *Ulijanow.*

Дорогой А. М.!

Получил Ваше письмо и письмо сибиряков. Адрес мой теперь не Париж, а Краков—см. выше [1]).

Не совсем понял, из какой это партии Вы меня собрались гнать, не из эсеровской ли?

Нет, кроме шуток, нехорошую Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную—отмахиваться: «все вы склокисты». Посмотрите-ка на новую эсеровскую литературу: «Почин», «Изв[естия] загр[аничной] областной с[рганиза]ции»,—сравните с «Рев[олюционной] Мыслью», с «Рев-[олюционной] Россией»,—а там еще с Ропшиным [2]) etc. Вспомните «Вехи» [3]) и полемику (quasi-полемику) с ними Милюкова, Гредескул (к[ото]рый ныне открыл, что не нужна вторая революция в России) и т. д. и т. д.

Сопоставьте *все* это в целом, *всю* сумму идейных течений 1908—1912 годов у с. р., трудовиков, беззаглавцев [4]), кадетов с тем, что было и есть у с. д. (кто-нибудь, когда-нибудь,—историк, вероятно, сделает эту работу непременно). Вы увидите, что *все*, буквально все вне с[оциал] д[емократ]ов решали *те же самые*, буквально те же самые вопросы, из-за к[ото]рых откололись у нас группки от партии в сторону ликвидаторства и отзовизма.

О «склоке» у с. д. любят кричат буржуа, либералы, эсеры, которые к «больным вопросам» относятся *не серьезно*, плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница с[оциал] д[емократ]ов от всех них та, что у с. д. склокой облечена борьба групп *с глубокими* и ясными идейными корнями, а *у них* склока внешне приглажена, внутренно пуста, мелочна, мизерна. Никогда, ни за что не променял бы я резкой борьбы течений у с. д. на прилизанную пустоту и убожество с. р. и К°.

Жму руку крепко.

Ваш *Ленин.*

P. S.
Привет М. Ф.!

P. S. А в России *революционный* подъем, не иной какой-либо, а именно революционный. И нам удалось-таки поставить ежедневную «Правду»—между прочим, благодаря именно той (январской) конференции, которую лают дураки [5]).

[1]) Летом 1912 г. Владимир Ильич переехал в Краков, где и жил до августа 1914 г., т.-е. до начала войны. Причины, заставившие Владимира Ильича, а за ним и других эмигрантов-большевиков (Г. Зиновьева, Л. Каменева) переехать из Парижа в Краков, указаны самим Владимиром Ильичем в следующем письме (№ 19).

[2]) «Почин», «Известия заграничной областной организации партии С.-Р.», «Революционная Мысль»—органы различных групп эмигрантов эс-эров, стоявших в оппозиции—правой или левой—к линии центральной группы партии С.-Р., имевшей своим официальным органом «Знамя Труда», которому Владимир Ильич по ошибке присвоил имя «Революционной России». Ошибка объясняется тем, что до 1905 г. центральный орган эс-эров носил название «Революционная Россия». Все выше упомянутые органы выходили за границей в 1908—1913 гг. В эти же годы эс-эр Савинков под псевдонимом В. Ропшина опубликовал два ренегатских романа из жизни

революционеров: «Конь бледный» в «Русской Мысли» в 1909 г., книга 1-ая, январь, и «То, чего не было» («Три брата») в книжках журнала «Заветы», начиная с первой 1912 г. (от апреля), кончая четвертой 1913 г. (тоже от апреля). Их и имеет в виду Владимир Ильич.

[3]) «Вехи»—сборник статей о русской интеллигенции. Москва. 1909 г. Оглавление: Предисловие. *Н. А. Бердяев*—«Философская истина и интеллигентская правда». *С. Н. Булгаков*—«Героизм и подвижничество». *М. О. Гершензон*—«Творческое самосознание». *Б. А. Кистяковский*—«В защиту права». *П. Б. Струве*—«Интеллигенция и революция». *С. Л. Франк*—«Этика нигилизма». *А. С. Изгоев*—«Об интеллигентной молодежи». Сборник сыграл роль манифеста контр-революционной интеллигенции. В книгоиздательстве «Земля» 1910 г. вышел: Сборник статей «Интеллигенция в России», полемизирующий с «Вехами». Содержание этого сборника: *И. И. Петрункевич.*— Интеллигенция и вехи». *К. К. Арсеньев*—«Пути и приемы покаяния». *А. Н. Гредескул*—«Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл». *М. М. Ковалевский*—«Взаимоотношения свободы и общественной солидарности». *П. Н. Милюков*—«Интеллигенция и историческая традиция». *Д. Н. Овсянико-Куликовский.*—«Психология русской интеллигенции». *М. А. Славинский*—«Русская интеллигенция и национальный вопрос». *М. И. Туган-Барановский* — «Интеллигенция и социализм».

Владимир Ильич посвятил «Вехам» ряд докладов в русских колониях за границей и статей (см. Соч., т. XIX, стр. 23—25 «Веховцы и национализм» и т. XI, ч. 2).

[4]) «Беззаглавцами» называли группу Е. Кусковой, С. Прокоповича, В. Богучарского и др., по имени журнала «Без заглавия», который издавала эта группа в 1906 г. после своего выхода из кадетской партии.

[5]) Январская (1912) конференция в Праге созвана была большевиками после окончательного разрыва с меньшевиками, впередовцами и троцкистами. На этой конференции был восстановлен центральный аппарат партии. На ней же был решен вопрос о переходе от еженедельной «Звезды» к ежедневной газете, которая под именем «Правды» и появилась в апреле 1912 г.

Письмо 19.

[Август-сентябрь 1912] [1]).

Дорогой А. М.!

Если Вы признаете, что «склока наша вызвана непримиримым различием идейных корней»,—что у эс-эров тоже,—(что у кадетов тоже—«Вехи»,—этого вы не добавили, но тут сомнений нет)—что слагается *реформистская* (удачное слово!) партия,—тогда **нельзя** говорить и ликвидатору и его врагу: «оба вы склокисты».

Тогда дело тех, кто понял идейные корни «склоки», не участвуя в ней, помогать массе *разыскивать корни*, а не оправдывать массу за то, что она рассматривает споры, как «личное генеральское дело».

Мы «лидеры не написали ни одной ясной книги, ни одной дельной брошюры»... Неверно. Как умели, писали. Не менее ясно, не менее дельно, чем прежде. И много писали. Были случаи—писали против людей без *всякой* «склоки» (против «Вех», против Чернова; против Рожкова и т. д. [2]). (Видаете ли Вы все номера «Нев[ской] звезды»?) ...«Результат этого: в России сейчас среди р[абоч]их есть оч[ень] много хорошей... молодежи, но она так яростно настроена против заграницы»... это фактически верно, но это не результат вины «лидеров», а оторванности или, вернее, *разорванности* России и эмигрантских центров. Надо *разорванное* связывать, а лидеров ругать дешево, популярно, но малополезно... «что отговаривает р[абоч]их от участия в конференции»...

Какой конференции? Теперь созываемой ликвидаторами? Так и мы отговариваем! Тут нет ли у Вас какого недоразумения [3])?

Читал, ч[то] Амфитеатров выступил чуть не в Варшавской газете за бойкот IV Думы? Нет ли у Вас этой статьи? Пришлите—я верну.

А в балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и с. д.-ов. Организации нет,—просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи,

надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть.

А в «Запросах жизни» неудачные Ваши статьи [4]). Странный, между прочим, журнал,—ликвидаторски-трудовическо-вехистский. Впрочем, именно «бессословная реформистская партия»...

Вы спрашиваете, зачем я в Австрии. Ц. К. поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-й день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается. Склоки здесь меньше, это плюс. Библиотеки нет хорошей, это минус. Без книг тяжко.

Крепко жму руку.

Привет М. Ф. Ваш *Ленин.*

[1]) Письмо не датировано. Относится к августу—сентябрю 1912 г.

[2]) Статьи Владимира Ильича против «Вех» указаны в прим. 3-м к письму № 18. Статей Владимира Ильича специально против Чернова за эти годы не имеется. Можно предполагать, что Владимир Ильич в данном случае имел в виду посвященные Чернову статьи Л. Каменева «Об обязанностях демократа» (ответ В. Чернову) (№ 8—9, от июля и августа 1912 г. и № 2 «Просвещения» от февраля 1913 г.). Против Н. Рожкова, повернувшего от большевиков к меньшевикам, Владимир Ильич выступил со статьей «Манифест либеральной рабочей партии» в «Звезде» № 32 за 3 декабря 1911 г.

[3]) Владимир Ильич имел в виду так называемую «августовскую конференцию» 1912 г., созванную в противовес январской конференции большевиков, общими силами меньшевиков, впередовцев, троцкистов и пр. Большевики, конечно, никакого участия в этой конференции не принимали.

[4]) «Запросы Жизни»—издававшийся в Петербурге 1909—1912 гг. журнал (первый № вышел 18 октября 1909 г., последний № 52—декабрь 1912 г.) при ближайшем участии Максима Ковалевского и Р. М. Бланка. Исчерпывающая характеристика дана в самом письме Владимира Ильича. А. М. Горький поместил там статьи: «Издалека» в № 11—16 декабря 1911 г. и в №№ 7 (17 февраля), 11 (16 марта), 13 (31 марта), 27 (6 июля), 29 (20 июля) за 1912 г., а также несколько своих «Сказок».

Письмо 20.

[7 ноября 1912 г.] [1]).

Дорогой А. М.! На-днях получил из редакции «Правды» в Питере письмо, в к[ото]ром они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству. «Хотим-де предложить Горькому 25 коп. за строчку, да боимся, чтобы он не обиделся»—так они мне пишут.

По-моему, тут совсем обижаться нечего. О том, чтобы Ваше сотрудничество изменилось под влиянием соображений о гонораре, никто и помышлять не может. Точно так же известно всем, что рабочая «Правда», платящая обычно по 2 коп. за строчку, а еще чаще ничего не платящая, гонорарами вообще привлекать не в состоянии.

Но в том, чтобы сотрудники рабочей газеты получали хоть какоени-на-есть, а регулярное вознаграждение, нет ничего худого, «окроме хорошего». Тираж теперь 20—25 тыс. Пора начинать думать о прочной постановке с оплатой труда сотрудников. Что ж тут дурного, ежели понемногу *все* работающие в раб[очей] газете начнут зарабатывать? И что может быть обидного в этом предложении?

Я уверен, что опасения питерской редакции «Правды» совсем неосновательны, и что ее предложение Вы иначе, как по-товарищески не встретите. Черкните или им прямо в редакцию пару слов или мне.

Завтра выборы выборщиков в Питере (по раб[очей] курии). Борьба с ликвидат[орами] разгорелась. В Москве и Харькове победили партийцы.

Видали ли «Луч» и получаете ли его вообще? Вот подменили-то карты и прикинулись «добрыми» [2])!

Видел объявление о «Кругозоре». Ваше это предприятие или вы там гостем?

Жму крепко руку и желаю прежде всего здоровья. Привет М. Ф.

Ваш *Ленин.*

47. Ulica Lubomirskiego. Krakau.

[1]) Письмо не датировано. Дата, однако, совершенно точно устанавливается по содержанию. Выборы выборщиков по рабочей курии в Питере имели место 25 октября (8 ноября) 1912 г. Письмо, следовательно, написано 7 ноября 1912 г. н. ст.

[2]) «Луч»—газета ликвидаторов в Питере.

Письмо 21.

[23 декабря 1912 г.] [1]).

Дорогой Ал. М.! Давно что-то нет от Вас никаких вестей. Как живете? Здоровы ли?

Сегодня получил № 187 «Правды» с подпиской на 1913 год. Дела газеты трудны: после летнего падения тиража подъем *очень* медленный, и дефицит остается. Временно прекратили даже платежи двум постоянным сотрудникам, сделав наше приложение архитрудным.

Предполагаем развить усиленную агитацию среди рабочих за *подписку*, чтобы собранными деньгами укрепить газету и расширить, а то с началом Думы совсем не остается места для статей.

Надеюсь, Вы тоже примете участие в агитации за подписку, чтобы помочь «вывезти» газету. В какой форме? Ежели есть сказка или что-л[ибо] подходящее,—тогда объявление об этом будет очень хорошей агитацией. Если нет,—пошлите обещание дать в близком будущем и именно в 1913 году. Наконец, просто несколько строк Вашего *письма к рабочим* о важности поддержать *активно* (подпиской, распространением, сборами) рабочую газету были бы тоже прекрасной агитацией [2]).

Черкните, пожалуйста, то или другое—прямо в редакцию «Правды» (Ямская, 2. С.-Петербург) или мне сюда.

Ulijanow (47. Lubomirskiego. Krakau).

Войны, верно, не будет и мы пока останемся здесь, «используя» отчаянную ненависть поляков к царизму [3]).

Ликвидаторы теперь ведут атаку *против* революционных стачек! Докатились. На 9-е января поговаривают о стачке и демонстрации [4]).

Из рабочих депутатов первый раз за три Думы (2, 3, 4-ая) на стороне партии вся шестерка депутатов от главных губерний. Трудно, а все же идет дело вперед.

Видели «защиту» Ропшина в «Заветах» во имя «свободы мысли и критики»? (в ответе на письмо в редакцию Натансона и К°) [5]). Ведь это хуже всякого ликвидаторства,—ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и, тем не менее, систематическое!

Плывем «против течения»... За революционную агитацию в массах приходится теперь бороться против оч[ень] многих «тоже-революционеров»... В массах рабочих революционное настроение есть, безусловно, но новая демократическая интеллигенция (и рабочая в том числе) с революционной идеологией подрастает медленно, отстает, не догоняет еще пока.

Большущий привет!

Черкните два слова.

Ваш *Ленин.*

P. S. М. Ф. привет! Она что-то совсем, совсем замолчала...

[1]) Письмо не датировано. Дата устанавливается, однако, точно, по содержанию. № 187 «Правды» вышел 7 декабря 1912 г. стар. ст. Мог получиться в Кракове только 10 декабря стар. ст., т.-е. 23 декабря 1912 г. н. ст.

[2]) С разрешения М. Горького в № 1 (205) «Правды», от 1 января 1913 г., перепечатан отрывок из повести «Большая любовь». Повесть была напечатана в сборнике «Біла Квітка».

[3]) «Использование» заключалось в том, что краковская администрация, привыкшая к эмигрантам (Краков был центром польской эмиграции, бежавшей от преследований царизма; в Кракове проживало до 4-х тысяч эмигрантов), не ставила особых препятствий постоянным посетителям Владимира Ильича из России. Впрочем, как только началась война, в 1914 г. Ленин был немедленно арестован провинциальной администрацией.

[4]) Владимир Ильич выражался неопределенно по соображениям конспирации. Партия активно готовила 9 января 1913 г. стачки и демонстрации.

[5]) Роман Ропшина-Савинкова «То, чего не было» печатался в «Заветах»,—журнале, руководимом эс-эрами во главе с Черновым. Явно ренегатский характер романа вызвал на страницах самих же «Заветов» протестующее письмо в редакцию «Заветов» ряда эс-эров левого устремления во главе с М. А. Натансоном («Заветы», № 8, ноябрь 1912 г.). Впрочем, в том же номере «Заветов» редакция журнала выступила с защитой Ропшина.

Письмо 22.

21. I. 13.

Дорогой А. М.!

Товарищ, который перешлет Вам это письмо,—живущий теперь в Вене Трояновский. Он с женой взялся теперь энергично за «Просвещение», раздобыл малую толику деньжонок, и мы надеемся, что благодаря их энергии и помощи удастся поставить марксистский журнальчик против ренегатов ликвидаторов. Думаю, и Вы не откажете помочь «Просвещению» [1]).

Ваш *Ленин.*

P. S. Получили, надеюсь, мое длинное письмо по поводу впер[едов]цев [2])? А как же это Вы угодили в «Луч»??? Неужели вслед за депутатами? Но они просто попались в ловушку и, вероятно, скоро уйдут [3]).

[1]) «Просвещение»—большевистский журнал, начавший выходить в декабре 1911 г. в Петербурге взамен закрытой «Мысли». В постановке этого журнала большое участие приняли жившие тогда в Вене А. А. Трояновский и Елена Федоровна Розмирович.

[2]) Этого письма в распоряжении Института не имеется.

[3]) «Луч»—петербургская легальная газета меньшевиков, поставленная ими в противовес большевистской «Правде». Начала выходить в сентябре 1912 г. В № 78 от 18 декабря 1912 г. «Луча» в числе сотрудников были объявлены также и депутаты IV Гос. Думы—большевики А. Бадаев, Г. Петровский, Ф. Самойлов и Н. Шагов. Депутаты-большевики через месяц вышли из состава сотрудников «Луча», заявив свое несогласие с ликвидаторским направлением газеты. Письмо депутатов о выходе из газеты напечатано в № 24 «Луча» от 30 января 1913 г.

Письмо 23.

[Январь 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.! Против посылки Вами моего письма к Тих[онову] [2]), понятно, ничего не имею.

Фельетон Лунач[арского] «Между страхом и надеждой» меня, после Вашего рассказа, заинтересовал [3]). Не могли ли бы Вы послать мне его, ежели у Вас свободен? Я, в случае требования, верну аккуратно.

Сборы на московск[ую] газету обрадовали нас зело [4]). За это дело возьмется *наша* тройка депутатов московской области: Малиновский, Шагов и Самойлов. Это уже условлено. Но нужна осторожность: не укре-

пив «Правды», нельзя хвататься за московскую газету. У нас есть план постановки «Московской Правды».

Тихонову напишите, пожалуйста, чтобы он говорил *только* с Бадаевым и **Малиновским**, а с ними поговорил обязательно.

Особенно порадовали меня в Вашем письме слова: «Из всех планов и предположений российской интеллигенции явствует с полной несомненностью, что социалистическая мысль прослоена разнообразными течениями, **в корне** враждебными ей: тут и мистика, и метафизика, и оппортунизм, и реформизм, и отрыжки народничества. Все эти течения **тем более** враждебны, что **крайне неопределенны** и, не имея своих кафедр, не могут определиться с достаточной ясностью».

Подчеркиваю слова, особо меня восхитившие. Вот именно: «в корне враждебны» и тем более, что неопределенны. Вот Вы спрашиваете о Степанове (И. И.). Чем он оказался (а парень хороший, работяга, знающий и т. д.) в эпоху развала и шатаний? (1908—1911). Хотел мирить с впередовцами. Но ведь это значит, что шатался сам.

Писал мне письма, что над демократической революцией в России крест поставить, что у нас без революции по-австрийски пойдет. Я его облаял ликвидатором за эти пошлости. Обиделся. А потом в печати— *Ларин* его мысли выпалил [5]).

Теперь Степанов *демонстративно* пишет не у нас, а в газете Рожкова «Новая Сибирь» в Иркутске. А Рожков Вы знаете, какое «течение» открыл? Читали его статью в «Наш[ей] Заре» 1911 года и мой ответ в «Звезде» [6]). И Рожков *уперся* на своем архи-оппортунизме. А Степанов? Аллах его ведает. Именно: «крайне неопределенная и путанная позиция». Я бы *никогда* никакого сколько-нибудь самостоятельного отдела Степанову теперь не доверил: прыгнет, сам не знает куда. Но сотрудником, вероятно, мог бы быть полезным. Он из тех, что «не разобрался». Поручить ему «организовать» отдел—значит загубить и *его* и отдел наверняка [7]).

Вы пишете: «Нам пора иметь свой журнал, но мы не имеем для этого достаточного количества хорошо спевшихся людей».

Второй части этой фразы я не принимаю. Журнал *заставил бы спеться* достаточное количество людей, будь журнал, будь *ядро*.

Ядро есть, а журнала (толстого) нет по причинам внешним: денег нет. Будь деньги, я уверен, мы бы осилили и теперь толстый журнал, ибо к *ядру* сотрудников за плату привлечь можно *много*, раздав темы и распределив места.

Пока нет денег, надо, по-моему, не только мечтать, но и строить из наличного, сиречь из «Просвещения». Маленькая эта рыбешка, конечно, но, во-1-х, большое и все из маленького растет. Во-2-х, лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Пора, давно пора *начинать* спевку, ежели хотим иметь «спевшихся людей» в большом количестве.

«Нам пора иметь свой журнал». Ядро литераторское есть. Правильность линии подтверждена опытом 12 лет (или даже 20), а опытом последних 6 лет сугубо. Собирать вокруг этого ядра, тем самым определяя его детальнее, ростя его и расширяя. С нелегального и с «Правды» мы *должны* были начать. Но *останавливаться* на этом мы не хотим. А посему, раз Вы сказали, что «нам пора иметь свой журнал», то позвольте Вас за сии слова притянуть к ответу: *либо* наметить сейчас план поисков денег для толстого журнала такой-то программы, такой-то редакции, такого-то состава сотрудников, *либо* начать по сему же плану расширять «*Просвещ*[ение»].

А вернее: не *либо-либо*, а *и—и*.

Жду ответа. Из Вены Вы, верно, имеете уже письмо о «*Просвещ*[ении]». Есть верная надежда его упрочить на 1913 г. в малом виде. Хотите, чтобы «мы имели свой журнал», так давайте двигать вместе.

Насчет дашнаков [8]) я ничего не слыхал. Но считаю слух вздорным. Это правительством пущено, к[ото]рое хочет скушать тур[ецкую] Армению.

Р. Р. S-ы, несомненно, *за* Австрию и станут воевать за нее [9]). Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие.

Вы просите информировать почаще. С удовольствием,—только откликайтесь. Посылаю (пока под секретом) резолюцию нашего недавнего совещания (к[ото]рое, по-моему, очень удалось и сыграет роль) [10]).

Резолюции, говорят, из всех видов литературы самый скучный. Я слишком въевшийся в резолюции человек. Черкните Вы, насколько для Вас они читабельны (особ[енно] о революц[ионных] **стачках** и о ликвидаторах).

Что худого поднял в России слух об амнистии [11])? Не знаю. Черкните. Н. К. кланяется.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин*.

[1]) Письмо не датировано. Приблизительная дата определена по содержанию.

[2]) А. Н. Тихонов, один из друзей А. М. Горького. Какое именно письмо Владимира Ильича А. М. Горький собирался переслать Тихонову, нам неизвестно.

[3]) «Страх и надежда. Рождественский разговор». Рассказ. Помещен в «Киевской Мысли», № 357 от 25 декабря 1912 г.

[4]) Сборы на московскую газету, т.-е. на постановку в Москве большевистской газеты, начались в «Правде» с № 176 от 24 ноября 1912 г. В этом номере группа «московских рабочих» поместила статью с призывом открыть прием денег на фонд рабочей газеты в Москве. Статья помещена под названием «Рабочая газета в Москве». Однако, московская газета «Наш Путь» могла выйти только в воскресенье 25 августа (7 сентября) 1913 г.

[5]) См. ст. Ларина (тогда крайнего ликвидатора) в журнале «Дело Жизни» за 1911 г. «Направо кругом» в № 1, от 22 января, и № 2, от 2 марта. Еще рельефнее развил свою мысль Ларин в статье «Пути созидания», № 5, от 31 мая, и № 6, от 25 июня.

[6]) «Новая Сибирь» выходила с 6 декабря 1912 г. до 1 февраля 1913 г. ст. ст. Статья Н. Рожкова, которой он порвал с большевиками, помещена в «Нашей Заре». № 9—10 за 1911 г.: «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент». Ответ Ленина, озаглавленный «Манифест либеральной рабочей партии»,—в «Звезде» № 32, от 3 декабря 1911 г. Рожков на «Манифест либеральной рабочей партии» ответил в «Нашей Заре», № 5 за 1912 г., статьей «На два фронта».

[7]) По сведениям т. И. И. Степанова, которому было сообщено относящееся к нему место письма, он (И. И. Степанов) писал в «Новый Сибири» по вопросам международной политики и западно-европейского рабочего движения. Ликвидаторская позиция Рожкова, занятая последним в «Нашей Заре», по смерти И. И. Степанова, нимало не проявлялась Рожковым в «Новой Сибири». Тогдашняя позиция И. И. Степанова нашла свое выражение в обширной статье его об «Империализме», напечатанной в 1913 г. в «Просвещении» с полного, конечно, одобрения Владимира Ильича.

[8]) Дашнаки—сторонники армянской националистической партии «Дашнакцютюн». О каком «слухе» сообщал Горький Ленину—неясно.

[9]) Р. Р. S.—Польская Социалистическая Партия, партия Пилсудского. Предсказание Ленина оправдалось: в империалистической войне Р. Р. S. под общим руководством Пилсудского вступила в ряды австрийской армии.

[10]) Речь идет о состоявшемся в начале 1913 г. совещании большевиков, получившем из-за конспиративных соображений название «февральского совещания», хотя оно состоялось в январе 1913 г.

[11]) В связи с 300-летием дома Романовых в феврале 1913 г. ожидалась амнистия. Амнистия действительно была опубликована 21 февраля 1913 г. Она коснулась из политических только лиц, осужденных за выступления в печати.

Письмо 24.

[Начало февраля 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.!

Что же это Вы, батенька, дурно себя ведете? Заработались, устали, нервы болят. Это совсем беспорядки. Уж на Капри-то, да еще зимой, когда наезду, вероятно, меньше, следовало бы вести правильный образ жизни. Без присмотра, что ли, Вы распустили себя? Ей-же-ей, нехорошо. Возьмите себя в руки и установите «прижим» (режим) построже, право! Хворать по нынешним временам вещь совсем недопустимая. По ночам разве стали работать? А когда я был на Капри, говорили, что только я вводил беспорядок, а до меня ложились во-время. Надо отдохнуть и завести прижим, непременно.

Трояновскому и его жене напишу про Ваше желание свидеться. Это бы в сам[ом] деле хорошо. Они люди хорошие. На работе мы их видали еще мало; но все, что до сих пор знаем, говорит в их пользу. Есть у них и средства. Могли бы развернуться и много сделать для журнала. Трояновская скоро едет в Россию [2]).

Чрезвычайно меня и всех нас обрадовало, что Вы *беретесь* за «Просвещение». А я—покаюсь—подумал-было: вот как только напишу про маленький журнальчик или журнальчишко наш, так у А. М. охота и пропадет. Каюсь, каюсь за такие мысли.

Вот действительно превосходно будет, ежели мы помаленьку присоседим беллетристов да двинем «Просвещение»! Превосходно! Читатель новый, пролетарский,—сделаем журнал дешевым,—беллетристику станете Вы пускать только демократическую без нытья, без ренегатства [3]).

Рабочих скрепим. А рабочие пошли хорошие. У нас теперь шестерка в Думе куриальных депутатов так поворачиваться стали для *внедумской* работы, что прелесть. Вот где закрепят люди рабочую партию, настоящую! Никогда в третьей Думе не могли добиться этого. Видели в «Луче» (№ 24) письмо четырех депутатов об уходе [4])? Хорошее ведь письмо? а?

А в «Правде» видели? Алексинский пишет добре и пока не скандалит! Удивительно! Послал один «манифест» (почему он вошел в «Правду»). Не поместили. И все же **пока** не скандалит. У-ди-ви-тель-но [5])! А Богданов скандалит: в «Правде» № 24 архиглупость [6]). Нет, с ним каши не сваришь! Прочел его «Инженера Мэнни». Тот же махизм-идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни... редактора в «Правде» не поняли. Нет, сей махист безнадежен, как и Луначарский (за его статью—спасибо). Ежели бы Луначарского так же отделить от Богданова на эстетике, как Алексинский начал от него отделяться на политике... ежели бы да кабы...

Насчет учения о материи и ее строении вполне с Вами согласен, что писать об этом надо, и что это хорошее средство против «яду, который сосет рус[ская] бесформенная душа». Только напрасно зовете Вы этот яд «метафизикой». Его надо звать *идеализмом* и агностицизмом.

А то ведь метафизикой махисты называют материализм! И как раз *куча* виднейших современных физиков *по случаю* «чудес» радия, электронов и т. п. протаскивают *боженьку*—и самого грубого и самого тонкого, в виде философского идеализма.

Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин [7]) засел и пишет для «Просвещ[ения]» большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем. Но что наши резолюции [посылаю их в печати] [8]) «отписка, канцелярщина», это Вы зря изволите ругаться. Нет. Это не

отписка. У нас и на Кавказе с.-д. грузины+армяне+татары+русские работали *вместе*, в **единой** с.-д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские+латыши+литовцы; отделялись *лишь* **сепаратисты**—бунд. Тоже в Вильне.

Есть две хорошие с.-д. брошюры по национальному вопросу: Штрассера и Паннекука [9]). Хотите, пришлю? Если у вас найдется, кто переведет вам с немецкого?

Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас **не будет**. Не пустим! Да и нашего брата, великоруссов, здесь побольше. С рабочими не пустим «австрийского духа» [10]).

Насчет Пятницкого я за суд [11]). Церемониться нечего. Сантиментальничать было бы непростительно. Социалисты вовсе не против использования коронного суда. **Мы за** использование легальности. Маркс и Бебель обращались к коронному суду *даже* против своих социалистических противников. Надо знать, *как* это сделать, а сделать надо.

Пятницкого надо засудить и без никаких. Ежели Вам будет за сие упреки—наплюйте в харю упрекающим. Упрекать будут лицемеры. Уступать Пятницкому, спускать ему, боясь суда, было бы *непростительно*.

Ну, заболтался через меру. Пишите, как здоровье.

Ваш *Ленин*.

P. S.

Мы знаем *Фому*-питерца. Он теперь в Нарыме. Фома-уралец? Что-то не припомним. На съезде 1907 г. был Фома-питерец [12]).

[1]) Письмо не датировано. Относится к началу февраля 1913 г.

[2]) Е. Ф. Розмирович выехала в Россию после литературной амнистии 21 февраля с письмом Надежды Константиновны, в котором предлагалось использовать Е. Ф., как агента Ц. К. по созыву конференции (так называемой «летней»). В мае Е. Ф. была арестована, и письмо Надежды Константиновны фигурировало на суде.

[3]) В результате переписки Владимира Ильича и А. М. Горького с февральской книжки (№ 2) за 1913 г. «Просвещения» был введен беллетристический отдел, редактирование которого взял на себя Горький. Извещение об этом появилось в № 50 «Правды» (1 марта 1913 г.).

[4]) В № 24 «Луча» от 30 января 1913 г. помещено следующее заявление депутатов о выходе их из состава сотрудников «Луча»: «Письмо в редакцию. «18 декабря 1912 года мы, в согласии с пожеланием с.-д. фракции от 15/XII, приняли предложение газеты «Луч» о зачислении нас в состав ее сотрудников.

С тех пор прошло больше месяца. За все это время «Луч» не переставал выступать ярым противником антиликвидаторства. Его проповедь «открытой» рабочей партии, его нападки на подполье мы считаем, при настоящих условиях русской жизни, недопустимыми и вредными.

Не считая возможным покрывать своими именами проповедуемые «Лучем» ликвидаторские взгляды, просим редакцию исключить нас из состава сотрудников.

Члены Государственной Думы от рабочих:

А. Бадаев.
Г. Петровский.
В. Самойлов.
Н. Шагов».

[5]) Участие Алексинского в «Правде» было совершенно случайным эпизодом. Через пару недель после этого письма Владимира Ильича сотрудничество Алексинского в «Правде» прекратилось.

[6]) В № 24 «Правды» (30 января 1913 года) напечатано письмо в редакцию А. Богданова, в котором заявляется о его несогласии с «Правдой» в проведении избирательной кампании по Петербургу в IV Госуд. Думу.

[7]) И. В. Сталин. Бежав из Нарымской ссылки, т. Сталин пробыл в начале 1913 г. несколько недель в Кракове и Вене, где работал над статьей по национальному вопросу. Его статья «Национальный вопрос и социал-демократия» напечатана впервые в №№ 3, 4 и 5 «Просвещения» за 1913 г. и затем неоднократно перепечатывалась партийными издательствами.

[8]) Речь идет о резолюции по национальному вопросу, принятой на совещании большевиков в Кракове в начале 1913 г. (так называемое «февральское совещание»). Резолюции совещания вышли брошюрой «Извещение и резолюции совещания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками». Перепечатана резолюция в XIX т. Собр. соч. *Ленина*, стр. 22—23.

[9]) Strasser. «Der Arbeiter und die Nation» («Рабочий и нация») 1912 г.

[10]) Со времени переезда в Краков и в особенности со времени Балканской войны, Владимир Ильич специально занялся национальным вопросом, которому уже и раньше посвятил ряд статей. Его статьи за этот период собраны в XIX т. Собр. соч.

[11]) Дело касалось каких-то неблаговидных поступков Пятницкого, сделанных им в качестве управляющего издательством «Знание», пайщиком которого состоял и А. М. Горький. Кажется, дело до суда не дошло.

[12]) Фома-питерец, участник Лондонского съезда Партии в 1907 г.—А. П. Смирнов, нынешний Наркомзем.

Письмо 25.

[10 марта 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.!

Прочитал я сегодня манифест»... [2]).

Литераторская амнистия, кажись, полная. Надо Вам попробовать вернуться—**узнав, конечно сначала, не подложат ли Вам свиньи за «школу» и т. п.** Вероятно, не смогут привлечь за это.

Надеюсь, Вы не смотрите так, что нельзя «принимать» амнистии? Это было бы неправильный взгляд: революционер по нынешним временам больше сделает из внутри России, а наши депутаты даже подписывают «Торж[ественное] Обещание».

Вам же не о подписке идет речь, а об использовании амнистии. Черкните Ваше мнение и **виды**. Чай, заедете сюда, коли двинетесь,— это ведь по дороге!

А революционному писателю возможность пошляться по России (по новой России) означает возможность во сто раз больше ударить потом Романовых и К°...

Получили ли мое предыд[ущее] письмо? Что-то давно нет вести. Здоровы ли?

Ваш *Ленин.*

P. S. Получили ли письмо Н. К. [3]) *с материалами*?

[1]) Письмо не датировано. Дата устанавливается точно по содержанию. «Манифест» был опубликован 21, II, 1913 г. стар. ст. и мог быть получен в Кракове 24, II, стар. ст., т.-е. 10 марта 1913 г. н. ст.

[2]) Манифест об амнистии по поводу 300-летия дома Романовых.

[3]) Надежда Константиновна Крупская.

Письмо 26.

[Начало мая 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.!

Как делишки насчет статейки или рассказа в *майскую* книжку Просвещения? Мне пишут оттуда, что можно бы издать 10—15 *тысяч* (вот как мы шагаем!), ежели [бы] было что от Вас. Черкните, будет ли [2]). А потом перепечатывает «Правда» и получается 40.000 читателей. Да... могли бы пойти хорошо дела «Просв[ещения]», а то *нет*, черт побери, ни единого выдержанного журнала для рабочих, для *с.-д.* для революционной демократии, все кисляи пошли какие-то поганые.

Как здоровье? Отдохнули ли и отдохнете ли летом? Необходимо, ей-ей, Вам отдохнуть *хорошенько*!

У меня невзгоды. Жена заболела базедовой болезнью. Нервы! У меня тоже нервы малость шалят. Уехали на лето в деревню Поронин, около Закопане [3]). Адрес мой: (Herrn Wl. Ulianow. *Poronin*. **Galizien**. Austria).

Места хорошие, здоровые. Высота ок. 700 метров. А что, не думаете ли прокатиться? Рабочие будут интересные из России. Закопане (7 верст от нас)—известный климатический курорт.

Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите.

Получаете ли Правду и Луч регулярно? Идет вперед—вопреки всему—наше дело, и рабочая партия строится *революционная* с.-д.-ская, против либеральных ренегатов, ликвидаторов. Будет на нашей улице праздник. Мы теперь ликуем по поводу победы рабочих в Питере над ликвидаторами при выборе правления нового союза металлистов [4]).

А «ваш» Луначарский, хорош!! Ох, хорош! У Метерлинка, де, «научный мистицизм» [5])... Или Луначарский с Богдановым уже не ваши?

Без шуток. *Будьте здоровы*, черкните 2 слова. **Отдыхайте** лучше.

Ваш *Ленин*.

Ulianow. Austria, Poronin (Galizien).

P. S. Как нашли юбилейный № Правды [6])?

[1]) Письмо не датировано. Относится к началу мая (нов. ст.) 1913 г.

[2]) В майской книжке «Просвещения» за 1913 г. произведений Горького нет; в июньской книжке напечатан рассказ Горького: «Кража».

[3]) Деревушка Поронин—в нескольких часах езды от Кракова у подножья Татрских гор. В этой деревушке летом 1913 г. жили Владимир Ильич, Н. К. Крупская, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Инесса Арманд. Там же был организован ряд собеседований с приезжавшими из России рабочими. В Поронин приезжали депутаты-большевики IV Гос. Думы. Там же состоялось 25 октября—1 ноября 1913 года «Летнее Совещание большевиков», с участием Ц. К., думской шестерки и ряда представителей местных организаций.

[4]) 21 апреля 1913 г. при выборах правления Петербургского Союза Металлистов прошел список большевиков во главе с А. С. Киселевым.

[5]) Идет речь о фельетоне Луначарского «Между страхом и надеждой» («Киевская Мысль», № 357, 25, XII, 1912).

[6]) Точная дата годовщины «Правды» приходится на 22 апреля, но в 1913 г. 22 апреля пало на понедельник: юбилейный № «Правды» вышел во вторник 23 апреля.

Письмо 27

[Май 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.!

Давным-давно писал Вам из Кракова—и ответа нет.

Сегодня пришло письмо из России из Одессы, что-де *Старк* [2]) (?) (с Капри) удивляется, почему я не передал одесситу известное мне от Старка и *от Вас* (!) об одесской большев[истской] газете!!.

Что за недоразумение и откуда оно?? Я говорил одесситу, что Вы мне пишите о больш[евистской] одес[ской] газете, о коей я *ничего* не знаю. И до сих пор ничего не знаю [3]). Одессит пишет, что тут участвует «Малянтович младший». Первый раз слышу. Который это Малянтович? «Никитичевский»? [4]) (я ни одного Малянтовича лично не знаю). Адвокат в Москве или иной?

Пишите, что знаете. Надо распутать недоразумение.

Я на лето переехал в *Poronin* (около Закопане) лечить жену. Еду с ней к 27. VI. 1913 в Берн для операции. Адрес мой: *Poronin* (Galizien) Austria.

В Берне пробуду 2—3 нед[ели]. Писать туда для меня можно на адрес Herrn Schklowsky 9. Falkenweg 9. Bern (для Ленина).

Как Ваше здоровье? Поправились ли после весны? Желаю всей душой отдохнуть и поправиться Вам получше.

Ваш *Ленин.*

[1]) Письмо не датировано. Приблизительная дата: май 1913 год—установлена по содержанию.

[2]) *Л. Н. Старк*—большевик, литератор, сотрудник «Просвещения», живший в то время на Капри.—Ныне представитель С. С. С. Р. в Эстонии.

[3]) О какой именно газете идет здесь речь, нам неизвестно. В Одессе в 1911 г. издавалась легальная социал-демократическая газета «Ясная Заря», в которой принимал участие В. В. Воровский и А. К. Воронский.

[4]) «Никитичевский», т.-е. находящийся в связи с Никитичем. «Никитич»—революционный псевдоним Л. Б. Красина. Речь могла итти во всяком случае не о П. Н. Малянтовиче, московском адвокате, а о жившем в Одессе в 1901—1907 гг. его брате—социал-демократе Влад. Ник. Малянтовиче.

Письмо 28.

[Июнь 1913 г.] [1]).

Дорогой Ал. Макс.!

Сегодня получили мы письмо из Питера, что наш план приезда сюда с.-д. депутатов (*Архиконспиративно:* кроме Вас никому решено ни слова) близок к осуществлению. Кроме шестерки сторонников «Правды» возможен, пишут, приезд Тулякова, Бурьянова, Хаустова и даже, м. б., Манькова [2]). Вероятно, удастся и еще из рабочих (не депутатов) кое-кого привлечь. Черкните, пожалуйста, могли бы Вы приехать (для ряда лекций или бесед, или занятий, как захотите) или нет? Хорошо бы было! В 7 км. отсюда (по ж. д.) Закопане—курорт оч[ень] хороший. Насчет денег на поездку—раздобудем, по всей вероятности (так пишут). О Закопане, как курорте, можем собрать и прислать все сведения.

Если здоровье позволяет, махните-ка не надолго, право! После Лондона и школы на Капри повидали бы еще рабочих [3]).

Малиновский [4]) хотел ехать к Вам, да не удалось, времени не было. И он и все депутаты шлют Вам большой привет.

Жду ответа.

Ваш *Ленин.*

Газеты полны известиями о «конфликте» [5]). Я думаю, «Правду» [6]) нам задушат. Это Маклаков [7]) проведет так или иначе, мимо Думы, против Думы или как, а проведет!

Тогда мы опять наляжем на нелегальную литературу—только вот денег нет.

А что, «купец» давать еще не начал? Пора. Самая пора.

Адрес: Herrn Wl. Ulianow *Poronin* (Galizien) Autriche.

[1]) Письмо не датировано, относится по содержанию к июню 1913 г.

[2]) Туляков, Бурьянов, Хаустов, Маньков—члены IV Государственной Думы, не входившие в большевистскую фракцию, но колебавшиеся между большевиками и меньшевиками. Их приезд в Поронин не состоялся. Остальные упоминающиеся в письме депутаты-большевики посетили Поронин в сентябре и приняли участие в так называемом «Летнем Совещании Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками».

[3]) А. М. Горький принимал в качестве гостя участие на Лондонском Съезде Партии в 1907 году. Школа на Капри—это та школа, о которой говорится в письмах Ленина за 1908 год. (См. прим. 1 к письму 11).

В Поронин Горький не приезжал.

[4]) Р. В. Малиновский—депутат IV Государственной Думы, впоследствии оказавшийся провокатором.

[5]) Конфликт между IV Государственной Думой и правительством.
[6]) Газета «Правда» действительно была закрыта на № 356 от 5 июля 1913 г. постановлением СПБ. судебной палаты.
[7]) Н. А. Маклаков—тогда министр внутренних дел, по предложению которого была закрыта «Правда».

Письмо 29.

25.VII. 1913.

Дорогой А. М.!

Все собирался писать Вам, да откладывал из-за операции жены. Третьего дня, наконец, операция была, и дело уже пошло на поправку. Операция оказалась довольно трудная—рад я очень, что удалось у Кохера оперировать.

Теперь о делах. Вы писали, что в августе будете в Берлине. Когда в августе? в начале или в конце? Мы собираемся ехать отсюда 4 августа. Билеты у нас через Цюрих-Мюнхен-Вену и во всех этих городах остановимся. (Возможно, что 4-го нас еще не выпустит доктор,—тогда еще отсрочим).

Не можем ли мы повидаться где-либо? Ведь Вам по дороге через Берн или через Цюрих или через Мюнхен, наверное?

Свидеться нам бы *очень* надо. Закрытие «*Правды*» создает чертовски трудное положение. М. б., кое-что и придумали бы. Затем в Берлине Вы могли бы очень многое для нас сделать, т.-е. для «*Правды*».

Поэтому очень прошу черкнуть **тотчас** хоть 2 слова о том, возможно ли наше свидание здесь или в указ[анных] городах в начале авг[уста]. Если невозможно, я напишу Вам тогда подробнее о всех делах, в частности о школе (провал организатора нас дьявольски подрезал; ищем другого).

Крепко жму руку и желаю всяческих благ, здоровья для поездки больше всего. Так отвечайте **тотчас!**

Ваш *Ленин.*

Адрес: Herrn Ulianoff 4 Gesellschaftsstrasse. 4 (Svizzera). *Bern.*

Письмо 30.

30 сент. 1913 г.

Дорогой А. М.!

Запоздал немного ответом. Извиняюсь. Как я чертовски злился в Берне и потом!! Думаю: если Вы в Вероне (тел[еграмма] по пов[оду] Бебеля от Вас была из Вероны) [1])—или какое-то Ром...??—Ведь я бы в Верону *мог* приехать из Берна!! А от Вас тогда *месяцы* ни звука...

То, что Вы пишите о своей болезни, меня страшно тревожит. Хорошо ли Вы поступаете, живя без леченья на Капри? У немцев есть превосходные санатории (напр., в St. Blasien, около Швейцарии), где лечат и излечивают вполне легочные недомогания, добиваются *полного* зарубцевания, откармливают, затем приучают систематически к холоду, закаляют от простуды и выпускают годных, работоспособных людей.

А Вы после Капри зимой—в Россию???? Я страшно боюсь, что это повредит здоровью и подорвет Вашу работоспособность. Есть ли в этой Италии *первоклассные* врачи??

Право, съездите-ка Вы к первоклассному врачу в Швейц[арию] (я могу узнать имена и адреса) или Г[ермании],—позаймитесь месяца 2 **серьезным** лечением в *хорошей* санатории. А то расхищать зря казенное

имущество, т.-е. хворать и подрывать свою работоспособность—вещь недопустимая во всех отношениях.

Слышал (от ред[актора] «Просв[ещения]», видевшего Ладыжникова) [2]), что Вы недовольны «*Правдой*» за сухость? Это верно. Но от этого недостатка нелегко сразу исправить. Людей нет. *С великим* трудом через год после начала мы добились только *сносной* редакции в Питере. (Письмо Ваше в «Просв[ещение]» переслал.)

Пишите, какие планы и как *здоровье*. Убедительно прошу *взяться серьезно за лечение*—ей-же-ей, *вполне можно* вылечиться, а запускать—прямо безбожно и преступно.

Ваш *Ленин*.

P. S. У нас частью была, частью будет хорошая публика. *А видали «Наш Путь»* [3])? Каков успех-то? Уже вторая газета. Поставим и третью на юге.

Адрес: Ulianow. **Poronin** (Galizien) *Austria*.
(Зимой буду в Кракове: Lubomirskiego 51.)

[1]) Телеграммы А. М. Горького «по поводу Бебеля» в распоряжении Института не имеется. Не относилась ли она к смерти Бебеля 12 августа 1913 г.?

[2]) Редактор «Просвещения»—вероятно, М. А. Савельев. И. П. Ладыжников—издатель, организовавший в Берлине издание русских книг, находившийся в близких отношениях с А. М. Горьким.

[3]) «Наш Путь»—московская газета большевиков, выходившая с 25 августа (7 сентября) по 12-25 сентября 1913 г. Вышло всего 13 №№.

Письмо 31.

[Начало ноября 1913] [1]).

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам сегодня заказной бандеролью начало романа, который идет в «*Просвещение*». Думаем, что Вы не против. Если же Вы, паче чаяния, против,—**телеграфируйте** в «Просвещение»: «Войтинского отложите» или «роман «Войт[инского] не пускайте» [2]).

Известие о том, что Вас лечит *новым* способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же, в 99 случ[аях] из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал один **хороший** врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо **только** у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретения большевика—это ужасно!! Только вот контроль профессоров неапольских... если эти профессора действительно знающие... Знаете, если поедете зимой, *во всяком случае* заезжайте к первоклассным врачам *в Швейцарии и Вене*—будет непростительно, если Вы этого не сделаете. Как здоровье теперь?

Ваш *Н. Ленин*.

P. S. У нас дела идут недурно; в Питере рабочие сплачиваются *партийно во всех* легальных обществах, страх[овых] в том числе. Здесь были интересные и дельные парни тоже.

Адрес: Wl. Ulianow
51 Ulica Lubomirskiego
Krakow. Krakau (Galizien).

[1]) Письмо не датировано. Приблизительная дата установлена путем сопоставления с пост-скриптумом к письму № 32 и с письмом № 33.

[2]) В. Войтинский (псевдоним Сергей Петров). В 1905—1907 гг.—агитатор Петербургского Комитета большевиков и сотрудник большевистской прессы. В

1907 г. по большевистскому делу попадает на каторгу и затем в ссылку, где им написан ряд беллетристических произведений из жизни революции и тюрьмы. В 1917 г. перешел к меньшевикам и с тех пор выступает как злостный противник большевизма.

Отрывок из его повести: «Волны» под заглавием: «Луч света среди ночи» помещен в апрельской книжке «Просвещения» за 1914 г. Из письма № 33 видно, что А. М. Горький высказался *против* помещения романа Войтинского в «Просвещении». Поэтому трудно судить, идет ли в письмах Владимира Ильича речь о рукописи «Волн» или о какой-либо другой рукописи Войтинского.

Письмо 32.

[14 ноября 1913] [1]).

Дорогой А. М.! Что же это вы такое делаете?—просто ужас, право!

Вчера прочитал в «Речи» ваш ответ на «вой» за Достоевского и готов был радоваться, а сегодня приходит ликв[идаторская] газета и *там напечатан абзац вашей статьи*, которого в «Речи» не было [2]).

Этот абзац таков:

«А «богоискательство» надобно **на время** (только на время?) «отложить,—это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, вы **еще**» (еще!) «не создали его. Богов не ищут,—**их создают**; жизнь не выдумывают, а творят».

Выходит, что вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что вы против богоискательства **только** ради замены его богостроительством!!

Ну, разве это не ужасно, что у вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против **всяких** чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство—будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно),—а для предпочтения синего чорта желтому это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где **совсем** неуместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке»,—в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией,—именно поэтому это—самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать,—а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в 1.000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

И вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость» (русской: почему русской? а итальянская лучше??) **мещанской** души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками!!

Право, это ужасно.

«Довольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику».

А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает себя* худшим образом, занимаясь вместо «деяний» **как раз** самосозерцанием, самолюбованием, при чем «созерцает»-то такой человек, самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством.

С точки зрения не личной, а общественной, *всякое* богостроительство есть именно *любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как вы изволили очень верно сказать про *душу*—только не «русскую» надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская—*всё один чорт*, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство», занятое идейным труположством, сугубо гнусно).

Вчитываясь в вашу статью и *доискиваясь*, откуда у вас эта **списка** выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую *вы сами* не одобряли?? Отголоски ее??

Или иное—например, неудачная попытка *согнуться* до точки зрения **общедемократической** вместо точки зрения *пролетарской?* М. б. для разговора с «демократией вообще» вы захотели (простите за выражение) посюсюкать, как сюсюкают с детьми? м. б. «для популярного изложения» *обывателям* захотели допустить на минуту **его** или **их**, обывателей, предрассудки??

Но ведь это—прием *неправильный* во всех смыслах и во всех отношениях!

Я написал выше, что в *демократических* странах **совсем** неуместен был бы со стороны пролетарского писателя призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке». Ну, а у нас в России?? Такой призыв *не совсем* уместен, ибо он тоже как-то льстит обывательским предрассудкам. Призыв какой-то общий до туманности—у нас даже Изгоев из «Рус[ской] Мысли» *обеими руками* его подпишет [3]). Зачем же брать такие лозунги, которые **вы-то** отделяете превосходно от изгоевщины, **но читатель** не сможет отделить?? Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различения *мещан* (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительских, богопотакающих, самооплевывающихся, *бестолково анархистичных*—чудесное слово!! и прочая и прочая)—и *пролетариев* (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» *буржуазии* от своей, демократию буржуазную от пролетарской)?

Зачем вы это делаете?

Обидно дьявольски.

Ваш *В. У.*

P. S. Заказной бандеролью послали роман [4]). Получили?

P. P. S. **Лечитесь** серьезнее, право, чтобы зимой можно было ехать, *без* **простуд** (зимой опасно).

Ваш *В. Ульянов.*

[1]) Письмо не датировано. Дата устанавливается по содержащимся в письме Владимира Ильича ссылкам на газету «Речь» и «Новую Рабочую Газету», с учетом того, что петербургские газеты приходили в Краков на четвертый день.

[2]) В газете «Русское Слово» за 22 сентября (5 октября н. ст.) 1913 г. А. М. Горький напечатал протест против инсценировки Московским Художественным театром антиреволюционного романа Достоевского «Бесы». «Это «представление»,—писал Горький,—затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально». Либеральная и реакционная пресса подняла вокруг этого протеста Горького большой

шум («вой» — по выражению Владимира Ильича), выступив с рядом статей «за Достоевского». А. М. Горький ответил новой статьей «Еще о Карамазовщине». Она появилась в № 248 «Русского Слова» от 27 октября (9 ноября н. ст.) 1913 г.

В больших выдержках, но *без заключительного абзаца*, ответ Горького был перепечатан в газете «Речь» от 28 октября (10 ноября н. ст.) 1913 г. На следующий день эта статья Горького, *включая также и заключительный абзац*, полностью процитированный Владимиром Ильичем в его письме, была перепечатана ликвидаторской газетой «Новая Рабочая Газета», № 69 от 29 октября (11 ноября н. ст.) 1913 г. Эти перепечатки статьи Горького в «Речи» и «Новой Рабочей Газете» и имеет в виду Владимир Ильич в своем письме.

Кроме заключительного абзаца, который приведен в письме Владимира Ильича полностью, Владимир Ильич ссылается еще на следующие фразы из статей Горького:

«Я знаю хрупкость русского характера, знаю жалостную шаткость русской души и склонность ее, замученной, усталой и отчаявшейся, ко всякого рода заразам...» «Довольно самооплеваний, заменяющих у нас самокритику; довольно взаимных заушений, бестолкового анархизма и всяких судорог».

О впечатлении, произведенном письмом Владимира Ильича, можно судить по тому, что при перепечатке своей статьи в 1916 г. (М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. Изд-во «Парус») Алексей Максимович *выкинул* заключительный абзац, вызвавший «бешеное» нападение Владимира Ильича.

[3]) А. Изгоев—в середине 90-х годов участник марксистских журналов. Затем один из самых правых кадетских публицистов, участник сборника «Вехи» и постоянный сотрудник «Русской Мысли» того периода, когда она под руководством П. Б. Струве стала наиболее ярким органом идейной контр-революции и злостной борьбы с революционным движением.

[4]) Рукопись романа В. Войтинского, присланная автором для журнала «Просвещение».

Письмо 33.

[15 ноября 1913 г.] [1]).

Дорогой А. М.! Получил роман [2]) и Ваше письмо. По моему, задержать роман, раз Вы *не за*. Прилагаю письмо Каменева, к[ото]рый читал роман (я еще не читал).

Напишем в Питер, чтобы задержали.

Прилагаю вчерашнее мое письмо: не сердитесь, что я взбесился. Может-быть, я Вас *не так* понял? Мож[ет] быть, Вы в *шутку* писали «на время»? И о богостроительстве, м[ожет] б[ыть] не в серьез писали?? [3]).

Лечитесь, ради бога, получше.

Ваш *Ленин*.

[1]) Письмо не датировано. Дата устанавливается сопоставлением с письмом № 32.

[2]) Рукопись романа В. Войтинского. См. прим. 2 к письму № 31.

[3]) Речь идет о письме № 32.

Письмо 34.

[Декабрь 1913 г.] [1]).

. . . . . .

По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у Вас получается противоречие—то самое, по моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: Вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», Вы «не можете понять, как проскользнуло слово на время» [2])—так Вы пишете—и в то же самое время Вы защищаете идею бога и богостроительства.

«Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она—явно неверна и явно реакционна. На подобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извращения его) Вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что́ *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог= «идеи, будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «Правду-Справедливость» и тому подобное. Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз вы его написали, оно пошло в *массу*, и его **значение** определяется не вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения **выходит** (вопреки Вашей воле и независимо от вашего сознания) выходит так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Н[иколая] II и г.г. Струве, ибо **на деле** идея бога **им** помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот—скажут попы и К⁰—какая хорошая и глубокая это—идея (идея бога), как признают даже «*ваши*» гг. демократы, вожди,—и мы (попы и К⁰) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей будящих и организующих социальные чувства. Это—Богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог= комплекс идей, к[ото]рые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии.

В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом» а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей.

Буржуазно ваше определение (и не научно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще—а не определенными **классами** определенной исторической эпохи.

Одно дело—идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое—у Струве и К⁰. В обоих случаях эту идею поддерживает классо-

вое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю,

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелись в виду интересы личности? Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха?

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно!! Если бы в России была свобода, ведь вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и теологию чисто буржуазного типа и характера.

Ну, пока довольно—и то затянулось письмо. Еще раз крепко жму руку и желаю здоровья.

Ваш *В. И.*

[1]) Сохранившаяся в Ленинградской Публичной Библиотеке подлинная рукопись этого письма Владимира Ильича начинается с листка, отмеченного цифрой «5». Первых четырех листков в библиотеке нет. Возможно, что, передавая это письмо в библиотеку, Горький оставил у себя первые его страницы. Мы печатаем сохранившуюся часть письма с фотографической копии, снятой с подлинника. Письмо представляет собой ответ на письмо Горького, вызванное, в свою очередь, письмом Ильича № 32.

[2]) Слово «на время» относится к цитате из статьи Горького, приведенной и разобранной Владимиром Ильичем в письме № 32.

ДОБАВЛЕНИЯ.

I.

[Январь 1908 г.].

Анатолию Васильевичу.

Дорогой Ан. Вас.! Черкните, устроились ли вполне и стали ли работоспособны? Мы рассчитываем на Вас для «Пролетария»: 1) на итальянские корреспонденции, дважды (примерно) в месяц 8—12 тысяч букв. Первую—недели через три. 2) На политические фельетоны от времени до времени. Видите-ли рус[ские] газеты (у Горьк[ого] их много)?

Пишите.

Жму руку. Ваш *Старик.*

II.

Анат[олию] Вас[ильеви]чу.

13. II. 08.

Дорогой Ан. Вас.!

Вчера отправил Вам писульку насчет Бринкмана [1]). Спешу ответить на Ваше письмо от 11. II.

Не совсем понимаю, чего бы Вам огорчаться моим письмом? Не из-за философии же!

Ваш проект беллетристического отдела в «*Прол[етарии]*» и поручения его А. М-чу превосходен и меня необычно радует. Я именно мечтал о том, *ч[то]бы литературно-критический* отдел сделать в «Прол[етарии]» постоянным и поручить его

А. М-чу. Но *я боялся*, страшно боялся прямо предлагать это, ибо *я не знаю* характера работы (и работосклонности) А. М-ча. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрыванье на мелочи, на газету, на публицистику,— тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его! Это я очень хорошо понимаю и чувствую.

Вам на месте виднее, дорогой Ан. Вас. *Если Вы считаете, что мы не повредим* работе Ал. М-ча, ежели запряжем его в регулярную партийную работу (а парт. работа от этого массу выиграет!), то постарайтесь это наладить.

«Прол[етарий]» № 21 выходит 13 (26) февр. Значит, время еще есть. Желательно иметь рукописи к *пятнице*, чтобы свободно поспеть к номеру, который выходит в среду. Если спешно, можно поспеть и тогда, когда рукопись приходит в воскресенье (для скорости пишите и посылайте прямо на мой адрес), даже (крайность!) в понедельник.

Пишите непременно и Вы. Не пришлете ли к № 21 либо политич[еского] фельетона о русских делах (10—16 тыс. букв)? либо статьи об уходе Ферри [2])? (8—10 тыс. б.). Еще лучше не «либо—либо», а «и—и».

Жму крепко руку и прошу ответить, налаживается ли сотрудничество в «Прол[етарии]» А[лексея] М[аксимови]ча. Если да, пусть начинает тотчас, не дожидаясь «съезда» и сговора.

---

[1]) Этого письма в распоряжении Института не имеется.

[2]) Энрико Ферри — руководитель тогдашнего большинства итальянской социалистической партии, отказавшийся, в результате борьбы течений внутри партии, от редактирования ее центрального органа.

Статья Луначарского о связанном с этим «Кризисе в итальянской рабочей партии» помещена не в 21, а в № 23 «Пролетария» от 11 марта 1908 года.

У ИСТОКОВ МАРКСИЗМА.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. I, под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Государственное Издательство. М. 1923, стр. 564.

Григорий Баммель.

Первый том сочинений Маркса и Энгельса, вышедший в свет под редакцией Д. Б. Рязанова, открывает новую эпоху в области марксоведения: эпоху *научного* исследования и разработки истории и теории марксизма. Подробно останавливаясь на своих предшественниках в этой области, редактор приходит к выводу, что ни одно более или менее значительное сочинение Маркса, изданное Мерингом, Бернштейном и др., не давало подлинного текста. «Для издания собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке нет в наличности главного предварительного условия: полного научного издания всех произведений Маркса и Энгельса даже на немецком языке. Необходимо еще собрать их». Таким сбразом, предпринимаемое Д. Б. Рязановым издание является *первым* опытом издания такого собрания сочинений во всей международной литературе.

Говорить о библиографических особенностях книги, останавливаться на характеристике комментария, приложенного к ней—не входит в мои задачи. Читатель найдет ниже обстоятельную рецензию т. Адоратского. Я же замечу, что такие издания Д. Б. Рязанова, как «Коммунистический Манифест» или первый том «Сочинений» Маркса и Энгельса, навсегда останутся тем идеальным образцом научного издания, тем руководством, которым будут пользоваться и которому будут подражать все товарищи, издающие или редактирующие переводы классиков материализма или социализма. В этом их не только научное, но и колоссальное педагогическое значение.

Первый том обнимает собою литературную и публицистическую деятельность Маркса за 1841—1844 годы, т.-е. от начала деятельности до первой их встречи осенью 1844 года, когда начинается совместная литературная работа, именно, здесь собраны все произведения Маркса, начиная от докторской диссертации до статей в «Немецко-Французских летописях» и «Вперед». В приложениях, кроме письма Маркса к отцу,

читатель находит материалы для истории сотрудничества Маркса в «Рейнской Газете», письма его к Руге и Фейербаху,—все, что существует, помимо статей, для характеристики взглядов Маркса и их развития до 1844 г. Открыть внутреннюю связь между различными фактами интеллектуальной жизни Маркса этого периода, наметить общую линию его мировоззрения до того времени, когда от политического либерализма Маркс переходил к «реальному гуманизму» Фейербаха,—является целью нижеследующих заметок.

Самым ранним документом в истории духовного развития Маркса, если не считать его гимназических работ, является его письмо к отцу от 10 ноября 1837 г., когда он был еще студентом Берлинского университета. Это письмо имеет огромное значение не в силу одних только биографических данных, содержащихся в нем: оно показывает, как рано начал Маркс изучать философию Гегеля и теоретически осознавать идеалистическую сущность этой философии.

Почувствовав желание побороться с философией, он берется за изучение юриспруденции. Изучив источники, он пытался провести некоторую систему философского права через всю область права и доводит свой злополучный opus почти в триста листов до публичного права. Но «здесь,—пишет Маркс,—внесло большую путаницу то самое противоречие между сущим и должным, которое свойственно идеализму». Свою ошибку он характеризует следующим образом: «Ошибка заключалась в том, что я воображал, будто форма может и должна развиваться отдельно от материи, и, благодаря этому, получил не реальную форму, а какой-то письменный стол с ящиками, в которые я насыпал затем песку». Развивая метафизическую теорию права, Маркс сталкивается с неизбежностью опустошения всякого реального права, уничтожения всякой реальной формы права при «идеалистическом» методе исследования. «При этом,—говорит он,—ненаучная форма математического догматизма, при которой субъект танцует около вещи, рассуждает так и сяк, а сама *вещь не развертывается во всем богатстве своей формы и жизни*, была с самого начала помехой для усвоения истины». Преимущества гегелевского диалектического метода перед «ненаучной формой математического догматизма» Марксу представлялись с исчерпывающей ясностью. Правда, его тяготение к реальной действительности, охватившие его глубокие сомнения в правильности идеалистического образа мышления были основаны не на исторической, но на логической критике. Но тем ярче выступают реалистические тенденции его мышления. «Математик, имея перед собой треугольник,—говорит он,—делает разные построения, приводит доказательства; треугольник этот остается представлением в пространстве, он не развивается ни во что дальнейшее; его нужно привести к чему-нибудь другому,—тогда он принимает другие положения и, в зависимости от этого, получаются различные отношения и следуют различные истины. Иначе совсем обстоит дело в конкретном выражении живого мира мысией,

каким является право, государство, природа, вся философия: здесь *нужно присматриваться к самому объекту в его развитии, здесь нельзя вносить произвольных подразделений*, разум самой вещи должен здесь развертываться как нечто в себе противоречивое, и найти в себе свое единство». За логической терминологией Гегеля здесь уже бьется пульс реальной жизни. Логическая терминология в сущности показывает только то, что, выступая против опустошенной формы без содержания, требуя брать исходным пунктом самый объект в его развитии, Маркс не подозревал, что идет дальше Гегеля. Он ясно сознавал все требования, которые ставит исследователю действительность живых развивающихся вещей,—«права, государства, природы», но неотразимая сила гегелевского языка и гегелевских образов еще скрывали от него истинный характер вскрываемых им противоречий. «Для меня стало ясно, что без философии мне не выбраться. И с чистою совестью я сызнова кинулся в ее объятия и написал новую метафизическую систему». Метафизическая логика величайшего из идеалистов дала первую трещину в логических взглядах молодого Маркса. Но тем беспомощнее казался Маркс в своих чисто логических нападках на метафизическую ненаучную форму математического догматизма.

«На первом семестре немало ночей было проведено в бдении, немало было выдержано битв, немало пережито внутренних и внешних возбуждений». Это отразилось на организме Маркса. Он уехал в деревню. «Я не подозревал, что превращусь там из бледного чахляка в крепкого здоровяка», пишет он и добавляет: «Завеса спала, моя святая святых была поругана, необходимо было поместить там новых богов. *От идеализма*, который я, к слову сказать, сравнил и напитал кантовским и фихтевским идеализмом, *я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее*». Дикая горная мелодия гегелевской философии ему мало понравилась. «Я не хотел больше заниматься фехтовальными уловками», говорит он, имея в виду логические конструкции гегелевской метафизики. «С определенным намерением обрести духовную природу столь же необходимой, конкретной и твердой, как и телесную», он берется снова за пересмотр гегелевской философии и пишет, хотя и «новую», *логику*. «Бодрой поступью приступил я к работе, к философско-диалектическому развитию божества в его проявлениях как понятия в себе, как религии, как природы, как истории. Мой последний тезис оказывался началом гегелевской системы, и эта работа, для которой я ознакомился до известной меры с естествознанием, Шеллингом, историей, которая стоила мне огромных умственных усилий и которая написана настолько запутанно (ибо, собственно, она должна была быть новой логикой), что я сам теперь едва могу понять ее,—это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно сирене, в объятия врага. От досады я не мог вовсе думать несколько дней и бегал как сумасшедший»... Знакомство с учениками Гегеля в Стралове, где он поправлялся после болезни, и, наконец, тесное общение с представите-

лями «теперешней *светской* философии, от которой я думал бежать», как он говорит,—вот что давало уже в 1837 году реалистическое направление его мыслям. И никто иной, как он сам, говорит, что его письмо к отцу отмечает один из тех моментов в жизни, которые «являются пограничными столбами для истекшего периода времени, но которые в то же время определенно указывают на новое направление жизни». Это была первая «метаморфоза» Маркса, когда он пережил «отчасти лебединую песнь, отчасти увертюру новой большой поэмы, которая стремится утвердиться в еще расплывающихся, сверкающих красках». Этот мотив того, что уже пережито, преодолено,—мотив противопоставления настоящего, таящего в себе новое направление жизни, прошлому, утратившему место для действия, мотив оглядывания назад с целью осознать свое действительное положение,—этот мотив проникает все письмо молодого Маркса, создавая живую художественную ткань лирического настроения. «Мы хотели бы воздвигнуть памятник раз уже пережитому, чтобы оно в чувстве обрело место, *утраченное им для действия*», говорит он в одном месте. «По тогдашнему состоянию моего духа лирическая поэзия должна была стать первой моей темой... но, согласно *всему моему прежнему развитию* и моему состоянию, она была чисто идеалистической».—«К чему заполнять еще страницы вещами, *от которых я сам отказывался*», восклицает он в другом месте. И далее еще: «Я вынужден был сызнова убедиться в непригодности всех моих прежних устремлений».

Окружающая его историческая обстановка в лице «светской философии» младогегельянцев, захватывающей борьбы противоположных мнений, неизбежно связанных с политическими злобами дня, толкали Маркса к реальной практической деятельности и в первую голову, конечно, к *теоретическому* пониманию необходимости, смысла и значения этой новой, еще смутно осознаваемой, практической работы. «Меня охватил какой-то раж, что вполне естественно после столь всестороннего отрицания», пишет Маркс. Ирония есть начало критики, скепсиса. Теоретической критикой младогегельянцев характеризовалось новое направление мыслей Маркса.

Уже в 1838 году мы видим его среди членов докторского клуба левых гегельянцев. В 1839 году он переписывается с Бруно Бауэром, а «своему другу Карлу Гейнриху Марксу из Трира» посвящает Кеппен свой памфлет, выпущенный им в 1840 году, по поводу столетней годовщины рождения короля Фридриха Прусского. Оба, несомненно, имели весьма большое влияние на молодого Маркса. Кеппен писал в памфлете о Фридрихе следующее: «Эпикурейство, стоицизм и скептицизм—нервы, мускулы и внутренности античного организма; их естественная непосредственная цельность обусловливала красоту и нравственность древности, и они распались, когда распался этот организм». Бауэр доказывал, что философия самосознания поможет стряхнуть с себя бремя старых оков реакционной романтики, и тем самым выступал защитником и проповедником идеологии новой нарождающейся немецкой буржуазии в ее борьбе с остатками феодализма, в борьбе за «свободу самосознания».

«В сущности они примыкали через нее к буржуазному просвещению XVIII века. Старогреческие школы самосознания... сыграли крупную историческую роль. Они открыли человеческому духу новые горизонты, сломали национальные рамки эллинизма, разбили социальные грани рабства, от которых не могли еще освободиться ни Аристотель, ни Платон; они оплодотворили начатки христианства, религии страдающих и угнетенных, которая лишь тогда перешла к Аристотелю и Платону, когда сделалась эксплуатирующей и господствующей церковью... Таким образом, уже буржуазное просвещение XVIII века пустило в оборот греческую философию самосознания, сомнения скептиков, вражду к религии эпикурейцев и республиканские взгляды стоиков» (Меринг). Под влиянием философской партии самосознания начало формироваться мировоззрение молодого Маркса. И подобно тому, как в сущности эта философская партия всегда была больше, чем одной философской теорией, так и Маркс, еще раньше, как мы видели, открывший реалистическое значение гегелевской точки зрения развития, видел истинную задачу всякой теории в том или ином практическом воздействии на действительность,—в частности, на политику. Случай с Георгом Гермесом и гермесианством [1]), имевшим практические следствия (ослабление католического фанатизма и сближение с протестантизмом) должен был укрепить в нем убеждение в необходимости всегда делать все надлежащие практические выводы из существующих философских теорий и, наоборот, критиковать существующие философские теории на основе критики той практики, олицетворением которой была реакционная полная затхлого хлама романтики неподвижная *религиозная* скорлупа гегелевской *системы*. Против «поглощенного теологией разума» и направил Маркс свою первую печатную работу: таков смысл его докторской диссертации. Конечно, дружба с Кеппеном и в особенности с Бауэром, которому для доказательства своей главной мысли о происхождении евангелий пришлось основательно изучать культурные и философские судьбы греко-римского мира, оставившие следы в христианской догматике,—наконец, необходимость более глубокого изучения или, вернее, «проверки» гегелевской философии в конкретной связи исторических фактов,—все это, несомненно, влияло на решение Маркса написать «большую работу об эпикурейской, стоической и скептической философии в их связи со всем греческим умозрением». Но было бы неправильно думать, что докторская диссертация написана только для того, чтобы отделаться от «несчастного экзамена» и получить докторский диплом. Достаточно вспомнить, что, если верить Рингу, единственному «первоисточнику» [2]), в числе примечаний к диссертации имеется отзыв о Шеллинге, о правогегелевской философии, цитата из «Системы прир-

[1]) Он рассказан Д. Б. Рязановым М. и Э. «Сочинения», т. I, стр. 496.

[2]) Теперь в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса имеется фотографический снимок всей рукописи докторской диссертации. Было бы очень желательно при втором издании 1-го тома сочинений Маркса и Энгельса ее использовать.

ды» Гольбаха, достаточно просмотреть оглавление потерянного (если верить Мерингу) «приложения» к диссертации о Плутархе, чтобы убедиться в этом. Центральною частью диссертации, несомненно, являлось именно это приложение: «Критика полемики Плутарха против теологии Эпикура».

«Полемика эта,—пишет Маркс,—не является единичной, но выражает собою целое направление и чрезвычайно метко выражает отношение *поглощенного теологией разума к философии*. В моей критике (этой полемики. *Г. Б.*), между прочим, совершенно не затрагивается вопрос, как неправильна вообще точка зрения Плутарха, когда он подвергает философию суду религии.

Вместо всяких рассуждений по этому поводу, достаточно привести одно место из Давида Юма: «Довольно оскорбительно для философии, что ее верховное значение, которое должно было быть везде признано, принуждает защищаться из-за ее выводов и оправдываться перед всеми сталкивающимися с ней науками и искусствами»... До тех пор (продолжает Маркс), пока в ее, покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце будет еще хоть одна капля крови, философия всегда скажет своим противникам вместе с Эпикуром: «Не тот безбожник, кто презирает богов толпы, но тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах». Теоретическая свобода философии есть свобода человеческого самосознания. «Философия этого не скрывает». Рядом с человеческим самосознанием не должно быть никакого другого божества. А «жалким трусам, торжествующим по поводу мнимого ухудшения положения философии в государстве, она повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу: «Но знай, Гермес, что казнь мою и цепи не променял бы я на твой позор: чем вестником проворным у царей служить, как ты». Прометей—самый благородный святой и мученик в философском календаре». Но жалкая трусость, торжествующая по поводу мнимого ухудшения философии в государстве, есть, кроме того, глубочайшее невежество такой философской партии, которой затхлый догматизм мысли не позволяет правильно подойти к противоречиям гегелевской философии и открыть необходимость там, где последняя уклоняется от истинной своей сущности и впадает в лабиринт односторонностей. Оставаясь всецело на почве чистейшего гегелианства, Маркс зимой 1840—1841 г. пытается дать принципиально-логическое объяснение происходящей философской борьбе. Толкование гегелевской философии «правыми учениками» не выдерживает критики уже потому, что противоречит истинному духу философии Гегеля. «Односторонности» последнего и то или иное определение системы они объясняют «приспособлением (akkomodation) и тому подобным,—объясняют одним словом, морально». Между тем во всяком отклонении, во всякой «неразумной» односторонности, во всякой ошибочной непоследовательности следует искать «разум», «необходимость», и объяснять не случайными «намерениями», не «совестью», но «существенной формой сознания» данного философа. «Вполне мыслимо, что философ совершает ту или иную кажущуюся непоследовательность в силу приспособления; он может даже сознавать

это. Но чего он не сознает, так это того, что *возможность* этого кажущегося приспособления коренится в недостаточности принципа или в недостаточном понимании им своего принципа. И если философ действительно приспособлялся, то его ученики должны объяснить из его внутреннего сознания то, что для него имело форму экзотерического сознания». Старогегельянцы не понимают, в чем заключается принцип философии Гегеля, его живая эзотерическая сущность, которая позволяет установить во всяком фактическом определении всей системы свою реальную *принципиальную* необходимость. Если бы поняли это, тогда они увидели бы, что они противоречат «существенной внутренней форме сознания» своего учителя потому, что это «внутреннее сознание» его было само недостаточно, само таило в себе противоречие. Следовательно, необходимо было с самого начала не упрекать учителя за тайные намерения, но «воссоздать существенную форму его сознания», чтобы заподозревалась не личная совесть философа, но «получала определенную форму и значение, и тем самым развивалась дальше», а то, что представлялось прогрессом совести, понять как прогресс знания. Но если ученики Гегеля пошли по противоположному пути, то, очевидно, их односторонности, противоречия и непоследовательности также нельзя объяснять ни «приспособлением», ни «тайными намерениями» «нефилософской» партии,—одним словом, морально. Напротив, следует вскрыть то, чего они не сознавали, но что коренилось в недостаточности их принципа или в недостаточном понимании ими своего принципа. Если к старогегельянству подойти с этой точки зрения, то становится понятным, почему «это нефилософское направление значительной части гегелевской школы» есть «явление, которое всегда будет сопровождать переход *от дисциплины к свободе*».

«Это психологический закон,—говорит Маркс,—что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию», но благодаря тому, что в то время, как теория превращается в практическую энергию, теория не только не перестает быть системой, но и система впервые низводится до абстрактной целостности, — ставшая в себе свободной философская теория становится как абстрактная целостность системы лишь одною стороною мира, и против нее выступает другая. Поэтому, выступая как воля из царства теней Аментеса, она обращается против земной, без него сущей действительности. Этой противоречивостью запечатлено и непосредственное осуществление философии, именно, критика, которая здесь, в понимании старогегельянцев, не идет дальше созерцательного отношения к действительности, характерного для всякой системы. «Мы видим здесь как ее curriculum vitae заводит в тупик, обнаруживает свое субъективное острие». Одушевленное стремление осуществиться, ее отношение к миру вступает в конфликт с конкретной действительностью. «Внутреннее самодовление и цельность нарушены. То, что было внутренним огнем, превращается в пожирающее пламя, вырывающееся наружу. Таким образом, получается результат, что проникновение мира философией в то же время становится обмирщением философии». Эта объективная противоречивость философии повторяется в

субъективном сознании ее носителей, как двоякое противоречащее самому себе требование и действие,—«*требование*» осуществления философии, обмирщения ее в форме поступательного движения в индивидуальных самосознаниях ее носителей, и необходимое, неизбежное «действие» абстрактной философии, которая в качестве целостной *системы* держит в своих оковах эти индивидуальные самосознания. «Их освобождение мира из внефилософского состояния есть в то же время их собственное освобождение от той философии, которая, как определенная *система, держала их в оковах*. Так как они сами (индивидуальные самосознания) находятся только в процессе и в непосредственной энергии развития, следовательно, в теоретическом отношении не пошли еще дальше этой системы, то они испытывают лишь противоречие с пластической устойчивостью системы и не знают, что, обращаясь против нее, они осуществляют только ее отдельные моменты». Следовательно, это субъективное отражение в индивидуальных самосознаниях двойственности и противоречивости философии Гегеля имеет дальнейшие глубокие следствия. Именно, возникают две радикально-противоположные философские партии, из которых вторая берет начало из первой, образуется на ее почве как отрицание и ее дальнейшее развитие: одна партия превратного отношения к вещи, исходящего из иррационального момента, момента реальности,—это позитивная философия Шеллинга. Вскрываемая выше двойственность философского самосознания здесь выступает как «превратность вообще, так сказать, бессмысленность как таковая». Осознать, отдать себе отчет в разумном необходимом смысле этой «превратности», двойственности самосознания, устремленного всегда к миру, благодаря той же философии, система которой держит ее в оковах,—это значит стать на путь *критики*, на путь обращения философии во-вне. «Каждая из этих партий делает именно то, что другая хочет делать и чего она сама не хочет делать». Но в отличие от первой вторая сознает свое внутреннее противоречие между принципом вообще и своею целью, и в то время, как первая, т.-е. старогегельянская партия позитивной метафизики Шеллинга, может привести только к требованиям и тенденциям, форма которых противоречит ее значению, первая, т.-е. либеральная партия критики или «понятия», может привести к реальным результатам. Таким образом, «то, что является сначала превратным отношением и враждебным разделом философии с миром, потом становится разделом индивидуального философского самосознания в самом себе и, наконец, является как внешнее разделение и раздвоение философии на два противоположных направления» .

Такова *логическая* диалектика развития философской теории. Этот марксовый анализ внутренней *логики* происхождения гегельянства во всей его сложности,—анализ, который по абстрактной остроте и глубине мельчайших оттенков мысли не уступает страницам «Феноменологии духа», сам построен на чисто логических понятиях и, всецело чуждый исторической или материалистической диалектике, представляет собою яркое свидетельство того, как глубоки были тогда в Марксе симпатии к абстрактной «партии понятия», как глубоко засела в нем логическая

диалектика величайшего из идеалистов. Но тем яснее были для Маркса все, хотя бы и логические, опасности, односторонности и противоречия своей либеральной партии — «партии понятия». Партия логической критики привлекала его потому, что сама практика философии теоретична. Теоретическая критика надолго останется единственной практикой философии, еще долго Маркс будет измерять «отдельное существование сущностью, живую действительность—идеей» Но, однако, уже здесь он не может полностью принять младогегельянской критики, которая останавливалась, по его мнению, лишь на сознании своего противоречия между принципом вообще и своею целью и не шла дальше обмирщения философии: если, говорит Маркс, она свой недостаток правильно рассматривала как недостаток мира и стремилась сделать мир философским, то философский мир продолжал существовать рядом с земным миром, и «переход от дисциплины к свободе» был понят как переход от философской дисциплины к религиозной свободе. И здесь, как в это же время и независимо от него Энгельсу [1]) пришлось, естественно, свести счеты с одряхлевшим выжившим из ума Шеллингом. Не является ли критика полемики Плутарха против теологии Эпикура только маской, за которой скрывается подлинное лицо Маркса? Если полемика эта не случайное явление, но «целое направление, чрезвычайно метко выражающее отношение поглощенного теологией разума к философии», то можно с уверенностью сказать, что критика Плутарха была у Маркса лишь косвенной критикой поглощенного теологией Шеллинга. «Господину Шеллингу можно вообще посоветовать вспомнить свои первые статьи», пишет Маркс. Так, например, в статье об «Я как принципе философии» сказано: «Допустим, например, что бог, определяемый как объект, есть реальная основа нашей сущности, но в таком случае он, поскольку он есть объект, сам попадает в сферу нашего знания и не может, следовательно, быть для нас последним пунктом, на котором держится вся эта сфера». Мы, наконец, напоминаем г. Шеллингу заключительные слова его вышеупомянутого письма: «Пора возвестить лучшему человечеству свободу духа и не терпеть более, чтобы оно оплакивало потерю своих оков». *«Если уже в 1595 г. была пора, то как же в 1841?»*, спрашивает Маркс. И он доказывает чисто фейербаховскую мысль: именно, что все доказательства существования бога суть «доказательства бытия существенного человеческого самосознания». «Доказательства существования бога либо представляют пустые тавтологии, например, онтологическое доказательство говорит только одно: «то, что я действительно представляю себе, для меня есть действительное представление, то действует на меня, и в этом смысле все боги как языческие, так и христианские, обладали действительным существованием. Разве не царствовал старый Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего

[1]) В брошюрках «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг, философ во Христе» (должны появиться скоро на русском языке: Сочинения Маркса и Энгельса, том II. М. 1924, под ред. Д. Рязанова).

поделать не может». «Приходи со своими богами в страну, где существуют другие боги, и тебе будут доказывать, что ты страдаешь фантазиями и абстракциями. И справедливо. Если бы кто-нибудь привел древним грекам иноземного бога, то нашел бы доказательства несуществования этого бога. Ибо для греков он не существовал». Этой аналогией Маркс пользуется для того, чтобы доказать следующую мысль: «*чем известная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще, областью, где его существование прекращается*». «Или же (говорит Маркс) доказательства существования бога представляют не что иное, как доказательства бытия существенного человеческого самосознания, логические объяснения последнего. Например, онтологическое доказательство, какое бытие непосредственно, когда мы его мыслим? Самосознание». После этих слов нетрудно угадать, куда клонило предисловие к диссертации, нетрудно понять его истинный смысл. Признание Прометея—«откровенно говоря, ко всем богам я ненависть питаю»—есть признание философии, ее собственное изречение «против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческого самосознания высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никого». Что эти строки, написанные в марте 1841 года, не были одной юношеской «выходкой», как думал Бауэр, или литературной фразой, ясно видно из писем Руге этого периода, в частности из его письма к Штару от 8 сентября 1841 г. «Бруно Бауэр, Маркс, Христиансен и Фейербах представляют Гору и проповедуют учение Руге и противопоставляют их как якобинцев жирондистам» (Штраусу и его школе). Из этого же письма мы узнаем, что Бауэр вместе со своими единомышленниками намерен издавать «Журнал атеизма». Руге подчеркивает заглавие и заключает, что свобода, которая проходит в своем развитии все фазы, вызывает столь фанатическое сопротивление, что дело идет не на шутку, и философское развитие грозит перейти в историческое. В другом письме, от 8 января 1842 г. он пишет, что «Кеппен, Бауэр, Маркс, Фейербах написали на всем немецком горизонте мене текел фарес» [1]). Еще в феврале 1842 года Маркс отсылает Руге для «Deutsche Jahrbücher» критику новейшей прусской цензурной инструкции. В марте того же года он заканчивает большую работу о «ненависти Гегеля к священной истории и божественному искусству в священных книгах» [2]), а 28 апреля 1842 года Маркс пишет Руге из Бонна: «В «Рейнскую Газету» я послал большую статью о нашем последнем рейнском ландтаге с легкомысленной интродукцией о прусской государственной газете. В связи с дебатами о печати я снова возвращаюсь под иным углом зрения к вопросу о цензуре и свободе печати» [3]). В августе того же 42 года в «Рейнской Газете» появляется новая большая статья об исторической школе права, затем отпо-

---

[1]) *Arnold Ruge.* Briefwechsel und Tagebuchblätter aus d. Jahren, 1825—1880, изд. v. P. Nerrlich, Brl. 1886, B. 1, 239 и др.

[2]) Это 2-я часть так называемой 2-й части Posauney,а хранится в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

[3]) Соч. I, 473.

ведь «Кельнской Газете», выступившей против философских газет в Кенигсберге и Кельне, а спустя два месяца Маркс переезжает в Кельн и становится редактором «Рейнской Газеты».

На первый взгляд может показаться, что статьи в «Рейнской Газете» не представляют никакого интереса для того, кто изучает развитие философских взглядов Маркса. Но на самом деле именно в этих статьях мы имеем в методологическом зародыше все черты его «критического» первоначального младогегельянского понимания философии (как критики), которое изменялось и развивалось под влиянием тех исторических особенностей рейнской области, о которых ниже еще будет итти речь. Кроме того, не следует забывать, что, будучи редактором «Рейнской Газеты», Маркс не переставал работать над философскими статьями — «*о христианском искусстве*», о «*романтике*», об «*искусстве и религии*», *о «гегелевской философии права»*, как показывают все его письма к Руге этого периода.

Развитие диалектической мысли Маркса в 1842 году можно охарактеризовать как все усиливающееся выявление политической сущности младогегельянской критики религии, пока с превращением последней в чисто философскую аполитичную теорию Бауэра, после крушения либеральных надежд 1842 г., критика религии не становится революционной критикой той политики, проводником которой являлась религия. Логической предпосылкой этого процесса было соответствующее последовательное разоблачение идеалистической шелухи гегелевской диалектики, крушение старой идеалистической логики неподвижных понятий.

Если из истории философии нам известно, что диалектика гегелевской философии послужила сильнейшим толчком для более внимательного, более глубокого изучения действительности, то это возможно было после того, как сама гегелевская диалектика была в значительной степени продуктом влияний нового общественного класса, в своем «бытии» как бы открывшим «настоящую» историческую действительность. То же самое мы видим в статьях Маркса. Если в 1841 году он уже начал искать идею в самой действительности, то эта действительность открылась ему тогда, когда берлинский докторский клуб открыл ему тайны гегелевской философии. Поэтому, если Маркс начинает свои первые статьи той критикой, которая, верная заветам гегелевской логики, «меряет отдельное существование сущностью, живую действительность—идеей», не следует за скорлупою гегелевского жаргона упускать из виду живое биение пульса исторического движения, вызванного нарождающимся классом буржуазии в Прирейнской Германии.

Критерием своей публицистической критики Маркс делает «понятие вообще», «всеобщую истину», «сущность», «идею» рассматриваемых явлений. «Истина всеобща,—говорит он,—она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею». «Мое достояние—это форма, она моя духовная индивидуальность». «Сущность духа—это исключительно истина сама по себе». «Исследование истины само должно

быть истинно, истинное исследование—это развернутая истина» [1]). Эта абстракция неизменных вечных идей «человека» вообще, «государства» вообще проходит красной нитью как через всю статью о прусской цензуре, так и через статью о «дебатах шестого рейнского ландтага» и служит в руках Маркса не чем иным, как идеологическим оружием для защиты буржуазной демократии, идеологии прирейнской буржуазии. Логическая, пронизанная абстракцией диалектика стала в руках Маркса идеологическим оружием для защиты тех новых общественных и политических интересов, которые были вызваны к жизни усилением капитализации Германии и ростом прирейнской буржуазии. Но одновременно эта же самая борьба развивающегося капитализма со сковывающими его остатками феодализма вовлекла Маркса в живую горячую деятельность, которая требовала внимательного изучения существующих в его время форм права, форм социальных отношений, существующих форм собственности и т. д. Уже одно это обстоятельство заставляет относиться с некоторым недоверием и осторожностью к гегелевской манере выражаться и ко всей вообще гегелевской терминологии, которою полны статья о цензурной инструкции и первые статьи Маркса в «Рейнской Газете». Если внимательно вникнуть в статьи Маркса о «дебатах шестого рейнского ландтага» и в особенности о «передовице в № 179 «Кельнской Газеты», в самое существо его подхода к разбираемым вопросам, в это богатство конкретных фактов, в эту острую наблюдательность автора, то станет ясно, что гегельянство Маркса заключалось скорее в младогегельянском вербализме, чем в гегелевской философии. Общие положения Маркса, когда он начинает теоретизировать, конечно, выдают в нем ученика Гегеля, но именно из этих общих положений, являющихся по преимуществу теми или иными применениями гегелевского определения права и государства, вырастают новые мотивы мышления, новые понятия, новый метод исследования. Такие окрашенные гегельянской абстрактностью понятия, как «общественный разум» [2]) в противоположность «разуму индивидуальному» [3]), «национальность» [4]), «нравственный разум, который воплощается в нравственных отношениях» [5]), «всеобщая человеческая природа» по аналогии «с всеобщей природой растений и звезд»,—такие понятия показывают, что автор «существование меряет сущностью, действительность—идеей»... «Философия спрашивает: что есть истина, а не то, что считается таковою в той или другой стране. Ее интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых» [6]), пишет Маркс. «Философия не должна смешивать «иллюзорный горизонт частных миросозерцаний и национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа». Конкретно-историческое содержание употребляемых здесь терминов остается не только нераскрытым, но в значительной степени идеализированным. Это особенно ярко сказывается в тех случаях, когда путем положительной критики Маркс пытается обосновать необходимость «сущности человека», «всеобщей человеческой при-

[1]) Соч. I, 63, 65. [2]) Ib. 171. [3]) Ib. 175. [4]) Ib. 161. [5]) Ib. 264. [6]) Ib. 163.

роды» [1]), как критериев для оценки той или иной формы права, государства или собственности. Если Маркс в первых статьях в «Рейнской Газете» заставил философию «сменить аскетическую священническую рясу на легкую модную одежду газет» [2]), то эта «философия» не переставала апеллировать к «духу», «разуму», «сущности» и «понятию». Например, Маркс говорит, что «государство должно быть государством человеческой природы» [3]), что истинная философия требует «строить государство согласно *разуму* человеческих отношений», «не на основе религии, а на основе разума свободы» [4]),—другими словами, исходит из «*понятия* государства, как осуществления разумной свободы». «Если некоторые европейские государства,—говорит в другом месте Маркс,—действительно покоятся на христианских основах, то разве соответствуют эти государства своему *понятию* и разве является голый факт *существования* какого-нибудь состояния уже моральным оправданием этого состояния»[5]). Еще одно интересное замечание: «В эпоху национального собрания разложение французского государства есть освобождение нового духа от старых форм, которые были уже недостойны и неспособны его охватить» [6]). Таков характер марксового гегельянства первой половины 1842 года. Но если бы мы вздумали этими чертами духовного облика Маркса, пристрастием к логической абстракции, к диалектике понятий или своеобразным полемическим методологизмом, охарактеризовать интеллектуальное развитие Маркса периода, следующего сейчас же за докторской диссертацией, мы бы жестоко ошиблись. Во-первых, это было бы фактически неверно, так как ни одна работа молодого Маркса не отличается таким преобладанием логических абстракций над конкретными фактами, как докторская диссертация. Во-вторых, диалектика понятий в той форме, в какой она выражается у Маркса, сама представляет собою нечто слишком сложное, слишком своеобразное, чтобы можно было уложить ее в прокрустово ложе обычной логики. «Борьба была его стихией. И он боролся со страстью, с упорством, с успехом, как немногие», сказал Энгельс над его могилой: эта стихия борьбы чувствуется уже в первых статьях Маркса в «Рейнской Газете», и придавать его логической диалектической манере трактовки вопросов принципиальное значение—значит из-за деревьев не видеть леса. Между тем Маркс с каждой статьей, если хотите, с каждым номером «Рейнской Газеты» шел дальше своих современников и в особенности своих товарищей по борьбе. Интеллектуальное развитие есть такой же естественно-закономерный процесс, как и развитие общественных отношений или развитие общественного сознания класса, отражением которого оно является. Поэтому необходимо вернуться на минуту к итогам нашего анализа докторской диссертации.

Диссертация в форме критики полемики Плутарха против теологии Эпикура направлена против поглощенного теологией разума. Теология разоблачается и низводится до своей земной сущности. Доказатель-

---

[1]) Соч. I, 165 [2]) Ib. 167. [3]) Ib. 173. [4]) Ib. 174. [5]) Ib. 164. [6]) Ib. 180.—Курсив всюду наш.

ства существования бога представляют собою доказательства бытия существенного человеческого самосознания. Поэтому, если философия проявляет себя в критике и ставит своею целью обращение во-вне, к миру, обмирщение философии, то она не должна забывать того противоречия, которое возникает между ее принципом, принципом системы, и ее целью, не допускающей никаких оков для свободной философской критики. Старогегельянская философия «в состоянии привести только к требованиям и тенденциям, форма которых противоречит ее значению», т.-е. к реакционной романтике, которая противоречит духу гегелевской диалектики. Младогегельянцы, напротив, по словам Маркса, сознают «свое внутреннее противоречие между принципом вообще и своею целью». Это противоречие, которое заставило Маркса еще глубже поставить самую важную проблему, волновавшую его берлинских друзей, он формулирует следующим образом: либеральная партия понятия, выбросившая лозунг обмирщения философии, не заметила в процессе критики, как практики философии, что проникнутый философией мир продолжал существовать рядом с философией. Младогегельянцы «в непосредственной энергии развития в теоретическом отношении не пошли дальше той системы», потому что религия, низведенная до своей земной сущности, продолжала существовать рядом со своей земной сущностью; следовательно, истинная критика религии заканчивается тем, что реально, по-настоящему, «критикуется» «земная сущность» религии, ее действительность, теорией которой она является. А критика действительности, в свою очередь, по-новому ставит и проблему религии. Именно, диалектический метод, открывший в религии ее «земное ядро», неизбежно приводит к политической критике религии. Господство религии превращается в религию господства, культ воли правительства, политический фактор. Младогегельянцы признали это с самого начала, но они не сделали отсюда надлежащего вывода о необходимости сделать политику предметом философии—философия обращается к «разуму свободы» и разоблачает земную сущность политики. Рассматривая историческую роль философии как критики, Маркс замечает: «Философия сделала в политике то же, что физика, математика, медицина и каждая другая наука сделала в своей области». Бэкон Веруламский освободил физику от теологии. «Раз вы не спрашиваете врача, верующий он или нет, вам нечего спрашивать об этом политика. Одновременно с великим открытием Коперника и даже до него был открыт также и закон тяготения государств, их центр тяжести был найден в них самих... Вы полемизируете, следовательно, не против разума новейшей философии, вы полемизируете против вечно новой философии разума» [1]). Так как всякая истинная философия есть духовная квинт-эссенция своего времени, то должно наступить время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своей форме вступит в соприкосновение и взаимодействие с действительным миром своего времени.

[1]) Соч. I, 174 сл.

Формальные признаки, свидетельствующие о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собою живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир—философским,—во все времена были одни и те же. Любой учебник истории покажет нам, как стереотипно повторяются обычные формы, неизменно сопровождающие ее проникновение в салоны, в дом священника, в редакции газет, в королевские передние, в сердца современников, возбуждая то ненависть, то любовь. Философия вторгается в мир при криках ее врагов; они выдают свое внутреннее заражение ею диким воплем о помощи против пожара идей. Этот крик ее врагов имеет для философии такое же значение, какое имеет первый крик ребенка для тревожно прислушивающейся матери, это первый крик ее идей, которые, разорвавши установленную иероглифическую оболочку системы, появляются на свет как мировые граждане» [1]). Эти идеи, высказанные в блестящей полемической форме в статье о передовице в № 179 «Кельнской Газеты», Маркс впервые применяет к конкретной исторической обстановке в статье от 16 октября 1842 г.: «Коммунизм и Всеобщая Аугсбургская Газета», а теоретически формулирует их немного позже в письме к Руге от 30 ноября 1842 г. Вот что он писал последнему: «я выразил последним (берлинским младогегельянцам. *Г. Б.*) пожелание, чтобы они критиковали религию скорее в критике политического положения, чем политическое положение в критике религии, ибо это более соответствует существу газетного дела и уровню читающей публики, так как религия сама по себе лишена содержания и живет не небом, а землею, а с уничтожением той извращенной реальности, теорией которой она является, она гибнет сама собой». Уже из этих слов, обнаруживающих, несомненно, влияние Фейербаха и в то же время содержащих в сущности абстрактную формулировку взгляда, высказанного Марксом в 4-м тезисе о нем, ясно видно, насколько далеко шел Маркс в октябре—ноябре 1842 г. по сравнению не только с младогегельянцами Берлина, но и с Фейербахом. Но об этом ниже. Особые условия политического развития Рейнской провинции,—развившаяся под влиянием французской революции промышленность и антагонизм буржуазии и многочисленного промышленного пролетариата,—участие фурьеристов на страсбургском научном съезде, корреспонденции Гейне, статьи Вейтлинга, стачечное движение в Англии летом 1842 г. и, наконец, огромные успехи чартизма,—таковы те условия, которые глубочайшим образом влияли на Маркса [2]), когда он пытался найти выход из этого противоречия, которое превращало младогегельянскую философию в «какое-то бездонное болото, где она молчала, точно гибельный блуждающий огонек». И подобно тому, как сильно развившаяся буржуазия этой области была неспособна разрешить те противоречия, которые несла она с собою, так и идеалистическая диалектика должна была рушиться перед лицом этих противоречий, и философское развитие должно было перейти в историческое, как выразился в

[1]) Ib. 168.

[2]) Подробно у Д. Б. Рязанова: «Очерки по истории марксизма», 1923 г., стр. 29.

цитированном письме Арнольд Руге. В статье «Коммунизм и Аугсбургская Газета» Маркс обещает «подвергнуть идеи коммунизма в их современной форме основательной критике» и добавляет, что «такие произведения, как произведения Леру, Консидерана и в особенности остроумную книгу Прудона, нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии, а только после упорного и старательного изучения». Спустя две недели он пишет статью по поводу дебатов шестого рейнского ландтага: «дебаты по поводу закона против кражи дров»; вместе с последующей статьей «о сословных комиссиях в Пруссии» эти две статьи дают богатый материал того, как последовательно и медленно формальная диалектика понятий уступала место трезвому историческому анализу фактов. Самая изысканная гегельянская терминология, наконец, совсем исчезает в блестящих статьях по поводу мозельских крестьян (15 января 1843): «В ходе нашего изложения мы стремимся все строить на фактах и только стараемся по мере сил свести эти факты к их общим идеям» [1]). Но и эти общие идеи не имеют ничего сходного с формальным развитием мыслей предыдущих статей: напр., Маркс пишет, что он намерен открыть «в воле действующих личностей действие объективных условий» [2]). В простой и ясной, но потрясающей своим реализмом форме рисует Маркс невыносимо тяжелое положение мозельских крестьян-виноделов, которое создавалось у них лишением сервитутных прав, высокими налогами, несправедливым распределением последних, притеснениями со стороны крупных землевладельцев, бюрократическим гнетом, отсутствием свободной прессы и, наконец, низкими ценами и неурожаем. И если статья о мозельских крестьянах стоила «Рейнской Газете» жизни, то «Рейнская Газета» гегелевскому идеализму также стоила жизни: эта статья, несомненно, явилась поворотным пунктом в развитии Маркса, натолкнув его на изучение ряда экономических проблем, как об этом говорит он сам в предисловии к «Критике политической экономии». Вот почему закрытие «Рейнской Газеты» он считал «прогрессом политического сознания» (письмо к Руге от 25 дек. 1842 г.). В самом деле, Маркс мог бы сделать и он сделал интересные выводы из «уроков» закрытия «Р. Г.». Формальная диалектика и в особенности логическая абстрактность поднимающейся выше всяких определенных исторических периодов теории служили в его борьбе с остатками затхлого юнкерства до тех пор, пока новое общество в лице прирейнской буржуазии обезвреживало для себя таящиеся в нем классовые противоречия, а само было явлением прогрессивным. И теперь, когда философия должна была сохранить себя, чтобы осуществить ту цель, которую она поставила себе в марте 1841 года—критику, когда политика поглотила философию, история—критику, факты—идеи и понятия. Маркс как бы впервые отдает себе отчет в своем собственном духовном развитии. Закрытие «Рейнской Газеты» для Маркса потому и было «прогрессом политического сознания», что выявило уже определившиеся классовые

[1]) Соч. I, 309.
[2]) Соч. I, 325.

противоречия нового общества с ясностью, не допускающей никаких сомнений. Критика религии была началом критики политики, поскольку теология была лучшим проводником господствующей политики. Политическая критика, реформа сознания путем критики самых насущных специальных политических вопросов,—вот что становилось девизом Маркса, когда он подводил итоги своей деятельности в «Рейнской Газете». Но на этом пути ему оставалось преодолеть еще одно препятствие в области теории—гегелевскую философию *права* и *государства*. Чтобы очистить место для подлинно революционной теории, нужно было убрать с пути ту концепцию права и государства, которая до сих пор и была революционизирующим орудием нового общества, но теперь мешала правильному историческому исследованию вещей, так как в руках младогегельянцев она превращалась в систему идеи, догму, сковывающую сознание и не выходящую за пределы голой «критической критики». Критике гегелевской философии права Маркс посвятил свои научные занятия в 1843 г. Подобно тому, как религия к Руге в сентябре 1843 г. представляет оглавление теоретических битв человечества, политическое государство представляет оглавление практических битв человечества. «Критика гегелевской теории права и государства должна быть поэтому развита, как критика определенной политики с точки зрения интересов определенной *политической партии*», а стало-быть, заключает Маркс, мы должны «связать и отождествлять нашу критику с *действительной* борьбой». В таком случае мы не выступим перед миром, как доктринеры с готовым новым принципом... мы даем ему истинный лозунг борьбы. Критика гегелевской философии права и государства представляется Марксу, как «критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, а также как самое решительное отрицание всей доныне существующей формы немецкого политического и правового сознания». Поэтому критика спекулятивной философии права протекает не в себе самой, а в *задачах*, для разрешения которых имеется одно средство—*практика*. Если материальная сила не опрокидывается материальной силой, если свобода лишена материальных условий своего осуществления, то она является буржуазным обманом. «Германия, это убожество политической современности, конституировавшееся в свой особый мир, не сможет ниспровергнуть специфически немецких преград, не ниспровергнув общих преград политической современности. Отсюда ясно, как далеко шел Маркс по сравнению как с Бауэром, так и с Фейербахом. Д. Б. Рязанов даже полагает, что в критике гегелевской философии права и государства ни Бруно Бауэр, ни Фейербах не могли ему тут ничем помочь. Если последний, говорит он,—признавал свое бессилие в области «политики» и продолжал оставаться в сфере философии, то Бруно Бауэр уже в первых своих публицистических опытах показал, как недостаточен весь его теологический радикализм, когда приходится решать злободневные вопросы. Вот почему современники, хорошо знакомые и с Бауэром, и с Фейербахом, сразу заметили, что в статье Маркса есть что-то совершенно новое, специфически отличное от идей Бауэра и

Фейербаха» [1]). Это действительно правильное наблюдение. Но, если хотите, именно в этом «специфически отличном от Фейербаха», именно в том, в чем Маркс шел дальше Фейербаха, была не только его сила, но и слабость. «Очевидным доказательством радикализма немецкой теории, следовательно, ее практической энергии служит ее *происхождение* из решительного положительного упразднения религии». Это—знаменательное признание. Оно показывает, какими глубокими корнями уходит Маркс в религиозную критику оппозиционной буржуазии конца 30-х годов даже тогда, когда последовательно развитая критика религии становилась в его сознании теорией политической борьбы пролетариата и когда в этом смысле шел «дальше» Фейербаха. Это значит, что идеологии оппозиционной буржуазии, ставшей реакционною после завершения революции, он должен был противопоставить лишь идеологическое оружие критики, которое само по себе было лишено прочного научного фундамента. В этом смысле это была только «антитеза» раннего младогегельянства, здесь еще не было того чисто-научного исторического синтеза, который открыла Марксу материалистическая философия Фейербаха. И даже тогда, когда Маркс писал: «мы не выступим перед миром, как доктринеры с готовым новым принципом, мы даем ему истинный лозунг борьбы»,— даже тогда Маркс, несомненно, в *одном и существенном отношении* был позади Фейербаха: отрицательные стороны материалистического объяснения религии и материалистической критики Гегеля, принадлежащих Фейербаху, были хорошо известны Марксу, но гуманизм Фейербаха был все-таки единственной научной предпосылкой теоретического философского синтезирования тех политических взглядов, которые вырабатывались у Маркса под влиянием социальных и экономических факторов реальной практики и публицистической деятельности в «Рейнской Газете». Но это тема особого очерка.

Январь 1924.

[1]) Соч., I, 545.

СТАРОЕ СТУДЕНЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ РЕВОЛЮЦИИ.

(Из воспоминаний).

А. Дивильковский.

Хочу здесь рассказать о так наз. Ветровской демонстрации 1897 г. Я был тогда студентом Киевского университета, оканчивал курс. Студенчество тогда,—несмотря на то, что в массе своей состояло из выходцев мелкой буржуазии, так наз. интеллигенции,—было очень не похоже на нынешних студентов из того же слоя населения. «Студент» означало тогда почти одно и то же, что «революционер». Каждый почти студент долгом чести своей считал быть «политически развитым», т.-е. против царского правительства, и притом теоретически обосновать свою враждебность к последнему на почве социализма. Т.-е. в то же время такой «развитой» студент был (хотя бы лишь на словах) и врагом капитализма. Другой вопрос, конечно,—далеко ли заходил *на деле* этот «социализм» и эта «революционность». Мелкая буржуазия ведь вообще всегда готова объявлять себя против самодержавия помещиков, которые ее гнетут, и против капитала, который ее эксплуатирует иной раз немногим менее, чем рабочих. Но она так же почти боится и рабочей революции, как помещичье-буржуазной реакции. И в решительный момент— когда, по ее мнению, рабочие «дикари» готовы «разрушить устои цивилизованного общества» (т.-е. устои того же самого капитала) — она самым предательским образом бежит и от революции, и от социализма — в объятия того же помещика и того же капиталиста.

Но эта горькая истина относительно мелкобуржуазной интеллигенции (в ее *массе*, повторяю; отдельные личности могут вовсе уйти от психологии своего класса) тогда, в конце 1890 гг., была еще далеко не так ясна для всех, как теперь. Царь еще жал и давил всех и вся, борьба рабочих с капиталом еще только завязывалась. Студенты-революционеры еще вполне искренно могли уверять других и самих себя, что они идут впереди всех на штурм самодержавия и даже капитала. А иные из них действительно стали преданнейшими борцами революции на всю жизнь. И в течение ряда лет перед тем в нашей среде организовалось немало «землячеств», касс и проч., где плохо удовлетворяемые при нашей нищете

экономические задачи помощи в нужде, болезнях и т. д. немедленно переходили в политический протест. Студенческие «истории» против самых ненавистных профессоров-реакционеров, выражавшиеся в требованиях общестуденческих «прав» и «свобод», а затем и в обще - политических, т.-е. по существу революционных требованиях, — были ежегодным явлением.

У нас, в Киеве, дело обстояло каким-то образом так, что начальство в общем сквозь пальцы глядело на эти «истории», пока они не выходили из пределов университета. Исключали изредка того-другого из «зачинщиков», но полулегальных студенческих организаций не трогали. Поэтому у нас помаленьку развилась вся «парламентская» техника собраний, выборов в «старосты», голосований и проч. Организационные привычки были прочно вкоренены целыми годами. Влияние партий было, однако, слабо в организационном смысле—впрочем, тогда еще ни Р.С.-Д.Р.П., ни эс-эровская партия сами в действительности не существовали: были разрозненные инициативные группы той и другой партии, но не было объединения [1]), не было партийных центров. Зато почти все мало-мальски «развитое» студенчество распадалось резко на два «социалистических» лагеря: «марксистов» и «народников». Это и выражалось во всех студенческих организациях соответствующей фракционной борьбой.

Я был тогда с год уже убежденным марксистом. На меня решительное влияние оказала петербургская стачка текстильщиков в мае 1896 г., когда я живо почувствовал: «вот массовый путь, которым революция только и может победить». И в то же время я был еще настолько студентиком-интеллигентиком, что считал студенчество призванным указать дорогу, — политически-революционную дорогу «темным» массам.

В такой обстановке, среди таких или приблизительно подобных настроений понятно, какой эффект должно было оказать полученное 16 марта (ст. ст.) 1897 г. известие о самоубийстве в тюрьме «предварилки» в Петербурге курсистки Ветровой, из-за бесчеловечного обращения с ней жандармов (и — как говорили тогда — из-за попытки насилия над ней со стороны царского прокурора Кучина или Кукина). Известие получено было чуть ли не в тот же день, как оно стало известно в Петербурге, ибо тогда уже организация студенчества приняла всероссийский характер: кажется, еще годом ранее были съезды в Москве и Питере, и имелось нечто в роде студенческого центр. бюро со своим бюджетом, постоянными работниками и т. д. Поэтому-то происшедшие немедленно затем «ветровские истории» носили такой одновременно-стройный характер во всех почти университетских городах. Но мне кажется, что, кроме Петербурга, «история» нигде не имела такого активного, я бы сказал, упорного характера, как в Киеве.

Помню, как трудно было нам решить, следует или не следует на этот раз нам выйти, наконец, из более или менее безопасных стен «almae

[1]) Как раз лишь накануне Ветровской истории состоялся 1-й съезд Р.С.-Д.Р.П., 1 марта 1897 г., но об этом до нас еще не дошел тогда и слух.

matris» (т.-е. «матери-кормилицы» — так по-латински с древних времен величался университет) на жуткую улицу, на столкновение с грозными силами самодержавия. Собралось что-то в роде инициативной группки всего студенчества, чисто частной, неофициальной (я как-то не вспомню, что делали тогда официальные студенческие организации — землячества, старосты и проч.). Состояла она в большинстве из «марксистов»; в качестве каковых фигурировали тогда братья Кистяковские, сыновья когда-то известного, умершего задолго перед тем, киевского профессора-радикала (позже — «отъявленнейшие кадеты»); в их квартире вечером и происходило собрание. Была, кроме меня и хозяев, пара студентов, которых не припомню, и был еще довольно известный потом «народник» Марк Ратнер, тоже студент (позже сотрудник «Русского Богатства»). Не припомню позиций каждого из участников, но хорошо помню, что передавался лозунг партийных организаций: сознательным революционерам *не участвовать* в предполагаемом выступлении на том основании, что это — чисто студенческое, интеллигентское движение, и революционным социалистам делать тут нечего. Помнится, на другой день распространялся даже соответствующий листок от «Киевского Союза борьбы», где доказывалось, что студенты-революционеры лучше сделают, обратив свои силы на массовое рабочее движение. Но у нас хватило исторического смысла, чтобы решить противоположное: выйти завтра на улицу. Партийные «директивы» имели на нас то лишь влияние, что вселили в нас какую-то неуверенность, как-то сковывали нашу энергию. Тем не менее, по чутью мы «перли» куда надо, хотя и с стесненным сердцем. Я бы выразил это точнее еще так: нам казалось почему-то невозможно, совестно не ответить чем-либо новым, по возможности сильным, на неслыханное нахальство хамов самодержавия. Что же они, мол, еще себе будут позволять, если это им даром сойдет?

Так и решили. Решили в эту ночь отпечатать на гектографе обращение к студенчеству с призывом к демонстрации. И теперь я вижу, что мы были тысячу раз правы, а неправа партийная организация, несмотря на всю видимую логичность ее «массово-революционной» точки зрения. Мы были правы не просто как студенты, защищающие свою «честь», а именно, *как революционеры*. Пусть это выступление было узеньким движеньицем по размерам; пусть оно было даже мелко-буржуазно по составу участников. Но руководители наших партийных организаций просмотрели одну решающую вещь: это была *первая в России* (если не считать Казанской — тоже студенческой — демонстрации 1876 г.) возможность уличной политической демонстрации. Толкнуть непосредственно тогдашнюю, еще слишком сырую рабочую массу на подобное открытое политическое выступление нечего было и думать. Так пусть хоть легкоподъемное студенчество исполнит роль зажигательного фитиля — а потом пусть хоть навсегда погаснет. И эту роль оно действительно исполнило. Припомним, что позже, в 1900 году, с него стали брать пример и рабочие; что в 1901 г. демонстрации в Петербурге и Москве были уже лишь по инициативе — студенческие, а студенческое ядро усердно поддерживалось

рабочим «хором»; что в 1902 г. уже студенчество окончательно пропало в широчайших выступлениях рабочих и крестьянских масс; что затем — шла во всю величину социальная революция. Не студенчество, конечно, ее создало, но оно оказалось недурным бродильным ферментом.

Итак, утром 17 марта мы после краткой сходки в 15 аудитории Киевского университета (самой большой, во 2-ом этаже) пошли на улицу (Бибиковский бульвар, около университетских клиник). Маловато нас оказалось все-таки на месте. Сходка в университете собрала человек 200—300, прошла лишь с незначительными колебаниями, решение о демонстрации принято было чуть ли не единогласно, — а к клиникам, на место действия явилось не более 75 человек. Теперь это кажется даже смешным: что за демонстрация в 75 человек? Но тогда и это уже была «масса» (или, выражаясь полицейским языком, «скопище»). И мы из-за этого не остановились в нашем предприятии. Не задерживаясь долго у клиник — чтобы преждевременно не быть застигнутыми полицией — двинулись вниз по бульвару.

Идем и поем от времени до времени «вечную память» Ветровой. Знамен никаких не было. Настроение, в силу всех сказанных выше причин, было нельзя сказать, чтобы боевое. Похоже было, что мы исполняли как бы внешнее чье-то задание, как бы толкаемы были рукою истории на неизбежное ее дело, а сами были далеко ниже уровня этого дела. Тем не менее, воля наша твердо и, как увидим дальше, упорно двигала нас к намеченной цели и к хорошо предвидимой, неизбежной развязке.

Дошли мы только до Крещатика — это не более четверти версты вниз по бульвару. По дороге еще приставали к нам немногие встречные студенты. Публики было мало, и она с удивлением и вряд ли пониманием глазела на невиданное зрелище. Быстрым шагом подоспел откуда-то отряд полиции, окружил нашу маленькую кучку, без особых усилий остановил, потом повернул нас «налево кругом» и повел рабов божиих обратно, вверх по бульвару, мимо красных стен нашей «almae matris»— в арестантские роты, или так наз. «Комитет» (по тому же Бибиковскому бульвару). Там, переписав на дворе тюрьмы, разместил по камерам. человек по десяти в каждую. Держали целый день в неизвестности и без еды. К ночи мы вдруг слышим отдаленный лязг открываемых замков, грохот, топот. Вскакиваем, как угорелые: дверь камеры широко распахивается, и буквально врывается к нам целая орда тюремщиков, полиции, жандармов, во главе с знаменитым киевским генералом-жандармом Новицким. Новицкий еще из-за двери начал орать: «Шапки долой!»—хотя, конечно, никто из нас не был в шапке. Потом, толстый, красный, сердитый, стал кричать на нас всякую жандармскую чепуху: чтобы мы «не воображали», чтобы мы «зарубили себе на носу» и проч. И все затем, чтобы сообщить нам, что, по распоряжению высших властей, мы завтра будем освобождены, конечно, с занесением нашего поведения в личные списки. А теперь нам выдадут еду.

И затем с тем же громом, лязгом исчез со всей свитой.

Мы чувствовали себя как очумелые. Ожидали всего, кроме этого. Как-то даже неловко было: из-за чего же столько серьезных обсуждений с нашей стороны, столько «героической» решимости? Тем не менее, скоро повеселели, с аппетитом похлебали принесенную ужасную тюремную еду — мутный кипяток с парой капустных листиков и парой очков постного масла на поверхности. Поднялся галдеж, веселые молодые песни, кто-то успел изготовить из черного тюремного и серого «вольного» хлеба (его доставили за деньги шустрые уголовные арестанты) шахматы и на нарах начертили карандашом доску. Словом, молодежь—всюду молодежь. Приходили тюремщики нам напоминать о позднем часе, о тюремных правилах — но как-то неуверенно. И лишь очень поздно легли спать без постелей, без матрацев, на своих студенческих форменных шинелях. На прощанье, однако, постановили: завтра снова собрание в университете и — если надо — снова демонстрация.

Утром нас действительно освободили. Не знаю, почему так мягко отнеслись на первый раз к нашей неслыханной дерзости. Очевидно, в Питере высшие власти были сами сконфужены безобразием своих агентов и для них нежелательно было впредь повторение подобных компрометирующих случаев. Решили поскорей погасить это дело, прекратить нежелательный все же шум. Но во всяком случае я уверен, что именно поднятый нами «шум», именно наша уличная, «массовая» демонстрация во всех университетских городах вынудила правительство спохватиться и оценить впервые эту самую нежелательность. Не будь нашего выступления, и жандармское злодеяние прошло бы незамеченным.

На другой день мы в университете, конечно, оказались героями дня. Собранная снова в 15 аудитории сходка была уже так многочисленна, что яблоку негде было упасть. Выяснилось, что, хотя нас освободили, но по делу Ветровой не принято никаких мер. Не объявлено никакого наказания виновникам смерти Ветровой, а уж нечего говорить о каких-либо «свободах» для студенчества. Быстро постановили — снова демонстрировать.

На этот раз перед университетом собралась огромная по тогдашнему времени толпа — несколько сот человек. Ясно, что новый метод политического действия заслужил популярность. Нас, впрочем, на этот раз не пустили итти процессией по бульвару к Крещатику, а быстро оцепили (часть; многие ушли под руками городовых) тут же, около университета, и повели в тот же «Комитет». Только теперь «нашего полку прибыло», настроение уже было куда бодрее, даже веселое. Толпа по тротуарам— почти сплошная, и из толпы то и дело перебегают товарищи к нам. Городовые благодушно пропускают их внутрь демонстрации. Мы идем и по временам запеваем: «Ве-е-ечная па-а-а-мять»...

Захлопнулись за нами опять мрачные ворота «Комитета». На сей раз чувствуем: дело будет посерьезней. Переписывают нас очень долго, до самого вечера, с особой тщательностью: курс, факультет, адрес; отмечают в особенности — кто во второй раз в демонстрации. Оказалось все же не более 44 таких «рецидивистов», т.-е. немногим более половины

вчерашних демонстрантов. Разместили нас снова по камерам, набивши, как сельдей в боченках, но к ночи большую часть повыпускали по домам, оставив только нас, «рецидивистов». Ну, думаем, что-то с нами теперь будет? Хорошего ничего для себя не ждали.

И верно. Под утро нас подняли с наших жестких постелей, вывели во двор. Видим: горят кругом факелы, при их дымном свете сверкают многочисленные штыки, раздаются короткие и отрывистые слова команды, цепи солдат передвигаются, как бездушные инструменты самодержавия, нас окружают, ведут из распахнутых широко ворот на темный простор улицы. Ведут налево по тому же длинному бульвару, за город. — «Ага, в Лукьяновскую тюрьму», догадываемся мы. Факелы горят, мы тянемся длинной вереницей вниз по бульвару...

Рассвет занимался над Киевом, когда мы выходили из последних переулков Лукьяновского предместья в поле. Я шел рядом с Игорем Кистяковским (впоследствии — какое падение! — министр у «гетмана» Скоропадского) и помню, как мы с ним повернулись лицом к скрывающимся из глаз темным силуэтам города и произнесли вместе:

— Прощай, Киев.

Мы были уверены, что дальняя Сибирь будет вскоре нашим постоянным местом жительства. Вышло не так — и если не так, то мы этим обязаны были опять-таки лишь тому широкому, по тем временам, размеру, который приняли наши уличные выступления—разумеется, на фоне глухого, но уже крупного в то время брожения эксплуатируемых рабочих масс.

Свирепая строгость, как оскаленные зубы старого царского сторожевого пса, встретила нас на Лукьяновке. Молчаливо нас «взяли» от военного конвоя, молчаливо опять переписали, обыскали нас, отобрали деньги, часы и прочие «лишние» вещи и принялись разводить по камерам. Меня с одним из товарищей повели по бесконечным переходам в правый корпус тюрьмы (мужские одиночки) и посадили в одиночку вдвоем. Странным образом надзиратель этих одиночек, приведя нас, оказался вовсе не молчаливым, наоборот,—даже болтливым. За короткое время разговора с ним я узнал, кто здесь прежде сидел и какой у него был характер, и то, что надзиратель здесь служит уже около двадцати лет, хорошо помнит сидевших здесь народовольцев, бегство Фроленка и Дейча и проч.

Но нам в свою очередь не долго пришлось тут пробыть — и виною был опять-таки успех наших демонстраций. Оказалось, что они не прерывались оба те дня, и в тюрьму прибывали все новые и новые «эшелоны» арестованных студентов и интеллигенток-девиц (студенток и курсисток в Киеве тогда не было), и стало невозможным сажать нашего брата по одиночкам, предназначенным для «солидных» «политических преступников». Нас было так много, что от этого одного общая вина, разделенная на 250 (в конце-концов, нас в Лукьяновку набилось 250 человек), становилась слишком мала. Впрочем, это ведь общий урок всех массовых движений, который стоит зарубить себе хотя бы и нынешним западным тт. проле-

тариям: чтобы одержать над бессильной злостью буржуев победу,— наляжьте всею своей массой, и капитал принужден будет отказаться от своих свирепых привычек подавления рабочих движений. «Сила рабочего класса — в нем самом» (девиз тогдашней киевской «Рабочей Газеты»).

Итак, принуждены нас были перевести всех в общие камеры. Уголовных арестантов куда-то поразогнали, постискивали в другие этажи, для нас после них камеры чисто вымыли, и целый этаж заняли под студентов. В нашей камере нас оказалось 25 человек. Целый день мы слышали, как прибывали новые и новые «полки» наших товарищей, раздавались крики команды, подымалась беготня, топот, слышны были веселые молодые крики — ибо наш брат, ясно, ободрился. Прожили мы в Лукьяновке всего на все восемь дней, — прожили в общем весьма шумно и весело, и это время осталось в моей памяти, как один сплошной праздник. Ничего не значит, что мы заперты были на замок, как звери в клетке; ничего не значат арестантские нары, теснота, духота, грязь. Все это приучало только к необходимой для русских рабов самодержавия и капитала добродетели — не бояться тюрьмы. И я за эти восемь дней вполне узнал эту крайне полезную истину: боязнь тюрьмы как какого-то смертельного позора есть предрассудок, внушенный нам с детства; в действительности — не только не позор, наоборот: честь и слава — если только, конечно, попал туда не за стащенные из кассы деньги, а за защиту прав трудящегося и угнетенного против паразитов и эксплуататоров. Именно в тюрьме мы впервые становились настоящими революционерами, способными к многолетней, жестокой борьбе.

И первое, что нас приятно поразило в тюрьме, было ощущение небывалой, полнейшей *свободы*. Свобода слова, свобода собраний, даже союзов и печати. Здесь мы перестали робко оглядываться по сторонам, произнося сколько-нибудь смелое суждение о властях, царях и существующем строе. Друг друга мы хорошо знали, шпионов тут не было (был разбор одного вопроса о подозреваемом в шпионстве, но скоро все выяснилось к общему удовольствию); попал в тюрьму, можно сказать, цвет «красного студенчества». Пошли теоретические споры, каждую минуту— бóльшие или меньшие сходки. Чтобы коротать время, организовались литературные вечера, при чем тюремное начальство, сперва крайне строгое, потом отомкнуло тяжелые, висячие замки и предоставило нам полную волю кочевать из камеры в камеру на эти вечера. Я чувствовал себя как рыба в воде. Эта массовая, артельная жизнь (получаемая на передачах с воли провизия, книги, газеты — последнее «нелегальный» предмет— делились большей частью по-братски) искупала для меня все неудобства. Я как-то не замечал возникавших конфликтов, личных трений, стараясь лишь их сглаживать. Помогать «артели» своим личным трудом казалось мне живым и приятным делом. Были у нас и настоящие «герои коммуны». Таким был в первую очередь грузин-доктор (только что кончил и попал со студентами в одну кашу) Каркашвили,—маленький, черный, шустрый, вечно веселый, которого вся наша студенческая тюрьма еди-

ногласно выбрала «старостой». И так как староста при сношениях с такой массой заключенных был не менее необходим для тюремщиков, чем и для нас, то «доктор» получил сейчас же от начальства исключительные права: полная свобода передвижения по тюрьме, а потом и вне тюрьмы (за покупками и проч.), свобода посещения любого арестанта, даже секретных политических во всякое время дня и ночи (и правда, что к больным доктора нередко подымали и по ночам). Надо, конечно, сказать, что своей свободой он пользовался для сношений с волей, начальство это подмечало, на время ограничивало его привилегии, потом, однако, снова принуждено было восстанавливать. Очевидно, опять-таки массовый характер студенческого «буйства» совершенно выбивал из колеи ошарашенную тюремную администрацию. Она теряла голову.

Кроме доктора (марксиста по взглядам) был еще один замечательный «артельный» человек из числа «народников». Это был тоже, кажется, студент-медик Адам Краевский. У этого оказалось призвание к кашеварному делу. Мы в первые же дни возмутились против отвратительной тюремной пищи и потребовали передачи дела нашего кормления в наши собственные руки. После переговоров с жандармами тюремный смотритель согласился. И вот долговязый, узкоплечий и широкобедерный Адам стал во главе «общего котла». Как сейчас помню его огромную фигуру, обвязанную грязным кухонным фартуком, с огромной же черпательной ложкой в руках, раздающую порции борща и каши из котла толпе, чающей очереди. Невозмутимость его была выше всякой критики. Голодное наше студенчество, как,—увы!—всякая русская толпа, часто и до сего времени, обнаруживало печальную наклонность к сваре, склоке, подвохам, жульничеству. Он лишь помахивал своим черпаком и, как старая гувернантка, читал нотации спешащим не в очередь, в случае нужды отталкивая могучим локтем.

— Товарищ, товарищ,—ворчал он,—вы второй раз получить хотите. Нечего, нечего, проваливайте!

И было заметно, что в этом-то восстановлении всеобщей справедливости — для него жизнь и наслаждение. Где он теперь, не знаю (если жив). Так как он был фанатически-преданный народничеству, организованный работник,—думаю, что, к сожалению, не с нами, против нас. Мещанский классовый инстинкт пожрал немало ценных не менее его натур.

В конце-концов, установился такой режим, что целый день все наши камеры стояли настежь, только на ночь запирались. Целый день шумное движение шло по темному коридору тюрьмы, а вечером — обязательно собрание. Надо заметить, что не всем нравилась эта караван-сарайная жизнь. Некоторые с первого же дня стали жаловаться на невыносимость для них толпы, стали проситься у начальства сесть в одиночку. И были удовлетворены.

Опишу наши занятия по вечерам. Вот в нашей камере организуется молодецкая борьба между «силачами» (или кто себя таковыми воображал). Борятся «русской борьбой», борятся «французской борьбой»,

борятся стоя, борятся лежа. Когда перебрали все знакомые способы, вдруг срывается с места вдохновенно «доктор» Каркашвили и объявляет, что он покажет нам образец своей, грузинской борьбы. Вызывает каждого желающего померяться с ним, но предупреждает, что ему придется бросить своего противника через голову. Глядя на маленькую, хотя и жиловатую фигуру черненького, взъерошенного доктора, нам немножко смешно было его утверждение, но — ожидаем отклика. Вызывается огромный, как слон, Волк-Карачевский (потом депутат 2 думы от партии «народных социалистов», т.-е. почти кадетов). Когда он выступил вперед в своем длинном, как пальто, форменном сюртуке, мы все разразились хохотом: несоответствие двух борцов было слишком разительно. Тем не менее, «доктор» не трусит, велит устлать сплошные нары позади себя нашими пальто помягче, чтобы Волк при полете не убился. Противники сходятся, «доктор» объясняет Волку, как браться друг другу «по-грузынски» под ребра, потом принимаются пробовать поднять друг друга от земли. «Доктор» то и дело оглядывается назад, прося стоящих сзади: «посторонитесь, посторонитесь».

Вдруг—хвать!—колосс-Волк подхватил «доктора», как ребенка, на руки и поднял над головой на вытянутых руках. «Доктор» беспомощно болтает в воздухе руками и ногами... Взрыв неудержимого хохота потрясает всех нас до колик в животе. Мы падаем на нары, корчась от хохота. А «доктор», опустившись снова на ноги, что-то кричит в свое оправдание про «подлость» Волка. Волк же стоит с добродушной и какой-то растерянной улыбкой: он, повидимому, сам не ожидал от себя такого успеха после уверений «доктора».

В другой раз у нас—литературный вечер. Камера наша битком набита. «Ложи», т.-е. нары, заняты сплошь; остальные гости стоят. Выступают певцы, анекдотисты, декламаторы. Я—между последними, несмотря на мой издавна хриплый голос, по которому камера прозвала меня «курским соловьем». Изображаю «Перелицованную Энеиду» Котляревского на украинском языке, и среди слушателей, в большинстве украинцев, это имеет большой успех «новинки», ибо украинцы тогда, даже более или менее образованные, не все читали местных писателей (царская власть запрещала местную литературу). Изображаю еще поэму-монолог «Кузнеца» Франсуа Коппэ (перевод П. Вейнберга), тоже мало тогда кому известную, ибо взята была мною из старых радикальных журналов и к воспроизведению тогда воспрещалась цензурой. В ней рассказывается история стачки кузнецов на заводе. Я, как начинающий марксист, увлекался ею, как жестоко-реальным изображением классовой борьбы промышленных рабочих, не замечая ее скрытой буржуазной тенденции—именно *против* стачек. Вещь понятная: я был еще только ученик в революции и марксизме, и только начинал видеть свет. Но и мои слушатели были в большинстве не выше развитием, и сильно хлопали.

По мере дальнейшего сидения собрания становились серьезнее. Бывшие между нами организованные, партийные элементы переходили к планомерной пропаганде. Одна из камер—самая большая—объявила на один

из вечеров доклад студента М. Бернацкого (впоследствии профессор, видный меньшевик, впрочем, из самых правых, и, кажется, министр у Милюкова или у Керенского)—что-то о теории Маркса. Конечно, валом повалили на доклад, небывалый на воле. Ведь тогда публичные доклады вообще не допускались в Киеве, а нечего говорить — о социализме. Собрались. Теснота, жара. Только что оратор хотел приступить к делу, как у двери какое-то движение: говорят, тюремный смотритель идет. Мы думали—разгонять: ничуть не бывало. Он очень вежливо и даже робко просит позволения послушать доклад: «никогда, мол, в жизни не приходилось»... После непродолжительного замешательства соглашаемся. И затем простоял смирнехонько у дверной притолоки—не решился даже войти внутрь—в течение двух часов. Что он вынес из доклада, где приблизительно проводилась (в полемике с народниками) мысль о социализме, как форме обобществленного, крупного, машинного хозяйства, а не мелко-крестьянской «общины»? Думаю, что бравый седоусый старик из отставных капитанов долго потом страдал несварением мозгов. Но что нас касается, то этот свободный научный доклад в тюремной обстановке наверное для многих был освещающим дорогу фонарем—хотя бы и не из самых ярких.

Та же более «организованная», большая камера стала источником и тюремной «свободы печати». Там нашлась кучка журналистов, выпустившая в свет два или три номера тюремной газеты под названием «Манишка», ибо за неимением в нашем распоряжении бумаги газета была написана карандашом от руки на чьей-то накрахмаленной манишке. Содержание газеты улетучилось из моей памяти, но помнится все же, что это была не просто юмористическая болтовня, а была там и «хроника» тюремной и внешней жизни, и политическая передовица по злободневному вопросу—что-то в роде: «Из-за чего мы сидим». Словом, посильное осмысление происходящего, что также имело, без сомнения, свое политическое влияние на массу сидящих студентов, часто увлеченных в демонстрацию лишь внезапным порывом, без ясного отчета самому себе.

Читатель спросит: а откуда же были «внешние» известия? Но из предыдущего уже видно, что тяжеловесные тюремные порядки были, так сказать, пробиты живой силой нашего (по-тогдашнему) массового напора. Многими путями мы связались с волей. Вместе с старостой-«доктором» стали посылаться за покупками в город (для «улучшения пищи») и Адам Краевский, и другие «подстаросты». Фельдшерица тюремная, нас посещавшая, оказалась «душа-человек», забирала у нас записочки, с точностью доставляла нашим знакомым и приносила нам ответ (ее «провалили» неуместной болтовней, и она тут же была уволена). Наконец, свидания. С третьего или четвертого дня стали под стенами тюрьмы появляться толпы наших родных, «невест», приятелей-студентов. Сперва несмело, потом все нахальней и нахальней стали они приходить в непосредственное общение (помимо разрешенных свиданий в конторе) через бессильные, хотя и столь мрачно-внушительные тюремные стены. И начальство бессильно молчало на этот сплошной, воистину «вопиющий» скандал. Чуть не целый день между улицей и окнами камеры, выходя-

щей туда, происходил такой живой «обмен мнений», что прямо стон стоял. Ко мне тоже появилась моя «невеста» в сопровождении двух моих друзей (потом адвокаты и кадеты, чорт их побери, не хочу называть и их имени). Но я был в худшем положении сравнительно с другими арестантами: у меня голос после болезни был слабый и хриплый. За меня взялся кричать (потому что надо было превозмочь общий крик) мой сосед, студент-естественник Траубе, юноша с немецкой фамилией, но кавказец по происхождению, бородатый до самых глаз и с громадным басом. И вот над всеми многообразными голосами несется его густая нота:

Эй, Катя! (это моя невеста). Анатолий вам говорит: здравствуй. Когда приехала?

Оказывается, только что приехала из Одессы, куда ездила с партийными поручениями, напоролась на обыски и выслана в 24 часа из Одессы по приказу тамошнего самодура-градоначальника, славного в те времена адмирала Зеленого. В дороге какой-то студент на встречной станции подбежал и сообщил ей, что я арестован. Так действовала у нас своя «экстренная почта».

Понятно, этим же путем, т.-е. криком через стену, сообщались совершенно открыто и политические известия. Конспирировать по студенческим делам было мало смыслу, а начальство не вмешивалось.

Начальство проявляло себя, напротив, в какой-то показной о нас заботливости. Не помню, на который день появился у нас тюремный генерал, т.-е. главный инспектор киевских тюрем. Его появлению предшествовал внезапный принос к нам по всем камерам каких-то странных высоких цилиндров с крышками, окрашенных в белую краску «под мрамор». Надзиратели объясняли, что это специально для нас инспектор выписал усовершенствованные «писсуары»—«чтоб запаху не было». И что сам он во след грядет. И он явился перед нами. Бравый, плотный, кругломордый с превосходными русыми бакенбардами. Входя в каждую камеру, он весьма вежливо здоровался с нами и тут же принимался объяснять способ употребления своего писсуара: внутри, мол, насыпаны опилки и песок, по мере надобности выносится и снова наполняется песком с опилками и проч. Как настоящий профессор на лекции, только что сам не показал употребления. Мы выслушали, но после постановили—никогда не пользоваться изобретением, заражающим воздух. И зачем? раз мы добились полной свободы выхода из камер.

Тем временем толпа курящих осаждает генерала в синих кантах и серебряных витых погонах—с просьбой разрешить табак. Дело было, должно-быть, в начале нашего сидения, ибо он заявил, что «безусловно воспрещается» (потом, помню, курили, как паровозы). Курильщики возмутились, и один заявил:

— А вот, как мы сидели еще в Комитете, генерал Новицкий нам разрешил...

Что тут сделалось с нашим синим генералом! Оказалось, что он, как водится, состоит в ведомственных трениях с Новицким. Он побагро-

вел, глаза завертелись колесами, и он, ударив себя кулаком в грудь, выкрикнул:

— Что мне генерал Новицкий? Я сам—*туз* не хуже Новицкого.

Я, разинув рот, глядел на петуха-генерала: в первый раз в жизни слыхал я, как человек сам себя называет «тузом», и никогда не предполагал, что это можно делать без смеха... Но тюрьма—хорошая школа. В неделю-другую она дает полный курс политических познаний. Мы воочию нагляделись там, какие подчас беспримерные ослы и бараны призваны распоряжаться всей нашей будущей жизнью и жизнью всего трудового народа. Остается дополнить картину фактом, случившимся этак через год после того, отдачей под суд синего генерала за отчаянные хищения по тюремному ведомству и его отставкой. Хорош был, очевидно, «туз», что даже самодержавие не вытерпело!

Но всему прекрасному бывает конец, пришел конец и нашему празднику тюремного сидения. Через 8 дней, 25 марта, с утра нам объявили, чтобы все отправлялись в контору. В чем дело, ничего неизвестно. Собралась нас там густая толпа. Гудим, шумим, радуемся, чуем, что развязка настает и притом ясно—в нашу пользу. Правда, некоторых не досчитываемся, из числа посаженных в «политические» одиночки,—значит, их ждет отдельная участь, более тяжелая. Но мы чувствуем, что и для них, вероятно, «кара» будет значительно ослаблена общей виной (кажется, душ 20 выслали потом на родину). Вскоре надзиратель, пробегая, распространяет слух, что приехал «сам» генерал-губернатор. Ого, думаем, до чего мы растревожили столь недоступное правительство! Изволят до нас спускаться. В самом деле перегоняют нас через некоторое время в соседнюю большую комнату, выстраивают, дверь распахивается, и вкатывается генерал-губернатор, граф Игнатьев (потом в 1906 году разорван в Твери бомбой революционера). Невероятно круглый, как шар, голова тоже как шар, гладко-лысая и блестящая, носик едва торчит из толстых щек, рыжие усики топорщатся над пухлыми губами. Улыбается нам самым приветливым манером, и голосом вежливым, разговорным (а не криком) сообщает, что, мол, правительство, понимая, что молодежь несколько нашумела, как свойственно молодости, потерпела наказание, и теперь, конечно, опомнилась и сознала свою ошибку, правительство готово «забыть и простить» все и отпускает нас на свободу «без дальнейших последствий».

— Желаю вам всего наилучшего,—прибавил ласковый граф,—и надеюсь, что это недоразумение исчерпано.

И ушел. Через минуту слышно было, как его коляска отъезжала от ворот тюрьмы.

Речь его, очевидно, была рассчитана на своего рода пропаганду в пользу высшей власти: вот, мол, какая она добрая и «человечная», в отличие от грубых низших исполнителей. Но, как мы ни были молоды, мы все же не были так глупы в политике (и 8 дней тюрьмы нас особенно просветили), чтобы не видеть, как дважды два четыре, откуда получился данный результат. *Нашим* нажимом, *нашим* риском, головой мы заставили «их» отступить. *Мы* победили. Мы это чувствовали всеми порами нашего

тела. А сладкий тон речей—вынужденная графская дипломатия, и больше ничего.

Тем более, что немедленно же нам было показано, какая это все на самом деле комедия. После «воспитанного» графа нам стал говорить речь жандармский генерал Новицкий. Как сейчас вижу его перед собой. Я стоял впереди всех, в центре полукруга, прямо против толстяка-генерала в голубом мундире, серебряном поясе на брюхе и с серебряными аксельбантами. Красивое с правильным, орлиным носом лицо, черные густые брови и усы, седая щетка волос на голове и приятно-румяные щеки. Когда открывал пошире рот, вдохновляясь, меня, как из бочки, обдавало густым спиртным духом. Очевидно, генерал сильно хватил с утра для храбрости. И он, очевидно, все-таки получил свыше директивы быть помягче и поблаговоспитанней. Поэтому он стал развивать тему о «сердечном попечении» правительства, которое вот не желает нас, молодых и глупых, наказывать, давая возможность еще исправиться. И оно вот нас освобождает сегодня, 25 марта, по случаю «этого великого христианского праздника Благовещения», поступая, по прекрасному народному обычаю, как это сказал этот самый поэт... ну, вы помните, как его зовут—у вас голова еще свежая, вы сами припомните:

На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны...

(генерал желал блеснуть образованностью перед интеллигентной молодежью, да забыл, к несчастью, имя Пушкина).

Потом хотел кончить поэффектней, но запутался окончательно в приготовленной заранее игре слов: «Благовещение» и «благовест». Стал нести какую-то чушь: «не возблаговестите ли вы мне благую весть, которая... в нынешний день, который...» Но литературный русский язык явно отказывался служить своему вековому врагу-жандарму. Так и оборвал речь без окончания. Вместо нее генерал предложил нам высказаться «откровенно», согласны ли мы показать себя достойными милости правительства и заявить о своем раскаянии и отказе впредь от подобных протестов.

Тяжелая, напряженная минута. Мы все чувствуем, что это подлость и гадость. Пользуясь мечтой свободы узника, вот-вот готовой осуществиться, хотят вырвать у нас самоосуждение, отказ от дорого доставшейся победы. Помню, боязнь шевелилась в душе: как бы кто-нибудь не начал малодушия, как бы оно не увлекло других... И я выступил, как быстро сознал, с необдуманным, «громоотводным» словом. Стоя прямо против спиртуозной пасти голубого генерала, я ему бросаю:

— Генерал, мы ведь по закону [1]) не имеем права говорить коллективно, так что не можем ответить на ваш вопрос.

---

[1]) По университетскому уставу мы объявлялись «отдельными посетителями университета», без права общих действий, заявлений и тому под.

Но, конечно, у этих старых провокаторов выход всегда наготове. Откуда-то из-за генеральской спины вывернулся его адъютант, ротмистр Байков, и поспешно предлагает таким скрипучим, ядовитым тенорком:

— Ваше превосходительство, предложите в таком случае господам студентам разделиться: кто согласен с вами, пусть отойдет направо, кто не согласен,—налево...

Я живо сообразил, в какую ловушку нас толкают. Раскол в эту минуту был бы гибелью дела. С какою ненавистью глядел я на красивые голубые глазки ротмистра и на его белокурую бороденку! Как бы выцарапал своими ногтями эту гадючью, злую усмешечку с его розовых губок! Но сдержался. Ибо чувствовал в то же время какой-то едва уловимый, но отрадный холодок, пробегающий по рядам товарищей: ясно было, *никто*—направо. Это так было очевидно ясно, что генерал не подхватил злого предложения своего адъютанта и стушевал свое смущение от общего молчания какою-то глупой шуткой. Очевидно, у него отнюдь не было директивы раздувать историю. Потом нам объявили, что можем итти в камеры, забрать вещи и—по домам.

Еще, однако, не все кончилось. Нас выпускали из большой комнаты не всех за раз, а поодиночке, по перекличке, пропуская еще через следующую комнату. Там за столиком с красным карандашом в руке, как цензор, сидел опять тот же Новицкий и опрашивал каждого индивидуально: кто, да откуда, да не было ли ранее за вами каких-либо историй? И ставил потом какой-то таинственный знак карандашом. Я заметил, что в списках двумя крестами были заранее отмечены те (как я), кто был в демонстрации дважды. Не помню, что отвечал я ему на этом мимолетном допросе, знаю лишь, что он не имел вообще никакого непосредственного влияния на чью-либо судьбу. Следовательно, только лишняя комедия для пущего устрашения молодежи. И все это после приятных заверений генерал-губернатора о том, что «не будет последствий».

Впрочем, все это было опять-таки полезно для нас, как еще один урок практической политики. Что уроки даром не прошли, видно из того, что в общей массе демократическое студенчество после этого пошло по дороге революции гораздо быстрей и шире. И чем дальше, тем более, вплоть до первой нашей революции 1905 года.

Надо признать, что этот первый опыт политической демонстрации обошелся нам все же довольно дешево. Нас, отпущенных тогда домой, не преследовали за нее, насколько знаю. На первый раз решили применить, очевидно, «меры кротости». Через 2 года уже поступали иначе: избивали нагайками, посылали студентов-демонстрантов массами в солдаты и даже на каторгу. Я лично, повторяю, за Ветровскую историю не подвергся ограничению прав. Но все же, выйдя из тюрьмы, потерпел не столько от правительства, сколько от обывательского страха «иудейского». Борьба житейская, борьба против мещанской, буржуазной действительности вступала в свои права. *Практика* и тут выковывала социалистов, врагов буржуазного строя.

Родные мои глядели на меня круглыми от страха глазами, как рыбы из аквариума. Мне пришлось объявить в тот же день родным, что я ухожу на самостоятельную квартиру. На службе—я служил на строющейся Киевской сельско-хозяйственной выставке 1897 года—меня уволили в первый же день моего ареста и соваться туда по выходе из тюрьмы мне, конечно, было нечего: еще донесут какую-нибудь чепуху, чтобы отклонить от себя всякое касательство с «красным». Так и оказался я в тот же день между небом и землей...

Вышел из тюрьмы босиком. Дело в том, что дня за два до оного «благовещения» и гр. Игнатьева и генерала Новицкого были у нас во дворе тюрьмы во время общей прогулки организованы в числе других атлетических упражнений (борьба, «пирамида», — при которой подымали над стеной верхнего товарища, и он свободно получал из-за стены книги, продукты и проч. передачу от публики)—еще и бега. Выстроились человек тридцать в одну линию и по сигналу побежали через двор. Я, конечно, при слабых легких остался сзади, но один ботинок — пополам. Кто-то ссудил мне одну калошу, и так я и вышел на волю—в одном ботинке, в одной калоше. Меня встретила при выходе «невеста» Катя. Ее тоже выставили от себя родные. И побрели мы с ней этакой странной парой к упомянутым уже моим друзьям, двум студентам-братьям. Те, конечно (они были еще молоды, и до карьеры было далеко), побежали купить мне ботинки, а мы в их комнате принялись обсуждать, как нам теперь быть, как «начинать новую жизнь».

Братья-студенты вернулись, попили мы у них чаю и распростились. Комнатка была у них малая, да и дольше оказывать приют для нас им было, в конце-концов, довольно рискованно. Денег у нас с ней—ни копья.

Так и провели мы с ней эту холодную, мартовскую «ночь свободы» где-то на Бибиковском или Кузнечном бульваре, сидя на садовой скамейке и прижавшись друг к дружке для теплоты.

ФРЕЙД И ЕГО ШКОЛА О РЕЛИГИИ.

М. Рейснер.

(Окончание [1]).

В предыдущем очерке мы познакомились с «вытеснением», как оно происходит в психике отдельной особи. Если же теперь мы спросим, в какой мере вытеснения и процесс сублимации могут, по учению Фрейда, обнаруживаться в пределах общества, нам придется встретиться с некоторыми затруднениями; они вытекают из того простого обстоятельства, что теория Фрейда первоначально родилась как психотерапевтическое учение и соответственная практика индивидуального психоанализа, но не как теория социальной психологии. Лишь в последнее время она перешла к решению социально-психологических вопросов, оказавшихся в тесной связи с психологией индивида. Такой поздний переход не мог не повлечь некоторых существенных пробелов. Так, при сравнительной характеристике неврозов и аналогичных общественных явлений, мы не раз встречаем у Фрейда выражения, которые, противопоставляя невроз в качестве «карикатуры» тому или иному общественному образованию, заставляют нас думать, будто бы все, что совершается обществом по образцу невроза навязчивости или паранойи, тем самым уже несет на себе характер чего-то нормального, здорового или даже высшего, нежели переживания невротика. По крайней мере мы не можем иначе понять следующие положения: «неврозы это—асоциальные образования: частными средствами они стремятся добиться того, что возникает в обществе в результате коллективной работы» (Totem und Tabu, стр. 98—99). Как это понимать?

В той же книге Фрейд следующим образом противополагает невроз и социальные влечения: «Неврозы обнаруживают, с одной стороны, бросающиеся в глаза и глубоко идущие моменты сходства с великими социальными творениями искусства, религии и философии, с другой же, являются как их извращения. Можно бы решиться на выражение, что истерия представляет собой карикатуру искусства, невроз навязчивости—карикатуру религии, а бред параноика—карикатуру философии». Корень различия между ними, однако, заключается в том, что «при

[1]) См. «Печать и Революция», кн. 1 за 1924 г.

анализе влечения неврозов обнаруживается, что среди них определяющим влиянием пользуются влечения сексуального происхождения, тогда как соответственные культурные образования покоятся на социальных влечениях, т.-е. на таких, которые вышли из соединения эгоистических и эротических составов». «Генетически асоциальная природа невроза рождается из его первоначальнейшей тенденции бежать из неудовлетворяющей действительности в блаженнейший мир фантазии. В этом реальном мире, избегаемом невротиком, господствует общество людей и ими сообща созданные установления; отказ от реальности есть одновременно и выход из человеческого общества» (там же, стр. 98—99).

На этом пункте необходимо остановиться. Здесь мы встречаемся со своеобразным оптимизмом Фрейда и его школы. По этому воззрению получается следующая картина. Раз мы имеем дело с «социальными», по терминологии Фрейда, «культурными» образованиями в роде религии, искусства или чего-нибудь подобного, то как будто этим самым обеспечивается за подобными созданиями коллективов и тот «эгоистический» характер, который по Фрейду обозначает и преобладание влечений самосохранения и обращение к реальности и известную сознательность, дающую или сублимированную интроверзию, возвращающуюся к реальности через художественное преображение в искусстве, или же даже научное познание и техническое овладение миром. Такой оптимизм приводит иногда к довольно неожиданным заключениям. Так, при изучении явлений «табу» Фрейд великолепно рисует нам и сексуальный характер происхождения табу, и взаимопротиворечивый конфликт на этой почве возникших влечений, и характер массовой фобии, которая настолько велика, что переступивший запрет табу умирает от страха, и, наконец, совершенно бессознательный его источник, правильно сближаемый с столь же бессознательными проявлениями последующей совести. Перед нами целостная и безупречно написанная картина общества, живущего еще целиком бессознательной жизнью со всеми отрицательными сторонами такого, почти целиком, сексуального мышления. И что же—Фрейд словно боится выявленных им данных и не только спешит в качестве положительных сторон табу выдвинуть совершенно посторонний момент коллективной казни за его нарушение, что, прибавим, фактически неверно, ибо существуют племена, у которых никакой внешней санкции в виде растерзания за нарушение табу не полагается, но и приводит для разграничения невроза и коллективного действия уже нами цитированные выше положения (там же, стр. 95 и след.). Более того, совесть, родство которой с табу блестяще доказано Фрейдом, а следовательно, и глубоко бессознательный характер, в другом месте становится одним из основных орудий и приобретений сознательного я, хотя и стремящимся к некоторому от него отщеплению («Основные теории», стр. 179).

Мы не будем здесь специально останавливаться на некотором и довольно крупном неудобстве обозначения «эгоистическими» и связанными с мотивами «выгоды», «пользы» или «интереса» тех влечений общества к самосохранению, которые, в конце-концов, дают господство «критерия

реальности» и построенную на нем организацию приспособления. Неудобство, очевидное уже потому, что для непосвященного слишком велик соблазн смешать либидинозный нарцизм (самовлюбленность) с эгоизмом. Да и вообще понятие эгоизма роковым образом связано в истории идей, с одной стороны, с контовским альтруизмом, а с другой—через Бентама с пошлейшим утилитаризмом. Для знающих теорию Фрейда эта терминология представляется менее всего подходящей к его же признанию материальной «необходимости» в духе греческой «ананкэ» и гётевскому положению «вначале было дело». Было бы лучше всего для теории Фрейда, если бы она изменила здесь радикальным образом свою терминологию и устранила вообще понятие «эгоизма» из характеристики реального приспособления общественного человека к вещественному миру. С другой стороны, если перейти от такого в общем субъективного момента, как эгоизм, к объективному факту общественного приспособления или непосредственно к естественной среде или же к производственно-техническому аппарату, который постепенно ложится между человеком и природой, то в таком случае необходимо внести изменение и в другой пункт учения Фрейда. А именно, представляется совершенно невыясненным, в какой степени сексуальное и вместе с тем бессознательное мышление способно служить целям такого приспособления, а следовательно, и может удовлетворять «эгоистическим», а по-нашему, материальным (экономическим) запросам общества.

Другими словами, ценность того или другого социального установления должна быть определена в первую голову не его «эгоистическим» характером и даже не дозой сознательности, которая внесена в организацию приспособления,—хотя нет никакого спора, говоря вообще, о превосходстве сознательного реагирования в отличие от бессознательного, но на первое место должно быть поставлено соответствие социально-психологической реакции определенным данным «реальности», материальной среде и выросшему на ее основе «делу». Таким образом, мы подходим к основанию, которое одно способно нас излечить от большинства ошибок, связанных с оценкой культурного явления исключительно по его второстепенным, хотя, быть-может, и весьма важным свойствам. Обращаясь с этой точки зрения к любому общественному созданию, напр., религии, мы, во-первых, нисколько не будем смущены сходством и даже более ее полным тождеством с процессами невроза, истерии, паранойи и т. д. Мы не затруднимся, быть-может, констатировать в таком случае массовый невроз или духовную эпидемию. Социальность для нас вовсе не будет гарантией ни «эгоизма», по фрейдовской терминологии, ни тем более сознательного применения критерия реальности. Во-вторых, в самом процессе общественно-сексуального творчества мы найдем моменты экономического приспособления к материальной и производственной среде. А в-третьих, в объективном признаке правильного отражения данных материальных условий в социальном построении мы найдем твердый критерий, который безошибочно скажет нам, насколько данное бессознательно-сексуальное или сознательно-экономическое построение

культуры действительно отвечает этим условиям, а следовательно, является прогрессивным или регрессивным фактором.

Если мы подойдем теперь с указанной точки зрения, которая, кстати сказать, и есть точка исторического материализма, то, с одной стороны, мы получаем возможность адэкватной оценки культурных явлений, а с другой—возможность значительно более широкого использования психологической теории Фрейда в социальной области. Так, прежде всего мы нисколько не затруднимся признать в данных, сообщенных Джемсом, всех признаков, которые хотя и в социальном преображении, но все же знаменуют собой многоразличнейшие болезненные «симптомы», и мы можем только горячо пожелать, чтобы Фрейд или его ученики подвергли своему действительно научно поставленному анализу такое грандиозное проявление либидо в его на редкость извращенной форме. Надеемся, что здесь не помешают этим ученым и религиозные фантазмы, с которыми так плачевно оперирует Джемс. С другой же стороны, сопоставляя проявления религиозного либидо, как они даны у Фрейда и у Рейка, с тем, что мы находим у Джемса, мы не можем не признать существенной разницы в том, что первые имеют место на заре человеческого существования, когда только еще намечался путь сознательного отношения к действительности, а вторые в то время, когда эта действительность создала могущественный производственный процесс высококвалифицированного труда и научно построенной техники. Благодаря различию бытия здесь и мысль должна получить существенно различную оценку. То, что было естественным и необходимым у одного, т.-е. у дикаря или троглодита, то является грозным «симптомом» патогенного конфликта у другого.

Обратимся теперь к некоторому анализу религии на основании полученных нами данных. Прежде всего, мы различим содержание и форму. В качестве содержания мы установим преодоление тех или иных конфликтов как в самом человеке, так и вне его. Источником этих конфликтов является наличие гнета, ударов или связанности. Такой гнет в первобытную эпоху порождается природой, кровно родовыми связями, а впоследствии непосредственно обществом на основе его экономики. По форме мы имеем два основных вида преодоления конфликта, которые и определяют собой психологический состав религии. При бессознательной жизни общества мы естественно встречаем религию в качестве всеобъемлящего метода восприятия и реагирования «способа представления», так как она есть наиболее полное воплощение свойственного этой эпохе сексуального мышления. По мере появления сознательности в виде, сначала преимущественно работы предсознания, а затем и сознательного мышления с его критерием реальности, появляется и цензура, вытесняющая значительные массы либидо вместе с его фантастическим опытом и привычными способами их разрешения в сферу бессознания. Вследствие этого либидо идет двумя путями: с одной стороны, дает массовый невроз, а с другой—культ как средство его обнаружения. Массовый поток вытесненного материала организуется. И поскольку он не используется предсознанием и сознанием с его эстетической деятельностью, постольку

же он поступает в своеобразную психо-терапевтическую обработку особых общественных учреждений, которые носят на себе все признаки знахарской и частью шарлатанской медицины с применением не только внушения, но и своеобразнаго психоанализа.

Остановимся на некоторых примерах и иллюстрациях.

Первобытный лесной охотник. Лук и стрелы. В лучшем случае — палка для раскапывания корней. Собака, которая выводит человека в «люди». Крайняя ограниченность потребностей. Психология ребенка. Анимизм—а это значит, что весь мир явлений одушевлен, а следовательно, с ними всеми устанавливаются отношения по тому же типу, как они устанавливаются среди людей, притом наиболее близких. Симпатия и притяжение или отталкивание и злоба. Панический страх. И среди этого страшное необъяснимое явление—труп. Фантазия, насыщенная либидо, из покойника творит духа, особенно страшного и особенно сильного. Полная аналогия с нарцизмом—человек живет из себя и только собою. Заменяет действительность мыслью и в ней создает свой призрачный мир. В нем живет, действует, побеждает. Единственный конфликт—это с природой, но он исчерпывается при помощи стрел и лопатки, с одной стороны, и политики их душ с другой. Когда духи становятся слишком злыми и превращаются в демонов—против них помогает магия и колдовство. Фетишизм позволяет окончательно захватить демона в свои руки и заставить его служить себе. Так возникает чуринга. Таким образом, самая древняя и самая скверная система мировоззрения и техники оказывается «психологической». Человек начинает не с материи, а с духа.

История делает шаг вперед. У охотника в руках копье, метательный дротик, бумеранг. Поле взрывается мотыкой в роде ручного плужка. Из леса выходит промысел в поле, на реку, в море. Изобретаются сети и лодка. Охота расширяется. Ее ведут теперь на крупного зверя, даже на такого крупного хищника, как сам человек. Создается ватага, дружина, воинский орден. Масса молодых берет верх над старым самцом. Но последний превращается в предка, а предок — в священного зверя. Сексуальное мышление еще торжествует. Но организация зверя—тотема уже полагает ему грозный предел. В паническом ужасе массовой фобии ищет выхода придавленная жажда женщины и кровосмешения. Из могилы выходит табу и в смертельным страхе дает орудие, которое автоматически поражает виновного недугом и смертью. Благодаря анализу невроза мы знаем его природу: табу не мотивирует своих запретов, оно действует внутренним принуждением, оно переносимо и заразительно, оно создает церемониальные обряды и заповеди (Freud, «Totem und Tabu», стр. 39). Есть ли здесь вытеснение?—Если считать вытеснение исключительно результатом предсознательной или сознательной цензуры, то безусловно нет, ибо весь процесс тут представляется бессознательным от начала до конца, а позднейшие рациональные надстройки только расширяют и организуют в общественных целях этот бессознательный процесс. Если же считаться только с фактом борьбы двух влечений: одного либидо, а другого самосохранения, при чем последнее приводится в движение общест-

венным террором, то, пожалуй, можно признать вытеснение одного влечения другим—антисоциального социальным. Но мы не думаем, чтобы это было вытеснение в техническом смысле слова, так как все же при табу общественная кара применяется весьма редко. Мы, следовательно, находим процесс, в котором и социальные и антисоциальные силы работают бессознательно, но в то же время отражают в известном практическом приспособлении реальные нужды общества, его бытие.

То же мы можем отметить и относительно остальных установлений тотемизма—кувады, посвящения зрелости, экзогамии и тесного братского содружества взрослых воинов. Все это, поскольку и заключает в себе те или иные полезные приспособления общества, определенные данными производственными отношениями, — прекращение кровосмешения, отбор сильной молодежи и крепкая спайка охотников и воинов, действующих ватагой,—постольку же совершается в форме бессознательного и фантастического культа мертвых, целиком проникнутого кровно-родовым либидо и далеко выходящего за пределы разумного хозяйства. Дальнейшее развитие табу не в меньшей мере несет на себе печать столько же социально полезного, как и вредного установления. Табу, защищающее беременную женщину, новорожденных детей, недозрелую жатву или дичь в период выращивания молоди, бесспорно имеет социально-положительное значение, но то же табу, ограждающее незримой стеной смертельного страха все, к чему только прикоснется вождь, способствует лишь процветанию отвратительнейших форм ничем неоправдываемой тирании. С такими формами организации общества можно примириться только потому, что в данное время «бытие» или «дело» не воспитало или не создало никаких иных психических сил, кроме элементарных влечений либидо и самосохранения, которые и должны взять на себя организацию общества при помощи единственно работающего аппарата, т.-е. сексуально окрашенного мышления нашей подсознательной сферы.

Совершенно иное значение получает сексуальное мышление в культурную эпоху. Остановимся для примера хотя бы на последнем периоде буржуазной культуры, созданной на основе товарно-капиталистического производства. Здесь мы находим и другое производственное основание и «бытие» и иную надстройку. При громадном развитии производительных сил наука и техника занимают господствующее место. Командующий класс—хозяин, неспособный правильно отразить общественно-трудовую основу производства, самой деятельностью обмена принужден прибегнуть хоть подчас к ошибочным и превратным, но все же рациональным построениям. После ряда революций, мифологический или сексуально окрашенный метод мышления окончательно дискредитирован. Мы имеем, таким образом, достаточное количество предпосылок, чтобы предположить, что сознательность в виде господства научной и действием проверенной мысли сменит собой дикую фантастику бессознательной организации. Отсюда же мы в праве заключить, что и филогенетически унаследованные нами остатки отживших бессознательных предположений найдут свой рациональный конец, а либидо, как могучий источник челове-

ческой энергии, будет использован опять-таки сознательно и нормально. На деле, однако, мы находим нечто совершенно иное.

В современном обществе имеется прежде всего классовое расчленение, которое обусловливает собой и разные типы мышления и вытеснения. Для иллюстрации сам Фрейд приводит весьма интересный пример. Он берет двух девочек: одну из подвала, другую из первого этажа. «Различие в судьбах обеих подруг,—говорит он,—несмотря на одинаковые переживания, происходит оттого, что «я» одной из них проделало развитие, не имевшее место у другой. Дочери дворника сексуальные проявления казались такими же естественными и само собой понятными, как и в детстве. Дочь же домовладельца испытала влияние воспитания и прониклась его требованиями. Ее «я» создало себе из воспринятых им впечатлений и побуждений идеал женской чистоты и непорочности, с которым несовместимы сексуальные переживания: ее интеллектуальное образование понизило ее интерес к женской роли, какая ей предназначена». В результате первая «выполнит свое назначение в жизни», вторая заболеет неврозом и будет лишена возможности даже «вступить в брак» (Лекции, т. II, стр. 145). Эту картину мы можем значительно дополнить. «Дочери дворников» искупают свою относительную нормальность развития либидо тяжелой ценой. Вместе со своим классом они осуждены на глубокое невежество, голод и грязь. И если, по оптимистическому предположению Фрейда, одна из них станет актрисой, то, мы думаем, все остальные попадут или в дом терпимости или на положение илотов передней и кухни. Что же касается дочери домовладельца, то, надеемся, за хорошее вознаграждение она сумеет обеспечить себе помощь одного из лучших специалистов по лечению неврозов...

Нарисованная Фрейдом картина, конечно, нуждается в широком социологическом дополнении. В современном обществе, благодаря классовому расслоению по существу, мы имеем не один народ, а несколько—по числу классов. А, с другой стороны, различие их в культуре так велико, что можно без преувеличения утверждать, что это—народы, принадлежащие к различным историческим эпохам. И среди них, особенно в наиболее отсталых кругах и среди босяцкого пролетариата, мы найдем представителей культуры, которая вряд ли далеко ушла от первобытного человека. Анализ классовой психологии может дать при таких условиях порой весьма неожиданные результаты. Во-первых, мы найдем совершенно различный объем свободного обнаружения либидо в зависимости от строгости семьи, простора добрачных сношений и дополняющих семью адюльтера и проституции. (Ср., например, характеристику буржуазной семьи у Энгельса в «Происхождении семьи, собственности и государства».) Во-вторых, решающим является вопрос о том, насколько для той или иной группы возможно более или менее полное претворение либидо в другие виды расходования энергии в творчестве и труде. В-третьих, играет важную роль и самый характер общественного гнета: осуществляется ли он при помощи бессознательно воспринимаемых обычаев и привычек, или же при помощи сознательной цензуры. Наконец, в-четвертых, громадную роль

играет наличность аппарата общественного, положительно обоснованного суждения, которое произносится теми или иными специальными органами.

Остановимся ближе на этих положениях — в их отношениях к непосредственно нас интересующей религии. С этой стороны окажется следующее. Прежде всего мы обнаружим в современном обществе глубоко лежащие слои отсталого мещанства, крестьян, горных пастухов, рыбаков и мореходов, которые доныне рядом с понятиями рациональными пользуются без малейшего стеснения приемами старого сексуального мышления и живут в атмосфере древних обычаев, отцовских преданий и громадного количества как церковных, так и языческих суеверий. Суровое воспитание непосредственно под давлением стихии, ремесла, мелко-собственнической узости и монотонности дает картину совершенно подобную вытеснению, хотя здесь и не идет речь о сознательной цензуре. Напротив, цензура здесь фантастична и бессознательна, хоть и очень устойчива и постоянна. Брачные отношения строго регламентированы под давлением интересов наследственной передачи хозяйства (единонаследие, ограничение числа рождений). Здесь, следовательно, мы встречаемся с процессом вытеснения сознательного, как его рисует Фрейд. Общая картина безвыходности, сдавленности, невозможности какого бы то ни было переноса и преобразования либидо в высшие творческие потенции человеческой деятельности. В результате — религия как миросозерцание и быт, как аппарат нравственного принуждения, как область выявления либидо в качестве симптомов (неврозы перенесения) и, наконец, та же религия, как психотерапия церкви с ее исповедальней и культом.

Перейдем теперь к тем классовым группам современного общества, которые сохранили в себе еще много от старого феодально-крепостнического землевладения. Строгость родовых устоев, сложившаяся под давлением наследственной вотчины и необходимости поддержания «флора» и «люстра» фамилии здесь компенсируется в широких размерах, с одной стороны, семейной сентиментальностью и даже распространенностью кровосмесительных и гомосексуальных связей, а с другой — развитием гетеризма, который в новое время тесно соприкасается с проституцией. При полной материальной обеспеченности и ограничении поля деятельности исключительно «благородными» занятиями, громадный избыток сил расходуется, помимо охоты, войны, политики и хозяйства, в колоссальном сублимировании эротики, дающей особые виды романтически построенного быта, искусства и нравственности. Преобладание традиции, приличий и корпоративной чести ведет к расцвету церемониала и внешнего представительства. Этот класс вносит сексуально-родовую окраску в широкие сферы общественных и государственных отношений и строит их по патриархально-семейным образцам. Для него религия часть миропорядка, на котором основано его классовое господство и который построен также по образцу семьи. Религия как миропорядок. Как культ и церемонии она вплетена в его дворянский быт и традицию. Религия как быт. Для воина, принужденного вытеснить либидо, она—экзальтация. Для безбрачной дворянской девицы она—небесный брак. Для задавленной и

связанной матери—утешение бога-сына. Для всего класса—часть классовой эстетики, мировоззрения, быта и церемониала.

Но и рационально настроенная буржуазия не может обойтись без религии. И не только потому, что для буржуа так же как для крестьянина или помещика его судьбы подвержены непонятным и роковым переменам, но и потому, что даже при товарно-капиталистическом производстве и в буржуазно-правовом и демократическом государстве его либидо, основной источник творчества и силы, не находит ни достаточного, ни полного применения. На буржуа так же давит рынок и биржа, как на помещика его родовая вотчина, а на крестьянина его парцелла. Брак по расчету—из-за денег и корысти—дополняется отвратительнейшими формами проституции и адюльтера. Случайная семья, не восполненная школой, дает полный простор невежеству и капризам родителей. Вытеснение либидо в период воспитания совершается в грубой и лицемерной форме. Эротика извращается в животность и скотство и естественно вызывает болезненные конфликты. А закон спроса и предложения на рынке труда, творчества и вдохновения приводит необходимо к нервным и душевным заболеваниям и к их завершению—самоубийству. Невозможность вырваться из страшных цепей капиталистического общества, безвыходность положения и для громадной массы полная безнадежность борьбы естественно оживляют религию и в царстве буржуазного рацио. Но здесь уже не приходится говорить ни о быте—разве в некоторых кругах мелкой и средней буржуазии—ни о миросозерцании. Здесь идет речь о типичной картине массового вытеснения путем сознательной цензуры бессознательной и социально ненужной энергии либидо, которая лишь в незначительной степени подвергается сублимации или проводится через осуждение. Поэтому для буржуазного общества религия есть определенная надстройка над выдавленным и вытесненным либидо, организация невроза, или же организация ложной психотерапии, прибегающей к довольно усовершенствованным формам «духовного врачевания», «возрожденства», иогизма, оккультизма, спиритизма и т. д.

Если мы теперь попробуем сопоставить религию с тем будущим, которое представляется тесно связанным с победами нового общественного класса пролетариата, то лишь при осуществлении коммунистического общества возможно рассчитывать на полное отмирание религии во всех ее вышеперечисленных формах. Уже сейчас среди пролетарской массы мы встречаем почти полное отсутствие тех ограничений брака и любви, с которыми мы познакомились раньше: полное уравнение женщины и мужчины в трудовом процессе несет и такой моральный рост женщины, что это вполне исключает обращение ее в предмет для наслаждения, точно так же, как в мешок для произведения потомства. Свобода любви—одно из первых следствий коллективного труда и коммунистического хозяйства. С уничтожением классовых различий и классовой эксплуатации естественно устраняются и все виды общественного гнета. Воспитание, лишенное всяких посторонних целей, обратится к научной организации развития ребенка. Громадное развитие производительных сил обеспечит человеку

широкую возможность развития и применения также и его индивидуальных производительных сил, так как принцип этого общества: «каждому по его потребности, каждый по своей способности». Наконец, надо надеяться, психология, неврология, психопатология и психиатрия достигнут такого расцвета и практического применения, что не только дадут психотехнику общества, но и возьмут, наконец, в свои руки то, что до сих пор знахарским и шарлатанским способом производили чудотворцы всех стран и народов. Религия больше не будет нужна.

Сделанная нами краткая социологическая проверка позволяет нам теперь, прежде чем перейти к дальнейшему изложению, следующим образом резюмировать добытые результаты: религия есть социальная организация сексуального мышления и связанной с ним деятельности. Она может проявляться в следующих формах: в условиях первобытного хозяйства, как всеобщий метод мышления и организации общества. При этом те формы проявления бессознательного, которые мы наблюдаем в снах и неврозах, получают всеобщее и социальное значение примитивного приспособления к действительности. В условиях классового общества в виду значительного роста производительных сил, значительно суживается сфера применения сексуального или религиозного мышления и сосредоточивается преимущественно в так называемых «низших» классах общества, т.-е. крестьянства и городской бедноты. Вместе с тем происходит процесс массового вытеснения прежних сексуальных влечений и в тех общественных кругах, которые так или иначе подчиняются новым производственным отношениям и переходят таким образом к рациональной экономике. В силу вытеснения снова возрождается религия, на этот раз как результат переживаемого обществом конфликта, при чем она охватывает собой организацию вытесненного состава и пытается дать ему новую жизнь при помощи сгущения, сдвига и перенесения на новые объекты, определенные данной экономической средой. Поскольку и эта попытка не удается, она переходит в массовое проявление и отчасти организацию неврозов и маний. В то же самое время в организации культа появляются и попытки создания знахарской или шарлатанской психотерапии. Наконец, при том общественном строе, который соединяет в себе наивысшие технические достижения и разумную организацию хозяйства, религия отмирает, уступая место свободной любви и реальному преображению мира, путем обнаружения и сублимации всех творческих сил человека.

Применение в рамках данной схемы замечательных открытий Фрейда и его школы дает новое освещение некоторым важнейшим сторонам религии, которые до сих пор не были достаточно выяснены в науке. И прежде всего, вопрос о самом сексуальном или символическом мышлении и его отношении к действительности. Этот вопрос представляется чрезвычайно важным не только потому, что его разрешение вносит строгую закономерность туда, где до сих пор царила святая интуиция, но и потому, что сексуальное или символическое мышление характеризует собой, как мы уже могли заметить, целые эпохи в развитии человечества. Уместно будет здесь напомнить о том значении, которое придавал

покойный русский физиолог И. М. Сеченов «страстям» и «страстности» в создании и человеческой мысли и высших нравственных образований. Как известно, под страстями разумел он «психические рефлексы с усиленным концом». Начало такой страсти, подобно Фрейду, находил он «в элементарных чувственных наслаждениях ребенка». «В начале человеческой жизни все без исключения психические рефлексы имеют характер страстности». Явно, что у ребенка, «по мере развития конкретных представлений, приятные ощущения от некоторых их свойств сливаются, так сказать, с цельным представлением... Целое представление получает, таким образом, характер страстности». Такая «страстность» в ребенке далее «отличается большой подвижностью» и «при дальнейшем развитии ребенка» она переходит уже «на понятия или, правильнее, на те представления, которые связаны с этими понятиями». Сливая себя с любимым образом, ребенок начинает любить все его свойства... здесь вся моральная сторона человека» и, прибавим,—человечества (Сеченов, «Психологические этюды», СПБ, 1873, стр. 83—89). С полным правом после этого мы могли бы назвать «сексуальное» мышление Фрейда в более широком смысле слова «страстным» мышлением Сеченова.

Эта мысль и соответствующий ей язык, ибо «ассоциация восприятий предмета и звука» предшествует нашей мысли, не исчезает вполне, как это думали раньше, но остается в сфере нашего подсознания. Именно там, во мраке вытесненных аффектов и представлений, покоится и вся та символика, которая, воскресая каждый раз в нашем детстве, в то же время знаменует собой целый период в развитии человечества. Благодаря тому, что этой символикой пользуются наши сновидения, психоанализу удалось проделать большую работу по вскрытию ее механизма. Оказалось, что наша бессознательная жизнь говорит совершенно на ином языке, нежели сознательная. При чем любопытнее всего то обстоятельство, что сознательное *я* не знает и не понимает языка бессознательного *я*, и лишь путем научного анализа оказалось возможным перевести определенное содержание с одного языка на другой. Дело здесь идет ни о чем другом, как «о бессознательном знании, мышлении, сравнении двух различных объектов, приводящем к тому, что один предмет может заменяться другим». Самая символика вместе с тем отличается двумя чертами: с одной стороны, и она пользуется раз навсегда установленными наперед сравнениями, которые менее всего создаются отдельным индивидом, а с другой,— ее язык универсален и пользуется одинаково устойчивым и в своих основах неизменным применением одинаково у всех стран и народов. Это та же «символика, которой пользуются мифы, сказки, народ в своих поговорках и песнях», только в сновидениях она принимает почти исключительно сексуальный характер, тогда как в других своих проявлениях она значительно шире (Фрейд, Лекции, т. I, стр. 172—173).

Эти положения о закономерности и всеобщем значении символики, в частности сексуальной или страстной символики нас удивить, конечно, не могут. Не даром столько раз уже подтвердились слова лучшего русского знатока слова, А. Потебни, о том, что «в создании языка нет произвола»,

что «внутренней стороной ономато-поэтического слова» является «чувство», что, наконец, именно «символизм в самых начатках человеческой речи отличает ее от звуков животных и междометий» рефлективного характера («Мысль и язык». Харьков, 1913, стр. 84—85). Но бесспорной заслугой психоанализа должно считать то обстоятельство, что он раскрыл нам сексуальное значение целого ряда символов, которые как раз особенно часто и широко применяются в области религии. Работы и самого Фрейда и его школы (Ранка, Рейка, Сильберера, Юнга и др.) в деле использования этой символики общеизвестны. Мы для иллюстрации только укажем несколько примеров применения сексуальной символики в христианской мифологии. Змей и яблоки грехопадения (мужские гениталии), ясли вифлеемские (женские гениталии), лестница Иакова (символ полового акта), вода и крещение водою (символ родов), птица духа святого (мужской орган в состоянии эрекции), рыбы (муж. ген.), дерево и секира (муж. и жен. гениталии), огненные языки, сошедшие на апостолов (муж. гениталии), источник воды живой (муж. генит.), светильник горящий и светящий (то же), хлеб живой (то же), троичность божества (три—символ муж. гениталий) и так далее без конца. Если же мы привлечем к анализу так называемые языческие религии, то ассортимент сексуальной символики станет еще значительно богаче. Эта символика лишь дополняет те, выше приведенные нами, данные, где прямо семейно-эротические образы переносятся на небеса.

Такая символика обладает некоторыми чертами, обеспечивающими ей по самой ее форме большую устойчивость. Как мы уже выяснили в другом месте, «во-первых, переживания подсознательные здесь настолько не определенны и не ограничены, что всегда может произойти подстановка, и под один и тот же символ, знак или сигнал может быть подведен и существенно другой материал, нежели первоначальный. Во-вторых, символ или знак ничем по существу не связан с тем, что он выражает, и, следовательно, не дает ни малейшего представления, а менее всего—понятия о соответственном материале подсознания. В-третьих, наконец, здесь даже невозможно какое-нибудь упорядочение формы и содержания, так как при отсутствии сознательного различения и критики символ объединяется со своим содержанием путем чисто механической связи или веры, которая совершенно не различает призрака и действительности, грезы и факта. При таком положении вещей символ сам легко сливается с реальностью, которая сознается через него, сам легко олицетворяется и, принимая как бы вторую жизнь, этим самым выходит из ряда вещей, подлежащих контролю и проверке». Отсюда ясна и близость между религией и мистикой (сексуальной символикой). Ибо религия как раз представляет нам использование тех мистических символов, которые потеряли характер знака и сигнала, а сами воплотили в себя те подсознательные переживания, которые с ними были связаны. При мистическом способе познания весьма легко впасть и в другое заблуждение: мир подсознания, раскрытый при помощи мистических символов, сохраняет весь тот характер ненормального, сверхъестественного и чудесного, который присущ ему

в отличие от мира естественного. Так рождается мир земной и потусторонний, мир человеческой логики и морали, а с другой—область, стоящая вне всех человеческих законов, а следовательно, и невыразимая область божества. На этой почве уже легко создается и религиозная догма. Таким образом, религия есть не сама мистика как таковая, а развитие и использование присущих ей свойств в направлении возможного роста символа и символики за счет живого содержания их, скованного подсознанием» (М. Рейснер, «Государство буржуазии и Р. С. Ф. С. Р. ч. I. Классовое общество и государственная власть». М. 1923, стр. 42—43).

Теперь понятна вполне и способность сексуального мышления, мистической или, говоря термином Сеченова, страстной символики к обволакиванию самого разнообразного материала на протяжении веков. В период анимизма она творит духов из сна и смерти. При фетишизме она наполняет демонами любые предметы причудливой и странной формы. При тотемизме та же символика с успехом находит праотца в звере и в особом символе закрепляет панический страх табу. При земледельческом хозяйстве она объединяет в оплодотворяющем акте солнце и землю, у пастухов—пустыню и звезды, у рыбаков—небо и море. И те же самые образы, покрывающие собой сексуальную жизнь человека, не только дают целую космогонию, но и переносятся с особенным успехом на богов классового общества, где на небесах в эротических бурях совершаются трагедии классовой борьбы и попытки примирения меча и лопаты, кадила и молота. Борьба первоначальных полов, так же как возрастных групп, матриархата с растущей властью патриарха, чисто экономические противоречия и идеологические надстройки—все одинаково и покрывается и вместе с тем тонет в море эротической символики, которая при помощи могучих подсознательных сил душит рождающуюся мысль и превращает достигнутое приспособление, а впоследствии и социальное изобретение, в игру фантастики, насыщенной либидо. В одном месте Шурц с изумлением отмечает те воистину ни с чем несоизмеримые жертвы и людьми, и трудом, и вещами, которые на протяжении веков были отняты у живых и брошены в могилы мертвых («История первобытной культуры», СПБ. 1910, стр. 310—311). Мы можем выразить не меньшее удивление тому, с каким трудом человек под давлением бытия, оторвался, наконец, от мышления эротикой и перешел к мышлению сознанием...

Пользование символикой, которая лишь в самой отдаленной степени находится или даже совсем не находится ни в какой связи с обозначаемым содержанием, сделало вместе с тем возможным обозначение одних событий или фактов при помощи других, которые становились символами первых. В особенности это, конечно, было там, где подсознание последующих поколений филогенетически в детстве повторяло процессы, пережитые прежними поколениями в историческом прошлом. Фрейд и его школа посвятили исключительно много труда и остроумия на исследование одной подобной, мистически выраженной идеи. Это так называемый, эдиповский комплекс, который, по гипотезе ряда психоаналитиков, воскрешает одну из древнейших страниц человеческого рода.

На основании анализа бесчисленных мифов и религиозных сказаний, так же как данных фольклора о борьбе между отцом и сыном или сыновьями за обладание матерью и сопоставления аналогичных переживаний детства и различных неврозов, сопровождающихся фиксацией и регрессией, Фрейд и его ученики пришли к заключению, что некогда в древности могла произойти подобная трагедия, и будто бы действительно на заре образования братской орды с матриархатом, экзогамией и тотемизмом, сыновья, восставшие на старого самца, победили его, убили и съели. Этот акт, как предполагается, отразился с чрезвычайной силой в психике первобытных людей, в силу амбивалентности (двухсторонности) чувства привел их к обожанию убитого и сознанию своей вины и таким образом послужил источником нравственности, религии и т. п. Этот акт является в теории Фрейда и его школы гипотезой, которая, само собой, будет научно доказана лишь тогда, когда исследователи доисторической культуры доставят нам необходимые социологические и сравнительно-исторические доказательства. Нас интересует здесь не эта гипотеза. Для нас важно здесь нечто совершенно иное.

Дело в том, что действительно—и здесь Фрейд и фрейдисты совершенно правы—эдиповская трагедия, борьба общества с индивидом на почве ограничения кровосмесительных связей и общения, давшая бесчисленные отражения в первобытном человечестве, эта трагедия занимает исключительное место в начальной религии. Содержание ее общеизвестно. Сын восстает на отца, убивает его и в жены берет свою мать. В результате—муки страха и раскаяние, а на этой почве вырастает культ, где сын во искупление своей вины подвергается кастрации, изувечению или смерти, а затем воскресает и, в лучшем случае, примиряется с отцом, рядом с которым и занимает место. И Фрейд в своем «Тотеме и табу» и Рейк в «Проблемах психологии религии», так же как Ранк в «Психоаналитических сообщениях к исследованию мифов», в достаточной мере показали нам решающее значение мотива кровосмесительства, а вместе с тем и одного из первичных сексуальных мотивов в деле образования первобытного верования и культа. Но воистину загадочным представляется, тот поразительный факт, что этот мотив, игравший в родовом обществе действительно важную роль, затем не только отрывается от своей реальной основы и продолжает победное шествие в истории культуры, но и наполняется новым содержанием, развивается и расцветает. При совершенно новых экономических предпосылках—то на основе первобытного коммунизма, то античного рабовладения, то средневекового феодализма, то, наконец, товарно-капиталистического производства — с непостижимым упорством все вновь рождается повесть о боге-сыне, искупающем первородный грех по отношению к богу-отцу (срв. Otlo Rank и Hans Sachs, «Значение психоанализа в науках о духе», рус. пер. СПБ. 1915 г, стр. 91 и сл.).

Раскрыв перед нами смысл тотемного культа, где созревшие сыновья символически пожираются предком-зверем и под руководством своих замаскированных отцов искупают первородный грех, Рейк говорит по

поводу позднейшего воплощения той же идеи: «Сыновние божества античных народов имеют известные типические и общие черты в их существе и участи: они, подобно Таммузу, Адонису, Аттису и Озирису, являются любовниками великих материнских божеств запада; они умирают насильственной смертью и искупают, таким образом, совершонное кровосмешение: возлюбленный Афродиты растерзан диким вепрем, Аттис, любовник богини матери Кибелы, оскопляет сам себя, Озирис, любовник Изиды, убит Тифоном, а Дионис-Загрей разорван Титанами. Насильственной смертью этих юных богов, однако, их судьба отнюдь не закончена; своими матерями-любовницами, как, напр., Изидою—Озирис и т. д. они не только оплаканы и отпеты, но после их воскресения они встречены вновь с праздничным и громким ликованием. Смерть, оплакивание матерью и другими женщинами и воскресение мертвого бога перешло и в мировую религию христианства. А Фрейд показал нам, что самопожертвование Христа было искуплением за покушение на убийство—и так как, несомненно, первородный грех был преступлением против отца, то необходимо предположить покушение на отцеубийство... Смерть, оплакивание матерью и воскресение, так же как вознесение Христа, на ряду с соответственными мифами Аттиса, Адониса и культом Озириса, дают нам наилучшие аналогии поглощению созревающих юношей чудовищем Балум (дух праотцев), плачу матери, у которой отнят ее сын, их воскресению и принятию в число отцов» (Reik, «Probleme Religionspsychologie», Wien, 1919, стр. 122—123). Прибавим только к сказанному, что отнюдь не трудно и здесь в первородном грехе установить состав преступления. Ибо Адам был самым несомненным сыном божиим. Ева, по всем своим признакам как прародительница была не ниже Кибелы или Изиды, а самый соблазн характеризуется несомненными половыми символами—яблоками и змеей (мужские гениталии). После этого совсем понятны и те мучения, которым бог-отец подверг своего сына в целях искупления на кресте, в особенности кровоточащая рана на теле, его смерть и воскресение и воцарение рядом с отцом.

После того, как мы выше уже выяснили в достаточной степени сексуальный характер религиозных переживаний, все эти кровосмесительные и кастрационные комплексы в религиозном мифе нам не удивительны. Требует разгадки здесь совсем другое: как эти символы могли продержаться столько веков, несмотря на колоссальный экономический и культурный прогресс человечества? Ответ на это мы найдем в двух обстоятельствах. Во-первых, мы уже выше отметили свойства мистического символа. Будучи творением нашей бессознательной жизни он совершенно лишен критерия действительности. Перенесения, подстановки и замены содержания могут производиться без малейшего влияния на форму. Под бога отца и сына может быть подставлено все, что угодно. Важно лишь сохранение известной либидинозной настроенности в связи с этой символикой. Вот почему тот же бог-сын мог появиться, то в виде оплодотворяющего землю солнца-супруга, то в виде молодого тельца, упраздняющего у кочевников старого быка-производителя, то в качестве социального чу-

дотворца, разбивающего старые скрижали отцов аристократии, то, наконец, в качестве морального искупителя грехов биржи и прилавка. Сексуально окрашенное мышление есть мышление бессознательное, дикарское, глупое. Оно воспринимает, отражает и передает, воплощает и выражает не при помощи разума, а чувства или, по выражению Сеченова, «страсти», по термину Фрейда—«либидо». Если же оно и пользуется словами и знаками, то менее всего интересуясь их подлинным значением или смыслом, но как символикой, к которой благодаря вековой и всеобщей практике привешены, как подводные растения к килю корабля, эротические эмоции. И покуда есть эта вытесненная эротика, нуждающаяся в подстановке, до тех пор будет жить и язык первобытного человека, который естественно будет отражать действительность лишь через искажающую призму либидо.

В наше время человеку трудно, даже, скажем мы, невозможно, быть таким естественным и непосредственным дикарем, как наш отдаленнейший предок. Но есть замена. Это язык дитяти, искусственного дикаря современности в виде задавленного человека паупера или невротика. И если даже они неспособны более так понимать мир, как понимал его дикарь, то зато они способны тем более возместить нехватающую им непосредственность обострением чувства сексуальной «нравственности». И если мы до сих пор говорили о гносеологии либидо, то теперь надо сделать несколько замечаний по поводу его социологии. Из истории языка мы знаем, что он рождается не в тот миг, когда в виде простого рефлекса вырывается у человека невольный крик, но тогда, когда он слышит этот крик повторенным у другого и уже понимает его. Отношения либидо с того момента, когда на смену автоэротизма приходит избрание предмета, по существу паразитарны, а следовательно, нуждаются в использовании другого. Первой предварительной ступенью любви является стремление «проглотить» или «сожрать» свой объект. Ее предтечею, следовательно, должно считать «стремление к овладению», что, по существу, ничем не отличается от ненависти. Эта примесь ненависти к любви не только в большинстве случаев остается, но способна выродиться в садизм. Но, с другой стороны, любовный паразитизм тает по мере повышения роли объекта, по мере того как устанавливаются все большие запросы к его нежности и готовности служить страсти субъекта. Но это покупается самоунижением субъекта, что может перейти в мазохизм. За любовью скрывается ненависть, за нежностью—желание использовать, за мазохизмом—садизм. Эта амбивалентность (двухсторонность) либидо необходимо порождает лицемерие и постоянное чувство виновности, замену насилия раскаянием и желания причинить зло—аскезой или самоистязанием (Срв. Фрейд, «Основные теории», стр. 112—124).

Если бы поэтому мы даже не приняли целиком теории Фрейда о происхождении чувства раскаяния и виновности от того первородного греха, который был совершон при переходе от предполагаемого единовластия человеческого стада к сыновнему клану матриархата, то и в таком случае нам приходится признать громадную близость нравственного чувства раскаяния, стыда и т. п. к сексуальной сфере, а следовательно,

при господстве в известные моменты жизни человечества соответственных условий и необходимость развития таких чувств и сексуально-мистических представлений. И если бы даже специалисты по доистории, в конце-концов, не подтвердили бы гипотезы Фрейда о доисторическом убийстве старика-вожака, его съедении и завладении его женами (такие убийства и сейчас встречаются у некоторых племен дикарей), то для нас вполне достаточным оправданием мифа об Эдипе служил бы тот амбивалентный характер либидо, который при крайнем господстве сексуального мышления у первобытных людей мог отлично создать и миф о Сатурне, пожирающем своих детей, пока не оскопил его, спасшийся от общей участи, сын его Зевс, и предание об Эдипе и т. п. И то же господство либидо в жизни ребенка не менее естественно в каждом регрессе современного человека воскрешает и крайнюю амбивалентность эротики и готовую почву для нравственного богословия с его первородным грехом и жертвой искупления. Мы будем поэтому в праве предположить, что не только великая эластичность символического мышления доставляет ему возможность переживать века, но и постоянная обновляемость в детском либидо наравне с регрессивной эротикой невроза.

Гнет либидинозного раскаяния и ощущения греха, который тем более ощущается, чем меньше возможность израсходования эротических запасов в прямом, сублимированном или инвертированном виде, является благодарнейшей почвой для развития всевозможных культов и деятельности духовных лиц. И если на примерах первобытного культа мы уже наблюдаем очищающее и разрешающее значение культа, то должно признать, что с тех пор такая в известной степени шарлатанская психоаналитическая и психотерапевтическая деятельность религиозных организаций сделала колоссальные успехи. Громадное значение имеют здесь прежде всего различные массовые покаяния, самоистязания, говения, страстные недели и посты. Это обширнейшие каналы для стока излишней либидинозной энергии, которые работают при помощи обращения на самого кающегося его садических стремлений и превращения их в мазохистское сладострастие, а с другой стороны путем перенесения, как и во всякой религии, обратной стороны амбивалентного чувства на божество. Такие покаянные упражнения мы имеем не только в древнем Египте, античной Элладе, Иудее, христианстве, но и в магометанстве, где подобную роль играет культ Али. В большинстве нам знакомых культов такие покаянные упражнения могут совершаться и индивидуально, но под руководством соответственных жрецов.

Положение служителей культа в виду их ложно-психотерапевтических и психоаналитических задач основывается так же, как при внушении и психоанализе, на установлении раппорта или, иначе говоря, более или менее тесной связи доверия, благоговения или симпатии. Основным образцом и здесь является тип детской любви по отношению к отцу. Отцовский тип сексуальной связи здесь укрепился настолько бесспорно и давно, что наименование жрецов и священников «отцами» дело само собой разумеющееся. На этих «отцах» и лежит главная обязанность по люстра-

ции, катарсису или очищению от грехов. Самый процесс люстрации совершается различными способами. Применяется очищение водою, в виде обливания или окунания, как крещение, что вполне понятно, так как вода является основным и всеобщим символом процесса родов. Очищение огнем вплоть до сошествия огненных языков, так как огонь, как известно, есть излюбленный символ мужских гениталий. Этому акту предшествует или за ним следует исповедь, построенная по стариннейшим психоаналитическим образцам, обставленная в новейших культах тайной, дающей возможность полного высказывания. По сравнению с деятельностью врачей-психоаналитиков исповедь имеет некоторые бесспорные преимущества, так как раппорт с врачом здесь дополняется раппортом с воображаемым божеством и совершается под его, предполагается, всевидящим оком. В высшей степени замечательно и то обстоятельство, что во всех церковно-христианских вопросниках, представляющих собой более или менее полный свод вопросов, предлагаемых на исповеди, исключительное внимание отведено половой сфере, при чем не забыто ни одно из малейших извращений в этой области. Уже после исповеди, совершенно в духе первобытной религиозной трапезы—жертвоприношения, происходит и плотское общение с божеством, путем пожирания его плоти и питья его крови.

Само собой разумеется, что если мы говорим здесь о церковно-религиозном «психоанализе», то мы употребляем здесь этот термин в весьма условном смысле. Цели его весьма отличаются от психоанализа научно-врачебного. Последний имеет своей задачей «устранение амнезий». Это достигается таким способом, что с «восполнением всех изъянов воспоминания и выяснения всех загадочных эффектов психической жизни становится невозможным ни продолжение, ни новообразование болезни». Те же условия могут быть выражены иначе: «при устранении всех вытеснений» получается то же психическое состояние, в котором «выполнены все амнезии». Другими словами, «дело идет о том, чтобы сделать бессознательное доступным сознанию, что достигается преодолением сопротивлений» (Фрейд, «Методика и техника психоанализа». М. 1923, стр. 33). Это—процесс «восстановления прежней личности», говорит Дежерин, и применение его дает в результате «освобождающее действие» (Дежерин, Гоклер, «Функциональные проявления неврозов, их лечение психотерапией». М. 1912, стр. 401, 404). Основным моментом здесь является именно проникновение в бессознательную сферу, осознание определенного в ней заключающегося состава и освобождение таким путем от бессознательного вытеснения, лежащего под цензурой. При религиозной исповеди мы, правда, также встречаемся с «освобождением» путем высказывания. Однако, здесь высказывание совершенно иного сорта. Исповедующийся все время находится в кругу символики, не вскрывающей или обнажающей бессознательный состав вытеснений, а, наоборот, прикрывающей и затемняющей его. Разрешение или отпущение дается точно так же при помощи символических действий, которые не только не способны излечить невротика от его симптомов, но, наоборот, утвердить его в его плачевной игре.

Это не организация выздоровления, но укрепление и организация болезни. Вытеснение остается, путем внушения, связанного с отпущением грехов, временно делается безболезненным, но совершенно естественно через некоторый промежуток времени оно приводит к новым симптомам, которые опять-таки требуют отпущения и т.д. без конца. Такую терапию можно сравнить с самым подлинным шарлатанством, где на действии паллиативов основано искусственное продолжение болезни. Вот почему мы даже временно в целях «восстановления личности» считали бы крайне опасным прием, который рекомендуется, между прочим, Дежериным, а именно, использование религиозных верований больного (Дежерин, там же).

Так мы подходим к пункту, где сходится религия и общественная нравственность. Думаем, сказанного уже слишком достаточно, чтобы выяснить все разлагающее влияние религии на этику. Более того, мы подходим к пункту, который показывает нам всю безнравственность религии, несмотря на то, что, по весьма правдоподобной гипотезе Фрейда, именно сексуальное мышление в доисторические времена и было источником всякой нравственности. Призрачная и фантастическая символика, лишающая человека всякой возможности основать этику на положительном познании действительности, дает необходимо искажение смысла и значения общественной жизни и ее законов. На той же символике построен язык, придающий нравственным правилам и заповедям мистическую неопределенность и двусмысленность. Скрытая сексуальная основа, готовая при помощи амбивалентности и способности к сдвигу, сгущению, перенесению и подмене каждую минуту превратить добро во зло и перебросить энергию любви на произвольный, ничего не стоящий объект. Вечный антагонизм сознательному, ответственному и целесообразному устроению жизни и накопление благодаря вытеснению все новых и новых симптомов, как результата патогенных конфликтов. Наконец, исповедь, очищение и люстрация, закрепляющая, на почве либидинозных отношений к божеству, раздвоение между бессознательной жизнью и сознательной и снимающая путем благодати или искупления ответственность за господство и прорывы темных неосознанных аффектов и страстей—это ли не совершенный аппарат для сокрытия настоящего источника антисоциальных тенденций регрессирующего индивида на его пути или в больницу душевно-больных или в какую-нибудь исправительную тюрьму?

В высшей степени характерно, что такой апологет религии как Джемс отнюдь не берет на себя решения вопроса о нравственном содержании мистических озарений: «Критерием ценности верования является не его происхождение, но вся сумма его результатов... всегда существовали видения и голоса явно бессмысленные, и экстазы и конвульсии совсем бесплодные для всей дальнейшей жизни... В истории христианскаго мистицизма можно видеть, как трудно было мистикам различить откровения и опыты, которые были действительно божественным чудом от дьявольских подделок, ввергавших человека в ад. Чтобы, разрешить эту тонкую проблему, нужна была вся проница-

тельность самых опытных духовных пастырей. И, в конце-концов, они должны были прибегнуть к... эмпирическому критерию: узнавать дерево по его плодам, а не по корням». «Хорошее самочувствие, которое оставляет после себя видение или другие проявления божьего расположения, единственное доказательство того, что они не от лукавого». Решающими в данном случае, по мнению Джемса, являются «моральные инстинкты и здравый смысл», а они, в свою очередь, оказываются «плодами эмпирического развития». «По ценности тех выгод, какие мог доставить тот или другой бог, устанавливалась и его ценность. Как только эти выгоды теряли ценность, не выдержав конфликта с повысившимися нравственными идеалами или уровнем умственного развития, при котором они начинали казаться ребяческими и нелепыми,—к божеству начинали относиться с пренебрежением, и культ его приходил в упадок» (Джемс, «Многообразие», стр. 16, 17, 319, 320). Нигде лучше, чем в этих строках, не высказывается цинический оппортунизм и эклектизм Джемса, который считает совершенно достаточным для суждения о социальной ценности религии решение вопроса о том, получает ли данный верующий «выгоду» от своего бога или нет. А в религии может сидеть с одинаковым удобством и бог и дьявол. Различить их при помощи самой религии никак нельзя... (Срв. Фулье, «Критика новейших систем морали», СПБ. 1898 г., стр. 330 и след.).

Мы к религиозным явлениям отнесемся с несколько более строгой точки зрения, нежели Джемс. Мы будем считать, что сознательное отношение к миру несколько лучше бессознательного, что здоровый человек ценнее для общества, нежели психостеник, невротик или параноик, а на нравственное значение вряд ли может претендовать тот метод, который в высшем своем воплощении никак не может различить левой руки от правой, добра от зла и дьявола от бога. И если даже в конечном счете здесь оказывается решающим объективный исторический процесс, с лежащим в его основе «бытием» или «делом», то далеко не безразлично, в какой степени злосчастная надстройка всевозможных идеологических сооружений, а в том числе и религии, следует за определяющим хозяйственным развитием или отстает от него. И это значит отказаться от всякого активного и сознательного вмешательства в течение социального процесса, если предоставить джемсовскому «здравому смыслу» или «инстинкту» благодушно взирать на то, как шарлатанская духовная медицина берет в свое ведение нервные заболевания масс и организует их симптомы не в направлении излечения, а, наоборот, закрепления и ухудшения. Если же прибавить к этому общеизвестный факт, что подобная шарлатанская медицина является источником дохода и существования особой профессиональной группы, эксплуатирующей в своих интересах подобные заболевания, то выясняется вся социальная опасность подобной практики.

Психоанализ навыворот, который мы встретили в практике культа, далеко не основной и самый важный момент в деятельности духовных «отцов» отсталого или больного человечества. В гораздо большей степени

ими практикуется внушение. И здесь опять-таки Фрейд и его школа дают нам ценные материалы. Ибо «принцип, который царствует в магии, в технике анимистического способа мышления—это Всемогущество Мысли». И подобно тому, как «невротики живут в особом мире, в котором... для них действительно лишь то, что интенсивно думается и аффективно представляется, а согласие этого с внешним миром играет второстепенную роль, истерик же повторяет в своих припадках и закрепляет в своих симптомах переживания, которые произошли в его фантазии», подобно этому развивается и отношение к миру первобытного человека. И так как «его мышление еще в высокой степени окрашено эротикой (сексуализировано), отсюда проистекает и вера во всемогущество мысли, непоколебимое убеждение в возможности власти над миром и недоступность тем легко приобретаемым опытам, которые могли бы раскрыть глаза человеку на его действительное положение в мире». Магия с этой точки зрения есть не что иное, как использование указанного убеждения во всемогуществе мысли, при чем первоначально, когда человек непосредственно рассматривает внешний мир, как продолжение и повторение самого себя, он прибегает непосредственно к силе мыслей и желаний в уверенности, что они именно поэтому воплощаются в мире. При анимизме часть этой мощи переуступается духам, и владеть миром приходится уже через их посредство, впоследствии часть человеческой психики отрывается от своего носителя, и из нее при помощи проекции во вне создаются боги, с которыми человек делит свое всемогущество, но в то же время сохраняет за собой способы и средства влиять на этих богов (Freud, «Totem u. Tabu», стр. 115—124).

Всемогущество мысли открывает нам путь к познанию целого ряда общественных явлений. Фрейд особенно подчеркивает в данном отношении значение искусства. «Только в одной области также и нашей культуры,—говорит он,—сохранилось «всемогущество мысли»—и это в искусстве. Лишь в искусстве происходит еще так, что разрываемый желаниями человек совершает нечто подобное их удовлетворению, и что эта игра, благодаря художественной иллюзии, вызывает аффекты, как будто бы это было нечто реальное. С правом говорят поэтому о чарах в искусстве и художника называют чародеем» (Фрейд, выше назв. сочинение, стр. 120—121). Мы должны, однако, отметить, что если, по словам Фрейда, искусство и произошло некогда от магии и потому сохранило до сих пор в себе нечто магическое, то в современных религиях мы можем найти не только «нечто», но и применение магии во всем объеме, хотя, быть-может, это явление и не может быть целиком отнесено к нашей культуре. В этом отношении совершенно верно определяет Вундт значение действия в культе: «Это действие постоянно влияет на представления, изменяя их, усиливая и вызывая, таким образом, новые аффекты и вытекающие из них действия... Культ является скорее воспитателем религиозных аффектов, чем их постоянным выражением... только в культе достигают своего полного развития представления о богах... в культе человек дает выражение своим желаниям в молитве и в жертвоприношениях и уже в этих действиях

предвкушает их удовлетворение». (Вундт, «Элементы психологии народов», стр. 252—253.) В религиозном культе, таким образом, и проявляется и воспитывается, организуется вера во «всемогущество мысли».

Фрейд в одном месте называет анимизм психологическим мировоззрением. Но с таким же правом мы должны признать психологическим учение каждой религии, ибо во всякой религии, без малейшего исключения, положена в основу мысль о всемогуществе мысли, которая непосредственно вынуждает и творит, исцеляет и свобождает, вмешивается во всеобщий закон природы и путем его произвольного нарушения добивается неожиданных и чудесных результатов. И если порой бог оказывается недостаточно милостивым и отзывчивым, то в этом виноваты или преследующие человека грехи или вмешательство злых духов или, наконец, педагогические соображения бога, который подвергает верующего безмерным соблазнам и мучениям с целью его испытать, закалить, воспитать и т. п. Но есть сфера, где всемогущество мысли в опытных руках религиозно-церковных психотехников или отцов дает не только призрачные результаты. Не надо забывать, что область внушения, с гипнозом или без него, является как раз тою сферой, где представление переходит непосредственно в действие. Ибо, как утверждает Форель, именно «внушенное представление становится всемогущим» в том смысле, что в силу внушения «представление превращается в восприятие, картина деяния—в самое деяние, представление вазомоторного действия—в это действие, а представление анэстезии—в самую анэстезию» (Forel, «Der Hypnotismus», Stuttgart, 1891, стр. 95—96). Так внушение может превосходно прийти на помощь сексуальному мышлению, и там, где нет божества, оно может заставить его увидеть, и там, где нет никаких духов,—их услышать.

У Фрейда мы не раз встречаемся с явлениями сопротивления, когда тот или иной уже сложившийся симптом, создавший иногда надлежащую рациональную надстройку путем сдвига и замещения, долго и удивительно ловко защищается от вмешательства врача, желающего его раскрыть и тем самым уничтожить. Если мы перейдем теперь к массовым явлениям аналогичного характера, то мы найдем именно в организации религиозного массового внушения аппарат, который имеет своею целью не только укрепление и организацию, но защиту и развитие сгустившегося в религию массового либидо. И это тем более возможно, что на ряду с внушением индивидуальным мы имеем полную возможность внушения массового. В этом пункте мы встречаемся с полным единодушием и психиатров (Форель, Бехтерев, Блейлер и социологов (Тард, Михайловский, Сигеле, Лебон). Если же мы сравним теперь технику индивидуального внушения с тем, что происходит в виде регулярного богослужения в любом храме какого угодно вероисповедания, то мы легко убедимся, что производство внушения есть основная задача последнего.

Позволю себе процитировать здесь тот краткий анализ богослужения со стороны его техники внушения, который помещен нами в другом нашем опыте. Спрашивается, что мы видим в любом храме во время совершения обрядов культа?—«Прежде всего, уединенные и темные поме-

щения, где удалены все посторонние впечатления, и люди словно отрезаны от живой действительности, от реального мира. Затем посетители храмов принуждаются неподвижно стоять в тишине и молчании. Их заставляют смотреть, не отрывая глаз, на разные блестящие предметы или на огни, находящиеся впереди храма. Это, конечно, на ряду с неподвижностью, очень утомляет наше сознание; сюда же присоединяется монотонное чтение и однообразные тягучие напевы, которые подчас сопровождаются такою же однообразной музыкой или даже звуками колокола или барабана. Все сделано сверх того, чтобы при помощи однообразных движений, которые повторяются бесконечное число раз, еще более погрузить человека в состояние, где у него больше не остается ни воли, ни разума. Следующим приемом здесь можно считать самое внушение, которое производится при помощи настойчивого требования забыть все земное, отказаться от мира, отвергнуть и умертвить в себе плотскую жизнь и отдаться целиком, так называемому, другому миру. Для этой цели наша жизнь именуется необычайно грязной и греховной, на первый план с настойчивостью выдвигается смерть, рисуется картина гибели и грозящих человеку вечных мучений, употребляются все способы и средства, чтобы окрасить в черный цвет, представить в отвратительном и мерзком виде все проявления нашей действительной жизни. В этих приемах сходятся одинаково и православные монахи, и католические иезуиты, и мусульманские подвижники и буддийские святые. Без различия вероисповеданий все эти духовные специалисты одинаково стремятся убить доверие к мысли и вместе с земной жизнью умертвить и нашу волю».

«И в противоположность действительности выдвигается другой мир; дикий и таинственный, нелепый и фантастический, который вместе с тем, несмотря на свою пустоту, рисуется в чрезвычайно привлекательных красках. Верующему внушается мысль, что действительна не жизнь, а сновидение. В освобожденной от контроля сознания душе порождаются сильные страсти и сладкие чувства, которые связываются с разными символами и сигналами, находящимися в распоряжении внушающих. Громкие возгласы, восторженное пение, блестящие одежды жрецов, яркое освещение алтаря или жертвенника—все это вызывает в душе ослепленных людей подсознательные переживания; и, охваченные внушением, они безмерно преувеличивают свои ощущения и впечатления. Им кажется, будто они действительно не на земле, а в каком-то другом мире и, опьяненные своими страстями, они готовы следовать за людьми, которые представляются им одаренными волшебною силою. Неудивительно теперь, что так обработанные люди ни в чем не отличаются от внушаемых в любом психологическом кабинете или медицинской клинике. И если им предложат увидеть разверстые небеса и схождение на землю святых духов, они, конечно, все это увидят; и ничем нельзя их потом убедить, что на самом деле не было ни огня с небес, ни голубя, ни какой-нибудь другой птицы. Точно так же простые слова обыкновеннейших жрецов им покажутся голосом самого бога, и его слова врежутся в их подсознательную память со всею силой массового внушения. Этим же путем легко осуществится

и чудотворение. Под влиянием внушения у ящиков, набитых ветхими костями или даже просто ватой, получат исцеление нервные больные, начнут ходить паралитики, успокоятся кликуши, легче вздохнут страдающие нервным расстройством кровообращения, пищеварения и т. п.» («Нужна ли вера?», стр. 24—25. Срв. также Бехтерев, «Внушение и его роль в общественной жизни», СПБ. 1908, стр. 35. Его же «Гипноз, внушение и психотерапия», СПБ. 1911, стр. 48. Сидис, «Психология внушения. СПБ. 1902, стр. 300. Лебон, «Психология народов и масс», СПБ. 1896, стр. 206 и след. Bleuler, руководство по психиатрии, Берлин, 1920 стр. 33—37).

Для того, чтобы оценить значение внушения в религиозной области, необходимо подойти к вопросу с двух сторон: со стороны формы, или, иначе говоря, сексуального мышления, и со стороны содержания. Остановимся сначала на последнем. Содержание подобного внушения может быть очень сложным, так как каждая общественно значимая религия представляет из себя обширный конгломерат, в котором переплетены порою в самом причудливом беспорядке и сексуальной окраске целый ряд различных нравственных, политических, даже экономических, технических и санитарных положений, которые переплетаются с мифом и метафизикой. Совершенно естественно, что сообразно той или иной исторической эпохе, определенным условиям экономики и классового порядка мы находим и в религиозных учениях, так же как в заповедях и культе, соответственные оправдания, веления и запрещения, которые так или иначе выражают классовый и групповой интерес, национальные вкусы и т. д. Нас, конечно, интересует в данный момент не эта сторона. Важно здесь и другое. И это снабжение несуществующего признаком реальности, превращение призраков в нечто действительное, создание целого фантастического мира явлений, куда и переносится не только основная ценность существования, но и все превозмогающая сила, требующая известного уже реального приспособления. Нечего говорить, что снабженные санкцией такой сверхъестественной силы положения политической власти, классового господства или общественной морали приобретают всю механику исполнения, которая свойственна психическому автоматизму, а в частности послегипнотическому действию внушения. Необходимо отметить, что существенную часть религиозных внушений составляет и организация раппорта между духовными отцами и пасомыми, так что этим путем они обеспечивают себя по возможности и от конкуренции со стороны и от «бунта» индивидуального мышления.

Что же касается далее другой стороны религиозно-массового внушения, а именно — его отношения к самой форме символического мышления, то здесь мы должны подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, при помощи такого внушения, как мы уже могли заметить, очень удачно может быть организовано сопротивление сознательному и рациональному вмешательству разума. И притом в двух отношениях. С одной стороны, может быть в известной степени парализована чувствительность к внешнему миру, к его «нужде» и «необходимости», а следовательно, и замедлено сознательно-целесообразное приспособление в сторону терпения, пассив-

ного страдания и т. п. С другой же—прямо дискредитируется разум с его слабостью, немощностью, слепотою, а следовательно, еще более затрудняется и без того тернистый путь к свету, к которому идет с таким трудом человечество. Взамен этого, во-вторых, внушение упорно и настойчиво навязывает веру во «всемогущество мысли» и на практике, при помощи внушенных озарений, откровений, экстаза и блаженств, заменяет те реальные блага, которые в противном случае могли бы стать предметом труда, творчества или изобретения. Так оправдывается сексуальное мышление при помощи вечно ей присущего принципа страдания - наслаждения, и, как мы видели выше, даже такой сведущий психолог и практический философ Джемс непрочь примириться с символическим мышлением и порождающими его нервными расстройствами под тем святым предлогом, что, дескать, они доставляют человеку «хорошее самочувствие»... И тут мы не можем не пожелать, чтобы школа Фрейда, занимающаяся с таким успехом изучением индивидуальнаго «сопротивления», посвятила достаточно внимания и «сопротивлению коллективному» при помощи массового внушения и религиозного воспитания.

Теперь нам остается сделать некоторые выводы из нашего краткого и по необходимости несколько отрывочного обзора.

Теория Фрейда не занимается специально выяснением отношения между средой и, в частности, экономической структурой и миром идей, между базисом и надстройкой. Она лишь предполагает, и то в весьма неопределенной и общей форме, зависимость нашего умственного развития от давления необходимости, нужды и экономического фактора. Весь прогресс человечества находится в зависимости от приспособления к реальности, которое проверяет сознательное мышление—действием. Если сопоставить такое заключение с теорией исторического материализма, то во всяком случае здесь нет радикального противоречия между ними, и, следовательно, учение Фрейда может быть в этом пункте легко исправлено и дополнено с материалистической точки зрения.

Исторический процесс у Фрейда представлен слишком схематично и односторонне. Критерием социальности не может быть ни сознательность, ни тем более эгоистический принцип выгоды или пользы. На протяжении своей истории люди пользуются как сознательными, так и бессознательными методами. Критерием построения той или иной системы сознательного или бессознательного поведения может быть только степень правильности отражения в нем познания реальности. При господстве бессознательного приспособления в общем и целом, такое приспособление хуже и жестче, чем при сознательном.

Характеристика бессознательного отражения, как сексуального мышления, может быть признана доказанной. Раскрытие законов деятельности нашей бессознательной сферы составляет бессмертную заслугу Фрейда и его школы. В особенности можно считать доказанным сексуальный характер религиозных построений с той поправкой, что эти последние гораздо ближе к инфантильным переживаниям и неврозу, чем это даже принято у Фрейда. Точно так же можно считать безусловно до-

казанным и мотив инцеста (кровосмешение), как определяющий для религиозной и нравственной символики.

Указанный еще Марксом характер утешения и успокоения религии, как «опиума» для народа, которая таким путем преодолевает внешние и внутренние конфликты, так же как давление и гнет человеческой природы, стихий, а затем и общественной среды, нашел полное подтверждение в учении Фрейда, где подробно психологически выясняется значение вытеснения, замещения и всемогущества мышления. Более того, механизм индивидуального процесса в этом отношении допускает широкое перенесение его в социальную область, где подобные процессы переживаются коллективно.

Было бы в высшей степени желательно, чтобы психоанализ, который обладает достаточными признаками материалистической системы, был применен к многочисленным явлениям не только древних религий, но современных религиозных течений и в особенности к психологии организации культа, а в частности к рассмотрению его «психотерапевтических» и «психоаналитических» функций, как явлений псевдомедицины и знахарства.

В заключение мы не можем не пожелать, с одной стороны, чтобы школа психоанализа возможно широко использовала данные исторического материализма, который один может доставить этой школе серьезное и истинно научное социологическое обоснование. С другой же—можно горячо рекомендовать данные психоанализа психологам и социологам марксистам, так как в них они смогут найти богатейший материал для обогащения и углубления своих изысканий.

ЖИВОПИСЬ, ВАЯНИЕ, ЗОДЧЕСТВО.

Акад. Ф. Шмидт.

Вопрос о классификации искусств в общеобязательной форме не разрешен и поныне, хотя по теории искусства написаны горы книг. Не установлен даже принцип, на основании которого может быть произведена классификация искусств. Между тем дело стоит того, чтобы им заняться всплотную: уже не говоря о том, что научное искусствоведение не может же довольствоваться терминами без строго определенного содержания, нам нужно разграничить искусства в чисто-практических целях, чтобы устранить путаницу и разногласия, постоянно возникающие как при оценке отдельных художественных произведений, так и при установлении исторических эволюционных серий; нужно сделать невозможною ту «метель слов», которая именно в искусствоведении натворила и продолжает творить бесконечно много бед, отравляет и исследовательскую, и преподавательскую, и популяризаторскую работу, дискредитирует и делает ненаучными наши рассуждения об искусстве.

I.

Ходячая обывательская классификация насчитывает семь искусств: музыку, словесность, танец, драму, живопись, ваяние и зодчество, если оставить в стороне промежуточные (например, рисунок) и смешанные (напр., мелодекламацию, песню, оперу, балет и т. п.) формы. Такое деление явно несостоятельно, потому что оно основано не на одном какомнибудь признаке и не на нескольких последовательно примененных признаках, а сразу на ряде признаков, и не доведено до конца. Ведь ясно, что музыка от словесности отличается не тем, чем живопись от ваяния, а словесность от драмы не тем, чем ваяние от зодчества.

Раз требуется классифицировать искусства, наиболее естественно обратиться к самому художественно-творческому процессу и из его анализа почерпнуть нужные нам основания для классификации.

Через посредство органов восприятия и нервных проводов мозговые центры получают ежемгновенно множество самых разнородных и разнообразных по силе, яркости и значимости впечатлений, более

или менее приятных или неприятных. Впечатления эти хранятся в определенном систематическом порядке в разных частях мозга: зрительные—со зрительными, слуховые—со слуховыми и т. д. Они суммируются там по известным правилам в более или менее единичные или общие образы и системы образов, подбираясь или по принципу однородности и сходства, или по принципу несходства и даже разнородности. Образы и системы образов составляют архив непосредственного, личного, опытного знания, которым распоряжается «память».

Обыкновенно знания эти находятся за порогом сознания, в потенциальном состоянии; тогда они моторно-безразличны, т.-е. не проявляются в каких-нибудь воздействиях на «волю», управляющую моторными центрами. Но у человека есть «воображение», т.-е. способность вызывать в сознании образы и комплексы образов, которые в таком случае немедленно вновь получают и свою моторную активность, задерживая и ослабляя наши действия или, напротив, усиливая их иногда до чрезвычайности. Для того, чтобы образы и комплексы образов вновь возникли в сознании, нужны или поступление новых впечатлений, которые бы — по сходству или по контрасту — вызывали эти образы, или эмоция, которая была бы подобна эмоции, уже пережитой при определенных, запечатленных в памяти, условиях или, наконец, внутримозговые процессы ассоциативного мышления, работающего по сходству, по контрасту и по смежности.

Весь этот сложный «психический» аппарат, вся эта игра то суммирующихся, то противодействующих один другому рефлексов функционирует удовлетворительно лишь у некоторого меньшинства людей: у художников. Художником называется эмоционально-возбудимый человек, у которого эмоции вызывают — в силу всевозможных ассоциаций — многочисленные, яркие и моторно-активные образы. Действия, направленные к выявлению этих образов и комплексов образов, а через образы — к выявлению породивших их эмоций, поскольку эти действия рассчитаны на то, чтобы найти сочувствие у других людей, называются искусством.

Не-художники, т.-е. люди с вялыми эмоциями, слабыми ассоциациями и смутными образами, высоко ценят художников, у которых они могут в готовом виде позаимствовать то, чего самостоятельно выработать они не в состоянии. В этом — социальное значение искусства: оно и факт и фактор коллективного сознания производителя-художника и потребителя-публики.

Если принять во внимание все изложенное, нетрудно установить ряд признаков, на основании которых можно классифицировать искусства. Главнейшие из них — в порядке производственного процесса — следующие: 1) какие образотворческие центры поставляют материал для художественных произведений, 2) как подобраны впечатления, из коих строятся образы, 3) при помощи каких действий выявлены образы, 4) какими эмоциями вызван творческий процесс, 5) на какой круг потребителей рассчитаны произведения искусства. Из этих пяти

признаков только первые три пригодны для разрешения того вопроса, который мы себе поставили: содержание (4) может быть одинаковое во всех семи искусствах, которые мы перечислили в начале главы, равно как и социальное значение (5) произведения искусства.

Рассмотрим по порядку первые три признака.

Классификация физиологическая (по образотворческим мозговым центрам), несомненно, лежит в основе всего деления искусства на музыку и словесность, танец и драму, живопись, ваяние и зодчество. Первая пара искусств рождается деятельностью слухового центра, вторая пара — деятельностью центра моторного, последняя троица — деятельностью зрительного центра. Разумеется, речь идет только об образотворческих центрах, а отнюдь не о том, как образы выявляются; для выявления образов необходимо привести в действие ту или иную группу мускулов, и с этой точки зрения все искусства моторны в одинаковой мере; нет тут речи также и о том, при посредстве каких органов восприятия художественное произведение доходит до сознания потребителя,—с этой точки зрения нет вовсе моторных искусств, а есть лишь акустические и оптические. Деля искусства на слуховые, двигательные и зрительные, мы обращаем внимание только на то, где в мозгу художника сложились выявляемые им образы, и к какому мозговому центру потребителя обращается художник.

Если пойти дальше в этом направлении, надо принять во внимание, как именно работал образотворческий центр художника, и как именно должен заработать, под воздействием художественного произведения, соответствующий центр потребителя. Мы уже сказали, что работа образотворческих центров может протекать двояко: 1) впечатления могут подбираться по принципу однородности и сходства — не только, значит, зрительных со зрительными, например, но человек к человеку, дерево к дереву, дом к дому, так что в результате обобщения получится пусть весьма общий образ, но образ, непременно сохраняющий хоть какое-нибудь сходство с впечатлениями, из которых он составился, с «действительностью»; 2) впечатления могут подбираться по принципу, допустим, однородности, но не сходства, значит — если зрительные впечатления суммируются со зрительными же, то все-таки непременно человек, например, к дереву, или человек к дому, и в результате получится уже не «конкретный» общий образ, а «отвлеченный», ритмический — представление о вертикали и горизонтали, о круге и прямой, о цвете и т. д., т.-е. представление, не похоже на непосредственное впечатление, на «действительность».

И те и другие образы могут быть выявляемы искусством. В первом случае мы получим искусства изобразительные, во втором — искусства неизобразительные. Когда ходячая классификация различает музыку и словесность, танец и драму, она подчеркивает именно неизобразительность музыки и танца в противовес изобразительности словесности и драмы. Тут дело не в количественном отличии образов общих от образов единичных: образы, сохраняющие сходство с восприятием,

могут быть и очень единичными и очень общими, и образы ритмические, сходства с восприятием не сохраняющие, могут быть очень общими и очень единичными... суть в принципе подбора материала, из которого строятся образы. Но если это так, то нельзя ограничиться областью слуха и движения, а надо провести различие между изобразительным искусством и неизобразительным еще и в области зрительного образотворчества: не одна у нас живопись, а две, т.-е. изобразительная и неизобразительная (узорная, декоративная и т. д.), и не одна у нас скульптура, а две — изобразительная, лепящая людей, зверей, растения и т. д., и неизобразительная, особенно ярко сказывающаяся в так называемом прикладном искусстве (оформливающая мебель, посуду и т. п.). Только архитектура остается, повидимому, одна неизобразительная; впрочем, вопрос о том, нет ли архитектуры изобразительной,—спорен; но только здесь не место рассуждать об этом.

Третий признак, на основании которого можно классифицировать искусства, получается, если принять во внимание характер действий, необходимых для выявления образов: одни действия оставляют длительные следы в пространстве, другие таких следов не оставляют; в первом случае вся суть художественного произведения заключается именно в этих следах, т.-е. данное искусство развертывается в пространстве, а во втором случае художественное произведение заключается в самих действиях, в их последовательности, в их темпе, в их ритме и т. д., т.-е. данное искусство развертывается или только во времени, или во времени и пространстве. Ясно, что к числу пространственных искусств относятся искусства зрительные, к числу временно-пространственных — искусства двигательные, к числу чисто-временных — искусства слуховые.

Что эти последние существуют только во времени, в этом нетрудно убедиться: остановите музыкальное или словесное произведение, т.-е. выключите время,—и от произведения ничего не останется. Запись музыкальных и словесных произведений (при помощи каких угодно нот, букв, фонографических черточек и точек и т. д.) не есть, конечно, даже суррогат самого произведения, а только средство, при помощи которого мы обеспечиваем возможность более или менее точного повторения — во времени же — того, что уже звучало во времени. Вся суть и музыки и словесности заключается в последовательности звучаний, и нельзя остановить звучание, нельзя прервать последовательность, не прекратив существование художественного произведения.

Танец и драма существуют во времени и пространстве. В любой момент время можно выключить, действие можно остановить, и тогда останется чисто пространственная живопись или скульптура. Кинематографический аппарат разлагает непрерывное во времени действие на целый ряд отдельных, самостоятельно существующих в пространстве, снимков, самодовлеющих и законченных.

В связи с временностью музыки и словесности, танца и драмы и с пространственностью живописи, ваяния и зодчества находится еще одно различие этих двух групп искусств: первые нуждаются, для воз-

можности воздействия на потребителя, в исполнении, а вторые не нуждаются. Условимся называть первую группу искусствами мусическими, вторую — искусствами пластическими. В мусических искусствах или сам автор, или кто-нибудь другой должен каждый раз снова проделывать все те движения, которые предназначены для воздействия на воображение потребителя; в искусствах пластических художник, закончив свою работу, отходит от своего произведения, предоставляя его непосредственно публике.

В итоге всех этих рассуждений мы получаем следующую схематическую табличку:

I. / II.	Искусства акустические.	Искусства моторные.	Искусства оптические.
Искусства изобразительные.	1—словесность.	3—драма.	5—изобраз. живопись. 6—изобраз. ваяние.
III. Искусства неизобразительные.	2—музыка.	4—танец.	7—неизобр. живопись. 8—неизобр. ваяние. 9—зодчество
III.	Искусства времени.	Искусства времени и простран.	Искусства пространственные.
IV.	Искусства мусические.		Искусства пластические.

II.

В нашей табличке должно поразить нерасчлененное множество искусств, сгрудившихся в третьем столбце. Почему оказывается, что у нас два акустических искусства, два моторных искусства и пять оптических? Почему оказывается, что у нас по одному изобразительному акустическому и моторному искусству, а оптических изобразительных искусств два, а неизобразительных оптических искусств даже целых три — против одного акустического и одного моторного? Ясно, что в пределах нашего третьего столбца нужно произвести какую-то дополнительную классификацию, по какому-то еще неиспользованному нами признаку, чтобы точно разграничить между собою живопись, ваяние и зодчество. Этот признак, повидимому, связан каким-нибудь образом либо с общим определением этих трех искусств как пластических, оформливающих вещество, либо с пространственным их характером.

На первый взгляд наиболее правдоподобным кажется первое, и часто приходится слышать (а иногда даже читать), что живопись, ваяние и зодчество различаются между собою по оформливаемым художником

материалам и по применяемым художником техническим приемам. Бывает, что такой взгляд характеризуется как «материалистический», так как тут материалу и технике присваивается в художественном творчестве первенствующее, определяющее значение.

Попытаемся стать на эту — допустим, «материалистическую» — точку зрения и посмотрим, какие у нас получатся определения отдельно живописи, ваяния, зодчества.

Мы привыкли, пожалуй, с названием живописца соединять представление о человеке, который наносит:

какие угодно краски (1—нерастворимые, измельченные в порошок разноцветные вещества органического и неорганического происхождения, замешанные на яичном желтке, или клею какого угодно происхождения и какой угодно густоты, или на каком-нибудь масле, или на меду, или на воске, или еще на каком угодно ином скоро сохнущем или не скоро сохнущем составе; 2—растворимые в той или иной жидкости вещества);

при помощи каких угодно кистей (самых разнообразных размеров и сделанных из самых разнообразных материалов);

на какую угодно основу (так или иначе подготовленный или неподготовленный холст, дерево, металл, камень, стекло, свежую или сухую штукатурку, обожженную или необожженную глину, бумагу и т. д.).

Как ни расплывчато, именно с точки зрения материалов и технических приемов, такое определение живописи, оно на самом деле оказывается слишком специальным и не охватывает всех возможных и фактически существующих или существовавших разновидностей живописи: темперная, масляная, энкаустическая, акварельная, фресковая, секковая, и прочие техники, при всем разнообразии своих эффектов,— лишь малая часть живописных техник.

Живописец может использовать шероховатость своей основы и мягкость кусков краски для того, чтобы наносить краски в сухом виде и без кисти, без предварительного размельчения (пастель, все виды «карандашей» — серебряные, свинцовые, графитные и т. д.).

Живописец может и вовсе не размельчать «краску», ни предварительно, ни в процессе работы, а просто прикреплять ее так или иначе сплошными кусками к основе, выпилив их по определенному рисунку («opus alexandrinum» древних римлян, наша инкрустация или интарсия, бывшая в таком ходу, например, у мебельщиков XVIII и начала XIX века).

Живописец может нарезать свою «краску» в одинаковые кубики (от сравнительно крупных, в стенных и половых мозаиках, до мельчайших, в мозаиках «портативных») и затем или вдавливать их в быстро твердеющий состав (известь, гипс, воск и т. д.), или, сложив нужный рисунок на какой-нибудь поверхности, залить их с тыльной стороны быстро твердеющим составом.

Живописец может использовать стеклянистые огнеплавкие краски, растереть их в порошок, порошок замесить на каком-нибудь вяжущем

веществе, нанести это тесто на огнеупорную (металлическую или глиняную) основу, так или иначе подготовленную, и подвергнуть все это действию высокой температуры (эмаль всех видов, живопись по фарфору и т. д.); но живописец может предварительно расплавить свои стеклянные краски и в таком виде наносить их на избранную поверхность («поливные» изделия).

Живописец может, не переставая быть живописцем, отказаться от многоцветности, от употребления разных красок: достаточно одного какого-нибудь вещества, имеющего отличную от основы окраску, чтобы добиться каких угодно живописных эффектов,—все виды рисунка, гравюры (опять новая техника!), литографии (еще!), фотографии (еще!), а также монументальные гризали и пр. довольствуются одною краскою, и никому не придет, конечно, в голову утверждать, что полихромия есть необходимое условие живописи.

Живописец может, наконец, и вовсе обойтись без краски, как таковой, как материала: на деревянную, металлическую, каменную поверхность можно — при помощи самых разнообразных инструментов и приемов — нанести более или менее широкие, более или менее глубокие царапины, выемки и т. д., и игра скользящего света на обработанной таким образом поверхности даст все живописные эффекты...

Другими словами: живопись располагает бесчисленным множеством материальных и технических возможностей — мы перечислили лишь некоторую их часть, не упомянули ни о вышивке (совсем опять новые материалы и приемы!), ни о выжигании, ни о многом другом. Как же все это свести к одному знаменателю? «Живопись на какой угодно плоскости, при помощи каких угодно приемов фиксирует линии и пятна». Такое определение с какой-нибудь точки зрения, может быть, и покажется удовлетворительным, но только не с «материалистической».

Так же обстоит дело и с ваянием.

И ваятель не ограничен в выборе материала, лишь бы материал мог хранить придаваемую ему форму. К услугам ваятеля и камень, и металл, и дерево, и глина, и кость, и воск, и бумажная масса, и гипс, и, если угодно, снег, лед и т. д. Ваятель может этот материал обрабатывать резцом и молотком, ножом, деревянной лопаточкой, пальцами, может его размягчать водою или огнем, может его отливать в формах, может его прессовать — нет возможности исчерпывающе перечислить ни материалов, ни технических приемов, особенно если принять во внимание, что изваяние вовсе не должно непременно целиком быть исполнено из одного материала и одною техникою.

Как свести все это воедино? Ваяние сформливает твердые тела. С избранной нами «материалистической» точки зрения это определение никуда не годится. Но вообще это определение мы как-то используем: тут четко и бесспорно выяснено отличие ваяния от живописи. Живопись связана с двухмерною плоскостью, а ваяние — с трехмерным телом. Это отличие, однако, находится не в области материала и техники, а где-то в совсем иной области, которую нам потом придется разыскать.

Стоит ли останавливаться на невозможности материального и технического определения зодчества? Нет такого твердого материала, который бы не был уже где-нибудь когда-нибудь использован в строительных целях, или который не мог бы быть использован зодчим. Каждому из этих материалов свойственны свои приемы обработки, свои условия использования. И все эти материалы и все эти приемы известны не только зодчему, но и ваятелю. Провести границу между ваянием и зодчеством, если базироваться на материале и технике, невозможно. Ибо, если мы обратим внимание на то, что ваятель оформливает само твердое тело, тогда как зодчий пользуется твердыми телами для оформления пустого пространства и для выделения именно данного оформляемого пространства из неограниченного (бесформенного) пространства вообще, то это, конечно, далеко выходит за пределы «материалистического» критерия.

Но как же может быть, что «материализм» завел нас в такие дебри! Да в том-то вся и беда, что это — «материализм» в кавычках! О подлинном материалистском отношении к искусству тут нет и помину, а есть только модное словечко, которым можно небезвыгодно прикрыть все, что угодно. С подлинно-материалистской (без кавычек) точки зрения материал художественного произведения и техника, при помощи которой этот материал обработан, имеют лишь второстепенное значение, как средства для превращения художественного замысла из факта индивидуально-психологического в факт социальный.

Схема всего художественно-творческого процесса, в материалистском понимании, такова: вся совокупность материальных условий, в которых живет данный человеческий коллектив, «бытие» этого коллектива, определяет собою сознание всех его членов; оставаясь смутным у большинства, коллективное сознание ярко и остро переживается художником; переживания художника сублимируются в творческом акте и рождают художественный замысел; художественный замысел приобретает моторную силу и обусловливает собою ряд действий художника, направленных к тому, чтобы — разумеется, при помощи наиболее соответствующих замыслу средств — осуществить его, обнародовать, воздействовать на сознание массы не-художников. Никакого самодовлеющего значения во всем этом процессе материал и техника не имеют, а выбираются в каждом отдельном случае в непосредственном соответствии с замыслом.

Всем этим я вовсе, конечно, не хочу сказать, что во время художественно-творческого процесса материал и техника не могут становиться до некоторой степени формообразующими факторами. Избрав тот или иной — наиболее, но, конечно, не безусловно — подходящий для данного замысла материал из числа ему доступных и ту или иную технику, художник в дальнейшем вынужден с ними считаться: он должен ограничить полет своего творчества там, где материал и техника не позволяют развернуться, как хотелось бы, и увлечься в процессе работы там, где материал и техника сами подсказывают возможности, первоначальным замыслом не предусмотренные. Всем

известны факты, когда случайная форма мраморной глыбы, извлеченной из каменоломни, обусловила собою то, а не иное расположение рук статуи, ту, а не иную трактовку сюжета, или когда проступившее на подлежащей расписанию стене пятно сырости побудило живописца так, а не иначе скомпоновать свои фигуры; всем известны примеры того, как данный музыкант, чудесно владея, например, роялем, «украшает» произведения других композиторов им самим изобретенными пианистскими эффектами, или как какой-нибудь писатель, увлекаясь своим великолепным знанием людей того или иного круга, подпадает под власть своего материала... Всего этого нельзя отрицать, но все это не следует переоценивать: материал и техника, как формообразующий фактор, в искусстве имеют лишь подчиненное значение и ни в коем случае не могут лечь в основу общей классификации искусств.

Нам надо искать более надежное основание для такой классификации. И раз в искусствах времени все обстоит благополучно, и неясности получаются только в искусствах чисто-пространственных, то нам естественнее всего присмотреться именно к тому, нет ли существенной разницы между отношением человеческого сознания ко времени и его отношением к пространству, нет ли в наших пространственных образах большего разнообразия, чем в наших образах временных. Только так мы можем выйти из тупика.

III.

О том, что мы совершено по-разному чувствуем себя во времени и в пространстве, долго распространяться не приходится: «река времен в своем течении уносит все дела людей» — мы во власти времени, перемещаемся всегда одном и том же направлении от прошлого к будущему, и всегда время для нас распадается на бесконечное прошлое, которого не воротить, и на бесконечное будущее, которого не остановить, и всегда между прошлым и будущим есть вечно передвигающаяся грань — «сейчас»; напротив того, пространство в нашей власти, в нем мы передвигаемся, как хотим его мы можем делить и оформливать, как нам в каждый данный момент угодно.

Некоторую кажущуюся власть над временем дает нам наша власть над самими собою: мы можем — так или иначе (работою, например, или хотя бы наркотиками) «наполняя время» — как будто ускорить его движение; мы можем — приводя в ритмический порядок свои действия — как будто по своему произволу дробить время и художественно его оформливать. Но наши искусства времени на самом деле оформливают, конечно, не время само по себе, а лишь человеческие действия, протекающие в пределах времени. И сколько бы нам ни повторяли, что время есть лишь категория человеческого мышления, ежемгновенный опыт нашей жизни убеждает нас, что время течет объективно: вне нас, вокруг нас, увлекая с собою каждого из нас.

Время наполняется и измеряется процессами, движениями: человека, изделий человека (любой машины, особенно — часов), земли, луны, солнца. Остановить время можно было бы, только остановивши все процессы, все движения. Пространство наполняется и измеряется и расчленяется веществом. Потому-то пространственные искусства суть искусства вещественные, пластические. Потому-то образотворческим центром пространственных искусств является зрение, при помощи которого мы познаем отдельные массы вещества, разбросанные там-сям в пространстве. Природа каждой отдельной массы вещества непосредственно познается осязанием, вкусом, обонянием, мускульным напряжением; зрение имеет дело исключительно с протяженностями (формами), с расстояниями и с светом (цветом), и представления о качестве вещества могут ассоциироваться с зрительными представлениями по смежности, но не входят органически в их состав. Живопись, ваяние и зодчество поэтому, даже когда задаются целью воспроизвести видимый мир, совершенно пренебрегают веществом, высекая из камня листву деревьев, отливая из бронзы человеческую фигуру, рисуя на холсте гранитные скалы и тучи, и небо, и все, что угодно.

Мы в предшествующей главе убедились, что для живописи характерно фиксирование пятен света (цвета) и линий (границ этих пятен) в какой угодно плоскости, т.-е. двухмерность художественного произведения, а следовательно — и образов, выявляемых в этих произведениях; для ваяния характерно оформливание твердых масс, трехмерность; для зодчества — оформливание пустого пространства посредством твердых масс. В этих трех искусствах сказываются три разных отношения к предметам, размещенным в пространстве: живописец смотрит издали, ваятель — изблизи, зодчий — изнутри. Соответственно с этими отношениями складываются из разных впечатлений разные зрительные образы.

Наш глаз есть некоторый довольно сложный оптический аппарат. Проникая через этот аппарат, световые лучи, отражаемые окружающими нас предметами, плоскою картинкою ложатся на дно глазного яблока, на ретину и раздражают расходящиеся здесь концы зрительных нервов. Как происходит это раздражение, как оно передается в центр, и т. д.— обо всем этом мы здесь можем не говорить; но что для нас тут чрезвычайно важно — световая картинка раздражает концы зрительных нервов не одинаково на всем своем протяжении, как ни мала эта картинка. Максимум чувствительности ретины сосредоточен в так называемом «желтом пятнышке», величиною с булавочную головку, находящемся недалеко от того места, где зрительные нервы входят в глазные яблоки. Чувствительность ретины ослабевает по мере отдаления от желтого пятнышка, так что ясно мы видим в картинке, отбрасываемой аппаратом глаза на ретину только ту небольшую часть, которая легла на желтое пятно, менее ясно видим соседние участки, совсем неясно видим периферические части нашего «поля зрения», где ни цвета, ни размеры, ни число зрительных впечатлений не воспринимаются сколько-нибудь отчетливо. Процесс рассматривания заключается в том, что мы, посредством сокращения

очень сложной системы глазных мускулов, поворачиваем глаза так, чтобы постепенно все части картинки, одна за другою, прошли по желтому пятну, т.-е. по очереди оказались в наилучших возможных условиях видимости. То обстоятельство, что не только желтое пятнышко обладает светочувствительностью, но и соседние участки ретины, так что при вращении глаз предметы не сразу появляются и сразу исчезают с нашего поля зрения, содействует пространственной связности наших зрительных впечатлений. Является возможность суммировать бесчисленные точечные (конечно, тут речь идет не о математической непротяженной точке, а о весьма малых плоскостях) впечатления в плоскостные двухмерные образы.

Приведенные физиологические факты имеют большое психологическое значение, ибо вскрывают подлинную природу зрительных впечатлений и, следовательно, зрительных образов: та «невинность глаза», о которой говорил Рескин, и которую он определял, как способность воспринимать ложащуюся на ретину световую картинку чисто-зрительно, — оказывается мифом. Рескин думал, что младенец обладает этою невинностью глаза, видит комбинации световых пятен, без всякой примеси пространственных представлений, понемногу теряет эту способность и, ставши взрослым и ставши живописцем, должен затем делать огромные усилия, чтобы ее в себе искусственно вновь воспитать. На самом же деле, оказывается, чисто-зрительных, чисто-плоскостных непосредственных впечатлений не получает и младенец: с первого же момента, когда младенец открыл глаза, зрительные восприятия неразрывно связаны с мускульными (моторными), и плоскостное впечатление отнюдь не может считаться первичным, а появляется в результате суммирования по смежности впечатлений точечных. Плоскостный образ даже отдельного небольшого предмета есть, следовательно, нечто, не имеющее эквивалента в одном отдельном восприятии, а есть моторно-зрительное, т.-е. пространственное построение, дело суммирующей, систематизирующей работы памяти и воображения.

Более того, было бы явною ошибкою утверждать, что хоть плоскостное, двухмерное, зрительное образотворчество предшествует трехмерному. Ибо уже у младенца имеется мускульный аппарат, управляющий аккомодациею и конвергенциею глаз, а при помощи аккомодации и конвергенции мы познаем относительную удаленность от нас разных предметов, т.-е. проникаем в третье измерение.

Для того, чтобы какой-нибудь предмет был ясно виден, он должен быть «в фокусе». В фотографической камере, снабженной постоянным объективом, помещение интересующего предмета в фокусе достигается раздвиганием или сдвиганием, т.-е. изменением расстояния между объективом и светочувствительною поверхностью. В человеческом глазу именно это расстояние раз навсегда дано глубиною глазного яблока, и тут, следовательно, приходится менять объектив. И действительно, в результате взаимодействия круговой связки, на которой подвешен хрусталик глаза, и ресничного мускула, хрусталик становится то более плоским,

то более выпуклым, в зависимости от расстояния рассматриваемого предмета. Кроме того, в зависимости от силы света и от того же расстояния, мы в фотографическом аппарате сдвигаем или раздвигаем диафрагму, самое отверстие, через которое световые лучи попадают в объектив,— точно так же человеческий глаз имеет зрачок, который, при посредстве управляющего им мускула, может расширяться и суживаться.

Игра мускулов, производящих изменения формы хрусталика и размеров зрачка, тесно связана с конвергенциею глаз, т.-е. с таким управлением движениями глазных яблок, при котором световые лучи, исходящие от одной и той же точки, попадают в обоих глазах на желтые пятнышки. Чем ближе рассматриваемая точка, тем больше угол, образуемый осями глаз, и наоборот: расстояние рассматриваемой точки от глаза соответствует мускульному усилию конвергенции.

Из всего этого отнюдь не следует, что младенец, открывши впервые глаза, видит окружающую его обстановку тотчас же так, как видим его мы, взрослые, умудренные опытом, т.-е. сразу же оценивает относительную глубину третьего измерения. Но из этого следует, что даже тогда, когда младенец лежит в колыбельке, он, не имея еще возможности произвольно менять свою точку зрения на предметы, получает все-таки не чисто-зрительные впечатления, а зрительно-моторные, т.-е. плоскостные, и строит даже не чисто-плоскостные зрительные образы, а опять зрительно-моторные, т.-е. глубинные. Тем более моторны, т.-е. и плоскостны и глубинны, зрительные образы у взрослых людей. И если живопись имеет своею задачею выявлять зрительные образы, то требовать во что бы то ни стало абсолютной плоскостности от живописи могут только извращенные доктринеры, не потрудившиеся ознакомиться хоть с элементами физиологии.

Действительно, вопрос, который более или менее остро занимал живописцев, живших в сколько-нибудь культурные периоды истории того или иного народа, заключался вовсе не в том, чтобы добиться в живописи полной плоскостности, а наоборот — в том, чтобы уничтожить плоскостность, чтобы добиться «рельефа», «глубинности». Для этого в распоряжении живописцев имеются только два приема: закрывать частично задние, т.-е. более удаленные от глаза, предметы или части предметов передними, т.-е. ближайшими к глазу; или изображать ближайшие предметы в ином масштабе, чем отдаленные (перспектива—прямая или обратная), и с разною степенью яркости окраски и четкости подробностей (перспектива воздушная). Но средства передавать в живописи эффекты конвергенции глаз, эффекты, значит, «бинокулярного» зрения (так, чтобы зритель картины видел изображенные на ней предметы, каждый двумя глазами, с двух—хотя и близких, но не совпадающих точек зрения, сливая воедино в одном впечатлении два разных воспрятия),—такого средства живопись не имеет, а потому живописцы, в огромном большинстве случаев, показывают нам изображаемые предметы на довольно значительном расстоянии, где конвергенция утрачивает свое значение, и где покрывание, перспектива, светотень достаточны для того, чтобы

произвести пространственные, глубинные впечатления, т.-е. достаточны для того, чтобы выразить пространственный, глубинный характер зрительно-моторных образов художника.

Таким образом, для живописи характерна не столько абсолютная плоскостность самих образов, сколько суммирование в плоскости, — как бы мозаичное сопоставление в плоскости точечных элементов, доставляемых непосредственным восприятием. Ясно, что, при разной удаленности от глаза разных частей поля зрения, плоскостная сумма зрительных восприятий возможна только при большей или меньшей выдержанности единства точки зрения, которую произвольно выбирает живописец и которая затем становится обязательною для зрителя. Если живописец изображает некоторый крупный ансамбль форм, он может каждую из них изображать с особой точки зрения: когда египтянин изображает человека, он рисует лицо и ноги в профиль, но глаз и грудь в фас, а торс в три четверти, но каждую отдельную часть он рисует с какой-нибудь одной точки зрения, а не со всех за раз. И вот это-то единство точки зрения живописца и обязательность избранной художником точки зрения для зрителя — столь же характерный признак для живописи, как и ее плоскостность.

Итак, зрительное воображение, суммируя и сопоставляя точечные восприятия, получаемые с одной точки зрения, порождает образы, умещающиеся в двухмерной плоскости. Деятельность, выявляющая такие образы, называется живописью, какова бы ни была плоскость и к каким бы материалам и техническим приемам ни прибегал художник, чтобы осуществить свой замысел.

Зрительное воображение может итти дальше: оно может суммировать, связно сопоставлять вот эти двухмерные плоскостные образы в трехмерном пространстве. Получатся образы скульптурные. При осуществлении художником замысла, выражающегося в трехмерных скульптурных образах, появляется изваяние, предмет, допускающий — требующий — множество точек зрения. С каждой отдельной точки зрения изваяние (все равно какое: малое или великое, изобразительное или неизобразительное) есть живописное целое; скульптурное впечатление оно произведет лишь тогда, когда мы его осмотрим со всех сторон, и как-то в себе скомбинируем все полученные отдельные живописные впечатления в новое целое высшего порядка, в которое моторные элементы и пространственные представления будут входить в гораздо большей мере, чем в образы живописные.

Выработка скульптурных трехмерных образов далеко не всем по силам. История искусства всех народов, даже таких, как греки, обладавшие исключительным именно скульптурным дарованием, показывает, как трудно отделаться от фронтальности, т.-е. живописного единства точки зрения, каких усилий и какого времени требует завоевание подлинной трехмерности и множественности возможных точек зрения. Скульптор, изображая, например, человека, признает сначала только одну — «главную» — фасовую точку зрения, потом соединяет с нею две

боковых, профилевых, в силу необходимости добавляет четвертую, тыльную; это четыре плоскостных изображения, сходящихся под прямыми двугранными углами, и усилия художника направлены к тому, чтобы как-нибудь связать плоскости и смягчить переходы. Лишь в эпоху полной зрелости эллинского искусства, в IV и III веках до нашей эры, скульптор стоит на высоте своего искусства и создает изваяния, которые могут и должны быть рассматриваемы со всех возможных точек зрения.

Все эти точки зрения лежат вне рассматриваемого предмета, психологически и фактически. Скульптор ведь может, при соответствующих экономических и технических условиях, взяться за оформление какой-нибудь гигантской по размерам массы, так что изваяние может оказаться полым, внутри пустым; получившееся внутри пространство может быть оформлено и использовано, как угодно, или вовсе не оформлено и не использовано; изваяние, как таковое, со всем этим никакой связи не имеет и от этого использования и оформления ничего не выиграет и не проиграет.

Следовательно, ваяние есть искусство, выявляющее зрительно-моторные трехмерные образы, получающиеся в результате суммирования и связного сопоставления в новое целое двухмерных живописных образов; ваяние оформливает материал снаружи, так что для полного усвоения художественного замысла необходимо рассмотреть изваяния с нескольких — или многих, или всех возможных — точек зрения.

Все изделия рук человеческих, все предметы, окружающие человека, являются изваяниями, поскольку человек оформил их со всех сторон: вся домашняя посуда, утварь, мебель, жилище — все это человек делает по своему «вкусу», т.-е. в прямом соответствии со своим «внутренним миром», с миром своих представлений и своих эмоций. Все эти вещи, вместе взятые, составляют ту обстановку, среди которой живет человек, наполняют и расчленяют то отграниченное от всего прочего мира пространство, частью которого человек себя если не сознает, то «чувствует» (подсознательно). Представления о трехмерных предметах этой обстановки, об отдельных гранях этого пространства, которое целиком так же невозможно увидеть, как невозможно сразу увидеть со всех сторон отдельный предмет, — опять как-то суммируются в воображении человека. Рождается образ архитектурный, зрительно-моторный, но уже с настолько сильною моторною примесью, следовательно — с такою сильною примесью элемента времени, что я готов итти очень далеко в его квалификации с точки зрения измерений: живопись, суммируя точки, становится двухмерной; ваяние, суммируя двухмерные образы, становится трехмерным; зодчество, суммируя трехмерные образы, должно быть признано четырехмерным.

Трудность созидания четырехмерных архитектурных образов так велика, что народы, стоящие на сравнительно высокой ступени культурного развития, знающие уже очень сложные ритмы во всех прочих искусствах, стоят на самых первоначальных ступенях в своем архитек-

турном развитии, довольствуются в сформлении пространства, внутри которого они находятся, или простейшими начатками ритма, или наиболее простыми ритмическими формами. До сложных архитектурных, в нашем толковании этого термина, ритмов даже греко-римский мир дорос лишь в самом конце своей долгой художественной жизни, осуществив свои архитектурные идеалы в константинопольском Софийском храме, не превзойденном и по сей день. И тем не менее, при чисто теоретическом анализе, Софийский храм оказывается, правда, довольно сложною комбинациею, но комбинациею чрезвычайно простых и элементарных ритмических форм: куба, полушария и цилиндра — говоря языком стереометрии (скульптуры), прямых вертикалей и горизонталей и полукругов — говоря языком планиметрии (живописи). Из всего необозримого разнообразия возможных форм зодчие сумели использовать только эти простейшие.

Архитектура, как искусство, оформливающее пространство, внутри которого находится и частью которого себя чувствует человек, самое молодое из всех искусств, и ему поэтому предстоит огромная работа, чтобы исчерпать имеющиеся возможности. Это естественно, если принять во внимание, что архитектура есть наиболее социальное из всех искусств, ибо оно наиболее тесно связано с общественным бытом человечества и с экономическою, производственною базою жизни. С общественным строем потому, что здания-то ведь строятся — и только и могут строиться — для чего-нибудь, для удовлетворения каких-нибудь общественных потребностей: рост человеческих коллективов и сложности коллективной жизни ставит и впредь будет ставить зодчего перед все более и более грандиозными строительными задачами и подсказывать ему все более и более сложные архитектурные ритмы... А что зодчество находится в прямой зависимости от производственной, экономической базы жизни, едва ли требует пространных доказательств: возведение громадных и ритмически сложных зданий возможно, конечно, только при условии высокого материального благосостояния и развитой техники.

Прежде чем дать несколько примеров приложения полученных нами определений живописи, ваяния, зодчества к отдельным произведениям искусства и выяснить, что нам на практике дают эти определения, нужно, хоть вкратце, коснуться очень больного вопроса, не раз поднимавшегося в эстетической литературе, — вопроса о соответствии между пластическими и мусическими искусствами, в частности вопроса о соответствии между музыкою и архитектурою. Мы начали с того, что резко разграничили пластические и мусические искусства: первые мы определили, как искусства чисто-пространственные, вторые — как искусства временные или пространственно-временные. Эта грань казалась настолько прочною, что, при различии нашего отношения к пространству и ко времени, незачем было и искать аналогий между пластическими и мусическими искусствами. Но теперь, после всех изложенных рассуждений о границах и сущности живописи, ваяния и зодчества, стена,

отделяющая одну группу искусств от другой, уже не кажется столь непереходимою: в трех пластических искусствах, при всем явном преобладании в них пространственного сопоставления, мы установили возрастающую примесь временности, и вполне возможно, что в искусствах мусических мы, при ближайшем изучении, откроем такую же примесь пространственности, как бы сильно ни преобладала в них временность. А если только такая примесь откроется, то мы должны будем обратить внимание на количественное несоответствие трех столбцов вышеприведенной нашей схематической таблички искусств: почему, например, мы считаем одно только неизобразительное искусство слуха против трех неизобразительных искусств зрения, одну музыку против живописи, ваяния, зодчества? Возникает вопрос, не должны ли мы различать три музыки, три словесности, три танца, три драмы! Этот вопрос совершенно выходит за пределы и настоящего этюда, и моей личной компетенции, но поставить его надо.

В самом деле аналогия получается поразительная — я буду говорить только о живописи, ваянии, зодчестве и о музыке. Живописный образ слагается путем сопоставления точечных впечатлений; музыкальный образ слагается путем сопоставления звуковых впечатлений. Как одна цветовая точка недостаточна, чтобы выразить живописный образ, так и один звук недостаточен для выражения музыкального образа; суть и живописного и музыкального творчества заключается в процессах, разворачивающихся во времени и пространстве, но живописное произведение передает процесс в почти чистой пространственности, сопоставлении пятен цвета рядом, тогда как музыкальное произведение передает этот процесс в почти чистой временности, сопоставлении звуков последовательно — в мелодии. Если мы говорим о певучих линейных ритмах живописи и о мелодическом рисунке музыки, если мы говорим о гамме красок картины и ладовой окраске звуков музыки, — мы не только играем словами, а указываем на очень определенное сходство фактов двух разных искусств.

Дальше, в скульптуре нарастает элемент временности — мы не можем сразу увидеть изваяние, а видим его последовательно, во времени; так же точно в многоголосой музыке нарастает элемент пространственности — мы слышим разные звуки не последовательно, а слышим их рядом, в пространстве. Последовательные зрительные образы, выражающиеся в изваянии, не сливаются без остатка в один образ, но складываются в новое целое; одновременные музыкальные образы, выражающиеся в полифонической композиции, не сливаются без остатка воедино, но складываются в новое высшее целое.

Наконец, подобно тому как в зодчестве нарастает элемент временности, так в гармонической музыке нарастает элемент пространственности: звуковые «симфонические» массы, одновременно поражающие слух, пространственно сопоставляемые рядом, становятся значительными, музыкальная стихия затягивает и окружает слушателя (и прежде слушателя — самого композитора, разумеется), и когда мы говорим об архитек-

тонике музыкальных произведений этого порядка, мы опять-таки указываем не на внешнее сходство (его-то как раз и нет), а на глубокую однородность достижений в области мусических и пластических искусств.

Как будто, значит, получается, что мы под одним названием музыки объединяем три неизобразительных искусства слуха, в такой же мере отличающиеся одно от другого, в какой различаются три неизобразительных пластических искусства — живопись, ваяние и зодчество. Вероятно, можно будет при ближайшем изучении найти соотьетствующие различия и в области прочих изобразительных и неизобразительных искусств; история этих искусств — если принять во внимание вышеприведенную справку о позднем и медленном развитии зодчества и заключать по аналогии — должна дать в этом смысле довольно точные указания

Я заговорил обо всем этом потому, что вопрос о параллельном развитии всех искусств принадлежит к больным вопросам искусствоведения. По поводу этого вопроса неоднократно поднималась та «метель слов», которая так сильно затрудняет искусствоведческое исследование: проводятся необоснованные сравнения между произведениями разных искусств, произносятся звучные фразы, а суть дела не только не разъясняется, но все более и более затемняется. Специалисты, занимающиеся теориею отдельных искусств, работают вразброд, не зная друг о друге и не пытаясь установить взаимную связь. А в результате единое по существу искусство в представлении даже искусствоведов разбивается на множество отдельных искусств, и мы до сих пор вязнем в чисто обывательских предрассудках и суевериях.

IV.

Теперь несколько конкретных примеров.

К области какого искусства относятся египетские пирамиды? Их принято во всех учебниках относить к зодчеству. И все те, кто по учебникам учатся, если они привыкли не просто на веру принимать, что стоит в учебнике, а хоть немного размышляют, впадают в недоумение: между этими произведениями египетской архитектуры и всеми прочими произведениями той же архитектуры нет ничего общего — нет никакой преемственности. Сразу, в самом начале исторического Египта, колоссальные и чрезвычайно четко-стильные памятники в готовом виде — и в дальнейшем все совершенно иное, непохожее, точно оборвалась одна нить развития и подменилась другой!

Все трудности тотчас исчезают, как только мы отметим, что пирамиды Египта суть извне оформленные массы материала, предназначенные для того, чтобы на них смотрели с какой угодно точки зрения на расстоянии, и притом на значительном расстоянии. Пирамиды суть, конечно, произведения неизобразительного ваяния, максимальные достижения трехмерной ритмики второго (неолитического) эволюционного цикла, относящиеся не столько к началу третьего («исторического»,

«династического»), сколько к концу именно второго цикла. Погребения фараонов были устроены внутри или под пирамидами, но эти коридоры и комнаты ни в какой мере форму пирамид собою не обусловливали и ни в какой мере формою пирамид обусловлены не были: погребения могли быть, могли и не быть — это вопрос практического использования не формы, а массы пирамид; и если бы погребений там не было, пирамиды своего художественного смысла и значения ничуть бы не утратили; они его сохраняли в течение всего того времени, пока внутренние помещения были неизвестны или недоступны. Если только можно довериться Филону, автору книжки «О семи чудесах света», великие Гизехские пирамиды снаружи имели каменную разноцветную (узорную?) облицовку, совершенно скрывавшую вход и делавшую его совершенно недоступным и, вместе с тем, сильно подчеркивавшую «памятниковый» характер сооружения, предназначенного исключительно для того, чтобы издалека и отовсюду быть видным.

Пирамиды, как скульптурные произведения, никакой загадки с точки зрения эволюции искусства не представляют. Максимальные достижения ритмического творчества доисторического Египта, а потому и увековеченные в гигантских размерах, они становятся типом: пирамида на квадратном основании входит в ритмический репертуар исторического египетского ваятеля-декоратора, который комбинирует ее со всевозможными другими стереометрическими формами, пока она не выходит из употребления, как слишком первобытно-элементарный ритмический мотив. Гизехские пирамиды — вехи для истории неизобразительной скульптуры, но отнюдь не для истории зодчества.

Второй пример: к области какого искусства относится московский Василий Блаженный?

В той Москве, где архитектурные традиции Византии только-что ожили, и, при помощи еще и итальянских зодчих эпохи Возрождения, породили большие кремлевские соборы, строится вдруг этот лабиринт клетушек и темных или полутемных коридоров и проходов! Для сколько-нибудь парадных богослужебных церемоний тут нет места: ни патриарх, ни царь со своими свитами разместиться не могли, при всяком стечении молящихся происходила давка и сутолока, находившаяся в прямом противоречии с чинностью и торжественностью дворцового быта. А между тем это вовсе не интимная молельня, которая и не рассчитана на большой приток посетителей: это — памятник взятия Казани, и поставлен этот памятник не в Кремле, не где-нибудь поблизости от дворца, а на Красной площади, в самом людном и бойком центре Москвы, точно приходская церковь!

Если церковь Василия Блаженного оценивать как памятник зодчества, то в нем только и можно увидеть продукт полного разложения архитектуры, глубочайшего упадка и варварства. Именно так оценивают это «здание», в огромном большинстве, западно-европейские историки искусства, по своему воспитанию и эстетическому вкусу совершенно неспособные осмыслить данный памятник так, как его следует осмыслить,

и поставить его в ту эволюционную серию, в которой ему только и есть место.

Василий Блаженный — столько же церковь, сколько Гизехские пирамиды—усыпальницы фараонов! Василий Блаженный — чистое произведение неизобразительной скульптуры, монумент, а вовсе не церковь. Потому-то и поставлен он не в Кремле, а на Красной площади, на людном и видном месте, что он задуман, как триумфальный памятник, как символ победы над столь страшным ранее «злым татарьем». Московская Русь не знала портретных статуй победителей, которыми щеголяла современная Ивану Грозному Италия; да и не мог Иван Грозный поставить себе самому портретный памятник посреди Москвы! И он поступил именно так, как поступил Александр I после отражения нашествия Наполеона, когда он воздвиг на площади перед Зимним дворцом свою монолитную победную колонну. Иван сделал поход на Восток — и его триумфальный памятник возведен в азиатском стиле; Александр сделал поход на Запад — и свое торжество выразил в формах европейских. И Иван, и Александр водрузили на своих памятниках кресты («не нам, а имени твоему»); в подножии Александровской колонны, которое незачем было делать непременно массивным, устроили, кажется, сторожку, а в Ивановой «церкви», которую тоже незачем было делать непременно массивною, устроили «девять престолов».

По поводу «девяти престолов» любопытно отметить, что они имеют свою историю, на первый взгляд очень странную. В одной из рукописей Румянцовского музея (№ 611) рассказывается, когда, как и почему была задумана постройка, которую мы сейчас называем Василием Блаженным, а затем повествуется о том, что «приіде царь на окладъ той церкви съ царицею Настасьею и со отцемъ богомольцемъ Макариемъ, и принесоша образа чудотворная многая и Николу Чудотворца, кои приіде святки, и стали молебны совершати и воду святили и первое основаніе самъ царь касается своими руками. И разсмотриша мастеры, что лишней престолъ обретеся, и сказаша царю. И царь и митрополитъ и весь синклитъ царской во удивленіе пріиде, что обретеся лишней престолъ, и поволи ту быти престолу Николину и изволи-де Богъ и полюби то место Никола, а у меня-де не было в помышленіи того»... Строится как будто церковь — а в момент официальной торжественной закладки приходится наспех придумывать, кому бы посвятить «оказавшийся» в натуре «лишней» престол! В истории царского — да и всякого, вероятно, — храмоздательства такой факт является единственным в своем роде. Он был бы чудовищным, если бы речь шла о подлинном храме; он легко объясняется, если весь творческий замысел был скульптурным, а «престолы» оказались лишь деталью использования полостей скульптурной массы.

Еще одна особенность Василия Блаженного: он не имеет фасада — в том смысле этого слова, к какому мы привыкли, т.-е. нет такой одной или нескольких точек зрения, с которых бы художник хотел, чтобы зритель рассматривал здание. Василий Блаженный предназначен для того, чтобы на него смотрели со всех сторон, с неограниченного количе-

ства точек зрения. На такое же множество точек зрения рассчитана и его полихромия. Среди признанных изваяний — небольших, мраморных, греческих, изобразительных — имеется очень немного таких, которые в такой же мере отвечали бы в точности определению ваяния, как это «здание».

Что мы выигрываем от того, чтобы отнести к области скульптуры и Василия Блаженного и многие другие столпообразные московские храмы? А вот что: мы получаем ключ к загадочному внезапному падению — почти исчезновению — византийских и западно-европейских архитектурных традиций, именно в то время, когда, казалось бы, настал подходящий момент для их полного торжества! мы получаем ключ ко всей стилистической родословной Василия Блаженного! Подробный разбор всех историко-художественных вопросов, связанных с исследованием Василия Блаженного и до сих пор не разрешенных, далеко выходит за рамки настоящей теоретической заметки, но в двух словах обозначить их разрешение с новой точки зрения надо.

Византийское зодчество начало с громадных общественных зданий типа константинопольской св. Софии. Это в точности соответствовало социальному и политическому быту, когда делалась попытка реорганизации Римской Империи на новых началах, и когда требовались колоссальные помещения, куда бы могли войти народные массы. Лишь понемногу Византия аристократизуется и феодализуется. Этот процесс отражается на зодчестве: здания становятся все меньше, ибо они становятся доступными только для избранных, а массы толпятся вокруг них. Для этих масс нужно снаружи оформливать здания, украшать их полихромиею, рельефами, живописью. В странах, творящих византийское искусство, этот процесс закончен уже в XII — XIII веках: церковные здания превратились в скульптурно-живописные безделушки. Тот же самый социальный процесс происходит и в России и приводит к тем же результатам. Но в области скульптурной и живописной русский народ имел свои традиции и свои вкусы и удовлетвориться византийскими декоративными формами не мог. А потому совершенно естественно, что социально-экономический процесс, одинаковый в Византии и в России, привел в России к почти внезапному отходу от византийских стилистических форм к иным, ничего с византийскими общего не имеющим, выработанным частью в России же в деревянном строительстве, частью на мусульманском Востоке.

Москва времен Ивана Грозного не могла—социально, а потому и художественно, усвоить западно-европейские архитектурные формы, рожденные типично-западным экономическим и социальным бытом («романских» аббатств и «готических» городов), и в этом ни Софья Палеолог, ни Аристотель Фиоравенти, ни прочие западные люди ничего изменить не могли. Москве времен Ивана Грозного нужны были не громадные соборы, созданные коллективными усилиями масс и вмещающие эти массы, а нужен был далеко видный всем и поражающий воображение символ царского торжествующего всесилия. И ясно, что это царское искусство

должно было пойти по той линии, по которой царское искусство пошло в азиатских деспотиях. Неоднократно указывалось на то поразительное сходство, которое объединяет Василия Блаженного с «зданиями» передней и восточной Индии: тут, несомненно, имеется и прямое заимствование в декоративных деталях, но тут прежде всего имеется тожество идеологии, тожество художественных заданий и замыслов.

Если признать скульптурою все те деревянные здания, наиболее ярким представителем которых является Василий Блаженный, то придется существенно переработать всю общую характеристику русского искусства. До сих пор оставалось совершенно непонятным, как и почему могло случиться, что русское искусство умело творить и в области живописи, и в области зодчества, но не создало никакой скульптуры! Ведь нельзя же считать достаточными проявлениями русской скульптуры те немногочисленные и художественно-жалкие деревянные изображения отдельных святых или глиняные куклы, или еще что-нибудь тому подобное, о которых только и упоминают историки искусства! Положение дела сразу меняется, как только мы признаем, что русское искусство создало блестящую скульптуру — но только неизобразительную («архитектурную»), совершенно параллельную блестящей, тоже по существу неизобразительной или полуизобразительной («декоративной» и «иконописной», сильно «стилизованной») живописи. Коллективно-психологический диапазон русского искусства иной, чем у романо-германских народов Европы, а потому получились иные стилистические формы.

Третий пример: к области какого искусства относятся античные и западно-европейские фасады?

Московский Кремль и в целом — скульптурный ансамбль, и каждая его постройка трактована как скульптурно-оформленная масса. Возьмите римский Капитолий, который так легко было бы превратить в изваяние, который так естественно было бы захотеть превратить в изваяние, — там нет ничего подобного! Эпоха Возрождения на вершине Капитолия устроила площадь, площадь окружила зданиями, здания эти фасадами оборотила не наружу, а внутрь — к площади. Площадь Капитолия, как целое, относится к области архитектуры: художник отграничил и оформил некоторое пространство и держит в своем плену всякого, кто взойдет по Капитолийской лестнице. Но отдельные фасады? Они, конечно, должны быть отнесены к области живописи; они — плоскостные ритмические композиции, предназначенные для того, чтобы их рассматривали с определенной «главной» точки зрения.

Только потому и возможны здания без фасада, сколько-нибудь художественно разработанного, только потому и возможны фасады без зданий, что фасады и здания — из разных искусств. Архитектор может вовсе пренебречь услугами живописца, оставить наружность здания без живописной отделки, как он может пренебречь услугами ваятеля и оставить здание снаружи несформленною ритмически массою; так поступали зодчие первых христианских веков и на Западе, и на Востоке (римские

и равеннские базилики, константинопольская св. София и т. д.), так поступают «гражданские инженеры», строители фабричных корпусов, сейчас.

И, наоборот, скульптор, которому поручено снаружи оформить массу здания, может вовсе не посчитаться с архитектурным замыслом— так поступали северно-русские мастера, ставившие высокие шатры и причудливо скомбинированные крыши над тесными низкими — азбучно-нехитрыми внутри — деревянными церковками. И живописец, компонующий плоскостный фасад, может согласовать этот фасад с архитектурною композициею, но может считать себя и совершенно свободным от обязательств перед архитектором, т.-е. разукрашать фасад или только разноцветными узорами (напомню о фасаде флорентинского Сан-Миниато) в чистой материальной плоскости, или полихромиею и светотенью (античный фасад, готический фасад), или только светотенью (на мусульманском Востоке встречаются такие фасады ковровой композиции, где в совершенно гладкой квадратной плоскости вырезана черная масса тени глубокой стрельчатой ниши) — и все это без всякого соответствия с внутренними архитектурными формами и без всякого соответствия даже с материалом и конструкциею здания.

Греческий храм, со своим горизонтально-ступенчатым подножием, своими вертикально-изборожденными колоннами, стоящими тесным рядом, своим разбитым на триглифы и метопы фризом, лежащим на гладкой горизонтальной ленте архитрава, со своим треугольным фронтоном — есть чисто-живописная, плоскостная линейная композиция. С точки зрения материала и техники, греческий храм — сплошная нелепость: насильственный перевод глиняно-деревянных конструктивных форм в мраморные бруски; с точки зрения внутреннего оформленного пространства и с точки зрения скульптурного наружного оформления общей массы, греческий храм — убогая комбинация младенчески-элементарных стереометрических мотивов. Все богатство и вся прелесть греческого храма — в изумительной игре плоскостных линий его двух главных (восточного и западного) фасадов, и это богатство так велико, что вводило в заблуждение самых суровых педантов-филологов. В своей книге «Искусство» я дал ритмический анализ этих фасадов, и теперь не хочу переписывать самого себя,—пусть читатель, если ему интересно, прочитает там мои рассуждения. Здесь мне важно только повторить один из выводов, получающихся в результате моих рассуждений: знаменитые фронтонные группы, исполненные скульптором в виде серий отдельных мраморных изваяний, задуманы как живописные ансамбли и могут быть осмысливаемы только как сложные ритмически-линейные композиции, где сюжет играет до того малую роль, что их нужно почти целиком отнести к области неизобразительной живописи.

Что мы выигрываем от такой переклассификации фасадов в царстве живописи? Много. Между прочим, устранение одной нелепости, которая искажает все наши исторические построения. Мы знаем, что неолитические предки греков были именно живописцами неизобразительного

типа, мы знаем, что сами греки начинают свою живописную карьеру гораздо раньше скульптурной, и начинают ее именно с неизобразительной ритмики, медленно и постепенно с величайшим трудом дорастая от чисто-геометрического узора через узор животный до изобразительной живописи; и мы во всех учебниках истории классического искусства читаем, что исторические греки были исключительно изобразителями. Выходит, что тут совершенно изменился диапазон художественных способностей греков? что они утратили острое чувство линейных ритмов? что они в этой области создали два-три отдельных мотива (пальметку, волюту и т. д.), да и то еще вопрос, насколько эти мотивы могут быть признаны подлинно греческими? И, вместе с тем, выходит по учебникам, что греки сразу довели до высокого совершенства архитектуру, труднейшее из искусств? Все эти несообразности исчезают, как только мы поставим факты на подобающие им места: греки были и остались по преимуществу живописцами, греки были и остались по преимуществу «декораторами»: их историческая заслуга в том, что они обогатили свой ритмический (первоначально очень элементарный) репертуар сложными криволинейными ритмами, заимствованными из животного царства, т.-е. ритмически осмыслили мир органических форм; и их заслуга в том, что они завоевали третье измерение, создали скульптуру, которой не было ни у кого из их предшественников — ни у египтян, ни у ассирийцев; а в области архитектуры греки заложили столь прочное основание, что, в итоге дружных усилий Запада и Востока, стало возможным появление великой св. Софии, которая будет превзойдена только теперь...

История искусства до сих пор находится в младенческом возрасте: она в сущности пока только и делает, что регистрирует факты, определяет их географическую, хронологическую и этнографическую связь между собою и историческими фактами иного порядка (экономическими, социальными и т. д.); иногда под историею искусства понимаются индивидуально-психологические изыскания о художниках, иногда — церковно-археологические или иконографические изыскания, иногда — нормативно-эстетические оценки.

В настоящее время история пластических искусств двух последних, во всяком случае эволюционных циклов, греко-римского и европейского, располагает чудовищным количеством музейного материала, и этот материал неудержимо продолжает расти. Настал момент, когда мы знаем слишком много, чтобы что-нибудь понимать; мы становимся узкими специалистами и, увлекаясь специальностью, забываем о цели всех наших историко-художественных изысканий. Знание не может быть самоцелью — знание только тогда ценно, когда оно может лечь в основу понимания, когда оно делает возможными обобщения. Все разговоры о том, что история-де есть наука «индивидуализирующая», в противоположность «генерализирующим» естественным наукам, лежат по ту сторону Маркса и там должны быть оставлены. И историю искусства

должно вывести из ее младенческого «индивидуализирующего» состояния. Вывести оттуда историю искусства может только тщательный пересмотр вопросов теории искусства, начиная с самых элементарных.

Вся настоящая статья о живописи, ваянии и зодчестве имеет только целью показать, что даже такие, казалось бы, азбучные вопросы, как вопрос о классификации искусств, нуждаются в пересмотре и разрешении.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ *).

I. ОСТРОВСКИЙ И ЧИЖЕВСКИЙ.—С. Обручев. II. И. БАБЕЛЬ. — Як. Бенни. III. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ МОСКВЫ, 1923—24 г.—П. Марков. IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ. — Федоров-Давыдов. V. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ. — Л. Сабанеев.

I. ОСТРОВСКИЙ И ЧИЖЕВСКИЙ.

Сергей Обручев.

Кризис репертуара у всех на устах. Нет драмы, нет комедии, созвучных революции, отражающих ее быт или ее пафос. Все театральные критики предсказывают грядущего мессию—революционного драматурга. Впрочем, ждут его в разное время: одни обещают его пришествие после того, как быт отстоится, другие—сейчас же.

Но есть один легкий путь творчества, которым пользовались все великие драматурги,—путь, как будто забытый сейчас: это—широкое использование старого сценического материала. Благоговейные комментаторы Шекспира, Мольера, Гольдони и др. давно доказали, что у них едва ли есть что-нибудь свое: и фабула, и даже самые слова заимствованы из новелл, драм, лирики, эпоса—откуда угодно.

Пока на этот широкий путь вступают у нас очень немногие, вероятно, из боязни бойких критиков, следящих за каждым шагом автора. Смело и безбоязненно пошел этой дорогой как будто один тов. *Д. Чижевский*, автор «Сиволапинской комедии» [1]). Метод его работы довольно любопытен, и в настоящей заметке я хочу попытаться разобрать его формально, не касаясь ни идеологической стороны комедии, ни ее литературного значения.

Великие драматурги заимствования свои делали у малых, для нас часто исчезнувших писателей,—т. Чижевский избирает более правильный путь: если брать, то уж первоклассное и сразу подняться еще выше. Существует милая комедия «Свои люди сочтемся»,—первое произведение Островского. Предзнаменование благоприятное—если оригиналу повезло, то и исправленная редакция подавно положит начало счастливой сценической карьере.

Комедия Островского начинается монологом Липочки; но монолог—устарелая форма, современная драматургия отказалась от монолога. Следует превратить его в диалог хотя бы формально.

Итак, начнемте:

*) С настоящей книги нашего журнала мы расширяем отдел «Литературное обозрение», включая в него обозрение изобразительных искусств, театра и музыки. Соответственно этому изменено нами и наименование отдела.

[1]) *Д. Чижевский.* «Сиволапинская комедия». Народный театр комедии. Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г. Стр. 101—158.

Островский.	Чижевский.
Липочка ...Что может быть восхитительнее? Приедешь в собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально,—вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная; вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастья, сударыня!».	*Секлетия.* ...Кажись, что может быть приятнее: выйдешь, это, со двора, как есть папаша говорит непочкой—и разодета, и распудрена, и с зонтом, фу-ты! А тут к тебе подлетает какой ни то: «Разрешите за вами поухаживать!».
	Прокофий (не хочет слышать, считая вещи). Раз, два, три... (Далее все тише.)
...Ну видишь: если человек с понятием, али армейский какой, возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!».	*Секлетия...* Ну, видишь, ежели он из интересных, хмыкнешь и скажешь: «Отчего же, с нашим удовольствием».
	Прокофий (снова громко, потом тише). 27, 28, 2...
Ах, очаровательно... То ли дело отличаться с военными! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками...	*Секлетия.* Ах, занятно. А то ли еще выказывать себя с краскомом каким! И выправка у него, и фасон, и силой от него отдает,—красота, картина.
	Прокофий (громко, потом шопотом). 54, 55.
Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает—чудо!	*Секлетия.* А иной и при шпорах еще. И шпоры—тинь, тинь. Так нутро и замирает до пят.

Дальше действие протекает достаточно отлично от Островского: у него Олимпиада учится танцовать, а здесь—Секлетия ходить на высоких каблуках. За этим занятием ее застает мать, Аграфена Кондратьевна — Островского, Фекла Кудимовна—Чижевского, и упрекает—Липочку за танцы, Секлешу—за раскраску лица.

(В выдержках всегда даю слева текст Островского.)

Аграф. Кондр. Сию минуту брось! Тебе же будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.	*Фекл. Куд.* Сладу с тобой нет. И что мне с тобой делать? Я вот метлу возьму и метлой счищу!
Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! (Садится.) Фу... фу... Как упаточилась, словно воз везла. Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.	*Секлетия.* Попробуйте, вам же будет хуже. Лицо исцарапаете—болеть буду и замуж не выйду. (Садится.) Фу-у... упарилась, точно воз в гору втащила. Даже пар валит. Поневоле придется стереть, пожалуй. Подайте, мамаша, что нибудь-то пот вытереть.
Агр. Кондр. Постой, уж я сама оботру. Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили.	*Фекл. Куд.* Полотенечком вот, полотенечком. Дай уж я тебя сама. Правда, оно и то сказать: не легко-то, видно, и барышней быть.

Читатель отметит смелое перенесение слов «тебе же будет хуже» из уст матери к дочери, уточнение образа лошади («упарилась», «в гору») и трогательное сходство ремарок и междометий.

Дальше разговор развивается близко к подлиннику; есть значительные отступления, но нередка и точная передача:

Агр. Кондр. Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко.	*Фекл. Куд.* Не то доведешь ты меня до греха. Вот те крест, бухнусь отцу и нажалуюсь, чтобы он березой упял. А всем скажу—житья от дочки нет...

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю! А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху?

Секлетия ...Вам житья нет, а мне, думаете, есть?... Какому жениху отказали...

Кончается сцена у обоих авторов одним и тем же аттракционом (выражаясь технически)—обе плачут; но монтаж разный:

(Плачут обе вместе.)

(Рыдает то одна, то другая.)

О прибытии свахи анонсируют: у Островского—ключница Фоминишна, у Чижевского—работник Прокофий. Сваха (Устинья Наумовна=Меропа Виссарионовна) осаживает сразу Секлетию=Липочку (у Чижевского, как обычно, модернизовано):

Уст. Наум. Не больно спеши. Есть постарше тебя.

Мер. Вис. Постой в глаза тыкаться. Я не люблю большевицких этих порядков, есть постарше тебя.

Прокофий=Фоминишна удаляется для постановки самовара. Для гостьи заготовляется бальсанец с селедочкой (Остр.) и коньяк (Чижевск.). Сваха и хозяйки ведут разговор, что называется, «по-Островскому»:

Липочка. Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду. Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет—перцу наемся...

Секлетия. Я не кутейщица какая, чтоб мне приказывать. Сейчас же свалюсь вот и замру.

... А я хрену наемся и уксусу напьюсь.

Разница гастрономических вкусов невест в отношении перца и уксуса не представляется нам особенно существенной.

Приведенных примеров, я думаю, достаточно, чтобы дать понятие о методе, принятом Д. Чижевским для создания языка своей комедии. Фабула также в общем чрезвычайно близка к Островскому. Первые явления, как мы видели, слепо следуют оригиналу—даже в мелочах. В дальнейших сценах без труда можно узнать героев Островского, даже когда Чижевский сливает двух в одном или разделяет одного на два. Борьбу за Липочку ведет у Островского приказчик купца Большова, Подхалюзин, сначала один, затем с помощью свахи, привлеченной щедрыми посулами. У Чижевского введен другой претендент—Кирилл Паисьевич, от имени которого действует его отец, священник Паисий (поп—обязательный персонаж новейшей русской революционной драматургии, нечто в роде одной из масок итальянской комедии). В Паисии мы видим синтез Подхалюзина (договор со свахой, переманивание ее на свою сторону подарками) и стряпчего Ризположенского; выходы последнего на сцену добросовестно заменены выходами отца Паисия; любопытно, что в уста Паисия вложена даже притча, внешне близкая притче, рассказываемой Ризположенским. В помощь сватовству работника Прокофия, заменяющего Подхалюзина, введено новое лицо—председатель сельского совета Максимыч,—надо признаться, самый неудачный персонаж комедии.

Отец невесты—Жмыхов, занимает такую же точно позицию по отношению к сватовству, как и отец Липочки—Большов. Его разговор с Прокофием о трестах—одно из главных сатирических мест пьесы—также простая перелицовка разговора Большова с Ризположенским о банкротах.

Таким образом, и сюжет и фабула комедии—одни и те же, и даже сохранены почти все детали оригинала, вплоть до порядка выходов. Как и у Островского, первое действие посвящено первоначальной организации сватовства: там за военного (желание Липочки) или благородного (желание матери), здесь—за краскома (Секлетия) или коммуниста (родители); в первом действии выясня-

ется также и деловое положение Большова=Жмыхова. Второе действие—изменение фронта сватовства, подкуп свахи. Третье—смотрины и закрепление невесты за Прокофием=Подхалюзиным. Но естественно вытекающий у Островского брак Липочки и Подхалюзина, необходимый для удачного банкротства отца,—у Чижевского заменен ничем не обоснованным союзом Секлетии и Прокофия: ведь из пьесы ясно, что Жмыхову нужен для покрытия его дел покладистый зять-коммунист. Совершенно выброшен блестящий 4-й акт Островского, где Подхалюзин оказывается еще бо́льшим выжигой, чем его тесть. У Чижевского пьеса обрывается на помолвке, и конец гораздо бледнее. Но зато спасена честь батрака Прокофия, кулацкое будущее которого (ясное из его собственного признания и оценки председателя Максимыча) не считается, очевидно, поучительным для зрителя.

Доказывая на предыдущих страницах, что Чижевский заимствовал и язык, и фабулу, и фактуру пьесы у Островского, мы отнюдь не желаем доказать, что заимствования в драматургии недопустимы. Драматургия—не литературное творчество (в чистом виде), она имеет свои собственные законы, и закон заимствования, если его можно назвать так,—один из основных. Но применение этого закона отлично от того, что делает Чижевский; отметим его важнейшие ошибки.

Главное и основное условие театрального заимствования—как, впрочем, и в других областях творчества—это—«победителей не судят». Гениальное произведение, в основе которого лежат широкие заимствования из чужих пьес, несмотря на резкие возражения вначале, (вспомним памфлет Грина о молодом Шекспире: «ворона важно щеголяет в наших перьях», «шуты, носящие наши цвета»), своей силой заставит нас забыть о заимствовании. Отсюда основное правило—брать материал у второстепенных авторов, преображая его своим вдохновением. Чтобы заимствование у Островского было прощено, нужно, чтобы копия превосходила оригинал,—а даже поклонники «Сиволапинской комедии» не станут утверждать, что в разбираемом случае это так.

Далее, заимствование во всяком случае не должно быть слепым копированием. Недостаточно назвать купца—нэпманом, полковника—краскомом, дворянина—коммунистом, оставить им тот же язык, те же речи, те же чувства, тот же ход действия,—одним, словом только наклеить новые ярлыки,—чтобы получить пьесу из нового революционного быта. Это столь же революционно, как и красный бант на груди обывателя в первые дни февральской революции. Творчество пролетарского театра должно итти не этим путем [1]).

Особенно большой осторожности требует заимствование в области языка. В то время, как высокая комедия или трагедия, написанные просто литературным языком своего времени, допускают незаметную трансплантацию отдельных строк и даже целых отрывков, в бытовой комедии и драме резко выделяется заимствованное. Чижевский, как мы видели, берет почти неизмененный язык Островского—в сущности условный театральный язык купеческой Москвы половины прошлого века—и заставляет говорить на нем современную деревню. Этот метод чрезвычайно опасен сам по себе, а у Чижевского он ухудшен еще тем, что, не довольствуясь заимствованным сильно-бытовым языком, автор, утрируя его,

---

[1]) Настоящая заметка была написана до появления в январской книжке «Печати и Революции» статьи В. Волькенштейна: «Пути современной драмы». Выводы автора—к которым я вполне присоединяюсь—еще более подтверждают необходимость суровой оценки метода Чижевского; по мнению Волькенштейна, перед нами серьезная опасность, что под маской советского реализма грозит проникнуть на сцену мещанская традиция пошлейших псевдореалистических пьес «якобы живописующих современный быт и психологию». Конечно, Островский — не «пошлейшая пьеса», но из Островского, как и из всякого другого, при помощи такого метода, где художественное творчество заменено ремесленной переделкой, очень легко получается, говоря словами Волькенштейна, фальсифицированная бытовая пьеса, суррогат, приятный мещанству.

превратил в какой-то сугубо-русский язык, местами более «крепкий», чем в пьесах из народной жизни начала XIX в., или в растопчинских афишках. У Чижевского, если действующее лицо—поп, то он говорит: «отсутствуют присутствием» (стр. 125), «предостерегает от сопотрясений» (113), «приятнейшие украинские изъяснения» (148), «хваление всех тварей» (148) и т. д. Если крестьянин, то он искажает даже обычные идиоматические выражения: «а доверят—вспоминай, какое было» (121), «такой-то опрос воротит мой нос» (142) и др.

Анализ языка Чижевского слишком затянул бы нашу заметку; отметим только, что язык очень неровен—на ряду с такой сугубой народностью, можно встретить и чисто-литературные формы; например, мать Секлетии, иначе не говорящая, как «на скус», вдруг заявляет: «одежды всякие с манишками»—в то время, как в ее устах, несомненно, «одёжа» была бы более уместна. Или председатель, то говорящий ни к селу, ни к городу по-украински (довольно обычный комический аттракцион—иностранный акцент—на наш взгляд мало уместный здесь), то на том же русско-чижевском языке вдруг хватает по-литературному: «мы их дочерей и жен по карточкам распределяем» (стр. 145).

Нашу заметку мы закончим обычной формулой опытных театральных рецензентов: «Талантливый автор находится, видимо, под сильным влиянием Островского. Нельзя не пожелать, чтобы в дальнейших своих произведениях он развил те плодотворные зачатки собственного творчества, которые»... и т. д.

II. И. БАБЕЛЬ.

Як. Бенни.

«...Он умер, последний принц среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я, едва вмещающий в древном теле бури моего воображения, принял последний вздох моего брата...»

(И. Бабель. Из книги: «Конармия» [1]).

I.

Очерки, маленькие рассказы—иногда в полстранички всего—напечатанные в журналах «Леф» и «Красная Новь», представляют собой настолько крупное явление современной литературной жизни, что мы считаем необходимым остановить на них внимание читателя.

Рассказы Бабеля восхищают сжатой своей выразительностью, гибкостью, краткостью, точностью, соединяющими все элементы в живые до жути страницы гражданской войны.

Тема уж сама по себе требует исключительных писательских сил. И та художественная смелость, с которой Бабель этой теме отдает свое дарование, лучше всего доказывает, что перед нами крупный художник.

Бабелю удалось раскрыть одну из труднейших тем нашего времени—тему революционной войны. Впервые художник становится так прямо против жуткой, нечеловеческой по своему напряжению, еще живой истории.

Бабель выступает без увиливаний, платформ, без болтовни и прочего шума, которыми обычно прикрывают современные художники свое внутреннее отступление перед грозными требованиями,

---

[1]). Из книги: «Конармия»—журнал «Леф», книга 4-я; журн. «КраснаяНовь», книга 1-я за 1924 г.стр. 60—71.; его же: «Миниатюры» — «Красная Новь», книга 7-я за 1923 г.; его же: «Мама, Римма и Алла» и др., журнал «Летопись» за 1916 г. Ноябрь. Стр. 32—44.

предъявляемыми нашим временем к литературе и искусству.

Огонь четырнадцати фронтов, волны наступлений, дикая жизнь городов, штормы и бури во всех углах деревенской России, обвалившиеся мосты, обугленные железнодорожные станции, отсветы и зола на лицах, дорогах, трупах, винтовках, избах и на каждом коровае хлеба,—вся несказанная действительность борьбы, отделенная от нас и от художника четырьмя лишь годами. Она ведь жжет еще при попытке прикоснуться к ней. С тем большей силой обжигает она художника.

Весь шум литературных споров последних лет представляется нам отзвуком внутренних неизбежных неудач писателей, пытающихся приблизиться к единственной подлинной теме революции. Полная ярости схватка нового с тяжелыми массивами прошлого выпадает из отуманенного художнической жадностью взора. Писательская жадность устремляется к торчащим на каждом углу сюжетам и событиям революции. За них хватаются и обжигают руки о непотухшие еще головни. Ни сил, ни художественной устойчивости еще не хватает, да и не может хватить на то, чтоб разгрести огненный пепел и в жару воспоминаний прикоснуться к дымным и кровавым годам. А сколько огня еще впереди!

Агитационные срывы низводят искусство, и подлинное агитационное воздействие художественной литературы тем самым поражается в корне. Слишком уж легкой, бутафорской, риторической представляется читателю всепобеждающая революция в изображении современных художников. Революция в душе современного читателя много страшней, существенней, глубже и тише, чем громоподобные охи «революционной» литературы...

Оттого так силен и убедителен Бабель, что он самого себя—«очкастого», «паршивенького», «кандидата прав Петербургского университета», подставляет под огонь столкновений с большевистской Россией. «Сочинитель и интеллигент» в нем самом служат ему средством уяснения коллизий войны и революции.

II.

Рассказы Бабеля — героические рассказы. Та биографическая, даже автобиографическая правдивость, которая сразу определяет доверие читателей к художнику и его писаниям, составляет их единственную подпочву. Литературное мастерство, богатый и красочный язык и даже самая выдумка вырастают на основе этой биографической правды так же естественно, как трава и цветы—на лугу. Постоянное—и особенно напряженное во время революции—противоречие, разрывающее художника и жизнь, разрешается Бабелем просто ощущением заложенной в искусстве неизбежности и целесообразности. Он—писатель и интеллигент—как бы чувствует себя обреченным. Мучительные противоречия, встречающие мечтателя-Бабеля на пороге жизни, не могут оттолкнуть его даже тогда, если жизнь предстоит ему, как страстная, жестокая, грубая, кипящая борьба. Бабель оглядывается, нечто видит и забывает себя... Тогда лицом к лицу остаются Бабель-художник и сверкающая, кипящая, великолепная в своей самозаконности действительность, даже малый оттенок которой ни в звуке, ни в краске, ни в боли и радости, в трагедии так же, как в смешном, не избежит превратившегося в сплошные глаза художника.

«...—забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе—осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновение, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге»,—говорит Бабелю его собеседник Арье Лейб, и Бабель мгновенно превращается во внимательного слушателя, почти в участника той самой жизни, которой он лишь художник.

В одном из последних напечатанных рассказов [1]),—«Мой первый гусь» Бабель так описывает свое появление в одной из дивизий Конармии:

«...Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко мне серые глаза, в которых танцовало веселье.

---

[1]) «Леф», кн. 1-я за 1924 г.

«— Сказывай,—крикнул он и рассек воздух хлыстом.

«Потом он прочитал бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии.

«— Провести приказом,—сказал начдив,—провести приказом и зачислить на всякое удовольствие, кроме переднего. Ты грамотный?

«— Грамотный,—ответил я, завидуя железу и цветам этой юности.—Кандидат прав Петербургского университета.

«— Ты из киндербальзамов,—закричал он, смеясь,—и очки на носу. Какой паршивенький... Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки... Поживешь с нами, что-ль?

«— Поживу,—ответил я и пошел с квартирьером на село искать ночлега».

Улюлюканьем и насмешками встречают его казаки, к которым он заявился со своим сундучком. Есть единственный путь снискать их расположение.

«...— Канитель тут у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия— из него здесь душа вон. А пограбь вы мало-мало или испорть даму, самую чистенькую даму,—тогда вам от бойцов ласка»...

И Бабель решается разыграть из себя такого «грабителя».

«...Отвернувшись, я увидел чужую саблю, валявшуюся неподалеку. Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусиная головка треснула под моим сапогом, треснула и потекла. Белая шея была разостлана в навозе, и крылья заходили над убитой птицей.

«— Господа бога душу мать,—сказал я, копаясь в гусе саблей,—изжарь мне его, хозяйка...

«Старуха, блестя слепотой и очками, подняла птицу, завернула ее в передник и потащила к кухне.

«— Товарищ,—сказала она, помолчав, я желаю повеситься,—и закрыла за собой дверь»...

Очки победили.

« — ...Братишка, — сказал мне вдруг Суровков, старший из казаков,—садись с нами снедать, покеле твой гусь доспеет»...

Так заключается союз на жизнь и смерть между очкастым писателем и беззаконными казаками. Не на попутничество—на жизнь вместе. С ними, с этими казацкими эскадронами, штабами, людьми, Бабель совершает походы, участвует в боях, ест и спит.

Страшные страницы войны перелистаны им вместе с большевистской Россией под одним огнем.

III.

Вот эпическая картина боя:

«...Стонущее «ура», разорванное ветром, донеслось до нас.

«Наведя бинокль, я увидел комбрига, вертевшегося на лошади в столбах голубой пыли.

«— Колесников повел бригаду,—сказал наблюдатель, сидевший над нашими головами, на дереве.

«— Есть,—ответил Буденый.

«И в это мгновение первый польский снаряд стал чертить над нами свой завывающий полет.

«— Идут рысью,—сказал наблюдатель.

«— Есть,—ответил Буденый, закурил папиросу и закрыл глаза. «Ура», едва слышное, удалялось от нас, как нежная песнь.

«— Идут карьером,—сказал наблюдатель, пошевелив ветвями.

«Буденый курил, не открывая глаз.

«Канонада пылила, разрасталась; сияла молниями, заволакивала своды, ковала их ударами и громом.

«— Бригада атакует неприятеля,— пропел наблюдатель там вверху. «Ура» смолкло. Канонада задохлась. Ненужная шрапнель лопнула над лесом. И мы услышали великое безмолвие рубки»...

И еще бой:

«...мы остались одни и до вечера мотались между огненных стен. Штаб дивизии исчез. Чужие части не принимали нас. Поляки вошли в Броды и были выбиты контр-атакой.. Мы подъехали к городскому кладбищу. Из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас. Грищук повернул. Тачанка его вопила четырьмя своими колесами.

«— Грищук,—крикнул я сквозь свист и ветер.

«— Баловство,—ответил он печально.

«— Пропадаем,—воскликнул я, охваченный гибельным восторгом,—пропадаем, отец.

«— Зачем бабы трудаются,—ответил он еще печальнее,—зачем сватания, венчания, зачем кумы на свадьбах гуляют?...

«В небе засиял розовый хвост и погас. Млечный путь проступил между звездами.

«— Смеха мне,—сказал Грищук горестно и показал кнутом на человека, сидевшего при дороге,—смеха мне, зачем бабы трудаются...

«Человек, сидевший при дороге, был Долгушов, телефонист. Разбросав ноги, он смотрел на нас в упор.

«— Я вот что,—сказал Долгушов, когда мы подъехали,—я кончусь. Понятно?

«— Понятно,—ответил Грищук, останавливая лошадей.

— Патрон на меня надо стратить,—сказал Долгушов строго».

Тяжкой иронией звучат вдруг слова в «гибельном восторге». Не хватает сил исполнить просьбу Долгушова.

«— ...Наскочит шляхта — насмешку сделает. Вот документ, матери отпишешь, как я что.

«— Нет,—ответил я глухо и дал коню шпоры

«Долгушов разложил по земле синие ладони и осмотрел их недоверчиво.

— Бежишь? — пробормотал он сползая:—беги, гад!»

«Испарина ползла по моему телу. Пулеметы отстукивали все быстрее, с истерическим упрямством. Обведенный нимбом заката, к нам скакал Афонька Бида...»

Война вся в следующих строчках:

«— ...По малости чешем,—закричал он весело,—что у вас тут за ярмарка?. Я показал ему на Долгушова и отъехал.

«Они говорили коротко. Я не слышал слов. Долгушов протянул взводному свою книжку. Афонька спрятал ее в сапог и выстрелил Долгушову в рот.

«— Афоня,—сказал я с жалкой улыбкой и подъехал к казаку,—а я вот не смог.

«— Уйди,—ответил он бледнея,—убью. Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку.

«И взвел курок.

«Я поехал шагом, не оборачиваясь, чувствуя спиной холод и смерть.

«— Вона,—закричал сзади Грищук,— не дури,—и схватил Афоньку за руку.

«— Холуйская кровь, — крикнул Афонька,—он от моей руки не уйдет...»

IV.

В «Лефе» напечатаны, кроме очерков из книги «Конармия», еще два рассказа, рисующие своеобразного одесского героя «знаменитого бандита Беню Крика». И эти рассказы (они, вероятно, по времени предшествуют военным рассказам), так же как «Конармия», полны подробностями особенного быта, языка и характеров. Но—почти фольклор—эти рассказы насыщены такой жадной свежестью восприятия, что и фольклор и анекдотизм пропадают, и в читателе остается целостное впечатление драматических и лирических отрывков, убедительность которых заставляет преодолевать и детальную передачу (иногда все же утомительную) искаженного языка и обилие быта.

Особенное внимание Бабеля привлекает прежде всего героическое, живущее в бытовых и анекдотических формах. Пышная фигура бандита Крика, его странные и своеобразные добродетели, быстрота, безоглядность, простодушие, воля, цельность, находят в Бабеле внимательнейшего художника. Нам эти рассказы его кажутся лишь вступлением в эпически-сжатые, величественные и ужасные темы войны. Еще дальше отстоят от темы войны ранние рассказы Бабеля, напечатанные в «Летописи» в 1916 году; они представляют собой изображение мещанского быта, сделанное в скучноватой реалистической манере. И технически они слабы. Но и в этих рассказах и позднее, приближаясь к годам революции, к ее страстям и быту, Бабель необыкновенно человечен. Чувство пристального внимания и человечности сопровождают его по всем путям писательства. Стоит ли в центре его внимания мещанский быт, героический бандит, или, наконец, диковинный и великолепный, трагический и буйный облик «революционного казачества»—Бабель бесконечно внимателен и человечен.

И то же полупечальное, полуюмористическое отношение к себе, отодвигание себя сопровождает его сквозь все бури буденовских рейдов, боев, стоянок.

Совершенно владея рядом литературных приемов, богатым и разнообразным словарем,—городским, деревенским, солдатским и т. д.—Бабель воспитал свое

мастерство именно в годы гражданской войны. Большинство очерков, напечатанных им теперь, помечены летом 1920 года. Они представляют собой как бы отрывки из записной книжки. Имена и характеры, эпизоды, места, события, бой и смерть, так же как быт,—все звучит в них как *биография войны*. Личной близостью биографа к своей тяжкой теме, вероятно, может быть объяснена та необыкновенная выразительность, которая вызывает в читателе убеждение в совершенной и безусловной реальности рассказанного Бабелем.

Такова сила этого художника революционной войны, что он способен и быт, и казацкое озорство рассказать с той же страстной напряженностью, с какой в приведенном выше отрывке им рассказана смерть. Такова прикованность художника к своей теме, пристальное внимание его, преданность, что каждая мелочь самым малым числом слов—как в стихах — вчеканивается в его очерки необходимой и значительной деталью.

Потрясает в этих рассказах правдивость, странный отзвук знакомого украинского смеха «маленького Гоголька», соединенные с великим напряжением оправдания жертв...

III. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ МОСКВЫ 1923—24 года.

П. Марков.

1.

На театре эпоха разрушения и охраны традиционного искусства закончилась. И правые, и левые театры поставлены перед более существенными задачами, которые в предшествующие годы не раскрылись так явно, как в последние две зимы. Поворотным пунктом в московской театральной жизни была предыдущая зима 1922—23 года. Вместе с нею театр вступил в новую полосу своего существования, может-быть, и не обещающую на первых порах таких громких побед, которыми в свое время был ознаменован сезон «Гадибука» и «Турандот» Вахтангова, «Рогоносца» Мейерхольда и «Федры» Таирова и которые поставили задачу сценического оформления духовного наследства революции. Годы, в которые сейчас вступил театр,—годы напряженного труда и будничной работы.

Ни упорная и упрямая охрана традиций, ни их яростное разрушение уже не могут явиться принципами, на которых театр основывает право своего эстетического существования. Вместе с тем потеряло остроту резкое противоположение правого и левого искусства, характерное для революционных дней. По существу произошло если не крушение, то некоторый сдвиг фронтов. Из периода внешней ожесточенной борьбы, остроумной и ярой полемики, деклараций новых принципов театр перешел к борьбе *внутри* каждого из театров, к самопроверке и к переработке и усвоению рожденных другими театрами новых форм. Этим самым поставлен вопрос о театральной культуре, о том, что органически и закономерно рождается из недр самого театра,—вопрос об его лице и его собственном мастерстве, которое делается все более и более туманным в годы переживаемой внутренней борьбы. Взаимовлияние и взаимопроникновение отдельных течений характерно для текущей зимы. Первоначальная их чистота и определенность утеряны. То, что было раньше специфическою особенностью отдельных театров, стало общедоступным и привычным сценическим приемом, свойственным большинству театров; происходит как бы нивелировка театра. Левый театр оказался перед необходимостью своего рода «ревизионизма»—очищения и утверждения тех принципов, которые были им декларированы за годы революции. Сквозь пафос его разрушительных тенденций явно начинает вырисовываться реальный

и конкретный образ строящегося им театра. На ряду с этим отпадает ряд его былых спутников, оказавшихся случайными союзниками. С другой стороны, правые театры—те, которые известны под официальным наименованием «академических» и о которых преимущественно будет итти речь в этом очерке, историческим ходом развития поставлены, наконец, перед необходимостью усвоения, хотя бы и запоздалого, уроков и достижений левого театра. Их ученический путь начинается иногда с еще более далеких отправных пунктов, по крайней мере, для некоторых из них—с эпохи стилизационных принципов эстетического театра.

Малый театр, робко совершающий первые шаги по пути стилизации постановок, его студия, обратившаяся к итальянцам и испанцам, Художественный театр, делающий опыты конструктивных постановок—явное свидетельство медленного поворота к поискам новых форм. Трудность усвоения этих форм заключена в необходимости примирения их с основными особенностями сценического творчества и техники каждого театра. Частое же для этих театров механическое соединение новых форм с все более и более стареющим содержанием не дает выхода из переживаемого правыми театрами кризиса—кризиса, при котором эстетическое и общественное оправдание реального факта их существования особенно нуждается в раскрытии. Очень часто это усвоение служит только знаком растерянности, означает крушение собственного мастерства, и так же часто правые театры заимствуют то, что в левых театрах уже подвергается ревизионизму, потому что вопросы внешнего оформления, кризиса конструктивизма, отказ от самодовлеющего формализма уже поставлены в левом театре. Одновременно особенности мастерства каждого театра нуждаются в очищении, потому что в годы преимущественной охраны традиций было сохранено и закреплено многое из того, что было лишь ненужным наростом и подлинным традициям противоречило.

Внутренняя борьба обусловлена не только вопросами формы, но в гораздо большей степени вопросами обозначаемой данными формальными качествами сущности и идеологии,—того, что подлежит оформлению на театре. Так встал вопрос о репертуаре, о современном драматурге. На ряду с рассказанными чертами тоска по современному автору—вторая отличительная особенность текущей зимы на театре. За истекшие годы в полной мере были исчерпаны если не все произведения, то все *линии* репертуара прошлого. Формула «созвучности революционной эпохе» доведена до конца. На нашей сцене шло все, что так или иначе удовлетворяло этой формуле, начиная с Аристофана и кончая романтической драмой. Значение этих постановок несомненно, хотя бы в плоскости формальной. Они помогли театру выйти на широкий путь «театральности». Но между тем задачи театра усложнились, и формальный его период заканчивается. Из области общих положений и беспредметного, но горячего пафоса театр переходит к постановке конкретных задач и к оформлению реальной действительности, под каким бы углом зрения она ни освещалась. Вместе с тем и «театральность» стала ни к чему не обязывающей формулой. Театр обязан определить свое отношение к текущей современности в плане утверждения или отрицания, в плане героическом, романтическом или сатирическом—безразлично. И потому формальный театр,—театр, в свое время поставивший драматурга на второй план, очутился лицом к лицу с репертуарным кризисом—с парадоксальной необходимостью призвать к себе автора. Мы имеем, однако, не кризис драматургии, а рождение современной драматургии. Театр в своем быстром и патетическом росте опередил драматурга. Между тем, как поэты начала века, носившие в себе свою мечту о театре и свой образ театра, ставили их перед театром как задачи, подлежащие практическому разрешению,—современная драматургия не только не ставит задач театру, но и не в состоянии выполнить задач, которые театр ей предлагает. Драматургия только усваивает сейчас принципы, формы и достижения нового театра: драматургия находится в подчинении у сценического искусства, а сцена ждет своего освобождения от автора. И в этом одно из харак-

Малый театр. — «Нечаянная доблесть» Юрьина. Режиссер Н. О. Волконский. Художник Мекк.

тернейших противоречий современного театра. Протекшая зима более, чем предшествующие, дала выход на сцену современному репертуару и драматургу (Малый театр, Театр Революции и др.), хотя и не обнаружила значительных достижений в этой области.

Наконец, третья существенная черта текущей зимы—тоска по актеру. Теоретически первенство актера на сцене признается всеми театральными течениями. Замечательны в этом отношении были спектакли Сандро Моисси. Моисси—западный, вполне чуждый русскому искусству, актер. Однако, его блестящее мастерство—один из самых важных эстетических фактов сезона. Тяга к актеру так же знаменательна, как и тяга к современному автору. Годы формальных увлечений должны были обогатить и, действительно, обогатили сценическую технику, но подобно тому, как современная драматургия рождается из преодоления театральных форм, актер рождается из преодоления формальных достижений. В старом же театре,—театре правом актер должен восстановить почти порванную связь с заглушенной традицией прошлых лет. Только что протекшая зима все же дала немногочисленный ряд значительных актерских исполнений.

2.

Может-быть, наиболее существенен вопрос об академизме для Малого театра. В самом существе своем академизм в театре может быть формулирован как вольное творчество на основе традиций. Традиция же предполагает развитие и раскрытие линий прошлого в современных формах. Она связана с строгим учетом актерского материала. Напрасно и невозможно смотреть на Малый театр,—театр, стоящий накануне столетнего юбилея, всею своею историей связанный с девятнадцатым веком как на театр революционный. Малый театр взял на себя существенную задачу не только *охраны* и сохранения в первобытной чистоте, но и *развития* традиций русской драматургии,—драматургии водевиля и мелодрамы, Гоголя и Островского,—и русского актерского искусства,—искусства Щепкина, Садовских и Ермоловой. С этой точки зрения и должен быть строгий суд над современным Малым театром и над его текущими постановками. Может-быть, бессознательно, но Малый театр в этом сезоне дал образцы тех видов драматургического творчества, которые были характерны для Малого театра XIX века. Два из них принадлежат современным авторам. Это—комедия-водевиль Юрьина «Нечаянная доблесть»

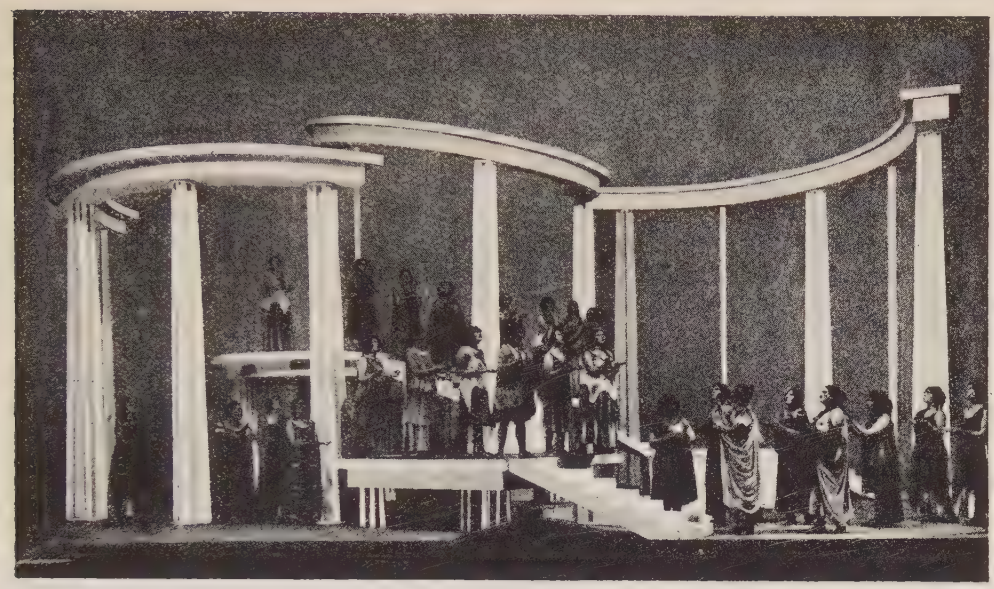
и мелодрама Рынды-Алексеева «Железная стена». Кроме того, Малый театр возобновил «Сердце не камень» Островского (одной из своих основных задач Малый театр считает иметь в своем репертуаре всего Островского) и для бенефиса А. А. Яблочкиной комедию Скриба—«Дамская война» и водевиль Чернышева «Жених из долгового отделения». Впереди «Юлий Цезарь» Шекспира и «Медвежья свадьба» Луначарского. Таким образом, Малый театр в области репертуара как будто, хотя бы и частично, выполнил свои задания.

Однако, самый выбор современных пьес оказался сомнительным. В особенности, применительно к «Железной стене». Пьеса без литературных достоинств, она имеет все недостатки мелодрамы (шаблонную упрощенность характеров, «эффектность» сценических положений, неразработанное слово) и ни одного из ее достоинств. Пьеса о революции без пафоса революции. Впрочем, и самая революция дана в наивно-трогательном освещении, не предполагающем в авторе знакомства с 18—24 годами нашего столетия. Ее тема—столкновение короля-отца с революционером-сыном. Действие в мифической Вельтландии. Революционеры, согласно искривленным традициям вульгаризованной мелодрамы, организуют заговоры в подвалах и катакомбах при благосклонном участии благородного революционера — принца, которому, согласно тем же традициям, выпадает роковой жребий произвести террористический акт—убить собственного отца. Возникший, таким образом, трагический конфликт разрешается выстрелом героической подруги принца, Кетти, убивающей тирана. Благородный принц благополучно приступает к королевским обязанностям. Такова первая наивная попытка Малого театра по пути революционизации театра.

Интереснее вторая попытка. Автор «Нечаянной доблести» возвращает Малый театр к традициям буффонады и водевиля—возвращает более удачно, чем автор «Железной стены» к традициям мелодрамы. Незначительная по теме и по ее разработке комедия Юрьина, однако, дает ряд ярких водевильных масок и сценических положений, иногда получающих самодовлеющее значение. Условная по разработке образов комедия поставлена режиссером Волконским в плане стилизованной буффонады. В этой постановке Малый театр делает опыт сценического гротеска—подчеркнутыми гримами и костюмами, выделением сценических трюков, быстрым темпом. Есть в этой постановке, как и во всех редких очень робких и несмелых новаторских опытах Малого театра, элемент некоторого рода модернизма (особенно явного в декоративной стороне спектакля), есть вульгаризация запоздало воспринятых достижений «условного» театра. Этим самым пред Малым театром встает задача утончения усваиваемых им новых форм, а не их огрубление; в области декоративной — Головин, Добужинский, Юон, а не декораторы Мекк и Соколов. Вульгаризация новых для Малого театра форм—одна из самых больших опасностей пред которыми стоит Малый театр.

Спектакль «Доблести»—исключение для Малого театра: все остальные постановки Малого театра, включая и «Железную стену»,—вне каких-либо намеков на новизну форм. «Сердце не камень» Островского и «Жених из долгового отделения» разыгрываются даже не в традиционных, а в рутинных, упрощенных, случайных и примитивных мизансценах, повторяющих мизансцены прошлого столетия, с явной целью выдвинуть на первый план актерское исполнение. «Дамская война» Скриба достигает тех же результатов, но в более конденсированной, сжатой, четкой, несколько стилизованной форме—своеобразный стилизованный академизм.

Впрочем, наибольшая сила и наибольшая слабость Малого театра до сих пор заключены в актерском исполнении. Некоторые, из них замечательны. Так, например, ставший постоянным членом труппы Малого театра В. Н. Давыдов дает в Коркунове («Сердце не камень») и в «Женихе из долгового отделения» редкий образец первостепенного мастерства, связывающего его исполнение с подлинными традициями классической эпохи русского театра. Давыдов освобождает театральную стихию Островского и водевиля, раскрывая ее театральную условность своей условной классической игрой. А. И. Южин продолжает в своем



Музыкальная студия М. Х. А. Т. «Лизистрата». Режиссер — В. И. Немирович-Данченко. Художник — И. Рабинович.

исполнении итти от традиций классической комедии и романтической драмы. В «Железной стене» он дает больше, чем дано автором. Искусство Южина—искусство монолога и диалога за счет психологической углубленности. Блеск речи и эффект позы—вот что унаследовано А. И. Южиным от театра XIX века. Среди других исполнений—буффонада, очень резкая и смелая, В. О. Массалитиновой—свидетельство примирения традиций Акимовой с яркостью современных театральных форм; четкая, спокойная и сильная, классическая по форме игра В. Н. Пашенной в «Сердце не камень» и ряд других.

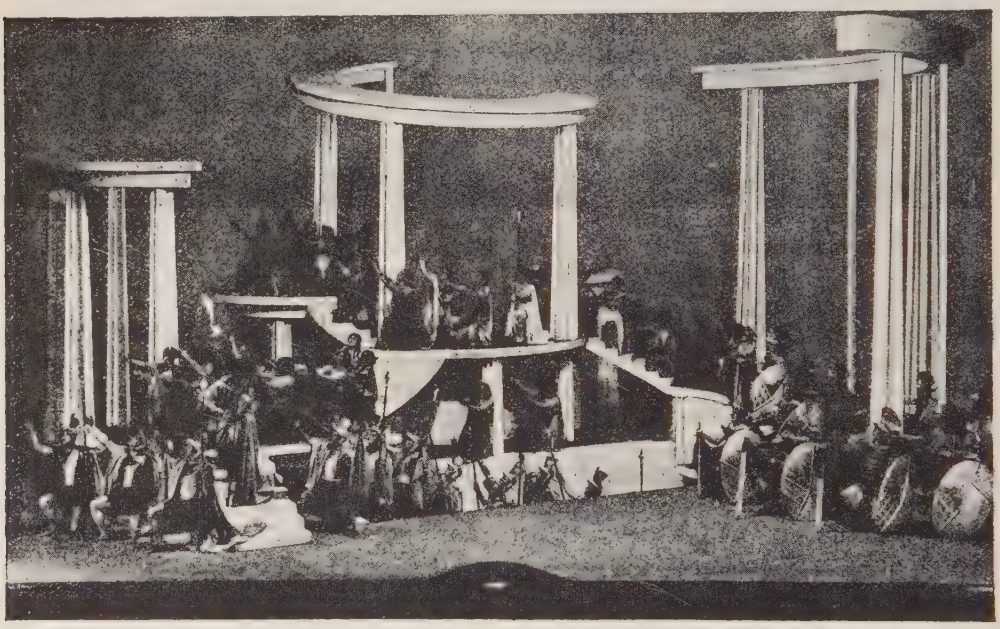
Но рядом с актерами, развивающими живую традицию XIX века,—ряд исполнений, эту же самую традицию вульгаризирующих и мертвящих. Дело не в большем или меньшем таланте отдельных исполнителей, а в том налете дурного провинциализма и штампа, которые глушат основы сценической техники актеров Малого театра. В этом сочетании искривленного традиционализма, граничащего в плоскости постановочной с рутинерством и вульгаризацией форм,—вторая явно раскрывшаяся в этом сезоне опасность Малого театра, грозящая свести на-нет поставленные им себе задачи.

Если Малый театр в своих стенах делает редкие и робкие попытки стилизованных постановок, то, конечно, всею тяжестью эта задача ложится на молодую Студию Малого театра. Ее работа, протекающая сейчас в очень тяжелых условиях в районном театре, не может подлежать серьезному критическому анализу. Так же, как и в труппе Малого театра, в ней много хорошего актерского материала, обладающего теми же самыми противоречивыми качествами. Однако, в их репертуаре на ряду с пьесами Шпажинского и Локка—Шоу, Гольдони, Тирсо де Молинэ. Молодые режиссеры студии Каверин и Кречетов делают опыты раскрытия площадной, здоровой народный комедии. Недостаток студии—в ее робости — может-быть, самому Малому театру кажущейся излишней дерзостью.

3.

Былое единство, отличавшее Художественный театр и его студии, нарушено. Основная часть труппы все еще в отсутствии. Многочисленные его студии, в своей работе идущие от основ психологического театра, в большинстве своем образовали отдельные организмы, самостоятельные театрики и живут обосо-

бленной жизнью. Единое в своей основе направление психологического театра—раздроблено: каждая из студий ищет для себя выхода, ставя различные цели и пользуясь различными сценическими подходами. Во всяком случае, кризис психологического театра (потому что «психологизм» изжит внутри самого Худ. театра) разрешится в зависимости от того, какими путями пойдут ученики Художественного театра: по пути ли прорыва в новые театральные формы и вая студия), ни «Кофейня» Муратова (Четвертая студия) не более современны, чем любая из пьес, написанных десяток лет тому назад. Стилизация Екатерининской эпохи в пьесе А. Толстого или провинциальной греческой жизни в комедии Муратова не интересны и не показательны для Художественного театра, уже давно пережившего период стилизации в искусстве. Впрочем, иного объяснения постановки «Любви—книги золотой» или «Расточителя» Лескова (Первая студия),

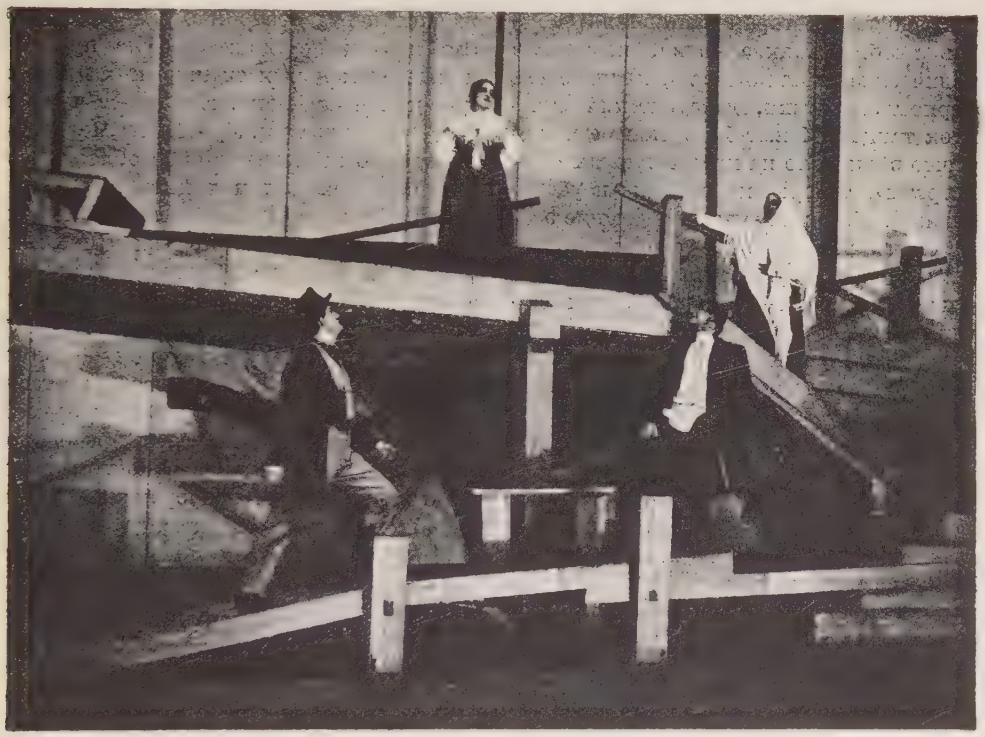


Музыкальная студия М. Х. А. Т. «Лизистрата». Режиссер — В. И. Немирович-Данченко. Художник—И. Рабинович.

углубленные сценические творческие переживания,—пути, указанному Вахтанговым, или же по пути самодовлеющего актерства, неожиданно прозвучавшего в некоторых из студийных постановок. Первый путь, Вахтанговский, обозначился постановками Музыкальной студии и Третьей студии, как бы неудачны в конечном итоге ни были эти опыты. Наоборот, постановки Первой и Четвертой студий, подчеркивая, иногда удачно, иногда нет, актерское исполнение, в то же время лишают театр всех духовных и общественных основ, оправдывающих творчество на театре. Конечно, ни «Любовь—книга золотая» А. Толстого (Перкроме воли актера, нет. В «Росточителе» это обстоятельство подчеркнуто намеренною упрощенностью постановки, напрасно пытающейся передать русский разгул и русскую национальную стихию в воображаемых формах несуществующей народной мелодрамы. После прошлогодних метафизических опытов с «Лиром» и буффонад Смышляева и Дикого, обе постановки текущего сезона в студии совершенно явно знаменуют стремление актера освободиться в своем творчестве от всех режиссерских и иных оков. Исторически этот факт естественен, и стремление актеров закономерно. Практически, на первых порах это свелось к

разрушению спектакля в целом, к обращению его в ряд отдельных, иногда примечательных, иногда нет, актерских исполнений.

Впрочем, Первая студия вырабатывает особый стиль игры, отличающийся от Художественного театра и других студий. При всей разнородности отдельных актерских единиц, исполнение начинает быть сжатым, подчеркнутым, лишенным психологической детализации, берущим



Камерный театр. «Гроза». Режиссер А. Я. Таиров. Художники: Стенберг и Медунецкий.

образы в некотором обобщении с выделением немногих наиболее характерных черт. Такова эволюция форм сценического исполнения в Первой студии от психологизма «Сверчка»—через Вахтангова к самодовлеющему актерству. Актерство и стало главным соблазном Первой студии,—соблазном, который заставил студию обнаружить ряд отличных дарований, ценою отказа от целостного спектакля. Эти дарования: Певцов, Берсенев, Дикий, Дейкун, Гиацинтова, Корнакова, Соловьева и др. Рядом с представляющимися реакционными по-

становками Первой студии «Лизистрата» Музыкальной студии идет по пути эволюции и развития основ режиссерской и сценической техники старого Художественного театра. Первоначально опыты В. И. Немировича-Данченко ставить комические оперы означали лишь распространение обычных методов работы Художественного театра на новые сценические жанры, подобно оперным постановкам К. С. Станиславского. Между тем основная задача Художественного театра формулируется как преодоление психологизма во имя освобождения глубочайших творческих основ вплоть до прорыва в новые театральные формы. Разочарованная в прошлогодних опытах механического соединения левых форм со своей сценической техникой, Первая студия увидела освобождение в разрушении режиссерской власти и самодовлеющем актерском творчестве. Немирович-Данченко увидел возможные пути в музыкальной стихии. Вахтанговская формула внутреннего оправдания и

рождения новых сценических форм в «Лизистрате» нашла новое применение: вплоть до конструктивных построений Рабиновича, развившего в этой постановке проповедуемые им принципы сценической архитектуры. В Аристофановой комедии Немирович-Данченко пытался вскрыть то, что составляет основу творчества Аристофана и зерно его фарсов. Игра о Лизистрате, распускающей войско, была взята в высоком и патетическом тоне с большой и сосредоточенной радостью, которая заставляла забывать необработанное слово, невысокие сценические достоинства исполнителей, оперность музыки, декадентский отпечаток танцев. Может-быть, многое из того, что волновало на представлении «Лизистраты», теперь покажется неубедительным. Принципиальное значение этого спектакля важнее его реальных достижений. Этот спектакль в гораздо большей степени — обещание, чем достижение. Он утверждал возможность создания героического театра обновленными методами Художественного театра.

На тех же принципах Вахтангова построена постановка «Женитьба» Ю. А. Завадским в Третьей студии,—постановка квалифицированная театральной Москвой в качестве неудачной. Неудачными были: неверно взятый темп спектакля, неорганичная комедии музыка, неоправданная игра света, обратившаяся в световые эффекты, недостаточный учет актерского материала, чрезмерная подчеркнутость режиссерского замысла, в одно и то же время и двойственного, и зыбкого. Тем не менее, значение этого сценически неоформленного спектакля несомненно: театр снова захотел говорить о существенных и важных вещах, пытаясь раскрыть в гоголевской комедии основное зерно гоголевского мироощущения и миропонимания. Катастрофа спектакля была не только в его сценических недочетах, но и в недостаточной смелости режиссера, не преодолевшего лежавшего перед ним материала. Вместе с тем самый замысел был не до конца осознан, соединяя черты настоящего ощущения Гоголя—автора «Петербургских повестей» с давно отцветшими литературными толкованиями Мережковского и Розанова. Впрочем, иные ошибки и неудачи значительнее громких побед.

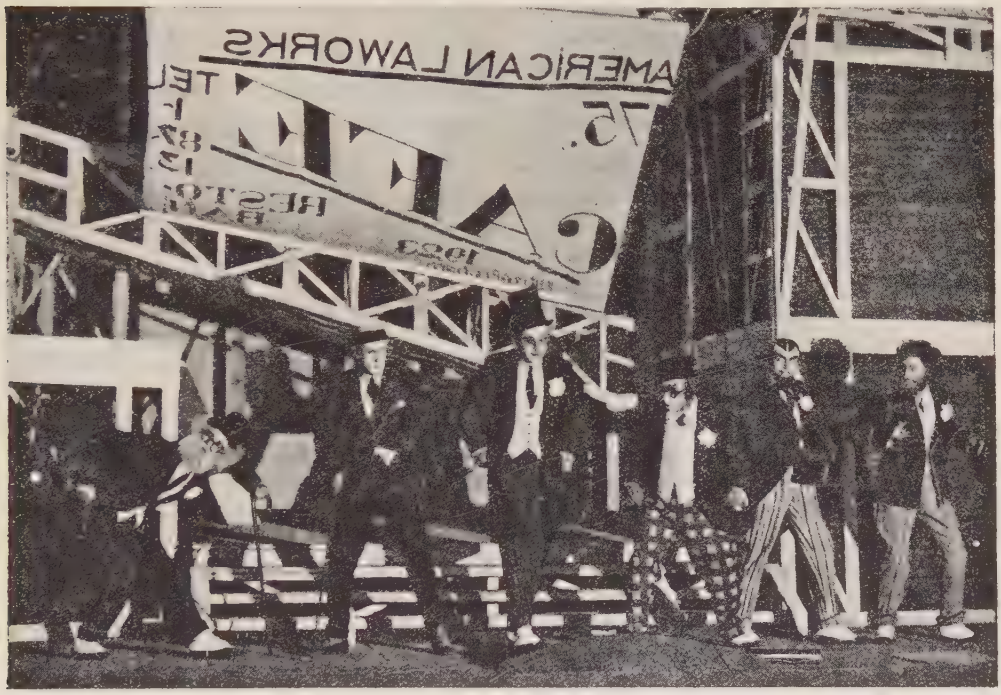
4.

В сезон 1923—24 г. Камерный театр вступил, вернувшись из заграничных путешествий. Для Камерного театра это путешествие означало переломную грань, знаменующую пересмотр и переоценку своего мастерства, с одной стороны, лежащих перед театром задач—с другой. Эта переоценка должна была привести и к опытам новых сценических построений и к постановке пьес ранее чуждых Камерному театру. Урбанизм «Человека, который был Четвергом» в области сценической техники и национальная трагедия «Грозы» в области новых духовных поисков стали этапами, определяющими жизнь Камерного театра. Камерный театр выковал свое лицо и свои приемы в годы эстетической борьбы. В своей преданности актеру и сцене он часто был жесток и несправедлив. Освободив театр от привходящих нетеатральных элементов, он стремился к искусству предельной театральности. Ни в каком другом театре не были так ясны одновременно сила и беспомощность самодовлеющего театрального искусства. Вряд ли можно теперь отрицать существенную его роль в истории русского сценического искусства—при всем увлечении Камерного театра формальным анализом актерской игры и ставшими теперь штампованными эстетическими приемами. Текущий сезон стал для Камерного театра временем расплаты и расчета с прошлым и заявки на будущее. И «Четверг» и «Гроза» не оказались крупными эстетическими завоеваниями, но для внутренней жизни Камерного театра эти постановки, в особенности «Гроза», действительно, имеют значение поворотных пунктов. Нельзя было ожидать, чтобы Камерный театр в течение одного сезона сразу легко и беспрепятственно встал на новые пути. Для Камерного театра наступила пора внутренней борьбы и работы.

И в «Четверге» и в «Грозе» явно сказались опасности и достижения намечаемых Камерным театром новых для него путей. С одной стороны, Камерный театр

приступил к поискам сценической техники, более упрощенной по сравнению с обычными приемами своей игры, выработанными на постановках пьес Скриба, Уайльда, Гофмана и др.

Если основной задачей для Малого театра должно явиться им недостигнутое очищение традиций и вольное творчество на их основе, а для Художественного театра намеченное преодоление психологизма и органическое рождение новых сценических форм, то для Камерного театра такой основной задачей является декларированное им преодоление эстетизма,—преодоление, которое должно охватить и актерское исполнение, и режиссерскую трактовку, и выбор репертуара—и к которому сделан только первый шаг. Отсюда упрощение сценической техники стало столь важным для Камерного театра. Пока оно не достигнуто: в «Четверге городская современность, лифты, движущиеся тротуары, весь великолепный макет Веснина не в силах скрыть за изощренностью городской походки актеров, за простыми и сжатыми движениями остатки старого Камерного театра—изысканность поз и напевную речь. Точно так же и в «Грозе», где Камерный театр идет по путям «Федры», искомая им строгость новой простоты исполнения сплетается с традициями исполнения Расина и Гофмана у одних и с обычной актерской техникой—у других. Вместе с тем Камерный театр идет по пути упрощения макéта, костюма и всего сценического оформления.



Камерный театр. «Человек, который был Четвергом». Режиссер—А. Я. Таиров. Художник—А. А. Веснин.

Рационализм остается, однако, существенной чертой миропонимания и мироощущения Камерного театра. Изгнавши в свое время из театра его метафизические основы, Камерный театр и в «Четверге» и в «Грозе» дает в гораздо большей степени образцы привычного для него рационалистически-отвлеченного и специфически-театрального комментирования пьес, чем действительного раскрытия их общественного и внутреннего смысла, к которому он теперь стремится. Самое яркое из исполнений текущего сезона в Камерном театре—Катерина, Алиса Коонен отмечена соединением рациональ-

стического толкования образа с глубоким постижением отдельных мест роли. Точно так же и вся национальная стихия трагедии Островского передана Таировым в плане обобщенной трагедийности, при которой и социальные, и психологические бытовые основы творчества Островского остаются затронутыми в очень малой степени. Принципиальное и общественное значение этого сезона для Камерного театра в том мужестве, с которым он приступил к переоценке и очищению своего театрального творчества. На путях этой переоценки Камерному театру больше всего повредит двойственность и неокончательность в проведении своих задач. И «Четверг», и «Гроза» могут быть приняты, как первый и существенный (после «Федры») шаг, в котором выясняются достоинства, недостатки и трещины Камерного театра, а не как большие и самодовлеющие эстетические завоевания театра, заявляющего право на передовые позиции в русском сценическом искусстве и действительно являющегося театром большой театральной культуры и верности мастерству актера.

О других московских театрах, в частности, о театре левых фронтов, о постановках Мейерхольда и Эйзенштейна—в следующем очерке.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ.

Федоров-Давыдов.

Если и в прежнее время Москва, несмотря на явно преобладавшую роль Петербурга, все-таки никогда не опускалась в своей художественной жизни до роли провинциального города, всецело живущего тем, что идет из столицы, тем более естественно, что ныне она стала художественным центром. Поэтому уяснить себе художественную жизнь Москвы — значит уяснить состояние почти всего современного русского изобразительного искусства.

Когда мы бросим общий взгляд на художественную жизнь этой зимы (октябрь—март) в Москве, нас прежде всего поразит странный факт. Чрезвычайно интенсивная в своих внешних проявлениях художественная жизнь на ряду с почти полным отсутствием внутренней подлинной жизни, живого и органического развития. В самом деле, мы давно уже не наблюдали такого количества художественных выставок. Если считать только с осени, то за это время были выставки: «Группы 5-ти художников», «Группы художников-станковистов», 2-я выставка «Маковец», 6-я выставка «АХРР», «Революционный плакат за 6 лет», «Конкурсная, проектов памятника Островскому», выставка «Жизнь — Творчество», «Ассамблея», «Выставка, устроенная об-м Красного Креста». Сверх того: открытие памятника Тимирязеву на площади Никитских ворот, выставка «Английской гравюры XVIII века», целый ряд диспутов на темы об искусстве, целых 5 журналов по искусству («Русское Искусство», «Леф», «Художник и Зритель», «Художественный Труд», «Искусство и Промышленность») и т. д. и т. п.

Казалось бы: изобразительные искусства процветают, художественная жизнь бьет ключом. Казалось бы, что вот, наконец, когда миновали годы напряженной борьбы, разрухи и голодовки, в которые было не до искусства, вместе с оживлением всей культурной жизни ожило и искусство, и перед нами—начало великолепного развития нового живописного и скульптурного стиля. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что за этим «количеством» скрывается очень и очень немного подлинного качества.

Русское изобразительное искусство переживает сейчас жесточайший кризис, и наши выставки, вся наша художественная жизнь—лучший показатель этого кризиса.

Сущность этого кризиса состоит в потускнении надежд на создание единого и монолитного пролетарского, революционного и т. д. искусства. Сознание факта непригодности для выполнения этой задачи как левых, так и правых художественных групп, разочарование при виде целого ряда неучтенных векселей, выданных в счет обещаний и деклараций, и вместе с тем боязнь мелкобуржуазного, нэповского засилья в современном изобразительном искусстве порождают растерянность. Потеря ясных позиций мало искупается стремлением к объективности и средней равнодействующей, которую стремятся занять «Художественный Труд» и «Художник и Зритель».

Левое искусство, в эпоху революции сменившее прежние дореволюционные живопись и скульптуру и провозгласившее себя новым, революционным искусством, ныне само объявляет себя вне искусства. Обозвав презрительно все старое искусство «станковизмом», левые объявили свое искусство производственным, и задачи отображения и организации вещей и явлений заменили задачами «конструирования» и изобретения новых вещей. Фактически это вылилось в рисование вывесок для «Моссельпрома» и изобретение новых форм чайной посуды на Государственном фарфоровом заводе,—посуды, совершенно неприемлемой и неутилитарной. Это лучше всего доказывается тем фактом, что ее никто не покупает, не потому, что она очень дорога, но потому, что она плохо приспособлена для употребления.

Так или иначе, но наши левые художники оказались ныне вне искусства, и если они нашли себе идеологическую лазейку в утверждении ненужности искусства для современности, то для тех, кто не разделял этих их голословных утверждений, положение создалось критическое. Мы живем сейчас не в будущем внеклассовом государстве, у нас еще не коммунизм, а только переходная эпоха, которая будет, вероятно, весьма длительной. Таким образом, если даже и согласиться с утверждением «комфутов», будто в будущем обществе искусства не будет, то все же надо признать факт, что в настоящее время оно есть и ему суждено играть значительную общественную роль. При этом нет оснований утверждать, что его прежние основные формы ныне мертвы и современностью не приемлются.

Этот развал левого искусства, обусловленный тем, что в безудержности чисто формальных исканий была потеряна подлинная художественная «идея формы», использовали представители как раз обратного течения в искусстве, реалисты, жанровики, чтобы также выступить претендентами на революционное, пролетарское и т. д. искусство. В 1921 году появилось «Новое общество живописцев», в сокращении «Нож», правда, быстро сошедшее со сцены. Художники «Ножа» стремились, в противоположность левым, «исходить из содержания» и «тем самым освободиться от власти формы, незаметно вовлекающей в область узкого профессионализма и отрывающей от современности и жизни» (декларация). Фактически же эти стремления свелись к тому, что художники «Ножа» смогли представить публике целый ряд жанровых сцен на темы современного быта, весьма посредственно написанных и в смысле техники являющихся упрощенным и вульгаризованным повторением старых задов французского пост-импрессионизма. Ничего нового, ничего соответствующего духу времени в них не было абсолютно, да и быть не могло, а почему — о том ниже.

Значительно более сильной и живучей оказалась другая группа нео-реалистов — «Ассоциация художников революционной России», чья уже шестая выставка состоялась не так давно. О себе, как о зачинателях будущего искусства, они говорят с трогательной откровенностью: «Признавая преемственность в искусстве и на основании современного миропонимания мы, создавая этот стиль героического реализма, кладем фундамент общемирового искусства будущего, искусства внеклассового об-

шества» (Каталог, стр. 4). Как видите, притязания не маленькие и к весьма многому обязывающие. Что же мы видим на деле? Задачи современной живописи поняты этими художниками как задачи изображения отдельных моментов русской революции, быта революционных лет и прославления труда. Задачи очень современные и очень почтенные. Но когда мы попадаем на выставку, то в первую минуту даже не понимаем, где мы, на выставке АХРР'а или у «Передвижников». Тот же анекдотический, «литературный» подход к изображаемому, то же полнейшее пренебрежение к живописному материалу и ремеслу. Бесконечные ряды «Взятий Зимнего дворца», «Застенков у белых», «Степанов Разиных» и вариантов внутренностей заводов, этих плохих копий с тоже не первоклассного художника Касаткина. Разумеется, при таком старом, давно себя пережившем подходе к русской революции, она осталась вне поля зрения художников. Величайшие потрясения революционных лет, весь пафос и героика русской революции сведены здесь к жанру, ничего не говорящему ни уму ни сердцу. И странным кажется, что такой знаток живописи, как Тугендхольд, усмотрел в ней истоки новой живописи. Он исходил из того положения, что здесь имеется правильно понятое содержание и что, держась его, художники, восприняв все достижения живописи последних лет, создадут новый стиль.

Это положение в корне ошибочно, так как художники АХРР'а не в состоянии воспринять этого живописного мастерства. Они прежде всего не живописцы, и их картины прежде всего не искусство. Суждение искусства есть все же, в конце-концов, суждение качества, а это качество попросту отсутствует у АХРР'овцев. Они из рук вон плохо рисуют, и их появление возможно только в такой лишенной прочных живописных традиций стране, как Россия. Являясь эпигонами передвижничества, они, как и всякие эпигоны, бесконечно слабее своих предшественников. Те, в конце-концов, более или менее искусно выполняли свою задачу создания иллюзии реальной действительности.

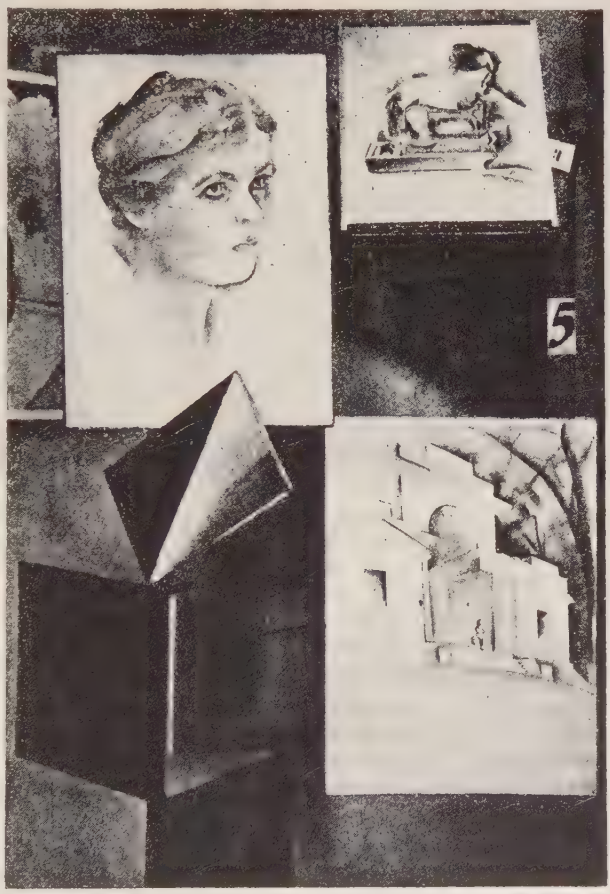
Основная черта АХРР'овцев, которая ставит их вне живописи, так же, как и художников «Ножа», заключается в отсутствии у них специфически живописного мировоззрения. Живопись есть особая и своеобразная манера миропостижения, характерная тем, что явления реального мира воспринимаются художником как живописные идеи. Эти идеи и составляют то, что марксистская эстетика называет идеологией живописи, «идеей живописного произведения искусства». И если левые художники пришли к потере живописной идеи через крайний формализм, то правые, жанровики, попросту никогда ею не обладали.

У АХРР'овцев есть, конечно, свои достоинства, собственно,—почти те же, что были в свое время и у передвижников: во-первых, они органически связанная группа, единственно цельная в наше время, а во-вторых, они провозглашают верную в сущности мысль о необходимости отразить современность, быт революционных годов и новый, только еще нарождающийся. Но беда в том, что все это только в потенции, только в декларации. Вместо *живописной* школы только чисто интеллектуальная группировка, в манере же письма—полный разброд. «Содержательная» живопись понята, как жанр, т.-е. как самый типичный по своей индифферентности к изображаемому, по полному отсутствию всякой «идейности» род живописного подхода к изображаемому объекту.

Идеологически правильный клич практически так неверно и плохо осуществляется, что грозит дискредитировать как раз то, что он стремится, наоборот, пропагандировать.

Живопись этих «нео-передвижников» может сейчас базироваться только на весьма ограниченной кучке интеллигенции, далеко стоящей от жизни искусства, которая, утомленная «ошарашиваниями» абсолютно для нее непонятной левой живописи, удовлетворяется этими, пускай посредственными, но все же понятными картинками. Контингент публики АХРР'а, это—старые читатели «Нивы» и «Огонька», в достаточной мере чуждые всякой общественной жизни, которым в сущности все равно,

что смотреть: «Девушек в Крыму на террасе» Виноградова или «Взятие Зимнего дворца» какого-нибудь из художников АХРР'а. Теперь, когда быт входит в более или менее нормальные рамки, когда буря революции уже не путает их, они далеко непрочь поглядеть картинки, изображающие события революционных лет. Благо это только жанр, в котором нет ни капли подлинной революционности, так как в живописи революционность может быть выражена только живописными приемами, при отсутствии каковых даже самая революционная тема остается только невинной жанровой картинкой.



«Жизнь—Творчество». В. А. Большаков.—Витрина рисунков: швея, работница и миловида.

Гораздо более непритязательными, а потому и очевидными в своей социальной сущности являются все остальные более мелкие художественные группировки, выставлявшиеся в этом сезоне. По своему художественному credo они являются как бы промежуточными между левыми и АХРР'ом. Они все очень пестры по своему составу и ни про одну из них нельзя сказать, что это—школа. Просто порою даже совершенно различные, в смысле художественном, мастера, но почему-то образовавшие группу, выставляются вместе в одном зале. Правда, можно все-таки уловить какой-то общий тон выставки. Так можно было бы сказать, что «Маковец» в общем находится под сильным влиянием экспрессионизма, при чем от экспрессионизма взята не его динамичность и острота, не его протест, а его мрачный пессимизм, его угнетенное настроение, его подавленность ужасами жизни. Картины сплошь заполнены асфальтовыми и землистыми тонами, ни одного яркого пятна, ни одной чистой краски. Отсюда же и стремление к некоей монументальности, архитектоничности, яснее всего выраженное в работах Чернышева. Группа «Жизнь—Творчество» совсем уже живописно примитивна. И если иногда попадаются какие-то отголоски сезаннизма (без которых в сущности, не обходится сейчас ни один из русских художников), как, напр., в nature morte Мрочковского и в его же автопортрете, а отчасти у Малявкина в смысле насыщенности формы, то в общем вся выставка ближе всего к «Союзу». Та же полнейшая «беспартийность», тот же бесхитростный реализм. Милые картинки, написанные свежо и приятно, но зато уже действительно безнадежно-«станковые» в том смысле, какой ему придают левые. Характерно для легкости подхода этой группы к формальным проблемам, совершенно для них непонятным в их внутренней сущно-

«Жизнь—Творчество». А. Ф. Андронов.—«Устали» (клей).

сти и рассматриваемых просто как ловкие приемы, то, как восприняла эта группа конструктивизм и что от него взяла. Так, Соколов-Аси, нарисовав самые обыкновенные костюмы к Демону, вдруг кое-где на них налепил гофрированную папиросную бумагу и кусочки жести. Большаков помещает свои реалистические рисунки на конструктивной витрине (*см. рисунок*) и делает стилизованный портрет Ленина на манер супрематизма, который у него больше похож на цветную аппликацию. Эта «стилизация» левых исканий чрезвычайно типична, как показатель того, как глубокомысленные искания, долженствующие, по их мнению, «конструктивно-организовывать», отражаются в понимании публики, потому что художники «Жизни—Творчества» именно и подошли к ним, как подходит публика, т.-е. как к «стилизации».

Если взять в целом все эти выставки—«Ассамблеи», «Маковцы», «Группу станковистов», «Жизнь—Творчество» и др., то можно определенно сказать, что эти новые группировки, сменившие старую дореволюционную живопись, поражают своей глубокой художественной некультурностью, своим отсутствием живописных традиций, глубоким упадком мастерства. О скульптуре даже и говорить не приходится. Если на живописных выставках скульптура вообще никогда не являла каких-либо больших достижений и потому нельзя требовать этого от скульптур на современных выставках, то специально-скульптурная конкурсная выставка проектов памятника Островскому с безжалостной ясностью показала весь упадок скульптуры в наши дни. В проектах памятника ясно было видно полнейшее отсутствие творческого замысла, незнание материала, неумение комбинировать скульптуру с окружающей атмосферой, бессилие перед задачами монумента, как большого монолитного сооружения. Да что говорить об этой выставке, когда у всех на глазах великолепный пример—памятник Тимирязеву, этот глупый столб, неизвестно зачем поставленный среди

«Выставка, орг. Об-вом Красного Креста». И. Машков. — «Nature morte».

огромного пустого пространства, которое автор не сумел никак использовать.

Бродя по этим выставкам, остро чувствуешь их поразительную ненужность. Ну, кому может быть нужен всерьез такой детский лепет, с трудом повторяющий зады «Союза» и «Мира Искусства», какой, например, представляет собою «Ассамблея»? Кому нужны все эти этюдные пейзажики, восходы и заходы, interieur'ы и nature morte'ы. Разве только какой-нибудь «нэп» купит иногда пару картинок для украшения своей гостиной, и они будут висеть на ряду с лубочными «картинами», купленными в писчебумажном магазине. Это—подлинный станковизм, подлинное «изображательство», далекое совершенно от подлинной реальной жизни, ею незатронутое, ее не воспринимающее и рисующее какие-то пейзажики и nature morte'ы.

Это—типичное мелкобуржуазное искусство, отражающее собою примитивные и художественно-некультурные вкусы современного нам нэп'а. Этого засилья, знаменующего собою глубочайший упадок живописи, мы должны больше всего бояться и больше всего против него протестовать.

Но что весьма показательно и что дает возможность некоторой надежды, это—определенное стремление к реализму, которое является сейчас наиболее сильной тенденцией русской живописи и которое очень ярко выявляется на всех выставках этого сезона. В самом деле, если откинуть одну только бывшую в октябре выставку «Пяти художников» с ее мистически-декадентскими картинками, все остальные обнаруживают это стремление чрезвычайно интенсивно. Все, что есть на этих выставках наиболее удачного, наиболее талантливого, сделано в духе реализма. На «М ковце» самые удачные вещи — это рисунки Герасимова и его «Крестьяне», АХРР и «Ассамблея» реалистичны сплошь и до конца, «Жизнь—Творчество»—это наивный реализм, простой и безхитростный и потому, в конце-концов, даже и приятный, как, напр., работы Андронова и Малявкина. Характернее и показательнее всего для этой реалисти-

«Выставка, орг. О-вом Красного Креста». П. Кончаловский.—«Нагая женщина».

ческой тенденции «Выставка, организованная об-вом Красного Креста». Участники ее — прежний «Бубновый Валет»: Машков, Кончаловский, Лентулов, Рождественский, Осмеркин и др. Это— все старые русские сезанписты,—те сезанписты, из которых выросли и кубисты и супрематисты,—сезанписты, которые отрицали и сюжетность, и реализм, и всякие такие ереси. Но вот теперь Машков выставляет свои обычные nature morte'ы, но какой это огромный отход от его прежней манеры в сторону самого чистейшего натурализма, с выписыванием фруктов и овощей «чтобы понатуральней», с их явным уклоном в сторону старых голландцев. Кончаловский, самый большой мастер современности, которого никак нельзя упрекнуть в художественной некультурности, который воспитан на традициях французской живописи, выставляет свои «nues», явно навеянные старыми итальянцами Тицианом и Джорджоне. Глядя на эти классические женские фигуры, кажется, будто не знали никогда русские художники Матиссовского «Хоровода» и т. п. Но это только так кажется, потому что мазки, чистые тона, монументальность формы, все это—от французского импрессионизма. Тот же реализм в сочетании с традициями французской живописи второй половины XIX века выявляют и бесспорно талантливо сделанные вещи Рождественского. Лентулов, этот столп «Бубнового Валета», представил самые подлинные реалистические портреты [1]).

Реализм и сюжетность художников «Бубнового Валета» весьма знаменательны в том отношении, что они коренным образом опровергают возможность выводить стремление к реализму у всех вышеперечисленных групп из их художественной некультурности. Ведь если бы даже и можно было утверждать, что «Маковцы» и «Ассамблеи», отражающие вкусы современной мелкой буржуазии, реалистичны только потому, что они в художественном отношении

[1]) Страшно характерен, как искание сюжетности, «Старик» Кончаловского, в идеологическом (но не живописном) смысле представляющий собою почти возврат к передвижничеству.

«Выставка, орг. Об-вом Красного Креста». П. Кончаловский.—«Старик».

еще не доросли даже до «Мира Искусств», не говоря уже о всяких левых «изм'ах». Ведь если про них можно думать, что они, так сказать, живописные младенцы, как культурные младенцы—наши современные буржуа, то про «Бубнового Валета» этого, конечно, сказать нельзя. Если АХРР имеет своей публикой читателей «Нивы» и «Огонька», если «Маковцы», «Ассамблеи» и т. д. предназначены для малограмотной современной буржуазии, то «Выставка, устроенная об - вом Красного Креста», это — единственная выставка, достойная такого названия в устах людей, *знающих и понимающих искусство*,— людей большой живописной культуры. Эта выставка имеет своей публикой высококвалифицированную буржуазную интеллигенцию, и если мы говорим сейчас о «Художественном» театре как об «Академическом», то и эта выставка тоже может быть названа академическою.

Раз художники-идеологи этих трех таких различных групп обнаруживают явное стремление к реализму, то это—факт весьма значительный и показательный. Он определенно доказывает, что в дальнейшем развитии живописи место принадлежит реализму. Конечно, не реализму «Бубнового Валета» и тем менее реализму АХРР, но какому-то новому реализму,—реализму в смысле его близости к жизни, в смысле его стремления отображать вещи и явления так, как они есть, так, как они представляются реалистически мыслящему человеку, далекому от стремлений постигать в вещах их «внутренние сущности» и метафизические значимости.

Для нас, марксистов, понимающих искусство, как своеобразный вид идеологии, этот факт обозначает, что искусство ближайшей к нам современности, если ей только дано будет, вопреки предсказаниям левых, иметь искусство в том смысле, как мы его раньше понимали,

«Выставка, орг. О-вом Красного Креста». Рождественский. — «Дама в зеленом».

будет искусством реалистическим, ясным и простым, отражая собою такую же ясную и простую, лишенную всякой метафизичности психику людей современной, новой России.

Ведь совершенно ясно, что эти три вышеперечисленные группы: мелкая буржуазия, квалифицированная интеллигенция высокого типа и «пиджачная», по выражению Г. Успенского, интеллигенция чиновнического типа не являются теми, которые задают тон жизни. Наоборот, они сами, для того, чтобы существовать, должны как-то подлаживаться к современности, пускай извращенно и по-интеллигентски, но пропитываться ею. И если их живопись стремится сейчас к реализму, то это показывает, что она, быть-может, бессознательно, учитывает потребность подлинной современности, подлинно задающих тон групп к реализму, и, обязанная с этим считаться, тоже стремится быть реалистической.

АХРР, например, неоступленно доказывает свою революционность. И если АХРР'овцы-реалисты, то потому, что они глубоко убеждены — и отчасти правильно,— что они в этом своем реализме скорее будут поняты рабочими и молодежью, нежели все Татлины и Малевичи. Мы живем сейчас в переходную эпоху, когда, как это показала жизнь, расчеты на немедленное создание единой пролетарской культуры и такового же искусства преждевременны. Но поскольку наша эпоха является не только эпохой отмирания старой культуры, но и эпохой созидания новых ценностей, — ценностей переходного периода, мы в праве ожидать от нее и своего искусства, в том числе живописи и скульптуры. Ведь если в художественной жизни ближайшей эпохи огромное место будет уделено художественному культурничеству, приобщению

широких масс к искусству, то, с другой стороны, в ней будет и какое-то уже не только культурническое, но и большое подлинное искусство,—искусство новой, революционной пролетарской интеллигенции, имеющее в своей основе преодоление старых живописных достижений, отличное от старого искусства широтою своей аудитории, своей доступностью, своим подлинным демократизмом.

В деле приобщения широких масс к искусству, на ряду с чисто педагогической работой, в этом направлении огромную роль сыграли и будут еще играть плакаты и листовки. Чрезвычайно интересною в этом отношении была выставка «Русский революционный плакат за 6 лет». Представленная на ней эволюция плаката ясно показывала, как рожденный агитационной необходимостью, первоначально совершенно нехудожественный плакат с течением времени становился все более и более художественным, вырабатывая свои особые плакатные свойства, создавая свое особое плакатное искусство. И современный русский плакат является уже высоко-художественным, не только не уступающим в этом отношении иностранному, но даже зачастую и превосходящий его.

Заканчивая наш обзор, резюмируем в кратких словах его основные мысли. Изобразительные искусства переживают сейчас острый кризис, но в нем уже чудятся новые возможности для живописи и скульптуры как таковых, а не конструктивизма. Намечается тенденция к живописи реалистической, простой и понятной, с ярко выраженной живописностью. Это новое искусство будет искусством преимущественно городских классов, с новым умонастроением и новой психикой. Ни современное правое, ни современное левое искусство не пригодны служить им, и они вырабатывают свое новое искусство, первые, быть может, еще и очень недостаточные проблески которого мы можем усмотреть в работах нашей современной молодежи из художественных Вуз'ов. На ряду с развитием этой живописи будет итти внедрение в широкие массы художественного чутья и выработка нового стиля в художественной промышленности. И, быть-может, где-нибудь там, в отдалении, обе эти линии сойдутся и образуют новый и большой, невиданный еще монументальный стиль, — стиль нового и более совершенного, нежели наше, человеческого общества.

V. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ.

Л. Сабанеев.

I. Большой театр. II. Опера Зимина. III. Концерты. IV. Композиторы.

I.

Большой театр, это—нечто в роде прежней Турции в европейском концерте держав, это—«больной человек» и, повидимому, так же, как по отношению к тому больному человеку, так и к этому, все дело ограничится одними разговорами и критиками, но не реальным делом. Тут столкнулась такая масса частных интересов и интриг, что никакое сдвижение с места немыслимо—на всякое действие немедленно находится мотивированное противодействие. Лично нам представляется, что академическая сцена *должна* быть совершенно *непохожа* на свое нынешнее состояние, что она должна поставить целью обслуживание *музыкальной драмы*, как искусства, и задачу вовлечения в круг музыкальных потребностей новых слоев, для чего именно *опера* оказывается тактически наиболее подходящим орудием. Большой театр должен был бы стать центром, который бы диктовал вкусы и направлял их, который бы

организовывал самое творчество оперы и музыкальной драмы в направлении, требуемом идеологией революции. Но для этого нужны новые люди, музыканты, композиторы, а не чиновники; притом нужны люди с широким кругозором, а их не так много. Организовать ряд заданий для композиторов в целях революционно - агитационного искусства, поставить ряд (хотя бы небольшой) новых высоко-художественных и интересных постановок, организовать вовлечение новой публики в круг музыкального сознания, это—задачи благодарные и такие, на которые *стоит* тратить государственные деньги. Эти задания можно было бы частично *компенсировать* небольшими уступками новой публике,— уступками в виде постановки вещей массового спроса, которые дали бы возможность обернуться со средствами. Но для этого нужны новые силы, а не тот склад артистических строительных материалов, с которым оперирует театр, все более и более обращающийся в богадельню для призреваемых государством и в угрожающем числе умножающихся «народных» и «заслуженных» артистов.

То, что сделано театром за последнее время, подлежит относительной оценке. Постановка «Шехеразады» в балетном плане выполнена неуверенно и претенциозно с сильным наклоном в сторону рыночных вкусов к «массовой порнографии»; эта постановка, отнятая у оригинального при всех своих недостатках и горячего режиссера Таирова, кому она ранее поручалась, и исполненная «внутренними силами» театра, совершенно лишена была художественной концепции: это оказалось простым техническим собранием трюков. Приблизительно таким же трюком оказался и «Золотой Петушок», в котором перевернули все действие вверх дном (или, как теперь принято говорить, «дыбом»). Из прекрасной и художественной *политической сатиры*, какой является «Петушок», его переделали в нечто малопонятное, при чем густо-карикатурное и гротескное. Удивительно, что даже в тех редких случаях, когда нам *дается* произведение, как бы *само сделанное* я агитативных заданий, — у нас не еют им воспользоваться.

II.

На ряду с большой сценой, частная опера *Зимина* влачит туберкулезное существование. Совершенно непонятна идеология этого учреждения. Это, повидимому, не «художественное предприятие», ибо оно органически лишено стремления к художественности. Это не агитативное предприятие, ибо оно есть определенно - предпринимательский акт. Это и не практическое предприятие, ибо оно дает одни убытки. Очень трудно потому подойти к нему с какой бы то ни было меркой и оценкой. Видимо, вся идеология сводится к тому, что некоторой группе лиц очень хочется ставить «просто оперы». Но, лишенная своих вкусов и понятий, эта группа не знает, что же надо, собственно, ставить и кому нужны эти постановки. Как и в прошлом году, зиминская сцена обслуживает слои «кинематографической» публики, которая наполняет или не наполняет театр не столько в зависимости от репертуара, сколько от метеорологических условий, и во всяком случае теоретически предпочитает хорошую прогулку по бульвару слушанию какой-нибудь «Мазепы». Художественной идеологии у оперы не образовалось, попытки ее реформировать к лучшему, произведенные осенью, натолкнулись (совершенно, как в Большом театре) на внутреннее сопротивление. Является совершенно непонятным и «экономическая позиция» театра. Артисты, под формой того, что это учреждение «идейное» и «бездоходное», получают гроши, далеко не добирая ставок, тогда как фактически группа лиц живет этим театром, а его «идейность» более чем проблематична. В текущем сезоне театр поставил «Нерона» Рубинштейна—старую слабую оперу, которая могла бы иметь успех только в грандиозной постановке, на которую театр не способен, и то не в наши времена, а в прежние, когда был спрос на эту помпезность и мишуру. После «Нерона» шел «Князь Серебряный» доктора - бактериолога *Триодина*; опера, не лишенная музыкальности, но изумительная по своей полной старомодности как в области художественной идеологии (натурали-

стический национализм), так и в области техники (музыка, скроенная из разных перепевов старых опер). Для доктора и любителя все-таки этот опыт недурен, а для кино-публики театра она показалась даже светлым пятном на общем фоне. Следовавшая за нею «Плач Рахили» Дудкевича, на текст Крашенинникова, относится к числу тех ненужных художественных явлений, которых появление надо рассматривать, как нечто отрицательное. Немногим выше по качеству музыкальной части «Трильби» покойного композитора Юрасовского. Написанная на сценический сюжет, она «сделана» хорошо, но музыка ее оставляет желать многого, это—слабый эпигонизм Чайковского. Все же из всех «новых постановок» это наилучшая. Хотя в числовом отношении опера Зимина дала несколько очков вперед Большому театру, но в области художественной она не достигла и его уровня,—все постановки отмечены печатью *малой даровитости* и часто просто бездарности, хотя, как часто именно в этих случаях бывает, никак нельзя отрицать, что «усилий и трудов» было положено много. Вообще тут видно желание работать, неумение организовать работу и низкий уровень интеллектуальности,—все вместе, дающее впечатление не столичной сцены, а какой-то глухой провинции с гастролями халтуристов.

Наше мнение об этой опере печально: мы не видим никаких надежд в будущем. Думаем, что самое это здание оперы, столь удобное для театра, большое и поместительное, могло бы быть с большим успехом использовано под оперное предприятие совершенно иного типа,—именно под большой театр оперы для широких масс, своего рода «народный дом», и в таком народном доме могли бы найти себе приложение и более широкие художественные и агитативные задания, предъявляемые к оперной сцене.

III.

Симфоническая музыка в сезоне была несколько парализована и сконцентрировалась только в *Большом театре*. Симфонические концерты последнего были единственным пристанищем симфонизма, но и в них чувствовалось, насколько зыбок экономический фундамент русского концертного симфонизма. Гастроли «иностранцев»—Фрида и Бр. Вальтера—представили значительный интерес, но энтузиазма не вызвали: программы их концертов были либо не новы (Бетховенский цикл), либо просто мало содержательны (фантазия Бузони, симфония Малера). Лучшим концертом был «Листовский» (Фрид). Попытки нового заведующего муз. частью в театре, Б. Красина, оживить репертуар наталкивались на упорное отсутствие денег для сколько-нибудь интересных музыкальных предположений. Все же кое-что удалось в этом направлении сделать. Так, прекрасно прошел концерт из сочинений Скрябина (дирижер Купер, который нисколько не уступает «знатным иностранцам»), при чем труднейший «Прометей» звучал на этот раз наиболее отчетливо и уверенно, чем в каком бы то ни было из прошлых исполнений этого сочинения, даже включая исполнения Кусевицкого, выделявшиеся своей утонченностью. Концерт из произведений «новых композиторов» (Мясковского, Прокофьева, Стравинского) осуществился (если так можно выразиться) только *формально*, ибо исполненные произведения были все мало характерны для исполнявшихся композиторов, за исключением одного концерта (первого) Прокофьева, с увлечением переданного Фейнбергом, нервная артистическая субстанция которого так причудливо диссонирует с примитивными, дикарскими ритмами Прокофьева. Видимо, даровитый пианист именно в этой примитивности наслаждается антитезой со своим собственным художественным чувством. Симфония Мясковского (пятая) малооригинальна, она в сущности эпигоническое явление по отношению к Глазунову и отчасти Чайковскому, но сделана мастерски. Симфония же Стравинского могла лишь послужить примером того, насколько часто композитор в своем дальнейшем развитии уходит от своего первоначального: это — плохой Глазунов и ничего более, музыка, чтобы не

сказать более, просто бездарная, ловко, но не колоритно инструментованная. Чтобы представить творчество новаторов, было бы желательно услышать не эти вещи, а «шестую» симфонию того же Мясковского, или последние сочинения Прокофьева, или новые вещи Стравинского, написанные после «Весны Священной». Но—увы!—на все это нет денег, нет нот, нет репетиций и все прочее...

Сезон ознаменовался возрождением замершего было «Персимфанса», первого симфонического ансамбля без дирижера. Начинание это сильно потеряло за последний год в свежести впечатления. Самое печальное в «Персимфансе», это—его «неэкономичность»; он достигает, правда, прекрасных результатов, но ценой огромных усилий, которые не имеют места при участии дирижера, и, кроме того, мир *новых сочинений* для него, повидимому, безвозвратно закрыт—он не решается даже приступать к ним. Это естественно: для нового сочинения требуется разучивание под руководством, если не дирижера, то «режиссера», а его Персимфанс пока не выделил из своей среды и не приглашает со стороны—и таким «режиссером», естественно, должен быть некто из породы тех же «дирижеров», которые отвергаются идеей Персимфанса. Получается некоторый замкнутый круг, из которого выпутаться очень трудно.

Отдельные концертанты, выступление которых стало в сущности своего рода героическим подвигом, ибо все эти концерты в массе своей, за редкими исключениями дают один убыток, были, тем не менее, довольно многочисленны и показывали этим, как велик импульс к самому *концертированию*. Исполнитель без выступления, это—бессмыслица, и всякий это остро чувствует. Многие, однако, просто из экономических соображений отказываются выступать при создавшихся условиях. Например, совершенно замолк превосходный скрипач *Блиндер*, один из лучших не только в Москве, но наверное и во всей Европе. Виолончельная сфера выдвинула одного *Шпильмана*, показавшего красивый камерный стиль исполнения. Пение было более многочисленно и многообразно представлено. Молодая и даровитая *В. Духовская* показала огромное движение вперед в концерте из сочинений Прокофьева и Гнесина, где она выступила вместе с превосходным аккомпаниатором Бихтером. Популярная в Москве *Зоя Лодий* остается на той же ступени и в той же сфере, которая ею культивируется давно (изысканно-интимный жанр). Из пианистов выделились многие: *Зейлигер* показал себя прекрасным виртуозом несколько холодноватого, рассудочного типа, но с высоко-квалифицированной техникой. *Фейнберг* очень прогрессирует как виртуоз, он стал настоящим техником в этой области, но у него настолько специфический подход к исполнению, что исполняемые авторы без следа растворяются в его собственной индивидуальности. Даже Скрябин, с которым у него ранее был как будто контакт психологии и нервности, теперь оторвался от него и стал им трактоваться гораздо отдаленнее от оригинала. Замечательный артист *Генрих Нейгауз* мог бы с полным правом стать мировым именем, если бы не его крайняя неровность, которая никогда не позволяет поручиться за его интерпретацию. Ему лучше всего удается Скрябин и Шопен, при чем первый—в своих мелких вещах, напротив, в исполнении Рахманиновского концерта в одном из симфонических Большого театра он показал себя совершенно чужим в этой сфере настроений. Из молодых сил, которые только созидают себе артистическое имя, надо отметить талантливого *Софроницкого* и *Тамару Кузнецову*—последняя выступила, впрочем, пока только в камерном ансамбле со Шпильманом.

В этом сезоне замерла прежде неимоверно интенсивная деятельность квартета «*Страдивариусов*», которые собирались ехать за границу, но не уехали. Из концертов, организованных силами этого ансамбля и при их участии, необходимо отметить Регеровский вечер (с участием Нейгауза), который отдал дань уважения этому замечательному и столь мало известному у нас композитору. Его же пропагандировал в своем концерте с скрипачем *Ортенбергом* прекрасный, но холодноватый пианист

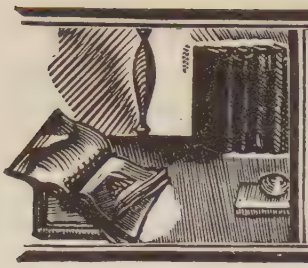
П. Ковалев. В параллель Страдивариусам возникло иное, более молодое, начинание—именно *«квартет консерватории» (Цыганов, бр. Ширинские, Борисовский)*, который многократно и с успехом уже выступал, зарекомендовав себя с наилучшей стороны. Видимо, из него мы вскоре будем иметь первоклассный камерный ансамбль. В этом же году реставрировалось маститое трио: *Шор—Крейн—Эрлих*, когда-то столь популярное в Москве. Впрочем, сейчас слишком сформировавшиеся отдельные индивидуальности его участников все чаще стесняют идею ансамбля.

Музыкальная жизнь в Москве в этом сезоне оживилась организацией *«музыкальных выставок»* в магазине акц. общества «Книга», и этому начинанию музыкальная Москва обязана, в сущности, ознакомлением с последними достижениями музыки на Западе. Концерты эти были организованы как бесплатные и сразу завоевали популярность. В них участвовали лучшие силы Москвы. Тут были исполнены сочинения Стравинского, Регера, Прокофьева, Хиндемита, Дрездена, Шенберга, Мясковского, Фейнберга, Александрова и ряда других композиторов как русских, так и иностранных. Идея эта, столь блистательно начавшаяся, потом была перенесена (при том же почти составе участников и организаторов) в основавшуюся при Российской Академии Художественных Наук *«Ассоциацию современной музыки»*, которая дала в зале Академии пока еще только один концерт из произведений *Хиндемита*. Начинание это имеет все шансы развиться и сделаться настоящим художественным центром музыкального новаторства в Москве. Ассоциация ухитрилась при современных тяжелых условиях даже выпустить свой «бюллетень», посвященный обзору современной музыки.

IV.

Таковы в общих чертах итоги музыкальной жизни в столице. Концертный пульс бьется далеко не полным темпом. В противовес этому можно с радостью констатировать, что *композиторский* пульс, видимо, начинает сильно возрастать. Наши композиторы, приунывшие за годы голодовки, теперь постепенно оживают и развивают свою музыкальную продукцию. Эта продукция настолько велика, что издательские способности государства в лице «Музсектора» Госиздата решительно отказываются поспевать за количеством написанного. Многое, уже вполне награвированное, продолжает лежать в типографиях Музсектора, а масса еще вовсе не напечатана и должна ждать очереди. Положение композитора в этом смысле несравненно печальнее положения автора литературного, который всегда в силах опубликовать свои сочинения тем или иным способом. А между тем для Запада создается впечатление, точно у нас ничего не делают, тогда как количество истинных музыкальных ценностей, созданных за это время у нас, многократно превышает все то, что опубликовано на Западе. Ни одно крупное сочинение не видит у нас света, за редкими и тощими исключениями: музсектор не имеет денег на издание, опубликовываются только мелочи, что создает совершенно ложное впечатление о каком-то миниатюрном уклоне творчества в С.С.С.Р. Две последние симфонии Мясковского, из которых шестая написана в грандиозных формах, новая симфония Гедике, симфония Евсеева, начинающего даровитого композитора, ряд оркестровых вещей Ал. Крейна, в том числе кантата «Каддиш», симфоническая музыка к «Розе и Кресту» Блока и проч.,—все это лежит в виде какого-то исторического материала. Такое положение никак не может считаться нормальным и настоятельно взывает к каким-то мерам в смысле облегчения издательства русских авторов. Я не говорю уже о массе более мелких вещей по «технике» выполнения, а не по размерам (фортепианные сонаты, камерная музыка), которая тоже лежит в неопубликованном виде. В это же самое время на Западе на новую русскую музыку огромный спрос и колоссальный интерес к ней: многие видные музыкальные деятели завалены запросами о присылке новых сочинений русских авторов—бесплодный запрос, ибо при всем желании ничего

прислать нельзя: все маринуется. Но оставим эти печальные панорамы и рассмотрим, что же, собственно говоря, сделано за это тяжелое время в России. Сделано *изумительно много*, и значение этого сделанного возрастает оттого, что оно созидалось при тяжелейших условиях и при полной безнадежности издания, но импульс творчества был так велик, что даже эти обстоятельства не мешали. Из русских авторов, произведения которых написаны за это время, надо упомянуть *Ал. Крейна*, создавшего (теперь это можно уже говорить с уверенностью) национальный еврейский стиль в музыке и тем выполнившего по отношению к еврейскому мелосу задачу, некогда выполненную Глинкой по отношению к русскому мелосу и Григом—к норвежскому. Его последние вещи показывают его выход из интимно-камерного стиля в широкий простор оркестровых и хоровых масс («Каддиш»—для хора и соло с оркестром, «Роза и Крест»—симфония). Стремление к монументальным формам характерно и для *Мясковского*, творчество которого развивается под влияниями Чайковского и Глазунова, но в сфере более изысканной. Таким же монументализмом проникнута и новая симфония *Гедике* (3-я). Даже в камерной области наблюдается сдвиг от миниатюры к области крупных построений. *Александров* написал новые сонаты, новые циклы песен, в которых развивает прежнюю свою линию, которую можно охарактеризовать как «модернистический академизм». *Фейнберг* написал новые сонаты и романсы, при чем теперь уже ясно, что в его лице мы имеем дело с очень выдающейся композиторской индивидуальностью. Пишущий эти строки опубликовал ряд фортепианных вещей и написал сонату и трио. Более молодые поколения авторов работают не менее интенсивно: среди них надо отметить как наиболее даровитых—*Половинкина, Крюкова, Евсеева* и *Веприка*. Одним из любопытных признаков новой русской музыки является ее *чуждость* тем веяниям, которыми живут новые направления Запада; русская музыка осталась в стороне от всех этих «атонализмов», «политонализмов» и других теоретических предпосылок футуристического свойства и типа. Попытки привить у нас направления крайнего модернизма западного типа («шенбергианство» и «стравинизм») пока оканчиваются неудачами и имеют изолированный характер («стравинист»—Лурье, «шенбергианец»—Рославец), не вызывая распространений. Русская музыка, получив за время революции здоровый импульс и прививку от вторгшихся в жизнь новых групп народа, тем себя обеззаразила от этих изысканностей, которые на Западе служат несомненным симптомом разложения буржуазного вкуса. В связи с этим и *варваризация* музыки, столь заметная на Западе, не коснулась России. Мы живем в сфере музыкальных традиций, а не вплываем в новую область уже не музыки, а так наз. «звукового искусства» («Tonmalerei»), и даже те «варваризаторы музыки», которых выдвинула Россия (Прокофьев и Стравинский, потом Лурье), в сущности могут быть с полным основанием причислены к плодам западной культуры, ибо они относятся к эмигрантским группам, порвавшим с органической жизнью России. Русская музыка имеет в себе сейчас слишком много потенции и слишком насыщена психологическим содержанием, чтобы иметь повод разменяться в мелких отблесках многоразличных ощущений. Мы созидаем сейчас огромное монументальное искусство, которое, подобно искусству Бетховена и Вагнера, *может* в действительности стать всенародным, запечатлев в своем художественном облике те грандиозные события и ту новую эру, в которой они создались.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. Г. В. ПЛЕХАНОВ. Сочинения. Т. VIII, IX, X и XI. *В. Невский.* — **2. М. БЕР. История социализма в Англии. Т. II.** *Б. Горев.* — **3. В. АДОРАТСКИЙ. Научный коммунизм К. Маркса.** *А. Неусыхин.* — **4. П. ЛАФАРГ. Экономический детерминизм К. Маркса.** *М. Зелинман.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ. Сочинения. Томы VIII, IX, X и XI. Инст. К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека научного социализма, под общей редакцией Д. Рязанова. Москва—Петр. 1923 г.

«Необходимо как можно скорее предоставить в распоряжение читателей *всего* Плеханова», говорит редактор издания Д. Б. Рязанов в предисловии к XI тому сочинений основоположника русской социал-демократии: «в первую очередь его философские, экономические, исторические работы. На рынок чуть ли не ежедневно продолжают поступать искаженные в угоду царской цензуре издания, редакторы которых не дают себе труда установить точный текст издаваемого автора».

В этом отношении редактор рассматриваемого нами издания сделал, действительно, большую работу и дал русскому читателю наиболее точный текст сочинений Плеханова, вынужденного под давлением царской цензуры искажать то, что им писалось более или менее свободно без услуг эзоповского языка, напр., по-немецки. Кроме того, редактор дал в уже изданных томах много таких вещей Плеханова, которые впервые становятся известными русскому рядовому, а отчасти и квалифицированному читателю.

К таким вещам необходимо отнести: речь Плеханова на международном рабочем соц. конгрессе в Париже в 1889 г., доклад и заключительное слово Плеханова на Цюрихском конгрессе в 1893 г. (в IV томе), доклады на международных конгрессах в Брюсселе в 1891 г. и в Лондоне в 1896 г. (т. IX), «Новый поход против русской социал-демократии» (в том же томе, IX), «За что нам его благодарить?» (том XI) и т. п.

Таким образом, перед русским читателем постепенно вырастает весь Плеханов, изучение которого, несомненно, на-ряду с изучением Маркса, Энгельса и Ленина нужно положить в основу нашей новой школы. В восьмом томе содержатся статьи, излагающие материалистическое понимание истории: «Огюстен Тьери и материалистическое понимание истории», «Очерки по истории материализма», «Несколько слов в защиту экономического материализма», «Нечто об истории», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории». Вместе с основной работой Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и с работами, напечатанными Д. Б. Рязановым в XI томе сочинений (статьи, написанные против ревизионистов в период от 1898 до 1902 г.), читатель имеет такой богатый материал, что работа над одним этим материалом может быть источником и самых высоких умственных наслаждений, и самых плодотворных изысканий, и самостоятельных исследований молодых ученых марксистов. Взять хотя бы работы Плеханова по истории философии: сколько здесь оригинальных мыслей,

новых выводов и заключений, какое большое поле для изучения и усвоения диалектического метода. Хорошая проработка, напр., «Очерков по истории материализма» может навести изучающего на весьма интересные проблемы и вопросы, которые могут дать весьма полезные результаты и в наше, как будто бы не особенно благоприятное время для изучения «чистой» теории. Просматривая снова эти работы Плеханова, поражаешься и огромными знаниями его и уменьем применять диалектический метод Маркса и блестящим талантом, который заражает своим блеском, глубиной и страстью.

Трудно, конечно, в рецензии пытаться очертить, хотя бы приблизительно, ту сумму идей, которая пущена в оборот названными работами Плеханова и которыми мы живем сейчас, но хотелось бы подчеркнуть одно впечатление, которое выносишь из чтения уже изданных сочинений нашего учителя,—это ту революционную силу, тот революционный пафос, ту революционную и вместе с тем научную сущность учения Маркса, которая подчиняет и захватывает читателя.

Марксова теория,—говорит Плеханов в своем письме к Каутскому по поводу Бернштейна:—не есть вечная истина в последней инстанции. Это верно. Но она является *высшею социальной истиной нашего времени*, и мы имеем столь же мало основания выменивать эту теорию на мелкую монету «экономических гармоний» новоявленных Бастиа и Сэев, как и приветствовать сделанные в том же направлении попытки, как *серьезную критику*, и дарить им свое одобрение».

Многим из современных «философов», которые называют себя учениками Маркса и пытаются дополнять и исправлять или продолжать работу наших учителей, следовало бы получше вдуматься в эти слова.

Да. Марксова теория—высшая социальная истина нашего времени, и остается только пожелать, чтобы наше молодое поколение умело изучать эту теорию и работы того Плеханова, который был лучшим истолкователем этой теории. К счастью, кажется, проходит то время, когда некоторые сверхкоммунисты вопили только о предательстве и измене Плеханова; как будто бы наступает время, когда Плеханов снова занимает подобающее ему место в ряду наших учителей и продолжателей дела Маркса. «Назад к Плеханову—революционеру и диалектику - материалисту!» становится обязанностью каждого коммуниста. Заслуга этого обращения к Плеханову принадлежит, несомненно, нашему вождю Ленину и в очень большой степени и редактору и издателю сочинений Плеханова—Д. Б. Рязанову.

В статье «Белинский и разумная действительность» (Рязанов собрал в X томе сочинений статьи литературно-критические и за период 1888—1903 гг.) Плеханов говорит о Вольтере, что этот замечательный просветитель XVIII в. и подготовитель французской революции, писавший о неизбежности этой революции и о том, что «Ce sera un beau tapage» и что молодежь счастлива, ибо она будет жить во время французской революции, не особенно жаловал «чернь». А между тем «чернь», т.-е. крестьяне и рабочие, по сути дела и производила настоящую революцию и «так расходилась, стала так непочтительна, дерзка и задорна, что «порядочные люди» пришли в отчаяние и, почувствовав себя побежденными жалкой и непросвещенной чернью, искренно усомнились в силе того самого разума, во имя которого действовали Вольтер и энциклопедисты и который, казалось бы, должен был поставить во главе событий именно своих носителей и представителей»... (т. X, стр. 204 и 205).

Об этом tapage Вольтер писал в 1764 году в письме к маркизу Шовелэну; но в этом же письме Вольтер сожалел, что он не будет свидетелем революции (tout ce que je vois jette les semences d'une révolution qui arrivera immanquablement, et dont je n'aurai pas le plaisir d'être temoin).

Не будет смелостью утверждение, что если бы Вольтер дожил до революции, то, пожалуй, он не только не испытал бы никакого plaisir'a, но, пожалуй, пришел бы в ужас от дерзости «черни», которую он сам же будил своими сочинениями.

Однако, это не мешает смотреть на Вольтера, как на одного из величайших подготовителей французской революции.

Так и Плеханов. Он пришел в ужас от действия и дерзости нашей «черни», которую он страстно любил и просветителем которой был; он даже отшатнулся от этой «черни» и, однако, он является первым и величайшим учителем русского пролетариата и подготовителем пролетарской революции. Он был учителем и другого величайшего учителя русского пролетариата—Ленина, который вел дерзостную «чернь» нашего времени в огонь пролетарской революции.

А раз это так, то мы обязаны изучать этого предвозвестника и подготовителя нашей революции. Издание сочинений дает самую широкую возможность заняться теперь этим изучением.

В девятом томе сочинений собраны статьи против народничества. Здесь, на ряду с такими небольшими работами, как «О социальной демократии в России», помещена и большая работа «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)»,—книга, ставшая большой редкостью, и доклады на международных конгрессах в Брюсселе и Лондоне и «Новый поход против русской соц.-демократии» (полемика с народовольцем Е. Г. Левитом, ставшим затем соц.-дем.) и еще две небольших работы Плеханова,—предисловие к брошюре «Ф. Энгельс о России» и «Россия перед сменой режима». При изучении истории русской соц.-демократии и, стало-быть, и нашей коммунистической партии статьи этого тома на ряду с другими работами Плеханова (напр., «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и т. п.) являются незаменимым и драгоценным материалом.

Они служат путеводной звездой для историка, занимающегося историей 70, 80 и 90-х годов нашего движения.

В высшей степени удачным является приложение к VIII тому «Людвига Фейербаха» в переводе Плеханова с его предисловием и примечаниями. Действительно, помещение одних, напр., примечаний без текста самого произведения Энгельса не давало бы тех результатов, какие получаются, когда читаешь их в связи с энгельсовским текстом.

Вообще издание соч. Плеханова выполнено замечательно удачно (есть, конечно, и на солнце пятна, но о них не стоит и говорить). Хотелось бы, чтобы столь же удачно было издано и собрание сочинений тов. Ленина.

В. Невский.

М. БЕР. История социализма в Англии. Перев. с немецкого М. Е. Ландау, с предисловием Ф. А. Ротштейна. Том второй. Гос. Изд. Ленинград. 1924. Стр. 445. (299—743).

Настоящий второй том известной работы Бера (отзыв о первом томе дан нами в январской книге «Печати и Революции») обнимает собою почти столетний период в развитии английского социализма и рабочего движения—от 20-х годов прошлого века вплоть почти до наших дней, так как к основной работе Бера, вышедшей по-немецки еще в 1913 г., прибавлена в новом издании статья о современном английском социализме. Таким образом, лежащий перед нами том распадается на три части: «Часть вторая (всей книги). Период чартизма. 1825—1854», «Часть третья. Новейший период. 1855—1912» и «Прибавление. Современный британский социализм. 1910—1920». При этом эпохе чартизма, которую автор совершенно правильно и хронологически и социально расширяет за узкие рамки собственно борьбы за «хартию», посвящено свыше 250 страниц из 440 (нумерация страниц в настоящем томе почему-то является продолжением первого тома. В конце его имеется оглавление для обоих томов).

И наиболее интересной частью, полной свежего, разработанного по первоисточникам материала, является именно период чартизма, особенно в его подготовительной теоретической стадии (1825—1834), во время которой вожди английского пролетариата додумались и до идеи классовой диктатуры (напоминающей отчасти советскую систему с ярко синдикалистской окраской) и до всех позднейших форм революционной классовой борьбы. Что касается чартист-

ского движения в узком смысле слова, то в его характеристике уже немного сказывается реформистское настроение автора. Вполне отдавая себе отчет в мелкобуржуазном и интеллигентском характере умеренного крыла чартистов и в чисто пролетарской основе «партии физической силы», далее, стараясь быть беспристрастным и объективным в характеристике и оценке вождей обоих течений, Бер все же больше сочувствует «партии моральной силы» и с большей силой критикует утопизм ее противников. Тем не менее, и эта часть представляет собою совершенно самостоятельное и в высшей степени добросовестное исследование и читается с неослабевающим интересом.

В гораздо большей степени проявляются реформистские симпатии автора (отмеченные в предисловии Ф. А. Ротштейна к первому выпуску настоящего издания) в третьей части (особенно в конце ее) и в «Прибавлении», т.-е. при изложении той эпохи, во время которой сам автор принимал непосредственное и активное участие во внутренней борьбе английских социалистических партий. Он полон веры в социализм» и блестящее будущее британской «Рабочей партии» и от ее прихода к власти ждет и полной автономии английских колоний (в том числе *Индии*), и освобождения Германии от тяжкого ига Версальского «мира», и даже социализации важнейших средств производства. Первые шаги правительства «Рабочей партии» должны были сильно разочаровать нашего оптимиста...

Но при всех недостатках книги Бера, при некоторой теоретической путанице и часто полном непонимании революционного марксизма (недостатки, отмеченные в предисловии Ротштейна и в нашей рецензии по поводу первого выпуска),—эта книга—по обилию мало известного до сих пор в широких кругах материала и по добросовестной их обработке—представляет собою выдающееся явление и займет, по всей вероятности, второе место после «Истории германской социал-демократии» Меринга (но, конечно, по яркости и проницательности марксистского анализа, по общему философскому и историческому кругозору, по блеску изложения—Меринг остается непревзойденным мастером, и книга Бера кажется в сравнении с классической работой Меринга—бледной и тусклой...). Во всяком случае она заполняет тот пробел в литературе по истории социализма, который особенно остро чувствовался у нас.

Издана книга—в смысле шрифта и опечаток—вполне прилично.

Б. Горев.

В. АДОРАТСКИЙ. Научный коммунизм Карла Маркса. «Москва». Изд. «Красная Новь». 1923. Стр. 144.

Книга представляет собою чрезвычайно сжатое, местами прямо конспективное изложение сущности метода диалектического материализма и материалистического понимания истории. Этому основному содержанию книги предпослана краткая характеристика различных направлений утопического социализма, а также краткая биография Маркса и Энгельса. Настоящая книга есть лишь первый выпуск всей работы. Во втором выпуске будет дано изложение экономического учения Маркса и теории классовой борьбы. В конце вышедшей пока первой части приложена библиография по основным вопросам, затронутым в тексте.

Книга написана стройно, но чрезвычайно сухо и бледно; эту сухость автор тщетно старается оживить обильными цитатами из Гёте и Гейне; эти цитаты можно было бы с пользой для книги заменить большей подробностью самого изложения: ибо, повторяем, основной ее недостаток—конспективность. Автор не развивает излагаемых им идей Маркса и Энгельса, не прослеживает нить хода их мыслей, а ограничивается лишь указанием их выводов.

Таким образом, следствием конспективности книги является ее *догматичность*,—черта очень опасная, ибо она может вызвать у неподготовленного читателя представление о самом методе Маркса, как о чем-то догматическом, что, конечно, было бы искажением истинного его характера, как это прекрасно

сознает сам автор книги: «Маркс и Энгельс не раз повторяли, что их теория—не догмат», пишет он в предисловии.

Но мало сознавать это; мало твердить о гибкости метода Маркса и о диалектичности исторического развития: нужно уметь живо и наглядно *показать* эту гибкость и диалектичность. В рецензируемой книге автор такого умения не обнаруживает, и его изложение при всей его добросовестности и содержательности вряд ли способно будить мысль читателя. Может-быть, это оттого, что книга представляет собою лишь «набросок учебника», как сознается сам автор. Но напрасно он думает, что недостаток в популярной марксистской литературе должен восполняться сухими набросками, а не живыми характеристиками метода Маркса.

Д. Неусыхин.

ПОЛЬ ЛАФАРГ. Экономический детерминизм Карла Маркса, под редакцией и с предисловием Шевердина. Перевод с французского П. Э. Давыдовой. Изд. «Московский Рабочий». 1923 г. Стр. 330.

Как и вся жизнь Лафарга является беспрерывной борьбой вождя французского пролетариата за отстаивание марксистских принципов в рабочем движении, так и «эта книга,—как правильно отмечает в предисловии т. Шевердин,—связана с борьбой против буржуазной попытки ископить марксизм». В «экономическом детерминизме» Лафарг шаг за шагом разбивает марксистским оружием идеалистические надстройки, столетиями созданные различными деятелями утопического социализма.

Лафарг последовательно разбирает происхождение идей вообще, а затем останавливается подробно на анализе идеи справедливости, добра, происхождения и развития идеи души, веры в бога. Автор мастерски разбирает, кирпич за кирпичиком, все здание идеи и обнажает перед читателем ее материалистический фундамент, на котором классовое общество надстраивает «идеальное», чтобы им сокрыть грубо материальное. Лафарг показывает, как, так называемое, цивилизованное общество, в котором господствует буржуазия, возвело в добродетель худшие стороны человеческой души не в пример эпохе варварства, о котором с ужасом вспоминает благодушный буржуа, не задумываясь над тем, что современная социальная среда, восхваляемая буржуазией, порождает гораздо более варварские инстинкты, нежели социальная среда в эпоху варварства. «Социальная среда варвара,—замечает (на стр. 160) Лафарг,—породившая войну и родовой коммунизм, довела до крайнего напряжения благородные качества человека,—физическую силу, мужество, нравственный стоицизм, личную и имущественную преданность коммуне, городу. Буржуазная социальная среда, основанная на личной собственности и товарном производстве, возводит, наоборот, в главные добродетели худшие стороны человеческой души: эгоизм, лицемерие, интригантство, склонность к обману и мошенничеству». В ряде блестящих страниц Лафарг доказывает Марксов закон, что «способ производства материальной жизни обусловливает собою процесс жизни социальной, политической и духовной вообще», как утверждал Маркс в своей работе «К критике политической экономии».

Не только логично, но вместе с тем остроумно Лафарг разбирает изобретение рая и ада. С особенным сарказмом автор останавливается на вере в бога, набожности буржуа и противопоставляет этому безбожность пролетариата. Отмечая, что церковь применяется к новым общественным формам и эволюционирует вместе с изменением способа производства, Лафарг недоуменно спрашивает, как это случилось, что получающие более или менее обширное научное образование буржуа продолжают находиться в плену у суеверий и религиозных идей, в то время, как малограмотный подчас рабочий совершенно перестал верить в божественные чудеса. И отвечает, что разъяснение этого странного на первый взгляд явления следует искать в производственной роли, которую играет в капиталистическом обществе буржуазия и пролетариат. Лафарг подчеркивает, что даже самые революционные представители буржуазии

не в состоянии выскочить из своей классовой сущности и вынуждены уступить интересам класса в такой, казалось бы, отвлеченной области, как религиозные убеждения. Например, французские революционеры 1789 г. преследовали духовенство, стремясь искоренить христианство и заменить его богиней Разума. Но когда буржуазия начала утверждать свою власть, то Робеспьеру пришлось восстановить декретом «высшее существо», а через несколько месяцев священники снова заняли прежние позиции на алтарях церквей, куда хлынула буржуазия, на время поссорившаяся с богом, за которого крепко держались феодалы, штурмовавшиеся буржуазией. Но как только этот штурм закончился, победившая буржуазия бросилась в объятия сверженного ею вчера бога.

К русскому тексту редакция приложила три вещи: 1) Проблема познания Лафарга, 2) рецензия Меринга о книге Лафарга «Экономический детерминизм Карла Маркса» и 3) афоризмы Лафарга. Из этих приложений полезна лишь рецензия Меринга. Какое отношение остальных двух приложений к данной книге,—совершенно непонятно. Книга издана хорошо, хотя и встречаются опечатки. Перевод сделан удовлетворительно, но встречаются шероховатости, как, например, на 114 стр., где известное место из пятикнижия: «Око за око» переведено—«глаз за глаз».

Книга Лафарга безусловно составляет ценный вклад в марксистскую переводную литературу и, хотя написана она около двух десятилетий тому назад, не потеряла весь свой интерес и в наши дни.

М. Зеликман.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНЕ.

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА ПРИ Ц. К. Р. К. П. Ленинский сборник, под ред. Л. Б. Каменева. ***Вяч. Полонский.***

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА. Ленинский сборник, под ред. Л. Б. Каменева. Москва—Ленинград. Стр. 252.

Из всей литературы о вожде, вызванной его смертью, Ленинский сборник едва ли не самый драгоценный. Исключительный интерес сообщают сборнику 34 письма В. И. Ленина Максиму Горькому за период с 1908 по 1913 г. О значительности этой переписки читатель нашего журнала может судить сам: в настоящей книге мы ее перепечатываем полностью. Поэтому не будем о ней распространяться. Публикацией этих писем Институт Ленина сделал вдвойне полезное дело: дал читателям материал, характеризующий сразу автора писем и их адресата, представляющий, вместе с тем, превосходный, пронизанный мыслями, образец революционной эпистолярной литературы. Переписка русских революционеров, во многих отношениях замечательная, никогда не была предметом любовного издания. В этом смысле Ленинский сборник безукоризнен. Он дает тщательно выверенный текст, снабженный архивными справками, авторитетным предисловием Л. Б. Каменева и исчерпывающими примечаниями. С научной стороны Ленинский сборник может, на ряду с изданиями Д. Б. Рязанова, послужить образчиком, у которого не мешало бы поучиться многим нашим профессиональным историкам.

Кроме писем к Горькому, в сборнике помещена заметка В. И. Ленина, «Как чуть не потухла «Искра»,—весьма ярко рисующая обстоятельства, в которых возникало издание знаменитого журнала. К той же эпохе 1900 г г. относятся также два письма В. И. Ленина к неизвестному, а также письмо Н. К. Крупской. К еще более ранней эпохе относятся письма В. И. Ленина П. Б. Аксельроду (1897 г. из с. Шушенского).

Перечисленным материалом, прокомментированным Л. Б. Каменевым, ограничиваются новые «ленинские» публикации. Значительную ценность представляет начатая печатанием работа «Основные вехи жизни В. И. Ленина», доведенная пока до мая 1909 г. Упомянем, кроме того, несколько мелких заметок в отделе «Из подготовительных работ к научной биографии В. И. Ленина» (когда происходил II Съезд Р. С.-Д. Р. П.—Л. Каменева, «группа освобождения труда» или «группа» освобождения труда»?) и богатую хронику Института.

Внешность сборника великолепна. Наше полиграфическое искусство в качественном отношении шагает семимильными шагами. Через несколько лет наши издания не будут уступать лучшим западным образцам. Мы недовольны только качеством бумаги, которая в большой степени ослабила технические достоинства издания: излишняя прозрачность является большим недостатком, которого следует избегать. Но это единственный упрек, который мы делаем по поводу внешних достоинств книги.

Теперь несколько слов по существу. Нам представляется, что, имея во главе такого знатока партийного прошлого, талантливого литератора и, вместе с тем, искусного и старательного редактора, как Л. Б. Каменев, институт В. И. Ленина мог бы значительно более широко поставить дело издания материалов для биографии В. И. Ленина. Подготовительная работа эта должна вестись пока по двум направлениям: во-первых, необходимо собрать по возможности самым исчерпывающим образом все письма, которые когда-либо написаны были В. И. Лениным и к В. И. Ленину и, во-вторых, собрать воспоминания, заметки, статьи и т. п. сырой биографический материал. Вторая задача связана с работой Истпарта, так как жизнь Ленина и история партии переплелись столь тесно, что говорить об истории партии, это значит говорить о революционной работе Ленина—и наоборот. Эта задача целиком и должна быть осуществлена «Пролетарской революцией».

Первая же задача, а именно издание полного собрания переписки В. И. Ленина и к В. И. Ленину выходит за пределы задач журнала и целиком должна быть осуществлена Институтом В. И. Ленина. При этом издание такой переписки не следовало бы смешивать или сливать воедино с изданием сборников Института, включающих в себе разный исследовательский материал, хронику Института и издательскую хронику по ленинизму. Следовало бы предпринять специальное многотомное издание, скажем, примерно, под названием «*Ленин и его современники*», и в этом издании, в хронологическом порядке, *опубликовать всю переписку Ленина и к Ленину*, с той тщательностью, с тем богатством знания и опыта и, наконец, с той любовью, какие чувствуются на каждой странице рецензируемого Ленинского сборника. Издание «Ленин и его современники», если бы оно было осуществлено, послужило бы ценнейшим источником как для изучения В. И. Ленина, так равно для изучения его корреспондентов и истории эпохи. Такое издание, широко задуманное, быть-может, не удастся осуществить сразу, в два-три месяца. Быть-может, собирать материал, систематизировать и подготовлять к печати придется года два, но задача стоит того, чтобы за нее приняться.

Вяч. Полонский.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. В. НЬЮБОЛЬД. Как Европа вооружалась к войне (1871—1914). *М. Павлович.* —
2. A. SARRAUT. La mise en valeur des Colonies Françaises. *П. Китайгородский.* —
3. КАЙИРО САТО. Япония и Америка в их взаимных отношениях. *Доливо-Добровольский.*

В. НЬЮБОЛЬД. Как Европа вооружалась к войне (1871 — 1914). Москва. 1923. Издание Высшего Воен. Ред. Совета. Стр. 141.

Книга принадлежит перу известного английского коммуниста, который еще с 1911 г. начал изучать роль военной индустрии в росте вооружений, в крайнем усилении милитаризма и маринизма во всех европейских государствах и в подготовке войны 1914 — 1918 гг. Вместе с Карлом Либкнехтом и французом Моризе, ныне членом французской коммунистической партии, Ньюбольд подготовлял, накануне мировой войны, издание коллективного труда на французском, немецком и английском языках о военно-промышленных фирмах различных стран, как подстрекателей к войне. Прежде чем Ньюбольду, Моризе и Либкнехту удалось встретиться, чтобы окончательно сговориться об издании книги, разразилась мировая война.

Во всяком случае часть собранных материалов легла в основу сенсационной речи, произнесенной в Палате Общин в марте 1914 г. от имени Рабочей Партии Ньюбольдом. (Об этой речи см. нашу книгу «Мировая война 1914—1918 г.г. и грядущие войны», стр. 19, 20). Эти же материалы, значительно дополненные и разработанные, легли в основу рецензируемой нами книги Ньюбольда, вышедшей впервые в 1916 г.

Необычайный рост милитаризма и маринизма в течение последних десятилетий накануне мировой войны, автор связывает прежде всего с характером современной цивилизации, основанной прежде всего на стали. «В семидесятых годах прошлого столетия люди начали строить мир и войну на стальном основании, опирающемся на твердые и жидкие ископаемые богатства всех материков. Вся система цивилизации покоилась ныне на стали, а эта последняя на угле, железе и других ископаемых» (стр. 19).

Вот эта-то великая экономическая промышленная революция, в основе которой лежало, как мы неоднократно формулировали в наших работах об империализме, *перемещение центра тяжести капиталистического хозяйства от индустрии хлопчато-бумажной к индустрии металлургической*, должна была совершенно расстроить ход английского политического развития, шедшего, как правильно отмечает Ньюбольд, под знаком парламентарного торжества Гладстоновского либерализма. Эта революция первоначально не была настолько очевидна, чтобы передовые мыслители и народные вожди могли вполне понять ее значение. Как пишет Ньюбольд: «Отсюда произошло то, что целая политическая партия, по крайней мере, масса ее рядовых членов, продолжает находиться под влиянием идеалов прошлого времени и вдохновляется международным кодексом честности и справедливости, внушенными им речами Брайта, Кобдена и Гладстона. Они настолько запутались, что стараются примирить либерализм Асквита с либерализмом своих прежних вождей, не понимая, что вся структура английского общества и всего мира подверглась глубоким изменениям и что новые условия несовместимы с их политико-экономическим верованием».

«С тех пор, как Маркс написал свой «Капитал», а пионеры современного социализма начали распространять новое экономическое учение и основывать теперешние социалистические партии, мир промышленной революции уступал место другому, в котором Англия уже не могла быть больше единственной мастерской во всем мире и в котором капитализм должен был сделаться вненациональным в своих проявлениях. Крупные промышленные магнаты постепенно входили в прави-

тельственные и финансовые круги и начали проводить свои частные проекты, при поддержке всех сил государства.

«Покоряя государство, капитализм осознал, что оборона страны могла быть такой же выгодной для него, какою она когда-то была раньше для помещиков. Всюду и для всех целей необходимы были машины и двигательная сила. Поэтому приобретение и развитие минеральных, химических и металлургических богатств сделалось самой важной отраслью капиталистической деятельности. В этой области в середине восьмидесятых годов прошлого века должны были встретиться потребности как войны, так и мира».

Выясняя причины усиленных вооружений Англии в течение последних десятилетий накануне войны, автор, кроме факторов международного характера борьбы с Францией, Россией, Германией, за гегемонию на африканском и азиатском континентах, останавливается и на экономическом кризисе и безработице в самой Англии, как на важном моменте, заставившем английских либералов отказаться от идей пацифизма: «Решимость британского правительства воспрепятствовать всякому постороннему вмешательству в его планы насчет Египта, а также чувство тревоги и недовольства непрерывными морскими приготовлениями России и ее интригами в Азии, все усиливались и, наконец, выразились, благодаря неустанным стараниям У. Э. Стэда, Арнольда Форстера и лорда Чарльза Бересфорда, расширением флота. Кроме того, *полоса острого застоя в судостроительной и машиностроительной промышленности поколебала миролюбивое настроение крупных промышленных центров и заставила их ухватиться за возможность работать и получать барыши, представляемые им заказами на военные суда* [1]).

«В 1884 г. началось проведение этой формы помощи безработным, в виде расточения средств Адмиралтейством, — мера, к которой правительство стало регулярно прибегать с этих пор. Эта форма государственной помощи, первоначально придуманная, как способ переждать полосу застоя, приняла постоянный характер и только усложнила задачу, которую она должна была разрешить.

«Тщательное изучение технической и коммерческой литературы начала восьмидесятых годов прошлого столетия обнаруживает с полной очевидностью влияние застоя в судостроительной и механической промышленности на политику вооружений. Именно этот застой сделал возможным успех агитации в пользу морских вооружений, которая иначе разбилась бы о радикализм таких центров как Бермингэм, Шеффильд, Тайнсайд и Клайдсайд. С этих пор экономические интересы должны были столкнуться с политическими идеалами тех, которые были особенно крепки в своем либерализме, будь то предприниматели или рабочие. Этот факт слишком часто обходили своим вниманием пацифисты и другие политические мыслители, которые пытались объяснить или хотя бы понять силу современного империализма. Постройка стального большого флота имела огромное значение для наших машиностроительных фирм и совершенно уничтожила их противодействие тяжелому бремени, каким являются вооруженные силы.

«Эту истину автор готов повторять и отстаивать до тех пор, пока она не проникнет глубоко в политическое сознание каждого из его читателей» (стр. 37—38).

Мысль, высказанная здесь Ньюбольдом, заслуживает серьезного внимания. Те лихорадочные, небывалые вооружения, которые мы наблюдаем в результате мировой войны и Версальского мира, в Европе, Америке и Японии объясняются помимо крайнего обострения международных отношений не в малой степени и ростом внутреннего промышленного кризиса во всех странах-победительницах.

Именно ожесточенная экономическая война всех против всех, таможенные перегородки, которыми одно государство отделяет себя от другого, ведет к тому, что внешний рынок для целого ряда стран суживается, таким образом *товарное производство, товарное полнокровие растет, промышленный кризис и безработица обостряются, и буржуазия начинает искать в милитаризме и маринизме средство в деле облегчения капиталистического накопления и преду-*

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

преждения колоссального товарного перепроизводства. Известна традиционная английская политика смягчения промышленного кризиса безработицы сооружением десятков новых крейсеров. И отчасти именно потому, что для Франции постепенно закрываются внешние рынки, буржуазные экономисты ищут средства ослабления кризиса в расширении внутреннего потребительского рынка путем невиданного в прошлые эпохи усиления милитаризма.

Крайне характерно, что и правительство бывшего генерального секретаря II Интернационала Макдональда, взяв власть в свои руки, заявило на заседании палаты общин 21 февраля 1924 г. о своем намерении, в виду сильной безработицы, начать постройку 5 крейсеров и 2 контрминоносцев, как только получит на это санкцию парламента. Либералы напоминали правительству обещание Рабочей партии во время выборов, что она будет проводить политику разоружения, и теперь им было интересно знать, какие новые обстоятельства заставляют правительство усиливать вооружение. Депутат Кенворти, между прочим, сказал: «Почему не попытаться уменьшить безработицу, объявив кому-нибудь добрую войну. Программу правительства никак нельзя назвать первой попыткой к умиротворению мира, которое было обещано премьером».

Ньюбольд был первым писателем, разоблачившим тайну знаменитого синдиката Харвея (см. об этом нашу цитированную выше книгу, стр. 25). Первоначально фирма Харвея, изобретшая новый способ закалки стальных плит для бронирования военных судов, была чисто американским предприятием. Постепенно фирма стала приобретать интернациональный характер, и в 1894 г. была основана «Континентальная Стальная Компания Харвея». В этот синдикат вошли—от *Англии*: «Альберт Виккерс, Чарльз Э. Эллис (от Джона Брауна и К°); от *Америки*: Эдуард М. Фокс (от Стальной Компании Харвея в Нью-Джерсей); от *Франции*: Морис Жени (от Шнейдера и К°), Леон Леви (председатель французской компании Шатильон-Коммантри), Жозеф де Монгольфье (от французской морской и железнодорожной компании), Иосиф Отт (от германского акционерного общ. «Заводы Диллингер-Хуттсон»), Людвиг Клюпфель (от *немецкого* акц. общ. «Фридрих Крупп»). «И это было в то время,—пишет Ньюбольд,—когда Франция и Россия были нашими самыми ожесточенными соперниками на море и состязались с Германией за военное господство на суше. Но едва харвеизированные плиты успели получить всеобщее распространение, как Эмиль Эренсбергер в 1896 г. усовершенствовал новый еще лучший способ цементирования брони, введенный Круппом. В следующем году этот прибыльный секрет был сообщен британским, французским и американским компаниям, и те же компании Харвея социализировали этот новый способ в интересах всемирного вооружения».

В книге Ньюбольда читатель найдет много интересных сведений и относительно России. Выпуская русские займы на французской бирже. французское правительство заставляло Россию делать заказы на военные суда именно во Франции, что совершенно не соответствовало интересам русского флота, ибо постройка военных судов во Франции обходилась дороже, чем в Англии, притом английская военно-морская техника была значительно выше французской. Японский флот, разгромивший русскую эскадру при Цусиме; был в значительной степени оборудован на английских верфях, как рассказывает Ньюбольд:

«В 1905 г. Россия заказала у Виккерса сильно бронированный крейсер «Рюрик», но после этого постройка новых судов на некоторое время приостановилась. Однако, в марте 1906 г. царь утвердил программу, рассчитанную на девять лет, а летом 1907 г. адмирал Скрыдлов приехал в Париж для ведения переговоров о воссоздании русского флота. В то время в английской печати писали, что Франция настаивает на своем праве получить большую часть заказов на новые военные суда.

«Заказ военных судов во Франции является одним из главных условий для устройства нового русского займа во Франции». (Морская и военная летопись от 6 июня).

«Россия хотела строить свои суда частью в Германии, частью в Англии,—

что было весьма тактично с ее стороны. Так как Россия предполагала истратить на свой флот 1.600.000.000 франков в семь—восемь лет, то было вполне естественно, чтобы Лионский кредит, Учетная контора, Парижский Унион и Банк Перье отстаивали интересы морских сталелитейных заводов, верфей Средиземного моря, Шнейдера и верфей Жиронды, с которыми они все были связаны».

Таким образом, сооружение русских военных судов попало в руки французского металлургического треста. Сами русские судостроительные фирмы являлись не более как отделениями французских синдикатов.

«Лангер, Беккер и К⁰ были просто отделениями французского завода Нормана и К⁰ в Гавре; Франко-Русский завод, строивший машины для двух из балтийских дредноутов, зависел от французских компаний: «Сен Шамон», «Братья Маррель» и «Шатильон-Коммантри». «Русский Провиданс» в Мариуполе был также отделением Шатильон-Коммантри. Шнейдер господствовал над Русским обществом и имел отношение к Мотовилихинскому заводу в Перми».

Мы ограничиваемся лишь немногими выдержками из книги Ньюбольда, богатой фактами и мыслями. Вопрос о развитии военной индустрии, о характере ее организаций слишком важен для понимания внешней и внутренней политики современных государств. Между тем вопрос этот мало изучен. Русская литература по этому вопросу более чем бедна. Поэтому нельзя не приветствовать инициативы В. В. Р. С., издавшего книгу Ньюбольда на русском языке.

М. Павлович.

ALBERT SARRAUT. «La mise en valeur des Colonies Françaises». Paris. 1923 г.

АЛЬБЕРТ САРРО. Использование французских колоний. Париж. 1923 г. Стр. 633.

В ряду разных колонизаторских стран Франция занимает *второе* место. Она владеет 60 миллионами колониальных рабов. Потенциальные богатства ее колоний колоссальны. Книга бывшего министра колоний Альберта Сарро дает детальную и всестороннюю картину об экономических ресурсах французских колоний.

Автор, бывший в течение 25 лет членом радикально-социалистической партии, принадлежит к той плеяде повоенных французских империалистов, которые, как Лушер и др., считают необходимым, для упрочения гегемонии Франции на континенте, реорганизацию III республики на основе радикальной индустриализации. Не ссудный капитал надобно, по мнению этой группы французских «нео-империалистов», вывозить, а промышленный капитал. Колонии должны стать прочным «интерляндом» (hinterland), органически срастаясь со своею родной матерью («La mere — patrie»).

Идеология империалиста А. Сарро нашла свое полное выражение в рецензируемой книге. Для него — континентальная Франция и заморская Франция должны образовать одно целое. Великая Франция—это интегральная совокупность метрополии-колоний, страна, объединяющая 100 миллионов жителей. «Наши колонии,—говорит Сарро,—могут производить и доставлять для нас хлопок, шерсть, шелк, резину, лес, исправные продукты, минералы,—одним словом, все, что мы за миллиарды франков приобретаем на иностранном рынке. Будем же утилизировать и капитализировать наши колонии; давайте опоясем их сетью железных дорог, телефонов, взбороздим их тракторами, утучним их золотистым дождем франков, поднимем их культурный уровень до степени современной цивилизации—и тогда мы будем шествовать впереди народов». Таков лозунг Альберта Сарро.

Французские колонии во время последней империалистической войны выставили 800.000 армию бойцов и тыловых рабочих.

Одна Северная Африка дала 270.000 человек; из которых 25.200 было убито, 7.700 пропали без вести, не считая раненых и искалеченных. Стоит только подтянуть колонии и тогда достаточно будет лишь топнуть ногой—и как будто из-под земли явятся миллионы чернокожих на поле брани, чтобы умереть ради «прекрасной Франции».

Альберт Сарро преследует своей книгой пропагандистскую цель. Он старается внушить своей аудитории сознание необходимости серьезной «положительной и продуктивной» колонизации заморских владений. Надо перестать быть паразитствующими колонизаторами, необходимо взяться за реорганизацию колоний на «культурных началах», развивать производительные силы колоний, привести последние в цветущее состояние.

Надо отдать справедливость французским колонизаторам. Не в пример англичанам, французы не сумели использовать своих колоний. Всего, по словам Сарро, колонии доставляют от 10 до 12% всего французского импорта и поглощают от 10 до 12% французского экспорта.

Англия, Америка (С. Штаты) и др. страны используют французские колонии в гораздо большей степени, чем их непосредственные «хозяева». Сарро дает тут же богатейшие статистические таблицы и диаграммы, иллюстрирующие его положения.

Вся книга заполнена сравнительными таблицами, статистическими данными, прекрасно разработанными. Это серьезно разработанный «Vademecum» по французским колониям, рассеянным по Северной и Центральной Африке, Азии (Индо-Китай и Индия), Австралии, Южной Америке и др.

Французский кадет демонстрирует своим соотечественникам—головотяпам, как медленно прогрессирует жизнь в колониях. Он призывает их понатужиться и стать «творческими колонизаторами». (Насколько туземцам сладко живется под крылышком французских опекунов, можно судить потому, что в одной из областей Центральной Африки население, насчитывавшее до войны 17.000.000 жителей, ныне едва достигает... двух миллионов. Здесь сказалось не в меру усердие «цивилизованных» педагогов, своими «художествами» превративших эту область в пустыню...).

Французская экспансия концентрируется, главным образом, в Африке и Азии. Жемчужницей французских колоний является Северная Африка. Эта последняя в 8 раз больше метрополии. В 1921 г. внешний товарооборот этой части Африки составлял (экспорт плюс импорт) 7.500.000.000 франков. Остальные колонии, вместе взятые, имели товарооборот за этот же период на сумму в 5.000.000.000 франков. Если сопоставить товарооборот Великобритании с ее колониями, то вышеприведенные цифры покажутся весьма бледными. Франция кажется пигмеем по сравнению с колонизаторской Англией.

Сарро для наглядности приводит в цифрах товарооборот всех колонизаторских держав в порядке их удельного веса (Великобритания, Голландия, Португалия, Бельгия, Соед. Штаты Америки, Япония, Италия, Испания). Из его таблицы видно, что Франция все же занимает *второе* место в ряду колониальных империй как по числу туземного населения, площади, так и по ввозу и вывозу. И, тем не менее, как безалаберно, неумело, неуклюже использовывает страна купонов и куртажа свои богатые колонии.

В виду важности этой сравнительной таблицы мы позволяем себе привести ее целиком:

Колон. влад.	Площадь в кв. килом.	Население	Ввоз (в фр.)	Вывоз (в фр.)
Великобритания	34.409.316	403.539.750	25.697.510.700	31.404.862.720
Франция с С. Аф. . . .	10.241.510	55.571.184	8.284.263.619	4.892.362.809
Голландия	2.045.651	48.029.573	1.682.451.130	4.532.785.643
Португалия	2.062.164	8.737.853	366.479.635	2.926.177.576
Бельгия	2.400.000	8.500.000	237.535.000	315.245.000
С. Штаты	1.853.589	12.015.252	576.393.323	1.535.563.375
Япония	287.933	21.248.995	957.987.756	932.802.408
Италия	1.460.000	1.623.176	215.183.749	91.400.609
Испания	371.607	853.844	6.261.379	3.137.750

На протяжении 200 страниц автор детально анализирует основные отрасли производства во французских колониях. У Сарро широкая программа, для осуществления которой требуется, по его мнению, 4 миллиарда. До сих пор Франция вложила в свои колонии всего 800 миллионов франков (так называемые колониальные долги).

Читатель найдет в этой глубоко интересной книге наилучше разработанные данные о постановке школьного образования, медицинской помощи, железнодорогах, портах, администрации и т. д.

Сарро, как министр колоний, имел возможность широко использовать все материалы, хранящиеся в его министерстве. Книга в смысле богатства материалов является во французской колониальной литературе почти уникумом.

Излишне прибавить, что идеолог и практик французского империализма обходит молчанием все теневые стороны французских колоний и подвиги французских администраторов, зачастую довольно неудачливых.

Из пробелов можно отметить, во-первых, отсутствие библиографического указателя и, во-вторых, обилие «беллетристики», которою французы любят уснащать свои произведения.

П. Китайгородский.

КАЙИРО САТО. Япония и Америка в их взаимных отношениях. Пер. с японского, под ред. и с предисловием Вл. Виленского (Сибирякова). Государственное Издательство. Москва. Стр. 140.

Интересная книга, но с неверным заглавием. Вы рассчитываете, что ее страницы будут исследованием взаимных отношений Японии и Америки, но вместо того находите такие страницы, которые в раккурсе создадут только элементарную боевую песнь для возбуждения мужества в сердцах японского народа и для распаления его ненависти к врагу.

В самом деле, можно ли серьезно писать о современной политике и войне, пренебрегая экономическим анализом? Можно ли в книге о взаимных отношениях Японии и Америки опустить разбор тех хозяйственных причин, из-за которых миролюбивая до конца XIX века Америка вдруг выступила с агрессивной внешней политикой, разбила испанские эскадры Монтехо и Серверы, захватила филиппинскую империю, осуществила свое чудовищное предприятие на Панаме, создала могучие эскадры для Сан-Франциско и провозгласила миру это изумительное превращение атлантической державы в великую державу Тихого океана?

Можно ли опустить здесь объяснение той объективной обстановки, которая диктовала американскому капиталу необходимость сосредоточивать усилия на эксплуатации внутреннего рынка до 1890 гг. и которая после того властно потребовала поисков внешнего рынка? Можно ли было не рассказать о том, почему Китай оказался единственным на всей планете возможным рынком для фабрикатов американской промышленности? Можно ли было, с другой стороны, обойтись без объяснений, почему перенаселенные Острова Восходящего Солнца не в состоянии больше пропитать собственными ресурсами своего все растущего населения? Можно ли было в книге под таким заглавием не поставить отчетливо дилеммы: «Эмиграция или насаждение металлургической промышленности на японском архипелаге», и не показать, как разрешила этот вопрос внешняя политика японского капитала? Можно ли было не подчеркнуть, что Япония не имеет собственного железа и что ее уголь не годится для сидерургических процессов, и что необходимые для японцев богатства недр находятся в Китае, и что Китай поэтому нужен японскому капиталу? Нужен, как единственное спасение, как сама жизнь, и что он нужен во что бы то ни стало, нужен какой угодно ценою. Что ради овладения Китаем японский капитал не остановится ни перед какими морями крови и ни перед каким риском. Можно ли было, поставив над книгою название «Япония и Америка в их взаимных отношениях», обойтись без описания той страшной роковой трагедии, которая создалась для внешней политики японцев и американцев, устремившихся во

имя спасения своей индустрии к одной и той же жертве в садах и копях Китая?

Только анализ экономических условий мог привести к правильной постановке политического вопроса, выявить его неразрешимость для дипломатии японского и американского капитала и доказать воочию необходимость для стратегии вмешаться в это мрачное дело. После того надо было перейти к вопросу о военных базах (генерал Кайиро Сато говорит о базах, но говорит мельком; он говорит правильно, но бездоказательно для непосвященного читателя) на театре Тихого океана. Разбор этого вопроса определил бы собою тот странный парадокс, который география восточного полушария создает для стратегии: война необходима, но при современных условиях политической обстановки и военной техники невозможна. Для того, чтобы эта необходимая война стала возможною, нужно дальнейшее развитие военной техники (Вл. Виленский дает в своем предисловии очень интересные намеки по этому поводу) и нужна гениальная творческая изобретательность дипломатов капитала, чтобы создать другую политическую обстановку.

Всего этого японский автор не делает. Экономический анализ он подменяет поэтической фразеологией, а на место стратегического разбора он ставит фантазию военного эпоса. Но это с его стороны не ошибка, а сознательный умысел. Ошибкою является только заглавие, которое обещает читателю не то, что дает книга. Автор вовсе не имеет в виду развернуть научное экономическое доказательство тому, что война необходима. Он отнюдь не задается целью объяснить, зачем японскому капиталу нужны богатства китайской подпочвы и почему капиталу Америки нужен покупающий рынок Китая. Он просто и с патетической элементарностью говорит, что «Япония стремится играть главную роль на арене истории» (стр. 22), что «цель Японии заключается в распространении ее влияния на 600 миллионов жителей Восточной Азии» (стр. 97) и что «Япония есть дерево, корни которого находятся на азиатском материке». Столь же примитивными фразами обходится он, говоря и об американских вожделениях: «Америка завидует нам»... (стр. 52); «она нагло обнаруживает свои империалистические замыслы»... «Америка попирает честь нашей империи»... «наглость Америки далеко превышает дерзость России до русско-японской войны» (стр. 54) и т. д. Все эти утверждения кажутся наивными при наличии серьезно формулированного заглавия книги, но они вполне уместны в сфере ее общего содержания. Дело в том, что генерал Кайиро Сато вовсе не собирался доказывать или разъяснять что-либо. Он правильно считает, что война неизбежна, и книгою своей только стремится разжечь воинственный дух японцев и возбудить в них *нужную для войны* ненависть к американцам. В одном месте он даже проговаривается: «Нам надо усилить негодование народа и поднять могущественный дух японской нации» (стр. 22). Его книга есть одна из мер подготовки к войне. Ведь, готовясь к войне, надо произвести целый ряд сложных подготовительных операций: нужно создать армию, осуществить судостроительные программы, построить базы, проработать финансовый план, организовать запасы, оборудовать соответственным образом промышленность страны, *подготовить общественное настроение масс* и пр.

Книга Кайиро Сато есть одна из таких подготовительных мер. С этой точки зрения она великолепна и преисполнена высочайшим интересом. Наивная сама по себе, она производит трагическое впечатление боевого сигнала подобно тому, как незамысловатая музыкальная фраза военного рожка вдруг обретает потрясающую значительность в момент атаки. Эта книга есть призыв для японцев, предупреждающий симптом для нас.

Эту книгу стоит прочесть. Государственное издательство хорошо сделало, что издало ее, а издало ее оно хорошо.

Д.-Добровольский.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРМАНИИ.

Э. БАРТ. В мастерской германской революции. *М. Брагинский.*

ЭМИЛЬ БАРТ. В мастерской германской революции. Пер. с немецкого С. Кричман. С предисловием Я. Вальхера. Госиздат. М. 1924 г. Стр. 201.

В этой книге речь идет о некоторых из таких моментов в развитии германской революции, которые летописцами последней до сих пор освещены были очень мало. Что же касается событий общеизвестных, то и здесь автор, повидимому, претендует на особливую глубину и оригинальность их анализа и оценки. Все это вместе с той выдающейся ролью, которую он приписывает себе, как подпольному подготовителю революции и ее передовому вождю, должно, как это видно по всему тону его книги, по решительности и безапелляционности его суждений, обеспечить ему исключительную репутацию самого верного истолкователя эпохи войны и революции в Германии и ее бесстрашного и безупречного рыцаря. Эмиль Барт, как политический деятель, в описываемые им годы стоял на позиции крайне левых социалистов, которые, по его словам, одни только и «сохранили понимание реальной действительности и понятие о чести». И, разумеется, самым трезвым и самым чутким среди этих социалистов был он, Эмиль Барт.

Если бы от нас была скрыта та печальная известность, которую стяжал себе Эмиль Барт, как крайне неумеренный и тщеславный хвастун, то уже одно это выпячивание им своей собственной особы, которое так и прет из каждой страницы его книги, заставило бы нас насторожиться и с величайшим скептицизмом отнестись к его суждениям и оценкам вообще и к его неумеренному самообожанию в частности. Автор украшает себя всевозможными талантами и добродетелями. Он уже с самого момента объявления войны не только предугадал ее исход, но даже предсказал, если ему верить, год ее окончания. Стоя на высоте современных ему событий, самовлюбленный Барт с горделивым презрением сверху вниз взирает на массу, которую он третирует, как «трусливую, бесконечно трусливую» толпу. Объявляя себя сторонником диктатуры пролетариата и признавая, что пролетариат господствующими классами при содействии с.-д. был позорнейшим образом обманут, Э. Барт становится во главе нелегальной революционной организации, втайне подготовляя широкое вооруженное восстание в Германии. Драпируясь в тогу непримиримого, пламенного революционера, Барт обрушивается со всею сокрушающею силою своей неумолимой критики на ренегатов и предателей рабочего класса — Эбертов, Шейдеманов, Носке, Ландсбергов и—надо отдать ему справедливость — выставляет их во всем безобразии их нравственной наготы. Но на ряду с этим тот же Барт не щадит и коммунистов и с обычной для него самоуверенностью, в припадке самовозвеличения, осмеливается говорить о самоотверженнейших революционных борцах (Либкнехт, Иогихес), бесконечно превосходивших его во всех отношениях, тоном снисхождения.

Выйдя после взрыва революции в Германии из подполья, Э. Барт входит вместе с Эбертом, Шейдеманом, Ландсбергом и другими в совет народных уполномоченных, несмотря на то, что, по его собственному признанию, его коллеги саботируют революцию, что он встречал в них заведомых противников истинно-революционных начинаний, что ни одного из этих начинаний он не мог провести в жизнь, наталкиваясь на упорное противодействие Эберта, Шейдемана и всех остальных народных уполномоченных, что он оставался по важнейшим вопросам революции в столь же блестящем, сколь и бесплодном одиночестве,—несмотря на все это, Э. Барт не только оставался

среди своих контр-революционных коллег, но даже подписывал вместе с ними воззвания, которые сам же считал лицемерными. Мы можем сказать еще больше. Как мы указали выше, партию Эберта-Шейдемана Барт разоблачил до конца и своими разоблачениями пригвоздил ее к позорному столбу. Но прежний суровый и неумолимый критик ныне, как известно, сам благополучно пребывает в рядах этой партии, которую он справедливо квалифицировал, как партию предателей и палачей рабочего класса. Этим самым г. Эмиль Барт показал, какова цена его революционному пафосу. Он сам вынес себе заслуженный приговор.

М. Брагинский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Р. ЛЮКСЕМБУРГ. Накопление капитала. Т. I и II. *М. Зелинман.* — 2. Л. ЛЮБИМОВ. Азбука политической экономии. *С. Членов.* — 3. ГЕРМАН ЛЕВИ. Английское народное хозяйство. *А. Чекин.* — 4. СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕД. А. ГРОЯНОВСКОГО. Синдикаты и государственная торговля. *А. Хавин.* — 5. РУССКИЙ ХЛОПОК. Русское хлопководство в прошлом и пути к его возрождению в С. С. С. Р. *Н. Рогожин.* — 6. Проф. Б. БРУЦКУС. Экономия сельского хозяйства. *Ю. Спасский.*

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Накопление капитала. Том I и II Перевод Ш. Дволайцкого. 2-е издание. Госиздат М.—П. 1923 г. Стр. 667. Цена 3 р. 75 к.

В этой довольно объемистой книге помещено, кроме «Накопления капитала» (к вопросу об экономическом объяснении империализма), и критика этого труда: статья Отто Бауэра («Накопление капитала») и обширная рецензия Густава Экштейна о книге Розы Люксембург. Второй том «Накопления» (или: «Что эпигоны сделали из теории Маркса») является ответом на нападки, которыми критики обрушились на люксембургскую теорию накопления.

Второй том «Накопления» был выпущен Госиздатом в 1922 г. отдельным изданием, о котором мы своевременно дали отзыв в «Печати и Революции» (книга третья за 1923 г.). Следует отметить, что некоторые из указанных в нашей рецензии недостатков первого издания в настоящем издании исправлены. Книга издана вполне удовлетворительно, только цена довольно высокая, могущая служить помехой распространению ее.

Роза Люксембург собрала в настоящем труде огромный материал, превративший «Накопление капитала» в одну из основательных марксистских работ. Но насчет решения Розой Люксембург поставленной ею проблемы существуют различные мнения в лагере марксистов. Проблема эта, по заявлению самого автора, заключается в том, чтобы «представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях, а также его исторические объективные границы». Для этого автор разбирает все теории воспроизводства и накопления, начиная от Кэне и Адама Смита, анализирует теории Сисмонди, Мальтуса, Рикардо и подробно останавливается на русских экономистах—Струве, Булгакове и Туган-Барановском—и споре их с народниками, в частности, В. Воронцовым и Николаем—Оном. В этой части книги имеется много ценных страниц. Также представляют большой интерес главы, в которых Люксембург ярко описывает вторжение империалистов в колонии и удушение капиталистически отсталых стран, в частности войну Англии с Китаем из-за ввоза опиума. Все это безусловно интересный материал. Но суть книги заключается в основном поставленном автором вопросе: «существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решаю-

щим вопросом проблемы накопления капитала» (стр. 375).

Мы и здесь вынуждены выразить сожаление, как мы сделали в прошлой нашей рецензии о книге «Что эпигоны сделали из теории Маркса», что тов. Дволайцкий не снабдил свой перевод введением, а вместо этого он, как бы в ответ на наше замечание, оговаривается в своем предисловии, что и на сей раз он не счел нужным писать введение, несмотря на то, что не согласен с Розой Люксембург в вопросе о накоплении. «Не разделяя точки зрения Розы Люксембург,—замечает т. Дволайцкий,—я, тем не менее, не счел нужным писать к настоящему изданию критическое предисловие». Напрасно! Вместо того, чтобы отослать читателя искать в журнальной полемике соображения за и против «Накопления капитала», как это делает тов. Дволайцкий, было бы, бессомненно, полезнее дать тут же необходимый материал.

М. Зеликман.

ЛЕВ ЛЮБИМОВ, проф. Московского университета. Азбука политической экономии. Начальный курс. Государственное Издательство. Москва—Петроград. Стр. 236.

В предисловии к своей книге проф. Любимов отнюдь не скрывает от своих читателей, что написать «Азбуку политической экономии» совсем не легкое дело.

Во-первых, «Азбука» должна быть популярной и доступной неподготовленным читателям. Во-вторых, «по своему содержанию она не должна разниться от тех (книг), которые предназначены для образованных слоев читателей, должна представлять теоретический (научный) интерес и для этих последних, не должна даже остерегаться давать и свое, новое, не сформулированное до сих пор кем-либо другим».

Задача весьма нелегкая. Особенно, если к этому прибавить, что автор претендует «на точку зрения самого ортодоксального, т.-е. наиболее революционного марксизма», и что его книга «должна представлять собой, так сказать, курс-монографию,—монографию, посвященную закону трудовой стоимости во всех его проявлениях, а следовательно, трактующую все стороны экономической жизни».

Мы должны сказать с самого начала, что эта широковещательная программа только программой и осталась.

Изложение автора отнюдь не популярно и не общедоступно. «Истинная научность, состоящая в простоте и ясности изложения», о которой говорил Лассаль, у проф. Любимова заменяется нарочитой простецкой развязностью стиля, злоупотреблением остротами, прибаутками и множеством далеко не всегда удачных сравнений и примеров.

Проф. Любимов, видимо, полагает, что злоупотреблять иностранными словами в «Азбуке» можно, если только ставить в скобках параллельное русское слово. Мы сомневаемся в целесообразности этого приема, точно так же, как в правомерности пользования на страницах азбуки латинским и даже греческим алфавитом.

Мы боимся, что утверждение, будто Бем-Баверк называл Марксову теорию *стоимости* «эксплуатационной теорией» (стр. 7) и слияние Джемса и Джона Стюарта Миллей в одного мифического Джемса Стюарта Милля являются типичными образчиками той легкости, с которой автор оперирует со своим материалом.

Архитектоника книги нам кажется неудачной, а научные «открытия» проф. Любимова, по меньшей мере, сомнительными.

Глава I, отдела 1-го начинается со слов: «итак, политическая экономия занимается изучением общественно-хозяйственных отношений при капиталистическом строе, а значит, и вопросами народного богатства». Отсюда автор с быстротой молнии переходит к утверждению, что «причина стоимости—труд», при чем обоснования этого положения не дается никакого, кроме положения, что «взаимоотношения между стоимостью и полезностью—самые пестрые и это ясно доказывает, что последняя не может быть причиной первой».

Попутно автор тратит полстраницы на безнадежно-обывательское рассуждение о том, как это хорошо устроено, что самые полезные вещи стоят дешево, а мало полезные стоят дорого.

После этого автор думает, что он обосновал и изложил «Закон трудовой стоимости».

Конечно, по внешности это похоже на обоснование закона стоимости в «Капитале». Но ведь «Капитал» не «Азбука», и марксисты (Гильфердинг, Бухарин и др.) потратили немало труда, чтобы развернуть те предпосылки, на которых у Маркса покоится закон стоимости и о которых сам Маркс умолчал, рассчитывая на очень квалифицированных читателей.

Правда, проф. Любимов посвящает маленький раздел «Социологическим (общественным) корням закона трудовой стоимости», но эти «корни» весьма не глубоки и разветвляются ровно на одну страницу (вторая половина отдельчика фактически посвящена уже другому вопросу).

Далее идет глава о «цене и стоимости». Эта глава являет классический пример методологической путаницы. На сцену неизвестно откуда появляются капиталисты и закон равенства норм прибыли, как регулятор, приводящий цены к стоимостям.

Автор, видимо, не понимает, что теория стоимости выводится и обосновывается у Маркса в плоскости простого (не капиталистического) товарного хозяйства, и что в этой стадии исследования нет равной нормы прибыли, ибо самая категория прибыли еще не выступает на сцену.

Следующая глава о товарном фетишизме просто неудачна и мало дает читателю, но зато IV глава, посвященная «редукции», представляет собой шедевр теоретической путаницы и безвкусицы.

Прежде всего проф. Любимов решил «углубить» Маркса, раздвинуть рамки понятия «редукция» и дать ключ к объяснению при помощи Марксовой теории стоимости целого круга экономических явлений, к которым эта теория доселе не прилагалась.

У Маркса «редукция» означала сведение в известных пропорциях квалифицированного труда к простому.

В «углубленной» интерпретации проф. Любимова она должна объяснить причину высокой ценности редких и не воспроизводимых предметов.

То, что пишет автор по сему поводу, до такой степени замечательно, что заслуживает быть процитированным дословно: «никто не станет спорить, что, напр., нарисовать замечательную картину очень *трудно*. (Курсив автора.) Иными словами, на создание ее приходится затратить *массу труда*. Ясно, однако, что последнее относится не к труду самого автора картины. Он в порыве вдохновения мог создать ее очень быстро. Из чего же все-таки следует, что создать подобное произведение *трудно*? Из того, что многие пытались это делать, но у них ничего не вышло, они только напрасно потеряли время (труд). Это потерянное время (труд) одних членов общества и сообщает высокую стоимость удавшемуся произведению другого члена общества. Если бы никто не терял напрасно время (и труд) в бесплодных попытках, если бы всякий желающий (хотя и после недолгого обучения) мог нарисовать картину не хуже рубенсовской или рафаэлевской, последние, очевидно, не ценились бы так дорого, как это имеет место теперь.

«Чтоб одного возвеличить, борьба тысячи слабых уносит. И эта-то гибель тысяч «слабых» и создает высокую стоимость произведению победителя, триумфатора».

Умилительная картина: тысячи мазил и бездарностей всех времен и народов тщетно стараются изобразить, напр., Сикстинскую мадонну. Им это не удается. Затем является на сцену Рафаэль и, наконец, создает этот шедевр. А ценность картины Рафаэля определяется совокупным трудом тщетно старающихся бездарностей. Разве это не гениально?

Интересно было бы еще знать, в какой пропорции и по какому масштабу совокупный труд неудачников распределяется между гениальными и просто талантливыми картинами.

Зачитывается ли Рафаэлю только труд бездарностей, затраченный до появления Рафаэля, или же ему «вменяется» и некая доля из тех миллионов часов бесполезного труда, которые затрачены зря со времен Рафаэля до наших дней.

Много еще вопросов возникает по поводу этой теории редукции проф. Любимова.

Только одно вне сомнения: эта теория ничего общего с теорией ценности Маркса не имеет, и хотя работа проф. Любимова над главой о редукции и потрачена зря, но ценности Марксова «Капитала» она не увеличивает.

Еще Рикардо знал, что к редким предметам, которых общество не может воспроизводить, теория трудовой ценности не применима.

Не мешало бы это знать и проф. Любимову. Мы пропускаем главу об абстрактном и конкретном труде, пока нам не предъявят хоть одного рабочего, который понял бы что-нибудь из этой «популяризации», и переходим к отделу, посвященному деньгам.

Необходимость денег обосновывается автором так: «В товарном обществе ежесекундно происходит масса меновых сделок. Поэтому в нем особенно необходимо знать, чему равняется стоимость каждого товара. Определять всякий раз, сколько в нем заключено общественно необходимого времени, и производить для этого сложные статистические вычисления,—способ слишком дорого стоящий, громоздкий и, следовательно, совершенно неприменимый в практической действительности. Приходится, следовательно, прибегать к другому, пусть менее точному, но зато более скорому и удобному способу».

Вряд ли можно итти дальше в непонимании не только теории денег, но и теории ценности Маркса.

В качестве примера малограмотности и небрежности, с которой написан отдел о деньгах, приведем еще следующую цитату:

«По мере развития капитализма металлические деньги удовлетворяют все меньшую и меньшую долю оборота, а бумажные, наоборот, все бо́льшую и бо́льшую. В расчетных операциях германского имперского банка 1 пфенниг наличных денег оказался в 1894 году достаточным для годового оборота в 4,35 марок, в 1900 г. для годового оборота в 8,30 марок».

Пример взят у Гильфердинга, где он иллюстрирует растущую роль безденежных банковых расчетов.

А у проф. Любимова этот же пример почему-то должен иллюстрировать рост значения одного вида денег (бумажных) за счет другого (металлических), хотя совершенно ясно, что положение, которое выставляет проф. Любимов, и пример, которым он его иллюстрирует, между собой ничего общего не имеют.

Тут же в сноске указано, что марка равна 51 коп. золотом. Конечно, это мелочь, но мелочь характерная. Если уже указывать паритет марки и рубля, то надо указывать правильно (47 копеек).

Наша рецензия превратилась бы в довольно большую статью, если бы мы стали отмечать все курьезы и несообразности, щедрой рукой разбросанные на страницах «Азбуки».

Мы от этого воздержимся. Но ведь нельзя же пройти молчанием мимо такой, напр., трактовки теории цен производства:

«Хотя средние цены товаров *регулируются* (управляются) трудовой стоимостью, но они могут и не совпадать с нею, подобно тому, как время прихода учеников регулируется временем начала занятий, но может и не совпадать и даже, в большинстве случаев, не совпадает точно с ним, так как одни ученики приходят несколько раньше, а другие—несколько позже, и лишь очень немногие умудряются попасть как раз к началу занятий».

Что означает включение в отдел о концентрации производства глав о «диалектике» и «революции и эволюции»,—глав, не только ненужных, но и абсолютно вредных?

Не угодно ли: «Индивидуальное производство вызывает, в конце-концов (?), и индивидуальное потребление (?)! Начинает развиваться строй, основанный на частной собственности, т.-е. на отрицании коммунизма. Это вторая стадия, антитезис.

«Дальнейшее развитие средств производства приводит к тому, что они вырастают до того, что отдельный человек уже не в состоянии опять орудовать ими, требуется коллективное производство, которое, в конце-концов, должно обусловить и *коллективное же потребление*. (Курсив автора.)

Должен, *следовательно* (курсив наш. *С. Ч.*), образоваться строй, основанный на отрицании частной собственности (на средства производства).

Весь этот вздор у проф. Любимова гордо именуется «диалектикой общественной жизни».

Такого же сорта рассуждения об «эволюции и революции».

Напр.: «Революция и эволюция отличаются друг от друга, главным образом, быстротой темпа процесса развития. Так, напр., Франция более двух (?) столетий не могла освободиться от цехового строя, а революция очень радикально (коренным образом) избавила ее от него в одну ночь.

То же самое (!) верно и в отношении английской революции».

Раздел о «революции и кровопролитии», украшающий собой стр. 144—145 «Азбуки политической экономии», бьет все рекорды мелкобуржуазной пошлости.

Книга, страдающая такими дефектами, как рецензируемый труд проф. Л. Любимова, для подготовленного читателя бесполезна, для неподготовленного вредна.

С. Членов.

ГЕРМАН ЛЕВИ. Английское народное хозяйство. Перевод с немецкого, с предисловием В. В. Святловского. Изд. «Книга», Петроград—Москва, 1924 г. Стр. 248.

«Среди немецких буржуазных экономистов, изучавших английское народное хозяйство,—пишет в своем предисловии к новой книге Германа Леви проф. В. Святловский,—... одно из первых мест принадлежит проф. Герману Леви... Его обзор «английского народного хозяйства», предлагаемый ныне в переводе вниманию русского читателя, тоже написан бойко и интересно и, по-своему, сочно и красочно. Опытная дружеская рука немецкого экономиста широкими мазками рисует характер и итоги того многовекового экономического развития Англии, которое до мировой войны создавало ей во многих областях первенствующее положение... Леви в заключение выясняет ту новую экономическую политику, которая должна в настоящее время развиться в «островном» государстве» (стр. 7—8)...

Правда, этот «благосклонный» отзыв автора предисловия несколько корректируется признанием, что «для анализа того сложного социально-экономического клубка, который образовался в итоге войны, недостаточно простого, хотя и талантливого, вульгарно-буржуазного, хотя и насыщенного эрудицией, подхода» (стр. 9). За всем тем—у читателя остается после прочтения 10 стр. предисловия, убеждение, что в книге Леви он найдет «интересный», «сочный», «красочный», «талантливый» и т. п.—в достаточной мере *научный*—очерк «английского народного хозяйства»...

Приходится признать, что такая оценка книги Леви, мягко выражаясь, «несколько преувеличена».

Наиболее ценные ее части, трактующие «основы экономического развития Англии», представляют собою компилятивную сводку того, что известно по ряду других работ. Можно согласиться с тем, что особенно теперь, когда, наконец, восстановлены условия более или менее нормальных сношений между Советской Россией и Англией, такая компиляция и полезна. Но приходится признать и эти части только более или менее удачной сводкой общественных данных.

Зато у Леви получаются сверхъестественные курьезы, когда он начинает переступать за пределы экономики и пытается войти в область политики (социальной, торговой и всякой иной). В этих областях он не только буржуазный «эрудит» (как чрезвычайно популярно выражается В. Святловский), но не обладает даже элементарнейшими познаниями.

Вот несколько типичных образцов «эрудиции» почтенного немецкого профессора. Устанавливая, что с 80-х годов в Англии «заметны ростки социалистического движения», Леви утверждает, что «возникла *даже* и некоторое время существовала «социал-демократическая федерация» (стр. 175). Это «даже» исключительно по своей лаконичной красоте, но и такая красота не заставляет нас примириться с утверждением автора о недоговоренности существования социал-демократической федерации. Леви ее хоронит окончательно спустя «некоторое время» после ее основания. Всякому же грамотному человеку теперь известно, что федерация выросла в социал-демократическую партию, затем заменила

свое прежнее имя новым («Британская социалистическая партия»), чтобы пережить во время войны раскол (интернационалистическое и патриотическое крыло) и перевоплотиться в Британскую коммунистическую партию. Обо всем этом автору неизвестно, ибо он, по выражению проф. Святловского, «эрудит», т.-е. обладает обширными и точными познаниями... Неизвестно также, почему Леви думает, что Независимая Рабочая Партия дала таких «крупных и влиятельных парламентских деятелей», как Джон Бернс, Гендерсон, Шапльтон. Бернс вышел из рядов социал-демократической федерации и лишь короткое время был в рядах Независимой Рабочей Партии, чтобы в палате общин окончательно, с 1906 г., засесть на министерских либеральных скамьях...

Гендерсон насчитывал несколько лет парламентской работы, когда он, после долгих колебаний, вошел, наконец, в ту партию, которая, по словам Леви, дала его парламенту, а Шапльтон... никогда не был членом Независимой Рабочей Партии, являясь в течение одной парламентской сессии членом Рабочей Партии и сменив это звание на звание «рабочего советника департамента труда»... Путает безнадежно наш «эрудит» и вопрос о фабрично-заводских комитетах. У него в одну кучу смешаны и боевые организации делегатов от мастерских (Shop-Stewards), и благотворительные комиссии (Wellare Committees), и комиссии по организации вечеринок и прогулок (Social unions). Все это с глубокомысленным видом связывается Леви с «знаменитым докладом судьи Уитли», который рекомендовал-де их в качестве «основы новой организации труда» (!), а на самом деле имел дело с вопросом о порядке примирительного разбирательства и арбитража... А чего стоит утверждение, что профессиональное движение Англии приобрело «огромное влияние на английское общественное мнение» с помощью «профессиональных советов» (не игравших *никакой* почти роли) и ежегодного «конгресса тред-юнионов» (представлявшего собою лишь «парламент болтовни»)?...

Примерно, такую же обстоятельную «эрудицию» проявляет автор и в трактовке вопросов новой экономической политики Англии. Читатель напрасно будет искать здесь анализа относительной роли торгового, финансового и промышленного капитала в послевоенной обстановке, их влияния на решения ряда вопросов очередной политики, равно как и точности оценки общей тенденции хозяйственного развития. Вообще книга Леви производит впечатление наспех сколоченной талантливым публицистом из разнообразного материала текущего момента. Германский книжный рынок за последнее время—в связи, очевидно, с разительным ухудшением положения авторского труда—начинает страдать от небрежности авторов. Книга Леви представляет собою одну из печальных иллюстраций этого. Стоило ли ее переводить?

Но если переводить ее, так следовало бы озаботиться тщательной редакцией. А то и язык перевода вполне отвечает небрежности содержания книги, и многие места оставляют желать лучшего в смысле передачи оригинала. Впрочем, что говорить о переводе, когда В. Святловский свое предисловие—очевидно, из желания «выдержать единство стиля»—пишет весьма оригинальным русским языком. Рассказывая, напр., о размерах безработицы, он подогревает себя до «поэтического пафоса»: «по эта *пирамида*,—пирамида жгучего людского страдания и бедствия (цены тоже растут !)—этим еще *не исчерпывает* своей головокружительной высоты» (sic !). Есть у него и такие невразумительные места: «а между тем эксплуатация английских колоний, мирная и мировая гегемония на чрезвычайно доходных валютном и фронтовом (очевидно, фондовом!) рынках (в рынках!). Словом, все разнообразные виды *неустанного и непрерывного* обогащения английской буржуазии, как бы создают медлительность и *бестемпераментность* стремлений к наживе» (стр. 14).

Корректура — подстать небрежному стилю. Мы узнаем, напр., что во главе консерваторов находились в 1846 г. Виконсфильд и Шефтбери, при чем мало искушенный читатель не увидит, конечно, в Виконсфильде старого знакомого Дизраели (лорд Биконсфильд)! Благодаря усилиям корректоров, в Англии появляются «Мунделлот» (Мунделла—известный

деятель по просвещению), «Чарльз Буц» (Бутс—автор многотомного исследования о положении труда в Лондоне) и т. д. и т. д...

Путаная книга, небрежно переведенная и средактированная, бесполезна для мало знакомого с вопросами читателя и даже может принести вред, если попадет к этому читателю. А для читателя, знающего вопрос и ищущего новых освещений, новых фактов, она представляет собою справочник, сводку материалов, какие ему известны и по другими источникам.

Д. Чекин.

СИНДИКАТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ. (По материалам промышленной инспекции). Под редакцией и с предисловием А. Трояновского. Москва. Издание НКРКИ. 1923 года. Стр. 151.

Кризис сбыта, охвативший с необыкновенной силой осенью прошлого года всю русскую промышленность, привел к коренному пересмотру нынешних организационных форм промышленности и, прежде всего,—к пересмотру вопроса о целесообразности существования синдикатов в нынешних формах.

Издание настоящего сборника, суммирующего материалы, произведенного промышленной Инспекцией НКРКИ летом 1923 г. ревизионного обследования почти всех наших синдикатов, является поэтому вполне своевременным.

Центр тяжести сборника—в статьях, посвященных торговой и регулирующей деятельности синдикатов и принадлежащих перу Дрюбина и А. Трояновского. Статья, посвященная уставам синдикатов, имеет преимущественно исторический характер, так как уставы синдикатов частью уже опубликованы в новой переработанной редакции (Нефтесиндикат), частью находятся в переработке.

Статья, посвященная счетоводству синдикатов, носит узко-специальный характер, и касаться ее в настоящей заметке мы считаем излишним.

Перейдем к основным статьям сборника.

Те разнообразные и достаточно полные материалы, которые приводятся в статье «Торговая деятельность синдикатов», показывают, что синдикаты сумели развернуть мощный и весьма разветвленный торговый аппарат—24 отделений, раскинутых Текстильным Синдикатом (по последним сведениям в стадии организации находится значительное количество новых отделений), 11 (по последним сведениям теперь уже 23) отделений Резинотреста, 17 Губсельконтор, раскинутых Солесиндикатом, 18 районных контор Нефтесиндиката,—таков тот торговый аппарат, который создан важнейшими синдикатами за $1 - 1^1/_2$ года их существования.

Если учесть то обстоятельство, что эти органы преимущественно являются органами областными и крупно-районными, обслуживающими каждый несколько губерний, то эта работа по развертыванию торгового аппарата должна быть признана вполне удовлетворительной. Обращаемся к приводимым автором статьи «Торговая деятельность Синдикатов» данным о доле трестовской продукции, реализуемой через аппарат синдикатов. Согласно данным указанной статьи в 1923 г. Текстильный Синдикат реализовал через свой аппарат 36% всей продукции хлопчато-бумажной промышленности, 9,7% шерстяной, 6,4% льняной, 9% шелковой; Солесиндикат—75% продукции своих членов; Продсесиликат — 50%; Кожсиндикат — 25%. Цифры эти достаточно красноречивы.

Таковы те наиболее важные итоги, которые напрашиваются из анализа данных статьи «Торговой деятельности».

Следует признать, что все эти материалы разработаны достаточно детально и добросовестно.

Все же ряд сторон автором упущен. Взять хотя бы то, что автор совершенно не сделал никаких выводов из приводимых им же цифр, о том, что из числа реализованных Текстильным Синдикатом в 1922 г. товаров 84% приходится на хлопчатобумажн. товары и 16%—на все остальные (шерстяные, шелковые, льняные, трикотажные),—и что в то время, как в 1923 г. Синдикат проводил реализацию продукции хлопчато-бумажной промышленности в размере 36%, реа-

лизация продукции остальных отраслей промышленности производилась им лишь в размере 6,9%.

Несомненно, что основной дефект работы крупнейшего Синдиката—Текстильного именно и заключается в неравномерности охвата им работы всех трестов, в том, что он обслуживал, главным образом, хлопчато-бумажную промышленность.

Вообще эта глава ценна исключительно в силу содержимых ею значительных цифровых данных. Каких-нибудь конкретных мероприятий об улучшении торгового аппарата автор, кроме таких бесспорных и слишком общих указаний, как желательность максимальной децентрализации сбыта, не предлагает.

Статья «Снабженческая деятельность Синдикатов», написана чрезвычайно поверхностно, и общий вывод, делаемый автором о том, что «Снабженческая деятельность Синдикатов почти везде случайна, результаты ее невелики», не может быть признан достаточно обоснованным, что видно из того, что ряд отдельных синдикатов все же и в этом деле добился существенных успехов (сырьевые заготовки Табачного Синдиката, сырьевые заготовки Махорочного Синдиката, Кожевенный Синдикат снабжал кожевенные тресты сырьем в размерах 50% переработанного им; заслуги Текстильного Синдиката в деле заготовки хлопка также вряд ли оспоримы). Несомненно, конечно, что в этом отношении синдикатам предстоит проделать еще большую работу по приспособлению своего заготовительного аппарата к нуждам трестов.

Вообще, конечно, постановку сейчас вопроса о полной централизации синдикатским аппаратом дела снабжения следует признать, по меньшей мере, преждевременным, поэтому речь может итти лишь о заготовке сырья и других предметов массового снабжения.

Центр тяжести всего сборника заключается в статье Трояновского «Регулирующая деятельность Синдикатов», в которой дан ряд чрезвычайно важных и ответственных выводов по вопросу о деятельности синдикатов, среди которых, наряду с выводами правильными и бесспорными, имеются выводы парадоксальные и вовсе спорные.

Укажем хотя бы на утверждение автора, что тресты смотрели на синдикаты, и не могли не смотреть, как на настоящие синдикаты, как на свои организации. Между тем ведь инициатива в создании синдикатов исходила почти всегда от трестов соответствующей отрасли промышленности, и прошедшая недавно серия съездов уполномоченных почти всех отраслей промышленности дружно подчеркнула необходимость синдикатов, включая и наиболее спорные (Нефтесиндикат, Сельмаш). Весьма спорно положение, выдвигаемое автором, о том, что борьба за снижение цен шла помимо синдикатов.

Именно синдикатам принадлежит инициатива в деле постановки контроля калькуляции и, если синдикаты были вынуждены отстаивать в центральных регулирующих органах (Комвнуторг) более высокие цены, чем те, на которые претендовали органы потребителей, то это совершенно естественно вытекает из самой природы синдикатов, являющихся не самодовлеющими органами, а органами, объединяющими тресты и отражающими их настроения и защищающими интересы производства, почему, конечно, синдикаты и не могли проводить линию огульного, механического снижения цен. Наоборот, сами же синдикаты в лице своего представительного органа — совета синдикатов — взяли на себя инициативу в деле снижения цен. Утверждать же, как это делает автор, что «синдикаты и Комвнуторг не только не останавливали роста цен, а, наоборот, способствовали ему», это значит итти по линии наименьшего сопротивления и к отказу от действительных объяснений сложных экономических явлений.

Все же статья т. Трояновского содержит много несомненно интересных мыслей. Отметим в особенности все его выводы, относящиеся к вопросам планирования хозяйства, регулирования рынка, размежевания функции синдикатов от функции ВСНХ, т.-е. выводы по самым жгучим вопросам экономической политики сегодняшнего дня.

Резюмирую: сборник дает ряд интересных и бесспорно ценных цифровых данных о работе синдикатов, цифр, до сих

пор еще нигде не опубликованных с надлежащей полнотой.

Точно так же несомненный интерес внушают теоретические положения, намеченные в сборнике. Независимо от того, что среди них имеются и положения весьма спорные.

Во всяком случае следует признать, что в нашей новейшей экономической литературе, посвященной практическим вопросам экономического строительства, регистрируемая книга займет достаточно видное место.

А. Хавин.

РУССКИЙ ХЛОПОК. Русское хлопководство в прошлом и пути к его возрождению в СССР. Изд. Главного Хлопкового Комитета. Москва. 1923 г. Стр. 102.

Прошлый 1923 год является переломным годом в хлопководстве Средней Азии и Закавказья, падающем на протяжении ряда предыдущих лет. С этого года оно решительно направилось в сторону восстановления. Так, упав в 1922 году по республикам Средней Азии до 63.428 дес. и по Закавказью до 600 дес. в 1923 году, площадь посевов хлопка увеличилась по средней Азии до 180.000 и по Закавказью до 23.000 десятин.

Обнаружившемуся возрождению хлопководства соответствует и тот интерес, который стали проявлять к этой важной отрасли отечественного хозяйства периодические и повременные издания как в центре, так и в хлопководческих республиках. В частности, нельзя не отметить заметное углубление содержания и более регулярный, чем раньше, выход возникшего в 1922 году органа ГКХ—«Хлопковое Дело». Тем же Главным Хлопковым Комитетом ко II съезду Советов СССР был издан специальный сборник «Русский Хлопок», впервые, после более чем пятилетнего перерыва подводящий итоги хлопководству в советских условиях и намечающий перспективы и методы работы хлопковых организаций на 1924 год.

В первых двух очерках, помещенных в сборнике, дается краткий обзор довоенного положения хлопководства (В. И. Юферев) и характеристика положения его в годы европейской войны (И. И. Аигин). Далее идут очерки, посвященные обзору состояния хлопковой промышленности, в революционные годы. Здесь приводится целый ряд данных, рисующих изменения форм учреждений, ведавших национализированной хлопковой промышленностью, а также даны очерки состояния хлопководства по отдельным республикам за время с 1920 года.

Переломным годом к дальнейшему постепенному сокращению площади посевов хлопка по Туркестану был 1916 год (680.821 дес.), а по Закавказью—1914 г. (148.900 дес.). На протяжении ряда последующих лет по Туркестану площадь посева хлопка составляла: в 1917 году—425.849 дес., в 1918 году—110.000 дес., в 1919 г.—138.172 дес., в 1920 г.—136.336 дес., в 1921 г.—107.042 дес. и в 1922 году — 63.428 дес. Та же картина наблюдалась и в Закавказье. Здесь хлопок занимал: в 1915 году—92.250 дес., в 1916 г.—93.500 дес., в 1917 году—52.700 дес. и в 1918 году—25.000 десятин. В 1919 г. посевы хлопка в Закавказье вовсе прекратились, а начатые снова в 1920 году они составили 1.000 дес. и в 1921 году достигли 6.000 дес.

На ряду с выяснением площадей, урожаев, количества собранного сырца и выходов волокна в сборнике содержатся очерки, освещающие работу хлопкоочистительных и маслобойных заводов; в очерке С. Кондрашева дан обзор продовольственного вопроса в Туркестане. Семенное дело, приобревшее особый интерес в связи с опытами селекции и применением в Туркестане американских семян хлопчатника, также нашло отражение на страницах сборника (В. И. Юферев). В очерке Ф. Володина приведены данные опытов использования на фабриках волокна улучшенных семян с заданиями на рентабельность его и на качество в техническом отношении.

Помимо уже упоминавшегося продовольственного дела, тесно связанного с восстановлением хлопководства, в сборнике получило освещение состояние оросительного дела как в Туркестане, так

и в Закавказье. Перспективы восстановления хлопководства и плановые предположения освещены в очерке В. И. Юферева.

Сборник имеет ряд приложений, содержащих таблицы площадей посевов, сбора хлопка, ввоза в Россию хлопкового волокна из-за границы, цен на хлопок и др. Книга оживлена десятком иллюстраций, изображающих разные моменты работы хлопкоочистительных и маслобойных заводов. Иллюстрации и две географические карты — Туркестана и Закавказья—исполнены на хорошей бумаге и помещены на вкладных листах.

В общем сборник весьма интересен и сможет оказаться полезным всякому читателю, желающему познакомиться с состоянием и перспективами отечественной хлопковой промышленности. В заключение нельзя не выразить сожаление, что в сборнике мало, сравнительно, уделено внимания хлопководству в Закавказье, в то время, как туркестанское хлопководство заняло семь восьмых сборника.

Н. Рогожин.

Проф. Б. Д. БРУЦКУС. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Петроград. Издательский союз «Кооперация». 1924 г. Стр. 248.

Проф. Бруцкус, говоря его словами, не имеет в виду «Нового послереволюционного аграрного строя России, который еще недостаточно определился». Это обесценивает практические выводы автора, целиком стоящего на почве отношений буржуазной экономики. Автор впал как бы в состояние анабиоза и пишет в настоящем времени о вещах давно прошедших. Лекции проф. Бруцкуса любопытны, как живой пример твердокаменной веры «ученого мужа» в незыблемые устои буржуазного общества. Беспомощная теоретическая путаница идет у него рука об руку с богато собранным, иногда умело процеженным фактическим материалом. Говоря о меновой ценности, автор самоуверенно заявляет, что теория издержек потеряла свое право на существование и должна уступить место теории предельной полезности. Теория трудовой ценности извращенно преподносится проф. Бруцкусом под вульгаризированным видом теории издержек, при чем гениальному предшественнику Маркса, Давиду Рикардо, приписывается нелепая мысль, что меновая ценность определяется трудовыми затратами плюс проценты на капитал. В изложении теории распределения мы встречаемся с вульгарной апологетикой: каждый из элементов производства (труд, земля, капитал) оплачивается в соответствии с тем, что он прибавляет народному хозяйству. Рента определяется, как та часть дохода, которая вменяется земле. Вспоминаются при этом невольно слова Маркса, что вульгарная экономия есть доктринерская систематизация представлений агентов буржуазного производства.

Разумеется, проф. Бруцкус—сторонник закона падающей производительности последовательных затрат. Новых аргументов в пользу этого мнимого закона он, однако, не приводит. Если, конечно, не считать наивных рассуждений об охотничьем Эльдорадо, где охотник «одним выстрелом убивает огромного лося». С этой точки зрения развитие производительных сил должно представляться автору, как роковой отход от фантастики первобытного рая.

Автор—решительный «давидианец», поскольку он подходит к динамике хозяйственных форм. Вследствие своей экономической невыгодности, аграрный капитализм, по мнению проф. Бруцкуса, обречен на вытеснение трудовым крестьянским хозяйством. При этом вопрос о подчинении «трудового» крестьянства капиталом совершенно обходится молчанием. Из того факта, что в большинстве западно-европейских стран крестьянство уцелело, автор делает тенденциозный вывод, что «в сельском хозяйстве никаких процессов концентрации нельзя наметить». Крестьянское хозяйство определяется, как потребительско-трудовая организация семьи, имеющая целью извлечение из земли *наибольшего дохода* своим трудом. — Крестьянское хозяйство, в оценке проф. Бруцкуса, есть одновременно и мелко-капиталистическое предприятие и патриархальная семья, ведущая натуральное хозяйство. Автор

выиграл бы в последовательности, если бы отказался от народнического, потребительно-трудового привеска.

В описательной части своего труда проф. Бруцкус сообщает интересные, хотя и несколько отрывочные, данные о культуре зерновых хлебов, их потреблении и хлебных ценах; затем данные о животноводстве и ценах на продукты последнего, о сахарной промышленности и винокурении; наконец, обзор производства прядильных материалов. Вульгарное доктринерство проф. Бруцкуса делает его книгу непригодной в качестве пособия по экономии сельского хозяйства для Вузов. Но критический читатель сможет отделить пшеницу от плевел и использовать книгу в ее описательной части.

Ю. Спасский.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. А. РЯЗАНОВА. Женский труд. *Е. Арборе-Ралли.* — 2. А. КОЛЛОНТАЙ. Труд женщины в эволюции хозяйства. *Е. Арборе-Ралли.*

А. РЯЗАНОВА. Женский труд. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 315.

Если книга А. М. Коллонтай является историко-материалистическим обзором положения женщины в человеческом обществе и указывает путь к ее раскрепощению в коммунизме, то «Женский труд» тов. А. Рязановой дополняет и развивает, мы бы сказали, «тезисы» первого произведения, научно обосновывая все стороны участия женщины в современном производстве. Труд тов. Рязановой не является книгой для массовой агитации; это первый в высшей степени интересный опыт подойти с коммунистической точки зрения к вполне научному и всестороннему освещению вопроса женского труда в современную эпоху как в капиталистических странах, так и в Советской трудовой республике.

В этой книге мы имеем, с одной стороны, богатый и научно разработанный статистический материал по главным производствам, в которых участвует женщина, умелый подход к сухим статистическим данным, с другой стороны—глубокое изучение всех сторон женского труда, благодаря близкому знакомству автора с рабочим профессиональным движением. Главная цель автора «Женского труда», это—определение задач профессиональных союзов по отношению к женщине в производстве и в рабочих организациях. В виду этого автор исследует последовательно условия развития женского труда и его постепенное расширение в эпоху капитализма до войны, влияние войны и ее последствий, обстановку и охрану женского труда, тарифную политику и заработную плату в отношении к женскому труду.

Первая часть книги «работница в производстве» была издана отдельным изданием Профинтерном в прошлом году; она заключает в себе главы о развитии женского труда в промышленности Западной Европы и России, о распределении женской рабочей силы между различными родами промышленности и о влиянии войны и демобилизации на развитие женского труда. В этой части наиболее интересны выводы автора о распределении женской рабочей силы как между различными отраслями промышленности, так и внутри каждой отрасли труда, между различными профессиями, и данные, относящиеся к квалификации женского труда в фабричной промышленности.

«Среди женщин,—говорит автор,—совершенно отсутствуют представители экстенсивно-квалифицированного труда. Они являются преимущественно поставщиками подученной и неквалифицированной рабочей силы, а в отдельных отраслях представительницами и интенсивно-квалифицированного труда».

Вопрос о квалификации, в связи с развитием женского труда и с отношени-

ем рабочих организаций к этому труду, выдвигается автором в первую очередь и исследуется особенно тщательно и детально.

Из всех данных по различным отраслям выявляется, чт оразделение между мужским и женским трудом шло не по линии вредности или тяжести труда для женского организма, а по линии наибольшей привилегированности, наибольшей квалификации данной отрасли промышленности.

Империалистическая война вызвала такие изменения в социально-экономической жизни женщины, на которые потребовалось бы в мирное время несколько десятилетий; не осталось ни одной отрасли труда, в которой не применялась бы женская рабочая сила. Опыт такого быстрого «внедрения» работниц в хозяйственное строительство, такого «натиска» работниц на все отрасли промышленности показал, что «во всех новых для женского труда отраслях промышленности женщины, если им дать возможность получить *соответственную подготовку*, выполняют эти работы не хуже мужчин.

Но если война во всех капиталистических странах «внедрила» работниц во все отрасли и увеличила с июля 1914 г. до ноября 1918 г. число женщин работниц и служащих на несколько миллионов, то зато сейчас же по окончании войны сотни тысяч работниц были выброшены на улицу после демобилизации. Т. Рязанова ярко характеризует положение этих «отрядов» полуобученных и неквалифицированных работниц, которые не находят применения своим силам и увеличивают только резервную армию труда; выброшенные из производства и из организации они невольно являются фактором, влияющим на понижение заработной платы. В то же время т. Рязанова устанавливает в цифрах прожиточный минимум в Германии и Австрии и доказывает, насколько опустился уровень жизни рабочего класса, даже наиболее квалифицированной части его, в Германии и Австрии.

Во второй части книги: «Охрана женского труда» основательно рассматриваются данные о влиянии промышленного труда вообще, и в его отдельных отраслях, на здоровье работниц. Выясняются причины, наиболее увеличивающие смертность и заболеваемость работниц в капиталистических государствах. Низкая заработная плата, вследствие слабой квалификации, однообразная механическая работа, утомительно длинный день, специальные профессиональные вредности и, на ряду с этим, интенсификация труда в современной промышленности рассматриваются автором со стороны их «последствий на жизнь и здоровье работницы. Являются ли эти факты—усиленная смертность и заболеваемость женщин-работниц—неизбежными спутниками промышленного труда?».

Для охраны женского труда, в виду угрозы «вырождения нации», в наиболее «цивилизованных странах» все более удлиняются списки профессий, из которых изгоняется труд женщин и подростков; «сердобольными гигиенистами» поднимается вопрос о необходимости изъять из производства замужних женщин.

«Однако,—отмечает автор,—все эти ограничения являются мерами, далеко недостаточными для охраны здоровья работницы, и задерживают только оздоровление условий труда, вообще, вынуждая мужскую рабочую силу работать при тех же разрушающих здоровье условиях».

А между тем за небольшим исключением, именно те отрасли промышленности, которые считаются в современном обществе наиболее подходящими для женского труда, дают нам данные о наиболее вредном влиянии промышленного труда на здоровье работницы. «Нет ни одной профессии, в которой заболеваемость и смертность рабочих не превышала бы норму заболеваемости и смертности среди имущих классов, и нет ни одной профессии, в которой промышленные вредности не отражались бы сильнее на более слабом женском организме».

Исключение «наиболее слабых» элементов из особо «вредных производств» является шагом вперед только постольку, поскольку рабочему классу не удается добиться радикальных мер по оздоровлению самого процесса производства.

Единственный выход из этого положения заключается в организации си-

стематической подготовки подрастающей рабочей силы обоего пола к профессиональной деятельности, а затем правильное ее распределение, на ряду с оздоровлением всех процессов производства, созданием нормальных условий труда. Только школа, соответственно устроенная, помогла бы обществу рационально распределить рабочую силу его членов, сообразно не только силам, но и способностям и наклонностям каждого из них.

Но этот выход, как и более детальное изучение вредности отдельных отраслей промышленности и процессов труда по отношению к человеческому организму вообще и организму женщины, в частности, возможен только при условии, если все производство, все народное хозяйство ведется не для пользы кучки капиталистов-собственников, а для блага всего общества. Только тогда может быть поставлен и разрешен вопрос как о рациональном распределении, так и о соответственной подготовке рабочей силы. Только при таких условиях женщина получила бы не менее ответственную, в сравнении с мужчиной, не менее квалифицированную работу, вполне отвечающую как ее физическим, так и духовным силам. Останавливаясь на специальных мерах по охране женского труда, т. Рязанова касается прежде всего вопроса организации быта при новых экономических условиях, перехода от индивидуального к коллективному хозяйству, от семейного воспитания детей—к государственному.

В третьей части своей книги тов. Рязанова переходит вплотную к вопросу положения работницы в профсоюзах. Принцип «равная заработная плата за равный труд», принятый Версальским договором, зависит от разницы в оценке мужской и женской рабочей силы, от законов, которые регулируют заработную плату в капиталистическом обществе, от тарифной политики, которой руководствуются профсоюзы; тарифной политики и отношению к работнице западных профсоюзов Амстердама тов. Рязанова противопоставляет тактику российского профдвижения. Не только предприниматели, но и профсоюзы на западе в общем устанавливают заработную плату, но не только по признаку квалификации и производительности, а и по признаку пола. Эта разница обусловливается тем, что прожиточный минимум для женщины считается меньше, чем для мужчины, который должен содержать семью. В Англии только один союз провел до сих пор одинаковую оплату мужского и женского труда.

Тов. Рязанова указывает, насколько чужд, напротив, российскому профдвижению так называемый «женский вопрос». Во всех программах русских профсоюзов, даже до революции, неизменно выставлялось требование равной оплаты женского и мужского труда. Эта политика союзов приобрела реальное значение для женщины только после перехода власти к пролетариату. Автор анализирует тарифную политику профсоюзов после революции в Советской России, указывает на правильность подхода к оценке труда только со стороны квалификации и производительности, анализирует детально квалификацию женщин в отдельных отраслях и соответственно категории оплаты и кончает выводами из данных настоящего времени как на Западе, так и в России,—чтобы дать возможность работницам стать равноценным работником в хозяйственно-экономической жизни, первым делом профсоюзов является установление минимума заработной платы в национальном масштабе, единой для рабочих и работниц, которая должна точно соответствовать прожиточному минимуму; затем дальнейшее повышение заработной платы должно строиться в соответствии с квалификацией и производительностью труда—вместо «семейных» тарифов, необходимо обеспечить воспитание детей за счет государства. Тов. Рязанова обращает специальное внимание на низкую квалификацию работницы, на профессиональную подготовку на Западе и в Сов. России и на разрешение этого вопроса в связи с женской безработицей.

Однако, и при одинаковой квалификации и при одинаковой расценке, труд женщины, в среднем, будет менее производителен до тех пор, пока она не освободится от работ по дому и хозяйству. И тов. Рязанова, переходя к новой экономической политике в России, указы-

вает, что так как оценка труда рабочих и работниц в каждом отдельном союзе, расположение всех категорий трудящихся по тарифным разрядам остаются те же, вся крупная промышленность остается в руках пролетарского государства,— Всероссийский Центральный Совет Профсоюзов, являясь руководящим органом профдвижения, всегда найдет пути к правильному строительству хозяйственной жизни в духе коммунистического общества.

Последняя глава книги тов. Рязановой касается отношений профсоюзов к работнице и активности работницы в профессиональном рабочем движении, и кончается описанием революционного развития русских профсоюзов и выработанной во время революции единственно правильной тактики по отношению к работнице, не отделяющей одной половины рабочего класса от другой а, напротив, привлекающей женщину, наравне с мужчиной, к активной деятельности в строительстве.

Е. Арборе-Ралли.

А. М. КОЛЛОНТАЙ. Труд женщины в эволюции хозяйства. Гиз. М. 1923. Стр. 208+2 таб.

Книжка Ал. Мих. Коллонтай, заключающая в себе курс 14 лекций по истории женского движения, отличается своим, в высшей степени, литературным и в то же время ясным и понятным, даже для малограмотных работниц, изложением, и дает яркую картину положения и быта женщины в различные эпохи развития общественного производства.

От эпохи доисторического времени, от эпохи кочующих родов и племен первобытного коммунизма, от первых зародышей человеческого производительного труда и вплоть до нашей эпохи пролетарской диктатуры, читатель следует за автором постепенно через все ступени развития человеческого общества параллельно с изменением форм производства; положение женщины в обществе и в семье во время каждой отдельной исторической эпохи обусловливается степенью ее участия в общественном производстве. Основной тезис книги—тесная связь между правовым положением женщины и господствующими формами народного хозяйства каждой эпохи—подчеркивается в каждой главе, может быть, черезчур часто для более сознательного читателя, но тем самым придавая еще большую ясность изложению причин юридического и семейного бесправия женщины.

Яркой, колоритной и образно очерченной вереницей проходят перед вами одна за другой женщины разных исторических эпох: свободная женщина кочующего человеческого стада (рода), отстающая во время материнства от своих сородичей, и в борьбе за существование свое и детей открывающая громадную силу и пользу огня, она же есть первый земледелец и первый архитектор человеческого жилья; женщина—глава семьи и рода в земледельческих племенах; женщина—служанка, подчиненная физической силе в скотоводческих пастушеских родах. Дальше, возникновение частной собственности, рабовладельческий строй: женщина закрепощена в узкой, мало производительной работе домоводства, патриархальная семья: женщина уже только придаток мужа. Женщина—добыча войн, невольница, раба древней Греции и Рима. Затем мы видим замкнутое натуральное хозяйство средневековья; ремесленное производство и общинное землепользование выдвигают перед нами последовательно женщин трех расслоившихся классов: дворянку — помещицу, владелицу средневекового замка или усадьбы, ремесленницу—гражданку класса нарождающейся буржуазии и крепостную крестьянку. После мрачной картины средневековья обрисовывается перед нами автором положение женщины в эпоху расцвета торгового капитала и мануфактурного периода. Века перелома хозяйственной системы производства, эпоха зарождения капитализма, носящая классическое имя эпохи Возрождения и Реформации отзываются и на положении женщины в семье и в обществе. Мы видим, с одной стороны, как «нарастает число бледных, изнуренных трудом и заботами кустарниц, забитых нуждою, трепещущих перед работодателем, скупщиком». С дру

гой стороны, «женщины имущих классов, паразитки, утопающие в роскоши». В то же время в пределах нарождающегося буржуазного класса переоценка человека, как личности, выдвигание на арену истории отдельных женщин философов и политиков. Развитие техники и капитализма, женский труд в крупно-капиталистическом производстве; женщина наемная работница появляется перед нами в безотрадном мраке начала капиталистической эпохи, бесчеловечная эксплоатация женского и детского труда, развал семьи, растущая проституция. «Чем пышнее развивался капитализм, тем тяжелее, невыносимее становилось положение женщины». Однако, «производительный труд вне узкого домоводства, труд, создающий ценности, который брался на учет народным хозяйством, был той великой силой, которая через неописуемые страдания и муки вывела женщину на путь ее освобождения». Конец XVIII и XIX века—поворотный пункт в истории женской судьбы—быстрый рост женского наемного труда; в конце XIX столетия 30—45% всего женского населения в капиталистических странах заняты самостоятельным трудом. Заработка мужа не хватает на семью, замужество перестает быть главной целью и убежищем для женщины. Рядом с производителем рабочим перед нами производитель—работница. С ростом пролетариата все большее число женщин втягивается в круг общественного производства. Но при капиталистическом строе совершается не раскрепощение женщины, не признание ее равноценности и равноправности с мужчиной, а, наоборот, возникает кричащее противоречие между ролью женщины в народном хозяйстве и полным ее бесправием. Нарождается так называемый «женский вопрос».

Автор переносит нас во времена французской революции, когда во Франции насчитывался уже многочисленный женский пролетариат, и указывает причины, по которым в 1789 году женщины народа, мелкие ремесленницы, кустарницы, торговки, становятся деятельнейшими участницами восстания. В ожесточенной борьбе молодой революционной буржуазной Франции против старого феодально-дворянского, насквозь прогнившего строя, и нарождающегося пролетариата участвуют деятельно впервые в истории женщины. Из их рядов выдвигаются отдельные личности, начиная с меньшевички (жирондистки) мадам Ролан, демократки журналистки Луизы Корали, равноправки Олимпии де Гуж и кончая санкюлоткой и якобинкой Розой Лакомб и знаменитыми вязальщицами.

Отныне женщина становится все чаще деятельным участником социальной классовой борьбы. Но хотя «отдельного самостоятельного женского вопроса не существует», существование противоречий между бесправием женщин и растущим их участием в производительном труде, вызывает в жизнь в буржуазном обществе новое явление: рождается женское движение.

С конца XVIII века движение это растекается по двум руслам: одно развивается под флагом буржуазного (феминистического) женского движения, другое составляет часть классового рабочего движения. Автор воскрешает перед нами, с одной стороны, борьбу буржуазных феминисток за свободу образования и за избирательные права, воинственную тактику «суффражисток», типы женщин интеллигенток, первых врачей, ученых и писательниц, с другой стороны, участие работниц в профсоюзах и в социалистических партиях.

По мере того, как крепнет и развивается движение рабочего класса и классовая борьба, в которой принимает участие все большее число женщин, появляется ряд женщин вождей социалистического и революционного движения: женщины—героини Парижской Коммуны, русские революционерки, народницы 70-х годов, бесстрашные террористки Народной Воли, выдающиеся деятельницы социалистки западного рабочего движения.

Мировая кровопролитная война резко изменяет отношение к женскому труду. Недостаток мужских рук с момента начала войны заставляет все капиталистические государства использовать женский труд в массовом масштабе, во всех отраслях производства, без исключения. Прирост женского труда с 1914—1918 гг. колеблется в пределах 70—400%. В об-

щем рост женского труда за время войны в Европе и Америке равняется приблизительно 10 миллионам.

Это вовлечение женщины в круговорот народного хозяйства укрепляет фундамент для дальнейшего раскрепощения женщин. Но в то же время росла эксплуатация женского труда. Формальное признание равноправности женщин, их доступ к избирательным правам почти во всей Европе фактически не изменили положения женщины при господстве буржуазного строя и классовом неравенстве.

После этого обзора автор переходит к анализу событий пролетарской революции и ее завоеваний, к диктатуре трудящихся.

Последняя часть книги, труд женщины в эпоху диктатуры, заключает в себе четыре главы, посвященные организации труда во время переходного времени от капитализма к коммунизму, условиям женского труда и его охране в Советской республике, революции быта и революции нравов.

Глава, посвященная условиям труда и, в частности, охране женского труда в Советской России, в книге тов. Коллонтай является, может-быть, наименее удачной, так как она дает только общие положения и не затрагивает глубоко вопроса.

Следующие две главы, революция быта и нравов, затрагивают наиболее глубокие и злободневные вопросы нашего времени. Вопрос о материнстве с социальной точки зрения, вопросы новой коммунистической этики, вопрос о проституции рассматриваются серьезно, хотя и в общих чертах. Эти главы, конечно, требуют дополнения для полного освещения вышеупомянутых вопросов.

Наконец, последняя глава подводит итоги революции в женском вопросе и касается перспектив женского труда при развитии коммунизма.

Е. Арборе-Ралли.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. В. ФРИЧЕ. Очерки истории мирового рабочего движения. Рабочее движение в России. *В. Яроцкий.* — 2. М. БАЛАБАНОВ. Очерки по истории рабочего класса. Ч. I. Крепостная Россия. Ч. II. Капиталистическая Россия. *А. Чекин.* — 3. II КОНГРЕСС КРАСНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПРОФСОЮЗОВ. *М. Зеликман.*

В. ФРИЧЕ. Очерки истории мирового рабочего движения. Рабочее движение в России. Изд-ство «Молодой Пролетарий». Харьков. 1923 г. Стр. 64. Цена не указана.

«Как предыдущие главы истории мирового рабочего движения, так и служащий их продолжением очерк рабочего движения в России—не самостоятельное исследование, а лишь попытка в возможно более сжатой форме передать читателю результаты, добытые исследователями этого вопроса с тем, чтобы он легче мог ориентироваться в многообразии и обилии фактов и событий».

Так сам автор определяет характер своей работы. И, конечно, ничего нового в «Очерках» мы не найдем... Но уже давно известно, что даже самая популярная работа, основанная на исследовательских изысканиях других и написанная автором, который в такого рода исследованиях непосредственно не участвует—*много может сделать* как в смысле *правильной*, так и в смысле *неправильной постановки* освещения того или иного момента... Пожалуй, в этом отношении популярная книжка—особенно теперь, когда к ней идет новая значительная масса молодого, подрастающего читателя—должна привлекать к себе особое внимание критика и рецензента.

В этом отношении работа т. Фриче может быть отнесена к числу брошюр, безусловно полезных и нужных. Особенно обращает на себя внимание нешаблонная, но глубоко верная, научная трактовка автором вопроса о первона-

чальных рабочих объединениях. Автор правильно отмечает, что эти *первоначальные объединения* были чем-то «средним между *профессиональным объединением и политической партией*» (стр. 9). Мы до сих пор в истории рабочего движения в России—мы говорим, конечно, о *популярных* работах—встречали преимущественное толкование характера этих объединений, как *политических*. У читателя поэтому никогда не могло сложиться правильного представления о том, что именно в такого рода *универсальных объединениях* нужно искать истоков не только *партии* рабочего класса, но и его *профессиональных* организаций... Т. Фриче верно подмечает и показывает читателю, что Халтурин был не только террористом и участником политической борьбы. «Была у него еще третья заветная мечта—вызвать в Петербурге всеобщую забастовку» (стр. 17). Халтурин чрезвычайно много занимался вопросами экономического положения рабочих и пытался *построить* работу «Северно-русского рабочего союза» на *экономической* борьбе пролетариата...

Вообще же, в работе т. Фриче нет ни одной ошибки в освещении всей истории рабочего движения. С фактической стороны — брошюра отличается богатством данных и доступностью их изложения.

Можно лишь указать на один, по нашему мнению, недостаток ее. Это—отсутствие анализа *экономических предпосылок*, устанавливавших характер движения в каждый из исторических моментов. Т. Фриче, конечно, дает указания на наличность тесной связи между экономикой и рабочим движением на всем протяжении истории последнего. Но нам хотелось бы, наконец, видеть в популярных работах попытку *установить* теснейшую причинную связь между отдельными этапами развития движения и отдельными же этапами рабочего движения. Не следует думать, что такая попытка представляет чрезмерные трудности. Она вполне доступна таким авторам, как тов. Фриче. И очень жаль, что она ими не проделывается.

Но даже в таком виде—повествовательного, по преимуществу, изложения исторического хода развития рабочего движения в России,—какой придал своей работе т. Фриче, его брошюра окажется весьма и весьма полезной для той молодежи, для которой она и предназначена.

В. Яроцкий.

М. БАЛАБАНОВ. Очерки по истории рабочего класса. Ч. I. Крепостная Россия. Киев. 1923 г. Стр. 188. Ч. II. Капиталистическая Россия. Киев. 1924 г. Стр. 342. Изд. Сорабкоопа.

Два тома работы т. Балабанова доводят историю рабочего класса лишь до конца 80-х годов прошлого столетия. Они, таким образом, еще не являются *полной* историей рабочего класса. Тем не менее, уже и по первым двум томам можно заключить о характере начатой работы и об ее месте в нашей исторической литературе.

У нас до сих пор совершенно не было связной и полной истории рабочего класса России. Ценнейшие монографии, крайне полезные проработки отдельных моментов и периодов истории рабочего класса—в роде, напр., работы Мартова, «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России», или небольшой монографии Пажитнова о рабочем движении при крепостном праве, чтобы упомянуть только о позднейших марксистских работах, конечно, не заполняли ощутимого пробела. Литература вопроса не имела обстоятельной сводки

Между тем нужда в такой сводке за последнее время особенно обострилась. Новый читатель, новый слушатель высших учебных заведений определенно нуждается теперь в руководствах по истории *своего* собственного класса. Ему необходимо *знать* эту историю и по тому категорическому императиву, действие которого он непрестанно ощущает при знакомстве с русской историей и который вытекает из самого классового состава слушателей и читателей, и в силу введения в программу наших учебных заведений истории рабочего класса. Что же вынужден делать этот читатель? В подавляющем большинстве случаев он пользуется случайным — иногда совер-

шенно неудовлетворительным подбором отдельных работ, так как подобрать все необходимое он не может и не в силах (из-за отсутствия в наличности требующихся работ на полках наших библиотек, из-за невозможности расходовать много времени на ознакомление со всей литературой и по др. причинам)... Результат бывает в подавляющем большинстве случаев чрезвычайно печальный: ни систематических знаний, ни умения критически подойти к материалам не получается...

Поэтому педагог не может не приветствовать появления хотя бы первых двух томов работы Балабанова. Правда, объем делает ее недостаточно пригодной к роли *учебного руководства*. Но она все-таки *заменяет* это последнее, дает, наконец, систематическое изложение истории рабочего класса, *собственной* истории пролетариата России.

В этом отношении она призвана сыграть далеко немаловажную роль в нашей литературе. Не представляя собою большой научной ценности—в общем и целом оба тома работы являются *хорошей*, продуманной и вдумчивой проработанной компиляцией, а не плодом самостоятельного изучения архивных материалов и первоисточников (хотя знакомство с этими последними и чувствуется в обоих томах)—она имеет то огромное достоинство, что проводит во всем единый план изложения, и подбор фактов в ней выдержан с марксистской точки зрения. Нет в ней и крупных фактических ошибок, которые не позволяли бы ею пользоваться для начального, но достаточно углубленного, ознакомления с историей рабочего класса. И, разумеется, она в этом смысле оказывается *единственной* книгой для чтения по трактуемому ею вопросу.

Но, впрочем, не более, как книгой для чтения. Автор подошел к своей теме, как историк прагматик, а не социолог. Он *излагает*—точно, добросовестно и обстоятельно—фактическую историю, не давая социологического анализа. Мы должны уже предъявлять к такого рода работам несколько более повышенные требования, чем те, которыми мы могли ограничиваться в недавнем прошлом. Если несколько лет тому назад достаточно бывало просто добросовестно *рассказать* фактическое содержание истории рабочего класса в России, чтобы дать хорошую книжку, то теперь этим ограничиваться нельзя. Наша мысль углубилась, требует уже *освещения*. Рост рабочего класса в России—это именно рост, развертывание и класса в себе и класса для себя. Первый процесс идет путем постепенного, порой ускоряемого, порой несколько замедленного формирования того общественного класса, который совершенно не связан ни со средствами производства в самой промышленности, ни с деревней. Проследить этот процесс—прямая обязанность историка, который хочет дать ответ на запросы нашего читателя. Второй процесс, процесс образования класса для себя, происходит путем, с одной стороны, развертывания классовой борьбы (стачки, политические движения), с другой,—организационного закрепления роста сознания рабочим классом своего классового естества. Другими словами, историк *обязан* связать рост рабочего класса, процесс вываривания его в фабричном котле из разнородных социальных группировок с развитием движения и с развертыванием рабочей организации. Тов. Балабанову же это не рисовалось, повидимому, настоятельной задачей. Он дает нам картину образования рабочего класса (главы II—IV, части II), как дает он нам и изображение стачечной борьбы 70—80-х годов и картину нарастания нового революционного движения на почве уже *рабочего* движения. Но он не устанавливает основных закономерностей, влиянием которых предопределялся ход исторического развития рабочего класса...

Впрочем, в этом отношении Балабанову пришлось бы проделать в значительной мере *самостоятельную работу* В этой области достижения нашей научной мысли пока что крайне ничтожны и не могут похвалиться богатыми результатами. И так как «Очерки по истории рабочего класса в России» являются в общем и целом—несмотря на большую работу по подбору и до известной степени оригинального материала—только компилятивной работой, то при всей законности требования, чтобы исто-

рик рабочего класса не ограничивался прагматическим изложением, а давал бы и социологический анализ, мы этого требования к данным очеркам предъявлять не можем. Не отвечая даже ему, работа тов. Балабанова может служить далеко не второстепенным вкладом в литературу, систематизирующую наши знания в данной области, в области нашей собственной истории.

Книга издана хорошо, при чем вторая часть выполнена технически лучше первой (и бумага и печать вполне удовлетворительны).

Д. Чекин.

II КОНГРЕСС КРАСНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПРОФСОЮЗОВ. ГОСИЗДАТ. М. 1923 г. Стр. 322.

Книга содержит полный отчет о происходившем в Москве от 19 ноября по 2 декабря 1922 г. конгрессе Профинтерна. Второй конгресс учел 16-месячный опыт, который отделяет его от I конгресса, состоявшегося в Москве в июле 1921 года. Промежуток времени, казалось бы, не большой. Но когда читаешь отчет, то видишь, какую большую работу развило это красное объединение революционных рабочих, представленных на конгрессе от 41 страны.

В помещенных в книге отчетах о 14 заседаниях, которые имел конгресс, читатель почерпнет много фактического и цифрового материала о положении дел в странах старого и нового мира. Положению рабочих в колониальных и полуколониальных странах посвящен специальный доклад.

Из всех вопросов порядка дня выделяются четыре вопроса особенной важности в послевоенной обстановке рабочей борьбы: 1) вопрос об едином фронте, 2) об организационных задачах революционных профсоюзов, 3) о взаимоотношениях сторонников Профинтерна с анархо-синдикалистами и 4) Профинтерн и Коминтерн. Эти вопросы поставлены в докладах не как теоретические проблемы, а в качестве практического разрешения вопросов текущей работы. Для русских рабочих эти вопросы уже окончательно разрешены, но в разбираемой нами книге изложены в речах представителей разных стран взгляды международного пролетариата, или, точнее, передовой части его.

Весь материал, помещенный в книге, представляет большой интерес для всякого, желающего познакомиться с этапами долгого пути, по которому пролетариат в тяжелой борьбе шагает к своему освобождению. Из отчета видно, сколько на этом пути трудностей, препятствий, заграждений, наставленных не только буржуазией, но и вождями и руководителями реформистских организаций рабочего класса. В докладах т. т. Лозовского, Нина, Гекерта и др. и прениях по этим докладам подробно разобраны различные оттенки во взаимоотношениях отдельных частей рабочего класса в разных странах. Речь тов. Монмуссо по докладу о взаимоотношениях Профинтерна и Коминтерна останавливает внимание читателя на мнении по этому вопросу революционных рабочих Франции, где синдикализм имеет старые, десятилетиями выработанные традиции. Кто хочет быть в курсе международного рабочего движения, тот с интересом прочтет отчет о II конгрессе. Издана книга удовлетворительно.

М. Зеликман.

а) ИСТОРИЯ.

1. А. ВАСИЛЬЕВ. История Византии. Латинское владычество на Востоке. *И. Стеллецкий.*—**2. А. ЗАХАРОВ. Эгейский мир в свете новейших исследований.** *Н. Щербаков.*

А. А. ВАСИЛЬЕВ. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Изд «Academia». Петроград. 1923. Стр. 76.

Настоящая небольшая монография А. А. Васильева посвящена в сущности весьма незначительному, в масштабе всемирной истории, эпизоду — *борьбе трех претендентов за Константинополь*, бывший столицей случайной, художественной и весьма недолговечной (57 лет) так называемой «Латинской империи» на Востоке. Объясняется это тем, что данный труд является лишь одним (вторым) из звеньев в цепи монографий по истории Византии, предпринятых издательством «Academia».

Автор задался целью «дать в главных существенных чертах историю этой эпохи, создавшей на христианском востоке сложные и интересные условия международной политической, экономической, религиозной и культурной жизни». Распадается монография на десять глав, связанных между собою единством основной мысли — изобразить подготовительный процесс восстановления Византийской империи. Честь этого исторического акта выпала, как известно, на долю Никейской «империи», почему последняя и положена автором во главу угла.

Столицей греческого Пьемонта XIII в. был знаменитый в древности город Никея, место созыва двух вселенских соборов, с прекрасно сохранившимися мощными стенами и с мозаиками в храмах, связанными с именем поэта и художника Федора Метохита, как и с мозаиками константинопольской Кахрие-Джами.

При Федоре Ласкаре, действительно, «Никея сделалась центром империи и центром церковным» (14). Новая империя не могла не вступить в кровавый конфликт как с новообразовавшейся латинской империей, так и с претендентами на Айа-Софию: семилетней Солунской «империей» дважды клятвопреступного (стр. 20, 25) Федора Ангела и Болгарского «величайшего из Асеновичей» (стр. 24), Ивана Асеня II. Перипетиями этой борьбы и наполнена история рассматриваемого периода. Характерно в этой борьбе все то специфическое для Балкан, что дало однажды повод т. Троцкому предсказывать Европе «балканизацию», а Балканам—«варваризацию». Дважды за период (стр. 13, 27), силою непобедимого сцепления исторических обстоятельств, выпадало болгарам вступить в союз с греками в общих интересах,—союз, метко названный автором «антиисторическим греко-болгарским соглашением» (стр. 13), и оба раза он отцветал, не успев расцвести. «Миродержавная императорская роль представителя греко-славянского мира, по справедливому замечанию В. Г. Васильевского, (явно) не давалась славянским государям» (стр. 13), слишком жгуча была и есть веками неугасимая ненависть греков и болгар. Лишь только болгарский Каолян почувствовал силу, как внезапно, назвав себя Ромеобойцем (стр. 14), принялся колотить своих союзников греков, «мстя за те злодеяния, которые причинил болгарам император Василий Болгаробоец» (стр. 13). Греки прозвали его «Иваном-Собакою». Но и греки не остались в долгу. Император Солунский, Федор Ангел, «нарушив вероломно союзный договор, открыл военные действия против союзников-болгар» (стр. 25). Однако, в происшедшей в 1230 г. Клокатницкой битве, составившей «поворотный пункт в истории христианского Востока XIII в.» (стр. 26), вероломство было жестоко наказано: Иван *Асень* болгарский на-голову разбил предателя-союзника и, взявши его в плен, ослепил. Неудивительно, что коалиция (Болгария, Никея, Солунь), созданная с целью окончательного уни-

чтожения Латинского королевства, вскоре же распалась, так как тот же Асень, не доверяя грекам-союзникам, предпочел войти в союз с самим папой римским (стр. 27)! Напрасно автор, излагая историю христианского Востока XIII в., признает только «три империи: две греческих, Солунскую и Никейскую, и Латинскую в Константинополе», и совершенно вычеркивает из обихода истории империю Трапезундскую, которая, будто бы «стоит особняком» (стр. 23). Как никак, а это ведь был тоже греческий Пьемонт, притом переживший крушение даже самой восстановленной в 1261 г. Византийской империи на целых 300 лет. К тому же сам автор признает активную роль Трапезундской империи, когда, на стр. 31, говорит: «На фоне общей опасности со стороны монголов можно отметить союз трех малоазиатских держав: султаната (Иконийского), Никейской и Трапезундской империй».

«Орда Батыя ринулась в пределы современной Европейской России, овладела Киевом, перешла Карпаты (?)... Другая монгольская орда покорила всю Армению с Эрзерумом и вторглась в область Малой Азии, угрожая пределам Румского или Иконийского султаната сельджуков» (стр. 31). Этих сельджуков автор дважды, на стр. 33, называет «турками». Но кого, собственно, разумеет автор под турками — сельджуков или турков-османов племени огузов, под предводительством Эртогрула вступивших на службу в Иконийский султанат и потом взорвавших его изнутри, у автора совершенно не ясно. Со смертью болгарского Ивана (*Асеня II*), соперников Никейскому Ивану (Ватацу) «в его стремлении к берегам Босфора более не было» (стр. 32). Он «подчинил своей власти территорию, которая знаменовала собою уже реставрацию Византийской империи» (стр. 32). «Михаил Палеолог в 1261 г. воспользовался лишь плодами упорных трудов и энергичной деятельностью лучшего из Никейских государей» (стр. 33). Большой интерес представляет глава о «просвещении, литературе и науке в эпоху Никейской империи», когда про Никею говорили, что она «по обилию ученых людей представлялась древними Афинами» (стр. 41). Впрочем, «по своем прибытии в Никею, Георгий Кипрский разочаровался в этом отношении в Никее» (стр. 42).

Между прочим, тут жил и работал «историк Никита Акоминат, который, воспользовавшись досугом и спокойствием при дворе Федора Ласкаря, дал там окончательную обработку своему историческому произведению (стр. 42). Здесь же протекала «деятельность и наиболее крупного представителя культурного движении XIII в., «яркой личности» (стр. 46), Никифора Влеммида, учениками которого были «просвещенные писатели на троне, Федор II Ласкарь и известный историк и государственный деятель Георгий Акрополит» (42). Кроме многочисленных сочинений «разнообразного содержания», Никифор Влеммид оставил две интересные автобиографии, знакомящие нас не только с жизнью самого автора, но и с обстоятельствами и людьми его эпохи (стр. 43). По поручению Ватаца, Влеммид совершил «ученое путешествие по Фракии, Македонии, Фессалии, на Афон и в другие места с тем, чтобы покупать священные и другие книги, а в случае невозможности этого, прочитывать их и делать из них выдержки и заметки. Это поручение, успешно выполненное *Влеммидом*, обогатило его новыми знаниями, которые приводили в изумление его современников» (43).

Никифору Влеммиду и его ученикам автор уделяет не мало внимания (стр. 43—48).

Любопытно, как иногда расходятся ученые в оценке одного и того же научного или государственного деятеля. По словам русского (в действительности же не русского, а украинского) исследователя жизни и сочинений Влеммида, В. И. Барвинка, политический трактат его «Царская Статуя» вполне «отвечал нуждам и потребностям греческого народа того времени» (стр. 45).

Тогда как рецензент сочинения Барвинка Ф. И. Успенский, категорически утверждает: «У Влеммида нет никакой идеи современных потребностей... нет чутья современной жизни» (стр. 45).

Попутно автор значительную долю внимания (стр. 49—53) уделяет своеобразным стихотворным произведениям, «представляющим собою род романов» (че-

тверостишие Николая Ириника, поэма о Дигенисе Акрите, роман «Бельтандр и Хрисанца», «любовный рассказ о Каллимахе и Хрисоррое» (стр. 49, 53).

Автор приводит новые данные — благодаря изданию В. Г. Васильевским его переписки—о митр. Иване Навиактском (Лепантском) (стр. 54) и о знаменитом каноните архиеп. Охридском, Дмитрии Хоматине (стр. 55),—«наиболее выдающихся представителях культурных интересов времени Эпирского деспотата» (стр. 56).

Вывод автора таков, что никейский культурный центр «спас, сохранил и продолжал дело первого эллинского возрождения при Комнинах, чтобы позднее сделать возможным появление и развитие второго культурного эллинского возрождения при Палеологах» (стр. 56).

Несколько искусственно пришит к монографии этюд о феодализме в Византии (стр. 56 — 74), по новизне и смелости трактовки темы представляющий значительный научный интерес.

По мнению автора, западные феодалы, перенесшие (в эпоху именно латинского владычества) устои своей жизни на восточную почву, познакомились с феодализирующими процессами, совершившимися уже в недрах империи греческих *василевсов*, следствием чего было, что оба эти элемента, западный и восточный, создали оригинальную обстановку позднe-средневековой, византийско-романской культуры».

Книга снабжена кратким предисловием и обстоятельной литературой вопроса.

И. Стеллецкий.

А. А. ЗАХАРОВ. Эгейский мир в свете новейших исследований. Петроград. Издание М. и С. Сабашниковых. 1924 г. (в серии «Страны, века и народы»). 8°. Стр. 154+80 рис. на 13-ти таблицах (одна вкладная, остальные в тексте), с приложением карты Эгейского мира и синхронистической таблицы. Цена 1 р. 50 к. золотом. Тираж 2000 экз.

Лишь за последние годы поступление в Россию иноземной литературы по художественной археологии познакомило с новыми достижениями в этой области, кои оказались слишком значительными, чтобы их обойти молчанием. Многое сделано за эти годы и по так наз. эгейской культуре, являющейся ключом к разрешению таких сложных культурно-исторических проблем, как, напр., ионизм и пр. Работа А. А. Захарова, по заявлению автора, и «имеет целью дать краткий очерк всего, сделанного до 1923 года в области эгейского мира, той крито-минойской культуры, которая воскресла перед нами благодаря раскопкам целого ряда археологов с Г. Шлиманом и А. Эвансом во главе» (стр. 7). Автор в одиннадцати главах излагает постепенное обнаружение великой эпохи, еще в начале 90-х годов XIX ст. считавшейся плодом позднейших умозрений. Нигде, быть-может, дело «заступа» не выразилось столь блестяще, как в открытии гомеровской Трои, Микен и критских дворцов-лабиринтов. Отведя главу 1-ую (стр. 9 — 12) «сведениям нашим о первоначальной истории Греции до начала археологических открытий второй половины XIX века», автор в следующих семи главах говорит о раскопках и их ошеломляющих результатах в Трое, Микенах, Тиринфе, Орхомене, Вафио, Афинах, Фивах и т. д., особо на о. Крите и на о. Кипре; в трех остальных главах автор касается вопроса о периодах и хронологии эгейской культуры, набрасывает картину культуры эгейского мира и в заключительной главе определяет истоки эгейского мира и его отношения к великим культурам Древнего Востока (египетской и вавилонской), к неолитической и бронзовой культуре средней Европы и юга России, признавая более правильным мнение о культурном движении с юга на север.

Разбираемая книга является существенною переработкою и дополнением очерка «Эгейский мир», напечатанного автором в 1918 году. Основанная на обширной литературе, написанная с большим археологическим знанием темы, с правильною постановкою ее и беспристрастным, осторожным решением запутанных проблем, работа А. А. Захарова оставляет самое отрадное впечатление своею чистою научностью и ясным, простым изложением.

Издан очерк в обычном для серии удобном формате, на старозапасной белой бумаге. Приложенные рисунки важны, ибо многие из них впервые появляются в русском издании; особенно неожиданны рисунки (фрески из Кносса) на стр. 115—«мальчик, собирающий цветы», весь выдержанный в близкой к египетской схеме, и «дамы в голубом», невольно вызывающие в памяти стиль искусства Индии. Имеющиеся в конце карта и синхронистическая таблица незаменимы при чтении и справках, а многочисленная, занимающая девять страниц, библиография облегчит желающему разработку того или иного более специального отдела эгейской культуры.

Опечаток и недоразумений мало: на стр. 13 год рождения Шлимана надо исправить (не «1832», а «1822»); на стр. 46 автором не упомянуто, что золотые микенские львиные головы могли служить, как и голова быка, ритонами (см. G. Caro. Minoische Rhyta в «Jahrb. d. Kais. Deutsch. Arch. Inst.». Band XXVI. 1911 г.); на стр. 49 стихи из Илиады (XI, 632 — 635) приведены в смешанном переводе,—три с половиною стиха в классическом переводе Гнедича, вторая же половина четвертого стиха — в производственном переводе Минского; на стр. 66 вместо «в Тиринфе» стоит ошибочно «в Микенах»; на стр. 70 в цитате из Илиады (IX, 380 слл.) кое-что перепутано,—в стихе 380 вместо «предлагал» напечатано «предложил», а в стихе 381 после слова «еще» пропущено «их», отчего нарушен размер стиха. В указателе литературы автор напрасно не поместил своего первого очерка «Эгейский мир» и не привел статей С. П. Сингалевича («Крит в начале исторического существования». Казань. 1912 г. Статьи в «Гермесе» за 1911 г. (№ 19) и за 1912 г. (№№ 7—9) и замечательных лекций П. А. Флоренского («Первые шаги философии». Сергиев посад. 1917 г. Лекции 2-я и 3-я — «Напластования эгейской культуры»). Несколько малы рисунки и не всегда четки подписи на стр. 141; отсутствие в тексте ссылок на соответствующие воспроизведенные иллюстрации слегка замедляет чтение; на стр. 130 хотелось бы указаний на отношения богини со змеями к хфоническому культу.

Тираж книги не велик,—такие исследования крайне необходимы для самого широкого распространения, ибо они, воспитывая и образовывая, служат великому делу приобщения к прочному знанию.

Н. Щербаков.

б) История революционного движения в России.

1. О. АПТЕКМАН. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. *М. Клевенский.* — **2. М. АШЕНБРЕННЕР. Военная организация Народной Воли и др. воспоминания (1860—1904 гг.).** *М. Клевенский.*—**3. И. ПОПОВ. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. 1. Детство и годы борьбы.** *Б. Козьмин.* — **4. С. ПИОНТКОВСКИЙ. 9-е января 1905 г.** *М. Клевенский.* — **5. ФЕДОСЕЕВ, НИКОЛАЙ ЕВГРАФОВИЧ. Сб. воспоминаний.** *А. Аросев.* — **6. Г. ЦЫПЕРОВИЧ. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске.** *В. Ногин.* — **7. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Т. III.** *Д. Фурманов.*—**8. Л. КАПТЕРЕВ. Дубинщина.** *Г. Лелевич.*—**9. Е. ВОЛКОВ. Среди моряков и речников торгового и военного флота (1906—1914 гг.).** *К. Злинченко.*—**10. К. СИДОРОВ. Забастовочное движение в России (в диаграммах).** *А. Чекин.*

О. В. АПТЕКМАН. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. 2-ое, исправленное и значительно дополненное издание. Изд. «Колос». П. 1924. Стр. 452.

Первоначальный набросок воспоминаний О. В. Аптекмана о «Земле и Воле» был сделан еще в 1882 — 1883 г., во время пребывания автора в якутской ссылке. С этими воспоминаниями, которым Аптекман дал заглавие «Из недавнего прошлого», он ознакомил своих товарищей по ссылке, и повествование это заслужило их полное одобрение. Рукопись Аптекмана с течением времени попала в Париж, в архив П. Л. Лаврова, и ею пользовались

для своих исторических работ сам Лавров, Серебряков и Шишко. В 1907 г. Аптекман напечатал свою книгу, значительно расширив первоначальный текст. Издание это было конфисковано,—правда, после того, как значительная часть его разошлась. В новом издании произведены опять значительные дополнения: 2-е издание по объему чуть не в два раза превышает первое. Нескольких глав совсем не было в прежнем издании. Дополнения произведены как по воспоминаниям автора, так и по архивным данным и некоторым литературным источникам.

Книга Аптекмана заслуженно ставится на одно из первых мест в мемуарной литературе о 70-х гг. Она выделяется точностью и детальностью рассказа, о том, что видел и пережил сам автор, большой искренностью и вдумчивостью, живостью изложения. Некоторые общие положения и оценки автора устарели,—введение его, где он дает общую характеристику русского общества в 60-е и 70-е гг., представляет наименее ценную часть книги. Но вся фактическая ее сторона незаменима для историка русского революционного движения. Заглавие книги несколько уже ее содержания, — автор описывает не только деятельность «Земли и Воли» от возникновения партии до самого конца, но и предшествующую пору, первую половину 70-х гг., с хождением в народ, в котором сам он принимал участие. В настоящем издании этому доземлевольческому периоду уделено 177 страниц.

Из дополнений, внесенных в новое издание, интересны «силуэты» нескольких отдельных землевольцев и в особенности 2-я и 3-я главы, где выясняется большое революционизирующее значение для своего времени литературной деятельности В. В. Флеровского-Берви, теперь все более и более забываемого, и дается характеристика, на основании архивных материалов, кружка Долгушина, этой первой по времени революционной организации 70-х гг. В идеях долгушинцев О. В. Аптекман справедливо усматривает сильное влияние Флеровского. Эти идеи густо окрашены в цвета чисто утопического социализма. Очень характерно для самого Долгушина, Гомова и других, что они, восприняв мысли Флеровского о новой религии, о «религии братства», как мощном орудии революционной пропаганды и агитации в народе, пытались соединить «крест и фригийскую шапку», революционность и приверженность к «чистому» христианству. Это — проявление тех же идейных тенденций, которые были присущи в свое время и западно-европейскому социализму. От них далеко несвободен был народнический социализм и в более позднюю, боевую эпоху, во вторую половину 70-х гг., но особенно сильно проявлялось это смешение понятий в начале 70-х гг., и больше всего у долгушинцев. Конечно, и в ту эпоху были люди, стремившиеся совершенно отделаться от религиозных пережитков,—с этой точки зрения интересна та «антирелигиозная пропаганда», которою старался воздействовать на Аптекмана Е. С. Семяновский.

Из отдельных фактических подробностей, введенных в новое издание воспоминаний, отметим следующее: Аптекман сообщает, кто именно из землевольцев взял на себя неприятную задачу «ликвидировать» опасного провокатора Рейнштейна в Москве в 1879 г. Оказывается, это был известный революционер М. Р. Попов, не так давно умерший.

М. Клевенский.

М. Ю. АШЕНБРЕННЕР. Военная организация Народной Воли и другие воспоминания (1860 — 1904 гг.). Редакция Н. С. Тютчева. Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1924. Стр. 200.

М. Ю. Ашенбреннер по возрасту едва ли не старейший из участников революционного движения: 7 января общество бывших политкаторжан торжественно отпраздновало его 82-летие. В движение он вступил, будучи уже человеком за 30 лет, и был одним из виднейших представителей революционного офицерства конца 70-х и начала 80-х гг. Деятельность его связана с военными кружками на юге России—в Одессе, в Николаеве. Все военные кружки в начале 80-х гг. были объединены «Центральным Комитетом», который был основан Желябовым и Колоткевичем и находился в непосред-

ственном подчинении Исполнительному Комитету Народной Воли. В 1882 г. Ашенбреннер был вызван в центр и взял годовой отпуск для того, чтобы посвятить себя исключительно революционной работе; в начале 1883 г., во время предпринятого им объезда военных организаций по разным городам для укрепления их связей с центром, он был арестован. Правительство было поражено, когда в числе его активных врагов оказался немолодой уже офицер (40 лет) в чине подполковника и с боевым стажем. 20-ю годами Шлиссельбурга заплатил М. Ю. Ашенбреннер за свое участие в революционном движении.

Собранные в книге статьи были уже напечатаны раньше в разных изданиях. В первой из них автор, давши сначала несколько черточек из жизни старого кадетского корпуса, останавливается на годах своего офицерства до вступления в революционную организацию (60-е и 70-е годы). Он рисует здесь быт и типы офицеров, рассказывает, как проникали в офицерскую среду и как проявлялись в ней революционные идеи, описывает свое участие в военных действиях в Средней Азии. Второй очерк посвящен южным офицерским кружкам и собственно военной организации Народной Воли. В третьем дано описание жизни в Шлиссельбурге за 20 лет (1884—1904). Совсем маленький последний очерк дает характеристику Л. А. Волькенштейн.

В особенности ценным является второй очерк, как первоисточник для истории военных организаций конца 70-х, начала 80-х гг. В этих организациях бросается в глаза то, что в военной пропаганде центр внимания партии Народной Воли занимали офицеры, а не солдаты. В одном официальном партийном документе об этом так и говорится: «При настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействовать на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию». Дело было не столько в трудности пропаганды между солдатами, сколько в психологии народовольцев. Эти изверившиеся народники, избравшие метод индивидуального террора, определенно возлагали свои надежды не на массы, а на революционную интеллигенцию. Что касается солдат, то была попытка направить к ним пропагандистов-рабочих. Точно таким же образом, в эпоху хождения в народ, рабочих рассматривали не как самостоятельный класс со своими задачами в революции, а как удобных посредников между интеллигенцией и крестьянством.

Интересны в частности те планы переворота, которые сообщал на юге Ашенбреннеру известный революционер, лейтенант А. В. Буцевич, делегат центрального кружка. Предполагалось, что революционные офицеры, собравшись в Петербурге, захватят в плен царскую семью и поднимут восстание во всем петербургском гарнизоне. В случае удачи Исполнительный Комитет образует временное правительство. Странное впечатление производит то, что автор предисловия к мемуарам Ашенбреннера, Е. К., по поводу этих планов говорит: «События нашего времени показали, что эти планы социального переворота и эти ожидания, что он может прийти столь же внезапно, как жених во полунощи, вовсе не были столь наивны и академичны». История дала нам будто бы колоссальный опыт, вследствие которого мы должны отбросить прежние представления о детскости и незрелости народовольческих планов переворота. Что это, собственно, значит? Что общего между планами переворота, устроенного одной армией, оторванной от масс, и тем опытом, который дала революция 1917 года?

О жизни в Шлиссельбурге рассказывали многие—и В. Фигнер и другие. Воспоминания Ашенбреннера должны быть отнесены к наиболее интересным мемуарам, касающимся этого вопроса.

Ашенбреннер, как мемуарист, скуповат на подробности и точные даты, склонен частенько от фактов переходить к размышлениям по поводу пережитого. Не всегда выдержана литературная стройность рассказа. Той живости и художественной выразительности, какую мы находим, напр., у В. Фигнер, Кропоткина и др., у Ашенбреннера нет. Это не мешает тому, что в мемуарной литературе о 70-х и 80-х гг. воспоминания Ашенбреннера должны занять видное

место. Для истории распространения революционных идей среди военных это важнейший первоисточник.

М. Клевенский.

И. И. ПОПОВ. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. I. Детство и годы борьбы. Изд. «Колос». Ленинград. 1924 г. Стр. 180.

Во введении к своим воспоминаниям, чтобы оправдать их появление в печати, И. И. Попов счел нужным привести длинный перечень «замечательных людей», с которыми ему приходилось встречаться на протяжении его полувековой сознательной жизни. Думается, что этот перечень является совершенно лишним. Достаточно сказать, что автор воспоминаний в 80-х годах прошлого столетия боролся в рядах «Народной Воли», что сосланный в Сибирь он издавал известную газету «Восточное Обозрение», в которой сотрудничали представители самых разнообразных поколений русских революционеров, начиная с шестидесятника П. Г. Зайчневского и кончая нашим современником Л. Д. Троцким, и что, наконец, переехав в 1906 г. в Москву, автор все время находился в самом центре московских литературных и общественных кругов,—достаточно этого, чтобы признать, что И. И. Попов не только имеет право, но и несет на себе нравственную обязанность поделиться с нами своими воспоминаниями о «минувшем и пережитом».

Вышедшая ныне в свет первая часть воспоминаний И. И. Попова охватывает петербургский период его жизни; начиная с детства и кончая 1885 г., когда автор за его революционную деятельность был выслан из Петербурга в Сибирь. Первые главы книги, посвященные детским годам автора, его пребыванию в уездном и городском училищах и годам учения в Учительском институте, представляют интерес, главным образом, в бытовом отношении. Особенно удалось автору описание Галерной гавани и жизни ее обитателей в 70-х годах. Уже в этом периоде своей жизни автору пришлось встречаться с некоторыми людьми, хорошо известными всей России, напр., с писателями Гаршиным и Ф. Сологубом.

Еще больший интерес представляют следующие главы, в которых автор переходит к рассказу о своей революционной деятельности. В августе 1881 г. автор примкнул к студентам Флерову и Бадаеву, которые независимо от партии «Народная Воля» организовали большую группу рабочих и создали несколько студенческих кружков для занятий с рабочими. Инициаторам этой революционной группы удалось широко развернуть свою деятельность. Достаточно указать хотя бы на то, что ими были налажены в Петербурге собственные типография, гектография, фотография и паспортное бюро. Автор воспоминаний вместе с Флеровым и Бадаевым образовал центральный кружок, который в 1883 г. влился в ряды «Народной Воли» и стал центральным комитетом рабочей группы этой партии. «Народная Воля» в то время, когда к ней примкнул автор воспоминаний вместе со своими товарищами, переживала критический момент. Ослабленная массовыми арестами в 1881 году и разложенная предательством Дегаева, она напрягала последние силы, чтобы возродиться и возобновить героическую борьбу первых лет своего существования. Эта эпоха в истории «Народной Воли», связанная ближайшим образом с именами Г. А. Лопатина и П. Ф. Якубовича, до сих пор освещена в литературе далеко недостаточно. Одно уже это придает большой интерес воспоминаниям И. И. Попова, на глазах которого протекали и деятельность Лопатина и попытки Якубовича создать «Молодую партию Народной Воли».

Но не об одной только «Народной Воле» рассказывает И. И. Попов. Ему пришлось близко сталкиваться с марксистской группой Благоева, с видными пролетариатовцами Куницким, Рехневским и др. Наконец, он упоминает и о других революционных группировках того времени, о которых, кажется, до сих пор в печати не появлялось сообщений, напр., о группе «милитаристов», проповедовавших захват власти при помощи военного переворота, и о группе «немистов», сторонников дворцового переворота, мечтавших посадить на русский

престол «своего царя», который путем манифестов и декретов введет в России социализм. Конечно, эти группы не играли серьезной роли в нашем революционном движении, но самое возникновение их было симптомом, характерным для той эпохи революционного разброда, которая наступила после 1 марта 1881 года.

Арестованный в 1885 г. И. И. Попов был выслан в Кяхту. Вышедшая ныне в свет первая часть его воспоминаний заканчивается описанием дороги в ссылку и прибытия в Кяхту.

Данное выше краткое обозрение содержания воспоминаний И. И. Попова показывает, какой ценный и интересный материал найдет в них читатель, и нет сомнения, что, познакомившись с первой частью их, он с нетерпением будет дожидаться выхода в свет и следующих частей

Б. Козьмин.

С. ПИОНТКОВСКИЙ. 9-е января 1905 г. Популярный очерк. Рабочее Издательство «Прибой». Ленинград. 1924. Стр. 80.

Автор в общем удачно справился со своей задачей. 9-ое января отчетливо представлено на фоне предшествующих явлений, резкое ухудшение экономического положения рабочего класса в Петербурге в течение 1904 г. показано наглядно с помощью статистических данных. Значение кровавого воскресения для последующей истории русского пролетариата выяснено хорошо. Касательно содержания очерка можно сделать только одно замечание. Когда автор формулирует значение 9-го января таким, напр., образом: «Все, что еще связывало рабочих с буржуазным миром, все пережитки и иллюзии, которые имел еще рабочий класс, разлетелись впрах», то он, думается, заметно впадает в преувеличение. Потерять в один день веру в царя—это вполне возможно и естественно после такого предметного урока, какой дал пролетариату Николай II 9-го января. А вот в один день потерять все иллюзии и пережитки, связывающие рабочих с буржуазным миром, это — другое дело. Еще и сейчас, после всех грандиозных событий, пережитых пролетариатом, приходится вести упорную борьбу с различными буржуазными иллюзиями и пережитками в отсталых кругах рабочего класса. Относительно внешней стороны очерка следует сказать, что автор не приложил всех усилий к тому, чтобы сделать свой язык достаточно популярным. Иностранных слов слишком много, и притом иногда таких, которых совершенно свободно можно было бы избежать, как, напр., «спорадическое явление», «прелюдия» и пр.

В приложениях к очерку даны: 1) 2 прокламации Петербургского Комитета Р.С.-Д. Р. П., выпущенные накануне 9-го января и после него; 2) текст петиции рабочих к царю; 3) доклад комиссии присяжных поверенных, расследовавшей фактическую сторону событий; 4) «Конец Гапона» — отрывок из записок Рутенберга.

М. Клевенский.

ФЕДОСЕЕВ, НИКОЛАЙ ЕВГРАФОВИЧ — один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний.) Госуд. Издательство. 1923. Стр. 184.

Под редакцией Истпарта вышел этот сборник. Составлен он довольно интересно из воспоминаний Ленина, Елизаровой, Лалаянца, Сергиевского, Шестернина, Мицкевича, Мартова (отдельные места из его книги «Записки социал-демократа»), Антокольского и Л. Лежавы. Кроме того, приложены письма Федосеева к рабочему Андриевскому, Н. Сергиевскому и отрывок письма Ленина о кончине тов. Федосеева. Из воспоминаний, издающихся в изрядном количестве за последнее время, это едва ли не лучший сборник. Почему лучший — на этот вопрос мне было бы трудно ответить, так как мне кажется, что увлекает сборник не тем, что пишут о Федосееве, а самим Федосеевым. Может-быть, от того, прочитав этот сборник, я почувствовал живого Федосеева, что совершенно реально себе представляю те казанские улицы, где Лалаянц его встретил уже немного сутулившимся, обтрепанным в серенький день осени, тот дом, ту квартиру, около Первой гимназии, где жил Федосеев.

Может-быть, читателю, не знающему реально всего этого, фигура Федосеева покажется после прочтения воспоминаний не такой живой, а следовательно, немного менее увлекательной. Но, может-быть, нечто другое придает особенную живость сборнику — может-быть, тот факт, что статья Сергиевского—центральная статья сборника—написана не в наше кинематографически торопливое время, а в 1907 г. для изд-ва «Вперед» и теперь внесены были только поправки в написанное тогда.

Наконец, может-быть, сборник этот исключителен по интересу потому, что слишком увлекательно, трогательно и как-то особенно по революционному интимна фигура тов. Федосеева. Не перенесено ли на страницы сборника то обаяние, которое излучал живой Федосеев на всех, кто с ним соприкасался. Или не обаяние, а трагизм, особенный, русский,—революционный трагизм, которым до краев переполнена была вся жизнь этого лучшего русского революционера.

Всякий прочитавший сборник ясно увидит, как мало сделано всеми нами в области разработки истории нашего революционного движения. Невыясненных мест и противоречий сколько угодно. Вот, например, в своем предисловии Истпарт пишет: «Но пути их (пути Владимира Ильича Ленина и Николая Евграфовича Федосеева—речь идет о том, виделись ли они когда-нибудь друг с другом. *А. А.*), почти сходясь, не скрестились, они лично не встретились ни на работе ни в тюрьме или ссылке». А в том же сборнике выдержки из книги Ю. Мартова говорят о том, что в Красноярской тюрьме, благодаря одной хитрости, устроено было свидание Федосеева с Лениным. Что здесь правда? Не лучше ли было бы со стороны Истпарта выпирать все неясные места, как бы, может-быть, они ни казались незначительны,—выпирать их наружу, фиксировать на них внимание, дабы исследователи—большие и малые русской революции—могли бы подхватить эти пункты и разобрать их.

Предисловие Истпарта вводит даже в некоторое заблуждение читателя. Так оно говорит: «Ни одна из его (Н. Е. Федосеева) литературных работ не дошла до нас». Между тем на стр. 9 в письме из России («Раб. Дело», №№ 4—5,1899) говорится, что «один из очерков по истории освобождения крестьян был напечатан в «Самарском Вестнике» в начале 1897». В очерках некоторых других авторов этого же сборника названный факт подтверждается. И действительно, в №№ 12 и 13 «Самарского Вестника» за 1897 есть неоконченный очерк, растянувшийся на два фельетона, под заглавием «Историческая справка», где трактуются с последовательной марксистской точки зрения движущие силы того социально-экономического процесса, который фигурирует в нашей истории под келейным названием «Освобождение крестьян».

Вот что, между прочим, говорит по поводу этого процесса и его идеализации в то время Н. Е. Федосеев: «В области непосредственно экономических отношений не было мест ни для легкомысленных увлечений ни для беспредметного энтузиазма. Здесь во всех проектах, во всех требованиях лежит ясная печать узких и безжалостных классовых интересов, как бы ни старались замаскировать их в идеальную справедливость».

И не только в «Самарском Вестнике». Есть еще в статье Михайловского отрывки письма Федосеева («Русск. Богатство», январь, 1894). Правда, эти отрывки, поскольку они подбирались для полемики, представляют собою мысль Федосеева значительно искалеченной, но все же и в таком виде они есть крупицы того литературного следа, про который Истпарт говорит, что его нет.

В воспоминаниях Сергиевского очень хорошо рассказано о приезде на несколько часов во Владимир в 1897 г. Владимира Ильича с целью повидаться с Николаем Евграфовичем. Вообще эти отношения издалека между лучшими первыми марксистами, Лениным и Федосеевым, являют собою большой интерес. К сожалению, неизвестно, где находятся письма Ленина к Федосееву. И установлен ли факт гибели большой рукописи Федосеева о крепостном праве при пожаре в Архиве Петроградской Судебной Палаты? Не следует ли ещс и еще раз просмотреть Архив Департамента Полиции?

Было бы также весьма полезным соответственным предисловием и ком-

ментарием издать брошюрой «историческую справку» Федосеева, а также и некоторые из его писем, приведенных в сборнике, особенно одно на тему «Откуда и как произошел русский рабочий класс».

Д. Аросев.

Г. ЦЫПЕРОВИЧ. За полярным кругом. Государственное Издательство. Ленинград. 1924 г. Стр. 242.

Необходимо приветствовать издание этой книжки тов. Цыперовича, и надо поблагодарить Ленинградское Отделение Госиздата, что оно, наконец, выпустило ее. Первое издание этой книги, вышедшее в 1907 году, было конфисковано царским правительством и разошлось в небольшом количестве экземпляров. Она является первой правдивой работой о Колымском крае. До нее в широких кругах интеллигенции о р. Колыме знали лишь по книжке Дионео «На крайнем северо-востоке», которая содержала в себе очень много совершенно неверных сведений о Колыме и о тех условиях, в которых протекает жизнь в этом суровом крае.

Книжка тов. Цыперовича дает правдивый рассказ об условиях жизни ссыльных в этом самом дальнем месте нашей ссылки, хотя и не столь ужасном по своим условиям, как Верхоянск. Описание жизни ссыльных, описание дикой якутской природы выполнено Цыперовичем мастерски. В книге есть немало художественных страниц, ярких характеристик, и перед читателем во всей своей неприкрашенной наготе встает эта уже забытая жизнь. Неведомый для большинства наших молодых товарищей край, создавший среди старшего поколения ужасную славу, имеет много своеобразных красот и много своеобразных интересных черт; они точно так же выявлены Цыперовичем, и книжка заинтересовывает читателя в условиях этого края, заставляет его задуматься над целым рядом новых вопросов жизни далекого края. Вместе с тем эта книжка является яркой страницей из истории царизма. Каждая история царской России, которая будет написана после революции, вероятно, перепечатает немало страниц из этой книги, поскольку она является одним из ценнейших исторических документов, характеризующим эпоху царизма. Наша молодежь, которая будет знакомиться с этой книгой, должна будет содрогнуться от той правды, которую она узнает из нее. Она поймет, как много было пережито теми борцами революции, которые проложили тропу в этот отдаленный край. Она вспомнит те могилы, которые остались в этом замерзшем болоте — Колымском крае, и имя реки Колымы еще, вероятно, долго будет синонимом ужаса.

Что касается внешнего вида книжки, бумаги и выполненных рисунков, то нужно порадоваться, что у нас стали выходить книги в таком виде. Это особенно приятно после тех желто-серых книг, которые выпускались за последние годы.

В. Ногин.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Том III. (Изд. Высшего Военно-Редакц. Совета. 1924 г. Стр. 160.) Военно-историческая комиссия.

Третий том материалов по истории гражданской войны включает всего на все два очерка: Зуева «Ферганское басмачество» (1918—1922 гг.) и Кокурина «Боевые операции в Бухаре» (1922). Но эти два очерка представляют довольно серьезные исследования, чисто научные работы, и никак не могут рассматриваться лишь в качестве «сырого материала». Это—законченные проработанные труды менее или более высокого научного качества. Тов. Кокурин рассказывает не столь долгую во времени, сколь сложную и трудную историю борьбы с войсками Энвер-паши, когда он в Восточной Бухаре возглавил в 1922 году панисламитское движение. Автор говорит: «Широко известный в мусульманском мире, в кругах интеллигенции, как один из виднейших деятелей младо-турецкой революции, в массах духовенства и руководимого им населения, еще не изжившего своих религиозных предрассудков, как зять «халифа», священного лица для всякого правоверного и сам, в силу своего родства с халифом, особа в некотором роде свя-

щенная,—Энвер-паша дал идеологическое течение всем тем течениям общественной психологии контр-революционного лагеря, которые до его прибытия либо смутно выражались, либо противоречили даже друг другу... Его лозунг: «мусульмане всех стран, объединяйтесь!» должен был создать условия для временной блокировки класса несознательного сельского пролетариата—декхан с классом их поработителей, крупных феодалов против общего врага—бухарского советского правительства большевиков, о красном империализме «которых Энвер широко и неустанно агитировал».

И на первых порах Энверу удается многого добиться: поднять полуутихшую массу, поставить на ноги, воодушевить, связаться с Афганистаном, заручиться его поддержкой... Энвер становится грозным. Но это был уж не 1920 год. Население достаточно к этому времени было измучено, истощено, довольно навидалось всяких восстаний, довольно вынесло лишений боевых и голодных годов. И, кроме того, недостаток артиллерии, нелады в собственной руководящей среде, успехи красных батальонов,— все это сломило силу Энвера, не позволило разрастись возглавленному им движению. Тов. Кокурин очень подробно останавливается не только на отдельных значительных операциях, но даже и на отдельных второстепенных эпизодах. Это обстоятельство, рассеивая и отвлекая порою внимание от главного материала, самые события излагает с исчерпывающей полнотой.

Построение статьи тов. Зуева иное. Он не столько описывает, сколько зондирует, непрестанно ворошит материал, перевертывает его со стороны на сторону, взвешивает, прикидывает, проверяет и в результате весьма убедительно поясняет причины, повлекшие то или иное событие. Вот, например, каким способом показывает он и объясняет происхождение басмачества.

«Хлопковый декрет и отсутствие хлеба привели к следующему: вместо 348.000 десятин засева 1916 года и 153.000 десятин 1917 года, в 1918 году зарегистрировано 51.000 десятин. И это еще до развития басмачества. Последнее только довершило разруху, родившись в момент перехода от хлопковой культуры к прежней культуре хлеба.. Почва для развития движения, и раздражение народных масс, и главари движения — были налицо. Лозунги носились в воздухе, не хватало основы — солдат. Они явились весной 1918 года, когда население перешло на засев хлеба. Выше мы говорили о количестве рабочих рук, нужных для обработки десятины хлопка, для засева же пшеницы, риса и др. злаков довольно трех годовых рабочих на 5 десятин, при чем обычно число рабочих рук в семьях позволяло большинству декхан обойтись вовсе без наемного труда. Прибавим к этому безработных арбакешей, скупщиков, рабочих приостановившихся хлопковых заводов, — жел.-дорожных грузчиков, и мы получим тот людской резервуар, откуда движение черпало, главным образом, свои силы».

А хлопковый декрет начинался так: «Весь хлопок, находящийся в Туркестане в каком бы виде он ни был и где бы ни находился в настоящий момент, конфискуется и объявляется собственностью рабоче-крестьянского правительства Туркестанского края...».

Это вот совершенно точное, убеждающее объяснение, и он прав, автор, когда в заключении своей статьи убежденно заявляет, что это... «явление (басмачество. *Д. Ф.*), представлявшееся в течение нескольких лет, как продукт религиозных, политических и национальных причин — при детальном его исследовании оказывается всецело основанным на причинах экономических и социальных».

На статье тов. Зуева можем мы проследить и другое обстоятельство чрезвычайно большого значения: возникшее в сложнейшей обстановке басмачество проявило удивительную живучесть. Наши гарнизоны, экспедиции, все вообще военные действия были безуспешны (или мало успешны) до тех пор, пока *основная толща трудовой массы*, вся туземная беднота не почувствовала гибельности в дальнейшем существовании басмачества и пока она не встала активно на сторону Красной армии, помогая ей в борьбе с бандитским басмачеством.

Тогда оно быстро пошло на убыль. Самый же рост сочувствия к Советской

власти со стороны туземного населения — трудящихся масс — опять-таки явился следствием тех экономических плюсов, которые давала с месяца в месяц Советская власть. Это было реально, — это сразу давало себя чувствовать. И это меняло настроение широких масс, повертывая их лицом к своим недавним и мнимым противникам.

Приложения, имеющиеся в этом томе, и поясняют, и скрепляют, и уточняют те теоретические положения, что имеются в статьях. В целом этот сборник дает законченное и полное представление о малоразведанной полосе Туркестанского басмачества.

Дм. Фурманов.

Л. КАПТЕРЕВ. Дубинщина. Очерк по истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII веке. Уральская историко-революционная библиотека. Вып. 2. Изд. «Уралкнига». Екатеринбург. 1924 г. Стр. 38. Тираж 5.000 экз.

60-е годы XVIII века прошли на Урале под знаком быстро нараставшего недовольства трудящихся и эксплуатируемых масс. «В одной из своих автобиографических записок Екатерина II утверждает, что в 1762 г. были в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков 49.000 приписных крестьян» [1]). На ряду с этими волнениями крепостного «предпролетариата», высоко поднялась волна бунтов помещичьих крестьян и казаков, вылившаяся вскоре в пугачевщину. Чудовищное усиление крепостнической эксплуатации, связанное с развитием экспорта хлеба, было главной причиной этих волнений. «Указ о вольности дворянства», освободивший помещиков от обязательной государственной службы, был ближайшим политическим поводом к бунтам. Волнения *монастырских* крестьян в это время почти прекратились, ибо секуляризация церковных поместий значительно облегчила положение этой категории крестьянства. Однако, *в начале* 60-х годов XVIII столетия и этот слой, чувствовавший еще на себе зверскую руку рясофорных и схимоносных эксплуататоров, местами принимал участие в общей борьбе и сыграл свою роль в деле подготовки Пугачевщины. Брошюра Каптерева рисует, на основании данных архива Далматовского монастыря, картину неизвестного до появления этой книжки восстания приписных крестьян этого монастыря, — картину одной из последних вспышек монастырских крестьян.

«Дубинщина» (презрительное название, в роде французской «Жакерии», данное далматовскому восстанию усмирителями за то, что оружием крестьян являлись лишь дубины), это — движение 3.000 монастырских крестьян, доведенных до отчаяния непередаваемой эксплуатацией, с надеждою встретивших указ Петра III о секуляризации и не вытерпевших, когда Екатерина II задержала осуществление этого указа. С октября 1762 года по май 1764 года длилась геройская борьба далматовских крестьян, начавшаяся с «забастовки», — отказа работать на монастырь, и завершившаяся форменной вооруженной осадой монастыря. Финал — свирепая расправа.

Автору удалось собрать материал, дающий яркую и цельную картину, и преподнести этот материал читателю в живой и увлекательной форме. Жалко только, что описанию «Дубинщины» в книжке не предпослано хотя бы сжатое введение, характеризующее общую историческую обстановку, на фоне которой развивались далматовские события. Следует отметить вообще, что освещение и анализ менее удались автору, чем повествование. Вот пример:

«Повстанцы не предпринимали никаких активных действий против осажденного монастыря. Правда, отрезав далматов от Шадринска и Челябинска, они зорко следили за осажденными, но както упустили из вида, что есть еще путь из Шадринска в Челябинск и дальше — в Оренбург и что вести об их восстании могут, в конце-концов, дойти и до губернского административного центра. Может-быть, их беспечность объяснялась тем, что темные крестьяне наивно верили, — и веру эту, возможно, разделяло и большинство вожаков, — что высшие

[1]) К. А. Пажитков. «Положение рабочего класса в России», том I, стр. 168.

власти на их стороне и скоро к ним придет «настоящий манифест» (стр. 33).

Написав эти строки, автор даже не подумал отметить, что эта ограниченность кругозора восставших пределами своей деревни или волости является не специфической чертой «Дубинщины», а характернейшим свойством *подавляющего большинства крестьянских бунтов до 1905 года включительно*. Мало того, объясняя эту ограниченность, А. Каптерев не подумал искать ее корней в социальной природе крестьянина, как *мелкого производителя*.

Но как бы там ни было, брошюра Каптерева исторически ценна. К тому же, как справедливо отмечено в предисловии, она может послужить и недурной иллюстрацией для антирелигиозной пропаганды. Пожелаем ей широкого распространения.

Г. Лелевич.

Е. З. ВОЛКОВ. Среди моряков и речников торгового и военного флота (1906 — 1914 гг.). По данным процесса 1914 г. и личным воспоминаниям. Истпарт. Госиздат. Стр. 263.

Книжка Е. З. Волкова ценна, но, пожалуй, слишком уж основательно документирована протокольными материалами и поэтому читается иногда со скукой, доходящей до зевоты. Нет исторической яркости, нет живого образного изложения, слабо бьется горячий пульс революционных эмоций. Несмотря на это, в ней все же выявлена в широком историческом масштабе огромная работа, проделанная социалистическими партиями по объединению во Всероссийскую организацию всех «тружеников морей и рек», участвовавших в ниспровержении самодержавия. Постоянные сношения с другими странами, связанными между собой водными путями, расширили эту организацию до пределов Международного союза со всеми иноземными морскими объединениями.

Но как ни важно это сплочение значительных сил пролетариата всех водных путей мира, все же нельзя не констатировать, что работа наших партийных организаций, в своем большинстве, протекала не столько в рамках активной подготовки боеспособных кадров для революционной борьбы с царизмом за осуществление диктатуры пролетариата над буржуазией, сколько в пределах профессиональной работы и профессиональной организации, правда, всегда готовой к поддержке всякого революционного выступления, всякой борьбы с тираническим самодержавием.

Это был именно полуподпольный профессиональный союз, с пролетарски-революционными тенденциями в «пределах легальных возможностей», стремившийся к своей легализации в качестве обыкновенного профсоюза работников водного транспорта. В таком союзе каждая социалистическая оппортунистическая партия могла иметь свое массовое оплотнение. Дальше экономической или, на лучший конец, политической стачки такая организация пойти не могла. Вооруженное восстание флота было бы для нее «большевистской утопией», «вредным вспышкопускательством», способным только к разрушению всего сложного дела организации этих масс.

Во главе этой всероссийской и даже международной организации торгового и военного флота, в качестве руководителей ее, стояли, несомненно, очень крупные силы, но, выражаясь языком большевиков того времени, склонные к «ликвидации» подпольных партийных организаций подпольного революционного движения.

В конце книги, в виде приложения помещены воспоминания Наума Гика «Работа среди русских моряков на Средиземном море» (1912 — 1914 гг.), дополняющие общую картину революционного движения торгового и военного флота морей и рек. Воспоминания написаны живым языком и также снабжены в особой статье архивными материалами из Одесского Истпарта, полученными через Истпроф ВЦСПС в то время, «когда набор текста книги был уже закончен».

В общем книга Истпарта является еще одним ценным вкладом в издание материалов по истории революционного движения весьма обширного периода. Тем более ценной, что почти никаких

трудов по истории революционного движения среди водников 1906 — 1914 годов до появления этой книги мы не знаем.

К. Злинченко.

К. Ф СИДОРОВ. Забастовочное движение в России (в диаграммах). Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, под ред. С. И. Мицкевича. Изд. «Красной Нови». Москва. 1923 г. Стр. и листов диаграмм 13+XIII.

Еще одно свидетельство того, что практически задуманное дело подготовки марксистски образованных строителей рабоче-крестьянской республики может создавать и условия подготовки научных работников, доставлено нам сборником диаграмм и объяснительного текста к ним по забастовочному движению в России. Некогда работы бюро труда при министерстве торговли и промышленности во Франции, подготовив ряд диаграмм и таблиц к всемирной выставке в Париже в 1900 году, вызвало по своему адресу всеобщие похвалы. Шарль Жид даже написал на основании этой работы бюро труда свои «Итоги XIX столетия». Во сколько, однако, раз ценнее с научной точки зрения та работа, которая была проделана в семинарии по истории партии под руководством тов. С. И. Мицкевича одним из воспитанников Свердловии, тов. К. Ф. Сидоровым. Перед нами в тринадцати таблицах диаграмм дана не только фактическая история забастовочного движения в России, но и образный *анализ движущих сил этого движения и роли пролетариата в революции, самого характера нашей революции и причин ее победы у нас.*

Начинается сборник с диаграммы, выявляющей мало учитываемый факт относительно *высокого строения капиталистических предприятий* в России, поскольку речь идет не о технике, а о размерах предприятий, то даже более высокого, чем в стране максимального развития капитализма в его концентрированной форме, в Соединенных Штатах и в Германии. Диаграмма показывает, что в России в 1914 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 занято было 1.300.000, а в Соединенных Штатах в это же время на таких же предприятиях — не более 1.255.000, тогда как в Германии и того меньше (1.013.000). Следующая диаграмма подтверждает эту картину, давая соотношение рабочих в крупных и мелких предприятиях — в России 56,5% в первых и 43,5% в последних, а в Соединенных Штатах — соответственно 31,0% и 69,0%. Значение этого факта в рабочем движении показано в третьей диаграмме, где столбик, рисующий участок рабочих предприятий различного размера, высится за все периоды больше для крупных, чем средних, а столбик средних предприятий стоит выше столбика предприятий мелких. И так во всех вопросах диаграммы последовательно и убедительно рисуют картину *высоко развитого движения в стране с высоко развитым строением капитала* именно для России...

Конечно, все это не новость. Данные, которыми оперирует Сидоров, не новы. Читатель с ними знаком по работам Струмилина и Яковлевой. Но удачный подбор диаграммных иллюстраций к этим цифрам и систематическое, последовательное изображение их делает сборник чрезвычайно полезным. Он пригодится и при изучении стачечного движения следующим поколениям слушателей и при разоблачении всего невежества врагов революции, кричащих на всех европейских перекрестках об *отсталости* России и о ненормальности уничтожения здесь власти капитала... И то, что такую работу проделали ученики Свердловии, свидетельствует о значительности результатов работы в этом техникуме политических работников СССР, в этой школе партийной подготовки и марксистского образования.

Д. Чекин.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. К. ВЕЙЛЭ. От бирки до азбуки. *В. Никольский.* — 2. Проф. Б. АДЛЕР. От наготы до обильных одежд. *В. Никольский.*

КАРЛ ВЕЙЛЭ. От бирки до азбуки. Москва — Петроград. Гос. Изд. 1923. Стр. 152. С 43 рис. в тексте. Перевод с немецкого, под ред. проф. Д. Н. Анучина.

Под таким удачным заглавием русской публике становится известной книжка Weule «Vom Kerbstock zum Alphabet», переведенная под редакцией известнейшего русского антрополога Д. Н. Анучина, недавно скончавшегося. В 1914 г. в Лейпциге открылась «Международная выставка книжной промышленности и графики». Лейпцигский музей этнологии выставил серию экспонатов под общим названием: «Начальные ступени письма в первобытные эпохи и в наше время». Лейпцигский профессор Вейлэ и поставил задачей своей книжки выяснить «руководящие идеи и существенное содержание» этого «выставочного предприятия». Он не мог, да и не хотел заменить почти исчерпывающую немецкую работу на ту же тему: Danzel. Ph. W. Die Anfänge der Schrift, 1912. Тем не менее, книжка Вейлэ вовсе не путеводитель и дает новые детали в сравнении с Danzel'ем. Это видно из ее содержания. Вслед за 1) «введением», Вейлэ говорит 2) о «сущности письма» (классификация письмен несколько схоластичная), 3) о «замене письма» (иначе суррогаты или предтечи настоящего письма), 4) о «рисунках ради забавы и магических символах». Далее следует самый обширный V отдел — «Средиземноморский культурный круг», где говорится о «способах замены письма», финикийском алфавите, «доисторической письменной живописи» и рунах. Отдел VI касается «остальных систем звукового письма древнего мира», кратко-египетского и ассиро-вавилонского, хеттитского и китайского (последнее характеризовано очень ярко и удачно). Наконец, за самым большим — VII — отделом «замена письма и образное письмо во внеевропейских странах» (здесь Азия, Океания с Австралией, Африка, Америка, мексиканцы с Майя, Южная Америка) идет VIII — заключение, дающее общие выводы. Мы видим, что «основания деления» у него меняются; начав с предметной классификации, он кончает географической, перебивая ее исторической (отдел VI). Новостью для Вейлэ является уклон в сторону «теории культурных кругов», покоряющей немецкую этнологию наших дней. Этот уклон проявился и в признании «Средиземноморского культурного круга» и в стремлении искать доказательства влияния одной культуры на другую (см., напр., стр. 65 — 76, 147 и пр.). Вейлэ не дооценивает значение магической теории происхождения письма, которую мы находим у Danzel'я. Цельной картины эволюции письмен, стадия за стадией, Вейлэ дать не удается. Главным образом, потому, что он рассматривает развитие письма вне связи с развитием идеологии вообще, общественных форм, не говоря уже о хозяйственных. Важен и неоспорим его вывод, что начатки письма, особенно в Европе, чрезвычайно древни, восходя к древне-каменной эпохе (палеолиту). Неоспоримо же, хотя и не ново его утверждение, что между примитивным письмом и примитивным искусством нет резкой границы. У Вейлэ попадаются и спорные положения, но на них можно не останавливаться. В общем русские читатели получили прекрасную, с солидным багажом знаний, очень свежую книжку. Русский перевод выполнен безукоризненно. Мы должны тем более благодарить переводчиков, что своенравный язык Вейлэ очень труден для перевода. Этим объясняется, что чтение книги требует от читателя напряженного внимания. Но материал столь увлекателен, что это напряжение легко преодолеть. Содержание книги облегчается превосходно подобранными иллюстрациями: в русском переводе точно воспроизведены

с сохранением размеров рисунки, исполненные Paul Lindner'ом для немецкого оригинала. Они так интересны, что приходится жалеть об отсутствии перечня их. Во втором издании, надо думать, этот перечень (а равно и словарный указатель содержания) будет дан. Указанные недочеты столь незначительны, что, мне кажется, не только рядовой читатель, но и человек науки может только благодарить научно-популярный отдел Госиздата за ценный подарок, сделанный им русской публике переводом книжки Вейлэ.

В. К. Никольский.

Проф. Б. Ф. АДЛЕР. От наготы до обильных одежд. Берлин. Госиздат. 1923. Стр. 43. С 17 рис.

В библиографических указаниях можно найти упоминание о брошюре Б. Ф. Адлера «Возникновение одежды». СПБ. 1893. Но мне известен лишь его очень содержательный популярный очерк, тоже называющийся «Возникновение одежды». СПБ., 1903, стр. 84, с 48 рис. Книга давно разошлась, почему выпуск новой книги, представляющей переработку и дополнение этого очерка, надо лишь приветствовать. Автор, как и раньше, считает украшение древнее одежды, появление же украшения объясняет эстетическим инстинктом, «потребностью красоты», врожденной человеку (стр. 7 и 40). Подробно изобразив разные виды украшений (в числе их и деформацию частей тела), проф. Адлер более бегло характеризует самую одежду. Он отмечает 4 географические зоны ее: тропическую, подтропическую, умеренную и полярную. В заключение, он кратко описывает дифференциацию одежды соответственно полу, возрасту, социальной группе, национальности, профессии и пр. Автором на малом числе страниц дано много фактического материала. К сожалению, классифицирован он более предметно, чем хронологически. С моей точки зрения, это главный недостаток «очерка» проф. Адлера. При хронологической группировке фактов отчетливее выступили бы социально-экономические регуляторы развития одежды, отступающие в изложении автора на задний план. Считаю минусом и умолчание проф. Адлером магической теории происхождения украшения, которая вполне может соперничать с его эстетической. Отмечу и некоторые неточности. На стр. 25 читаем: «знаем, что шлемы индейцев делаются из чеканной богатой стали». Индейцам до белых не только сталь, но и железо не было известно. Это, вероятно, досадная опечатка. Но, видимо, сам автор виноват в археологических неточностях. Нет ни одной гравюры древне-каменного века (палеолита) с изображением всадника (что утверждается на стр. 5); галльштадская культура относится не к бронзовому, а к железному веку (эпохе). Латэнская культура тоже железная, а никак не переходная (как напечатано на стр. 11). Заканчиваю свой перечень недочетов сожалением об отсутствии оглавления и расчленения книги на отделы (в 1903 г. такое расчленение было). Язык довольно простой, но насыщенность книги фактами и сжатость изложения требуют внимательного читателя. Издана книга прекрасно: хорошая бумага гармонирует с хорошими рисунками, с простой, но изящной обложкой. Несмотря на отмеченные недостатки, в итоге следует признать, что только такой крупный специалист, как проф. Адлер, мог дать так много на столь малом числе страниц. Русские читатели могут только благодарить и автора и издательство за новую ценную популяризацию столь интересного вопроса, как вопрос о происхождении и развитии человеческой одежды.

В. К. Никольский.

ФИЛОСОФИЯ и ПСИХОЛОГИЯ.

Л. АКСЕЛЬРОД-ОРТОДОКС. Карл Маркс как философ. *Г. Баммель.*

Л. АКСЕЛЬРОД-ОРТОДОКС. Карл Маркс как философ. Главполитпросвет. Издательство «Путь Просвещения» при Н. К. П. У. С. С. Р. Харьков. 1924. Стр. 79.

Кому приходилось работать в литературных кружках, в «цехах поэтов», или кому приходилось читать лекции по поэтике, тому хорошо знакома одна очень распространенная отрицательная особенность стихов молодых поэтов. Стихотворение само по себе — как стихотворение: звуковая сторона—богатая, техника и архитектоника целого — еще лучше, ритмика — великолепна, словарь и фактура — свежи и выразительны. Но все это лишено живого внутреннего единства: или стихотворение целиком раскрыто и «дается» в первых двух-трех строчках, и сколько бы автор не писал дальше, он бессилен дать что-либо большее, чем эти первые две-три строчки,— или же стихотворение под конец обрывается, «конец» притаскивается за волосы и «чувствуется», что, сколько бы автор ни «продолжал» дальше писать, он все равно бессилен «закончить», дать «разрешение» своей поэтической теме. Эти два недостатка поэтического отношения к вещам в сущности выражает один общий недостаток — неуменье дать нечто цельное и органическое.

Вот этим недостатком и грешит книжка (или, вернее, брошюра) почтенного автора. Достаточно прочесть первую статью, даже первые три-четыре страницы, чтобы получить представление о всей книге. И наоборот: достаточно прочесть последнюю статью (4-ую в книге), чтобы понять, почему такая книга в сущности не может быть закончена,— за *такой* последней статьей должна (именно должна) следовать новая «последняя» статья, за этой—еще одна, и т. д. *до бесконечности*. Когда я читал книжку, мне все время казалось, что я присутствую при непроизвольном раскручивании заведенного умственного аппарата. Идеология, идеология и еще раз идеология—в этом вся беда! Когда цитируют произведения, между которыми— пространство десятилетий, когда одна цитата одной эпохи должна подтвердить цитату другой эпохи, а мировоззрение превращается в систему идей (только идей, философских идей),—тогда я не знаю, что здесь отнести на счет марксизма и что в марксизме можно отнести на счет философии. Что изложение марксизма не только ортодоксальнейшего из ортодоксальных социал-демократов (хотя бы Каутского первого периода), но и неокантианца Форлендера, написавшего несколько книг о Марксе как философе, ничуть не хуже изложения почтенной книжки,—это можно утверждать категорически. В самом деле, там, где не приходится философствовать, там, где нужно оставаться в пределах исторических фактов, «документальных» данных, «интеллектуальной биографии» и т. д. и пр.—в большинстве случаев у нас нет оснований не верить этим буржуазным писателям. Пример Густава Майера, буржуазного до мозга костей писателя, не единственный в этом роде. Но суть вопроса именно в том и состоит, что на все эти изложения *теперь* мы смотрим другими глазами. Те же самые книги Каутского, на которых мы учились, то же самое, ныне покойное, «Neue Zeit», на которое мы набрасывались когда-то с захватывающим интересом,—теперь *мы же*, в свете современного послеоктябрьского мира, научились проводить сквозь призму совершенно новых понятий и новых требований.

Книга состоит из четырех статей: «Действенность и диалектика в философии К. Маркса», «К. Маркс и немецкая классическая философия», «Теория стоимости и диалектический материализм» и «Карл Маркс и религия». Статьи эти написаны в разное время к различным юбилейным датам и трактуют в общем один и тот же сюжет: философию Карла Маркса.

Автор во всех статьях придерживается ортодоксальной марксистской точки зрения («ортодоксальной» в том смысле, в каком употребляли это слово известные круги социал-демократов, выступивших в 90-х годах против ревизионистов). Нельзя пройти мимо блестящего уменья автора популярно разъяснять читателю сложнейшие философские вопросы. Правда, иногда кажется, что популярность изложения на протяжении 79 страниц покупается ценою чрезмерной, часто расплывчатой общности постановки вопроса («конечно, в самом сжатом виде» — стр. 65; «приблизительно»—стр. 10; «ограничусь краткими формулировками» — стр. 12; «этим объяснением указанное различие не исчерпывается»—стр. 18; «не думаю также определять размеры того огромного вклада, который внес Маркс»— стр. 8 и т. д.). Правда, иногда кажется, что популярность достигается своеобразным рефреном Марксовых цитат, отдельных положений, выводов и так далее (я не указываю точно этих повторений, так как читателю, думается, достаточно знать страницы, чтобы убедиться в этом; вот эти страницы: во-первых, 9 и 26; во-вторых, 15 и 29; в-третьих, 15 и 29 — 30; в-четвертых, 26 и 38; в-пятых, 8 и 39; в-шестых, 8, 39 и 41; в-седьмых, 9 и 43; в-восьмых, 15, 30 и 57 — 8. Но следует, конечно, иметь в виду, что книга составилась из отдельных статей, написанных в разное время (1907—1923 гг.), и автор представил вниманию читателя не книгу, а *сборник* статей. И если современный читатель, которого так трудно «взять на пушку», возразил бы, что, мол, тем хуже для автора, или какая цена такому сборнику, который не имеет ничего внутренне-объединяющего и синтетического, то мы могли бы отпарировать это возражение словами многоуважаемого автора: «Полный и хотя бы более или менее исчерпывающий ответ на поставленный вопрос требует весьма сложного анализа, которым я надеюсь заняться в другом месте и в другой связи, а пока же ограничиваюсь сказанным» (sic!).

И, действительно, для первоначального знакомства с философией Маркса книжка Л. И. Аксельрод-Ортодокс незаменима. Мы ее горячо рекомендуем малоподготовленному читателю. Строго говоря, тот общий и единственный недостаток, о котором мы говорили в самом начале, не имеет значения для этого читателя, мысль которого логически не дисциплинирована. Только постепенно научится он отбирать плевелы, шелуху, беллетристику от того, что ему нужно в марксизме для строительства новой жизни.

Но от Л. И. Аксельрод-Ортодокс, воспитавшей целое философское поколение, которое еще в университетах высоко держит знамя марксизма, иной читатель, который кое-чему научился в философии марксизма, ожидал бы нечто большее. После блестящих, сохранивших во всей их чистоте великие теоретические традиции одного из самых глубоких мыслителей нового времени, Г. В. Плеханова, сыгравших большую роль в деле защиты марксистского материализма—«Философских очерков»,—такому читателю придется, наверно, пожать плечами, а рецензенту обратиться за помощью к славному языку Эзопа.

Григорий Баммель.

ВОЕННОЕ ДЕЛО.

1. Майор В. ЛЕФЕБЮР. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. *М. Павлович.* — 2. ЛЕ-ЭНАФ и БОРНЭК. Французские железные дороги и война. *В. Чеботаревский.* — 3. Ф. МЕРИНГ. Очерки по истории войны и военного искусства. *С. Белицкий.* — 4. КРАСНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ. Сборник. Под ред. И. Гордеева. *Ф. Раскольников.*

Майор В. ЛЕФЕБЮР. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. Издат. «Военный Вестник». Москва. 1923 г. Стр. 183.

Книга майора В. Лефебюра представляет по своему содержанию громадный интерес, и потому перевод и издание ее на русском языке является несомненной заслугой «Военного Вестника». Однако, существенным недостатком русского издания является отсутствие соответствующего предисловия к этой крайне важной книге, ибо, конечно, несколько строк, написанных Г. Поповым, нельзя считать за «предисловие» к книге. Г. Попов считает совершенно лишним давать обстоятельную оценку книги Лефебюра, после того, как такие авторитеты, как Вильсон и Фош, дали свой отзыв о книге.

«Предлагаемый вниманию читателей перевод книги майора английской службы В. Лефебюра «Загадка Рейна», — пишет тов. Г. Попов,— вряд ли нуждается в особой рекомендации, так как на ней имеются визы таких выдающихся военных деятелей Англии и Франции, как Генри Вильсона и маршала Фоша, оценивших по достоинству эту интересную и в высшей степени полезную книгу, написанную с большим знанием дела, всесторонним освещением фактической стороны и трезвым взглядом на будущее химической войны».

Мы думаем, что для русского читателя визы г-д Фоша и Вильсона особой ценности не представляют и могут лишь вызвать справедливое подозрение и недоуменный вопрос: с чего эти высокопоставленные особы вздумали писать предисловие к книге какого-то скромного майора? На этот вопрос тов. Г. Попов не потрудился ответить, а, между тем, здесь и лежит весь «секрет» книги Лефебюра.

Согласно установившемуся у нас в СССР скверному обычаю, автор предисловия не считает нужным осведомить читателя, в каком году появилась в свет книга Лефебюра на английском языке. Более того, как будто нарочно опущены даты под предисловиями Фоша и английского маршала Вильсона. Мы думаем, например, что в 1923 г. книга Лефебюра не могла бы появиться в Англии и во всяком случае едва ли английский маршал дал бы к ней то предисловие, какое он написал для читателя неизвестно в каком году. В самом деле, в своем предисловии Вильсон говорит исключительно о «немецкой опасности», между тем как мы хорошо знаем, что теперь английскую военщину больше всего беспокоит «французская опасность». Итак, в каком же году появилась впервые книга Лефебюра и когда написал свое предисловие английский маршал Вильсон?

Мы не будем останавливаться на специально технической стороне работы Лефебюра, на описании действия «горчичного газа», «слезоточащих газов», «облаков фосгена», «огнеметов»,«газомета Ливенса», «иперита», на мерах противогазовой обороны и т. д.

Все это хорошо и ясно описано у Лефебюра, дающего нам богатый фактический материал. Но ведь не в этом центр книги английского майора. Ибо если бы суть ее заключалась в описании сущности «химической войны», она так бы и называлась, подобно капитальной работе Фрайса и Веста «Химическая война», также вышедшей в переводе на русском языке. Между тем работа Лефебюра имеет титул: «*Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны*». Итак, мы видим, что в титуле книги восемь слов (не считая предлогов), при

чем шесть слов концентрируют внимание читателя на том, *что необходимо делать во время мира*, и лишь два слова напоминают нам о войне. А казалось, было бы так просто написать по-военному, кратко и вразумительно, подобно Фрайсу и Весту: «Химическая война».

Дело в том, что книга Лефебюра написана, очевидно, в то время (может-быть, на другой день после Версальского мира), когда английские империалисты не имели никаких трений с французскими империалистами, когда «Антанта» фактически существовала, и правительства обеих великих держав действовали в полном контакте друг с другом.

Книга Лефебюра в высшей степени циничная книга. Это едва ли не самая разбойничья из всех книг, которые появились в международной капиталистической литературе со времени разгрома Германии [1]). Лефебюр недоволен условиями Версальского договора, который оставил-де Германии возможность возродиться и снова стать сильной державой, прежде всего путем развития своей химической промышленности. Как же уничтожить эту опасность? Очень просто. Надо отнять у Германии Рейнскую область и уничтожить пресловутый германский химический трест (Interesen Gemeinschaft).

«Последующие страницы докажут, что одно лишь существование в Германии автономной химической монополии, в виде всей совокупности ресурсов I. G., уже само по себе представляет серьезную опасность, вне всякой зависимости от образа мыслей и нравственных убеждений руководителей этой обширной организации. *Последнюю можно сравнить с миною, плавающей по волнующемуся океану всеобщего мира и постоянно угрожающей взрывом, которую не успели еще убрать.* Существование этой гигантской монополии возбуждает ряд неразрешенных экономических и военных вопросов жизненной важности, которые представляют настоящую «загадку Рейна».

Итак, сам Лефебюр ясно говорит, что *вся цель его книги заключается в раскрытии опасности, которой грозит всеобщему миру дальнейшее существование немецкого химического треста.* Понятно, что, защищая эти взгляды, Лефебюр выступает попросту, как агент французских и английских монополистов химической промышленности, стремившихся, во что бы то ни стало, уничтожить немецкую конкуренцию. Мощь немецкой химической промышленности Лефебюр иллюстрирует следующими данными.

Все ядовитые германские газы были приготовлены на переделанных или расширенных заводах красильных веществ. Преимущество Германии заключалось единственно в ее промышленной довоенной монополии. Вот, например, показательные статистические данные, относящиеся к 1913 году:

ГОСУДАРСТВА.	A Производство красильн. веществ 1913 г. Тонн.	B Потребл. государст. Тонн.	C Производ. 1918 г. Тонн.
Германия	135.000	20.000	135.000 (Вероятно, бол.).
Швейцария	10.000	3.000	12.000
Франция	7.500	9.430	18.000
Великобритания	4.500	31.730	25.000
Соед. Штаты	3.000	26.020	27.000
Другие государства	3.000	72.820	4.000
Всего	163.000	163.000	221.000

[1]) Более подробно о химической войне и о книге Лефебюра см. нашу печатающуюся статью в «Красной Нови»—«Химическая война» («Красная Новь», №№ 3—4).

Данных, относящихся к периоду после 1918 г., Лефебюр не приводит по причине, известной лишь переводчику книги Лефебюра и Г. Попову, не сообщившим нам, в каком году вышла интересующая нас работа на английском языке. Во всяком случае идеи Лефебюра о необходимости уничтожения германской химической промышленности и немецких химических концернов уже устарели для Англии и могут иметь успех лишь в крайних империалистических кругах Франции. В настоящее время английская пресса сочувственно комментирует проект соглашения между Британской Корпорацией Красящих Веществ и Германским Анилиновым Трестом. *Британская Корпорация Красящих Веществ объединяет около 75% всего английского производства красок.* Капитал ее превышает 80 миллионов рублей золотом. Одним из мотивов, толкающих оба химических объединения к соглашению и побуждающих правящие круги Англии с симпатией относиться к этому проекту, является, несомненно, французская опасность. Итак, Англия уже начинает применять «химическую стратегию в мирное время против Франции».

Да, в то время, когда английский маршал Генри Вильсон рядом с Фошем писал свое предисловие к книге Лефебюра, ему и на мысль не приходила возможность соглашения немецких и английских химических трестов для борьбы с «французской опасностью» и американской конкуренцией. Тем более не приходила маршалу Вильсону и на мысль возможность очутиться вместе с Фошем друг против друга в двух воюющих вооруженных лагерях. А эта возможность отнюдь не устранена и, может-быть, в близком будущем мы будем свидетелями подлинной «химической войны» между Англией и Францией после того, как обе державы уже начали применять друг против друга «химическую стратегию в мирное время».

Как бы то ни было, нельзя не приветствовать издание книги Лефебюра на русском языке. Книга эта дает ценный материал о химических средствах войны и вместе с тем при критическом отношении к взглядам автора является ценнейшим документом для уяснения некоторых сторон современного империализма.

М. Павлович.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И ВОЙНА.—Ле-Энаф и Борнэк. Пер. с французского. Изд. Высш. Воен. Ред. Сов. 1923 г. Москва. Стр. 284.

Только что вышедшая в русском переводе работа французских офицеров — полковника Ле-Энаф и капитана Борнэк — представляет чрезвычайный интерес особенно потому, что до сего времени в русской военной литературе нет аналогичных трудов.

Между тем пути сообщения в деле ведения войны для России — с ее исключительными географическими масштабами и громадными протяжениями линий границ — имеют значение бо́льшее, чем для какой бы то ни было страны.

В этом отношении последняя империалистическая война, с ее многомиллионными армиями и фронтами «от моря до моря» — представляла богатейший и единственный по размерам в нашей военной истории опыт использования путей сообщения для целей войны, но, к сожалению, условия окончания войны — революция, стихийная демобилизация, а затем вспыхнувшая гражданская война — не дали возможности сохранения полностью многочисленных архивов, не говоря уже о срочном и надлежащем использовании уцелевших материалов.

Тем с бо́льшим интересом и вниманием должен быть встречен настоящий труд, исследующий вопросы использования путей сообщений, по преимуществу железных дорог, во Франции, авторами которого являются высоко квалифицированные работники в этой области: полковник Ле-Энаф, бывший военный комиссар сети Восточных железных дорог с начала войны, затем директор дорог армейского района, являвшийся непосредственным руководителем воинских перевозок за время войны, в сотрудничестве с капитаном Борнэк, работавшим в 4-м Отделе Главного Штаба.

Отсюда полная и широкая осведомленность авторов в стратегической и тех-

нической сторонах перевозок и громадный, чрезвычайно интересный цифровой материал.

Книге предпослан краткий очерк организации военной службы железных дорог, к сожалению, не дающий всех деталей организации, особенно в области связки работы органов военных сообщений с органами службы снабжений (распорядительные станции), т.-е. там, где всегда ощущались наибольшие шероховатости.

Основы организации военной службы железных дорог исходили из идеи тесного сотрудничества элементов военного и технического на всех ступенях управления, при чем «первому принадлежало *руководство и преобладание*, а второй *содействовал своими профессиональными знаниями*, с сохранением, однако, *полной ответственности за техническое исполнение*».

Общее руководство военной службой железных дорог лежало на 4-м Отделе Главного Штаба, где были сосредоточены все работы по изучению рельсовой сети и по разработке планов мобилизации и сосредоточения.

Далее каждая большая сеть железных дорог имела специальный орган — «Комиссию железно-дорожной сети» в составе двух членов: *одного военного* (штаб-офицера Генштаба), с одним - двумя помощниками, и *одного технического* (директора сети) с помощником и необходимым аппаратом.

Соответственные органы имелись на отдельных железно-дорожных линиях (Подкомиссий жел.-дор. сети) и станциях (станционные Комиссии), при чем исполнительные меры принимались от лица комиссий, как коллективов, но с сохранением персональной ответственности каждого из комиссаров — по специальности.

Таким образом, с 31 июля 1914 года французские железные дороги — и частные, и казенные — утратили, за исключением финансовой стороны, свою самостоятельность, которая частично восстановляется лишь после перемирия с 10 февраля 1919 года, когда военная власть слагает с себя руководящую роль и возвращает ее железно-дорожной администрации, ведавшей сетью в мирное время.

Принятие в основу организации военной службы железных дорог упомянутых принципов представляет особый интерес для нас, где аналогичные принципы до сих пор не получили общего признания.

При этом полезно сопоставить мощность и технику французских железных дорог и громадные материальные рессурсы, подкрепленные английской и американской индустрией, с относительной бедностью нашей сети и особенно ее рессурсов. Кроме того, надо учесть, что французским железным дорогам приходилось все время иметь дело с особо осторожным в своих требованиях к транспорту военным командованием и с необычной для нас устойчивой и планомерной системой его использования.

И тем не менее, система организации военных сообщений, в основе весьма близкая к нашей, не только не подвергалась изменениям за время войны, но заслужила всеобщее признание и с честью выдержала самые суровые испытания.

Успех перевозок по мобилизации и сосредоточению базировался на тщательно проработанных планах и на соответственной подготовке жел.-дор. сети.

Между прочим, надо отметить весьма оригинальную и интересную идею «независимых направлений», составленных из двухколейных линий, имеющих на всех участках одинаковую пропускную способность, и независимых, по возможности, друг от друга, т.-е. не имеющих общих главных путей, пересечений в одном уровне и т. д.

Каждое направление имело свою «распорядительную станцию», с отдельной Комиссией, располагавшей районом действия в пределах определенного участка в тыл и до головной станции — в сторону фронта. В этом районе она являлась полновластным хозяином, и только ею давались окончательные назначения высадки каждого поезда данного направления.

Эти направления соединялись двумя поперечными рокадными линиями соответственной пропускной способности (52 и 30 маршрутов), что дало в итоге возможность выполнения с математической точностью перевозок: по мобилизации (с 1 по 5 августа) более 10.000 по-

ездов и по сосредоточению (с 6 по 19 августа), когда было перевезено более 30.000 офицеров, 1.200.000 солдат, 400.000 лошадей и 80.000 повозок.

В дальнейшем, с развитием операций и увеличением контингента армий (особенно с прибытием английских и американских войск), движение на жел.-дор. сети возросло настолько, что потребовались значительные устройства по поднятию провозных способностей, вплоть до построек новых магистралей.

Размеры этого возрастания характеризуются следующими данными: к концу 1916 года правительственная сеть имела 146% *движения мирного времени;* сеть «Париж — Лион — Средиземное море» — 149%; Орлеанская сеть — 166% и Северная — свыше 200%. Цифры эти значительно повышаются в 1917 и 1918 годах, при чем возрастает, главным образом, воинское движение за счет коммерческого и пассажирского движения.

В частности интересно отметить рост снабженческих перевозок: планы 1914 года исходили из расчетов 70 — 140 тонн полного снабжения одной дивизии, в зависимости от характера боевых операций, а в 1918 году та же потребность для дивизии, участвующей в бою, доходит до 1000 тонн в сутки, т.-е. в 28 — 14 раз более, чем в первый период войны.

Расход артиллерийских снарядов возрастает уже в 1915 году до 100.000 гранат крупных калибров в день боя, а в 1918 году — до 272.000 тех же гранат. За *три месяца* большого наступления в 1918 году израсходовано *37.270.860 гранат*.

Однако, перенапряжение работы транспорта вызвало и во Франции «кризис перевозок» в конце 1915 года, к ликвидации которого приняты были меры, намеченные еще весной того же года 4-м Отделом Главного Штаба.

Интересно, что причины, вызвавшие кризис, вполне аналогичны с явлениями, имевшими место и у нас.

Но, помимо интересов технического порядка, работа авторов развертывает полную картину *«стратегии» перевозок*, роль железных дорог, *как орудия маневра*, и эта часть труда имеет большую ценность и должна бы встретить особый интерес, *как богатейший материал для изучения роли путей сообщения в современных войнах*. Особенно велико это значение было в маневренные периоды войны—в 1914 году—первое отступление, сражение на Марне и «скачка к морю», и в 1918 году — во время «большого наступления» союзников.

Изучение этих операций устанавливает уже и сейчас *доминирующее значение путей сообщения в развитии боевых операций* и вытекающую отсюда необходимость твердого усвоения взгляда на военные сообщения, как на *необходимый и важнейший фактор успеха боевых операций*.

Между тем ни в империалистическую, ни тем более в гражданскую войны,— такой взгляд отнюдь не имел широкого распространения среди нашего командования и, особенно, реального его применения. Вероятно, исключительны были случаи, когда начальники Военных Сообщений привлекались к участию в *разработке оперативных предположений*, когда их участие могло бы дать *более ценные результаты, чем в роли покорных исполнителей принятых уже решений, зачастую не соответствующих фактическим возможностям транспорта*. Много неудач могло быть избегнуто *при правильном и полном использовании путей сообщения вообще и службы военных сообщений — в частности...*

Достаточно подробно освещены и прочие перевозки: по снабжению, по эвакуации больных, раненых и отпускных, почтовых отправлений и посылок...

Отдельные главы посвящены перевозкам английских и американских войск, вначале ложившихся исключительно на рессурсы французских железных дорог, но впоследствии получивших собственные средства, вплоть до подвижного состава и больших развитых станций.

Жуткий характер имеют данные о разрушениях путей сообщения, куда германцы вложили присущие им методичность и жестокость; таковы, например, мины долговременного действия, неожиданно взрывавшиеся через несколько недель в обстановке уже возобновленного, полного движения и т. д.

Характер и размеры разрушений оставляют далеко за собой все, имевшее место в нашей практике, так что на долю же-

лезно-дорожных саперов и военных отделений военных дорог выпала колоссальная работа по восстановлению разрушений противника.

В общем, при отсутствии аналогичных трудов и надлежаще обработанных материалов в русско-военной литературе, надо приветствовать почин ВВРС, пополнивший этот крупный и, к сожалению, давнишний пробел русской военной мысли и давший возможность познакомиться с высокопоучительными материалами, интересными не только специалистам и военным, но и другим участникам будущих «войн народов», и, в первую очередь, нашим ближайшим сотрудникам в деле обороны страны — товарищам транспортникам.

В. Н. Чеботаревский.

ФРАНЦ МЕРИНГ. Очерки по истории войны и военного искусства. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1924 г. Стр. 388. Перевод с немецкого, под ред. и с предисловием Н. Н. Попова.

«Очерки» Ф. Меринга не представляют собой цельного связного труда. Мы имеем здесь ряд статей самостоятельного характера, собранных редактором тов. Н. Н. Поповым в приблизительном хронологическом порядке. С особым вниманием читатель остановится на предисловии Ф. Меринга к труду Ганса Дельбрюка. Этот выдающийся немецкий историк известен русским читателям по труду проф. А. Свечина «История военного искусства». Из последующих статей, несомненно, наиболее актуальной является статья Меринга «Милиция и постоянное войско».

Статьи, посвященные внешней и военной политике Фридриха II, Иене, Тильзиту, Таурогену, Калишу и Карлсбаду, освещают как период, предшествовавший наполеоновским войнам, так и сами наполеоновские войны. Но когда читатель подойдет к этим статьям, то он встретится с основной ошибкой редактора. Меринг, когда писал эти статьи, был уверен в том, что история этих войн более или менее знакома его читателям. Совсем в другое положение попадает наш русский читатель (книжка издана в 10.000 экз., т.-е. рассчитана на массового читателя), который не всегда знаком с отдельными именами и военными моментами описываемой эпохи. Редактор почему-то отказался дать соответствующие подстрочные примечания, небольшие схемки, и этим сделал чтение Меринга чрезвычайно трудным. Мы не будем останавливаться на некоторых мелких ошибках в переводе. Они вполне извинительны в связи с тем фактом, что мы сейчас не имеем первоклассных военных переводчиков.

Свою ошибку редактор пытается возместить довольно обширным предисловием. В первой своей части этого предисловия он делает неоднократные ссылки на труд А. Свечина «История военного искусства». Источник, с нашей точки зрения, довольно сомнительный. Меньше всего марксисту следовало бы опираться на него. Было бы более целесообразно обратиться к первоисточникам, по которым А. Свечин составлял свой труд, тем более, что они в его труде довольно точно указаны. В беспомощное положение попадает редактор, когда он пытается связать работы Меринга с нашей Красной армией. Очевидно, он сам очень далеко стоял от Красной армии и совершенно не в курсе как ее истории, так и современного ее положения. Территориальные формирования, к которым мы сейчас переходим, очень далеко отстоят от той милиции, которая вырисовывается в трудах Франца Меринга. Совершенно не доказано утверждение редактора, что мы свою Красную армию строили из старого материала, доставшегося нам в наследство от царской армии. Неверно, ибо наша Красная армия зародилась из рабочих отрядов Красной гвардии, и лишь впоследствии были использованы сохранившиеся в стране остатки старой армии. Совсем нелепо утверждение, что Варшавскую операцию Красная армия проиграла благодаря применению какой-то специфической стратегии и тактики гражданской войны. Известно, что командование Красной армии было против форсированного наступления на Варшаву и что это наступление диктова-

лось исключительно моментами политического характера. По сравнению с строго научным материалом Франца Меринга предисловие, написанное каким-то наскоком и стремлением охватить целиком всю сложную проблему военного искусства, оставляет невыгодное впечатление.

Тем не менее, выход в свет Франца Меринга следует приветствовать. Эта книга займет свое почетное место в библиотеке не только военного работника, но и всякого интересующегося вопросами истории. Будем надеяться, что вслед за трудами Меринга мы увидим труды других марксистов, неоднократно подходивших к рассмотрению военных вопросов. Многочисленные статьи Энгельса Лассаля, Вальяна, Каутского, так же как и статьи, посвященные мировой войне, Ленина и Зиновьева, подведут читателя к пониманию современных проблемм военного дела. С этой точки зрения следует приветствовать инициативу издательства «Красная Новь». Указанные же выше недостатки будут, по всей вероятности, учтены при повторном издании.

С. Белицкий.

КРАСНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ. Сборник под редакцией И. Гордеева. 2-е издание. Изд. Центр. Ком. по провед. Недели Красного Флота. М. 1923. Стр. 386.

Появление этого сборника нужно приветствовать. Красный флот как нельзя более нуждается в исключительном внимании со стороны широких трудящихся масс. Поэтому в интересах возрождения Красного флота необходимо неустанно разъяснять в печати и на собраниях значение морской силы для нашего союза, внушая рабочим и крестьянам СССР интерес к Красному флоту и бережное, любовное отношение к нему.

Эту задачу довольно успешно выполняет лежащая перед нами книга.

Сборник открывается письмом тов. Троцкого президиуму 2-го Всероссийского совещания военморов-коммунистов. «Работать по более широкому чертежу более тонким инструментом»—вот лозунг, даваемый тов. Троцким Красному флоту. Затем следует статья начальника Морской Академии Г. Б. Жерве, представляющая собой популярную пропаганду морской идеи применительно к политической обстановке СССР. Далее идут статьи, заметки и пожелания виднейших советских и партийных работников, а также деятелей Коминтерна. Здесь мы находим имена Зиновьева, Калинина, Чичерина, Красина, Бухарина, Павловича, Подвойского, Радека, Ньюбольда, Амтера, Катаямы и других товарищей.

После статей, посвященных комсомолу и состоянию иностранных флотов, следуют два исторических отдела: «Красный флот в гражданской войне» и «Флот в революционном движении». Наконец, заканчивается сборник беллетристическим отделом.

Наиболее интересной и содержательной статьей всего сборника являются воспоминания тов. Х. Г. Раковского об его участии в последней фазе восстания на броненосце «Потемкин-Таврический». По приходе дредноута в румынский порт Констанцу, тов. Раковский, по поручению редакции «Искры», пытался склонить моряков к продолжению революционной борьбы, побуждая их немедленно следовать в Батум на помощь крестьянскому повстанческому движению Грузии и бастовавшим в то время грузчикам Батумского порта. Но корабль уже находился в состоянии разброда и вместо продолжения революционно-боевых действий предпочел мирную сдачу румынским властям. После интернирования моряков тов. Раковскому пришлось среди них немало поработать, занимаясь их политическим воспитанием.

На стр. 279 ошибочно сказано, что «Потемкин-Таврический» был вооружен 350-миллиметровыми пушками. Тов. Раковский, как не специалист, мог не обратить внимания на калибр артиллерийского вооружения, но морская редакция сборника могла бы рассчитать, что 350 миллиметров, примерно, соответствует 14 дюймам. А 14-дюймовой артиллерии в русском флоте никогда не существовало. Она лишь намечалась к установке на сверхдредноутах типа «Кинбурн», оставшихся недостроенными.

В этом же отделе перепечатан из «Пролетарской революции» очерк В. Полян-

ского: «Разговор тов. Ленина с Кронштадтом по прямому проводу». Целый ряд признаков, как-то: упоминания о Центробалте, об Областном комитете, о линейном корабле «Республика», с несомненностью устанавливают, что данный разговор по прямому проводу тов. Ленин вел не с Кронштадтом, а с Гельсингфорсом. Если это не бросилось в глаза тов. Полянскому, ни редакции «Пролетарской Революции», то сборник, исходящий от моряков, был обязан обратить внимание на эту ошибку.

Статьи тов. Соболева сжато, но добросовестно излагают ход боевых операций Красного флота на Волге, на Каспие и в Черном море. Только на стр. 199 начальником Северного отряда Волжско-Каспийской флотилии назван Петров, тогда как на самом деле им командовал Мих. Ник. Попов.

В интересной и по существу правильной статье тов. Зофа, фамилия тов. Дыбенко, ошибочно названа среди кронштадтских работников. Как известно, в 1917 г. тов. Дыбенко действовал в Гельсингфорсе.

Подводя итоги, нужно сказать, что сборник составлен содержательно и разнообразно. Редакция проявила большую энергию в деле подбора обильного материала. Но, к сожалению, внутренняя редакционная работа совершенно не была проделана. В результате, выпущенная книга содержит целый ряд грубейших ошибок, совершенно непростительных в специальном морском издании, рассчитанном, как говорит предисловие, «на самую широкую читательскую массу».

Остается пожелать, чтобы в третье издание редакция внесла все отмеченные выше исправления.

Ф. Раскольников.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Акад. А. ФЕРСМАН. Три года за полярным кругом. *Проф. А. Крубер.*—**2. Я. ПЕРЕЛЬМАН. Межпланетные путешествия.** *А. Михайлов.*—**3. К. ПОКРОВСКИЙ. Путеводитель по небу.** *А. Михайлов.* — **4. К. ТИМИРЯЗЕВ. Солнце, жизнь и хлорофилл.** *Ф. Крашенинников.*— **5. Проф. Б. КОЗО-ПОЛЯНСКИЙ. Последнее слово о антидарвинизма. Изложение и критический разбор теории номогенеза — нового учения об эволюции органического мира.** *Проф. А. Иванцов.* — **6. В. И. ЛУЧИЦКИЙ. Курс петрографии.** *Проф. Г. Вульф.* — **7. Проф. В. КОСТИЦЫН. Курская магнитная аномалия.** *Проф. С. Бастамов.*

Академик А. Е. ФЕРСМАН. Три года за полярным кругом. Издательство «Молодая Гвардия». 1924 г. Стр. 79.

Маленькая книжка (9 стр. с 8 фотографиями и 2 картами) имеет своею целью в популярной форме познакомить читателя с ходом изучения Кольского полуострова группой исследователей, работавших там в течение летних сезонов 1920, 1921 и 1922 гг., под общим руководством академика А. Ферсмана. «Мне хотелось бы,—говорит автор в предисловии,—привлечь этой книжкой в прекрасные горы нашего севера... зажечь огнем скитания и бродяжничества, порывом научных исканий нашу усталую молодежь, в столь тяжелых условиях борющуюся за знание, за право учиться».

В общем поставленная задача и удалась автору, хотя необходимость вместить весь материал на немногих страницах и поэтому только вскользь затрагивать некоторые вопросы, отразилась неблагоприятно на полноте и рельефности изображения ландшафта и объяснения некоторых интересных явлений полярной природы, напр., образования полигональных полей. Последние две главы посвящены: 1) «научным результатам» (которые сводятся, главным образом, к сбору обильного и совершенно исключительного по своему достоинству музейного материала минералов, нахождению богатых цирконневых руд, апатитовых жил, к установлению мест, заслуживающих внимания по «белому углю», к некоторому исправлению карт и т. д.)

и 2) истории Хибинских тундр. Эскизность изложения особенно неблагоприятно отразилась на этой последней главе, едва ли достаточно понятной для обычного читателя популярной книги. Встречаются у автора некоторые не совсем понятные фразы и отдельные выражения. Что, напр., значит: «на ней (на Столовой горе) никто не был из исследователей и только *частично* (?) подымался финляндский геолог Рамзай на ее западные склоны» (стр. 30); или «места *сосредоточенного* падения воды» (стр. 63) или «щиты, *сдуваемые* ураганами и отдельными первыми *потоками* тропического дождя, провозвестника первого моря — будущего океана — Понталассы» (стр.72). Приходилось также пожалеть, что автор почти совершенно не касается ни гидрографии, ни растительного покрова местности.

В общем, книжка, несомненно, полезна, так как знакомит широкий круг читателей с такой мало еще известной местностью, как Хибинский массив.

Д. Крубер.

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН. Межпланетные путешествия 4-ое изд. Академич. Издательство. Птгр. 1923. Стр. 127.

Вопрос о межпланетных путешествиях начинает переходить из фантазии романистов в трезвые умы инженеров. Правда, возможность вылететь за пределы земной атмосферы пока еще далека от осуществления, но не из-за принципиальной неосуществимости, а, главным образом, из-за огромного количества потребной для этого энергии. Можно сказать, что это лишь вопрос развития техники, то-есть вопрос времени. Книжка Перельмана, вышедшая четвертым изданием в значительно пополненном виде, занимает промежуточное положение между романом-утопией и механическим расчетом межпланетного полета. Изложение легкое и увлекательное, содержание в достаточной мере научное. Автор сначала разбирает возможность двух способов перелета, использованных Жюль Верном и Уэльсом — способа пушки, сообщающей ядру скорость в 11 км. в секунду, и применения экрана тяготения и, конечно, приходит к отрицательному результату. Далее он касается вопроса о световом давлении и его использовании. Затем излагается идея ракеты, дающая теоретическую возможность осуществления полета. К сожалению, в этой интересной части отсутствует энергетический подсчет путешествия, который возможен в той элементарной форме, в которой ведется все изложение. А, между тем, эта сторона наиболее важная, так как она представляет главное препятствие к осуществлению межпланетного корабля. В отношении правильности механических соображений, нужно заметить, что встречаются некоторые неточности; из замеченных нами важнейшей ошибкой является утверждение на стр. 39, что для заметного изменения скорости вращения земли путем перемещения по ее поверхности тяжелых масс потребуются тысячи веков. На самом деле такое изменение скорости вращения от времени совершенно не зависит и происходит мгновенно в тот самый момент, в который тяжелые массы начинают двигаться, оставаясь постоянным во все время дальнейшего движения масс (конечно, в случае равномерного движения). Таким образом, здесь не происходит накопления скорости вращения, как думает автор, что, конечно, уж совершенно уничтожает всякую возможность использовать возникающую при этом центробежную силу для отлета от земли. Но, несмотря на мелкие недочеты, к которым нужно отнести и путаницу в системах мер — метрической и русской — книжка, несомненно, способствует выяснению механических основ интересного вопроса о межпланетных путешествиях и заслуживает широкого распространения.

Д. Михайлов.

К. ПОКРОВСКИЙ. Путеводитель по небу. 4-ое издание. Госуд. Издательство. Берлин. 1923. Стр. 262.

«Путеводитель по небу», вышедший четвертым изданием, справляет в текущем году тридцатилетний юбилей (первое издание вышло в 1894 г.). Уже это

обстоятельство служит показателем успеха книги среди русских любителей астрономии. И неудивительно, ведь, кроме «Путеводителя», у нас нет другого столь же полного руководства к простейшим астрономическим наблюдениям. К тому же книга написана просто, живо и содержит много полезных сведений. И все-таки появление ее в 1923 году новым изданием после 16-летнего промежутка, в прежнем, хорошо знакомом, можно сказать родном, виде, производит впечатление, будто вы встретили после полутора десятка лет своего старого приятеля, который носит все тот же, кое-где заштопанный костюм и говорит о том же и теми же словами. И вы рады встрече, но все же чувствуете, что время теперь ушло вперед, и хочется, чтобы он заговорил также и о новом. Перемен в последнем издании по сравнению с предшествующим очень мало. Выпущен в предисловии список французских книг, вероятно, в предположении, что в настоящее время их русскому читателю не достать, кое-где пропущены данные, относящиеся к уже прошлым астрономическим явлениям, положения звезд отнесены к 1925 году (впрочем, не везде), и в некоторых местах (тоже не везде!) старый стиль переведен на новый. Но нужно оговориться, что автор не виноват в старом платье и старых словах путеводителя: новое издание выпущено без авторского просмотра.

Как на главнейшие недостатки «Путеводителя» нужно указать на устарелые и не всегда точные данные для двойных и переменных звезд и вообще на устаревшие величины звезд, недостаточные библиографические указания, на отсутствие важной для любителя главы о наблюдениях с биноклем, на устаревшие рисунки туманностей и на недостаточность главы об астрофотографии, в которой, между прочим, рекомендуются объективы, уже давно более не изготовляющиеся, и не упоминаются современные типы.

Невольно напрашивается сравнение Путеводителя с недавно вышедшей немецкой книгой «Hevelius», изданной Плассманном, тоже предназначенной для любителей астрономии. Но какая разница! В немецком «Путеводителе» имеются главы, посвященные высшей математике, теории вычисления, серьезному описанию часов, вычислению орбит и очень обширный библиографический указатель. Если эти Путеводители взять как показатели уровней русского и немецкого любителя астрономии, то поневоле приходится пожалеть о русском любителе и пожелать воспитания нового поколения русских любителей повышенного типа, могущих не только созерцать небо и его явления для собственного удовольствия, но и наблюдать их для пользы науки.

Д. Михайлов.

К. ТИМИРЯЗЕВ. Солнце, жизнь и хлорофилл. Сборник исследований, речей и лекций 1868 — 1920 гг. Госуд. Изд. 1923. Стр. 324. Цена 2 р. 70 к.

Сборник был подготовлен к печати еще при жизни автора. Смерть автора 28 апреля 1920 года, после кратковременной болезни, прервала работу его над предисловием, которое осталось незаконченным.

Кроме научных исследований — двух основных работ, диссертаций и ряда журнальных статей — в этом сборнике помещены речи на международных научных конгрессах и съездах естествоиспытателей, речь в Лондонском Королевском Обществе в 1903 г., а также некоторые из публичных лекций: «Растение и солнечная энергия», «Растение, как источник силы» и др.

Все эти статьи, речи и лекции посвящены выяснению одного из самых основных вопросов в биологии: какова судьба солнечного луча в зеленом растении при образовании органического вещества? От этого процесса зависит вся жизнь на земле. Какое участие в этом процессе принимает зеленое вещество растений — хлорофилл, который является звеном, связующим жизнь на земле с солнцем? Исследование этих вопросов физиологии растений, на ряду с другими основными, более общими вопросами естествознания составляли цель всей научной деятельности К. А. Тимирязева, с его первых научных шагов и до самой кончины.

Издание этой книги осуществляет долголетнее желание учеников и почитателей Климента Аркадьевича Тимирязева и доставит им большое удовлетворение. Статьи его рассеяны в разных научных журналах и до сих пор были трудно доступны. Но эта книга необходима не только специалистам, работающим над жизнью растения, но и для широких кругов, любящих серьезное чтение, она является существенно полезной.

Мастерское изложение, изящный слог, яркие сравнения, язык, легко всем доступный не только в публичных лекциях, но также и в специальных статьях и научных работах доставляют наслаждение при чтении этой книги. Обсуждение сложного научного вопроса легко понятно и не-специалисту; специалист же живо заинтересовывается оригинальностью и меткостью сопоставлений при изложении исторического развития вопроса в публичной лекции. Блеск критического таланта счастливо сочетается с точностью и изяществом метода, отчего сила доказательства приводит к самоочевидной ясности. Основательное чтение таких книг — незаменимая школа для учащихся. Невольно поражаешься способностью кратко излагать самые сложные вопросы. То, что у другого распространилось бы на многие печатные листы, у К. А. Тимирязева занимает несколько страниц. Оригинальная мысль, сущность сложных физико-химических превращений, излагается в немногих строчках. В этом хорошая сторона таких журналов, как «Известия Парижской Академии Наук», где К. А. Тимирязев помещал большинство своих исследований; этот журнал требует, чтобы все исследования были изложены не более, как на 3-х страницах. Это хорошая школа против многоречивости и расплывчатости.

В ряде последовательных статей, составляющих предмет исследований К. А. Тимирязева, можно проследить, как все время развивается мысль ученого в разъяснении основной намеченной задачи. Особенно следует отметить мастерскую сводку самостоятельных исследований за более чем тридцатилетний промежуток времени в речи «Космическая роль растения».

К сожалению, внешность книги, напечатанной в Ленинграде, не отвечает достоинству содержания. Сам К. А. Тимирязев относился со щепетильной строгостью к своим работам. Он очень следил за внешностью изданий. Эта же книга издана прямо небрежно: серая бумага, пустые белые страницы, оглавление без указания страниц.

Ф. Крашенинников.

Проф. Б. М. КОЗО-ПОЛЯНСКИЙ. Последнее слово антидарвинизма. Изложение и критический разбор теории номогенеза—нового учения об эволюции органического мира. Краснодар. „Буревестник". 1923. Стр. VIII+129.

Автор указывает, что теория номогенеза Л. С. Берга, поскольку в основу ее положен принцип изначальной целесообразности или целестремительности, является в то же время фактически теорией тав-матогенеза—ученьем об эволюции путем чуда, заменой знания верой и означает попятное движение мысли в дебри мистики и схоластики. Теория номогенеза имеет родственную связь с «богоискательством», натур-философской фантастикой и витализмом. Последнее слово антидарвинизма есть новая погудка на старый мистико-виталистический лад. В перечень предшественников проф. Берга, кроме тех, которых он сам указывает, подлежит включить прежде всего неисчислимую вереницу христианских богословов всех времен и философов, стоящих на телеологической точке зрения. Рядом цитат как из русских, так и западных богословов, глубоким знатоком которых проявляет себя проф. Козо-Полянский, доказывает последний, что удар по телеологии является в то же время и ударом по религии и так и понимается сторонниками религии. Наоборот, основные положения теории номогенеза тесно связывают ее с христианским богословием. «Печальное совпадение для науки!» восклицает автор.

До Дарвина натуралисты верили или делали вид, что верят в бога, в чудо, шестодней, в потоп и др. догматы поповщины. Дарвин и его плеяда сделали идею эволюции двигателем биологии и знание вытеснило веру. Однако креационизм еще

не умер окончательно, проявлялся и проявляется до сих пор в учениях телеологического или родственного последнему виталистического характера, в учениях о целестремительности, принципе совершенствования и жизненной силе у всех тех авторов, которые являются предшественниками проф. Берга и к учению которых последний не прибавил по существу ничего нового, вплоть до Бэтсона — «почтенного сына клердушмена — по-русски кутейника». Двумя Аяксами русского антидарвинизма являются Данилевский и Страхов, «знаменитые в свое время обскуранты, клерикалы и квасные патриоты». Новейший русский антидарвинизм лишь повторяет пресловутую данилевщину.

Критика дарвинизма, выдвинутая теорией номогенеза, крайне слаба. Теория номогенеза, как и все новейшие «искания», отвергает дарвинизм, но не опровергает его.

Исходные положения теории номогенеза ровно ничем не обоснованы. Так, в доказательство того, что путь эволюции предопределен химическим строением белков, теория номогенеза не приводит ни одного факта, даже ни одного слова. Это утверждение — «объяснение» эволюции — совершенно голословно и в высшей степени фантастично и потому не может иметь никакого научного значения. Те примеры, которые проф. Берг приводит в подкрепление своей теории, в особенности примеры предворения эволюции (пророчества), не более как плод фантазии и представляют собою результат совершенно произвольного толкования давно иначе объясненных и вообще объяснимых фактов, или являются плодом слишком большого увлечения поверхностными аналогиями и неполной осведомленности. Примеры полифилитического происхождения, приводимые Бергом, все, во-первых, спорны, допуская иные толкования, во-вторых, своею немногочисленностью убеждают, что мы имеем в них во всяком случае лишь исключительное явление.

Чем глубже вдумываться в последствия теории номогенеза для работы отдельных отраслей биологии, заключает проф. Козо-Полянский свою едкую критику книги проф. Берга, тем становится несомненнее, что она кастрирует их в идейном отношении: они лишаются своих прежних программ, прежних идейных директив, всего того, на чем и благодаря чему они возросли в такие стройные и обширные науки, и им остается одно: протоколировать, регистрировать факты, без надежды обобщить их, даже без права сравнивать, и—верить, что все так и должно быть. «Объяснение» эволюции, даваемое теорией номогенеза, фактически таково, что парализует доказательства реальности самого процесса эволюции и едва ли не равносильно отрицанию самого ее факта. Потому остается одно из двух: или культивировать безосновательную «эволюционную веру» или отказаться от признания эволюции.

Теория номогенеза влечет биологию назад, в знакомый тупик, в котором стояла она до дарвинизма и из которого Дарвин ее вывел.

Проф. Д. Иванцов.

В. И. ЛУЧИЦКИЙ. Курс петрографии. 2-ое, дополненное и исправленное издание. Гос. Издат. Москва. 1922 г. Стр. 341+III.

Петрография представляет из себя, так сказать, междуведомственную науку. Чтобы убедиться в этом, прочтем первые строки введения к книге Лучицкого.

«Горные породы, всестороннее изучение которых составляет предмет петрографии (литологии, петрологии), представляют собою геологически самостоятельные минеральные аггрегаты более или менее постоянного химического и минералогического состава, которые входят как существенные части в состав земной коры»... «Петрография отыскивает те законы, которые руководят происхождением горных пород, их изменением и разрушением. Преследуя все эти цели, петрография пользуется методами, выработанными другими родственными науками, заимствуя их из минералогии, физики, химии, геологии и в последнее время широко пользуясь также методами, которые предлагает физическая химия; однако, этих методов недостаточно, и петрография выработала ряд своих собственных, чисто петрографических

методов». Если прибавить к перечисленным автором наукам еще одну, почему-то им неупомянутую — кристаллографию существенно важную для петрографии, то мы получим достаточно полный и, как читатель видит, достаточно обильный перечень наук, объединяемых изучением горных пород. Получается дисциплина богатого, разнообразного содержания, пользующаяся для своих целей разнообразными методами. Ясно, что написать курс по такой дисциплине, достаточно полный, но в то же самое время и немногословный, представляется делом весьма не легким. Надо отдать должную справедливость автору в том, что изложение его везде сжато, но эта сжатость не идет в ущерб ясности, а это представляет большое достоинство учебника, сберегая учащемуся дорогое время. Что же касается до полноты содержания, то она оставляет желать несколько большего. Дело в том, что в книге весьма немного обращено внимания на физико-химическую сторону петрографии, в настоящее время привлекающую к себе большой интерес. Горные породы образуются из сплавов и из растворов, и теория тех и других важна не менее, чем теория световых явлений в кристаллах, составляющих породы. Методы термического анализа и результаты, добытые при его помощи, одинаково должны интересовать петрографа, как и методы оптического исследования шлифов. Между тем мы в алфавитном указателе книги не находим даже таких терминов, как твердый раствор, изоморфизм, полиморфизм. Экспериментальному исследованию кристаллизации смесей посвящено лишь страницы три (159 и след.), при чем текст не пояснен чертежами, а при описании Стассфуртских месторождений, наоборот, помещен чертеж, смысл которого невыяснен в тексте.

Издание книги оставляет желать лучшего. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, многие из которых представляют воспроизведения микрофотограмм и фотограмм геологического содержания. Нежные детали этих прекрасных самих по себе фотограмм вышли плохо или даже совсем не вышли на грубой, шерховатой бумаге. Есть и досадные опечатки, как, напр., Te NO_3 вм. Tl NO_3 (стр. 63), где буквы Te и Tl означают совсем различные химические элементы. Положим, что и хорошие иллюстрации и отсутствие опечаток представляются требованиями, трудно выполнимыми при современных условиях, и менее всего в этом повинен автор.

Несмотря на отмеченные несовершенства, неизбежные в таком трудном деле, как составление курса петрографии, курс проф. В. И. Лучицкого отличается достоинствами, делающими его весьма ценным в нашей учебной литературе.

Проф. Г. Вульф.

Профессор В. А. КОСТИЦЫН. Курская магнитная аномалия. «Научно-популярная библиотека». Государственное Издательство. 1923 г. Стр. 60.

Открытая впервые в 1874 г. приват-доцентом Казанского университета И. Н. Смирновым, обследованная профессором Э. Е. Лейстом и разносторонне изучаемая в настоящее время Особой Комиссией Курских Магнитных Аномалий, Курская магнитная аномалия не первый раз становится в центре внимания ученых и широкой публики. Вопрос о том, достаточны ли современные геофизические знания и приемы исследования для решения сложных вопросов строения и свойств глубоких слоев земной коры, решался в данном случае, правда, особенно сложном, и в ту и в другую сторону.

Произведя в течение 20 лет, только своими собственными силами, возможно полное обследование Курской магнитной аномалии, указав довольно близкие величины глубины возможного залегания возмущающих геомагнитное поле пластов, профессор Лейст не мог, однако, довести дело исследования до желаемого конца: буровая скважина, заложенная по его указаниям, но плохо оборудованная на скудные средства Курского земства, и недостаточно глубокая, не достигла рудоносных горизонтов. Помощь правительственных органов была ничтожной, и вся огромная энергия профессора Лейста, казалось, в этом случае пропала даром.

Лишь в 1922 году из буровых скважин, заложенных Особой Комиссией Курской Магнитной Аномалии, были извлечены первые образцы магнитных масс.

Дело исследования, организованное в государственном масштабе, дало блестящие результаты, превзошедшие со стороны научной самые смелые ожидания.

Прогнозы, данные геологами и геофизиками относительно возможного строения и глубины залегания магнитных масс, полностью оправдались.

Результаты работ Особой Комиссии Курской Магнитной Аномалии, это—победа организации и координирования научных исследований.

«В Курской Комиссии работали,—заканчивает свой очерк профессор Костицын,—астрономы, математики, физики, геофизики, геологи, инженеры, и ни одно из этих звеньев нельзя было выкинуть».

С понятным интересом не только научные, но и широкие общественные круги в России и за границей следили за исходом работ Особой Комиссии Курской Магнитной Аномалии, и книжка профессора Костицына, знакомящая со всей широтой и сложностью работ, является как нельзя более своевременной.

Загадка Курской магнитной аномалии далась не сразу, понадобилось напряжение научной мысли многих специалистов, понадобился весь прежний опыт и последние достижения науки для ее разрешения, поэтому перед профессором Костицыным стояла сложная задача изложить в популярной форме сложные методы комплексного исследования.

Эта задача разрешена блестяще — все больше оказывается правильным взгляд, что популярно можно изложить любой научный вопрос; но, несмотря на совершенную популярность изложения, оно нигде не грешит против научности, весь материал достаточно современен и свеж.

В книжке 60 страниц, первые 33 занимает глава «Земной магнетизм в связи со строением земли», во второй изложена история открытия Курской магнитной аномалии, в третьей—результаты исследований Курской магнитной аномалии Особой Комиссией.

Для того, чтобы ввести читателя в самую сущность поставленной научной проблемы, автору пришлось разъяснить вопросы об элементах геомагнетизма, их географическом распределении и изменениях во времени, о строении атмосферы и земного шара, гипотезы о причинах и теории геомагнетизма, дать понятие о магнитной съемке. Для составления понятия о результатах работ Особой Комиссии Курской Магнитной Аномалии, изложены идеи магнитных и гравитационных работ и построенных на их основе теоретических предвычислений глубин возмущающих слоев, а также современное представление о геологическом строении Европейской России.

Путем хорошо подобранных карт и график без помощи анализа разъяснены теории Аррениуса, Вихерта, Вегенера, Биркеланда и Гаусса, при чем в последнем случае чрезвычайно остроумно использована для уяснения формул разложения в ряд элементов геомагнетизма аналогия отдельных членов разложения со свойствами ряда резонаторов, настроенные на последовательные тоны.

Таким образом, очерк о Курской магнитной аномалии по необходимости превратился в популярное изложение основ учения о геомагнетизме и его практических применениях, и это тем более хорошо, что популярных книг по геофизике, в противоположность другим физико-математическим наукам, к сожалению, почти нет.

Для второго издания книжки, которое, вероятно, скоро потребуется, укажем несколько нужных, по нашему мнению, мелких исправлений—на стр. 8 хорошо дать чертеж разложения вектора геомагнетизма на составляющие, на стр. 18 речь идет, очевидно, не о числе солнечных пятен, а о так называемых числах Вольфа. На стр. 24 опечатка—для экватора наклонение дано 92°, наконец, не стоит говорить об обилии гроз в Курской губернии—этот факт еще не доказан.

Проф. С. Бастамов.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. П. КЕРЖЕНЦЕВ. Лондон. *И. Звавич.* — 2. МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Советская Армения, Вып. I. Армения сельско-хозяйственная. *Иоаннисиани.* — 3. Л. НИКУЛИН. Четырнадцать месяцев в Афганистане. *И. Рейснер.*—4. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ. Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. *Проф. П. Преображенский.* — 5. ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС. Индия и я. *В. Кряжин.*

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. Лондон. Второе, иллюстрированное издание. Госиздат. Москва—Петроград. 1923. Стр. 134.

Прекрасная книжка тов. Керженцева о Лондоне может быть рекомендована каждому, кто хочет познакомиться с жизнью этого крупнейшего города.

Но не в Лондоне по существу следует искать характерных элементов собственно английской культуры. Эту оговорку следует иметь в виду при чтении книжки тов. Керженцева. В этом кроется также и причина того, что рабочей Англии, Англии фабрик и заводов, уделено в книге тов. Керженцева меньше места, чем мог бы того ожидать незнакомый с Англией русский читатель. Лондон в меньшей степени рабочий город, чем какой-либо другой промышленный центр Англии; Лондон в большей своей части может быть назван городом клерков.

В книжке тов. Керженцева правильно очерчено значение лондонского Сити, как мирового финансового центра. В немногих словах, популярным языком, тов. Керженцев рисует деловой Лондон: людей, здания, улицы.

Лондон, описанный в книжке тов. Керженцева, — Лондон первых лет войны. С тех пор уже многое изменилось. В частности выросли многие пригороды Лондона, о которых только упоминается в книге. Сильно разросся Гэмпстэд; кстати сказать, в описании Гэмпстэда в книжке тов. Керженцева мы встречаем некоторое противоречие: о Гэмпстэде упоминается и как об аристократическом квартале (стр. 8), и как о пригороде с преобладающим населением — мелкой и средней интеллигенцией и рабочими (стр. 14). Между тем, в настоящее время Гэмпстэд можно скорее назвать городком мелкой буржуазии, достаточно зажиточной, для того, чтобы считаться оплотом консерватизма, и недостаточно богатой, чтобы переселиться в западную часть города — в Вест-энд.

Насколько переменился Лондон со времени составления книжки тов. Керженцева, можно судить по нескольким разбросанным в его описании Лондона замечаниям. Так, тов. Керженцев указывает, что лондонское Сити — царство мужчин, «женщин почти не видно» (стр. 42). В этом отношении все изменила война, когда армия клерков ушла на фронт, и их места заняли женщины. Теперь и в банках, и конторах лондонского Сити можно видеть женщин на ряду с мужчинами; женщины начинают проникать даже в те профессии, куда им еще недавно был закрыт всякий доступ; женщин-журналистов и женщин-адвокатов можно теперь встретить и на Флит-Стрит (газетный квартал) и неподалеку от Темпля (здание суда). Для консервативной Англии это большое новшество.

Отголоски войны — во всем теперешнем облике Лондона; Лондон чинится и залечивает свои раны. То тут, то там «бассы» принуждены сворачивать в сторону, чтобы обойти места, где производится починка тротуаров, мостовых, зданий. Лондон пережил нападения цеппелинов, и разрушения еще до сих пор видны в разных частях города.

К главе о «мире театров и развлечений» стоило бы сделать некоторые дополнения. Кинематограф сделался успешным конкурентом не только театра, но и «мюзик-холла», и в жизни современного лондонца занимает непропорционально большое место. Кинематограф теперь пробил брешь и в традиционном английском воскресном отдыхе; только кинематографы открыты и по воскре-

сеньям. В последнее время все более и более распространяется пользование установками «Wireless» (беспроволочного телеграфа). Слушание концертов, новостей и т. п. по «Wireless» стало модным и недорогим удовольствием.

Лондон, конечно, не может быть назван университетским городом в той же мере, что Оксфорд и Кембридж; лондонские студенты почти не выделяются из общей массы жителей города. Все же хотелось бы, чтобы в книжке о Лондоне больше внимания было уделено университетам, музеям, библиотекам. Лондонская публичная библиотека, особенно в рабочем районе, является важным центром всякого рода собраний, лекций, организаций. Библиотека — серьезный конкурент «пеба» (кабак).

В Гайд-парке попрежнему на каждом шагу встречаются ораторы на религиозные темы. Но есть и новый элемент — безработные и инвалиды мировой войны. Большинство уличных художников, продавцов сластей и даже акробатов — инвалиды. На площадях безработные продают спички, папиросы; на груди продавца — плакат: «Моя последняя надежда; полтора года без работы».

И. Звавич.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Советская Армения. Выпуск I. Армения сельско-хозяйственная. Гиз. М.—П. 1923. Стр. 128.

Наши сведения об окраинах СССР — союзных республиках — чрезвычайно скудны и носят эпизодический и случайный характер. В этом отношении особенно плохо обстоит дело с восточными окраинами и в частности—с закавказской федерацией.

Очерки М. Шагинян знакомят читателя с Сов. Арменией, входящей в закфедерацию. Первый выпуск этих очерков посвящен сельско-хозяйственной Армении, два последующих выпуска предполагается уделить горной части Армении с ее минеральными богатствами и культурно-историческими и археологическими памятниками.

Несмотря на туристский характер очерков («взгляд и нечто»), на произвольность некоторых утверждений [примерно: «северянин работает для *завтра*, труд его рассчитан на будущее, протяжен во времени» (стр. 23)]; «он (южанин) работает для *сегодня*, его труд короток» (стр. 24) и пр. Очерки Шагинян в части непосредственных впечатлений не лишены интереса.

Образно, местами очень ярко М. Шагинян описывает гигантские усилия новой Армении в деле восстановления своей хозяйственной мощи.

Годы войны, революции, голода, холода, мора и резни превратили Армению в руины. «Вы словно возвращаетесь в Геродотовы времена, когда видите по пустынным развороченным поселкам бурую ткань палаток, разбитых кое-где Люди, вернувшиеся на развалины, живут как номады-кочевники» (стр. 25).

В течение короткого срока (Армения в декабре 1923 г. отпраздновала 3-летие существования Сов. власти) восстановлены загрязненные оросительные каналы, строются новые (Ширакский и др.), для орошения безводных и пустынных равнин у подножья Арарата и в др. местах, дающие возможность увеличить на многие тысячи десятин плодоносные земли, годные под культуры ценнейших злаков: хлопок, табак, рис. Хлопок для Армении имеет исключительное значение. До войны в одной Эриванской губ. засевалось до 40 тысяч десятин, урожаи давал 710 тысяч пудов сырца, ежегодный вывоз 600 тысяч пудов. В 1919—1920 гг. не было засеяно ни одной десятины хлопка. В 1923 году засеяно 5 тысяч десятин хлопка. Рядом с хлопководством идет виноделие и особенно коньячное дело. По крепости Армения дает 54.000.000° коньяку (Азейрбейджан — 12.000.000° коньяку, Грузия—3.000.000°). Коньячный зав. Шустова, ныне государственный, до войны занимал шестое место в мире, а сейчас седьмое (стр. 38). К книжке М. Шагинян приложены любопытные протоколы I сельско-хоз. съезда в Армении, созванного в Эривани в ноябре 1922 г. Протоколы дают законченную картину состояния сельского хозяйства в Армении, выясняют ближайшие его перспективы и свидетельствуют о колоссальных работах по изучению страны, проделанных за годы Сов. власти. Армения, по

территории равная средней русской губернии, не смевшая раньше мечтать о гимназии, ныне покрылась сетью исследовательских станций, возглавляемых национальным университетом в Эривани, собравшим ученых, имеющим широкую известность далеко за пределами Кавказа.

В книжке Шагинян собраны свидетельства о выдающихся достижениях советской государственности в области не только восстановления материальной культуры, но и нового строительства, поражающего своим размахом и достигнутыми результатами. Как единственное издание, в популярной и живой форме знакомящее с Советской Арменией, книжка М. Шагинян заслуживает внимания и может быть рекомендована школам в качестве пособия при изучении СССР и союзных республик.

А. Иоаннисиани.

Л. НИКУЛИН. Четырнадцать месяцев в Афганистане. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 57.

Уменье видеть, вот что требуется от путешественника, незнакомого с Востоком и случайно попавшего в такую необычайно интересную страну, как Афганистан. Кроме пейзажа, пустыни и голубого неба, чем же она так интересна? Дело в том, что Афганистан никогда не был европейской колонией. Это единственный нетронутый осколок Востока. Английские войска два раза в 1840 и 1878 годах штурмовали Афганистан, чтобы включить и эту страну в состав грандиозной плантации английского капитала, именуемой англо-индийской империей. Оба раза англичане были с позором биты. Но английский империализм, недостаточно сильный, чтобы овладеть Афганистаном, обладал достаточным международным весом, чтобы закрыть дорогу сопернику, в частности России. Афганистан становится буфером Индии. Сохранение этой страны во всем блеске ее отсталости и варварства— вот аксиома англо-индийской политики конца XIX и начала XX века. Если не считать английского контроля над внешними сношениями эмирства, то на границах Индии, с английской же помощью, создается независимое мусульманское государство, закрытое для всех европейцев, англичан включительно. Оно растет, крепнет и 1919 году, после перехода престола к новому эмиру, Аммануле Хану, обрушивается на Англо-Индию и завоевывает себе самостоятельность. Тов. Никулин посетил Афганистан на 4 году его самостоятельного существования. Есть о чем порассказать. В области внешней политики молодой эмир протянул руку к Халифату, казалось, выпавшему из рук дряхлой Турции; он оказывает покровительство индийскому национально-революционному движению. Одновременно, на развалинах ханской Бухары и русских колониальных владениях в Средней Азии, ему вырисовывается соблазнительная картина Великого Афганистана от Каспия до Памиров. Политика Афганистана 1919—1922 годов, эта политика безнадежно отсталого осколка старой Азии, — пытавшегося отстоять свое существование, пытавшегося использовать противоречие великой войны, коммунизма (Советской России) и империалистической Англии в целях расширения своей территории. Одновременно в области внутренней политики Аманулла Хан пытается путем административных реформ и дубинки Петра Великого перескочить через несколько веков и сделать из Афганистана современное государство в полном смысле этого слова. Отмена рабства, свобода вероисповедания, реформа суда,—вот основные достижения молодого эмира.

14 месяцев, проведенных тов. Никулиным в Афганистане, занимают всего 58 страниц. Это и к лучшему. Тов. Никулин посвятил большую часть текста описанию самого передвижения автора по различным частям Афганистана. Наш путешественник видит свою основную задачу в том, чтобы точно запротоколировать окружающую непривычную обстановку. В составлении своего реестра он берет за образец путеводитель Бедекера с его подкупающей простотой и категоричностью. Например: «Самые изощренные, мрачные, декоративные пейзажи и иллюстрации не дают нам впечатления о тех мрачных и величественных эффек-

тах, которых достигает в своем творчестве природа. Думаю, при других условиях путешествия, одно это ущелье привлекло бы путешественников всего мира». В этом же духе составлено описание пути, через Кадагар и Хезараджад. Для разнообразия, автор приводит кое-какие исторические справки из своего скромного багажа о части древней и средней истории Афганистана. Мы узнаем, например, что «в походах греков (Александра Великого) не было бессмысленной жестокости», тов. Никулин дает даже экономический анализ, «их гнала жажда приключений и слава, а с другой стороны, алчность и желание обогатить Грецию». Про Чингис-Хана нам сообщают, что это был «злой дядя», «который оставлял позади себя пожарища и трупы» и т. д. Анекдотическая история перемешена с описанием быта и нравов. Но и здесь наш автор не сумел справиться с задачей. Тусклые внешние впечатления мелочи и подробности занимают и эти страницы Например, деятельности комиссии по реформам посвящены следующие строки: «С приездом из Кабула комиссии по проведению реформ, все пошло по-другому. Молодые афганские чиновники ели и спали не меньше, но ездили на прогулки верхом вокруг города, занимались футболом, охотой и спортом к полному недоумению изумленной этими новшествами провинции». Наконец, следует и мировая политика в ложке воды (стр. 47 — 57), где дается сухой перечень событий международной жизни Афганистана плюс краткий очерк освободительной борьбы в Индии.

Вся брошюра производит впечатление недоношенного путеводителя. Результат получился бы такой же.

И. Рейснер.

Н. Н. МИКЛУХА-МАКЛАЙ. Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступительной статьей Д. Н. Анучина «Н. Н. Миклуха-Маклай». Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 616.

Грустно и больно становится при чтении этой книги. Как сообщает Д. Н. Анучин, еще Александр III обещал средства на издание трудов Миклухи-Маклая, но Географическое общество, которое должно было их издать, так и не удосужилось приступить к делу вплоть до великой войны и революции. Теперь, в эпоху советской республики, дневники Миклухи-Маклая увидели свет. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но невольно приходит следующая мысль. Методы наблюдения и подход к материалу изменяются в каждой науке и то, что было хорошо в 70 — 80-х годах, становится во многих своих частях анахронизмом в наше время. Новое и интересное для тех годов стало почти что общим местом, точное и методологически правильное для эпохи Миклухи-Маклая стало несовершенным для нас. И если бы не некоторые свойства этой книги, она бы имела преимущественно антикварный интерес для современного этнолога-специалиста.

Вот на эти свойства, интересные и для широкой публики, и хочется указать. Прежде всего Миклуха-Маклай был первым европейцем, который на длительное время поселился в избранной им местности на берегу Новой Гвинеи. Поэтому, как бы ни были иногда фрагментарны его записи, его дневник дает нам картину жизни племени, оставшегося в неолитическом веке и еще не затронутого европейским влиянием. Это обстоятельство и придает особый интерес наиболее значительной части книги — описанию пребывания русского путешественника на берегу Миклухи-Маклая в 1871—1872 гг. Отсюда вытекает теоретический интерес, заключающийся в том, что мы можем зафиксировать целый ряд любопытных подробностей, касающихся и психологии малокультурных народов и тех изменений, которые происходят в последней при появлении в их среде белых людей. Пусть многие данные Миклухи-Маклая устарели, пусть его наблюдения не затрогивают многого, что возбудило бы особый интерес современного этнолога,— наблюдения первого европейца и быт свободного от какой бы то ни было европеизации населения, охарактеризованные в дневниках Миклухи, оправдывает появление этой книги даже в глазах широкого круга читателей. Этим, однако, не исчерпывается тот интерес, который

может и должна, по нашему мнению, возбудить книга Миклухи-Маклая. Бесхитростное и лишенное всяких прикрас описание почти что полуторагодовой жизни путешественника с новогвинейскими папаусами, своеобразная интимность отношений, установившаяся между туземцами и их ученым гостем, самый характер обращения Миклухи с его хозяевами, придают большую прелесть этим дневникам и представляют собой одну из немногих страниц в истории европейского культуртрегерства, которая не сопровождалась насилиями, искоренением и эксплуатацией облагодетельствованных благами европейской цивилизации колониальных рабов Европы.

Если рядовой читатель, может-быть, ограничится в своем интересе этой повестью о жизни Миклухи-Маклая среди «дикарей», то и ученый исследователь при внимательном изучении этих дневников извлечет для себя немало любопытных подробностей относительно материальной культуры туземцев, их способа производства, обмена и потребления. Уже гораздо слабее представлена социальная организация папуасов и почти что не затронуты их религиозно-магические воззрения. Миклуха-Маклай был гораздо более физическим антропологом, чем этнологом, и этот его специальный уклон сказался в обилии его наблюдений по краниологии папуасов, характеру их волосяного покрова и т. п. в ущерб собиранию материала по гораздо скорее поддающимся посторонним влияниям данным собственно папуасской культуры. Антропология несколько подавила этнологию. Об этом, конечно, можно пожалеть как об одном из многочисленных фактов, свидетельствующих о том плене-нии, в котором находилась этнология у естественно-научных дисциплин.

К книге приложен прекрасный, хотя и несвободный от мелких погрешностей, вступительный очерк покойного проф. Д. Н. Анучина, далеко не полный указатель литературы, составленный В. К. Никольским (без него можно было бы и обойтись, так как для специалиста он непригоден, а для широкой публики ненужен), и сильно облегчающий пользование книгой указатель терминов и названий, принадлежащий тому же автору. Издание иллюстрировано, но выполнение иллюстраций могло бы быть и лучше.

Проф. П. Преображенский.

Г. Г. ЭВЕРС. Индия и я. Изд. «Новая Москва». 1924 г. Стр. 269.

Книга Г. Эверса является необычайно типичным образчиком довоенной экзотической литературы. Автор нескольких фантастических романов, Г. Эверс является всесветным туристом, конечно, эстетом, профессиональным остроумцем, «жестоким» скептиком и, главное, жуиром, привыкшим кататься на автомобилях, останавливаться в перворазрядных отелях, быть чичисбеем при «шикарных» женщинах и т. п. и т. п. Верх шика—он даже глумится над собственным писательским ремеслом, которое он приравнивает к «обыкновенной проституции». «Я не вижу существенной разницы между женщиной, продающей свое тело «публике», и художником, который принужден на столбцах газеты или на подмостках выкидывать штуки за деньги перед той же публикой».

В книге «Индия и я» Эверс хочет, по его же собственным словам, предложить «несколько вырезок, несколько быстрых картинок», как показывает самое название книги, отмеченных печатью крайней субъективности.

Вполне понятно, что писатель такого типа, как Эверс, выхватывает из окружающего его лишь самое пряное, подчеркнуто-экзотическое, могущее пощекотать нервы той публике, которой он «продает» себя. Действительно, очерки его посвящены описанию старинных городов, факирам, иогам и истязателям, заклинателям змей, танцовщицам при храмах, охотам на слонов, на вепрей и т. п., и т. п.

Делая свои молниеносные «кодаковские» снимки, автор преследует вполне определенную цель: он хочет развенчать экзотический Восток, показать, что большинство туземных редкостей сфабриковано в Европе, что роскошные восточные дворцы сработаны западными архитекторами, что мистические письмена

на иогах сделаны немецкими анилиновыми красками, что вообще все в Индии «made in Germany», «made in Englande» и т. д. При необычайной поверхностности наблюдений Эверса, ему действительно отчасти удастся выполнить свою задачу, но вся беда в том, что, поскольку Восток действительно сохраняет своеобразие, последнее как раз не заключается в той quasi-ориентальной чепухе, которую услужливые гиды преподносят туристам в роде Эверса.

Общественная, религиозная, интеллектуальная жизнь Индии,— все это, конечно, остается для автора вещью за семью печатями. Ни одной строчки его книги не посвящено индусскому национальному движению, которое как раз бурлило в год его поездки по Индии (1910); однако, это не мешает ему дать такую проницательную характеристику индусов: «Его фантазия не знает никакой истории, все события для него только тяжелый сон. Этот народ не ведает прошлого. и сегодняшнее служит ему одновременно вчерашним и завтрашним». Такую же чепуху сообщает Эверс и об индийском искусстве, которое представляется ему «диким нагромождением безудержного безумия» (?!) и т. д.

Некоторые очерки Эверса довольно ловко, по-репортерски, остроумно написаны, да и вся вообще книга читается чрезвычайно легко, но дешевый снобизм и эстетизм автора, а также его «проституционное» отношение к печатному слову — мстят за себя. Все очерки изобилуют прямо-таки чудовищными историческими и географическими ошибками: Кришна — одно из воплощений Вишну, для него является «богом-разрушителем» (т.-е. Шивой), буддизм, как оказывается, был вытеснен в эпоху Р. Х., хотя на самом деле это произошло столетиями позже; Индра — одно из древнейших божеств индоарийцев — оказывается «арабского происхождения», селевкиды «царствовали почти 500 лет», т.-е. ровно вдвое больше, чем на самом деле и т. п. до бесконечности.

Эти забавные «гисторические» экскурсы, при этом производимые с самодовольством ученого сноба, окончательно обесценивают книгу Эверса.

В. Кряжин.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. И. РОЗАНОВ. Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба. *Н. Кашин.* — **2. Проф. И. ЕРМАКОВ. Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя.** *В. Переверзев.*—**3. ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК.** *В. Переверзев.*—**4. П. С. КОГАН. Пролог. Мысли о литературе и жизни.** *В. Переверзев.*—**5. Историко-литературная библиотека: I. II. В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. С. ШУВАЛОВ. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах. III. В. КАЛЛАШ. Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке.** *Д. Благой.*—**6. В. БЕЛИНСКИЙ. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст. С предисловием и примечаниями А. Полякова.** *Н. Бельчиков.* — **7. И. КУБИКОВ. Рабочий класс в русской литературе.** *М. Клевенский.* — **8. Н. ДОЛГОВ. А. Н. Островский.** *Н. Кашин.* — **9. К. САЛТЫКОВ. Интимный Щедрин.** *Н. Фатов.* — **10. I. Д. МАКОВИЦКИЙ. Яснополянские записки. Вып. I, II. II. Т. СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ. Друзья и гости Ясной Поляны.** *Д. Благой.*

И. Н. РОЗАНОВ. Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба. Петроград. Изд. «Колос». 1924. Стр. 112+2 нн.

Если бы научная литература о Некрасове была и более обширной, чем она есть в действительности, все же названная книжка И. Н. Розанова не затерялась бы среди этой литературы: на ней лежит печать оригинальности и тонкого понимания поэта.

Задачей автора, по его собственным словам, было не столько объяснить, сколько показать Некрасова, чтобы чи-

татель видел его перед своими глазами так же ясно, как видит его автор на основании изучения мемуарной литературы и собственных изысканий. Нужно отдать должное автору в его книжке, написанной живо и ярко, читающейся необыкновенно легко, поэт встает перед читателем как живой со всеми своими достоинствами и недостатками. До известной степени это удалось благодаря биографическому методу, которым пользуется И. Н. Розанов. «Как ни решать вопрос о связи между творчеством поэта и его жизнью, — совершенно справедливо утверждает автор, — несомненным является, что отрицать наличие этой связи можно только в пылу полемического задора». Упомянув о противоположной крайности, об исследователях, «которые стали совсем отрывать творчество от жизни и запрещать интересоваться биографиями поэтов», И. Н. Розанов опять-таки вполне верно замечает, что «Некрасов — одна из самых ярких и своеобразных фигур нашего прошлого, и биография его была бы интересна, если бы он даже и не был крупным поэтом».

Пользуясь биографическими данными, рисуя жизнь поэта, его исследователь чрезвычайно живо показывает нам связь его жизни и поэзии. Мало сказать, показывая, он именно объясняет нам поэта. Показать «черты наследственности, влияние Гоголя, отношение к женщинам», — это уже и значит объяснить нам многое в поэзии Некрасова.

В этом случае можно указать один пробел в очерке И. Н. Розанова. Он совершенно не говорит о водевилях Некрасова. Это — пробел, конечно, не потому, что, говоря о русском водевиле, все же не пройдут молчанием имя Перепельского, не потому, что Некрасов писал театральные рецензии, но потому, что в связи с этим находится более широкий вопрос вообще об отношении Некрасова к театру, игравшему роль в его раннем творчестве и нашедшему отражение не только в одних водевилях: он писал и повести, в которых изображал театральный мир. Интересно было бы выяснить, почему же Некрасов впоследствии совсем отказался писать для театра. В книжке И. Н. Розанова этот вопрос совершенно не затронут. Вполне естественно поэтому, что у него не упомянута и «Притча о Киселе», в которой поэт дает такую резкую и вместе с тем художественную сатиру на тогдашнее управление театрами. Между тем в литературе уже имеется кое-что по этому вопросу, и, в первую очередь, можно упомянуть очень интересную статью П. А. Маркова: «Некрасов и театр» («Культура театра», 1922, № 1—2). Правда, книжка И. Н. Розанова в ее основной части написана еще в 1919 г., но появление новых исследований должно было бы заставить его кое в чем пересмотреть и дополнить свою работу, хотя бы в том, что касается упомянутого вопроса.

Приходится также высказать сожаление, что автор уделил всего только строк десять такому произведению изучаемого им поэта, как поэма «Кому на Руси жить хорошо», которую, правда, он считает «очень неровной в художественном отношении».

Заключительные три главы рецензируемой книжки посвящены оценке Некрасова со стороны потомства, поэтической «диктатуре» Некрасова в 60-е и 70-е годы, отходу эпигонов от некрасовских традиций и возвращению к Некрасову у поэтов-символистов, отношению к нему футуристов-«эстетов» и читателей из народа. Эти главы очень интересны и, кажется, в литературе о Некрасове подобные главы встречаются впервые.

На последних страницах своей книги автор останавливается на оценке поэзии Некрасова в статьях В. В. Розанова и Б. Эйхенбаума. Правда, первая статья, по словам нашего автора, «рядом со статьей Андреевского, является одной из самых блестящих и острых в критической литературе о Некрасове», а вторая «устанавливает самый свежий, самый новейший подход» к его поэзии. Все же в не очень многочисленной юбилейной литературе о Некрасове есть кое-что заслуживающее быть отмеченным и не отмеченное у И. Н. Розанова, хотя, быть-может, и не заключающее в себе новых подходов. Я бы назвал блестящие статьи Н. А. Котляревского и П. Н. Сакулина; первая напечатана в сборнике «Некрасов», изданном М. и С. Сабашниковыми, вторая вышла отдельным изданием.

Кстати, было бы очень полезно приложить к книжке небольшой библиографический список важнейших и новых работ о Некрасове.

Н. Кашин.

Проф. И. ЕРМАКОВ. Очерки по анализу творчества Гоголя. Гос. Издат. 1923 Стр. 252.

В свое время доморощенный российский филолог и беллетрист г. Вельтман написал дивную книгу, в которой доказывал путем своеобразного филологического анализа, что все народы пошли от славян и что Киев — пуп земли. Филологические приемы г. Вельтмана, писал об этой книге Добролюбов, основаны на следующих весьма простых, открытых им, законах языка: 1) при переходе слов из одного языка в другой всякая гласная может превращаться во всякую гласную; 2) всякая согласная может превращаться во всякую согласную; 3) во всяком слове, согласно требованиям благозвучия, может быть выпущена или прибавлена всякая как гласная, так и согласная буква, а равно целые слоги. NB: нередко также гласные превращаются в согласные и наоборот. Как видите, филологическая система — весьма простая, и г. Вельтман пользуется ею неутомимо и делает открытия в самом деле блестящие. Например, вот хоть бы гунны — кто бы это были по-вашему? По-латыни они пишутся Guni и Huni; теперь можете догадаться? Нет? Так г. Вельтман еще приближает их к русскому: Hhuni. Все еще не отгадываете? Ну, автор дает им еще более русский вид Chueni. Неужели и теперь не знаете? Это уже, кажется, так чисто по-русски, что чище быть нельзя; только напишите это самое русскими буквами—что выйдет? Вельтман уверяет, что выйдет: кыяне, т.-е. киевляне, обитатели города Киева. Вот вам и отгадка. Нет возможности передать всему образованному миру филологических сокровищ, обретенных г. Вельтманом на пользу славянского мира.

Профессор Ермаков трудится не в пользу славянского мира, а в пользу мира фаллического, опирается не на филологию, а на психоанализ, но приемы его психоанализа до чрезвычайности напоминают приемы филологического анализа Вельтмана, а блеск его открытий совершенно затмевает блеск открытий последнего.

Как вы думаете, читатель: из-за чего в повести Гоголя поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем? Из-за того, что последний не захотел уступить первому ружья в обмен на бурую свинью и выругался гусаком? Ошибаетесь. Ружье-то оказывается не просто ружье, а символ мужского полового органа; свинья — не просто свинья, а символ полового органа женского; гусак — не гусак, а «хорохорящийся самец», да и сам Иван Иванович с Иваном Никифоровичем не два пошлых миргородских обывателя, а «две стороны, две натуры — сторона разума, изворотливой мысли, лживых, обманных процессов умственной деятельности, с одной стороны, а с другой—низшие функции организма, его чисто инстинктивная жизнь... Границей между ними, т.-е. тем местом, где они соединены или где «чорт связал их веревочкой», «является Пупопуз или место пупка» (108), и ссорятся эти две натуры из-за половой сферы. Вы думаете, что Шинель — это простая шинель? Ошибаетесь. Это—символ мужского полового органа, и Акакий Акакиевич—мученик и жертва полового инстинкта. Трагедия Акакия Акакиевича оказывается в том, что «родительница его хотела бы назвать Варадат, т.-е. бородат, или Варух — все-таки связано с Варадатом, т.-е. мужчину, но пришлось дать имя, оканчивающееся не на согласную, в котором больше мужского, а с окончанием на гласные» (161). Можно бы привести еще ряд откровений о Гоголе проф. Ермакова, но думаю, что и приведенных достаточно, чтобы составить себе понятие об их блеске, глубине и значительности. Приемы ермаковского психоанализа столь же просты, как и приемы филологического анализа у Вельтмана. Последний путем вольной игры, звуковыми сближениями, превращая всякий звук во всякий звук, открыл, что названия всех племен и народов могут быть сведены к одному центру — киевлянам. Ермаков путем вольной игры, ассоциациями представлений по сходству и смежно-

сти, дающей возможность заменять всякое представление всяким другим представлением, заметил их все представлением полового органа, каковой и оказался осью гоголевского творчества. Работа Ермакова движется не логическим мышлением, а психологической ассоциацией. Его книга — плод той психической деятельности, которая, пользуясь выражением теоретиков психоанализа, свободна от цензуры сознания, и в результате которой возникает сон и бред. Книга Ермакова — сон, сон же, как мы узнали от Ермакова, все равно, что нос, и читатель книги, желающий из нее что-нибудь узнать о Гоголе, остается с носом.

В. Переверзев.

ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК. Издат. «Былое». П. 1923 г. Стр. 135.

Статьи этого сборника носят частью биографический и частью, даже преимущественно, характер библиографический. Биографические статьи пропитаны тем фетишизмом, которым побуждает интересоваться в писателе не только исторически ценным, но всяким хламом его интимной жизни вплоть до жилетных пуговиц. В обширной статье, с усердием, достойным лучшего применения, Чулков старается раскрыть, когда именно и с какой женщиной встретился Тютчев в Ницце. Что за связь была у него с Денисьевой, много ли вообще было у него связей и прочее сему подобное. Кому и на что нужно это перетряхиванье в жизни писателя моментов, когда, по выражению Пушкина, «меж детей ничтожных мира, быть-может, всех ничтожней он». Для понимания и оценки тютчевской поэзии это во всяком случае ненужно. Гораздо больше интереса представляют библиографические статьи сборника. Тот же Чулков дает очень любопытные сведения об отношении рукописных текстов к изданиям стихов Тютчева. Не лишена интереса обширная, хотя и чисто справочная статья Благого об изменении критических оценок Тютчева с 20-х годов до наших дней. Особенную ценность представляет обстоятельный, единственный по полноте указатель критической литературы о Тютчеве, составленный тем же Благим. В общем на полке историко-литературы сборник будет полезной справочной книгой.

В. Переверзев.

П. С. КОГАН. ПРОЛОГ. Гос. Изд. М. — П 1923 г. Стр. 78.

Содержание книжки Когана сводится к развертыванию по существу совершенно правильного и очень плодотворного для науки о литературе положения: «Литературное произведение есть акт общественный, а не индивидуальный». К сожалению, в развертывании этой правильной формулы автор идет по ложному пути, уравнивая вовсе неравные величины, усматривая тожество в совершенно различных вещах, давая вместо цепи логических выводов ряд резко иссеченных, но мало убедительных парадоксов. Тотчас после приведенной выше формулы и как бы продолжая ее развитие, автор пишет: «Понять художественное произведение — это значит понять его читателей». Откуда же это значит? Формула — «литература есть акт общественный» — уполномачивала автора сделать лишь тот вывод, что понять художественное произведение значит понять общество. Коган отожествил «общество» с «читателями», поставил одно вместо другого и развернул формулу в парадокс. Чтобы понять всю несостоятельность этой подстановки, замените выражение «художественное произведение — продукт общественной жизни», выражением: «художественное произведение — продукт читателей», ясно, что первое вовсе не равняется второму: итти к пониманию художественного произведения от анализа общественной жизни совсем не то, что итти к его пониманию от изучения читателя. Развертывая формулу: «литературное произведение есть акт общественный, а не индивидуальный» в главу «О гении и вожде», автор «Пролога» пишет: «Талант есть великая посредственность. Гений—величайшая... сила их в их приспособляемости, в их из ряду вон выходящей посредственности... Гениальнейшее творение — самое пошлое творение». Чтобы

быть верным развертываемой формуле, автор должен был бы дать совсем иные определения гения и гениального творения. Талант есть великая общественность, гений—величайшая... сила их в их из ряду вон выходящей общественности. Гениальнейшее творение — самое общественное творение. И это было бы глубоко справедливо. Между тем автор построил всю свою главу о гении и вожде на отожествлении «общественности» с «посредственностью» и «пошлостью» и в результате развернул верную формулу в ряд оглушительных парадоксов. Там, где Коган остается верным формуле, не подменяет ее величин ложными тождествами, он дает справедливые и меткие афоризмы: «Любите поэзию без поэтов»; это и соответствует смыслу той формулы, что художественное произведение — акт общественный, а не индивидуальный, и само по себе правильно и хорошо сказано. Нужно, однако, сказать, что эти удачные афоризмы очень редки в «Прологе» и совершенно теряются среди всяких парадоксов вроде: «Поэт, не нашедший типографии, в наше время — не поэт»; или: «Самая бессмысленная фраза — гений одинок, гения не понимают»; или: «Не восхищайтесь подвигом ушедших вперед, пока существуют далеко отставшие». Кстати, откуда же взялись эти «ушедшие вперед», если «самая бессмысленная фраза — гения не понимают»? Мало того, что автор разменивает здоровую мысль на сомнительные парадоксы, но и парадоксы-то эти уничтожают один другого. Основная ошибка Когана заключается в том, что в формулу: «литературное произведение есть акт общественный, а не индивидуальный», он вкладывает не марксистское, а теновское, не материалистическое, а идеалистическое понимание общества. Литературное творчество является для него актом общественным не в смысле определяемости его уровнем общественно-экономического развития, а в смысле определяемости его психологией народа. На стр. 30 он так и пишет: «Художественная литература в широком смысле определяется духовным уровнем народа». И здесь зарыта собака, здесь секрет всех промахов «Пролога».

Чуждый обывательского страха перед парадоксами, автор делает последние выводы из посылок философии искусства Тена, давая им афористически заостренную форму. Что автор смело и заостренно формулирует парадоксы, вытекающие из принятой им концепции,—это не плохо: самый ошибочный парадокс лучше жвачной безгрешности обывателя, трусящего додумать свою мысль до конца. Но плохо то, что автор «Пролога» не сумел из сферы метафизического материализма Тена, загнавшего его в тупики смелых, но мало-состоятельных парадоксов, уйти в сферу диалектического материализма Маркса.

В. Переверзев.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА, под редакцией Н. Л. Бродского, А. Е. Грузинского, Н. М. Мендельсона, Н. П. Сидорова. Вып. 2-й. С. В. ШУВАЛОВ. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах. М. 1923. Стр. 128 + II. Вып. 3-й. В. Л. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. М. 1923. Стр. 207. Вып. 9-й. В. В. КАЛЛАШН. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. М. 1924. Стр. 168 Изд-во о-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых».

Возобновление историко-литературной библиотеки, выходившей в довоенное время под той же редакцией в Изд-ве Сытина, должно безусловно приветствовать. В наши дни молодая наука о литературе переживает решительный кризис. Старые методы перестали удовлетворять. Новый метод, который преподносится, как соединение формально-описательных изучений с социологической их интерпретацией, пока дает себя знать едва ли не только в двух-трех журнальных статьях. Новому типу широкого читателя, созданному революцией, читателю — вдумчивому самоучке — приходится по вопросам о русской классической литературе или довольствоваться мало пригодной, а подчас и прямо вредной «старинной», или изнемогать перед огромным сырым материалом. Ввести в изучение личности писателя и истории его творчества, не стесняя самостоятельности читательского подхода и в то же время давая в руки

строго подобранный минимум потребного к тому материала, обычно рассеянного по многим томам собраний сочинений, переписки, мемуаров, бесчисленным и трудно находимым книжкам старых журналов и т. п. Эту задачу и ставит себе историко-литературная библиотека. Все выпуски библиотеки построены по общему плану. Каждый посвящен какому-нибудь одному писателю и содержит в себе краткую хронологическую канву, свод важнейших воспоминаний современников о писателе и его эпохе, избранную переписку писателя, наконец, основные библиографические указания. Из рассматриваемых трех новых выпусков наиболее удачным является выпуск, посвященный Гоголю. Несмотря на компактные размеры, метко собранный и основательно прокомментированный материал воспоминаний и писем дает яркий образ исключительно своеобразной, исполненной всяческих странностей и причуд, натуры Гоголя с его нервами, которые, по словам близко знавших его лиц, были «вдесятеро тоньше», чем у всех его окружающих. Под впечатлением образа Гоголя-человека совсем по-новому будут прочтены многие страницы его творчества. Очень ценной и интересной частью книжки является обширный свод известий о дальнейшем содержании *Мертвых Душ*, как известно, частью дважды уничтоженных Гоголем, а частью и вовсе не положенных на бумагу. Непонятно только, почему редакцией не указано, что настоящий выпуск является вторым, слегка только измененным изданием книжки Каллаша (первое вышло в серии Сытинской Историко-Литературной библиотеки), равно как ничем не оговорен «мистический» факт посмертного участия покойного исследователя (В. В. Каллаш умер несколько лет назад, о чем в книжке тоже не упомянуто ни словом) в составлении этого второго издания с его ссылками и заимствованиями из новых материалов, появившихся вплоть до 1924 года.

В выпуске, посвященном Лермонтову, к сожалению, не всегда налицо те «возможно тщательные комментарии» к воспоминаниям и письмам, которые обещает редакция библиотеки. Ряд лиц, там упоминаемых, остается для читателей прекрасными незнакомцами; противоречия в показаниях очевидцев не всегда оговорены и сглажены составителем; в канве отсутствуют некоторые знаменательные даты (напр., изучение Лермонтовым английского языка по Байрону, имевшему для него такое значение в 1829 г.; совершенно не промечена хронологически, сыгравшая столь видную роль в жизни Лермонтова, история его отношений к Вареньке Лопухиной и т. д.). С недочетами этого рода сталкиваемся и в выпуске, посвященном Чехову. В предисловии составитель выпуска отмечает, что на основании имеющихся материалов можно было бы «проследить день за днем жизнь и творчество художника с исчерпывающей полнотой в хронологической канве». Однако, обращаясь к составленной им канве, мы видим, что целые периоды, иногда в несколько лет, остаются там без единой даты. Таково, напр., пятилетие между 1879 и 1884 годами. Между тем к этому 5-летию относятся такие важные моменты в жизни Чехова, как переезд в Москву, поступление в университет, первые драматические опыты, поездки на степной хутор, о котором сам Чехов отзывался, что они составили эпоху в его творчестве. 1889 г. также пуст, а в этом году умер брат А. П., Николай Чехов, смерть которого так потрясла писателя и обусловила столь многие события его последующей жизни и т. д. В отделе воспоминаний, из воспоминаний школьного товарища Чехова, А. Дросси, узнаем: «издавался нами гимназический журнал под названием, кажется, «Звездочка», в котором первое и, конечно, самое почетное место занимал Антон Павлович и товарищ наш по классу Натан Богораз (Тан)», стр. 29. Однако, по словам самого Тана, Чехов не имел к этому гимназическому журналу никакого отношения, «будучи» классом старше», стр. 24 (Дросси называет его одноклассником Тана). Наконец, по воспоминаниям брата писателя, М. Чехова, А. П. сам издавал гимназический журнал «Заика». Очень возможно, что здесь идет речь о трех совсем разных моментах гимназической жизни Чехова и соответственно этому о трех разных журналах, но во всяком случае эти три противоречивые указания оста-

влены составителем без всякой оговорки. Равным образом можно оспаривать и самый состав воспоминаний. Напр., в приводимом отрывке из воспоминаний С. Елпатьевского как раз ничего воспоминательного-то и нет, а содержатся только рассуждения на тему о генезисе чеховской «хмури». Между тем в *Близких тенях* Елпатьевского, из которых заимствован этот отрывок, содержатся любопытнейшие воспоминания о «чувстве Москвы» у Чехова, о знаменательной перемене в его политических настроениях и чаянии им революции в 1904 г. и пр., почему-то оставленные составителем без внимания. Совершенно не освещен воспоминаниями «ялтинский период жизни Чехова» (а таких воспоминаний имеется немало) и т. д. Наиболее любопытны из всего отдела воспоминания о Чехове артистов Художественного театра, содержащие не только ценные подробности об отношении Чехова к театру, к постановке своих пьес и т. п., но и наиболее выпукло ставящие перед читателем живой образ Чехова, любовно зарисованный во всех его обаятельных свойствах, вплоть до особенности чеховского говорка.

В выдержках из этих воспоминаний составитель не поскупился и поступил вполне правильно. Письма Чехова и немногие к Чехову подобраны хорошо. Вслед за отделом писем составитель приводит «темы, мысли, заметки, отрывки» из записной книжки Чехова и первоначальный набросок пьесы «Лешего».

Заканчивающая выпуск библиография составлена достаточно подробно и вводит в круг основной литературы по Чехову. Правда, и здесь можно отметить некоторые погрешности. Так, воспоминания А. Плещеева в «Петербургском дневнике театрала» за 1904 г. принадлежат не «писателю, мнением которого А. П. Чехов очень дорожил и с которым состоял в оживленной переписке в период, когда писал он *Степь* и *Припадок*», а его сыну. Чеховского сборника «Солнце России» не существует, а есть юбилейный номер, посвященный Чехову в связи с десятилетием его смерти и т. д.

Однако, все эти в общем не такие уже крупные недочеты не отнимают и у лермонтовского и у чеховского выпусков того значения, которое, как указано, имеет историко-литературная библиотека вообще и которое делает весьма желательным выход дальнейших намеченных ею выпусков, имеющих охватить собой всех наиболее крупных представителей русской литературы.

Д. Благой.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст. С предисловием и примечаниями А. С. Полякова. С 2-мя портретами. Кн-во «Путь к Знанию». Петроград. 1924. Стр. 172.

В предисловии к тексту А. С. Поляков оправдывает издание неизвестной до сих пор первой редакции пьесы Белинского, лежавшей в пыли архива Библиотеки Русской Драмы (текст драмы, перепечатанный из «Московского Наблюдателя» в полн. собр. соч., является второй редакцией, отличной от издаваемой), тем соображением, что «издание, кроме новых страниц для его (Б.) полного собрания сочинений, даст и материал для будущей работы о Белинском-драматурге и подчеркивает лишний раз художественные запросы великого критика к литературе, особенно к театру» (стр. 48). Не оспаривая предположения редактора,—отметим в скобках, что существенных разночтений новая редакция не вносит,—соглашаемся и со взглядом на драму Белинского, как «предтечу нового драматического репертуара, близкого реализму, который для комедии был дан Гоголем, и твердо обосновался на русской сцене». Мысль верная, ценная для науки, к сожалению, не развита, не раскрыта автором. Устанавливая зависимость воззрений Белинского на театр в те годы от взглядов Гофмана,—чему посвящено несколько страниц,—автор, однако, не вскрывает отражений этих взглядов на драматическом достижении самого Белинского. В вопросе о социально-общественной тенденции драмы, социальных корнях мировоззрения автора, предопределивших идейное содержание драмы, и автобиографических моментах, также отразившихся на сюжете, автор предисловия остается в пределах высказанных уже до него точек зре-

ния Н. К. Михайловского, С. А. Венгерова и Иванова-Разумника. Сопоставление драмы Б. с пьесами Тургенева близкими по теме, надо признать удачным, свежим. Автор вообще не теряет из виду широкой историко-литературной перспективы и на общем фоне идейных и бытовых настроений эпохи определяет значение драмы.

Отметим несогласованность в детали введения с примечаниями,—это в вопросе о времени написания драмы. Правильной датой надо считать ноябрь месяц 1838 г., и исходить для определения ее следует из даты поступления рукописи в цензуру (т.-е. 2 ноября), а не из даты цензурного разрешения (т.-е. 9 декабря). А. С. Поляков так и поступил в комментариях (см. стр. 161), но во введении он принял второе (см. стр. 38). Отсюда и создалось расхождение.

Пьеса не взволнует теперь ни зрителя, ни читателя, но в 1838 г. она имела успех. Для современников она, несомненно, была полна свежих реалистических красок. В лице героя Думского, сосланного в Сибирь и возвращенного, Белинский осторожно намекал на возвращенного из каторги декабриста, который «пострадал за правду». К тому времени действительно многие декабристы вышли из каторги, напр., М. А. Бодиско 2 получил разрешение жить в имении; В. С. Норов жил недалеко от Москвы, в с. Надеждине, Дмитровского у. Вероятно, и основная тема драмы (неудачная поздняя любовь), и темы об эгоизме, которые обсуждают герои, и многое другое — навеяно атмосферой Премухинского гнезда, которая, как известно, захватила на некоторое время Белинского, — что дает возможность теперь говорить историкам литературы о том, что разночинец Белинский оказался в плену барской культуры.

Примечания составлены щедрой и умелой рукой. Иные из них представляют целую библиографическую сводку литературы о Белинском за последние годы, таково примеч. 96, на стр. 163 — 164; в иных представлены в сжатой форме отзывы критики о драме, затерянные в журналах 40 годов. Всякий пункт детально освещен и обставлен справками. Словом, здесь развернут большой полезный подсобный материал.

Работа над драмой Белинского была последним предсмертным трудом покойного А. С. Полякова, скончавшегося неожиданно 4 окт. 1923 г. Потому книге предпослан живой очерк научной деятельности покойного, составленный Л. К. Ильинским. Очерк живо рисует фигуру этого энергичного человека, умевшего сплотить в научной работе других и немало сделавшего для русской культуры, несмотря на свои молодые годы. Здесь указаны научные работы покойного, любовно отмечены их научные возбуждения и достоинства. Смерть на этот раз безжалостно вырвала из поля жизни зрелый и полновесный колос...

Н. Бельчиков.

И. Н. КУБИКОВ. Рабочий класс в русской литературе. Книгоизд. т-во «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924. Стр. 198. Тираж 5000.

Автор поставил себе задачей проследить изображения рабочего класса в художественной русской литературе.

Начальный момент исследования.—40-е годы, когда в дворянской литературе делаются первые попытки изобразить рабочего. Здесь, главным образом, имеется в виду роман Григоровича «Рыбаки», одним из действующих лиц в нем является фабричный Захар. Как это и естественно, дворянин-автор «не может скрыть своей классовой антипатии к гуляке-рабочему, который не желает походить на умиленного благодарного мужичка». Больше внимания быту рабочих уделяла народническая литература, Решетников, Гл. Успенский, Засодимский, Златовратский, Каронин и др. С последнего десятилетия XIX века, когда участие пролетариата в общей жизни страны начинает быть весьма ощутительным, рабочий класс все больше привлекает внимание писателей-художников, при чем к интеллигентским изображениям рабочего быта начинают с течением времени прибавляться и произведения, созданные писателями-пролетариями, напр., романы Бибика. Для литературы наших дней И. Н. Кубиков

устанавливает такое явление: если в пролетарской поэзии есть элементы рабочего мироощущения, а также и быта, то с художественной прозой дело обстоит совсем плохо,—за исключением нескольких рассказов Н. Ляшко, рабочий быт пореволюционной эпохи остался художественно не отображенным.

Скромная по своим заданиям, книжка Кубикова очень полезна. Сводка и оценка того, что имеется до сих пор о рабочем классе в художественной литературе, представляет необходимую первую ступень исследовательской работы в данной области. Жаль, что автор не указал, каким критерием он руководился при выборе тех, а не иных произведений. Ясно, что не критерием хотя бы относительной художественности,—с этой точки зрения «Горнорабочие» Решетникова и некоторые другие произведения, введенные в книгу, немногого стоят. Хотелось бы, чтобы обзор был полнее,—сразу бросается в глаза отсутствие целого ряда произведений. Из народнической литературы вне поля зрения автора остались «Рассказы заводского хлопца» Златовратского, очень характерные для этого писателя, и «Паутина» Наумова, где имеются изображения быта сибирских приисковых рабочих. Может-быть, следовало бы уделить хоть несколько слов «Очеркам из фабричной жизни» А. Голицынского. Правда, внутренняя ценность этой книжки, вышедшей в 1861 г. и переизданной в 1874, невелика, но литературная судьба ее интересна: отправлявшиеся «в народ» семидесятники пользовались «Очерками» Голицынского, как агитационным материалом, и усердно распространяли книжку, на ряду с другими произведениями литературы—больше нелегальной. Далее вовсе не упомянуты полухудожественные очерки Подъячева, Свирского, а также драмы из рабочей жизни Евт. Карпова. Последние занимали определенное место в театральном репертуаре,—уже поэтому не следовало обходить их полным молчанием, а дать им некоторую оценку, хотя бы и вполне отрицательную. Можно было бы дополнить обзор и некоторыми произведениями новейшей литературы,—хотя бы, напр., романом Бессалько. С другой стороны, интересный роман С. Семенова «Голод» мало характерен, как изображение именно пролетарской среды. Если бы муки голода 1919 года в Петербурге, которые изображены в романе, были связаны не с семьей квалифицированного рабочего, а с каким-нибудь другим кругом, — дело от этого мало изменилось бы.

Повторяем, книга И. Н. Кубикова полезна. Если бы понадобилось второе издание, то было бы желательно дополнить ее материал.

М. Клевенский.

Н ДОЛГОВ. А. Н. Островский. 1823—1923. Жизнь и творчество. — Критика. — Сценические образы. Государственное Издательство. Москва — Петербург. 1923. Стр. 272+1 портр.

Н. Н. Долгов не новичок в деле изучения Островского. Не перечисляя других его работ в этой области, упомяну лишь, что под его редакцией издаются в Петрограде «Сочинения» А. Н. Островского, которых вышло пока семь томов Названная книжка, вызванная столетием со дня рождения Островского, если и не является первой попыткой дать обзор жизни и творчества великого драматурга, то во всяком случае выгодно отличается от других подобных большой обстоятельностью и полнотой. Не говорю о том, что автором изучена обширная литература предмета, указанная им в примечаниях, так что желающий может углубиться в самостоятельное изучение, не ограничиваясь только книжкой Н. Н. Долгова.

Большим достоинством этой последней является то, что обзор жизни драматурга не отделен от обзора его творчества: тот и другой умело сплетены в один общий рассказ, проникнутый и согретый каким-то особым чувством к Островскому, своего рода любовью, не мешающей автору отмечать подчас невольные недостатки драматурга. Благодаря этому личность последнего ярко обрисовывается перед читателем. Автор прекрасно сделал, знакомя читателя с общим характером отношений к Островскому современной критики, и в данном случае особенно следует отметить правильную оценку известных статей Добролюбова. Правильно

оценена также роль молодой редакции «Москвитянина». Тонко проанализирована душевная драма Островского, драма «театрала», а не писателя, которому надо было «развязаться» только с театром, а не с литературной деятельностью. Чрезвычайно интересны сообщаемые автором сведения о сценических постановках произведений Островского, благодаря чему читатель получает полное представление о судьбе его пьес.

Само собой разумеется, что не все в книге Н. Н. Долгова может быть принято без возражений. Остановлюсь на вопросе о так называемом влиянии.

Вопрос этот очень сложный, и отмеченное Н. Н. Долговым обстоятельство, что «о позаимствовании фабулы ком. «Волки и овцы» говорили при самом выходе пьесы», не имеет совершенно никакого значения при решении данного вопроса. Когда появилась хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», тотчас же заговорили о сходстве ее с фрагментами Шиллеровской трагедии «Димитрий», но исследование вопроса об исторических источниках хроники показало, что о влиянии Шиллера не может быть и речи [1]). Точно так же «отмечается критикой сходство пьесы Островского с трагедией Хомякова «Дмитрий Самозванец». Тут совпадает и обрисовка некоторых личностей и замысел отдельных сцен» (стр. 142). Почтенному автору, повидимому, остался неизвестен мой специальный этюд о названной хронике Островского [2]), где я показал опять-таки, что данный вопрос должен быть решен в отрицательном смысле. Наконец, избитое сопоставление «Снегурочки» и «Сна в летнюю ночь» точно так же при тщательном исследовании вопроса оказывается мало убедительным, и влияние Шекспира на шедевр Островского или должно быть отвергнуто, или его должно искать не там, где его обыкновенно ищут. Обычно выдвигаемое в подобных случаях требование полной аналогии пьесы нашего драматурга с предполагаемым источником говорит лишь о том, что авторы подобного требования как будто забывают, что Островский—не Гедеонов или подобный ему подражатель, рабски следующий за своим оригиналом. Вот почему вполне возможно у нашего драматурга творчество по контрасту, и замечания Н. Н. Долгова по этому поводу кажутся мне мало убедительными.

Неправильным представляется мне данное Н. Н. Долговым освещение эпизода с «Дмитрием Самозванцем и Василием Шуйским», т.-е. хлопот в связи с вопросом о постановке хроники на московской сцене, где уже была решена постановка хроники Чаева, шедшей в предшествующий сезон в Петербурге. В конце-концов, А. Н. Островский, по совету своего друга Ф. А. Бурдина, обратился за разрешением этого вопроса к министру, и после продолжительной переписки дело решилось в его пользу. «Вся эта история, — говорит Н. Н. Долгов,— оставляет не особенно приятное впечатление. Если и не становиться на сторону Чаева, все же нельзя не почувствовать, что взаимные пререкания двух представителей литературы пред очами министра—явление довольно грустное». К сожалению, автор совершенно не останавливается на той интриге, которая велась в Москве против Островского и во главе которой был Чаев: на него жалуется и Пельт, управляющий Московской конторой императорских театров, если уж не верить Бурдину, который тоже об этом говорит в своих воспоминаниях. Кроме того, следовало обратить внимание еще на одно обстоятельство, которое многое объясняет, именно на монополию театров. Если бы в Москве существовали частные театры, никакой истории не вышло бы. Хронику Островского, конечно, охотно приняли бы частные театры, и этой свободной конкуренции не выдержала бы хроника Чаева, основательно теперь забытая, тогда как хроника Островского стала одной из основных пьес классического репертуара.

Для Островского не было иного выхода, кроме обращения к министру, если

---

[1]) См. мою статью: «Островский и Шиллер». «Русск. Филолог. Вестник», 1917 г. Кн. 3 и 4.

[2]) «Драматическая хроника А. Н. Островского: «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». (Опыт изучения хроники)». «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1917. №№ 7, Отд. 3, стр. 137 — 197, и № 8, Отд. 3, стр. 1—72.

не считать отказа от постановки своей пьесы на сцене, на что, конечно, он не мог согласиться ни в силу материальных расчетов, ни тем более в силу тех соображений, что пьесу свою он писал для сцены. Вот та сторона этого эпизода, которую не осветил как следует уважаемый автор.

Отмечу еще некоторые мелочи. Ошибочно, вслед за Барсуковым, отнес Н. Н. Долгов к «Бедной невесте» сказанное А. Н. Островским в письме к Погодину о другой своей пьесе — именно о напечатанном в альманахе «Комета» драматическом этюде «Неожиданный случай». Вполне справедливо замечает Н. М. Мендельсон, что ни «пьеской», ни тем более «этюдом» «Бедную невесту» Островский не назвал бы. (Н. М. Мендельсон: «А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах». М. 1923 г. Стр. 105.)

Кроме того, драматург не мог бы сказать об этой пьесе: «я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображенных мною; а так как в моем намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки (отчего и назвал этюдом)» Приложимо ли сказанное здесь Островским к его «Бедной невесте»? Ясно, что нет. Поэтому неверно, конечно, и утверждение автора, будто «Островский—что особенно цепко!—сам сознавал, что рисунок пьесы (т.-е. «Бедной невесты») был слишком хрупок по тем взглядам, которые царили в ту пору».

Н. Н. Долгов впал в ошибку благодаря Барсукову, неправильно истолковавшему письмо и, что самое главное, напечатавшему его без начала и конца. А в начале письма как раз Островский говорит об альманахе «Комета», вышедшем в 1851 г. (ценз. разр. 11 ноября 1850 г.), между тем как «Бедная невеста» была напечатана в 4-й кн. «Москвитянина» за 1852 г. (ценз. разреш. 19 февраля 1852 г.).

Говоря об известной поездке драматурга по Волге, Н. Н. Долгов замечает: Среди жизненных наблюдений Островского была чрезвычайно яркая страница,—когда упорный москвич вырвался для путешествия по провинциальным городам и весям, и пред ним предстала Волга и близлежащие селенья со всеми особенностями местной жизни, оригинальными обычаями и колоритным говором» (стр. 87). Но автор почему-то упустил из виду, что еще гораздо раньше этой поездки наш драматург совершил путешествие, правда, не столь большое, однако, произведшее на него сильное впечатление,—именно первую поездку с отцом и мачехой в Щелыково в 1849 г., описанную в ярком дневнике. Кстати, покупка Щелыкова А. Н. Островским с братом у мачехи отнесена у нашего автора к 1876 г. Я думаю, что это—простая опечатка (вместо 1867 г.). Точно так же, вероятно, опечатка и в указании года женитьбы А. Н. на Марье Васильевне Васильевой-Бахметьевой: 1864 г., тогда как нужно 1867 г. В феврале 1867 г. еще была жива Агафья Ивановна, первая подруга жизни А. Н. А 24 апреля 1867 г. Бурдин шлет поклон Марье Васильевне. (Официальный брак А. Н. с М. В. состоялся 12 февраля 1869 г.)

В сценической истории комедии «Волки и овцы» нельзя пропустить таких исполнителей, как А. П. Ленский в роли Лыняева, и Е. К. Лешковская в роли Глафиры, которая, на мой взгляд, несравненно выше Савиной в этой роли.

Совершенно неправильно замечание, будто «испанский язык, как и английский, едва ли был знаком Островскому» (стр. 225). Б. Кржевский, опубликовавший в только что вышедшем сборнике «Памяти А. Н. Островского» перевод интермедии Сервантеса «Вдовый мошенник», выполненный нашим драматургом, заявляет: «Изученный мной черновик перевода... неопровержимо доказывает, что Островский пользовался всюду испанским оригиналом». Нельзя делать предположений, не производя основательных расследований.

Несмотря на сделанные мною замечания, книга Н. Н. Долгова, конечно, заслуживает полного внимания, и успех ей, как я думаю, обеспечен среди широких масс читающей публики.

Н. Кашин.

К. М. САЛТЫКОВ. Интимный Щедрин. Госуд. Издат. Москва — Петроград. 1923. Нижполиграф. Тираж 10.000 экз. Стр. 79. Цена не указана. С предисловием Н. Мещерякова.

Изучение Салтыкова-Щедрина, к стыду нашему, находится еще в эмбриональном состоянии. Нет полного собрания сочинений, ни тем более критически проверенного текста произведений сатирика; рукописное наследие писателя, частию хранящееся в Академии Наук, частию находящееся неизвестно где (некоторые рукописи должны быть у дочери писателя, скрывшейся за границу), никем еще научно не обследовано; многие назревшие историко-литературные вопросы по отношению к Салтыкову не только не ставились, но по состоянию материалов и не могут быть пока еще поставлены с надеждой на успешное разрешение. Мемуарная литература о сатирике также чрезвычайно бедна. Кроме воспоминаний д-ра Н. Белоголового, трактующего преимущественно о ходе болезни писателя, можно указать лишь небольшие, отрывочные, обычно посвященные одному лишь какому-нибудь эпизоду из жизни писателя, воспоминания Вл. Емельянова, Н. Кузнецова, Н. Дризена, Е. Жуковской, да еще пять-шесть других небольших мемуарных заметок, если не считать совсем малоценных. Понятное дело, что при такой бедности материалами появление (хотя и слишком запоздалое) мемуаров, написанных сыном писателя, должно вызвать исключительный к себе интерес.

К сожалению, книжечка К. М. Салтыкова, при ознакомлении с ней, в значительной степени разочаровывает; вполне прав тов. Н. Мещеряков, заявляющий в предисловии, «что книга автору не удалась. Она мало прибавляет к тому портрету великого сатирика, который мы имели раньше» (стр. 3). Однако, составитель предисловия, несомненно, неправ, жалея «о том, что автор заметил, запомнил и записал, главным образом, такие факты, которые рисуют отрицательные черты великого писателя» (там же). Во-первых, если принять во внимание общее настроение нашей радикальной интеллигенции времен Салтыкова, к рядам которой он принадлежал, то едва ли можно считать особо отрицательными чертами знакомство писателя с Лорис-Меликовым, Треповым и т. п. лицами, тем более, что знакомства эти, возникавшие по случайным обстоятельствам, а отнюдь не по искательству писателя, вовсе не переходили в интимную дружбу и ни в какой степени не примиряли сатирика с «существующим строем», и никоим образом не могут квалифицироваться так, как, напр., отношения Некрасова к Муравьеву. Во-вторых,— и это самое важное,—Салтыков ценил эти знакомства, — *как писатель*, потому что они давали ему возможность *наблюдать и изучать «сановников», собирая материал для своих сатирических обличений*. В-третьих, рассказы об этих все же, разумеется, компромиссах Салтыкова (который ведь отнюдь не был ни Желябовым, ни даже Герценом) занимают в книжке сына сравнительно небольшое место, и на ряду с этими рассказами мы встречаем не мало страниц, где величавый образ сурового старика рисуется с несомненно положительных сторон. Мы читаем о том, с какой скромностью относился великий и всеми чтимый писатель к своей славе, всегда уклоняясь от всяких публичных чествований; как он презирал и ненавидел «бездельников» и «светскую публику», сам работая, не покладая рук, с утра до поздней ночи; как он, строгий и требовательный к подчиненным, в качестве начальника, и писателям, в качестве редактора, всегда помогал всем в нужде и деньгами, и советами, и чутким отношением, и т. д. Ярко выступает образ писателя и в интимной семейной жизни с его трогательной любовью к детям, когда, напр., узнаем, что он не мог работать во время заболевания сына скарлатиной, или когда, мужественно перенося невыносимые физические страдания, он перед смертью спешит дописать свои последние произведения...

Все эти штрихи весьма ценны, но в общем воспоминания сына, действительно, бледны и мало дают. Быть-может, трудно и винить за это автора, который говорит о себе, что он теперь стал «почти полным инвалидом», почти совершенно лишившимся зрения, которому было всего 17 лет, когда умер его отец, и который в то время учился в закрытом учеб-

ном заведении, так что в семье мог бывать только по праздникам,—но все же досадно, что многое интересное, что пролило бы свет на творчество писателя, сын-мемуарист как-то не сумел изобразить, слишком скупо роняя те фразы, которые историку литературы представляются наиболее ценными. Весьма ценны для историка литературы, напр., указания на то, что, работая над сказками, Салтыков обстоятельно изучал Брема, «чтобы как можно вернее выявить в своем произведении индивидуальные качества того или иного зверя» (стр. 15); что, описывая своих восточных «человэков», писатель пользовался манерой речи своего знакомого грузинского князя Абашидзе; что бывш. с.-петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов рассказывал ему много эпизодов из своей деятельности, и эти рассказы служили темами для произведений Салтыкова. Очень любопытны указания на другие источники и прототипы произведений и героев сатирика, и тем более досадна краткость и неточность многих сообщений. Напр., рассказывая, как однажды Салтыков, исправляя бездарное произведение одного писателя, написал свое собственное на ту же тему и напечатал его под фамилией неудачливого литератора, автор не считает нужным упомянуть, о каком именно произведении идет речь и т. д.

Воспоминания вообще написаны небрежно, без ясного плана. Значительное количество страниц отводится описанию отношений М. Е. Салтыкова к различным знакомым, которых у него, по словам сына, будто бы почти совсем не было, но которых все же упоминается весьма изрядное количество. Так, речь идет об отношениях сатирика к Хвощинской (В. Крестовскому), к Н. А. Некрасову, талант которого Салтыков ставил высоко, но самого не долюбливал, что передалось и сыну, повествующему о Некрасове в каком-то презрительном тоне, как будто в образе великого поэта самым важным было то, что он ходил «одетый с иголочки, в узких клетчатых брюках» и в замшевых перчатках, а, садясь, принимал всегда позу, «которую, вероятно (!), считал модной и грациозной» (стр. 10). Далее идет поверхностное и бледное описание отношений Салтыкова с С. П. Боткиным, А. М. Унковским, М. М. Стасюлевичем, Ф. Ф. Треповым, Лорис-Меликовым, И. Ф. Горбуновым, И. С. Тургеневым и др. лицами, особенно с сотрудниками по «Отечественным Запискам». Затем сообщаются некоторые подробности из семейной жизни, рассказывается, как писатель проводил лето, как относился к детям и жене, наконец, описываются его смерть, похороны и оставшиеся реликвии. Многие факты не представляются новыми, кое-что вызывает некоторое сомнение — видимо перепутано или не совсем точно передано автором, что и неудивительно, принимая во внимание прошедшие десятилетия. Стиль, которым пишет сын великого писателя, довольно неряшлив, часто попадаются надоедливые повторения. Некоторые места способны вызвать улыбку, как, напр., утверждение автора, будто Александр II мечтал о «раскрепощении от самодержавного строя русского народа», и будто только *после* «события 1-го марта»—«началась реакция» (стр. 27), или несколько благоговейное отношение автора к известному проходимцу «о. Иоанну Кронштадтскому» и пр. Не менее курьезно звучат фразы, что «положительно все (!) петербуржцы» «ежегодно ездили за рубеж» (стр. 52); что в качестве помещика Салтыков не «пил кровь местного населения, а, что, наоборот, оно выпускало из него всеми доступными способами соки» (стр. 65), или, что в настоящее время «все (!) провинциальные архивы разорены» и т. д., и т. д. Во всех этих фразах так и чувствуется типичный «барин», бывший лицеист, один из тех, о ком его знаменитый отец язвительно сказал, что люди этого типа изучали в школах лишь одну науку, известную иностранцам под именем «Zwon popeta razdawajss», и который память своего отца почтил лишь тем, что всю жизнь собирался «поездить по России и порыться» в архивах для собирания документов об отце, да так и не собрался, и лишь теперь опубликовал свои полузабытые воспоминания, в то время, как, кажется, ничто не мешало бы ему посвятить всю свою жизнь изучению и исследованию творений того, чьим сыном он имеет великую честь быть.

Н. Н. Фатов.

Д. МАКОВИЦКИЙ. Яснополянские записки. Редактировал Н. Н. Гусев. Вып. 1—2. Изд. «Задруга». М. 1922—1923. Стр. 102+84.

Т. Л. СУХОТИНА-ТОЛСТАЯ. Друзья и гости Ясной Поляны. Изд. «Колос». М. 1923 г. Стр. 196.

Душан Петрович Маковицкий, домашний врач Л. Н. Толстого, находившийся при нем в Ясной Поляне в течение последних шести лет его жизни, был одним из наиболее преданных и наиболее дорогих ему лиц. Его одного взял с собой в 1910 г. Толстой, уходя навсегда из дому; на смертном ложе, в полубеспамятстве, почти не узнавая окружающих, подзывал его к себе «неподражаемо нежным выражением голоса», продолжал выказывать ему «исключительные проявления нежности и любви» (воспоминания В. Г. Черткова). Записи такого человека о его знаменитом пациенте, учителе и друге, понятно, должны представлять особый интерес.

Ведение этих записей было, по его собственному признанию и по свидетельству близко знавших его лиц, «главной задачей» его яснополянской жизни. Д-р Маковицкий не только записывал сам, но и всячески побуждал вести записи о Л. Н. всех, кому случалось приходить с ним в то или иное соприкосновение. Обилию «воспоминательной» литературы о Толстом мы и обязаны, видимо, в значительной степени, несколько наивной, но трогательной заботливости этого гения мемуаров, неизбежного друга всех будущих биографов Толстого. В результате почти ежедневных записей у самого Д. П. Маковицкого накопился за шесть лет «огромный материал». В вышедших двух выпусках содержатся записи приблизительно за три месяца (конец 1904 и начало 1905 гг.), значит опубликование всего труда Д. П. Маковицкого потребует до 50 выпусков, будет равняться по размерам многогодовому периодическому изданию. Первое впечатление, которое большинство читателей вынесет из просмотра начала работы Д. П. Маковицкого, едва ли не будет впечатлением разочарования. *Яснополянские записки* — толстая и несколько монотонная пачка снимков кодака, постоянно направленного на Толстого, регистрирующего все его позы, выражения лица, малейшие движения. Сам Толстой говорил как-то составителю *Яснополянских записок*, что ему «хотелось бы описать свою жизнь художественно» (вып. 1, стр. 52). Такого художественного описания жизни Толстого, какое мог бы оставить нам сам автор *Детства* и *Исповеди*, мы, конечно, никогда уже не будем иметь. Однако, и всякий более или менее способный мемуарист может, при желании, возвыситься над элементарной фотографичностью своих описаний, добиться в большей или меньшей степени *портретного* изображения. Образец такого портретного изображения дает хотя бы недавно вышедшая книга А. Б. Гольденвейзера *Вблизи Толстого* (отзыв о ней см. в «Печати и Революции», кн. 5). Но при сравнении с ней записок Маковицкого выступают и все положительные стороны этих последних. Толстой А. Б. Гольденвейзера — подлинно некий «великий дух» — Махатма, как называл его один из его корреспондентов-индусов; он является нам по большей части в полном обладании всех своих огромных способностей и сил, в безусловном торжестве над всеми теми ограничениями, которые ставит жизнь рядовому человеку. Образ Толстого, возникающий из записок Маковицкого, гораздо жизненнее и человечнее. Здесь мы видим Толстого не только в миг его высшего торжества, на вершинах духовности и просветления, но и в долгие часы его обычной жизни, в паутине повседневности, в физических немощах, в припадках мнительности, столь свойственной, как известно, и его молодым годам, в слабости духовной, в безрезультатной подчас, по его собственным признаниям, борьбе с «атавизмами» среды, воспитания.

Однако — и в этом одно из главных достоинств записок Маковицкого — их беспристрастно-фотографирующее изложение нисколько не снижает того, как угодно высокого, представления о Толстом, которое может возникнуть в читателе в результате книги Гольденвейзера или большинства мемуаристов его типа. Беспристрастие Д. П. Маковицкого — не равнодушие светочувствительной пластинки, а та особая проникновенная лю-

бовность, для которой в любимом человеке нет ни большого, ни малого, ни важного, ни неважного,—а все одинаково дорого, значительно и неповторимо.

«Сегодня Л. Н. вернулся с утренней прогулки около 10 часов, озябший, лицо свежее, на усах, на бороде сосульки» (вып., I, 38), «Л. Н. отморозил себе край ноздри, она у него шелушится» (ib., 43). Эти «сосульки на бороде», этот «шелушащийся край ноздри» мы, конечно, не найдем нигде, кроме записок д-ра Маковицкого,—и это-то и сообщает им всю их единственную в своем роде прелесть.

К сожалению, редактором не указал в предисловии план издания *Яснополянских записок;* надо надеяться, что двумя вышедшими выпусками оно не ограничится. На стр. 37 краткую заметку Д. П. Маковицкого, скрепляющую записи от 1 ноября и 18 декабря 1904 г., следовало бы вынести в подстрочные примечания или отделить разграничительной чертой, а то под датой *1 ноября* недоумевающий глаз читает: «*2 ноября* я уехал домой и приехал опять в Ясную *18 декабря*» и т. д.

Воспоминания старшей дочери Л. Н. Толстого, Т. Л. Сухотиной-Толстой образуют как бы естественное дополнение *Яснополянских записок*, памяти автора которых они, кстати, и посвящены. Для Д. П. Маковицкого в центре всего стоит фигура самого Л. Н. Например, при записях бесед с Толстым он только его слова подробно записил в свои записки, ограничиваясь самым кратким, конспективным изложением реплик его собеседников, а иногда и вовсе опуская их. Наоборот, в очерках Т. Л. Сухотиной-Толстой речь идет, главным образом, о том человеческом окружении, в котором жил ее отец в свои яснополянские годы. Автор в предисловии оговаривает некоторую пестроту своих очерков; однако, материал их распределен вполне симметрично. Первые три очерка посвящены знаменитым друзьям Л. Н. Толстого: И. С. Тургеневу, Н. Н. Ге и безвременно погибшему режиссеру Художественного театра Л. А. Сулержицкому, и имеют самостоятельное значение. Особенно ценен в историко-литературном отношении очерк о Тургеневе, иллюстрированный обильными выдержками из неизданных писем Тургенева к Толстому, бросающих яркий свет на причины их разногласий и расхождения. Остальные три очерка связаны с именами яснополянских «малых сих»: Агафьи Михайловны—бывшей крепостной девушки, «фрейлины» бабки Л. Н. Толстого; известной в толстовских кругах последовательницы Л. Н, бывшей институтской классной дамы, «старушки Шмидт», и, наконец, «оригинального старика, шведа из Индии», «проповедника жизни по закону природы», некоего Абрзама фон-Бунде. Сами по себе имена эти ничего не скажут читателю, но по тому значению, которое примером своих жизней имели все эти малые блуждающие мотыльки, со всех концов света, из всех классов и общественных состояний слетавшиеся на яркий огонь, вспыхнувший из окон яснополянского дома, для внутреннего роста Толстого — они заслуживают неменьшего права на читательское внимание и интерес. Мастерское художественное изложение автора очерков способно этот интерес только повысить. В предисловии Т. Л. Сухотина-Толстая указывает, что ею задуман в дальнейшем целый цикл аналогичных очерков. Должно пожелать этому замыслу скорейшего осуществления.

Д. Благой.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. В. ГЮГО. Май 1871 года. *Г. Лелевич.*—2. П. ДЮПОН. Избранные песни. *М. Эйхенгольц.*—3. Ф. фон-УНРУ. Драмы. *В. Вольненштейн.* — 4. ПЬЕР ХАМП. Золотоискатели в Вене. *Л. Розенталь.* — 5. СИНКЛЕР ЛЬЮИС. Мистер Беббит. *Г. Айгустов.* — 6. УПТОН СИНКЛЕР. Дебри. *И. Ансенов.* — 7. І. Г. ГЕРМАН. Снег (роман). II. Р. ЛЕФЕВР. Жертвоприношение Авраама. *К. Локс.* — 8. ПАПАЛАГИ. Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи. *А. Юрлов.* — 9. А. ТОЛСТОЙ. Под старыми липами. *В. Полянский.* — 10. И. ЭРЕНБУРГ. История гибели Европы. *И. Ансенов.* — 11. С. ВАСИЛЬЧЕНКО. Карьера подпольщика. *В. Полянский.* — 12. А. НАСИМОВИЧ. Бурелом. *В. Вешнев.* — 13. П. ДОРОХОВ. Житье-бытье. *Н. Асеев.*

ВИКТОР ГЮГО. Май 1871 года. Перевод Мих. Зенкевича. Серия: Революционная поэзия Запада. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 22. Тираж 5000 экз.

Ознакомление широкой читающей публики с революционной поэзией Запада—дело весьма своевременное и полезное. Во-первых, это ознакомление поможет составлению более живого представления об этапах революционной борьбы на Западе, во-вторых, оно будет способствовать уяснению связи между экономической базой, ходом классовой борьбы и художественной литературой, в-третьих, оно облегчит изучение корней и предпосылок пролетарской поэзии. Все это заставляет пожелать издательству «Красной Нови» всякого успеха в выпуске предпринятой им серии «Революционная поэзия Запада».

В книжку вошли лишь стихи, посвященные Парижской Коммуне и извлеченные из книги Гюго «L'année terrible» («Ужасный год»). Эти стихи, проникнутые состраданием к расстреливаемым версальцами коммунарам, врезались диссонансом в каннибальский хор всей французской буржуазной литературы. В то время, когда Дюма заявлял, что «самка коммунаров, только будучи расстрелянной, становится похожа на женщину», смелый протест Гюго, исходивший не от пролетарского или социалистического певца без имени, а от семидесятилетнего патриарха романтической школы, гуманиста и буржуазного республиканца, был особенно заметен и трогателен. Не даром версальские писаки подняли бешеную травлю Гюго, а бульварное ничтожество Ксавье-Де-Монтепен предложил исключить Гюго из Академии.

Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что протест Гюго покоился на чисто-гуманитарных побуждениях, и ему менее всего были близки действительные цели и идеалы коммуны. В своей интересной статье «Два старика», наполовину посвященной книге «Ужасный год», П. Л. Лавров, приведя одно из стихотворений, предсказывающих крушение старого мира, справедливо писал: «Если бы Виктор Гюго вполне проникся этою идеею неизбежного разрушения старого мира под напором растущей волны нового, то его книга была бы действительно замечательным произведением относительно мысли, и можно было бы пренебречь вполне всеми ее формальными недостатками. Но, к сожалению, это не так. Старые иллюзии, старые предрассудки срослись со всеми привычками мысли поэта, и он всеми силами держится за кое-какие обломки этого старого мира, который им же обречен на затопление». («Этюды о западной литературе» П. Лаврова. Изд. «Колос», стр. 74.)

Признавая всю смелость и благородство протеста Гюго против версальских зверств, нельзя не сказать, что отношение Гюго к Коммуне было не отношением социалиста или даже последовательного буржуазно-демократического *революционера* (вспомним хотя бы Делеклюза), а лишь отношением потрясенного белым террором филантропа. Между тем был период, когда муза Гюго была действительно служительницей революции. Если перед лицом пролетарской революции

Гюго оказался лишь гуманистом, то перед лицом бонапартистской реакции он был пламенным революционером, и его стихи, направленные против Наполеона III, заслуживают памяти и изучения. Посвящая выпуск серии «Революционная поэзия Запада» творчеству Гюго, *нельзя было не уделить в книжке места лучшим из стихов, посвященных борьбе со второй империей*. Это было тем легче сделать, что многие из этих стихов Гюго давно переведены на русский язык (напр., «Воспоминания ночи 2 декабря» и т. д.)

Если отбросить этот основной упрек, надо признать, что выбор стихов из «Ужасного года» сделан удачно. Все стихи даны в новом переводе Мих. Зенкевича. Перевод довольно точен, весь выдержан александрийским стихом, несколько тяжеловесен и напыщен, но это уже вина не Зенкевича, а Гюго. Временами встречаются неудачные выражения, например:

«Так мало надобно, чтоб слабые натуры
Наклонной плоскостью пошли на авантюры».

Очень жаль, что приличный перевод стихотворения «На улицах, где кровь» испорчен нарушением правильного чередования мужских и женских рифм.

Несмотря на указанный выше серьезный недочет, и при данном подборе стихов книжка полезна. Особенно следует рекомендовать ее нашим клубным работникам, как декламационный материал для празднования дня Парижской Коммуны.

Было бы очень желательно, чтобы за книжкой Гюго в близком будущем последовали сборнички избранных революционных стихов Барбье, Фрейлиграта, Гервега, Гейне, Дюпона, Потье, Негри, Жуя, Эллиота, Верхарна, Червинского и мн. др. Необходимо только снабжать сборнички небольшими марксистскими очерками, дающими сжатую характеристику авторов.

Г. Лелевич.

П. ДЮПОН. Избранные песни. Перевод С. Заяицкого и Л. Остроумова, под ред. В. М. Фриче. «Новая Москва». 1923. Стр. 134.

Особенность творчества П. Дюпона в том, что стихи его относятся к своеобразному жанру французских песен, что он — певец, chansonnier, как те монмартрские поэты последних десятилетий XIX века, Морис Букэ, Аристид Брюан, Жюль Жуй, Ксавье Прива, которые более известны, потому что хронологически к нам ближе.

Из многочисленных французских chansonniers конца века я привел четыре выдающихся имени. Они имеют нечто общее в формальном отношении с Пьером Дюпоном. Но тематическая их значимость определяется средой богемских кабаре и café-concerts.

Морис Букэ, — автор «Красных песен», «Народных песен», в силу особых условий своего времени боролся с порнографическим куплетом, проникшим на эстраду; Аристид Брюан — автор сборника «На улице», представитель беспокойной богемы, в красной рубашке, бросал инвективы элегантным посетителям кабарэ Mirliton; Жюль Жуй — творец мрачной песни, автор политических «Песен этого года», борец против буланжизма, сотрудник Жюля Валлеса в «Народном крике»; это, наконец, Ксавье Прива, неизменно идеалистический, избранный в prince des chansonniers в 1899 году.

Я привел некоторые данные, относящие их поэзию к протестующей, в той или иной форме, против буржуазного общества. Это — поэзия сатирическая и, вместе с тем, чувствительная, что составляет как бы канон французских chansonniers.

В этом отношении П. Дюпон — один из зачинателей вместе с Эжезиппом Моро. Пролетарий по происхождению, П. Дюпон — певец, chansonnier предместий, рабочих кабачков, клубов, создатель французской рабочей песенной поэзии 50-х годов.

Социальный и революционный характер песен П. Дюпона тесно связан с общественной и художественной жизнью второй четверти XIX века. В революциях 1830 и 1848, кроме июньских дней, промышленный рабочий участвовал твор-

чески еще в незначительной мере, больше как исполнитель; с другой стороны, утопический социализм Фурье, Сен-Симона, Кабэ увлекал широкие круги интеллигенции, социально окрашивал литературу.

Социальный мотив, в общем чуждый поэзии основной группы романтиков, представлен значительно лишь у Гюго. Но он имеется в той или иной форме в авантюрном романе Евг. Сю («Парижские тайны»), в психологическом романе Ж.-Занд («Мельник из Анжибо», «Спутник в путешествии по Франции»), в «Ямбах» Барбье, в стихах и новеллах Бодлэра (цикл «Парижские картины», новеллы «Игрушка бедняка», «Глаза бедняков»), в юношеской поэзии Леконт-де-Лиля («Одеяние Кентавра», «Елена»), и т. д.

Особую группу рабочей поэзии представляют в канун февральской революции поэты-рабочие — Мага, Понси, Бори, которые были отмечены Ж.-Занд. Это многообразное выявление социального мотива показательно для широты влияния социальных идей.

То же можно сказать и о живописи в ту эпоху, об Оноре Домье («Рабочие», «Восстание», «Семейство на баррикадах»), о Делакруа («Свобода», «Баррикады» и друг.).

Поэзия П. Дюпона становится понятной лишь на том широком социальном и художественном фоне, о котором сказано выше.

Группа революционных стихотворений П. Дюпона всегда идеалистически окрашена.

Господней воле предадим
Мы крови жертвенные реки!
Да скроем камнем гробовым
Раздор и ненависть навеки!
(«Июньские дни».)

Индустриальный мотив несистематичен. Он ярок в стихотв. «Машинист» —

Терпенье: пар подарит крылья!..
Мой паровоз, долой сомненья!
По рельсам ты к прогрессу мчишь...
Держу лопату в черной саже:
Так держит руль седой пират.

Но чаще — это идиллия кустарного труда, патриархального быта мелких мастерских. Таково стих. «Шелк» с припевом:

Скользи, челнок, тяпитесь нити,
И шелк и бархат нужен нам,
Наряды наших милых тките
И гнезда любящим сердцам.

К тому же у Дюпона в пасторальном духе обрисован мотив сельской работы («Волы», «Тетка Жанна»). Если к этому присоединить ряд песен сентиментально-эротических («Шатенка», «Блондинка») и романтические гротески, демонически окрашенные («Подкова», «Золотые»), то поэзия П. Дюпона будет представлена со всех сторон, что и достигнуто в переводах удачной выборкой стихотворений.

Мощности, пафоса достигают лишь некоторые песни. Это — «Песнь о хлебе» с припевом:

Не задушить мятеж народа
И вопль: о хлебе я кричу!
Рыдает в нем сама природа:
Я есть хочу!

«Песнь рабочих»:

...Что труд упорный нам дает,
В дугу сгибающий нам спины?
Куда рекой течет наш пот?
Не люди мы, а лишь машины!

«Песенка ржи», с припевом:

Борись, борись с заботой,
Не будь, бедняга, прост!
Топчись, трудись, работай:
Не справишься с дремотой,
Так ляжешь на погост!

Формальной особенностью поэзии П. Дюпона является ее песенный склад с неизменным строфическим рефреном.

Поэзия — песня Дюпона немыслима без вокального сопровождения. В оригинальном издании П. Дюпона ноты приложены к каждому стихотворению. Музыка принадлежит большей частью самому поэту. Поэтому в русском издании следовало присоединить и ноты; музыкальный момент — характерное в творчестве Дюпона.

К сожалению, вероятно по техническим причинам, в русское издание включены лишь три пьесы, к тому же с французским текстом, без соответственного приспособления стихов перевода к нотному письму.

Между тем у П. Дюпона мы имеем действительно особый жанр поэзии—песни. Это подлинные «Chants et chansons», как озаглавлен сборник, а не предельно проникнутые музыкальностью стихи, как у Верлэна, например, чьи «Песни без слов»(«Romances sans paroles») могли быть органически положены на музыку Кл. Дебюсси или Равелем. Яркими в музыкальном отношении являются лишь некоторые песни Дюпона, напр., «Песнь о хлебе», «Машинист», мелодия которых оригинальна и свежа. В других случаях особого своеобразия отметить нельзя. Здесь большую роль играло, видимо, исполнение их самим автором, что и создавало им большой успех.

Песни Дюпона в подлиннике снабжены интересными романтическими гравюрами Гаварни, Нантейля, Жоанно, которые развертывают фабулу его песни.

Переводам предпослана статья Ш. Бодлэра о П. Дюпоне. В ней, между прочим, он восторженно говорит о «марсельезе труда» — «песне рабочих», о народнической струе в его поэзии, связанной с февральской революцией. «Вечной славой П. Дюпона будет то, что он первый прорубил дверь. С топором в руке он сорвал цепи подъемного моста, ведущего в крепость; теперь народной поэзии открыта широкая дорога». К сожалению, в переводе статьи Ш. Бодлэра о П. Дюпоне сделаны купюры, отчего она значительно бледнее подлинника. Между тем в опущенных местах лишний раз подчеркивается социальная действенность поэзии Дюпона, чем и объясняется успех его песен.

Бодлер говорит там о католических и восточных предрассудках романтиков, об утопичности «искусства для искусства», «исключающего мораль, а часто даже страсть» и «становящегося в противоречие с гением человечества», о «громадной склонности нашей к биографиям, происходящей от глубокого чувства равенства».

И эти идеи, исключительные для Бодлэра, творчество и парнасская поэтика которого, систематически сорганизованные, по существу так далеки от непосредственной песни Дюпона — объясняются революционным увлечением его, активно выявившимся в эпоху 1878 года.

Не переведено также предисловие самого П. Дюпона, где он говорит о связи своей с современной литературой.

В сжатом, интересном вступительном очерке В. М. Фриче дает социологический анализ творчества П. Дюпона. Он отмечает рабоче-крестьянский характер его поэзии, эволюцию от сельской поэзии к городской, указывает, что (в июньские дни) он не сражался бок-о-бок с восставшими рабочими: мелко-буржуазный интеллигент, ремесленник пополам с богемцем, он не встал ни по ту ни по сю сторону баррикад; все, на что он оказался способным, было — после кровавой бойни — взывать к республике о милости к поверженным борцам («Июньская песня») и обессмертить сосланных на одинокий остров среди бушующего океана рабочих-каторжан («Песня ссыльных»). Вместе с тем в «поэзии Дюпона бьется сердце— французского рабочего, еще связанного, с одной стороны, крепко с деревней, а с другой — не высвободившегося из пелен ремесленного быта и мелко-буржуазной психологии»...

В целом, переводы песен Дюпона сделаны удачно, с большой близостью к подлиннику. Переводы Л. Остроумова ритмически совершенней, музыкальней, символика передана ярче.

Издана книга хорошо. Так что во всех отношениях переводы «Избранных песен» Дюпона можно приветствовать и пожелать успеха серии «Народные поэты», предпринимаемой издательством «Новая Москва».

М. Эйхенгольц.

ФРИЦ фон-УНРУ. Драмы. 1) Род. 2) Площадь. Перевод С. Заяицкого, Б. Морица и Б. Л. Предисловие Б. И. Ярхо. Государственное Издательство. М. — П. 1923 г. «Всемирная Литература». Стр. 244.

В предисловии указано, что о пьесах Унру «говорит вся Германия, ставя его на ряду с Клейстом». Мы позволим себе усомниться в этой рекомендации: если бы дело обстояло так, как утверждает предисловие, пришлось бы признать, что художественные вкусы Гер-

мании находятся еще в большем упадке, чем ее экономика.

Драмы Унру прежде всего—не драмы; это — символический парад декламирующих персонажей, почти не связанных динамическими, действенными соотношениями. Пересказ содержания... но требовать от рецензента отчетливого изложения фабулы было бы в данном случае жестоко.

Символическая Мать, потрясенная «пожаром мира»... Старший сын, кончающий самоубийством после непомерно длинных монологов отчаяния... Правитель (все неопределенно), занятый не столько правлением или борьбой с бунтующим народом, сколько напыщенными рассуждениями... Дитрих (герой), заполняющий длинные страницы бредовыми фразами о «судьбах мира», об алтаре, «на коем случай пламени не гасит» (во имя «духовной революции» отступивший от революции осязательной, как объясняет предисловие). Какой-то Шлейх, нервный циник, отличающийся плоским остроумием — пародия на современную культуру, как поясняет предисловие, и ни одной подлинно драматической сцены, ни одного живого сценического положения. Поражает при этом беспрерывно патетическое состояние автора; вот уж, поистине, словечка в простоте не скажет.

Перегруженность образами, метафорами, гиперболами мешает иногда понять самую простую мысль, превращает самую простую реплику в крикливую загадку. Предисловие оправдывает некоторую туманность автора тем, что он изображает хаос. Но не одно и то же — изображать бессмыслицу и писать бессмысленно.

Пьесы Унру по своей стилистике относятся к той сквернейшей школе драматического символизма, которая у нас, в России, пыталась проникнуть на сцену лет пятнадцать тому назад, но, к счастью для русского театра, не нашла себе почвы. Эти пьесы—крайне сомнительная литература, совершенно непригодны для театра, тем более для театра современного, ищущего свободно и отчетливо развивающегося действия. Но, видимо, комментатору они интересны. По крайней мере, Ярхо в предисловии разрабатывает целую «поэтику» Унру, анализирует его «эмоциональную концепцию» и «идейную концепцию», его лексикон и стих и т. д. О, Академия! Это ученое исследование напоминает знаменитые изыскания археологов Пикквикского Клуба.

В. Волькенштейн.

ПЬЕР ХАМП. Золотоискатели в Вене (из быта «шиберов»). Пер. О. Мандельштам. Изд. «Московский Рабочий». М. 1924. Стр. 163+30 рис. Тираж 5000.

ТО ЖЕ, под заглавием: ПЬЕР АМП. Искатели золота. Перевод Бенедикта Лившица. Государственное Издательство. «Всемирная Литература». Москва — Ленинград. 1924. Стр. 149. Тираж 5150.

Книга о разорении и нищете Вены после Версальского мира. «Четыре человека, сидя за зеленым столом, Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон и Орландо, совершили преступление — этот мир. Подобный мир ничего не создает, он не организует человечество для совместной работы, а распыляет его, подобно войне» (стр. 116).

Вена вымирает. «Венский голод, если прибегнуть к сравнению с горными поясами, достиг ледяной зоны, где уже невозможна растительная жизнь» (стр. 76). Заводы не работают. В шерстепрядильне не машины грохочут, а лишь стрекочет пара пишущих машинок. Того, что зарабатывает рабочий, в Цюрихе хватило бы лишь на кружку пива. Сутками простаивают многотысячные толпы в очереди за 150 граммами дешевой свинины.

Хамп не пишет романа. Он лишь воспроизводит открывающиеся глазам иностранцев картины бедствий и страданий, давно знакомые и в то же время по-новому жуткие. С протокольной точностью описаны подвалы с людьми, дошедшими до последней степени истощения, детские больницы, полные «таких несуразных человечков, с толстой головой и тоненькими ножками», каких не придумал бы «ни столяр, ни механик — ни из железа, ни из дерева» (стр. 81); наконец,

американские столовые, где подкармливают малышей. Незабываемы их «бескровные губы, выпачканные темными пятнами какао».

Самое страшное—это резкость контрастов роскоши и нищеты, высокой культуры столицы, чье имя было синонимом изящного и царящего в ней голода, доводящего людей до каннибализма, правда — нечаянного. Эти контрасты автор отмечает на каждом шагу, во всех мелочах, отчего они становятся еще незабываемей. «Позорная нищета... пробивалась отовсюду, глядела с мостовой пучками зеленой травы между камней» (стр. 18). На песке дорог рядом со следами автомобильных шин—отпечатки пальцев человеческих ног, «знакомые клейма нищенской страны» (стр. 69). Разоренный город, чье население должно выбирать между гибелью и бегством в другие места, привлекает к себе в то же время иностранцев, обладающих более устойчивой валютой. В Вене все обесценено: наслаждение, товар, труд. «Женщины императора так же доступны, как его портвейн» (стр. 25). Сюда съезжаются со всех концов Европы те хищные торопливые дельцы, которых пять лет войны научили зарабатывать деньги, не теряя ни минуты. Это—«единственные настоящие интернационалисты, там, где кается заработков, конечно» (стр. 41). До сих пор они предпочитали не производить, а покупать решительно все: нефть, антики, тирольские леса и водопады, кукурузу, столовое серебро императрицы, машины. Но сейчас в столице Австрии они напали на «золотую жилу», для разработки которой учреждают общество. Из всего можно извлечь пользу. Не только из конской падали, обратив ее в колбасу, и из тухлых яиц, переработав их в ванилин или в туалетное мыло, но и из умирания целого города. Ведь «человеческая нищета, это—золото». Нужно лишь суметь использовать богатство гибнущей страны — ее дешевые рабочие руки.

Вся книга — почти сплошная цепь диалогов между семью предпринимателями разных национальностей: французом, американцем, итальянцем, австрийцем, чехом, венгерцем, евреем и каким-то турко-венгро-бразильцем. Разговоры в конторах, в кафе-шантане, на заводе, в автомобиле, то краткие, деловые с недоговоренными фразами, то пространные, то изысканно-вежливые и лицемерные, то откровенно-циничные. Рассуждения на политические темы (о Вильсоне, о Ленине, о судьбе Жэка Садуля, о будущности Европы, о неизбежности признания Советской России Францией), непристойные анекдоты, потоки цифр и фактических сведений о разных отраслях промышленности. Нет никакой фабулы. Никаких внешних событий, если не считать потасовки между будущими компаньонами накануне заключения соглашения. Кое-где мимоходом брошены отдельные черточки, характеризующие того или иного героя, но в целом действующие лица очерчены неясно, даже противоречиво; автор то рисует их в гротескном виде, то доверяет им свои заветные идеи. Само повествование растянуто, местами кажется утомительным, ведется без видимой цели, как будто бы не имеет ни начала, ни конца. Нагромождение сведений, описаний и рассуждений... И все же эта книга волнует не только тем, что в ней с такой внушительной правдивостью рассказано, но и самим ритмом этих торопливых, бесконечных диалогов, полных острот, глубоких мыслей, неожиданностей, все время напрягающих внимание читателя. Автор не только самоотверженно честный журналист, умеющий разбираться в событиях и говорить правду, он — художник, правда лишь ищущий, но еще не овладевший новыми формами, отвечающими темам широкого социального значения.

Пьер Хамп много пережил и много видел, прежде чем взялся за перо. Выходец из народа, самоучка, ныне одна из интереснейших фигур среди французских писателей, он пренебрегает обычными средствами современной беллетристики, бессильными выразить его основную тему: изображение процесса труда во всех его разновидностях. Будучи близок по своим взглядам к анархизму, он—анархист и по отношению к литературной форме и приближается иногда в своих книгах к стилю технических справочников или газетных фельетонов.

Своими темами, высоким пафосом, глубокой искренностью и поисками новых приемов повествования Пьер Хамп безусловно заслуживает особого внимания. Ныне его книга «Les chercheurs d'or», написанная в 1920 г., появляется одновременно в двух русских переводах. Издание «Московского Рабочего» рассчитано на массового читателя, оно снабжено предисловием, разъясняющим анархо-пацифистскую основу взглядов автора, и иллюстрациями. Рисунки «Юкопа» выполнены слабо, но некоторые из них очень остроумно задуманы (например, изображено: статуя свободы в Нью-Йорке, на переднем плане расстрел стачечников. Подпись: «...но свободе мы воздвигли величайшую статую в мире»). Перевод, если не считать мелких погрешностей, сделан тщательно. Только следовало бы, в целях популяризации, или сопроводить примечаниями намеки, каламбуры, которыми изобилует текст Хампа, или вовсе опустить таковые.

Перевод издательства «Всемирная Литература» отличается большей обработанностью и некоторыми отступлениями от подлинника, а кое-где и незначительными сокращениями, что делает его более легким для чтения. В краткой вступительной заметке дана характеристика Хампа как писателя.

Л. Розенталь.

СИНКЛЕР ЛЬЮИС. Мистер Беббит. Роман. Перевод с английского М. Прусак, под ред. и с пред. Мих. Левидова. «Современная иностранная библиотека». Госиздат. Москва. 1924. Стр. 536. Тир. 5000. Цена не озн.

Роман Синклера Льюиса «Мистер Беббит» представляет собой явление исключительное для американской литературы, знаменующее интереснейший перелом американца-писателя к серьезной литературе европейского стиля и размаха. Американская провинция Льюиса написана в глубоком и остром тоне провинции «Мадам Бовари». Тонкость, острота серьезного юмора ставят Льюиса в ряды писателей, которых будут читать повсюду. Синклер Льюис уже завоевал себе серьезное внимание в Америке, его будущая популярность повсеместна и неоспорима.

Но все эти великолепия существуют лишь для лиц, имеющих возможность прочесть этот прекрасный роман в подлиннике. Несчастные же, которым придет в голову купить рецензируемое издание, попадутся в анекдот самого зловещего качества: прекрасный роман Синклера Льюиса отдан был Госиздатом на растерзание совершенно безграмотному субъекту, который,очевидно,только спустя две недели после окончания своего, с позволения сказать, «перевода» стал учиться русскому языку. Книга эта, по недоразумению приписываемая Синклеру Льюису, написана на жаргоне одесской черной биржи,—жаргоне настолько своеобразном, что часть напечатанного приходится сперва переводить на сродный одесскому жаргону немецкий язык и потом уже пытаться понять, что значат некоторые цитаты. Вот они:

1) «Что это стало нынче с неграми. Никогда не дадут вежливый ответ» (стр. 195). По-русски это будет: «Что это сделалось теперь с неграми! Даже вежливо ответить не могут».

2) «Он перестал раздражаться помешательством Тэда на горничных»...(стр. 205); смысл этой фразы, явно заимствованной из анекдота, имеющего целью уязвить национальные меньшинства, очевидно непереводим.

3) «В зале ожидания кинематографа...»—эта зала, тов. Левидов, у нас, в Москве, обычно называется фойе (стр. 210).

4) «Перед тем, как отправиться, трое из них условились с танцовщицей уйти с ним, с каждым она соглашалась...» (234), или по-русски: «Перед тем, как уйти, каждый из них условился с танцовщицей, что он уходит с ней...»

5) «У Майка было нижнее сиденье, и вот он слышит ужасный грохот с верхней полки. Когда он спросил, в чем тут дело, Пет ответил: «Конечно, это я...» (242). Пет сказал приятелю на самом деле: «Не беспокойся, это я...»

6) «Но я никому не позволю ходить за мною по пятам и наступать мне на ногу» (337) заимствовано из одесского трамвайного анекдота:—«Вы мне на ногу

наступили!»—Да я и так на одной ноге стою.—«Ну, так это и есть моя нога».

7) «Джордж Беббит живет с того, что посредничает домами» (362), «с чего» живет Левидов, не с того ли, что не заглядывает в рукописи, которые гордо покрывает его редакторский авторитет?

8) «Вы ведь знаете, какой я неуклюжий танцор!—ему пожали ногу» (369)—пожмем все четыре ноги переводчика и редактора в виде благодарности за работу этих ног, коими, очевидно, и совершался «перевод».

9) «Ах, скажите, с кем вы, думаете, разговариваете» (384)—или на древнерусском: «вы думаете, вы с кем разговариваете?»

10) «Был в кабаре в Нью-Йорке на «*С добрым утром, толстячки!*» (403). Читали переводу Пруссаком на Левидове, очень и чтобы непонятных слов.

11) «Он возмущался, что она такая же *визга*, как и его жена» (441). Визга,—это—сорт одесской девушки с мягким характером.

12) «Идите сюда, милый, держите ногу» (447); читатель перестает раздражаться помешательством Левидова на ногах,—но какое богатство воображения: нога сжатая, нога сдержанная и т. д.

13) «Все звонили друг другу о том, что *он* или *она* думает, что сказала, когда та сказала то-то и то-то, и что скажет Пет о том, что говорят о том, что она сказала» (449),—остается только порадоваться, что она не додумалась еще до того, чтобы Льюиса перевести, и жаль, что Левидов не думает, что скажут о том, что думают о том, что он скажет, после того, как ему скажут о том, что думают о его редакции.

14) «Она рассказала Минни, что я рассказала ей, что Минни ужасно важничает, и Минни сказала мне, что Керри рассказала ей, и, конечно, я сказала, что ничего подобного я не говорила, и когда Керри узнала, что Минни рассказала мне, она вышла из себя, что Минни рассказала мне, я, конечно, вскипела, потому что Керри сказала ей, что я рассказала ей...» (483).

Это так сказать *перлы, из ряда вон выходящие*. Остальное менее колоритно, разумеется, но все в том же роде. Напечатано этого безобразия ровнехонько пять тысченок. Было бы любопытно узнать: что вот у этой самой «Современной иностранной библиотеки» есть редакция? А ежели есть, то собственно за что именно она жалованье получает? Левидову привет и лучшие пожелания: читайте иногда, Левидов, то, на чем красуется ваша фамилия, даже когда это—и самая откровенная халтура.

Г. Айгустов.

УПТОН СИНКЛЕР. Дебри. Переводчик не указан. Изд. «Пролетарий». Харьков. 1923. Стр. 306.

Русский перевод этой замечательной книги имеет свою историю. На нашем книжном рынке этот роман был дебютом Синклера, совпавшим с первым появлением русских переводов Джека Лондона. Дебют был неудачен для разбираемого романа. Тогдашняя публика накинулась на приключенство Лондона и совсем не намеревалась читать роман «Джунгли»; было это в 1908 году. Очень характерным для нашего времени является большой успех этой книги именно теперь. Новые переводы и переиздания старых русских текстов лучшего романа Синклера выходят непрерывно, и книга, в свое время наделавшая такой переполох среди владельцев чикагских скотобоен и не угодившая утонченным вкусам российского декадентства, теперь оценена по достоинству.

В этом своем романе Синклер во многом еще ученик Зола, твердый и жестокий реалист, но уже и тут чувствуется его склонность к агитационной фантастике, призыв к действию, которые отсутствуют у французского романиста. Это делает Синклера особенно приемлемым для русского читателя, воспитанного на традициях обличительной литературы. Это же составляет сильную сторону романа. До самого конца автор накопляет ужасы и страдания, тем более удручающие, что в реальности их нет никакой возможности сомневаться. Нет ни одного произведения, ни в какой литературе, где бы беспомощность человека перед своим эксплуататором была

показана более резко и более мучительно. Данная книга поэтому не могла быть закончена иначе, как решительной социалистической агитацией: без нее она не существовала бы вовсе. Синклер так и закончил роман, сделав это вопреки своему обыкновению в словах, не допускающих никакого умеряющего или примиряющего толкования. Этим, конечно, особенно дорога его книга.

Перевод нового издания достаточно удобочитаем, жаль только, что цитаты из «Баллады Редингской Тюрьмы», приводимые Синклером, переданы здесь прозой. Уайльдовскую «Балладу» у нас переводили много раз, и ее следовало цитировать по знакомым переводам: этого не сделано, и читатель может только недоумевать над концом главы XVI, где говорится о «поэте, испытавшем на себе людскую несправедливость». Вряд ли он поймет, что речь идет об Оскаре Уайльде, защищать и цитировать которого в дни написания Синклером романа «Дебри» было делом не малого гражданского мужества.

И. Д. Аксенов.

Г. ГЕРМАН. Снег. Роман. Перевод с немецкого П. Е. Хорошинской. Изд-во «Петроград». 1923 г. Стр. 192. 3000 экз.

Р. ЛЕФЕВР. Жертвоприношение Авраама. Вступительная статья Л. Троцкого. Перевод с французского В. Инбер и В. Типота. Госиздат М.—П. 1923 г. Стр. 250 5000 экз.

Оба романа из эпохи европейской войны сближает одинаковая тема и отношение к ней авторов: и тот и другой—победитель и побежденный—горько оплакивают недавние события. На этом одинаковом отношении к теме кончается сходство,—способ разработки, художественная ценность романов совершенно различны. Правда, необходимо еще отметить одинаковую социальную среду (интеллигенцию), отличающуюся во всех странах одними и теми же душевными качествами. У Германа—герой, при этом единственный, доктор философии, у Лефевра изображена семья ученого—историка, его сын поэт и дочь артистка. «Снег»—бездейственный, меланхоличный роман. Доктор Герцфельд, заполняющий все его страницы, переживает войну на расстоянии чрезвычайно болезненно, но сквозь призму своей гуманитарной, отчасти эстетской философии. С реальностью самой войны он встречается только два раза: узнав о смерти своего молодого друга Курта и затем при переезде из Берлина в Мюнхен. В вагоне он сталкивается с солдатами, инвалидами, обывателями, прислушивается к их разговорам и еще более убеждается в своей правоте. Это, пожалуй, самые живые и лучшие страницы.

Время, выбранное Германом для романа,—конец войны, ее догорание: «период энтузиазма и увлечения войной уже давно прошел. Прошло также время ненависти и злобы. Война перешла в новый период, наступило время практического расчета, войну рассматривали теперь, как среднеевропейское предприятие, которое следовало довести до благополучного конца. Теперь никто не стеснялся говорить о том, что война с Румынией ведется за хлеб. Два года назад никому бы и в голову не пришло объяснять такое возвышенное человеческое переживание, каким является война, так грубо и неуклюже, в таком материалистическом духе». Соответственно всему этому, роман проникнут пацифизмом, гуманитарными настроениями, грустью, разочарованием. Нет в нем только самого главного—необходимой остроты, какой-то более ощутимой реальности. Герой романа (само собой, у него неудачная любовь, которой посвящена вторая часть) кончает смертью, изображенной во вкусе Ибсена. Никакого выхода из своего настроения он не нашел, у него ничего не осталось, кроме содрогания и ужаса перед разрушенными идеалами кабинетного мечтателя, любящего красивую спокойную жизнь и поэтичных женщин. В общем «скучная история», — история, сопровождаемая рассуждениями по поводу человечества, космоса, — рассуждениями, часто встречавшимися раньше, по-немецки серьезными и философическими.

Роман Лефевра выполнен в другом стиле. Как литературное явление, это хороший роман, довольно обычного

«французского» типа. Действие развивается умело, соблюдено разнообразие обстановки и положений, искусно даны противоположности, по мере надобности—сильные натуралистические сцены. Для Лефевра имели значение и Флобер и Зола,—он умеет пользоваться их приемами, игрой контрастов, чередованием низкого и высокого, а, главное, он не утомляет монотонной «психологией», как это делает Герман. История, рассказанная в романе, такова: ученый кельтолог Тестю, чрезвычайно далекий от жизни, спасаясь вместе с отступающими французскими войсками, теряет свою усадьбу, все рукописи и коллекции, собранные в течение 25 лет. Ему только оставалось усесться за письменный стол и начать десятитомную «Всеобщую историю кельтического мира», как вдруг эти «проклятые немцы».

Очутившись в Париже, он занялся несвойственным ему раньше делом—выступил в роли патриотического публициста.

Его книги, направленные против немецкой науки, имеют большой успех. В это же время его сын Матье, поэт, отправляется на войну добровольцем. С этого момента начинаются испытания обоих. Особенно они усиливаются для отца, который имел однажды возможность возвратить Матье с фронта, но из патриотизма не сделал этого. Таким образом, узел трагедии завязан, и когда Матье, тяжело раненый, умирает в самой отвратительной обстановке на глазах отца,—трагедия требует разрешения и оправдания. Ученый постепенно проходит путь отчаяния, ненависти и примирения, начиная понимать, что немцы столь же виноваты в войне, как и все остальные.

Собственно, даже вопрос о виновности отступает на задний план. Как изменить, как сделать, чтобы ужасы, которые он видел собственными глазами, не повторялись хотя бы в будущем. Чтение рукописи, переданной ему сыном перед смертью, только усиливает это желание: он стыдится своих книг, читает в Женеве лекцию о братстве всех народов. Вскоре после отступления немцев получается известие, что его рукописи и коллекции целы. Он снова имеет возможность приступить к истории кельтического мира и делает это с необыкновенной энергией. Во время этой работы Тестю размышляет над историей европейского человечества вообще. Он сравнивает его прекрасную зарю с закатом и не находит никакого выхода из пессимизма.

Правда, автор упоминает, что он, после своего перелома, читает Маркса, революционную литературу, все это возбуждает в нем глубокое сочувствие, но, тем не менее, его мысль движется своими путями: «Увы! он видит, как все европейские страны тают, по выражению солдата, кристалл за кристаллом в котле ненависти... а там, в глубине безмолвной Азии, новые народы, неподвижно ожидающие, когда икота и судороги предка закончатся его смертью». Известие о февральской революции в России не разубеждает его,—европейское человечество—безнадежный больной, которого не оживит ничто; бывают эпохи, «когда самая чистая энергия оказывается тщетной... Это — эпохи цивилизации, как наша». Я вижу грядущее царство тирании и апархии, диктатуры, умеряемой бунтом. Пышное богатство сгниет в нищете. Люди станут циничными и суеверными! Воцарятся боксеры и гадалки». Иными словами — картина, напоминающая конец античного мира и... книгу Шпенглера. Такой вывод, по мнению Тестю, касается только старой Европы. Остальные народы сливаются «в прекрасную, цвета светлой бронзы, разновидность человечества», ученые которого будут производить раскопки на равнинах покончившей самоубийством великой культуры. Этими размышлениями кончается роман.

В предисловии Троцкого дана сжатая характеристика его автора, погибшего в сентябре 1920 года на пути из России в Норвегию после Конгресса Коммунистического Интернационала. «Лефевр был интеллигентом, если не ошибаюсь, из вполне буржуазной семьи. Это — чистый тип революционного энтузиаста». Этот энтузиазм запечатлелся в романе прежде всего большой любовью к истине и добру. Это. так сказать, «во имя» автора. Давая резкие и беспощадные картины тылового Парижа, разоблачая войну, он действует

прежде всего, как идеалист, не могущий отойти от постели смертельно больного. Как дальше сложилось бы его мировоззрение, нашел ли бы он выход в революции — об этом трудно судить. В качестве «интеллигента» он слишком много любит «философствовать», но «энтузиазм мог привести его, а, может-быть, и привел к выводам, противоположным тем, которые даны на последних страницах романа. Мы говорим обо всем этом с некоторым вопросом, потому что особенностью Лефевра является его понимание людей. Это — существа слабые, эгоистичные, ошибающиеся, с ними «ничего нельзя сделать». Их выносливость загадочна, так же как и способность к жертве. Естественно, что это слабое противоречивое человечество, эта среда, к которой принадлежал и Лефевр, склонна к той философии умудренного отчаяния, которой кончает историк «кельтического мира».

К. Локс.

ПАПАЛАГИ. Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавеи. Издал Эрих Шеурман. Перев. Б. Л. «Всемирная Литература». Гиз. Пгр. 1923. Стр. 68. Тир. 5000.

Небезызвестный анекдот из цикла «армянских» передает невыразимое огорчение жителя кавказских приволий условиями столичного землепользования,— санитарный ригоризм стесняет доброго джигита в его взаимоотношениях с природой, великий заимодавец лишен возможности получать свои долги натуральным и таким симпатичным способом, имеющим неограниченное применение у диких, но любезных берегов бурного Терека...

Лирика — хорошее дело, но «глаза на мокром месте», это уже хуже и много хуже, ибо в последнем случае нет возможности выяснить, что из данных явлений, орошающих бледные щеки несчастливца обильными струями, действительно содержит в себе слезоточивый постулат и что такового не содержит, — и слезоточивость в последнем случае вызывается просто дурной привычкой.

«Папалаги» — странная книжка, курьезная книжка, глуповатая книжка. Ее интерес заключается лишь в великих несообразностях применения тихоокеанских терминов к европейской жизни. Когда Туйавии, великий вождь и владыка вселенной размерами не выше четырех десятин, покоритель шести племен, общей численностью до ста человек, а может-быть, даже и еще больше, — когда этот черномазый Соломон с мучительной спутанностью излагает свой Экклезиаст в терминах своих Самоанских островов о том, как живет белый, то это не лишено занимательности. Что-то в роде шимпанзе на велосипеде. Торжественно, очевидно, ничего не понимая, и чувствуя, что он наблюдает самое сердце всех своих неприятностей, в роде дрянных огнедышащих лодок, которые плюются громом и молнией на десятки верст, глаголет верховный вождь острова Цполу о многих набедренниках папалаги (папалаги или папалонги, это—имя белых, для наукоподобия приведено у «издателя» две транскрипции), о ножных каное (лодках) папалаги, о красных, рогатых, безобразных зверях, у коих насильственно отцеживают молоко. История с галстуком и манишкой описывается в следующих потрясающих выражениях: «От шеи до соска носит он кусок накрепко пропитанного известью набедренника, величиною с лист таро. Поверх его покоится обернутый вокруг шеи тоже белый, высокий обруч, равным образом накрепко пропитанный известью. Сквозь этот обруч он протягивает кусок цветного набедренника, скручивает его, как корабельный канат, втыкает в него золотой гвоздь или бусину и свешивает все это поверх щита. Этот белый щит и известковые обручи полны большого значения. Там, где есть женщины, папалаги никогда не будет без этого украшения на шее. Еще хуже, если известковый обруч почернеет и больше не сияет» (стр. 16). Как не узнать в этом описании старого знакомого,—ведь велемудрые Гунгмы мрачнейшего Джонатана Свифта объяснялись не с меньшей пышностью, и не оттуда ли к повелителю четырех десятин пришла эта мрачная потрясенность обыденными предикатными клочками культуры? Как, однако,

распространилась английская литература!—даже самоанцы Свифта знают.

У Шеурмана, однако, есть свой яд и своя острота. «Папалаги» — сатира, но сатира с определенным лирическим, романтическим укладом мысли. Вообразите себе такого довоенного романтика, воспитанного на Рильке, а в еще большей степени на «Генрихе фон-Офтердингене», на восточных сладостях в роде персидских очарованно-неподвижных гравюр, всяких Хокусаях и прочем. Рамолизующее влияние всего этого добра общеизвестно. Ненависть к механической культуре, начиная с дифференцирования вектора по скалярной величине, каковой, как подозревает истинный папалаги, есть достояние тупиц,—и до зубного порошка, включая сюда и трамвай, и машинку для снимания сапог, и катетер, и пастеризование вина, и орбиту Меркурия, — все в одну кучу, — ненависть к этой куче тоже не новость. И вот на это еще наложите войну и расплавленные французскими умниками Цейсовские чечевицы, спартаковцев и сатанический фейерверк в Скапа-Флоу, — и в сумме получите чрезвычайно острое чувство, подостланное полнейшей беспомощностью, которое и создало «Папалаги». Оно поднимается до высокого презрения, когда Шеурман говорит о «круглом металле и тяжелой бумаге». Кстати (чтобы не прозевали архивариусы Коминтерна), на Самоа знакомы и с теорией прибавочной стоимости (стр. 31).

Книга написана не плохо, трансфигурации описаний самых обычных вещей делают все занимательным. Тоска, выдаваемая за тоску океанинца, придает особый стиль книге. Это—немецкое тэдиум, но оно интересно своей внутренней силой. Теми существенными возможностями, которые пока идут на возвышенную и горькую иронию сатиры. Положительные идеалы в книге? — их, собственно, нет. Они—некоторые руссоизмы — подклеены для порядка. Не в них сила и соль. Покуда эта сила сублимирована и извращена. Но она есть.

А. Юрлов.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ. Под старыми липами. Том четвертый. Государственное Издательство. 1923 год. Стр. 324.

Книжка идет в серии «Библиотека современной русской литературы»,—и читатель может думать, что автор развертывает и показывает жизнь излюбленных им общественных групп в наши революционные дни. Он, однако, жестоко ошибется. Ничего современного в данных семи рассказах нет. Описывается жизнь — старая-престарая, жизнь — разлагающегося, глупо и убого отживающего свой век дворянства. Да и рассказы начаты автором давно: пять начаты в 1910 году, два—в 1913 году, если же многие из них кончены в 1922 году, то от этого они не стали современнее.

Мы полагаем, что октябрьский переворот провел в истории и жизни достаточно глубокую межу, чтобы современностью обозначать только наши дни пролетарской диктатуры, — дни рабоче-крестьянской России, а не время, поросшее мохом, плесенью и даже забвением.

Особенное значение это имеет в отношении литературы.

Современны Вс. Иванов, А. Безыменский, М. Герасимов, Л. Сейфулина и другие. Может быть современным и Алексей Толстой, если он дает вещи хотя бы из жизни того же развалившегося дворянства, но в наши красные дни.

Алексей Толстой—большой, интересный художник. Собранные рассказы дают прекрасную, разностороннюю и колоритную картину умирающего дворянства. Читаешь рассказы с неослабным напряжением и увлечением: они прекрасны. Как живые стоят перед вами последние представители когда-то знатного, важного, властного и пышного дворянства, а теперь опустившегося, небритого, грязного и безвольного.

Вот самодур в стиле Островского Мишука Налымов из Заволжья, вот Семочка Окоемов, Чувашев, Тимофеева и многие другие, как будто родственники гоголевских героев.

Вот по-своему благородные Долгов, Щепкин, мечтатель Аггей Коровин. Но уже разбитые, пораженные на смерть новой жизнью.

Впрочем, поскольку рассказы по своему сюжету и отдельным темам относятся к прошлому, и даже далекому прошлому, нет никакой практической необходимости останавливаться на критической оценке отдельных лиц. Они ярки, живы, правдивы.

Важны не отдельные лица, а все они вместе, характеризующие с разных сторон, основных и второстепенных, определенную полосу русской жизни.

Если бы кто вздумал изучать или просто познакомиться с вымирающим дворянством не по экономо-статистическим и историческим трудам, а, так сказать, в самой жизни, книжка «Под старыми липами» даст богатый и ценный психологический, моральный облик данных людей и отчасти их экономическое положение.

Эта книжка—в своем роде «Мертвые души». Волосы встают дыбом от разлагающейся жизни в полузаколоченной усадьбе с запущенным прудом и нечищенным садом. Нравственное падение, душевная пустота, как принято говорить, безволие вызывают в вас к этим людям одновременно и отвращение и жалость, как к безнадежно погибающим, хотя и классовым врагам. Живые трупы, зловонные, — хотя бы умирали скорее, хочется сказать. Жить им не зачем! От смеха над трагикомичностью положений слезы выступают на ваших глазах и спазмы душат ваше горло.

Читаешь, не отрываясь, и все-таки, когда кончаешь последнюю страницу, думаешь последними ее словами: «никогда, никогда теперь ее не увидать», этой жизни, и облегченно вздыхаешь, как после тяжелого кошмарного сна.

Валерьян Полянский.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. История гибели Европы. Госиздат Укр. Харьков. 1923 г. Стр. 208

Это второе издание книги (первое вышло в этом же году в Берлине) свидетельствует о большом успехе романа Эренбурга, если не об успехе утопического романа вообще. У меня нет данных о судьбе этой книги в Германии, но тема дальнейших судеб Европы у нас дебатируется уже давно, и не один Шпенглер является предшественником Эренбурга в попытке пророчествовать по этому вопросу, полемизируя одновременно с марксизмом. Эренбург слишком впечатлительный человек и писатель, чтоб для него проходили бесследно книги, им прочитанные перед написанием романа. Очень похоже даже на то, что и мысль о новом романе является у него за чтением какого-нибудь нового беллетристического произведения. В данном случае позволительно не обинуясь сказать, что перед началом работы над летописью о гибели Европы Эренбург со вниманием прочел «Донгоо Тонга» Жюля Ромэна. Этот роман наложил на первые главы новой книги Эренбурга печать такой явственности, что ее не смутится принять ни один самый строгий разводящий самого строгого караула; в дальнейшем изложение понемногу смягчается и возвращается к обычной эренбурговской иронии. Ее напрасно приписывают влиянию А. Франса; наш беллетрист прошел совсем другую выучку и в среде, образовывавшей его вкус, имя автора «Таис» было едва ли не ругательством. Те времена, когда оправлявшаяся от немецкого разгрома Франция понемногу становилась планетным банкиром (период «выздоровления», подаривший нам оптимистический скепсис А. Франса), ушли далеко в прошлое. Когда Эренбург жил в Париже эмигрантом, скепсис господствовал другой: это был скепсис перепроизводства, скепсис надвигающегося краха; не скепсис человека, для которого все в сущности равноценно потому, что во всем можно найти наслаждение, а скепсис существа, которому известны все цены, но для кого нет ничего ценного, кроме возможности просматривать прейскурант. Типичнейшим представителем этого рода литературы являлся умерший ныне Аполлинер, писания которого не дошли до русского читателя, но который и является духовным руководителем большинства французских литераторов эпохи предвоенного одичания, а их непосредственным учеником состоит Эренбург. Он слишком долго глядел на довоенный Париж и на довоенную Европу,—глядел жадными глазами

бедняка и, как порядочный мещанин, мог мечтать только о величайшем блаженстве достать ложку, достаточно длинную, чтобы зачерпнуть вожделенного киселя. Удача улыбнулась ему, но когда он, уже не бедняком, стал перед долго ожидаемой добычей—оказалось, что дорогая ему Европа успела не только поблекнуть, но и разложиться. Отсюда и тема романа, а разрешение ее в том же старом приказе человека, потерявшего критерий ценности и достаточно язвительно обрисованного в нашей литературе.—«Все утопить». Характерно, что для Эренбурга социальная революция и скоротечная проказа, судя по роману,—явления равноценные, и что его Европа населена исключительно представителями имущих классов. Пролетариату нет места в такой утопии, и это правильно: пролетариат не имеет ничего общего со скепсисом принципиального цинизма.

И. А. Аксенов.

С. ВАСИЛЬЧЕНКО. Карьера подпольщика. Изд. «Московский Рабочий». 1924 г. Стр. 514.

Данная «повесть из революционного прошлого», как значится на книжке, интересует нас не как художественное произведение. С этой стороны она не отличается ни художественными обычными достоинствами, ни тем более оригинальностью, местами она сильно растянута и от сокращения выиграла бы в своей стройности построения, местами скучновата. Надо, впрочем, помнить, что автор—не беллетрист, на это он и не претендует, повествуя просто и бесхитростно, как летописец, о слышанном, виденном и самим пережитом.

Особенный и значительный интерес повесть приобретает, поскольку в ней, на ряду с фантазией имеются страницы воспоминаний из личной жизни автора-рабочего, его тяжелого и безрадостного детства, его каторжной работы на заводе, его постепенного политического развития и нелегальной работы в рядах социал-демократии. С этой стороны книга дает канву и материал для изучения местного, в Ростове-на-Дону, рабочего социал-демократического движения. Кроме того, в книге много бытовых страниц, характеризующих тогдашний быт рабочих у себя дома и на заводе, условия борьбы и нравственные отношения между товарищами.

Книжка, несомненно, встретит горячие симпатии как среди старых рабочих, так и комсомольцев. Первые вспомнят, в каких условиях, с какими трудностями приходилось вести борьбу с царским режимом, и это даст им возможность настоящее сопоставить с прошлым и оценить, как далеко вперед ушел рабочий класс России за двадцать лет борьбы, идя за социал-демократами большевиками, под руководством гениального товарища Ленина. Вторые, кроме этого, сумеют восстановить свою родословную в прошлом, пережить целый ряд захватывающих моментов революционной борьбы, ими не испытанных и уже отошедших на страницы истории, и, наконец, получить не мало нравственных примеров и уроков.

Небольшая часть книжки «В Камышевахинской балке», касающаяся ростовской стачки в 1902 году, была напечатана ранее под заглавием «Первый бой». Теперь она более обработана. О ней в свое время мы писали в нашем же журнале.

Не нужно было автору вдаваться «в практику полусутенерских вкусов» Андрея. Подобные подробности портят книжку, даже с чисто художественной стороны. Совершенно излишня также иллюстрация к эпизоду, как Анатолий, встретившись с полюбившей его девушкой-мещанкой, впоследствии стоявшей со знаменем на баррикаде, хотел поступить с ней, как поступают многие мужчины и «в приступе страсти, чувствуя, что и она задыхается от чрезмерного возбуждения, быстро схватился за завязки ее одежд». На рисунке передано это значительно грубее. Неужели нельзя было иллюстрировать что-либо более интересное рабочему?

Может-быть, все это для увлекательности чтения? Дурная манера. И не во всем надо подражать другим.

Эти и другие недочеты, нами не отмеченные, не умаляют того интереса к книге, о котором мы говорили выше.

Не так давно у нас носились с идеей красного Пинкертона. Выпустили много грубого, антихудожественного, бульварного, идейно нам чуждого. «Карьера подпольщика», преподнося читателю полезную пищу, в то же время своей приключенческой стороной, не выдуманной в подражание американским мещанским уголовно-приключенским романам и кино-фильмам, а взятой из живой жизни, нам близкой и многим так хорошо знакомой, увлекает читателя, заинтересовывает, ему хочется знать: «ну, а что дальше? Чем дело кончилось?» и т. п.

Книга издана хорошо — хорошая бумага, четкий шрифт, прочная брошюровка. Она заслуживает самого широкого распространения. При повторном издании в интересах художественности и удешевления стоимости книги ее непременно надо сократить, и значительно.

Валерьян Полянский.

А. НАСИМОВИЧ. Бурелом. Сборник рассказов. Издательство «Земля и Фабрика». Москва. 1923 г. Стр. 156.

Книжка рассказов А. Насимовича невелика, но содержательна,—содержательна и по разнообразию приемов художественного исполнения и со стороны идейной. Обнаружить разнообразие художественных подходов особенно трудно при наличии одной и той же темы. А у А. Насимовича почти всегда одна и та же тема: психология рядового человека, обывателя, не поднимающегося над уровнем среды.

Другая особенность автора — стремление мобилизовать все словесные средства, чтобы ярче и характернее выявить данный прием. Наиболее интересны в этом отношении два лучших рассказа в сборнике «Мараказия» и «Херувимская». В первом рассказе дан солдат, возвращающийся с фронта империалистической войны во время Октябрьской революции. Он достаточно темен. Но сквозь тьму сознания светит собственный инстинкт трудового угнетенного человека, который физиологически ощущает, где правда, где друг и где враг. На протяжении всего рассказа и говорит он таким же нечленораздельным «физиологическим» языком. Все события изображены изнутри темного сознания солдата, как в кривом зеркале, но чувствуется в каждом слове и жесте стихийная прикрепленность трудовой психологии к новой побеждающей правде.

В рассказе «Херувимская» дано деревенское духовенство самого глухого пошехонского угла. К попу приезжает сын, набравшийся в городе вольного безбожного духу. Желая посмеяться над отцом и прочими иереями, играет им на фисгармонии «Херувимскую» якобы своего сочинения. Все приходят в восторг. Укоряют «автора» в безбожии и сожалеют, что погибает такой замечательный талант. А между тем мотив целиком взят из оперы «Фра-Дьявола»— вальс, в чем и сознается потом сын. Юмористическая ситуация передана с типичностью, сжатостью и колоритностью мопассановской манеры.

Все рассказы А. Насимовича кратки и отличаются завершонностью. Уменье быстро развить тему, не нарушая ее полноты, позволяет читателю с одинаковым интересом перечитывать некоторые рассказы по нескольку раз. Легко запоминаются некоторые выражения благодаря их обобщающей связанности с данным эпизодом. Например — «херувимская, как огурчик». Рассказы изобличают в авторе бытовика, любящего бытовое, красочное, меткое слово. Он подметил пристрастие в народе к каламбуру и сам иногда увлекается каламбурной игрой, расцвечивающей фабульное течение рассказа и придающей сочность диалогу. Например, солдат говорит: «советы, канитеты, одна канитель!»

В. Вешнев.

ПАВЕЛ ДОРОХОВ. Житье-бытье. Повесть. Книгоиздательство «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 85.

«Житье-бытье» — добросовестное и бесхитростное описание соболезнующего деревенским бедам, вернее, бедам ее прошлого—автора. Это—«деревенский днев-

ник», обнимающий события вплоть до революции. Дневник дает факты, не претендуя на обобщения и анализ этих фактов. Обобщение само, конечно, напрашивается, но оно настолько примитивно, что ничего не прибавляет к знанию мелочей быта, накопленному у каждого мало-мальски близкого к старой деревне наблюдателя. Кузьма Немальцев, мужик из Каменки — в вечной кабале у окружного кулака Митрия Егорыча. Кулак заедает его жизнь, как и жизнь его дочери, Дуни. Месть кулаку — поджог и смерть прижитого с ним ребенка, дочери — приводит их обоих в острог, из которого освобождает их только революция.

Освещена ли сама традиция «кулачества», инстинкт накопления, жадности, плотской отупелости? Нет. По Дорохову выходит, что плохо быть кулаком, но не лучше и бедняком. И, пожалуй, кулачество у автора выходит покрепче, пожизненнее, попригляднее, чем сентиментальное и анемичное описание крестьянской бедноты. Примитивный сентиментализм, вплоть до «маленьких кулачков» поступившей в партизанки Дуни, оставляет досадное чувство вынужденного пафоса, не заражающего и надуманного. Автор «Житья-бытья» знает старую деревенскую жизнь и в меру своей наблюдательности ее описывает. Какова новая жизнь деревни в действительности и какою она должна стать — П. Дорохов еще не отдал себе отчета. Можно, конечно, говорить о «молодых ростках», о ненависти Дуни к своему прошлому, но все это уже будет не реализмом, а схемой.

Н. Асеев.

ИСКУССТВА.

1. Ф. БАЛЛОД. Очерки истории древне-египетского искусства. *Н. Щербанов.*—**2. О. ВАЛЬДГАУЕР. Государственный Эрмитаж. Античная скульптура.** *Н. Щербанов.* — **3. HEINRICH GLÜCK. Die christliche Kunst des Ostens.** *Проф. А. Некрасов.* — **4. Э. ГОЛЛЕРБАХ. История гравюры и литографии в России.** *В. Адарюков.* — **5. Э. ГОЛЛЕРБАХ. Портретная живопись в России. XVIII в.** *А. Стрелков.* — **6. П. МАРКОВ. Новейшие театральные течения (1898—1923).** *В. Волькенштейн.* — **7. Б. АРВАТОВ. Искусство и классы.** *А. Федоров-Давыдов.*—**8. Л. САБАНЕЕВ. История русской музыки.** *С. Бугославский.*—**9. Я. ТУГЕНДХОЛЬД. Первый музей новой западной живописи.** *И. Корницкий.* — **10. Проф. А. НЕКРАСОВ. Древний Псков и его художественная жизнь.** *Г. Жидков.* — **11. Die Quelle. Mappe XIII. Das alte Buch und seine Ausstattung vom XV bis zum XIX Jahrhundert.** *М. Фабрикант.*

Ф. В. БАЛЛОД. Очерки истории древне-египетского искусства. Книгоиздательство В. З. Яксанова. Саратов — Москва. 1924 г. 8°. Стр. 187. С 82 рис. в тексте. Цена 2 рубля золотом. Тираж 1200 экз.

Разбираемые «Очерки», изданные в качестве пособия для студентов Саратовского университета, слушавших в 1921—1922 учебном году курс автора по истории египетского искусства, в действительности найдут, конечно, более широкий круг читателей. Изложение истории древне-египетского искусства доведено в «Очерках» до Саисской эпохи (XXVI династия, 663 — 525 гг. до Р. Хр.), о коей автор имел случай уже раньше говорить в своей брошюре «Египетский Ренессанс»: перед нами почти вся история художественного творчества страны Нила, охватывающая девять из двенадцати намеченных автором периодов истории искусства Древнего Египта. С большим археологическим знанием вскрывает автор генезис египетского искусства, рисует формирование и видоизменения стиля в связи с ходом всей жизни Египта. Книга каждым археологом и историком искусства прочтена будет с надлежащим вниманием, тем более, что автором внесены в нее все последние, доступные ему сведения об успехах египтоведения.

Несмотря на все свои безусловные достоинства, «Очерки» все же не могут не вызвать несколько мелких возражений. Читается книга местами не особенно легко. Прежде всего некоторая детализация, особенно в отделах зодчества, своею сгущенностью как бы утомляет и отводит от основного, что, в соединении с некиим преобладанием чистой археологии над художественным моментом, отчасти затеняет жизненность мощной картины искусства Египта. Во-вторых, не всегда равномерно плавен язык «Очерков»: красивый, образный, многогранный во «Введении» и «Заключении», он иногда в остальном уступает свое место порою однообразным оборотам с частым применением глаголов почти исключительно в действительном залоге. Кое-где построение предложений, композиция оборотов грешат против правильностей русской речи, напоминая конструкции, свойственные скорее языку немецкому.

Издана книга достаточно прилично, рисунки в большинстве приемлемо четки; опечаток мало: на стр. 14 в одном месте днем праздника восхода Сириуса указан 15-й день третьего месяца времени посева, а ниже этим днем помечен 16-й день того же месяца; на стр. 50 вместо «щиколки» правильнее будет «щиколотки»; на стр. 87 вместо «начиная» надо читать «начинания»; на стр. 133 вместо «Хатшепсут» стоит «Хатшептус»; на стр. 142, 173 и 178 напечатано «Шошенк I» вместо «Шешонк I»; на стр. 158 рис. № 60 уже был воспроизведен на стр. 150 (№ 48); на стр. 159 подпись под рис. № 60-а («Оксфордская живопись») может ввести в заблуждение; на стр. 178 вместо «Эхнатона» стоит «Эхпатона».

Все указанные мелкие недочеты, если отчасти и нарушают полноту отрадного впечатления от «Очерков», ни в малой степени, будучи легко устранимыми и не существенными, не касаются основных заслуг «Очерков», их строгой научности, тщательности в выборе материала, стройности и последовательности изложения. Автору пришлось иметь дело с огромным, далеко еще не систематизованным материалом, и остается удивляться, что автор так успешно справился с своею трудною задачею, с этою массою сложных и спорных проблем. Имеющаяся в конце библиография, расположенная применительно к отдельным главам, уже сама по себе показательница той вдумчивости, с какой автор отнесся к своей работе. Невысокий тираж дает все основания надеяться на новое издание, в коем пожелаем видеть столь ценное для всех, любящих египетское искусство, исполнение желания автора,—представить обзор всей истории египетского художества.

Н. Щербаков.

О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Государственный Эрмитаж. Античная скульптура. Стр. 172+3 табл., с 6-ю рис. + 397 рис. в тексте. Петроград. Изд-во Брокгауз-Ефрон. 1924 г. Тираж 1000 экз.

Являясь одновременно более чем удачным соединением путеводителя и каталога, вновь вышедший труд О. Ф. Вальдгауера состоит из двух частей: «Введения» (стр. 9—43) и каталога. Первая глава «Введения» знакомит вкратце с историей составления эрмитажного собрания антиков, дает сведения о причинах малочисленности дошедших подлинников античной пластики и о необходимости в большинстве случаев основывать свое представление о ней на копиях и воспроизведениях римской эпохи. В четырех следующих главах автор, опираясь на эрмитажные антики, «вводит» в историю греко-римской скульптуры, начиная с V в. до Р. Хр. и кончая римским периодом, устанавливая «те точки зрения, которые кажутся (автору) наиболее существенными для понимания особенностей античной скульптуры» (стр. 5). Отдавая—что̀ приятно отметить—должное эрмитажному собранию и говоря (стр. 9), что хотя оно и принадлежит «к числу самых молодых европейских коллекций, но по качеству своему... безусловно примыкает к самым выдающимся», автор, продолжая дело Фуртвенглера,—рисует картину постепенного стилеизменения греческой пластики, в предположении, что почти все сохранившиеся антики так или иначе восходят к оригиналам

именитых мастеров, упоминаемых у Плиния и Павсания. Бодрящая и плодотворная в одних отношениях, спорная в других, теория Фуртвенглера, в конце-концов, важна тем, что многие антики перестали быть незнакомцами, а история античной скульптуры оживилась шедеврами великих ваятелей.

Сочиненное с большим знанием вопроса и полное увлечения античною культурою, «Введение» служит убедительным примером того, как вдумчивое отношение к прежнему запасу антиков и их пересмотр могут привести и приводят к интересным выводам, сопоставлениям и важным завоеваниям. Не со всеми взглядами автора, однако, можно согласиться: так, спорным кажутся нам положение автора (стр. 13) о силе ионизма во 2-й половине V ст. до Р. Хр. и некое, в связи с этим, умаление художественного творчества Аттики и Афин,—мы, напротив, склонны к мнению, что 2-я половина V ст. до Р. Хр. на время прервала ионийское влияние, которое снова сказалось в конце V ст. и особенно начиная с IV ст. до Р. Хр. Вряд ли далее можно принять вывод автора (стр. 23), что рельеф с Ниобидами (№ 352) тесно примыкает к рельефу на троне Фидиева Зевса в Олимпии: весь замысел более говорит за 2-ю половину IV ст.; характеристика художественного вкуса Праксителя (стр. 30) несколько недостаточна.

Во 2-й части, собственно каталоге, все памятники пластики и эпиграфики (всего 508 номеров) снабжены строго научным пояснительным кратким текстом с указанием эпохи копии и подлинника, местопроисхождения и пр.; включены и новые поступления (из дворцов, резиденций, частных собраний и т. д.). Так как каталоги, по самому существу своему,—издания повторные, то мы отметим, что имеются довольно многочисленные опечатки: на стр. 43 вместо «Минерву» стоит «Венеру»; на стр. 78 (№ 142) в датировке «прислан императору Николаю I папою Пием IX в 1857 г.» год надо исправить, вероятно, на «в 1851 г.» (см., напр., № 135); на стр. 122 (№ 287) в датировке статуи Гермеса (типа сидящего бронзового в Неапольском музее), очевидно, ошибка (стоит «1-й половины V в. до Р. Хр.» вместо «2-й половины IV в. до Р. Хр.»); есть опечатки в иностранных именах на стр. 135, 141; еще ошибки на стр. 151, 153, 155; на стр. 164 (№№ 441—444) пропущены годы жизни адмирала Г. А. Спиридова (1713—1790 гг.)

В «Библиографическом указателе» недостает ссылки (стр. 170) на статью проф. С. А. Жебелева «Теория Фуртвенглера о копиях греческих статуй» (Зап. Имп. Рус. Арх. О-ва. Труды отд. арх. др.-класс., виз. и зап.-евр., т. IX, книга 2-я) и работу (стр. 171) H. Wachtler'a «Die Blütezeit der griechischen Kunst im Spiegel der Reliefsarkophage. Leipzig. 1910.

И в данном opus'e автора начертание греческих и римских имен спорно.

Издана книга хорошо, в благородно-простой обложке; шрифт стилен, и умело распределены многочисленные рисунки. К сожалению, некоторые из них отпечатаны туманно (напр., №№ 23, 25,— его надо повернуть,—41, 43, 49, 54, 55, 67, 79, 81, 102, 111, 179, 181, 190, 213, 283, 381), что всецело объясняется использованием прежних клише; зато таблицы вышли прелестно. Отсутствие именного указателя затрудняет наведение справок.

Отмеченные корректурные недочеты легко удалимы в следующих изданиях; возражения по существу — свидетельство глубокого интереса, пробужденного рассматриваемой книгой, в которой перед нами—блестящий документ самостоятельного научного созидания. Сочетание археологических изысканий и тонкого, продуманного искусствопонимания с ясным изложением делает труд автора дорогим не только специалистам.

Н. Щербаков.

HEINRICH GLÜCK. Die christliche Kunst des Ostens. Mit 132 Tafeln und 13 Textabbildungen. Bruno Cassirer Verlag. Berlin. 1923. (Die Kunst des Ostens. Herausgegeben von William Cohn. Band VIII.)

ГЕНРИХ ГЛЮК. Христианское искусство Востока. С 132 таблицами и 13 рис. в тексте. Изд. Бруно Кассирер. Берлин. 1923 г. (Искусство Востока. Под ред. Вильяма Кона, т. VIII.) Стр. XII+67.

Интерес к Востоку в наше время, особенно же у нас, в России, обладает значительной актуальностью. Географическое положение России и являющиеся отсюда исторические задачи вели к изучению Востока как прежде, так и «сегодня». Уже по одному тому рассматриваемая книга не может быть безразлична для русского читателя.

Сюда присоединяется более специальный интерес истории культуры и искусствознания. Восток—кузница религий и место зарождения многих выражений художественной формы.

Последняя отложилась в сознании ученых различным образом, породив различные школы искусствознания. Рядом с формальным методом мюнхенской школы стоит ей совершенно противоположная школа, созданная Иосифом Стржиговским, человеком почти гениальной одаренности и трудоспособности, увлекающимся энтузиастом, необычайным эрудитом, новатором, открывающим необъятные горизонты и... впадающим во многие ошибки и заблуждения.

Автор рассматриваемой книги принадлежит школе Стржиговского, обладает значительным литературным талантом, крупным образованием и остроумием в выборе отвлеченной терминологии, имеющей «философическое» подобие. Как и Стржиговский, Генрих Глюк видит в памятниках искусства раскрывающуюся ему историко-философскую природу наций и более обширных культур в их смене и борьбе. Форма для Глюка — не самодовлеющая цепь конкретно данных вещей в их жизни и эволюции, а лишь символический знак некоторых духовных сущностей, лежащих в иной сфере и области, хотя бы и порождающих этот самый символ.

Вот хороший пример круговорота! Любят говорить, что в развитии искусств повторяемы выявления художественной воли. В нашей книге повторяемость открывается в смене методов искусствознания. Когда-то измеряли значимость древне-христианского и византийского искусства лишь отражениями в форме историко-богословской или в сущности историко-культурной мысли, забывая о самом искусстве и его жизни. Казалось бы, в наше время начали смело и остро подходить к анализу художественной формы, как таковой, где бы и в чем бы она ни заключалась. И вот Стржиговский снова повернул на прежний путь. Пусть Рим и античная культура ставились прежде в основу понимания происхождения христианского искусства, а теперь Стржиговский (после ряда работ наших русских ученых,—Кондакова, Редина, Айналова, Смирнова и др.) ставит Иран; по существу метод не изменился. Действительно, не столько «испытующая» мысль считается с формой художественных памятников и стремится исходить из них, сколько «философствующая» мысль под уже готовый синтез подводит памятники по признакам аналогии (деяние, с научной точки зрения, предосудительное).

Тонкость, остроумие, новизна и известная осторожность (иногда недоговоренности) отчасти спасают Стржиговского; эти свойства не всегда налицо — для спасения Глюка.

В самом деле, о чем последний пишет? Об искусстве? Конечно, нет, — хотя и о памятниках искусства, взятых для того, чтобы иллюстрировать уже готовую мысль. Читаем мы введение; там мы находим сведения о распространении христианства не только на Запад, но и на Восток, приводится китайская надгробная стела христианского происхождения, особенно выдвигается Иран и манихейство, подчеркивается роль Армении, говорится о духе христианского искусства, а в сущности дается догма некоторого ирано-христианского духа. И вот prolegomena для объяснения происхождения и характера христианского искусства готовы. Конечно, доказательств в коротком введении не требуется; быть-может, их нельзя ввести

в должной мере и во всю книгу в целом, в виду специально обобщающего ее значения и небольшого размера. Но все же памятники должны говорить перед нами сами по себе.

Глава о происхождении христианства начинается первой фразой из евангелия от Иоанна, и в ней полагается сущность, дух восточной религии. Не будем здесь поднимать вопроса об отношениях к греческому учению о Λόγος'е; ясно лишь, что беспристрастного изучения памятников здесь не жди, тем более, что глава имеет еще подзаголовок «Слово и писание». На сцеплении этих тем и основана главная мысль о том, что христианство явилось у народа (евреев), лишенного образного искусства. Следовательно, образ должен был прийти от других народов—Востока и Запада.

Иран знал символ и украшение, Запад—образ; здесь началась борьба с Западом. Образ и форма противостали друг другу, как конкретное и отвлеченное. Таково содержание двух следующих глав, обильно иллюстрированное примерами того, как в памятниках искусства схематичность Востока сковала свободную жизнь Запада. Свободная и несколько поверхностная интерпретация автором сочинения Стржиговского «Altai-Iran und Völkerwanderung» является несомненной. Вместе с тем, это—лучшая часть книги Глюка.

Когда автор подходит, наконец, к более уловимым эпохам и памятникам, к необходимости характеризовать их «искусствоведчески», он показывает остроумие сочетаний слов, но—увы!—в понятиях столь широких, что никак нельзя настаивать, чтобы эти понятия были соединимы лишь с указанными формами и ни с какими иными. Всякий любитель литературного стиля и будящей тревожащей мысли с удовольствием прочтет характеристику Софии Константинопольской, смысла ее вертикалей, сводов, карнизов и полихромии, и, пожалуй, применит, вместе с Глюком, термины чувственного и сверхчувственного, конечного и бесконечного, как игру ума, ни к чему в дальнейшем не обязывающую.

В равной мере, проблема личности и веры вовсе не характерна только для ранней Византии и с успехом может быть проведена по всей книге Глюка и даже гораздо далее.

Гораздо более на фактической почве истории и археологии остается Глюк в главе, посвященной иконоборчеству, Исламу и Армении, где указывается возрождение Востока и новое его воздействие на Византию. Общей характеристике византийского искусства зрелого периода на основе своеобразной византийской культуры посвящена глава под названием «Сила христианства», при заголовке «Закон и церковь». Указывая на особое значение в византийской живописи сложившейся иконографии и на победу «иконы» над картиной, автор совершенно справедливо подмечает утерю эллинизма. Отсюда начинаются злоключения Глюка. Сопровождая свой текст иллюстрациями, автор оказывается не в противоречии с ними, когда он вращается в сфере древне-христианского и ранне-византийского искусства. Но Стржиговский мало писал о позднейших временах. И Глюк уже не видит особых проблем, связанных с знаменитыми мозаиками Кахриэ-Джами. Для него это—лишь проявление силы личности. Утверждение, крайне неопределенное, ибо целиком «из головы» выдумать этого стиля нельзя: или эллинизм не был утерян или произошло что-то иное. При столь безразличном отношении к языку форм как-то перестаешь доверять автору в указаниях им памятников: напр., действительно ли трапезундская фреска (табл. 68, вверху), во многих отношениях замечательная, принадлежит XI—XII вв.? Не относится ли она к более позднему времени?

Лишь в главе, посвященной автором Венеции и Сицилии, с подзаголовком «Экклектизм», мы с удивлением встречаем чисто искусствоведную работу. Указывая в мозаиках севера и юга Италии роль линии и орнаментальности, особую четкость, идущую как от Востока, так и от готики, Глюк влияние Северной Европы искусно подмечает в росписях не только крещальни Марка Венецианского XIV в., но и притворов, XII—XIII вв., в удлиненности форм, моделлировке, композиции. Тем более странно отсутствие внимания к Кахриэ-Джами.

До последней главы автор имел дело с памятниками известными, изученными, так или иначе освещенными. Последняя глава — «Восточная Европа (Монастырь и народ)»—для автора—манипуляция со многими неизвестными. Говорится здесь и о России, о древне-русском искусстве и даже о русской душе, которая оказывается двойственной. Русское же искусство — мечтание, а не богословие (что за подход к искусству?). Затем мы видим опять выдержку из Стржиговского, так как любовь русских к краске объясняется отзвуком эпохи переселения народов, а русская архитектура — сочетание армяно-византийской с элементами магометанства (здесь у автора даже отзвук воззрений, устаревших уже четверть века тому назад). Для убедительности Глюк дает в тексте снимок собора и звонницы Ипатьевского монастыря с подписью внизу: «Кострома близ Москвы». Что автор мало знает русское (да и поздне-византийское) искусство, ясно из того, что на табл. 116 помещена икона Троицы Ветхозаветной из Сергиевой Лавры, XV—XVI вв., а подпись называет эту икону знаменитой Рублевской; на табл. 117—итало-греческая икона Богоматери-Умиления XV в. приписана русской школе XVI—XVII вв., к московской школе XVI — XVII вв. отнесена греческая икона этого же времени (Иоанн Креститель) с греческими надписями!.. к московской школе XVII в.— новгородская икона начала XVI в. на тему легенды о хромом и слепом.

В конце своей работы Глюк справедливо отмечает развитие декоративного искусства и художественной промышленности как у русских, так и у других народностей, соседящих с Европой и Азией, но на табл. 125 оклад сьенского евангелия с эмалями выдает за Хахулийский образ из Гелатского монастыря в Грузии.

Представляя отличное издание, увлекательное изложение и исторические проблемы последнего дня, книга Глюка роковым образом указывает на неминуемое вырождение и падение школы Стржиговского, если она специализируется на отвлеченных рассуждениях о конкретных вещах вне внимательного изучения последних. Игра хотя бы и гениального ума никогда не станет наукой.

Проф. Д. Некрасов.

Э. ГОЛЛЕРБАХ. История гравюры и литографии в России. ГИЗ. 1923. М. 4°. Стр. 217. 2000 экз.

Писать прошлую историю гравюры в России, это значит повторять то, что уже было написано нашим знаменитым исследователем в этой области Д. А. Ровинским. Его классически-монументальные труды раз и навсегда легли таким прочным основанием в историю нашей гравюры, что сказать что-нибудь новое в этой области почти невозможно. Но выбрать из всех этих трудов, обнимающих в общей сложности более 6500 стр. текста, все наиболее интересное, сделать из этого, так сказать, конспект, добавив к нему все новое, задача не маловажная и далеко не легкая и, пожалуй, необходимая, прежде всего уже по одному тому, что все труды Д. А. Ровинского давно уже сделались библиографическими редкостями, совершенно недоступными широким массам, которым эти замечательные исследования остаются совершенно неизвестными и которым теперь преподносят такие «истории гравюры», как вышедший в прошлом году труд А. К. Шульца «Художественные печатные формы» (см. нашу заметку в номере 1 «Гравюра и Книга» 1924 г.).

За границей перепечатывают труды Д. А. Ровинского: так, в прошлом году, в Вене вышло: D. Rovinski. «L'oeuvre gravée de Rembrandt» 1000 phototyp. sans retouches, avec un cathalogue raisonné. Nouvelle édition. Vienne. 1923. 1 vol. de text in-4° et 3 vol. d'illustr. in-fol. 300 ex., но мы не скоро, надо полагать, дождемся переиздания трудов нашего знаменитого ученого.

Автор настоящего труда располагает весь обширный материал не в порядке того или иного способа гравирования, как это практиковалось у других авторов, а в порядке хронологическом, что на наш взгляд более рационально. После интересного введения, в котором он сум-

мирует взгляды на значение гравюры и дает краткие сведения о технике, он переходит к изложению истории нашей гравюры в XVI и XVII вв., держась старинного взгляда, что первой нашей гравюрой было изображение евангелиста Луки в «Апостоле» 1564 г., хотя позднейшими исследованиями, сначала Викторова, а теперь проф. А. И. Некрасова, установлено, что первой гравюрой было изображение евангелиста Матвея в заставке анонимного евангелия, один экземпляр которого был вложен в 1561 г. в Николо-Переяславский монастырь. Далее автор довольно подробно останавливается на «народных картинках», но, к сожалению, не указывает и не подчеркивает тех истинно-оригинальных, вполне самобытных картинок, которые были созданы непосредственным творчеством самого русского народа и ниоткуда не заимствованных, с политическим содержанием, относящимся к тем особенно важным событиям и личностям, крупное неизбежное влияние которых сильно отразилось на жизни русского народа. Именно эти картинки, как то указал еще В. В. Стасов, были несравненно более распространены в народе и пользовались у него большею знаменитостью, чем картинки религиозные.

Переходя к истории гравюры в XVII в., автор почему-то одну и ту же гравюру—портрет Екатерины II с оригинала Боровиковского, Н. И. Уткина описывает два раза (стр. 70 и 73), при чем на последней описание взято слово в слово из «Словаря граверов» Ровинского (т. II, стр. 1045) и, очевидно, по недосмотру, выпали слова: «какие были последствия из этого посвящения, из формуляра Уткина не видно; в Академии Художеств она прошла незамеченной», благодаря чему получилась мало понятная фраза.

О граверах братьях Ческих автор говорит, что они «стяжали себе известность в области ландшафтного гравирования». Это не совсем так: И. В. Ческий известен не только как ландшафтный гравер, но, главным образом, как отличный виньетист, при чем число исполненных им виньеток в три раза больше, чем пейзажей. Также неточно указание, что он «гравировал почти исключительно резцом»,—как он, так и Галактионов и Ухтомский пользовались офортом, в особенности для ландшафтов, в которых глубина и сочность достигались именно крепкой водкой.

Относительно Бекетовских портретов автор указывает, что они «не отличались особенной тонкостью и сходством»; конечно, портреты эти не имеют художественного значения, но ценность их именно в их «достоверности». Цитируя по данному вопросу исключительно труд С. П. Виноградова, автор указывает, что руководителями школы Бекетовских граверов были граверы Осипов и Розанов, что̀ неверно,—главным руководителем был академик гравирования Николай Иванович Соколов, ученик Скородумова и учитель Осипова.

Далее автор говорит: «родоначальник русского жанра А. Г. Венецианов гравировал ряд карикатур на события 1812 г.» (85 стр.) и не указывает, что Венецианову принадлежит у нас первая попытка издавать карикатурный журнал, предпринятая им еще в 1808 г. Журнал этот был запрещен за картинку «Вельможа». (См. ст. В. А. Верещагина «Русский библиофил». 1911, № 1, стр. 7—12.)

Автор указывает, что Т. Г. Шевченко было исполнено 27 офортов, на самом деле их было 30, в том числе портрет Айра Ольриджа (не указанный Ровинским); на существование этого портрета имеются указания в воспоминаниях М. Микешина и Адриана Прахова.

В статье, посвященной истории литографии в России, автор говорит, что в первом нашем литографическом заведении, основанном в 1815 г. при Мин. Иностр. Дел, занимались исключительно литографированием бумаг, но по новейшим разысканиям удалось установить, что в этой литографии печатались и картинки. Очень мало автор говорит о литографе-портретисте К. А. Горбунове (ст. С. П. Виноградова: «Люди 40-х гг.», «Старые Годы») и совсем не упоминает о Разумихине, а главное, о К. Я. Тромонине, что уже составляет весьма существенный пропуск. В общем вся «история литографии» обнимает собою всего семь стр. (90 — 97), и сообщенные автором сведения черезчур кратки и отрывчаты.

Говоря о граверном искусстве в XIX веке, автор чрезвычайно скупо оценил И. И. Шишкина, как офортиста. По мнению А. И. Сомова («Вестник Изящных Искусств»), «Шишкин, как гравер — единственный и небывалый в России. Мало того, среди аквафортистов столь богатой мастерами этого рода Западной Европы найдется лишь мало соперников ему по искусству передавать в гравюре растения, особенно густые леса, сосны, ели»...

Последняя глава «Современная гравюра и литография» наиболее удачна, благодаря метким и талантливым характеристикам работ граверов и литографов, хотя о многих, в особенности о московских художниках: Доброве, Куприянове, Павлинове, Пискареве, Усачеве, Юоне, Якимченко, ничего почти не сказано. Совершенно неизвестно, откуда автор почерпнул сведение, что А. Н. Остроумова-Лебедева «очень удачно репродуцировала ряд произведений Серова» (стр. 109).

В «Примечаниях и дополнениях» автор, между прочим, дает весьма краткие списки работ 26 наиболее выдающихся, по его мнению, граверов, цитируя эти списки по «Словарю граверов» Д. А. Ровинского. Благодаря этой краткости, встречаются такие ничего не говорящие записи, как «виньетка», но самое главное, что списки далеко не полны (в отношении многих, конечно, но не всех) и не совсем точны.

В приложенной к труду «Библиографии», составленной весьма кратко (без указания формата книг, числа стр. и рецензий), очень много пропусков. Узкие рамки настоящей заметки не позволяют нам все их перечислить, но нет: «И. Э. Вессели. О распознавании и собирании гравюр. М. 1882», «Рудометов. Опыт систематического курса по графическим искусствам. СПБ. 1897», «А. Donjeon. Офорт. М. 1893», «Графиньи. Гравирование. М. 1906», «Публичное собрание в Академии Наук в память Д. А. Ровинского. СПБ. 1896», «Каталог выставки гравюр Е. С. Кругликовой. СПБ. 1913», «И. П. Сахаров. Летопись русского гравирования» («Северная Пчела», 1841, № 104), «Литография как искусство» («Печатное Искусство»), нет целого ряда статей, помещенных в «Художественной Газете» и «Вестнике Изящных Искусств» (Гассельблат, «Гравюра на дереве») и т. д.

Труд снабжен 90 репродукциями; в приложенном их перечне, к сожалению, не указано, откуда взяты заставки и виньетки на стр. 3, 20, 47, 65, 68, 90, 97 и 129.

Книга издана изящно, но обложка претенциозна и заглавие на ней, благодаря невероятному шрифту, не могло поместиться полностью, а лишь частью: «История гравюры», и только на заглавном листе мы уже читаем его полностью: «История гравюры и литографии в России»; более подходящей для такого серьезного труда была бы скромная наборная обложка. Перечисленные нами недочеты в общем не должны умалять значения настоящего труда, в котором автор обнаружил и талант и эрудицию, дав хотя и весьма краткую, но все-таки яркую картину истории гравюры и литографии в России.

В. Адарюков.

Э. ГОЛЛЕРБАХ. Портретная живопись в России. XVIII век. 139 стр. текста и 8 двойных репродукций. Государственное Издательство. 1923 г.

Во введении автор говорит, что он «стремился, главным образом, к воссозданию общей картины портретного искусства в России — в плане историко-бытовом» (стр. 3). Подобное намерение, однако, осталось невыполненным: книга Голлербаха распадается на две части, из которых одна является историей русской живописи и гравировального искусства (I. Портреты первой половины XVIII века. II. Эпоха Елизаветы Петровны. III. Эпоха Екатерины II и приложение 1. Гравированные портреты XVIII века) в XVIII веке, а другая (приложение 2. Костюмы XVIII в.) представляет довольно посредственную попытку дать историю костюма в разбираемый период. Почему именно история костюма входящая в виде элемента в историко-бытовое описание эпохи, выделена в отдельную статью, а главная часть (главы I, II и III) говорит исключительно

о живописи, как таковой, не касаясь по большей части даже иконографии портретируемых (иконографические сведения перенесены в примечания, стр. 98 — 120), остается для нас совершенно непонятным.

Можно не соглашаться, но допустить, чтобы портретная живопись была выделена как самостоятельное целое, другими словами, чтобы было показано развитие портрета в русской послепетровской живописи, но отнюдь нельзя принять положения автора о том, что «применительно к XVIII веку и началу XIX приходится говорить исключительно о русском портрете, поэтому название «Портретная живопись в России» наиболее точно отвечает содержанию книги» (стр. 3). Подобное рискованное утверждение и приводит Голлербаха к неудобству говорить о произведениях не только портретного искусства (напр., при характеристике творчества Лосенко), поскольку он не сумел обособить разрабатываемый им материал, а дал компилятивный очерк, кстати весьма неполный и неточный, истории русской живописи восемнадцатого века.

Мы не будем касаться части книги, озаглавленной «Костюмы XVIII века», однако, принуждены отметить, что автором совершенно не характеризована та тесная зависимость, которая существует между эволюцией общественных настроений, с одной стороны, и вкусом и костюмом—с другой. Это особенно ощутительно при характеристике зарождающегося романтизма, когда идеалы времени просвещенного абсолютизма сменяются вольнолюбивыми призывами дней Великой Революции и Sturmund. Drang-Periode. Очерк истории портретной живописи грешит столь большим числом промахов и ошибок, что приходится при разборе останавливаться лишь на главных и существенных. Хотя автор и объясняет краткость отдельных характеристик, даже столь значительных художников как Левицкий и Боровиковский, своим стремление дать очерк в историко-бытовом разрезе, однако, для нас остается совершенно необъяснимо, почему такие шедевры портретного искусства, как портрет Демидова Левицкого и портрет Куракина (во весь рост) Боровиковского, представляющие весьма большой историко-бытовой интерес, остаются вовсе не упомянутыми. Совершенно непонятно, почему портретистам эпох Петра Великого, мастерам более чем заурядным, отводится место вдвое-втрое больше, чем творчеству Левицкого и Боровиковского,—крупнейших русских художников не только XVIII века, но и всего нового русского искусства. Говоря о Левицком, Голлербах отмечает: «Свое образование он (Левицкий) начал в киевской академии, где первым преподавателем живописи был у Левицкого Алексей Антропов». На самом деле мы располагаем следующими данными о занятиях Левицкого у этого мастера. Антропов был послан в 1752 году в Киев для исполнения иконописи в только что отстроенной церкви Андрея Первозванного. Одновременно с этим молодой Левицкий находился в качестве ученика в Киевской Духовной Академии, где отец его, по-видимому, состоял преподавателем. У нас имеются сведения, что Антропов руководил живописными занятиями Левицкого и преподал ему первые технические советы. Голлербах настолько искажает факты, что получается будто бы в Киеве была какая-то академия художеств, преподавателем в которой состоял Антропов, имея среди учеников молодого Левицкого. Приходится признать, что подобное искажение фактов граничит с полным незнанием разрабатываемого материала. Что касается поверхностного разбора творчества Боровиковского, то внимание останавливают следующие фразы автора: «Вторая половина 1790-х годов была наименее счастливой для творчества Боровиковского, потому именно, что внешний успех его возрос до настоящей славы. Обилие заказов, которыми забрасывало художника придворное общество, превратило его жизнь в непрерывный поспешный труд. Ему приходилось делать огромные усилия для того, чтобы не опускаться в многочисленных новых работах ниже среднего уровня» (стр. 60). Читая это, остается лишь поражаться. 90-е годы XVIII века,—время лучшей поры творчества Боровиковского, это — годы создания портретов Лопухиной, Нарышкиной, Орловой-Денисовой, Куракина.

Не менее крупный lapsus допущен с Шибановым, который почему-то вместо Михаила назван Алексеем Петровичем, при чем указаны годы его жизни 1764—1800, тогда как до сих пор нам неизвестен ни год его рождения, ни год его смерти. Не упомянуто о двух бытовых полотнах этого мастера «Крестьянский обед» и «Сговор», хранящихся в Третьяковской галлерее,—произведениях бесспорно важных для истории новой русской живописи.

В примечаниях Голлербах посвящает целый экскурс «психологической содержательности портрета» и проблеме сходства, где выдержки из Розанова, Достоевского, Евреинова переплетаются, и весьма вдобавок неискусно и незатейливо, с выписками из Христиансена, Вазари и Ломаццо. Философские и теоретические упражнения Голлербаха кажутся жалкими после того, как о портрете написано так много и в особенности такой обширный труд, как книга Watzeld'a «Kunst des Porträts». Из русских работ по этому вопросу автору, видимо, незнакома статья Б. Р. Виппера «Проблема сходства в портрете» («Московский Меркурий», сборн. I).

На всей работе Голлербаха лежит отпечаток спешки и поверхностного отношения к делу. Книга является не более как жалкой компиляцией вышедших лет десять тому назад статей, грешащих и отсутствием методологических приемов и неточностью материалов. По прочтении книги приходится сожалеть, что автор не воспользовался методами «академического изучения», по его выражению «способного высушить самые благоуханные цветы художеств».

О языке можно судить по только что приведенной фразе: он бледен, а местами безвкусно стилизован.

Внешне книга производит благоприятное впечатление. Репродукции исполнены сносно.

Д. Стрелков.

П. МАРКОВ. Новейшие театральные течения (1898—1923.) Опыт популярного изложения. Москва. 1924 г. Стр. 68.

Небольшая книжка Маркова — первая попытка дать обобщающую характеристику театральным течениям новейшего времени. Автор рассматривает «Психологический театр», то-есть Художественный; «Эстетический театр» — некоторые постановки Станиславского (1905 года), постановки Комиссаржевского, Мейерхольда (петербургского периода), Евреинова, Фореггера, Таирова; «Революционный театр» Мейерхольда, Фердинандова, Эйзенштейна и др. Последняя глава «На перекрестках» посвящена спектаклям, в которых сложно сочетались три вскрытые автором тенденции, в частности спектакли Вахтангова.

Книга Маркова живо и непринужденно вводит читателя в круг театральных проблем последних десятилетий. Автор с большой чуткостью проникается лозунгами, стремлениями и настроениями каждого изображаемого театра. Следует отметить интересный, всегда убедительно подобранный литературный материал, которым автор пользуется при своих характеристиках. Классификация театральных течений (театр психологический, эстетический, революционный) покоится на достаточно глубоко вскрытых исторических основаниях. Несколько неравномерно направлен интерес автора на социологическое исследование каждого течения. В то время, как «Революционный театр» упорно указывал автору на свои чисто общественные задания, «Психологический» и «Эстетический» театры скрыли от автора свои социальные тенденции, в художественных работах воплощаемые; и то и другое отразилось в работе Маркова.

Недостаточно критически подошел П. Марков к тем спектаклям Художественного театра, которые в свое время претендовали на русскую «трагедию» — к инсценировкам Достоевского, к постановкам Л. Андреева и т. п. Достоевский (не говоря уже об Андрееве) был провозглашен автором трагедий по недоразумению (с легкой руки Мережковского и Вяч. Иванова); в романах Достоевского трагедийна только их великолеп-

ная диалектика; действенная динамика его героев отличается неврастенической нецельностью, менее всего напоминающей мощную борьбу подлинного трагического героя. То, что мы видели на сцене Художественного театра, были отрывки неврастенических драм, иногда совершенно непонятные для не знающих романов Достоевского вдоль и поперек.

Характерно, что Митя Карамазов был очень ярко сыгран актером-неврастеником (Леонидовым). Точно так же пьесы Л. Андреева менее всего нуждаются в исполнителях-трагиках; здесь уместны только актеры на амплуа «неврастеников».

П. Маркова можно упрекнуть в чрезмерной отзывчивости. Он добросовестно и чутко передает нам ту атмосферу идей (если так можно выразиться), которая окружала каждый из изображаемых им театров, иногда забывая о необходимой переоценке этих идей.

Однако, принимая во внимание задание Маркова — популярное изложение,— навряд ли можно усмотреть в этой критической пассивности существенный недостаток: книгу Маркова можно смело рекомендовать для ознакомления с театральными течениями нашего времени.

В. Вольненштейн.

Б. АРВАТОВ. Искусство и классы. Гиз. 1923. Стр. 79, in 8°.

Работа Арватова представляет собой попытку подвести марксистский научно-исторический фундамент под современное левое искусство, главным образом, конструктивизм. Эта тенденция, правда автором скрываемая, но ясно читателем улавливаемая, очень сильно суживает его понимание сущности искусства и лишает его той объективности в рассмотрении эволюции европейского искусства, без которой социалогический метод марксизма теряет почти всю свою силу. В первых двух из четырех составляющих его книжку статей: «Капитализм и художественное строительство» и «Станковое искусство» Арватов дает как раз эту схему эволюции пространственных искусств от времен Средневековья до наших дней. Эволюция искусства состояла, по его мнению, в том, что тесно связанное с производством, само «производственное» искусство с развитием этого производства через мануфактуру к машинному отходило от него все дальше и дальше. В процессе этого отхода искусства от промышленности искусство становилось все более самодовлеющим, «станковым». Искусство стало далеким от общественной жизни, оторванным от общественного процесса производства. Эта оторванность болезненно ощущалась художниками XIX века, а также и целой массой эстетов, в роде Рёскина, Морриса и др.

Из сознания этой оторванности искусства от производства, с одной стороны, и полнейшей неэстетичности капиталистического производства—с другой, родились в XIX веке попытки создания так наз. «прикладного» искусства. Но все эти попытки заранее были обречены на гибель, так как пытались вернуть производство к ремесленному и так как вообще создание художественной промышленности невозможно в условиях капиталистического производства.

Эта схема, представляющая собою частное применение Кон-Винеровского закона эволюции стилей, в общих своих чертах является относительно правильной, хотя страдает многими неточностями в деталях и скоропалительными, мало обоснованными выводами. В частности, например, нельзя согласиться с мнением автора об окончательной смерти русского кустарного производства. Реальная действительность наших дней доказывает обратное. Но это — мелочи: обратимся к главному.

Весь этот исторический экскурс понадобился Арватову в сущности лишь для того, чтобы доказать нижеследующее: а) новое пролетарское искусство будет искусством исключительно производственным; в) зачинателями этого нового искусства являются конструктивисты. В стремлении во что бы то ни стало это доказать, он как раз и впадает в ту пристрастную оценку буржуазного искусства, за наличие каковой он так громит буржуазную эстетику в статье «Эстетика станкового изобразительства». А это, в конце-концов, приводит его к чисто «народнической» точке зрения на буржуаз-

ную культуру, как на сплошь упадочную, и к далеко не марксистскому пониманию сущности искусства.

О буржуазном искусстве он пишет так: «художественное производство руководилось теперь не социально-техническими задачами, а задачами социально-идеологическими» (стр. 12), и видит в этом факт глубочайшего падения искусства. Правда, он остается еще настолько марксистом, чтобы находить, что и в этой своей новой роли искусство играло общественную роль, но эта идеологическая роль искусства, которую мы, марксисты, считаем существеннейшим признаком искусства, у Арватова объясняется исключительно анархичностью и разорванностью общественных отношений капиталистического мира. Отсюда делается такой вывод, что в будущем организованном обществе эта роль искусства будет совершенно ненужна, ибо она была только суррогатом подлинной общественности. Вывод необыкновенный и способный вытечь только при условии понимания буржуазной эпохи, как сплошь упадочной.

Отсюда же и сплошь отрицательное отношение автора к буржуазной эстетике и буржуазному искусствознанию. В какой-то еще мере принимая последнее, он безжалостно громит первую и оценивает ее как сплошное идеалистическое словоблудие. Получается такое положение, что никто никогда об искусстве ничего дельного не говорил, никто искусства не понимал, пока не явился Арватов, чья теория, очевидно, таким образом свалилась ему в голову вся целиком прямо с неба.

Теперь о «производственном» искусстве. Что это за необычайное противопоставление «социально-технических» задач задачам «социально-идеологическим»? Оно чрезвычайно сильно отдает старым дуализмом, противопоставлением «души» и «тела» и тому подобными вещами. На стр. 12 Арватов разражается такой тирадой: «художник - производственник превратился из организатора вещей в организатора идей, сделал вещь голым средством, т.-е. *привнес в материальный процесс производства бесконечно-чуждые ему цели*». Итак, значит «организация идей» «бесконечно чужда» искусству. А Плеханов говорил, что в «основе каждого художественного произведения лежит идея». Кто прав?

Переходим к самому важному месту книжки, ради которого она и написана. К доказательству того, что новое искусство будет исключительно производственным и что изо всех современных художественных направлений пролетариату надлежит оставить один только конструктивизм (последняя, четвертая, статья «Пролетариат и современные художественные направления»). Арватов категорически отрицает станковизм. «Станковая картина, каков бы ни был ее сюжет, всегда будет продуктом буржуазного искусства, хотя бы ее делал пролетарий; и оттого, что она станковая и оттого, что она картина, ее удел — никогда не быть пролетарской» (стр. 34). Будущее пролетарское искусство будет исключительно производственным. Художники должны целиком уйти в производство и бросить писать картины. Но тут возникает вопрос: а зачем, собственно, в производстве художники? Раз в новом производстве не будет «организации идей», то очевидно, что в нем не будет и художественной промышленности. Ведь искусство и его продукты только этой своей стороной организации мироотношения, путем упорядочивания эмоций и отличаются ото всех остальных продуктов производства. Если это отрицать — а это Арватовым отрицается,— то тогда почему паровая, швейная машина, обыкновенный карандаш—не произведения искусства? А если это произведения искусства, то при чем тут художники? Делать эти вещи более красивыми?

Но ведь буржуазное абсолютное понятие «красоты» отвергается: красиво то, что целесообразно. А промышленность и производит целесообразные вещи, значит все дело просто в повышении качества производства. На это есть техники, инженеры, люди науки. Вывод: в будущем не будет искусства и не будет художников. Можно с этим соглашаться или не соглашаться. Обсуждение этого вопроса не входит в наши задачи. Констатируем только факты. Арватов, стремясь доказать, что конструктивизм— подлинное искусство современности, до-

казал, если согласиться с его определением искусства, что искусство вообще не нужно, что художники должны сделаться только лучшими из мастеровых. Защищая конструктивистов, Арватов блестяще доказал их ненадобность.

Федоров-Давыдов.

Л. САБАНЕЕВ. История Русской Музыки Изд-во «Работник просвещения». М. 1924. Стр. 87. 8°. Тираж 3000 экз.

Сжатый, насыщенный очерк Л. Л. Сабанеева не только первый опыт научного построения истории русской музыки, но и ценный вклад в марксистскую литературу об искусстве вообще. Едва ли ошибусь, сказав, что в книге Сабанеева впервые показано вполне научное применение марксистской методологии к истории русского искусства, без вульгаризации и почти без натяжек.

История русской музыки Сабанеева, это — история русской музыкальной культуры, то-есть история общей и музыкальной идеологии композиторов, обусловленной их классовыми группировками и вытекающих отсюда их эстетики и типов звукосозерцания, затем история музыкального просвещения, музыкальной продукции и лишь отчасти история стиля и анализ слагающих его элементов.

Несмотря на то, что в работе не вполне четко определен научный объект, все же история русской музыкальной культуры изложена, как связный процесс, не оторванный от всей экономической, производственной, бытовой, политической и интеллектуальной жизни страны. К тому же это не книжный подход к предмету, а результат глубокого вдумывания и тщательного изучения творчества русских композиторов. Пересмотр фактического материала русской музыкальной культуры, сделанный с точки зрения спроса и предложения в области музыкального творчества, а также технических условий русского производства, экономических, классовых отношений, показал многое в совершенно новом освещении. Например, деятельность Глинки, «кучки», Скрябина, А. Рубинштейна, которым посвящены лучшие страницы книги, на ряду с параграфами о песне крестьянской, цыганской, революционной и студенческой.

Кое на что хочется возразить.

Прежде всего — против метода оценки явлений в области русского музыкального творчества. Рассматривая русскую музыку в тесной связи с экономической, политической, обще-культурной жизнью страны, автор оценивает, однако, отдельные явления с точки зрения современного им западно-европейского искусства; в результате почти вся русская музыка до конца XIX века оценивается им, как диллетантская. Правда, такой метод антиисторических оценочных суждений показал некоторые новые черты, например, в творчестве Глинки, «кучки», в церковной музыке и др., но он не дает правильного суждения о роли того или другого композитора в истории *русской* музыки.

Установление аналогии между музыкальными формами и организмами (в биологическом смысле)—остаток устаревшего увлечения представителей гуманитарных наук (в частности лингвистики и литературы) дарвинизмом. Ведь музыка, как и язык слов и литература— *процессы* человека, лишь условно зафиксированные чужеродными им оптическими знаками.

Из деталей отмечу: несколько субъективную оценку творчества Глазунова и недооцененность Рахманинова, создавшего школу композиторов-подражателей; натянуто объяснена тяга «кучки» к народной песне.

Книга Сабанеева не только прекрасное пособие для самообразования, но и необходимое введение в научную разработку истории музыкальных произведений, как продукта творчества, как особой разновидности человеческого языка. Она является необходимой рабочей гипотезой и предпосылкой исследователя истории музыкального языка как устного («живого», — т.-е. песни), так и его более поздней стадии—культурной музыки (скажем, по аналогии—«литературного» музыкального языка). С точки зрения музыки, как языковой проблемы, та изоляция областей народной песни, церковной и культурной музыки, которую находим в труде Сабанеева, станет ненужной.

Сергей Бугославский.

ПЕРРЫЙ МУЗЕЙ НОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЖИВОПИСИ. Текст Я. ТУГЕНХОЛЬДА. Стр. 148, иллюстр. 9 цв.+53 однот. Книгоиздательство «Творчество». Москва — Пэгрэгр ад. 1923 г. 2000 экз.

Первое же ознакомление с текстом убеждает в том, что очерк этот является почти буквальным повторением статьи в № 1—2 «Аполлона» за 1914 год, — повторением, в котором очень хитроумно перетасованы отдельные фразы названной статьи, заменены некоторые выражения и внесены вызванные «духом времени» дополнения, кстати не всегда удачные. Я. Тугенхольд по заслугам считается лучшим русским знатоком нового французского искусства, и поэтому рассматриваемая нами работа гораздо грамотнее и интереснее, чем однотипная книжка П. Перцова, изданная Сабашниковыми в 1922 г. (см. мою рецензию в «Каз. Муз. Вести.» за 1922 г. № 1). Но все же то, что было хорошо и достаточно для журнальной статьи в 1914 году—не удовлетворяет в отдельном издании 1924 года. Для кого эта книга издана? Она ничего не дает специалисту, она не является вместе с тем общим очерком истории французской живописи, да и не в этом ее цель. Для широких масс она не доступна, хотя бы по своей цене. Путеводителем она служить не может, хотя бы потому, что в приложенном в конце алфавитном списке картин не дано нумерации, и уничтожены даже бывшие в статье (откуда он почти буквально перепечатан) указания на года создания отдельных картин, отсутствуют также ссылки на место в тексте, где о том или другом художнике, о той или другой картине говорится; нет списка иллюстраций. Наконец, что уже совершенно недопустимо — разобраны картины только французской школы, хотя в музее, правда в небольшом числе, но все же имеются образцы и других западных школ, развившихся совершенно своеобразно. Это может быть объяснено только фактом перепечатки названной статьи, посвященной «*французскому* собранию С. Щукина».

Думается, что книга гораздо лучше выполнила бы свое назначение, если бы была составлена по типу современного европейского каталога, которого до сих пор еще лишены наши музеи Новой Западной Живописи. После краткого введения, посвященного общей эволюции новой западной живописи, следовало дать в соответствующем развеске расположении, биографии художников, очень мало в России известные и подробные музейные описания картин с указанием их «истории» и места в эволюции художника.

Переходя непосредственно к тексту, отметим, что теперь, когда мы имеем уже некоторую историческую перспективу, хотелось бы более точного и тонкого определения «чистого» импрессионизма в отличие от выросших из него течений, вообще четко намеченной линии эволюции нового искусства. Особенно относится это к до сих пор туманному и многоликому термину «кубизм».

В характеристике отдельных художников следовало также четче наметить эволюцию каждого из них, при этом многое за истекшие 10 лет устарело и требует поправок и дополнений.

Остановлюсь лишь на самом существенном.

Чистого импрессиониста Писсаро, дающего объективный зрительный образ городского движения, а отнюдь не самую динамику его, — нельзя считать предтечей футуризма (стр. 28).

В характеристике Эдгара Дега слишком много места уделено его колориту и слишком мало сказано о его величайшей «построенности», о закономерности конструкции и четкости рисунка, роднящих его сквозь дымку импрессионизма с великими классическими заветами.

О Пикассо пора бы перестать говорить демонологическим языком Бердяева и Чулкова и необходимо было упомянуть о его теперешнем сдвиге к Энгру. Следовало также, хотя бы мельком, коснуться экспрессионизма, конструктивизма и др. современных течений, указав их корни в вещах, представленных в музее.

Очень слаба характеристика Ван-Гога, которому посвящено всего полторы странички (стр. 40). Ничего не дает сопоставление его с неоимпрессионистами. Сам автор указывает, что у тех «пуанты» — результат и отображение холодной рассудочности, у Ван-Гога же—естественное выражение темперамента, да, соб-

ственно говоря, у него и нет «пуантов», сухих и холодных, у него поток динамических мазков-штрихов. Не «впечатление» от натуры передает он, вопреки даже, может-быть, его собственным стремлениям, это — дело действительных импрессионистов, всегда объективных и несколько холодных; он же всегда запечатлевает свою собственную мятущуюся душу. Он — величайший субъективист в искусстве и вместе с тем мечтает о коммунистическом художественном творчестве. Он лучше кого бы то ни было воспринял динамику . современности и вместе с тем дал монументальнейшие образы трудовых процессов. Он как бы олицетворение диалектики переходного периода. Не только «завершитель» импрессионизма, а подлинный предтеча и родоначальник всяческого футуризма и экспрессионизма. Не увидеть этого теперь, когда уже и экспрессионизм почти отошел в прошлое, можно только не желая видеть. Автор, очевидно, не пожелал.

Я не буду останавливаться на прочих недочетах в характеристиках, в общем ценных и в настоящий момент, но, к сожалению, уделяющих слишком мало места ряду крупных мастеров, даже работавших во Франции (Марке, Вламинк и др.). Укажу только еще, что по поводу стыдливого жеста «Нагой женщины» Ренуара никак нельзя вспомнить Венеры Милосской и восторги перед ней в Луврe Глеба Успенского (стр. 32). Венера Милосская дошла к нам, как известно, совсем без рук, и все ученые, несмотря на некоторые разногласия в частностях, склоняются к тому, что левая рука ее отнюдь не была прижата к груди, а была отставлена и поднята: богиня, по всей вероятности, в ней держала яблоко. Таким образом, если уж вспоминать по поводу «Нагой женщины» античную Венеру, то следует обратиться в Рим или Флоренцию к Капитолийской или Медицейской Венерам, жест которых действительно родственен жесту Ренуаровской женщины.

Книжка издана вполне прилично. Многочисленные репродукции восполняют недочеты текста, хотя однотонные — несколько серы, и трехцветные — зелены.

И. Корницкий.

Проф. А. И. НЕКРАСОВ. Древний Псков и его художественная жизнь. Изд. Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых». М. 1923 г. Стр. 74. С рисунками в тексте. Разм. 8°.

Книжка проф. А. И. Некрасова представляет очень отрадное явление в литературе по древне-русскому искусству Написанная крупным специалистом, учитывающая всю, сравнительно небольшую, литературу предмета, она представляет прекрасное введение в изучение художественной культуры одного из значительнейших центров древней Руси, Пскова. Простой и ясный язык и интерес изложения сделают эту работу доступной и полезной всякому интересующемуся искусством. Специалист оценит оригинальность самого построения, учитывающего явления псковского искусства не как собрание отдельных разрозненных фактов, а как целостный процесс, сложение которого рассматривается на широком историко-художественном фоне, четкость и новизну отдельных характеристик.

Очерк распадается на две, непосредственно друг с другом связанные, части: первая посвящена искусству до середины XIV века, вторая—более позднему времени. Размер рецензии не позволяет подробно остановиться на рассмотрении отдельных вопросов, затронутых в данном сочинении. Кратко отметим поэтому, что после небольшого историко-культурного введения автор дает крайне любопытную постановку вопроса о первоначальной форме Троицкого собора. Далее следует рассмотрение храма Мирожского монастыря, при чем указываются источники его очень своеобразной конструкции. При анализе и характеристике ц. Иоанновского монастыря (кстати, заметим — одно из самых интересных мест в книге), нам казалось бы продуктивным привлечение в сферу внимания своеобразной формы абсид этой церкви, сближающей ее с храмом Георгия в Старой Ладоге (правда, в последнем случае верхняя часть абсид, видимо, видоизменена в позднейшее время). После рассмотрения архаизирующего собора Снетогорского монастыря и крепостного строительства, А. И. Некрасов переходит к живописи. Анализ композиций, так

некультурно реставрированных мирожских фресок, представляется вполне убедительным. Летом 1923 года автору этих строк удалось видеть единственную в стенописи фигуру, освобожденную от записи «реставратора». Живописная трактовка лика этой фигуры напомнила нам аналогичные моменты фресок в диаконнике ладожской церкви, более, чем изображение Константина и Елены новгородской Софии. Характеристикой фресок Снетогорского монастыря и замечаниями по поводу относящейся к этой древнейшей поре псковского искусства миниатюры и орнаментики, одним из лучших знатоков чего является проф. А. И. Некрасов, заканчивается первая часть очерка.

По тому же плану написана и вторая часть. Здесь дается искусствоведная характеристика того типа храма, который появляется в Пскове во второй половине XIV века; на ряду с указаниями источников заимствования отдельных сторон этого типа, все время обращается внимание на то, в чем, собственно, сказалось творчество Пскова. Отдельные страницы посвящены вопросу о «псковской» звоннице, анализу остатков гражданского зодчества, обозрению миниатюры и орнамента этого времени, а также немногим данным о скульптуре в Пскове. В заключение говорится и о станковой живописи. Мы совершенно согласны с мнением А. И. Некрасова, что она почти еще вовсе неизвестна, и вполне присоединяемся к следующему его приговору: «Некоторые увлекающиеся любители постепенно уже определяют стиль псковской живописи и по нему находят псковские иконы в разных частных собраниях. Пока говорить вполне определенно о стиле псковского иконописания еще нельзя...» (стр. 69). Справедливость этого утверждения стала нам особенно ясной после поездки в Псков, о которой здесь уже упоминалось. На основании впечатлений, полученных при осмотре памятников на местах, нам представляется и связь воспроизведенной на стр. 72 рецензируемой книжки иконы Троицы из собр. бывш. А. В. Морозова со Псковом очень проблематичной и, во всяком случае, первым издателем этого произведения искусства, художником Гриценко, не доказанной.

В заключение отметим, что эта книга, могущая, между прочим, быть превосходным пособием для экскурсантов, заслуживала бы со стороны издательства хоть немного более внимательного отношения к своей внешности. Встречается и довольно много опечаток.

Г. Жидков.

«DIE QUELLE», Mappe XIII, hgb. von Martin Gerlach. Das alte Buch und seine Ausstattung vom XV bis zum XIX Jahrhundert. Buchdruck, Buchschmuck und Einbände. Mit einem Vorwort von H. Röttinger. Wien—Leipzig. Gerlach-Wiedling. S. d.) 4°. 6 n/n S. 2 Textabb. + 1376 Abb. auf 74 Doppelseitigen Buch-und Lichtdrucktafeln.

«DIE QUELLE». Под ред. Мартина Герлаха. Папка 13. Старинная книга и ее внешность с XV до XIX в. Книжная печать, книжные украшения и переплеты. С пред. Г. *Рёттингера*, Вена—Лейпциг Герлах-Видлинг. Б. г. 4°. 6 н. н. стр. 2 илл. в тексте + 1376 штрихов и фототипич. рисунков, на 74 двусторонних таблицах.

Всем любителям и исследователям книжной орнаментики хорошо знаком и дорог атлас A. F. Butsch (Die Bücherornamentik. Der Renaissance. Hirth. 1878—1881). С тех пор исследование области книжного искусства бесконечно разрослось и вширь и вглубь. Нас уже интересуют и радуют не столько отдельные элементы книжных украшений, сколько общая связь их в одном композиционно целом книжной страницы. Кроме того, чуткие к вопросам формы, мы дорожим *оригинальной* структурой инициала, заставки и проч. со всеми ее деталями. С этой точки зрения, атлас Бутша нуждался бы, конечно, в ряде корректур как в своем тексте, остающемся, впрочем, и до настоящего времени полезным справочным пособием, так, в особенности, в подборе иллюстративного материала и способах его репродуцирования.

К сожалению, рассматриваемый в настоящей заметке труд ни в коем случае не может считаться таким коррективом.

Несмотря на то, что создание его потребовало безусловно огромных материальных затрат и личных усилий составителей на переснятие огромного количества разбросанных повсюду изданий, и несмотря далее на тщательное воспроизведение их посредством частью фототипии, частью штриховых клише; несмотря, наконец, на авторитетное имя редактора,— этот новый том популярного издания «Die Quelle» вызывает определенное чувство досады, неудовлетворенности и больше всего—недоумения относительно целей издания.

Предисловие и регистр черезчур суммарны: такие обозначения, относящиеся к сгруппированным на одной таблице репродукциям, как, напр. (122 Tf), «Deutsche Titelumrahmungen des 16 Jahrhunderts» (94) «Französische Anfangsbuchstaben d. 16 Jhdts. Schnitt von A. Dürer» и т. д. совершенно лишают какой бы то ни было возможности пользоваться данным атласом для научных целей. Не указывается ни автор, ни издатель, ни место приводимого издания, и—никогда!— размеры оригинала, которые особенно важно знать, так как масштаб увеличения или уменьшения (в огромном большинстве случаев, последнее) постоянно меняется.

Помещение на одной таблице совершенно разнородных и разнокачественных образцов, притом без видимости какой-либо системы хронологической, топографической и даже типологической (т.-е. passim воспроизводятся рядом и страничный ансамбль, и заставка, и инициал из совершенно различных изданий), а также использование оборота таблицы мешает опять-таки служить атласу целям научных демонстраций, сравнений и т. п.

Существенным недостатком далее следует признать отсутствие подписей непосредственно на таблицах, вследствие чего приходится постоянно обращаться к общему оглавлению, также недостаточно рационально, как мы видели выше, составленному. Не даром Бутш, первоначально избравший такой же порядок, впоследствии перешел к обозначению изображений непосредственно на таблице.

Обычно немецкие издатели подобных атласов имеют в виду учащихся художественных школ, работников художественного ремесла, в данном случае причастных к полиграфическим искусствам, черпающих щедрой рукой из предлагаемых им запасов классических образцов. Но, во-первых, сейчас эта метода непосредственного и наивного заимствования не только теоретически не может быть оправдана, но и практически не имеет прежнего значения, а во-вторых, для этой цели большинство изображений должно быть признано черезчур мелкими, а самое расположение их черезчур вермишельным.

И все же в виду полного отсутствия в русской литературе аналогичных атласов по западному полиграфическому искусству, следует признать желательным приобретение рецензируемого атласа издания во все школы печатного мастерства, художественные школы и т. д. А кстати следует вспомнить и о неполь-зующихся, к сожалению, популярностью превосходных изданиях образцов старорусской печати (Пташицкого - Соболевского и др. [1]).

Больше же всего хотелось бы видеть появление в свет когда-нибудь и у нас соответствующего научно - учебного издания, образцов книжного искусства Запада, по материалам публичных библиотек Москвы и Ленинграда, хотя бы и в несравненно более скромном виде. Можно ли сомневаться в успехе и окупаемости его теперь, когда полиграфические искусства не только стоят в центре художественных интересов, но даже, пожалуй, привлекают к себе черезчур гипертрофированное внимание?

М. Фабрикант.

[1]) В Трудах Румянцовского Музея обещан «Старопечатный славянский орнамент» А. А. Шемшурина. С нетерпением ждем выхода!

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. «ВОСТОК». Журнал литературы, науки и искусства. Кн. IV. *Р. Шор.* — 2. МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ, № 1. Журнал Народного Комиссариата по Иностранным Делам. *И. Ильинский.*

«ВОСТОК». Журнал литературы, науки и искусств. Книга четвертая. «Всемирная Литература». ГИЗ. Москва. 1924. Ленинград. Стр. 212.

Знаменитая «арабская лямийя» доисламского поэта аш-Шанфоры, вдохновлявшая в свое время Рюккерта и Мицкевича, трогательная китайская легенда о том, как Юй-Бо-я, лютню разбив, простился с «понявшим звук»; отрывки древне-арийских и древне-семитских религиозных гимнов и обрядовых песен— таково содержание четвертой книги «Востока», который умелым подбором текстов и изяществом переводов продолжает достойно осуществлять выдвинутую им в первом номере задачу—«поставить «Восток» ближе к широким кругам русских читателей».

Отразившейся в «повести о Гэндзи, блистательном принце» утонченной и жеманной чувствительности Страны Восходящего Солнца, странно похожей на пудренный сантиментализм восемнадцатого века,—роман Дандина «Приключения десяти принцев» противопоставляет чувственную пышность древней Индии. Быть-может, в качестве уступки вкусу европейского читателя, перевод «Приключений десяти принцев» порой смягчает чисто-восточную яркость эротических сцен.

Так, напр., на стр. 73 за словами: «И стал я наслаждаться ею, она не сопротивлялась, и только прекрасные, большие глаза ее заблистали огнем любви» в подлиннике следует: ...«веки ее покраснели; у основания похудевших щек выступили мелкие капельки пота; неудержимо она лепетала непонятные слова; безжалостно наносила мне раны зубами и ногтями; все члены ее утратили упругость, и она походила на пораженную тяжкой скорбью. При виде этого, и я отбросил сдержанность духа и тела, и впал в то же состояние, что и она. Потом мы разомкнули тесные объятия и предались утехам, подобающим после страстного наслаждения»... [1]).

Или на стр. 89: «На лице ее нет красноты, так как оно не испытало еще страстных поцелуев», — в подлиннике: «Ее рот не слишком красен, так как он не испытал еще давления зубов возлюбленного»... [2]).

В остальном перевод достоин подлинника — этого шедевра санскритского стиля.

Зато невольные возражения вызывают переводы «с санскритского» [3]) ведийских гимнов Б. А. Ларина. Крайне парадоксальной является уже небольшая заметка о принципах ведийской интерпретации, предпосланная переводу.

Обрушиваясь с жестокой критикой на известного ведаиста Г. Ольденберга, который якобы «лишь заглушил славу предшественников и задержал развитие ведийской филологии», Б. А. Ларин зовет ведийское исследование обратно к Р. Роту, который, с помощью данных сравнительного языкознания, «открыл смелой мыслью превратность туземных комментариев»—и к его «единственному конгениальному критику и продолжателю А. Бэргэню.

Вряд ли нужно напоминать филологу-ведаисту, что Р. Рот с его воззрением на Веды, как на «поэзию природы» (Naturpoesie) и А. Бэргэнь с его «литургической» теорией условного ведийского язы-

---

[1]) Dasakumaracharita by Dandi. Edited With notes by Taran th Tarkavach spati professor of grammar, govt. sanskrit College. Calcutta. 1872. P. 122.

[2]) Ib., p. 157.

[3]) Термин «санскрит» не принят в современной лингвистике в применении к ведийскому наречию.

ка представляют собой две диаметрально противоположных точки зрения на интерпретацию Вед, что «продолжателем дела Рота» является отнюдь не Бэргэнь, а немецкая школа ведаистов, к которой принадлежит и Ольденберг.

Трудно согласиться и с жестокими нападками на Г. Ольденберга, прилежанию которого ведийская филология обязана таким основным справочным пособием, как два тома «Texturiritische und exegetische Noten» к Риг-Веде. Правда, можно не принимать многих из толкований Ольденберга,—именно там, где он идет путями Рота, порывая с туземной традицией и опираясь исключительно на данные сравнительного языковедения. Ведь после знаменитого выступления Пишеля и Гельднера с «Vedische Studien», ведийская филология начинает все более и более скептически относиться к попыткам школы Рота—резко отграничить, оторвать Веды от дальнейшей индийской традиции и ограничиться в их интерпретации данными сравнительной этимологии.

В своих переводах Б. А. Ларин, действительно, следует традиции Рота. Пожалуй, он еще свободнее обращается с текстом, чем самые крайние последователи Рота—напр., Грассман. Так, ст. 2-й, гимна 85-го первой книги Риг-Веды—«оделись красой те, чья мать—Пестрая Корова», Ларин переводит: «Родила их от Рудры Туча—Радуга»; ст. 2-й, гимна 115-го той же книги, «где мужи благочестивые налагают ярмо, перед блаженным для блаженства», передан: «Там сонмы духов и святые риши коней впрягают, совершают службу»; ст. 2-й, гимна 87-го седьмой книги — «Соглядатаи Варуны постаны» переведен: «Звезд отряды Варуне верно служат».

Быть-может, здесь сказалось обаяние воззрения на Веды, как на «поэзию природы». Тем же воззрением приходится, вероятно, объяснять самый подбор гимнов. Правда, философские, мифологические и бытовые гимны, не представленные у Б. А. Ларина, заведомо позднейшего происхождения (впрочем, переводчик, очевидно, не руководился в своем подборе древностью гимнов, раз он считает возможным приводить гимны 10-й книги); но непонятно, почему, уделив столько места таким второстепенным божествам, как Пушан и (ведийский) Вишну, переводчик не дал ни одного образца гимнов к богу-воителю Индре, к вещему посреднику меж богами и людьми—Агни—огню, к пьянящему напитку—Соме,—гимнов, составляющих добрую долю Риг-Веды.

Так же необъясним перевод таких недвусмысленных слов, как «rajan» («царь») словом «бог» (VII, 87,5), как «vidras» («знающий») словом «тароватый» (VI, 54) и т. д. Уже полным искажением временной перспективы является передача стиха 3-его, гимна 115-го первой книги: «Склонясь благоговейно, они встали на хребте неба» словами: «В притине медлат—это час *намаза*» (!).

Со стороны внешней формы Б. А. Ларин, очевидно, следует традиции немецких переводчиков, воспроизводивших условный ямб европейского чтения, не пытаясь передать разнообразие подлинных силлабических (лишь отчасти определенных метрически) размеров. Введение трохаических размеров (да еще усеченных VI, 54), опускание цезуры в одиннадцати- и двенадцатисложниках, наконец разрушение рефрена (VII, 89)—являются нововведениями русского переводчика.

В научной части четвертого номера «Востока» преобладают на этот раз статьи историко-литературного характера. Только одна статья—И. Орбели—посвящена «Сасанидскому искусству». Особенного внимания заслуживает небольшая статья ак. С. Ф. Ольденбурга «Странствование сказки». Подводя итоги так наз. «индийской теории» происхождения сказок и устанавливая ее несамостоятельность, автор мимоходом дает разрешение одному из основных методологических вопросов изучения сказок, настаивая на необходимости рассмотрения каждого засвидетельствованного варианта, как произведения пересказчика,—положение, полагающее предел (всегда произвольным) реконструкциям единых пра-текстов.

Размеры заметки не позволяют остановиться подробнее на богатом библиографическом отделе журнала. Хроника четвертого номера посвящена на этот раз исключительно Турции.

Р. Шор.

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ». Журнал НКИД. 1923 г. № 1. Стр. 178. Тираж 4000. № 2. Стр. 152. Тираж 2000. 1924 г. № 1. Стр. 210. Тираж 2000.

Потребность в освещающем иностранную жизнь журнале чувствовалась у нас уже давно. За границей, особенно в англо-саксонских странах, таких журналов много. Они имеют изрядный круг читателей и пользуются значительным влиянием далеко за пределами своей страны. В России часто высказывают недовольство преизобилием ведомственных журналов. Трудно спорить,—есть много лишних, но такой журнал, как издаваемый Н.К.И.Д., нам очень нужен. И, конечно, у него все шансы получить распространение в Европе, где знание русского языка входит в моду. Добрая слава Н.К.И.Д. (Ленин считал его лучшим из наркоматов) дает повод надеяться, что он справится с этой задачей, пожалуй, легчайшей из числа выполняемых ведомством. В предисловии к первой книжке Г. В. Чичерин обрисовал задачи журнала довольно широко: не только анализ «политических конъюнктур», но и обследование мировой экономики. Такая программа и многообещающее название «Международная Жизнь» возбудили в читающей публике повышенный интерес к журналу.

Первая книжка этот интерес оправдала. Она составлена содержательно и разнообразно. Статьи о Турции (Е. А. Адамова), Италии (Г. Сандомирского), Соединенных Штатах (В. Игельстром и Б. С.), Японии (К. Ольшова), Польше (А. Романского), ряд мелких заметок, обзоры и рецензии,—все вместе дает обильный и интересный материал. В большинстве статей чувствуется выдержанный социологический подход к предмету. Е. Адамов, определяя положение Турции на арене мировой политики, приводит поучительные сведения и цифровые данные о заинтересованности иностранного капитала в турецких предприятиях. К. Ольшов на каком-нибудь десятке страниц умело сводит результаты японских переписей по 1919 г. включительно; в центре внимания стоит при этом классовый состав населения. В том же, примерно, духе составлены и другие статьи.

Первая книжка, помнится, вызвала в печати живой и весьма сочувственный отклик. С выпуском второй книжки Наркоминдел не торопился. Она вышла только в конце года, когда и ждать и надеяться читатели почти перестали. Несмотря на столь продолжительную подготовку, вторая книжка кажется незаконченной и производит впечатление сборника случайных статей. Некоторые из них, тем не менее, ценны по материалам или по выводам. Б. Штейн пытается понять «англо-французские противоречия», как борьбу между английским финансовым и французским промышленным капиталом. И. Шубин в статье о путях польской политики как бы поясняет ту же мысль. 75% польской нефтяной промышленности, 85% горной и 75% текстильной находится в руках французского капитала. Англия, с своей стороны, избирает путь «финансового внедрения» для того, чтобы вытеснить опасного соперника из его польской колонии. Впрочем, здесь автор поторопился с выводами о британской политике. Как показали дальнейшие события, у англичан есть более серьезные заботы... Этюд Ю. Соловьева о Китае носит слишком политически-отвлеченный характер. Набросок «Пост-Скрипта» о застарелом руссофобстве английских дипломатов типа Керзона дает занимательное чтение, но не больше.

Несколько лучше первая книжка за 1924 г. В ней следует отметить статьи Юр. об оккупации Рейна и Рура, А. Е. Ходорова о Китайско-Восточной дороге, В. Осетрова «Духовенство в Персии» и А. Сабанина «Новое в области права войны». Из последней читатель, между прочим, узнает, что выработанные Гаагской Комиссией юристов в 1923 г. правила узаконяют пользование воздушными судами в целях пропаганды. Невольно возникает вопрос, не сказались ли тут уроки нашей гражданской войны. Ф. Капелюш реферирует книгу Манеса о государственных банкротствах. На основании содержащихся в ней данных референт приходит к выводам, что, аннулировав царские долги, «большевики поступили по рецепту буржуазной науки и практики».

Таково содержание трех вышедших до настоящего момента книжек. Как видит читатель, в них есть немало интересного. Однако, в общем и целом не чувствуется системы ни в подборе, ни даже в расположении материала. Ни в одной из трех книжек нет суммирующей статьи о современной Франции. Положение Германии обрисовывается лишь мимоходом в очерках, написанных по разным частным поводам. Отсутствуют Лимитрофы, Румыния, Афганистан, не говоря уже о Чехо-Словакии, Юго-Славии, Бельгии, в то же время относительно богато представлен Китай. Библиографический отдел загружен рецензиями о разного рода мемуарах. Это интересно, конечно, но было бы больше на месте в историческом журнале. А между тем, редакция ни одной заметки не уделила таким вполне актуальным трудам, как вышедший в 1922 г. монументальный двухтомный курс международного права Fauchille, солидная работа Sarrault о французских колониях, выдержавшая 3 издания монография Mousset об Испании в мировой политике, наконец, вся издаваемая Plon в Париже серия «Problèmes d'aujourd-hui». Русские авторы почти не упоминаются: об отличном, завоевавшем себе почетную известность в Европе журнале Ассоциации Востоковедения «Новый Восток»—ни слова. Нет обзоров иностранной журналистики, если не считать беглого, но живого обзора французских журналов А. Гольдфарб в 1-й книжке за 1923 г. О такой роскоши, как статьи или хотя бы хроника важнейших явлений из области европейской культуры (литература, искусство и т. п.), и думать не приходится. Перелистайте, однако, однотипные или близкие по типу европейские журналы: не говоря уже о таких китах, как «Quarterly Review», вы найдете в любом политическом еженедельнике («Nation and the Atheneum», Foreign Affairs», «L'Europe Nouvelle») пять-шесть страничек, обогащающих читателя сведениями из этой области.

За то ценное, что дается в «Международной Жизни», Н.К.И.Д. заслуживает всяческой признательности. Но совершенно нетерпимо такое положение, когда журнал одного из важнейших комиссариатов выпускается двумя тощими книжками в год. Руководители Н.К.И.Д. должны устранить эту ненормальность.

И. Ильинский.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В седьмой книге 1922 года журнала Печать и Революция» напечатана была рецензия И. А. Аксенова на книгу мою Революция и фронт».

Вообще не принято отвечать на рецензии, тем более написанные два года тому назад, но мне заметка Аксенова кажется написанной без соблюдения правил, обязательных для каждого рецензента, и поэтому я считаю себя в праве протестовать.

В этой книге я не стою на империалистической точке зрения. Цитатами из книги можно доказать что угодно. Я считаю, что Аксенов исказил мою книгу.

Конечно, я очень плохой политик и вся моя политическая деятельность была ошибкой.

Но я никогда не посылал никого туда, куда не шел сам.

Я был за наступление, и поэтому ходил в атаку сам, и не раз и не два, пока меня не ранили в живот.

Про меня нельзя сказать, что я прожил свою жизнь не честно. Когда я передумал, когда я сознательно и добровольно принял Советскую власть, то я при наступлении Врангеля сам пошел на фронт против него, а не послал кого-нибудь за себя. Я хочу работать для Советской России, которая оказалась единственной понятной и родной мне страной.

Я понимаю ошибку Аксенова, убежден, что он добросовестно сделал ее, но еще раз повторяю, что самый смысл моей книги извращен и мне приписаны мысли и оценки, которых я не имел. Книга ведь существует, и помимо меня и каждый читатель в этом может убедиться.

Виктор Шкловский.

ХРОНИКА

С. С. С. Р.

ИНСТИТУТ КАРЛА МАРКСА и ФР. ЭНГЕЛЬСА.

В своем докладе XIII съезду партии, недавно закончившемуся, руководитель Института т. *Д. Б. Рязанов* выдвинул основную задачу И-та: издание полного собрания сочинений Маркса и Энгельса в интернациональном масштабе, воспроизводящее эти сочинения на тех языках, на которых они были написаны. Кроме того, на главнейшие европейские языки должны быть переведены и тщательно отредактированы под руководством и наблюдением Института *избранные сочинения*. Предстоит также громадная исследовательская работа, необходимая для создания регистров, словарей, различных справочных частей к сочинениям К. Маркса и Фр. Энгельса.

▫ По инициативе Ц. К. партии образована комиссия из представителей Коминтерна и руководителя Института т. Д. Б. Рязанова для подготовки доклада ближайшему конгрессу Коминтерна о необходимых мероприятиях по организации международного издания литературного наследства и собрания сочинений К. Маркса и Фр. Энгельса.

▫ Принят ряд организационных мер к расширению кадра работников кабинетов Института.

▫ Рукописи, главным образом, в фотографиях, которыми располагает Институт, как у нас сообщалось уже, охватывают ряд доселе неизвестных материалов. Многие рукописи, полуизвестные или известные в искаженном, благодаря недостаточной внимательности, добросовестности, а часто и неумению прежних редакторов сочинений К. Маркса и Фр. Энгельса разобраться в трудных для расшифровки и разработки тетрадях и манускриптах Маркса виде, также находятся теперь в распоряжении И-та: Институт располагает в подлинниках и фотографиях 90% писем К. Маркса.

▫ Любопытные сведения о необыкновенной эпопее упорных поисков рукописей К. Маркса, разбросанных по западно-европейским архивам, об их собирании, дает т. *Д. Б. Рязанов* в своей брошюре об Институте, переизданной Гос. Издательством к XIII съезду партии.

▫ *А. Д. Удальцов* работает над рукописными заметками и выписками Маркса и Лавассера, относящимися к 1844 году, когда Маркс, находясь в Париже, изучал, между прочим, историю конвента. Извлечения из Лавассера, сделанные Марксом, относятся, главным образом, к вопросу о борьбе жирондистов и якобинцев.

▫ К 18 апр. 1925 года—100-летию со дня рождения *Лассаля*—готовятся Институтом 2 тома избранных сочинений Лассаля, освещающие, главным образом, его историческую роль в рабочем движении.

▫ Готовится полное собрание сочинений *Д. Рикардо*, куда войдут не только его работы, но и парламентские речи, переписка и т. д. Первый том готов к печати. Все издание обнимает 3—4 тома. Впервые этот предшественник Маркса, работы которого имели высокое значение для установления правильных точек зрения на политическую экономию, выйдут в полном и научном издании.

▫ Печатается продолжение работы *Д. Б. Рязанова* по истории 1-го Интернационала.

▫ *Г. Баммель* работает над рукописью докторской диссертации Маркса о *Демокрите и Эпикуре*. Примечания, опущенные Мерингом в его издании, а также все

отклонения от рукописи, допущенные им, будут восстановлены, и рукопись в точном виде будет издана Институтом.

▫ К Конгрессу Коминтерна выходит библиография по Марксу на иностранных языках за годы 1914—1924 гг., охватывающая книги, журналы, статьи. Это издание является совершенно необходимым пособием для всех научно-изучающих Маркса. Библиография насчитывает свыше 700 номеров, не считая рецензий.

▫ В области исторических работ Института намечается издание сборников материалов по истории рабочего и революционного движения по первоисточникам, имеющимся в распоряжении Института в его кабинетах.

▫ *Эрнст Цобель* опубликовал работу о революционной деятельности группы редакции «Новой Рейнской Газеты» в 1848—1849 гг. среди войск.

▫ В течение 1924 года выйдут еще две книги архива Института. В первую из них войдут, между прочим, два неопубликованных проекта предисловия к Анти-Дюрингу и большая рукопись Энгельса о «Диалектике в природе», примыкающая к Анти-Дюрингу и размером приблизительно равная $^3/_4$ его. Не вошедшая в книгу о Фейербахе глава, имеющая по теме отношение к диалектике, также печатается в ближайшей книге архива. Кроме названных философских работ Ф. Энгельса, в архиве будут помещены две работы Карла Маркса на экономические темы. Эти работы относятся к эпохе, когда он находился еще под сильным влиянием Фейербаха, написаны зимой 1844 года. Эпоха, в высшей степени важная в эволюции Маркса, до сих пор документально не была совершенно освещена.

▫ Издание диалектики Энгельса включает главы: диалектика движения (о механике, главным образом); электричество и магнетизм; диалектика в математике и полемика с современным Энгельсу так наз. естественно научным материализмом и его представителями — Бюхнером, Геккелем и т. д.; затем любопытнейшую главу «Естеств. знание и мир привидений»—полемику с Уоллесом, Круксом, Аксаковым и др. Издание это приобретает особенное значение теперь, когда ревизионистские марксисты и буржуазные теоретики направляют главное острие своей критики против диалектики вообще и, в частности, против диалектики в природе.

▫ По этому же вопросу — о границах диалектики — готовит к печати свою работу *А. Тальгеймер*. Его статья будет напечатана в ближайшей книге архива Института.

▫ Философским кабинетом Института закончен новый перевод «Философии права» Гегеля, его же «Философии истории». Перевод отредактирован и сдан в печать; также приготовлен к печати первый том Гегелевской «Истории философии» и находится в работе второй том и его «Энциклопедия». Сдается в печать второй том философской хрестоматии и второй том сочинений Фейербаха.

В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

▫ Кабинетом истории революционного движения сдается в печать ряд работ библиографического характера.

▫ Изд-вом Коммунистической Академии печатается систематический сборник избранных отрывков из произведений В. И. Ленина.

Книга составлена и снабжена примечаниями *Григорием Баммелем*.

▫ В литературной секции Академии состоялся доклад *В. П. Полонского* на тему «Бакунин и Достоевский».

«Ответ Вяч. Полонскому» на возражения и статью В. П. Полонского был прочитан недавно в литер. секц. Академии Художеств. Наук Л. П. Гроссманом. (Будет напечатан в след. книге нашего журнала).

В ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ ОБ-ВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

▫ В Пушкинской комиссии состоялся ряд докладов, из которых мы отмечаем доклад *Н. К. Пиксанова:* «Гипертрофия пушкинизма», в котором он доказывает наличие чрезмерного внимания комментаторов к ряду вопросов и деталей, не имеющих часто никакого отношения к Пушкину. В прениях по докладу при-

нимали участие: *П. Н. Сакулин, В. Саводник, Цявловский, А. Цинговатов, Н. Фатов.*

▫ Из докладов об историко-литературных материалах по Пушкину заслуживают внимания два доклада *Цявловского* о новых материалах о Пушкине по запискам Бартенева; *В. С. Нечаевой* «Новые материалы о Дантесе».

▫ Состоялись в комиссии также два доклада *А. А. Андреевой* о незаконченных замыслах романов Пушкина (после «Евг. Онег.») и доклад *Б. Неймана* «Пушкин и Вальтер Скотт».

▫ 6 июня исполнилось 125 лет со дня рождения Пушкина. В Большом театре состоялось чествование памяти, организованное об-ом Любителей Российской Словесности. На чествовании выступали с речами: *А. Луначарский, П. Сакулин* и приехавший на чествование из Баку *Вяч. Иванов.*

▫ Союзом писателей выпущена к 6 июня однодневная юбилейная газета, в которой принял участие ряд писателей, историков литературы и поэтов

▫ Пушкинской комиссией готовится сборник «Пушкин», в котором принимает участие ряд исследователей Пушкина: *П. Н. Сакулин, Н. К. Пиксанов, М. О. Гершензон, Цявловский, Л. П. Гросман, Н. Ф. Бельчиков, Баранов, Н. Фатов.*

В ИНСТИТУТЕ В. И. ЛЕНИНА.

▫ XIII съезд партии постановил считать Институт открытым. Несомненно, что огромное собрание материалов, сосредоточенное в Институте, доходящее в настоящее время до 10.000 архивных единиц, пополнится новыми материалами, благодаря требованию съезда ко всем тт., имеющим материалы, относящиеся к В. И. Ленину, предоставить их Институту. В настоящее время Институт подготовил и сдает в печать первые томы собрания сочинений Ленина. Первый том содержит ряд ранних работ Ленина 1895—1896 гг. и 1900 г., несколько писем из той же эпохи, прокламации, документы исторического характера и мн. друг. неопубликованных очень ценных материалов.

▫ В Ленинградском Отделении Гос. Издательства выпускается в ближайшее время ряд новых книг, посвященных Ленину и ленинизму, в том числе 2-ая книга Ленинского сборника, издаваемого Институтом под ред. *Л. Б. Каменева;* сборник статей *Г. Зиновьева* «Владимир Ильич Ульянов-Ленин» в качестве XV тома собрания сочинений Г. Зиновьева; сборник статей «О Ленине», под общей редакцией проф. *Н. С. Державина* и с предисловием проф. *Д. И. Лещенко.* В сборнике принимают участие ак д. *Ольденбург*, акад. *Марр*, акад. *Ферсман*, проф. *Якубинский* и проф. *Тихомиров.* Печатается также целый ряд книг и специально посвященных Ленину номеров журналов, в том числе Ленинский номер «Записок Общества марксистов», под ред. *М. Серебрякова;* Ленинский номер «Красной Летописи», под общ. ред. *П. Ф. Кудели*, и мн. друг.

СОВЕЩАНИЕ ПРИ АГИТ.-ПРОП. ОТД. Ц. К. ПО ВОПРОСУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКИ.

— Состоялось совещание по вопросам литературной политики, в котором принял участие ряд представителей критики, литературных группировок, многие писатели и журналисты. По вопросам совещания высказались: *Л. Троцкий, А. Воронский, И. Вардин, Вяч. Полонский, Н. Осинский, Н. Бухарин, А. Лебедев, Г. Лелевич, Ю. Лебединский, Я. Яковлев, П. Керженцев* и мн. др.

Речь т. Троцкого напечатана в настоящей книге журнала. По окончании прений была принята след. резолюция:

Резолюция, предложенная тов. Я. Яковлевым и принятая совещанием при Отделе печати Ц. К. Р. К. П. 10 мая 1924 г.

1. Совещание считает, что основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза. Рабкоры и селькоры являются новой общественной силой, которая активно участвует в политическом и эко-

номическом строительстве Советского государства и органически связана с рабоче-крестьянскими массами. Рабкоры и селькоры должны рассматриваться не только как кадры будущих журналистов, но и как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели.

2. Выдвижение и материальная помощь пролетарским и крестьянским писателям, пришедшим в нашу литературу частью от станка и сохи, частью из той интеллигентской прослойки, которая в октябрьские дни и в эпоху военного коммунизма вступила в ряды Р. К. П., — должны быть всемерно усилены. Особое внимание необходимо уделить писателям и поэтам из среды Комсомола, активно действующим в гуще рабочей молодежи и в известной степени являющимся выразителями ее настроений.

3. *Совещание считает необходимым продолжение прежней линии партии в отношении к так наз. попутчикам.* Необходима систематическая поддержка наиболее даровитых из них, воспитывающихся школой товарищеской работы совместно с коммунистами. *Приемы борьбы с попутчиками, практикуемые журналом «На посту», отталкивают от партии и Советской власти талантливых писателей, одновременно затрудняя действительный рост пролетарских писателей и подменяя серьезную художественную и политическую работу их над собой хлесткой критикой попутчиков.* В то же время необходима более выдержанная постановка партийной критики, которая, выделяя и поддерживая талантливых советских писателей, вместе с тем указывала бы на их ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя, и толкала бы их к преодолению буржуазных предрассудков.

4. Взаимоотношения различных писательских кружков, групп, союзов и объединений, функционирующих в настоящее время, должны быть признаны крайне ненормальными. Атмосфера богемы и кружковщины, царящая не только в среде попутчиков, но и в пролетарских группах («Октябрь», «Кузница»), должна быть осуждена и изжита, как несомненно упадочническая, заимствованная из прежней буржуазной оторванности писателя от трудящихся масс.

5. Постановка отделов критики и библиографии в нашей периодической и непериодической печати (газеты, журналы, сборники статей) неудовлетворительна. Не только специальная и провинциальная, но и обще-массовая и руководящая (центральная) пресса уделяет вопросам критики недостаточное и часто лишь поверхностное внимание. Совещание считает необходимым скорейшее урегулирование данного вопроса и возможно более полное партийное освещение образцов художественной литературы на страницах советско-партийной печати.

6. Считая, что ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии, — Совещание признает желательным устройство регулярных совещаний писателей и критиков-коммунистов при Отделе печати Ц.К.Р.К.П. и более систематическое руководство работой членов партии и партийных органов печати в области художественной литературы.

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.

▫ К 200-летию со дня рождения Канта вышел целый ряд новых книг, посвященных жизни и философии Иммануила Канта. Большинство из них, однако, ставит себе целью популярное изложение идей Канта. Из числа критических и серьезных трудов можно отметить книгу К. Форлендера (K. Vorlaender «Immanuel Kant, der Mann u. das Werk». Из-во F. Meiner'a в Лейпциге. Вышел первый том работы, излагающий биографию в связи с учением. Кантианским же проблемам посвящена работа F. W. Garbeis'a «Das Problem des Bewusstseins in der Philosophie Kants», вышедшая в издательстве W. Braumüller'a в Вене. Критика отмечает в этой работе ряд метких формулировок и попытки развить кантовские идеи.

▫ Изящным, чисто юбилейным изданием является перепечатка вышедших в 1804 году биографических очерков о жизни Канта, написанных его учениками — *Яхманом*, *Боровским* и *Васианским* (Jachmann, Borowski, Wasianski «Im. Kants Leben in Darstellung seiner Zeitgenossen») и собранных теперь в одну книгу. Книга эта вышла в изд-ве C. Flemming und C. T. Wiskott в Берлине.

▫ Из числа более популярных изданий отмечаем вышедшую в Штуттгарте книгу *А. Мессера*, также биографического характера («Im. Kants Leben und Philosophie». Изд-во Strecker und Schröder в Штуттгарте).

▫ Оценить значение Канта для современности пытается *К. А. Майсингер* в своей книге, вышедшей во Франкфурте в изд-ве Englert und Schlosser под заглавием: «Kant und die deutsche Aufgabe».

▫ Из новых философских работ критика отмечает книги молодого дармштадтского философа Karl Obenauer'a, занятого, главным образом, проблемами философии религии. Главные его книги: «Гете и его отношение к религии», «Фаустовский человек» и исследование «Фридрих Ницше». Умонастроение этого философа близко антропософскому движению, хотя он и не примыкает к нему. Для современной «уставшей» Германии, несомненно, характерно, что Дармштадтская школа философов, в настоящее время главная школа Германии, вся пропитана расплывчатым полу-религиозным настроением буддистского толка.

▫ В Лейпциге в изд-ве O. R. Reisland'a вышла новая книга *Гаральда Геффдинга:* «Der Begriff der Analogie».

Новые книги.

▫ Известный химик профессор *Ф. Габер* (F. Haber), получивший в 1920 г. Нобелевскую премию, издал отдельной книгой 5 специальных докладов, читанных им за период 1920—1923 гг. Книга эта, под заглавием «Fünf Vorträge aus den Jahren 1920 bis 1923», вышла в Берлине в изд-ве I. Springer'a и содержит в себе следующие работы: 1. Химия в войне, 2. Век химии, новые задачи и достижения, 3. К истории газовой войны, 4. Новые методы работы, наука и хозяйство после войны, 5. К вопросу о добывании аммониаков из азота и водорода (последняя была прочитана им в Стокгольме в 1920 г. при получении премии). Книга эта печатается Госуд. Воени. Издательством (В. В. Р. С.).

▫ Интересную книгу, пытающуюся рассеять обычное в Европе представление об особенном психическом складе индусского народа, протестующую против «романтических» взглядов на духовный и умственный обиход Индии, написал индусский профессор Benoy Kumar Sarkar. Брошюра эта под заглавием «Die Lebensanschauung des Inders» имеет целью доказать «полную психическую пригодность индусов для самостоятельной политической деятельности» (изд-во Markert u. Petters в Лейпциге).

▫ Любопытную книгу, написанную на основании личных наблюдений «О жизни первобытного племени в лесах Суматры», написал W. Wolz. Книга эта вышла в Бреславле в изд-ве F. Hirt'a и озаглавлена «Tiger hilf mir».

Переводы с русского.

▫ В мюнхенском изд-ве Müller'a в серии Zwei Mark-Bücher вышел перевод рассказа Лескова под заглавием: «Der Gaukler Pamphalan».

▫ Известным переводчиком с русского *В. Е. Грегером* выпущено в изд-ве «Newa-Verlag» в Берлине юбилейное издание «Бориса Годунова» Пушкина на немецком языке. Книга иллюстрирована Масютиным.

▫ Изд-вом E. Diederichs'a в Иене выпущен, под ред. *Р. Левенфельда* (R. Löwenfeld), перевод собрания рассказов Толстого в 5-ти книгах.

▫ Изд-во Literatur und Politik в Вене выпустило в переводе на немецкий язык книгу *Г. Зиновьева* о Ленине и собрание речей, приказов, воззваний и тезисов *Л. Д. Троцкого* о Красной армии. Книга озаглавлена: «Die Geburt der Roten Armee». Перевод F. Rubiner.

▫ Венским изд-вом Egis'ом переводится на немецкий язык ряд пьес современных русских драматургов, в том числе «Паганини», «Ауэр» и «Далай-Лама» *В. Волькенштейна*, «Венчанье Хьюга» *Андрея Глобы* и «Нечаянная доблесть» *Ю. Юрьина*.

АНГЛИЯ.

(Новые материалы по истории литературы).

Среди последних публикаций материалов по истории английской общественности и литературы, исключительно интересную книгу представляет собой том писем дочери *Теккерея*, вышедший недавно в изд-ве Murray в Лондоне. Близко знакомая с рядом выдающихся современников своих, обладая живым, острым и в высшей степени оригинальным умом, автор писем, Анна Теккерей, впоследствии Lady Ritchie, дает в своих письмах полные жизни характеристики личности и быта многих замечательных людей. Много страниц книги посвящено Т. Карлейлю, Герберту Спенсеру, Дарвину, Джордж Эллиот, Фицгеральду и др. Заключено в этом томике также множество мелочей и деталей, исторических анекдотов, чрезвычайно живо рисующих среду, с которой приходилось сталкиваться автору, и придающих ее письмам жизненность и полноту. Самый характер дочери Теккерея привлекает внимание рядом выдающихся и своеобразных черточек.

Анна Теккерей — писательница, автор хорошо известных английскому читателю романов, обаятельная женщина, эксцентрический характер которой сообщил всей ее жизни необычайную подвижность, многочисленность и глубину впечатлений. Наблюдательность, ум, юмор и воображенье—неотъемлемые качества всех без исключения страниц ее писем. Очень тщательно изданная под заглавием «Letters of Anne Thackeray Ritchie» книга включает также свыше 40 писем самого Теккерея к его матери и дочерям, биографически очень ценных.

▫ В изд-ве Secker'a вышла новая книга по теории поэзии L. Abercrombie «The theory of Poetry». Книга представляет собою серьезное и интересное исследование многих проблем поэзии, дает исторический обзор поэтики и обосновывает любопытные точки зрения на взаимоотношения поэзии и языка.

▫ В изд-ве Bodley Head вышла в пер. на англ. язык книга французского историка литературы A. Maurois о Шелли. Книга представляет собой увлекательно написанную, на основании уже опубликованных материалов, биографию английского поэта.

▫ Одной из последних, вышедших к 100-летию со дня смерти Байрона книг является работа Simon'a: «Byron in perspective» (выпущенная изд-вом Secker'a), рассматривающая влияние Байрона на всемирную романтическую литературу.

▫ G. B. Harrison издал книгу о среде Шекспира, охватывающую мир актеров, драматургов, друзей и соревнователей современников Шекспира. Книга называется «Shakespeare's fellows» и вышла в изд-ве Lane.

▫ Упомянутые во 2-й книге нашего журнала два тома молодого английского писателя D. Garnett'a «Lady into fox»—«Женщина, превращенная в лису» и «Man in the Zoo»—«Человек в зоологическом саду» привлекли к себе внимание читателей и критики и пользуются необыкновенным успехом.

Замысел второго романа сводится к следующему: некий человек отправляется к содержателю зоологического сада с предложением поместиться в клетке в качестве единственного экземпляра Homo sapiens'a — животного, не представленного до сих пор ни в одном зоологическом саду. Содержатель по некоторым соображениям изъявляет согласие, и герой повести поселяется между оранг-утангом и шимпанзе. В одной клетке с ним находится дикая кошка. Две медных дощечки с латинскими названиями украшают новое жилище современного англичанина. Серьезный тон, без всякой усмешки, усугубляет сатирический замысел книги. Вероятно,—едко замечает рецензент («New Statesman». Vol. XXIII. № 575 от 26 IV—R. Mortimer),—не мало найдется читателей, обманутых правдоподобием рассказа, решившихся отправиться в Zoo посмотреть на оригинального человека и его дикую кошку.

▫ Из новых книг стихов следует отметить сборник лирики W. H. Davies'a «Secrets», вышедший недавно в изд-ве Cape, и книгу Edna Millay «The Harp Weaver» в изд-ве Secker'a, собрание стихов популярного в Англии поэта I. Drinkwater'a «Collected Poems» и посмертное издание стихов A. Dobsan'a (изд-во Milford).

▫ Недавно вышла книга — биографический и критический очерк о Вальтере де ла Мар, известном английском поэте и романисте, написанная R. L. Mégroz (изд-во Hodder and Stughtom).

▫ Привлек внимание английской читающей публики том рассказов финского автора Aino Kallas, переведенных на английский язык под заглавием «The white ship». Критика отмечает строгий северный колорит рассказов, напряженность и суровость быта, изображаемого в них. Книга вышла в изд-ве Cape.

▫ Обратил на себя внимание роман M. Irwin «Still she wished for company», вышедший в изд-ве Heineman'a. Любопытен замысел автора свести в одном фантастическом плане одновременно людей XVIII и XX вв. Английская критика считает роман очень удачным.

▫ M. Armstrong выпустил в изд-ве Cape том рассказов «The bazaar». В сборнике—отмечаемое критикой богатство изобразительных средств автора и оригинальность его фантазии.

▫ Молодой ирландский драматург Sean O'Casey привлекает большое внимание критики двумя своими драмами: «Juno and the peacock» и «The shadow of a gunman», относящимися к ирландским революционным движениям. Рецензенты отмечают выдающийся реалистический характер этой драматургии, интерес к политическим и социальным теориям и необыкновенную способность дать в драме «обыкновенного» человека, увлекаемого революцией. Страстью автора,—говорит рецензент,—являются не герои, а люди.

▫ Любопытна история книги Roland'a Kenny «Pedler's Pack». Книга эта представляет собой сборник увлекательно написанных автобиографических рассказов из жизни бродяг и рабочих низов Англии. Автор сам до войны бродяжил и бедствовал. Впоследствии, пройдя ряд ступеней газетной работы — от репортера до издателя, он начал писать. Книгу эту, привлекшую интерес широких слоев читателей, изъяли недавно из Британской библиотеки за «излишний реализм в описании буйных нравов бродяг и рабочих». (Сообщение об этом интересном факте мы перепечатываем из «Publishers Weeckli». Vol. CV № 1 за 1924 год).

▫ Книгу об английском театре в 1923 году написал театральный критик J. Agate. Книга представляет известный интерес, так как часть ее посвящена мало освещенному в литературе «мелкому театру» — репертуару лондонских театров — комедий, мюзик-холам и т. п. Среди пьес, ставившихся в 1923 году в Лондоне, им отмечается, между прочим, как выдающееся явление, пьеса чешского писателя Карела Чапека «R. U. R.» (или в русском переводе: «ВУР»), выпущенная недавно на русском языке Ленинградским отд. Гос. Изд-ва.

▫ Интерес к кинематографии привел в последнее время в европейской и в частности в английской литературе к опытам подытоживания культурного и художественного значения кино. Один из таких опытов представляет собою не-

давно вышедшая книга F. A. Taubot'a в изд-ве Heinemann'a «Moving pictures», дающая исторический очерк развития кино, его техники, в особенности «трюковой», его значения и задач. В качестве недостатка этой книги рецензенты отмечают лишь иллюстрации, взятые из старых фильм, и отсутствие эстетической критики кино.

▫ В изд-ве «Methuen» вышла недавно книга по философии музыки «Music and Mind», написанная известным музыкальным деятелем Т. Н. У. Trotter'ом. Автор посвящает большую часть своей книги исследованию психологии восприятия музыки.

Новые исторические книги.

▫ Английским историком проф. W. Notestein'ом издана его работа, включающая очень интересный материал по английской истории эпохи середины XVII века. Для работы использованы неизвестные документы, архивы, воспоминания современников, материалы Британского музея и др. Книга издана в Лондоне в изд-ве Milford'a. (Точное заглавие ее: «The journal of sir Simonds D'Ewes, from the beginning of the Long Parliament to the opening of the trial of the Eearl of Strafford»).

▫ F. A. Mumby опубликовал в изд-ве Constable книгу по истории американской освободительной войны: «George III and the American Revolution». Книга заключает ряд писем английских политических деятелей того времени и американских руководителей движения.

▫ В Лондоне в изд-ве Longmans выпущен W. H. Buckler'ом и W. M. Calder'ом сборник статей европейских, русских и американских ученых, посвященных чествованию известного археолога ближнего Востока—профессора W. M. Ramsay. Темами статей являются археологические проблемы в Малой Азии, имеющие крупный научный интерес. В сборник включена подробная тщательно составленная библиография сочинений проф. Ramsay'a.

▫ Изд-во Gresham Publishing в Лондоне издало две работы D. A. Mackenzie «Мифы древней Америки» («Myts of the Kolumbian America») и «Мифы Китая и Японии» («Myts of China and Japan»). Автор является последователем теорий профес. Elliot Smith'a.

▫ Изд-вом Blackwell в Лондоне издана работа оксфордского профес. I. Wells'a под заглавием «Studies in Herodotus», посвященная наследованию источников Геродота.

Научные работы и другие.

▫ Среди исторической литературы отмечается второй том работы Simson'a об эпохе Луи-Наполеона. I том этого труда вышел еще в 1909 году. Недавно вышедший том посвящен восьмилетию: 1848—1856 гг. (изд-во Longman).

▫ Закончилось официальное издание по истории Австралии во время войны 1914 — 1918 гг. Последний XII том, недавно вышедший, представляет собой «фотографический отчет», заключающий свыше 750 фотографий с примечаниями. Этот том представляет огромный исторический интерес. («Official History of Australia in the War of 1914 — 1918. Vol. XII. Photographic record». Изд-во British. Australasian books tora).

▫ Из большого числа работ, посвященных истории гражданской войны в Америке, выходящих в настоящее время, отмечаем: «Jefferson Davis—president of the Sooth» H. Eckenrode (изд. Allen and Unwin) и «Some memories of the Civil War 1861—1865». G. H. Putnam'a (изд. Putnam).

▫ Недавно вышла новая книга известного исследователя истории культуры W. I. Perry, являющаяся блестящей популяризацией теорий автора, изложенных в свое время в труде «The children of the Sun» и в целом ряде специальных статей. Популярное изложение вышло под заглавием «The Growth of Civilization» в изд-ве Methuen.

▫ Очень любопытную книгу по истории культуры написал W. H. R. Rivers—«Медицина, магия и религия». Труд этот с предисловием Elliot Smith опубликован изд-вом Kegan Paul'я. Автор, известный ученый, между прочим, рассматривает Фрейдовские точки зрения на механизм психической жизни, подвергая в то же время суровой поверке сексуаль-

ные основы теории, и приводит ряд наблюдений над послевоенными неврозами, обнаруживающими правильность Фрейдовских построений во всем, кроме роли сексуального. В исторической части своей работы автор развивает точку зрения названного нами выше историка культуры Perry. Из других новых работ W. Rivers'a, вышедших в том же изд-ве, отмечаем его книги: «Социальная организация» и «Психология и этнология».

▫ Изд-вом Putnam выпущен отчет об экспедиции, снаряженной Нью-Йоркским Зоологическим Об-вом в 1923 г. на остров Galapagos (в Тихом океане, в 500 милях от экватора), необычайно интересная фауна которого сохранила до наших дней представителей многих вымерших пород. Еще в прошлом столетии остров этот привлекал внимание естествоиспытателей, и Ч. Дарвин во время путешествия на «Beagle» посетил и описал его. Отчет, богато иллюстрированный, написан в очень увлекательной форме участником экспедиций W. Beebe'ом—директором департамента исследований тропических стран при названном об-ве. Экспедиция, кроме большого количества живых экземпляров фауны и большого числа фотографий, привезла с собой около 11.000 метров кино-съемки, произведенной в течение 4 дней пребывания экспедиции на острове.

▫ Две новых работы по истории книги вышли недавно в изд-ве Kegan Paul'я—работа L. Norton-Brown об японской книжной иллюстрации с 50 воспроизведениями и книга F. Sarre об исламской книге с X по XVIII век, главным образом, о ее внешности (также иллюстрирована цветными воспроизведениями).

▫ C. E. Fayle выпустил в изд-ве Murray трехтомное собрание материалов, по официальным документам, о влиянии европейской войны на морскую торговлю и торговый флот Англии. Издание озаглавлено: «Sea-Borne Trade; History of the great War based on official documents».

Книги по общественным вопросам.

▫ Артур Гендерсон и Генри Слессер выпустили в изд-ве Benn книгу «Industrial law».

▫ Значительный интерес имеет книга д-ра философии E. L. Lewis'a, посвященная обследованию пролетарских семей с целью установить фактическую возможность получения профессионального образования детьми пролетариев в современной Англии. Автор выясняет, на основании фактического материала, что возможность эта имеется у крайне небольшой части рабочих семей. Книга вышла в изд-ве King'a под заглавием «The children of the unskilled».

▫ В рабочем изд-ве «Labour Publishing C°» вышла недавно биография известного ирландского революционного деятеля и теоретика Джемса Коннолли (James Connolly), расстрелянного англичанами в числе других участников восстания 1916 года. Биография написана D. Ryan'ом и вышла с предисловием H. W. Nevinson'a. Книга является первой биографией этого замечательного человека — «ирландского Маркса», как называет его рецензент журнала «New Statesman» (от 19 апр. 24 г.). Главной теоретической работой Конноли является книга «Labour in Irish History».

▫ Уптон Синклер выпустил новую книгу из серии своих памфлетов. Последняя его работа была посвящена американским университетам и называлась «Шаг гуся» (недавно переведена на русский язык и вышла в изд-ве «Красная Новь»). Новая книга Синклера посвящена средне-учебным заведениям Америки и называется «Гусята». Книга носит столь же разоблачающий характер, приводит ряд характерных данных о фактической жизни школы в Америке, ее показной стороне и т. д. Вышла эта работа в Калифорнии в изд-ве Pasadena и носит заглавие «The Goslings».

▫ Из литературы о негрском вопросе в Америке выдающейся книгой является только что вышедшая книга B. Brawley'я «Социальная история американских негров», охватывающая жизнь негров с момента их появления в Америке до настоящего времени. Отдельная глава посвящена негритянской республике Либерии. Книга вышла в изд. Macmillan.

Переводы с русского.

▫ В № 25 журнала «The Nation» напечатано письмо известного переводчика на английский язык произведений Льва Толстого — Aylmer Maude. В этом письме близкий Толстому при его жизни переводчик протестует против недобросовестности перевода недавно вышедшего на английском языке тома драматических произведений. Том этот был переведен некиим Dole, переводчиком, которым Толстой при жизни был настолько недоволен, что не отвечал на его письма. В этом же письме Maude рисует любопытную картину того, с какими затруднениями связано опубликование собрания сочинений Льва Толстого на английском языке; он ссылается на обращение 120 английских и американских писателей, драматургов, публицистов и критиков во главе с Бернард Шоу, опубликованное в газетах с призывом путем подписки «создать возможность издания полного собрания сочинений Льва Толстого, отсутствие которого на английском языке является тяжелым ущербом для английской литературы». Затруднения издания связаны в некоторой степени и с приобретением права перевода.

▫ «Былое и думы» А. И. Герцена вышли одновременно в двух переводах на английский язык. Первое издание выпущено изд-вом Chatto and Windus в двух томах, включает I—IV чч. Герценовских воспоминаний; перевод для этого издания выполнен Constance Garnett, известной переводчицей с русского. Второе издание—в одном томе заключает лишь 2 первых части «Былого», и вышло в изд-ве Oxford University Press (перевод I. D. Duff). Любопытно отметить, что оба издательства являются серьезнейшими из существующих английских издательств, и факт одновременного издания ими одной и той же книги свидетельствует о высоком интересе английских читателей к русской литературе. Критика с большим интересом встретила это издание, отмечая «мастерство пера», причисляя Герцена к русским классикам и подробнейшим образом обсуждая изображаемый Герценом быт и нравы тогдашней России.

▫ Исключительным успехом у англичан пользуется «Семейная хроника» Аксакова, переведенная на английский язык I. D. Duff'ом. Рецензент говорит по поводу I тома: «Очень приятно отметить, что этот великолепный русский писатель пользуется таким успехом среди читателей, о чем свидетельствует необыкновенный спрос. Этот успех вполне заслужен одним из лучших русских писателей...».

▫ Новую и интересную книгу написал известный критик, представитель «психологической школы» Janko Lawrin о Льве Толстом. Труд издан Collins'ом и отмечается англ. журналами. Очень высок также интерес к Леониду Андрееву. Нам приходилось уже отмечать внимание, оказываемое европейцами, в частности Германией, к произведениям Андреева. За последний театральный сезон, напр., в одном Берлине были поставлены почти все его пьесы, начиная с «Дней нашей жизни» и кончая «Мыслью» и «Не убий». В настоящее время произведениями Леонида Андреева интересуется английский и американский читатель. Как в Англии, так и в Америке выходят переводы его на английский язык, ему посвящаются статьи в журналах и даже специальные исследования. Так, том Андреева выпустило изд-во Brentano; воспоминания Горького о Л. Андрееве вышли в переводе К. Mensfield в изд-ве Adelphi-books; в Нью-Йорке в изд-ве A. Knopf'a только что вышел том рассказов Л. Андреева, озаглавленный «Ангелочек». В Америке же вышла книга A. Kaun'a о Леониде Андрееве (изд-во Huebsch'a).

▫ В изд-ве «Brentano» вышел второй том серии постановок Московского Художественного Театра, включающий «Братьев Карамазовых», «Хозяйку гостиницы», «Иванова» и «На всякого мудреца довольно простоты».

▫ В изд-ве Chapman and Dodd вышла книга H. Carter'ом о новом театре и кинематографе в Советской России.

АМЕРИКА.

Издательские бюллетени сообщают ряд любопытных сведений об успехе некоторых книг, о характере читательских

интересов, о предстоящих по американскому обычаю изданиях «лучших рассказов за год» или «лучших стихов», «лучших пьес»; дают списки наиболее нашумевших романов и пр. Среди изданий такого рода отмечаем вышедшие под редакцией E. I. O'Brien'a в изд-ве Small Maynard and C° сборник «Лучших американских рассказов за 1923 год». В сборник вошло двадцать рассказов, в том числе Шервуда Андерсена, В. Адамса, К. Берковича, Д. Бернета, Г. Гудмэн, Ф. Герст и др. В конце книги приложен список лучших, по мнению составителя, книг рассказов. Из американских авторов он отмечает, кроме названных выше, еще De Witt, Finger, Glasgow, Hemingway, Steele Toomer и Vinslow. В числе выделенных им английских авторов находятся Armstrong, Coppard De-La-Mare Galsworthy, Lawrence и др. Из переводных книг рассказов он отмечает два тома Бунина, Чехова, Гоголя, Лескова, Л. Андреева, Гофмана, Мопассана, П. Морана и др.

Тем же автором в сотрудничестве с I. Cournos выпущен также том лучших английских рассказов (в том же изд-ве).

Впервые в этом году вышел также том лучших пьес, ставившихся в Нью-Йорке в театральный сезон 1923 г. Составитель сборника B. Mantle изд. Small, Maynard and C°.

▫ В конце апреля с. г. в Вашингтоне состоялся конгресс писательниц, созванный национальной лигой американских женщин-литераторов. Лига распадается на ряд секций—романисток, писательниц «коротких рассказов» (новеллисток), драматургов — вплоть до журналисток и «работниц рекламы», т.-е. составительниц всевозможных объявлений и т. д. В конгрессе принимали участие все секции.

▫ В мае назначен в Нью-Йорке съезд основанной Джоном Галсуорти Международной Ассоциации поэтов, драматургов, издателей, публицистов и романистов (P. E. N. Ceub). В качестве русского представителя должен участвовать М. Горький. От Италии—Аннунцио. Англия будет представлена May Sinclair'ом и русск. B. Russel'ем

▫ Конан Дойль выпустил книгу в изд. Little, Brown and C° под названием «Our Second American Adventure», в которой описывает свое посещение Америки в прошлом году, останавливаясь на целом ряде характерных для американской современной жизни явлений.

Художественная литература, биографии, искусство.

▫ Известный американский поэт E. A. Robinson выпустил недавно новую поэму «Человек, который дважды умер» (The man who died twice, изд. Macmillan). Темой поэмы служит трагедия талантливого, пользующегося успехом музыканта, всю жизнь боровшегося за воплощение своего главного произведения. Благодаря внутренним конфликтам он опускается на самое житейское дно и окончательно теряет себя. И тут внезапно он полностью осознает свое произведение, но уже не может его записать.

▫ В числе новых романов, обращающих на себя внимание критики, можно назвать роман E. L. Masters'a «Mirage», изд. Boni and Liveright, трактующий, как и прочие его романы, темы пола. Также можно назвать роман популярного писателя G. Frankau Gerald Granstons Lady (изд. Century C°). Темой служит история буржуазного внутренне разваливающегося брака. Вышел также том рассказов R. Hichens'a «The last time» (Изд-во Doran). Все четыре рассказа этой книги имеют темой психологию женщины.

▫ Изд. Macmillan выпустило перевод романа испанской писательницы Concha Espina, получивший высшую премию испанской академии. Роман называется «Mariflor» и описывает жизнь Maragatas, нищего, подавленного населения бесплодной северной части средней Испании.

▫ Библиотека Техасского университета в апреле открыла выставку, посвященную Байрону. Библиотека богата рукописями Байрона, первыми изданиями, книгами с его надписями и т. д. Каталог этой выставки составлен профессорами Griffith'ом и Jonse'ом.

▫ Изд. Houghton Mifflin Co в Бостоне выпустило биографию и письма известной американской поэтессы Dickinson, скончавшейся в 1886 году. Книга соста-

влена M. Dickinson-Bianchi, племянницей писательницы.

▫ Популярный писатель G. Cannan, совершивший недавно путешествие по Африке, выпустил книгу, полную живых описаний и интересных наблюдений и мыслей. «Letters from a distance» изд. Seltzer'a.

▫ Изд. Macmillan выпускает полное собрание сочинений Йитса (Jeats'a) в шести томах. Пока вышел один том стихов и один — драматических произведений.

▫ Изд. Колумбийского университета выпустило автобиографию Джон-Стюарта Милля, впервые напечатанную с рукописи. «Autobiography of John Stuart Mill».

▫ В изд. Macmillan, под редакцией W. S. Pratt'a, вышел необычайно полный музыкальный энциклопедический словарь. Словарь заключает в себе все музыкальные термины, инструменты, а также биографии музыкантов, начиная с 1700 г. до наших дней. Всюду указана новейшая библиография и в приложениях дан ряд дополнительных сведений.

▫ Rosita Farbes написала биографию известного марокканского вождя Райсули, скончавшегося в прошлом году. Автор специально ездил на родину Райсули и излагает биографию его частью от своего, частью от его имени, таким образом оживив для публики эту чрезвычайно интересную личность. «The sultan of the mountains» изд. Holt and C°.

▫ Из числа выходящих в большом количестве книг о Сарре Бернар можно отметить книгу B. Woon'a, записанную со слов друга С. Б.—M-me Berton. Книга эта претендует быть единственной верной биографией; факты, сообщаемые M-me Berton, будто бы рассказаны ей самой артисткой для опубликования после ее смерти. Несмотря на сомнительный характер некоторых сведений, заключающихся в этой книге, она дает очень любопытный образ С. Б. и ее жизни, книга называется: «The real Sarah Bernhardt whom her audiences never knew». Изд-во Boni and Liveright.

Кино-инсценировки романов.

▫ Широко распространенные в настоящее время в Америке кино-инсценировки романов пополнились рядом нашумевших постановок. В ближайшее время будут инсценированы: поэма Лонгфелло «The courtship of Myles standish», «Давид Копперфильд» Диккенса, «The light that failed» («Свет погас») Киплинга и произведения О. Бальзака, Викт. Гюго, Голсуорти, О'Нейли и др. Издатели используют кино-ленты для иллюстрации переиздаваемых ими одноименных романов, появление которых приурочивается приблизительно к моменту, следующему за просмотром фильм зрителями. После такого просмотра обыкновенно сильно увеличивается спрос на соответствующие книги.

Издания по общественным вопросам.

▫ Книгу об американской фашистской организации Ку-Клукс-Клан написал проф. I. M. Mecklin, дающий в ней исторический очерк возникновения и развития, а также социальные и политические причины, способствовавшие этому «невежественному, реакционному, полному глупейшего провинциализма, предрассудков и самодовольства—как пишет автор книги—движению». Книга вышла в изд-ве Bruce and C°.

▫ Книгу о Вудро Вильсоне биографического и критического характера написал R. E. Annin (вышла в изд-ве Dodd, Meada. C°). Автор дает в общем суровую оценку личности Вильсона, крупных его недостатков, упрекает Вильсона и в авантюризме и в самовлюбленности.

▫ В издательстве Putnam's Sons вышла книга F. Tannenbaum'a, дающая очень полную и яркую картину жизни низших классов южной части С.-А. С. Ш. Часть книги посвящена описанию нравов тюремных поселков и жестокого режима. Другая часть книги посвящена положению рабочих на хлопковых плантациях и мельницах, где, благодаря своеобразным экономическим условиям, они превращаются в совершенных рабов

предпринимателей. Автор касается также расового вопроса и дает главу о распространении на юге Ку-Клукс-Клана. Книга носит название «Darker phases of the south».

▫ В изд. Doran вышла книга J. H. Kebman'a об условиях труда в Индии—«Labour in India». Автора, главным образом, интересуют условия женского труда, и она дает мрачную картину нищеты, голода и болезней. Рецензент литературного приложения Нью-Йорка Таймса останавливается на поразившем его «американский дух» факте, что на фабриках во время работы по углам висят гамаки с ребятами, и матери в любой момент отрываются от работы для ухода за ними, а мужчины—чтоб покурить. Эту разницу в темпе американской и индусской работы рецензент объясняет «истощением индусских рабочих».

▫ Любопытный случай «массового помешательства» трактует недавно вышедшая книга «Days of delusion» C. E. Sears'a. Помешательство это, охватившее в 1843 году свыше чем четыре провинции, было вызвано проповедником William'ом Miller'ом, пророчившим конец света. Дело доходило до того, что люди, побросав на произвол судьбы поля, раздарив имущество, облачались в саваны и влезали на деревья и возвышения, ожидая вознесения на небо. Книга, не дающая, к сожалению, никаких обобщающих выводов, богата материалами и рисует интересную фигуру самого Miller'a, большую часть своей жизни бывшего фермером. В качестве иллюстраций даны репродукции распространявшихся в то время рисунков и таблиц, предвещавших светопреставление. Книга вышла в изд. Haughton Mifflin C°.

▫ На объявленный недавно E. W. Bok конкурс лучшего проекта «умиротворения всего мира» последовало 22 тысячи ответов (!). По словам члена комиссии E. Lape лишь 8 тысяч могли быть рассмотрены, остальные были бессвязной болтовней. Эти 8 тыс. проектов, во многом между собой схожих, можно подразделить на три группы: политическую, экономическую и воспитательную. Экономическая группа сравнительно мала, и в большинстве случаев проекты обнаруживают малую осведомленность авторов с эконом. вопросами. Воспитательные проекты в большинстве либо фантастичны, либо банальны. 20 лучших проектов вышли отдельной книгой с предисловиями E. Bok и E. Lape в изд. Scribners Sons. Премия предоставлена Ch. Levermore.

Книги о России. Переводы. Выставка русских художников.

▫ Профессор истории A. L. P. Dennis выпустил в изд. Dutton and C° книгу об иностранной политике России, начиная с 1917 года до настоящего момента «The foreign policies of Soviet Russia». Книга написана во враждебном СССР тоне.

▫ Очень серьезную и полную работу о русской кооперации выпустила E. T. Blank («Cooperative movement in Russia» изд. Macmillan'a). Часть книги посвящена обзору исторического развития кооперации, но большая часть—кооперации в Сов. России до и при нэпе. Рецензент в Литер. прилож. Нью-Йорк Таймс от 13 апреля отмечает, что книга эта, основанная на фактическом материале и статистических данных и чуждая какой-либо полит. тенденции, является откровением для американской публики, от которой внутреннее развитие Сов. России скрывалось или сознательно искажалось.

▫ В Нью-Йорке в Grand Central Palace сейчас происходит выставка произведений русских художников за последние 25 лет. Выставка организована самими русскими художниками и насчитывает около 1000 экспонатов. Представлены художники групп Мира Искусств, Бубнового Валета, Московской Ассоциации и других. В приложении Нью-Йорк Таймс от 9 марта помещена большая статья о выставке. Автор статьи излагает содержание книги L. Réau «L'art Russe de Pierre le Grand à nos jours» в части ее, относящейся к эпохе, представленной на выставке. Излагаются им также статьи Игоря Грабаря и Ильи Толстого о выставке.

▫ В майском номере журнала «Asia» помещена статья M. Eastman'a о «Русской душе и русском языке». Автор оспаривает установившееся предста-

вление о «темной, мрачной, таинственной, страстной» русской душе.

▫ В весеннем номере «Modern Quarterly», выходящем в Балтиморе, между прочим, помещена статья Плеханова «Материализм и искусство» и рассказ Короленко «Ночные огни».

▫ Американский критик M. Komroff поместил в литературном приложении к Нью-Йоркскому «Times» интересную статью о перспективах американского романа и новеллы. Критик считает, что американская литература, следуя традициям французской, и в особенности английской, не найдет своего самобытного пути. Исходя из сравнения Америки и России, их сходства в смысле огромных географических размеров, многочисленности народностей, населяющих каждую из них, и т. д., он считает, что американский роман должен следовать русскому в его основном различии с европейским. Это основное различие критик видит в том, что европейский роман в противоположность русскому биографичен, занят одним лицом, даже в тех случаях, когда в основе романа лежит идея. Почти все европейские романы, говорит Komroff,—с успехом могут быть озаглавлены именами их героев, как озаглавлен диккенсовский «Копперфильд» или Флоберовская «Мадам Бовари» или Уайльдовский «Дориан Грэй». Русский же роман, начиная с Гоголя или еще раньше — с Пушкина ушел от романа биографии, как принципа, к роману воплощающему в себе идею, даже тогда, когда он воплощает ее в одном человеке.

▫ G. Cannan перевел пьесу Арцыбашева «Дикарь». Перевод вышел в изд. Boni and Liveright.

▫ Изд. Macmillan выпустило том пьес Тургенева в переводе M. S. Mandell.

▫ В изд. Little Brown and C° вышел перевод книги Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Перевод выполнен I. I. Robbin.

▫ Книгу о Сибири и ее богатствах написал C. G. F. Channing (Чэннинг), дающий в книге картину необычайных возможностей для мирового хозяйства заключенных в Сибири. Изд. Putnam'a. Нью-Йорк. К книге приложены карты.

РУССКАЯ Б—КА В ВАШИНГТОНЕ.

▫ В Вашингтоне находится в качестве составной части Национальной Библиотеки Конгресса русская б—ка, собранная сибиряком Г. В. Юдиным. Библиотека включает несколько сот тысяч документов и архивных материалов, рукописных и др. по русской истории, литературе и культуре. Кроме того, в ней находится свыше 80.000 томов русских книг, в том числе множество старейших и редчайших. В 1907 году это книгохранилище сибирского купца и промышленника было закуплено у него за 40.000 долларов и вывезено в Америку американским правительством. По прибытии в Америку выяснилась громадная ценность б—ки, во много раз превосходящая уплаченную сумму. Б—ка Конгресса, включив это собрание в обособленном виде в свой состав, постановила считать собрание «даром» Г. Юдина. Большинство материалов библиотеки не обследовано до сих пор. Во главе ее стоят П. П. Спик и М. З. Винокуров.

ОТ РЕДАКЦИИ.

За неимением места в настоящей книге редакция вынуждена была отказаться от помещения списка поступивших в редакцию на отзыв книг. Список этот будет дан в следующей книге.

Государственное Издательство. *Отв. редактор Вяч. Полонский.*